

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 6 (69)

ОРЕЛ – 2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 6 (69)

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии), Хованская Е.А. (технический секретарь редакционно-издательской коллегии), Александрова А.П., Айзенштат М.П., Антонова М.В., Арзаканян М.Ц., Арсентьева Н.Н., Беднарская Л.Д., Видмарович Н.П., Гелла Т.Н., Зайченкова М.С., Иванов А.Е., Изотов В.П., Ковалев П.А., Ларионова Л.Г., Литвин Ф.А., Львова С.И., Маймескулова А.Л., Минаков С.Т., Михальченко С.И., Михеичева Е.А., Никонова Т.А., Новиков С.Н., Образцов П.И., Пастернак Е.Л., Погосян В.А., Поншон Т., Ретинская Т.И., Тамин М., Тер-Минасова С.Г., Уман А.И., Чекова-Демитрова И., Челышева И.И., Черепанова Л.В., Чикалова И.Р. Ши Хуншен, Ямагучи Р.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». – 2015. – №6(69). – 377 с.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель –

ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95
Орловский государственный университет
Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENTIFIC NOTES OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

Vol.6
No.69

OREL – 2015

SCIENTIFIC NOTES

OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

Vol.6 - No.69

Editorial board:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Khovanskaya E.A. (technical secretary of the editorial board), Alexandrova A.P., Isenshtat M.P., Antonova M.V., Arzakanyan M.Ts., Arsent'yeva N.N., Bednarskaya L.D., Vidmarovich N.P., Gella T.N., Zaichenkova M.S., Ivanov A.E., Izotov V.P., Kovalev P.A., Larionova L.G., Litvin F.A., L'vova S.I., Maymeskulova A.L., Minakov S.T., Mikhal'chenko S.I., Mikheicheva E.A., Nikonova T.A., Novikov S.N., Obraztsov P. I., Pasternak E.L., Pogosyan V.A., Ponshon T., Retinskaya T.I., Tamin M., Ter-Minasova S.G., Uman A.I., Chekova-Demitrova I., Chelysheva I.I., Cherepanova L.V., Chikalova I.R., Shi Hunshen, Yamaguchi R.

Series «Humanities and social sciences»

Scientific Notes of Orel State University. Series «Humanities and social sciences»: scientific journal. – Orel: FSBEI HPE «Orel State University». – 2015. – №6(69) – 377 p.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science the journal “Scientific Notes of Orel State University” is included in the list of leading reviewed scientific journals and publications, in which the scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences.

The founder –

FSBEI HPE “Orel State University”
Editorial Office address: 302026, Orel, Komsomolskaya Str., 95
Orel State University
Editorial Office of the journal “Scientific notes of OSU”
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

Содержание

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.В. Антюхов ИСТОРИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ ДО ЛЕГАЛИЗАЦИИ ТЕРМИНА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛСТВЕ (ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ).....	11
Е.А. Антюхова ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ НАТО В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД.....	17
К.В. Бирюкова ХРАМЫ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ.....	25
Т.Н. Гелла У. ГЛАДСТОН, ЛИБЕРАЛЫ И ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1880 ГОДА.....	29
А.Б. Гулярян НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ОРГАНАМИ ГПУ-ОГПУ ДВИЖЕНИЯ ЭСЕРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В 1920-х гг. ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА.....	33
С.А. Жуков СНАБЖЕНИЕ РККА БОЕПРИПАСАМИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ И В ХОДЕ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939-1940 гг.	40
Н.Л. Ильина РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ.....	48
И.Л. Картелёв ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг. В РОССИИ.....	52
А.А. Майоров ВЕРХОВСКАЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОВИНЦИЯ И ЕЕ ВКЛЮЧЕНИЕ В СОСТАВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА.....	56
С.В. Никифоров ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ И КОНЦЕПЦИИ «СОВЕТСКИЙ НАРОД» В РАМКАХ ТЕОРИИ ПАССИОНАРНОСТИ И ЭТНОГЕНЕЗА Л. Н. ГУМИЛЕВА.....	61
М. Соегов УРОЖЕНЕЦ ОРЛА – ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ДОЦЕНТОВ БГУ, ФУНКЦИОНИРУЮЩЕГО С 1919 ГОДА.....	74
А.А. Тениченко РУССКИЕ ВОЕННО-МОРСКИЕ АГЕНТЫ В ЛОНДОНЕ ОБ АНГЛО-ГЕРМАНСКОМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ НА МОРЕ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА).....	79

10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.В. Акимова, Ю.А. Бессонова ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КУРСЕ.....	85
М.В. Антонова СКАЗАНИЯ ОБ ОСНОВАНИИ МОНАСТЫРЕЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ: СИСТЕМА МОТИВОВ.....	89
С.В. Балакин ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ.....	92
А.А. Бельская «ОЛЬФАКТОРНЫЕ КОДЫ» ГЕРОИНЬ РОМАНОВ И.С. ТУРГЕНЕВА 1850-х ГОДОВ.....	97
А.Н. Биткеева, М.Я. Голик ЯЗЫКИ КИТАЯ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ.....	107
Н.Д. Богатырева ФИЛОСОФСКАЯ ПРИРОДА МОРАЛИ В ДРАМАХ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА И АЛЬБЕРА КАМЮ (ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ).....	113
Н.М. Болохонцева К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ СТРАТЕГИЯХ ПОВЕДЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ В СИТУАЦИЯХ КОММУНИКАТИВНОГО КОНФЛИКТА.....	117
М.В. Глазунов СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ ЦЕЛИ.....	120
О.А. Головачева КАТЕГОРИЯ СВОЙ – ЧУЖОЙ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.С. ЛЕСКОВА.....	124
И.Н. Ефимова ПИСЬМА СИБИРЯКОВ К Х. М. ЛОПАРЕВУ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ СИБИРИ.....	129
В.П. Изотов, И.В. Изотова КОГДА ВСЁ НАИЗНАНКУ, ИЛИ АНОНИМНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛИТЕРАТУРЫ.....	133
Е.В. Илова, А.В. Олянич СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕАТРАЛЬНОГО ЗНАКА.....	137
В.В. Карапец ТОЧКА С ЗАПЯТОЙ В РОМАНЕ Г. ФЛОБЕРА «ГОСПОЖА БОВАРИ» И В ЕГО РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ.....	140
А.М. Комарова ЕЩЕ РАЗ О СТАТУСЕ ПРЕДЛОГА.....	147
М.А. Комова О ДАТИРОВКЕ «СКАЗАНИЯ О НИКОЛЕ НОВОСИЛЬСКОМ».....	151
М.А. Коробко ЖАНР В ФАНФИКШН: ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФАНДОМОВ «ШЕРЛОК», «МЕРЛИН», «СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ»).....	154
Е.М. Мартынова АНОМАЛИИ ОЛЬФАКТОРНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	158
Н.А. Мартынова ВЫБОР СПОСОБОВ НОМИНАЦИИ ПРИ ИМЕНОВАНИИ РЕАЛИЙ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА.....	162
М.И. Маслова РАННИЕ ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И «ПОВЕСТЬ О СОНЕЧКЕ» М.И. ЦВЕТАЕВОЙ: МОТИВЫ, ОБРАЗЫ, СТИЛЬ.....	165
И.В. Матыцина ДОКУМЕНТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	172

Н.А. Меркурьева СИМВОЛИКА СВЕТА В ПОЭТИКЕ М.М. ПРИШВИНА	180
Е.Н. Митрофанова ИНТОНАЦИОННЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ АНГЛИЙСКОГО НЕОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ	183
Е.А. Михеичева «ЧЕХОВИАНА» БУНИНА И НАБОКОВА	187
Д.Р. Насырова ПРИНЦИПЫ КУБИЗМА В ПОЭЗИИ Э. Э. КАММИНГСА	191
Н.Е. Никонова, Ю.С. Серягина ПОЭЗИЯ Н. ЛЕНАУ НА СТРАНИЦАХ СИБИРСКОЙ ПЕРИОДИКИ НАЧАЛА XX В.: РЕЗОНАНСЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ	196
Л.М. Петрова АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В ПОВЕСТИ И.С.ТУРГЕНЕВА «ФАУСТ»	201
Е.В. Проскурякова ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ В ЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ И ИХ АНАЛИЗ ПО КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ МОДЕЛИ АКТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА ПОСЛОВИЦЫ В ДИСКУРСЕ	206
Л.П. Семенов, Л.Н. Семенов НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОРАХ КОММУНИКАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ.	210
Е.В. Урядникова СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ С.Я. ПАРНОК)	215
13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
А.А. Аксёнов СУЩНОСТЬ ЭВРИСТИЧЕСКИХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ И СПЕЦИФИКА ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОБУЧЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ	219
Е.А. Алдошина, А.В. Алдошин, Л.И. Иванова ТЕХНОЛОГИИ, КРИТЕРИИ, ПОКАЗАТЕЛИ СФОРМИРОВАННОСТИ САМОПОЗНАНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ ПСИХОФИЗИЧЕСКИМ СОСТОЯНИЕМ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ.	224
С.Ю. Бубнова, В.А. Андриеш ТЕХНОЛОГИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ К СОВМЕСТНОЙ РАБОТЕ С РОДИТЕЛЯМИ	227
И.Ю. Гнездилова НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ДЛЯ РАБОТЫ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА	230
Н.А. Гончарова, М.А. Гончарова НЕОБХОДИМОСТЬ ИНТЕГРАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ РФ В ИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ	234
Т.В. Дмитриевская ШКОЛА ЖУРНАЛИСТОВ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИЕЙ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО МЫШЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ.	238
Е.В. Миронова ГРАФИКА КАК СРЕДСТВО АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ	242
А.С. Парфенов ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПРОФИЛИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА	245
Л.К. Проскурякова, Н.Н. Морозова МОНИТОРИНГ МОБИЛЬНОСТИ НЕПРЕРЫВНОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ	248
А.А. Русаков О ПРЕПОДАВАНИИ МАТЕМАТИКИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	255
И.Р. Рыбина ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ СТУДЕНТОВ – БАЗОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА ГУМАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.	259
Д.В. Степаненков ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	262
А.А. Сухорукова ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-ЦЕННОСТНОГО ПОДХОДА В ВЕДОМСТВЕННОМ ВУЗЕ	267
Т.В. Тимохина ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ К РАБОТЕ В ИНКЛЮЗИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ.	270
И.М. Туревский, А.Ю. Фролов, Г.А. Петрушина, О.Б. Серегина, Л.В. Тарасенко, В.Н. Бородаенко ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ К СДАЧЕ НОРМ КОМПЛЕКСА ГТО	274
Н.И. Федорова СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	278
О.В. Филатова СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В ПЕНИТЕНЦИАРНОМ УЧРЕЖДЕНИИ	281
И.В. Хрипунов, О.И. Марков, Ю.В. Хрипунов О ПРОБЛЕМЕ ИНТЕГРАЦИИ ШКОЛЬНОГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ И ВУЗА.	287
М.А. Яроватая, А.А. Таканаев, Е.И. Юшкова ИЗУЧЕНИЕ N-ГАЛОИДАМИНОВ КАК ОСНОВА ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА ПО БИОХИМИИ «МЕХАНИЗМЫ ПАТОГЕНЕЗА БОЛЕЗНЕЙ».	291
ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
М.В. Антонова ЖИТИЕ ТИХОНЫ КАРАЧЕВСКОГО: ИСТОЧНИКИ И СПЕЦИФИКА СОДЕРЖАНИЯ.	294
Е.Ю. Бутырина УПОТРЕБЛЕНИЕ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РОМАНЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА «ДАЛЬНИЙ КРАЙ»	297
А.В. Васютин ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРАДИЦИИ И НОВЕЛЛЫ.	299
О.А. Верещагин, Н.Е. Белова ФРЕЙМ-АНАЛИТИКА: ОПЫТ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	302

Л.И. Губарева, С.В. Баранова ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРЕДСТАВЛЕНИИ И ОБРАБОТКЕ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ	307
М.В. Жульков ГЛОБАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ: ОНТОЭНЕРГИЙНЫЙ АСПЕКТ	312
И.И. Комиссаров ОРГАНИЦИСТСКАЯ МОДЕЛЬ ГСПЕНСЕРА: АКТУАЛЬНОСТЬ ПОДХОДА	320
М.А. Комова О СПИСКАХ ТЕКСТА «СКАЗАНИЯ О НИКОЛЕ МЦЕНСКОМ»	326
Д.В. Кукушкин, Т.Н. Васина, Е.Н. Толмачёва, С.Н. Ставцева ДИНАМИКА ЧАСТОТЫ СИНДРОМА ДАУНА У ДЕТЕЙ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ, КЛИНИЧЕСКИ ВАРИАНТЫ ПАТОЛОГИИ, МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ	331
Л.А. Мурзанова САМОБЫТНОСТЬ КАК КОНЦЕПТ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ	334
Г.Ф. Назарова, А.В. Фокина РУССКИЙ МИР: ОБНОВЛЕНИЕ ПОДХОДОВ К КОНЦЕПЦИИ	338
С.В. Никифоров РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ МЕТОДА Л. Н. ГУМИЛЕВА	344
Л.П. Семененко КОСВЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ: В ПОИСКАХ ЭКСПЛИЦИТНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ	352
А.А. Таканаев, Е.И. Юшкова, М.А. Яроватая ИЗУЧЕНИЕ БИОТРАНСФОРМАЦИИ N-НИТРОЗАМИНОВ КАК ИНТЕРАКТИВНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ЛЕКЦИОННОМУ КУРСУ ПО БИОХИМИИ	355
А.А. Титов ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВА ОТДЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ В ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ПРАВА ВЫБОРА ОСНОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ПО ДОГОВОРУ СОЦИАЛЬНОГО НАЙМА	359
В.И. Тихий СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ В РЕГИОНЕ	363
Т.П. Урожаева ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-е гг.	366
РЕЦЕНЗИИ	
С.А. Бубнов, П.А. Ковалев НОВАЯ КНИГА О ЕСЕНИНЕ	371
КОНФЕРЕНЦИИ	
В.П. Изотов ОРЛОВСКОЕ ВЫСОЦКОВЕДЕНИЕ	373
Е.А. Михеичева К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОГО ПОЭТА	374
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ	375
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ	376

Contents

07.00.00 – HISTORICAL SCIENCES

Y.V. Antyukhov HISTORY OF INTERPRETATION OF CONCEPT OF EXTREMISM IN RUSSIA BEFORE TERM LEGALIZATION IN THE DOMESTIC LEGISLATION (HISTORICAL RETROSPECTION)	11
E.A. Antiukhova FORMATION OF NATO STRATEGY DURING THE POST-BIPOLAR PERIOD	17
K.V. Biryukova TEMPLES OF THE RUSSIAN SPIRITUAL MISSION IN CHINA	25
T.N. Gella W. GLADSTONE, LIBERALS AND THE GENERAL ELECTION 1880	29
A.B. Gularyan NEUTRALIZATION BY ORGANS OF GPU-OGPU OF MOVEMENT OF SOCIAL REVOLUTIONARIES IN THE TERRITORY OF OMSK AND OREL PROVINCES IN THE 1920TH. EXPERIENCE OF THE COMPARATIVE ANALYSIS.	33
S.A. Zhukov THE AMMUNITION SUPPLY OF THE WORKERS AND PEASANTS' RED ARMY FORCES DURING THE PREPARATION AND IN THE COURSE OF THE SOVIET-FINNISH WAR OF 1939-40.	40
N.L. Ilyina RUSSIAN EMIGRATION IN WEIMAR GERMANY: SOCIO-PSYCHOLOGICAL PORTRAIT	48
I.L. Kartelyov THE INTELLIGENTSIA IN THE REVOLUTION OF 1905-1907 IN RUSSIA.	52
A.A. Mayorov HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL PROVINCE OF THE UPPER REACHES OF THE OKA RIVER AND ITS INCLUSION INTO THE COMPOSITION OF RUSSIAN STATE	56
S.V. Nikiforov ETHNO-POLITICAL AND HISTORICAL ESSENCE OF THE NOTION AND THE CONCEPT OF «SOVIET PEOPLE» IN GUMILEV'S THEORY OF PASSIONARITY AND ETHNOGENESIS.	61
M. Soyegov THE NATIVE OF OREL – ONE OF THE FIRST SENIOR LECTURERS OF BSU, FUNCTIONING SINCE 1919.	74
A.A. Tenichenko THE GERMAN-ENGLISH RIVALRY IN THE SEA IN THE END OF THE 19TH AND THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY IN VIEWS OF THE RUSSIAN NAVAL ATTACHES IN LONDON (ON THE BASIS OF MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF NAVY FLEET).	79

10.00.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES

N.V. Akimova, J.A. Bessonova FEATURES OF INTERACTIVE TEACHING IN THE LINGUISTIC COURSE	85
M.V. Antonova STORIES ABOUT THE FOUNDING OF MONASTERIES IN REGIONAL ORAL AND WRITTEN TRADITIONS: THE SYSTEM OF MOTIVES.	89
S.V. Balakin PROPOSITIONAL BASIS OF FORMATION OF PREFIXED VERBS IN FRENCH AND PORTUGUESE	92
A.A. Belskaya “OLFACTORY CODES” OF FEMALE CHARACTERS IN TURGENEV’S NOVELS OF THE 1850	97
A.N. Bitkeeva, M.Ya. Golik LANGUAGES OF THE PEOPLE’S REPUBLIC OF CHINA: SOCIOLINGUISTIC PORTRAY.	107
N.D. Bogatyreva PHILOSOPHICAL ESSENCE OF THE MORALS IN THE PLAYS OF LEONID ANDREYEV AND ALBERT CAMUS (EXISTENTIAL ASPECT).	113
N.M. Bolochontseva ABOUT POSSIBLE BEHAVIOUR STRATEGIES OF COMMUNICANTS IN COMMUNICATIVE CONFLICT SITUATIONS.	117
M.V. Glazunov SEMANTIC TYPES OF COMPLEX SENTENCES WITH THE CLAUSES OF PURPOSE	120
O.A. Golovacheva CATEGORY IT – STRANGER AND LINGUISTIC MEANS OF ITS EXPRESSION IN N. S. LESKOV’S EARLY JOURNALISM	124
I.N. Efimova THE LETTERS OF SIBERIANS TO H. M. LOPAREV AS ONE OF SOURCE OF RUSSIAN SIBERIAN DIALECTS	129
V.P. Izotov, I.V. Izotova WHEN EVERYTHING IS INSIDE OUT, OR THE ANONYMOUS MANAGEMENT THROUGH THE PRISM OF LITERATURE	133
E.V. Ilova, A.V. Olyanitch ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF THEATRICAL SIGNS.	137
V.V. Karapets SEMICOLON IN G. FLAUBERT’S NOVEL “MADAME BOVARY” AND IN ITS RUSSIAN TRANSLATIONS	140
A.M. Komarova ONCE AGAIN ABOUT THE STATUS OF THE PREPOSITION	147
M.A. Komova ON THE DATING OF «THE LEGENT OF NICOLA NOVOSILSKY».	151
M.A. Korobko GENRE IN FANFICTION: THE PATTERNS OF USAGE (BASED ON FANDOMS «SHERLOCK», «MERLIN», «SUPERNATURAL»)	154
E.M. Martynova ANOMALIES OF OLFACTORY BEHAVIOUR	158
N.A. Martynova CHOICE OF NOMINATING WAY OF REALIAS OF LEGAL DISCOURSE	162
M.I. Maslova THE EARLY STORIES BY F.M. DOSTOYEVSKY AND «THE STORY ABOUT SONECHKA» BY M. I. TSVETAeva: MOTIVES, IMAGES, STYLE	165
I.V. Matysina DOCUMENT AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH	172

N.A. Merkurjeva THE SYMBOLISM OF LIGHT IN M. M. PRISHVIN'S POETICS	180
E.N. Mitrofanova INTONATION CONDITIONS FOR THE REALIZATION OF THE FULL PHONETIC FORM OF THE ENGLISH INDEFINITE ARTICLE	183
E.A. Mikheicheva BUNIN AND NABOKOV'S "CHEKHOVIANA"	187
D.R. Nasyrova CUBIST PRINCIPLES IN E.E. CUMMINGS' POETRY	191
N.E. Nikonova, Y.S. Seriagina THE POETRY OF N. LENA IN SIBERIAN PERIODICALS IN THE EARLY OF THE 20TH CENTURY: RESONANCES OF TRANSLATIONAL PERCEPTION	196
L.M. Petrova AXIOLOGICAL DOMINANTS IN I.S. TURGENEV'S NOVEL «FAUST»	201
E.V. Proskuriakova PROVERBS USAGE IN THE HEADINGS OF NEWSPAPER ARTICLES AND THEIR ANALYSIS BASED ON THE COGNITIVE-DISCURSIVE MODEL OF PROVERB MAING ACTUALIZATION IN DISCOURSE	206
L.P. Semenenko, L.N. Semenenko REMARKS ON LANGUAGE SYSTEM FACTORS IN THE COMMUNICATIVE CONTENT OF AN UTTERANCE	210
E.V. Uryadnikova FAMILY OF WORDS IN POETIC SPEECH (BASED ON S.Y. PARNOK'S POETRY)	215

13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

A.A. Aksyonov THE ESSENCE OF HEURISTIC MATHEMATICAL PROBLEMS AND SPECIFICITY OF THEIR USE IN TEACHING STUDENTS	219
E.A. Aldoshina, A.V. Aldoshin, L.I. Ivanina TECHNOLOGY, CRITERIA AND INDICATORS OF FORMATION OF SELF-DISCOVERY AND SELF-PSYCHO-PHYSICAL CONDITION OF STUDENTS IN THE EDUCATIONAL SPACE OF PHYSICAL TRAINING.	224
S.U. Bubnova, V.A. Andriesh APPLICATION TECHNOLOGY OF SOCIAL ADVERTISING IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING OF BACHELORS TO COWORK WITH PARENTS.	227
I.Yu. Gnezdilova SOME ASPECTS OF TRAINING MASTER OF SOCIAL WORK FOR THE WORK IN THE PRISON SYSTEM BASED ON COMPETENCE APPROACH	230
N.A. Goncharova, M.A. Goncharova NECESSITY OF INTEGRATION OF THE EDUCATION SYSTEM OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THEIR SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT	234
T.V. Dmitrovskaya THE SCHOOL OF JOURNALISTS WITH ECONOMIC SPECIALIZATION AS A MECHANISM OF FORMATION OF INNOVATIVETHINKING IN THE SPHERE OF ECONOMY	238
E.V. Mironova GRAPHICS AS AUTOMATION AID OF STUDENTS DESIGN ACTIVITY	242
A.S. Parfenov PHYSICAL CULTURE OF PROFILED EDUCATION IN THE TECHNICAL UNIVERSITY	245
L.K. Proskouryakova, N.N. Morozova THE MONITORING OF A PERMANENT MATH INSTRUCTION MOBILITY IN A TECHNICAL HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION	248
A.A. Rusakov ON TEACHING MATHEMATICS IN THE CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF MATHEMATICAL EDUCATION	255
I.R. Rybina THE STUDENTS' HEALTHKEEPING IS THE BASIC POINT OF THE PROCESS OF HUMANIZATION OF HIGHER EDUCATION	259
D.V. Stepanenkov THE PEDAGOGICAL CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF PROBLEM EDUCATION TECHNOLOGY IN THE TEACHING OF PHILOSOPHY IN THE HIGHER EDUCATION	262
A.A. Suhorukova ACTION-VALUE APPROACH REALIZATION P OF ECULIARITIES IN DEPARTMENTAL INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION.	267
T.V. Timokhina THE ORGANIZATIONAL TECHNOLOGICAL AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF THE TRAINING FOR THE SPECIALISTS THAT WORK IN INCLUSIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT	270
I.M. Turevsky, A.Yu. Frolov, G.A. Petrushina, O.B. Seregina, L.V. Tarasenko, V.N. Borodaenko PREPARING STUDENTS FOR THE STANDARDS SET «READY FOR LABOR AND DEFENSE (RLD)»	274
N.I. Fedorova THE IMPROVING OF THE SYSTEM OF TRAINING OF SPECIALISTS IN THE FIELD OF THE ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE.	278
O.V. Filatova THE ESSENCE AND CONTENT OF PROFESSIONAL CULTURE OF A SPECIALIST IN SOCIAL WORK AT THE PRISON	281
I.V. Hripunov, O.I. Markov, Y.V. Hripunov ABOUT THE PROBLEMS OF INTEGRATION OF SCHOOL AND HIGHER EDUCATION ON THE EXAMPLE OF THE INTERACTION SYSTEM OF ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN AND THE UNIVERSITY	287
M.A. Yarovataya, A.A. Takanaev, E.I. Yushkova THE STUDY OF N-ALKYLHALIDESAMINES AS THE BASIS OF THE ELECTIVE COURSE IN BIOCHEMISTRY "MECHANISMS OF DISEASE PATHOGENESIS"	291

DISSERTATION RESEARCH

M.V. Antonova HAGIOGRAPHY OF ST. TIKHON KARACHEVSKY: SOURCES AND CONTENT SPECIFICITY	294
E.Y. Butyrina THE USE OF COMPOUND SENTENCES IN B.K. ZAITSEV'S NOVEL «DISTANT LAND»	297
A.V. Vasyutina INDEMNIFICATION BY THE CIVIL LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: TRADITION AND NOVEL	299
O.A. Vereshchagin, N.E. Belova FRAME-ANALYTICS: THE EXPERIENCE OF EPISTEMOLOGICAL RESEARCH	302

L.I. Gubareva, S.V. Baranova INNOVATIVE FORMS OF TRAINING: THE METHODOLOGY OF APPLICATION OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE PRESENTATION AND PROCESSING OF ACCOUNTING AND ANALYTICAL INFORMATION	307
M.V. Zhulkov THE GLOBAL EVOLUTION OF CONSCIOUSNESS: ONTOENERGETIC ASPECT	312
I.I. Komissarov THE H.SPENCER ORGANICISTIC MODEL: URGENCY OF APPROACH	320
M.A. Komova ABOUT THE TEXT «LEGENDS ABOUT NIKOLA MTSSENSK»	326
D.V. Kukushkin, T.N. Vasina, E.N. Tolmacheva, S.N. Stavtseva DYNAMICS OF FREQUENCY OF DOWN'S SYNDROME IN CHILDREN OF OREL REGION, CLINICAL VARIANTS OF PATHOLOGY, MEDICAL AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT	331
L.A. Murzanova ORIGINALITY AS A CONCEPT OF RUSSIAN PHILOSOPHY	334
G.F. Nazarova, A.V. Fokina RUSSIAN WORLD: THE RENEWAL OF APPROACHES TO THE CONCEPTION	338
S.V. Nikiforov THE ROLE OF PERSONALITY IN HISTORY. L.N.GUMILEV'S INTERDISCIPLINARY METHOD	344
L.P. Semenenko INDIRECT SPEECH ACT: IN SEARCH OF EXPLICIT DEFINITION	352
A.A. Takanaev, E.I. Yushkova, M.A. Yarovataya THE STUDY OF N-NITROSAMINES BIOTRANSFORMATION AS AN INTERACTIVE PART OF THE LECTURE COURSE IN BIOCHEMISTRY	355
A.A. Titov THE RELATIONSHIP OF INDIVIDUAL CATEGORIES OF CITIZENS' RIGHT TO APPEAL TO PUBLIC AUTHORITIES AND THE RIGHT TO CHOOSE A BASE OF LIVING SPACE ON THE SOCIAL RENT AGREEMENT.	359
V.I. Tikhii SOCIAL DEMOGRAPHIC POLARIZATION IN THE REGION	363
T.P. Urozhaeva ECOLOGICAL AND MEDICAL-DEMOGRAPHIC PROBLEMS CITIES OF THE IRKUTSK REGION IN THE 1990S.	366

Ю.В. АНТЮХОВ

старший преподаватель, кафедра истории
государства и права, Орловский государственный
университет
E-mail: yuri2007a@yandex.ru

Y.V. ANTUKHOV

Senior Lecturer, Department of History of State and Law,
Orel State University
E-mail: yuri2007a@yandex.ru

ИСТОРИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ ДО ЛЕГАЛИЗАЦИИ ТЕРМИНА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ)

HISTORY OF INTERPRETATION OF CONCEPT OF EXTREMISM IN RUSSIA BEFORE TERM LEGALIZATION IN THE DOMESTIC LEGISLATION (HISTORICAL RETROSPECTION)

В российское историческое пространство понятие экстремизма пришло в начале XX века. Национальный корпус русского языка позволяет отследить момент появления и периоды наибольшего использования в русском языке понятия «экстремизм», которое употреблялось в широком не только политическом историческом контексте. Частотность употребления понятия на протяжении XX века имела несколько взлетов и падений, связанных, прежде всего, с общественной потребностью маркировки наиболее исторически острых периодов отечественной истории. Однако постепенно понятие экстремизма занимает довольно значительную нишу в русском языке, а в дальнейшем она только увеличивается с момента его легализации в российском праве.

Ключевые слова: экстремизм, революционный экстремизм, политический экстремизм, русский радикализм, коммунистический экстремизм, биологический экстремизм, эволюционный экстремизм.

The concept of extremism has come to the Russian historical space in the beginning of the XX-th century. The national corpus of Russian language allows to trace the moment of occurrence and the periods of the greatest use in Russian of concept extremism which was used in a wide not only political historical context. Rate of the use of concept throughout the XX-th century had some launches and the falling connected, first of all, with public requirement of marks most historically of the sharp periods of domestic history. However gradually the concept of extremism occupies considerable enough niche in Russian, and further it only increases from the moment of its legalization in the Russian law.

Keywords: extremism, revolutionary extremism, political extremism, Russian radicalism, communistic extremism, biological extremism, evolutionary extremism.

История понятия «экстремизм» в России начинается с XX века. Следует отметить, что этот термин в нашей стране стал активно использоваться для обозначения приверженности к крайним взглядам и мерам на заре XX века.

Полезную информацию об использовании понятия экстремизма в России предоставляет Национальный корпус русского языка [14]. Опираясь на его данные, можно проследить распределение по годам или частоту (на миллион словоформ) использования слова «экстремизм» в русском языке, а также оттенки значения, которые имело понятие в определенные исторические периоды.

Впервые слово «экстремизм» зафиксировано в 1917 г. С этого времени начинается первый интенсивный период его использования, который закончился в 1931 г. Пик наибольшего употребления слова пришелся на 1924 г. (1924: 0.67232).

Второе появление слова зафиксировано национальным корпусом русского языка в 1944 г. Для данного периода характерно менее интенсивное его использования по сравнению с первым периодом. Однако с 1945 г. по

1951 г. приходится довольно широкое его применение в русском языке (1945-1951: 0.14828). Закончился данный отрезок использования слова «экстремизм» в 1952 г.

Третье появление слова в русском языке зафиксировано Национальным корпусом русского языка в 1966 г. Третий период – наиболее интенсивный, имеет несколько вершин максимально частого использования слова. Этот период еще не закончился и продолжается вплоть до настоящего времени. Выделяются два пика употребления слова в 1988 г. и 2001 г. (период самого интенсивного использования слова «экстремизм» в русском языке за всю его историю) (1988: 1.04736; 2001: 1.33123). Между 1988 и 2001 годами наблюдается наибольший спад интереса и употребления понятия, который пришелся на 1995 г. (1995: 0.36142), но затем можно наблюдать рост популярности понятия и его широкого использования носителями языка. После 2001 года употребление слова пошло на спад, который длится вплоть до настоящего времени.

Понятие экстремизма в русский язык в относительно широкий оборот было привнесено из-за рубежа, не только в прямом, но и в переносном смысле. Первые

примеры использования слова в русском языке можно обнаружить в работах сменовеховцев Ю.В. Ключникова и Н.В. Устрялова в 1921 году, в опубликованных ими работах за пределами России. Понятие экстремизма, с позиции сменовеховцев, тесно связано с событиями революции 1917 года и гражданской войны.

В статье «Смена вех» (1921) Ю.В. Ключников написал: «Во имя преодоления экстремизма сами превращаются в экстремистов, но наизнанку, что еще хуже: белый экстремизм – это озверелое желание, чтобы от революции остались одни только разрушения, и чтобы ценою их решительно ничего не было создано» [1]. Н.В. Устрялов в статье «Patriotica» замечал: «Отсюда – ее “вихревой” облик, ее “экстремизм”, типичный для всякой великой революции. Но отсюда же и неизбежность ее “неудачи” в сфере нынешнего дня» [1]. Вышеупомянутые работы были написаны и опубликованы за границей. Они имеют скорее публицистический оттенок, несмотря на то, что авторы стремятся следовать строгому научному изложению. В первой цитате идет речь о «белом экстремизме», который характеризует крайности белого движения, и отмечается одна из наиболее характерных черт явления – экстремизм легко переходит из одной крайности в другую, что автор и подчеркивает. Любые попытки преодоления экстремизма насильственными мерами приводят или превращаются в новый полярный антагонистический экстремизм. Во второй цитате экстремизм связывается с событиями революции, которые имеют продолжение в современности. В данной цитате автор делает выводы, которые выходят за рамки революционных событий. Он отмечает, что революционный экстремизм не приводит к положительным результатам, но более того, его последствия – неизбежные «неудачи» в настоящем. Таким образом, можно с большой степенью вероятности утверждать, что в русский язык термин «экстремизм» попал практически сразу же после кульминационных исторических событий начала XX века и имеет к ним непосредственное отношение. Первыми, кто обратил внимание на экстремизм, присущий событиям, связанным с русской революцией, были россияне, покинувшие страну и пытающиеся переосмыслить «переломную эпоху» и ее последствия.

Известный сменовеховец Ю.В. Ключников, упомянутый выше, в 1922 году в своей книге «На великом историческом перепутье» неоднократно использует понятие экстремизма, связывая его с революционными событиями в России. Автор развивает собственную концепцию понимания русской революции и расширяет возможности термина. Появляется экстремизм политический, противопоставляемый эволюционному пути развития общества, которое могло бы, по мнению автора, «гладко и планомерно» решить проблемы, от которых революция стремится избавить общество посредством экстремизма. В предисловии автор написал: «Избавить от нее (мировой революции) человечество может лишь быстрая, энергичная, искренняя и талантливая эволюция, которая гладко и планомерно выполнила бы все то, что жизнь стремится завоевать себе в бур-

ных и кровавых приступах политического экстремизма» [2]. В своем труде Ю.В. Ключников еще несколько раз использует понятие «экстремизм», но в различных контекстах: «Мы проследим замечательное сцепление соотношений между Моралью, Правом и Политикой, с одной стороны, и между духом консерватизма, либерализма и революционного экстремизма – с другой; между режимами монархическим, республиканским и советским и (соответственно) между империализмом, федерализмом и рабочим интернационализмом; – между социологическими принципами неравенства, равенства и единства и между идеалами аристократов, демократов и социалистов» [2]. Ю.В. Ключников связывает понятие экстремизма с определением революционный и, таким образом, придает революции безусловно негативный оттенок. Стоит помнить, что явление русской революции долго носило позитивный смысловой оттенок. Автор резко «повышает градус» публицистичности текста с помощью словосочетания «революционный экстремизм», усиливая смысловую нагрузку на весь контекст, объединяя, на первый взгляд, несопоставимые вещи.

В другом месте Ю.В. Ключников написал: «С полным основанием можно утверждать поэтому, что Вильсон одинаково близок и одинаково чужд как революционному экстремизму, так и консерватизму» [2]. Автор в этом случае соотносит революцию с одной из исторических крайностей, противопоставляя ее консерватизму. Антитеза революционного экстремизма консерватизму обнаруживает положительные коннотации экстремизма, ставит его в ряд традиционных политических понятий. В некотором роде экстремизм, с точки зрения автора, постепенно становится обыденной частью русского исторического пейзажа.

Еще дальше можно обнаружить другой текст с упоминанием экстремизма: «Почему не допустить, что именно России и только одной России выпадет на долю излечить мир от всех социальных зол капиталистического строя? Такова в своей политической основе мысль Ленина и всего русского революционного экстремизма» [2]. Понятие революционного экстремизма являлось, по мнению автора, существенной частью политической позиции Ленина, которая направлена на борьбу с язвами капитализма не только одной отдельно взятой страны, но и всего мира. В данном случае экстремизму приписывается возможное положительное качество, которое помогает преодолеть недостатки капитализма. Понятие «революционный экстремизм» получает острое противоречивое неоднозначное значение. Сочетание определения «революционный», которое имело скорее положительное значение, с понятием «экстремизм», где доминирует оттенок негативного, давало острый полемичный эффект. В тексте явно ощущаются нотки пропагандистской риторики, которая подкрепляется понятием революционного экстремизма. И еще одна ремарка со словом экстремизм: «Однако, сколько бы экстремизм русского большевизма и Ленина ни был коренным русским, его успехи не зависят исключительно

от событий в России» [2]. Ю.В. Ключников продолжает развивать значение понятие экстремизма, которое он приписывает, с одной стороны, русскому большевизму, а с другой стороны, утверждает что на успехи «коренного русского» экстремизма влияют и международные события. Экстремизм становится глобальным явлением, пустив корни в русской национальной почве.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что первые упоминания об экстремизме связаны в первую очередь с развитием российской политической мысли за рубежом, попытками осмыслить последствия революции 1917 года и ее влияние на события в мире. Словосочетание «революционный экстремизм» несет не только негативный оттенок значения, но и приобретает положительные коннотации при оценке российских событий 1917 года. Понятие революции раскрывалось наиболее полно в значении открытых новых возможностей, которые порой пережестывали через край. Однако любая революция, по мнению её идеологов, переходит границы и получает экстремальные значения. Ближе к современности словосочетание «революционный экстремизм» приобретает исключительно негативную окраску. Следует отметить, что две выделенные разновидности революционного экстремизма: «экстремизм русского большевизма» и «белогвардейский экстремизм» имеют различную понятийную оценку – первый употребляется с большим положительным значением, второй – имеет только негативную коннотацию, что скорее коренится в позиции авторов-сменовеховцев.

В 1927 году использование слова «экстремизм» в русском языке снова зафиксировано в работе сменовеховца Н.В. Устрялова «Под знаком революции», которая первоначально была опубликована в Харбине. Понятие экстремизма, с позиции Н.В. Устрялова, имеет отношение к русской революции 1917 года. Любую революцию автор оценивает с точки зрения экстремизма: «Отсюда – ее “вихревой” облик, ее “экстремизм”, типичный для всякой великой революции» [3]. Н.В. Устрялов полагает, что большевизм со временем откажется от экстремизма, с которого начинал: «Поумневший» большевизм 22 года, распростившийся с лавиной долей “глупостей” утопизма и экстремизма, очевидно, весьма мало похож на большевизм 17-го» [3]. Ученый вводит словосочетание «коммунистический экстремизм», близкое к понятию революционного экстремизма, но, по-видимому, более протяженному во времени, то есть значение слова охватывает не только первые годы русской революции. Он полагает, что коммунистический экстремизм постепенно избавится от крайней идеологической составляющей и станет более сбалансированным. А произойдут эти изменения в результате острой полемики внутри правящей группы: «Неудержимо развивающийся процесс обмирщения коммунистического экстремизма есть истинно-действенная и глубоко-плодотворная самокритика русской революции» [3]. В 1927 году Н.В. Устрялов продолжает развивать тему «революционного экстремизма» в рамках собственных политических идей и выражает уверенность в том, что он (экстремизм) со

временем будет меняться или уходить на задний план в политике большевиков.

Другой автор, неоднократно использовавший слово «экстремизм» в своих литературных работах, датированных 1926-1927 гг., был М.М. Пришвин, известный русский литератор, в тот период резко дистанцировавшийся от политики. В его работах понятие экстремизма лишено политического значения. Автор в дневниковых записях использует слово в литературном, философском, сексуальном, психологическом аспекте, и лишь в последней цитате свойство «экстремный» М.М. Пришвин относит к большевизму, связывая понятие со сверхчеловеком – с ключевой идеей философа Ф. Ницше.

М.М. Пришвин в дневниковых записях приоткрывает завесу над художественным процессом, показывает, как он создает своих литературных героев, выписывает их характеры: «Пишу Алпатова чистым, а между тем сам в это время не был чист, и это очень задевает: ведь я хочу держаться натуры. Но вот особенность моей натуры, из которой можно выделить кусок для создания Алпатова: в общем редкие «падения», притом с проститутками, совсем не затрагивали собственно эротическую сторону моей природы, напротив, очень возможно, что именно это силой отталкивания («не то!») закупоривало девственность, создавая экстремизм» [4]. Экстремизм у автора связан с сексуальными проблемами человека, с его интимным опытом или, точнее, его отсутствием. Экстремизм появляется ввиду недостатка сексуального опыта. М.М. Пришвин в этом случае отталкивается от идей З. Фрейда, который связывал экстремизм человеческой натуры с его сексуальным удовлетворением.

Во второй цитате М.М. Пришвин продолжает тему эротического и его связи с экстремизмом, который имеет отношение к романтизму человеческой натуры: «“Романтизм” я понимаю как излучение эротической силы вне себя, отсюда экстремизм» [4]. Романтизм, по мнению автора, является также источником экстремизма в процессе «излучения эротической силы». В этом случае автор выстраивает психологическую теорию личности, опираясь на представления о романтизме, свойственном отдельным проявлениям человеческого поведения.

Писатель, излагая свою позицию по поводу идеализма И. Канта, приводит эротический пример самца, преследующего самку, и награждает философские взгляды И. Канта оценкой экстремизма: «Кант с его идеализмом (мир как представление) есть явление экстремизма, героизма (самец, утратив из виду самку, продолжает лететь до тех пор, пока, наконец, движение его не становится как бы самоцелью, “представлением”, “идеей”, а самка, т. е. мир в себе, недоступна, не познаваема)» [4]. М.М. Пришвин критикует философскую идеалистическую концепцию И. Канта с позиции материалиста, полагая, что идеализм является неким экстремистским учением.

Еще в одной цитате из дневника М.М. Пришвина звучит негативное отношение к философии И. Канта. Разрабатывая литературный образ, он делает замеча-

ние о том, что взгляды И. Канта экстремистские и литературный герой должен продемонстрировать это: «Разоблачение Кантовского и пр. экстремизма в образах <1 нрзб.> вложить Писареву в кабаке, когда немец вызывает на дуэль Алпатова)» [4].

М.М. Пришвин не был сторонником идеи прогресса, которую приравнивал к экстремизму, о чем упомянул в дневнике: «Идея “прогресса” относится также к экстремизму» [4]. К сожалению, трудно сделать выводы о причинах такого суждения.

Писатель, размышляя о личном счастье, касается экстремизма жизни, который возникает, по его мнению, при отсутствии счастья. Экстремизм в данном случае имеет отношение к человеческой психологии, к представлениям, рождающимся у человека, который размышляет об экзистенциальных вопросах собственной жизни: «Когда я рассказывал Розанову о своих путешествиях в Ср. Азии, он сказал: “Это все от Ницше”. Я думаю, это он сказал в том смысле, что мой экстремизм, как всякий, имел основу в отсутствии личного счастья, а радостное состояние было тем неустойчиво восторженным чувством, которое и у Горького в босяках и вообще за пределами человеческого: это как бы состояние свечения метеора во время полета его в иной атмосфере. Сверхчеловек и есть тот метеор, вылетающий из своей орбиты в чужую ему атмосферу и в ней сгорающий. Сверхчеловек – это неудачник, сгорающий в борьбе за сверх-счастье (наш большевизм – тоже весь экстремный)» [4]. В конце цитаты М.М. Пришвин делает широкое философское обобщение, связанное с идеями Ф. Ницше, с его сверхчеловеком, которое он продолжает по отношению большевизма, называя его «экстремным». Писатель вообще свободно обращается с понятием экстремизма, используя его для уточняющих психологических, философских, интимных характеристик, расширяет значение экстремизма до масштабов, выходящих за рамки любых научных дисциплин. М.М. Пришвин находит новые возможности для использования понятия экстремизма. По-видимому, чем дальше российское общество отходило от революционных событий, тем более широкое значение приобретало понятие экстремизма.

В 1948 году понятие «экстремизм» можно встретить в работе известного русского философа В.В. Зеньковского «История русской философии», которая была опубликована во Франции. Экстремизм в его книге скорее связан с философией и психологией, с широким научным контекстом. В одной из цитат автор анализирует русский радикализм, который отличает высокая степень экстремизма, ведущего к мечтательности, к утопическому сознанию у россиян: «Русский радикализм, не знающий никаких авторитетов, склонный к крайностям и острой постановке проблем, начинается именно в эту эпоху. Но как раз в силу этого резкого разрыва с историей, в силу экстремизма, – в русских умах начинает расцветать склонность к мечтательности, т. е. к утопиям» [5]. Философ обнаруживает связь экстремизма с утопическим сознанием, соотнося его, прежде

всего, с крайним радикализмом личности россиян. В России люди, общество, государство легко переходят от одной крайности к другой во всем, что «резко разрывает историю (страны)». Проницательное замечание остается актуальным по настоящее время. В другой цитате с помощью понятия экстремизм дается оценка личных качеств М.А. Бакунина, видного русского мыслителя, одного из идеологов народничества: «Спасаясь от “тоски и апатии”, которые он испытывал, по его словам, на военной службе, Бакунин уходит в напряженную умственную работу. Уже в эти ранние годы основные черты его характера – чрезвычайное развитие фантазии, потребность экзальтации, экстремизм, “одержимость” какой-либо идеей, склонность к отвлеченному мышлению – проявлялись в полной силе» [5]. По сути, автор подтверждает выше сформулированный тезис на примере одной из ярких исторических фигур эпохи М.А. Бакунина. Экстремизм в тексте В.В. Зеньковского является свойством радикализма русского общества, государства и качеством талантливого, высокоодаренного человека, взгляды которого отличали крайние суждения. Экстремизм, с позиции философа, является суммой крайностей, результат радикализма.

В 1970 году экстремизм появляется в контексте литературной критики в массовом советском журнале «Огонек» в статье В. Чалмаева «Чувство семьи единой», в которой рассматриваются последние литературные тенденции, дается разбор наиболее ярких советских художественных произведений, написанных в духе революционных традиций социалистического реализма, которые противопоставляются экстремизму буржуазной литературы, связанному в первую очередь с модернизмом, что требует, по мнению автора, «упразднения чувства революционного первородства»: «И мне кажется, что модернизм, экстремизм, неоавангардизм, под каким бы именем он сегодня ни выступал, в этом смысле есть утверждение не нового эстетического мира, а шаг назад в художественном развитии человечества» [10]. Советский литературный критик использует слово «экстремизм» для характеристики новых тенденций западной культуры. Экстремизм, по мнению автора, является крайне негативным феноменом, который угрожает «истинной» культуре.

В 1987 году слово появляется в журнале «Знание-Сила» в номерах 9 и 12, соответственно в статьях К.Е. Литвина «“Кентавр” выходит на связь» и С. Мейена «Кто первый бросит камень?». Оба автора ученые-биологи в своих работах анализируют научные проблемы. Понятие «экстремизм» становится частью естественнонаучного текста. «Конечно, это крайняя точка зрения, родившаяся как естественная реакция на биологический экстремизм, который исходит из мысли, что никакая упрощенная модель, не учитывающая всего разнообразия живого, не может принести ни малейшей пользы ни науке, ни практике» [11]. К.Е. Литвин предлагает еще одно словосочетание «биологический экстремизм» и здесь же дает его определение. Экстремизм в биологии, по мнению автора, связан с упрощенной мо-

делью биологического знания, которое если не может учитывать «всего разнообразия живого», то не может быть полезным для науки. Понятие экстремизма подкрепляет негативное значение описываемой ученым закономерности.

С. Мейен предлагает еще одно словосочетание с понятием «экстремизм» – «эволюционный экстремизм»: «Именно среди таких людей чаще всего встречаешь эволюционный экстремизм и наиболее отчаянное сопротивление всякому сближению противоположных эволюционных взглядов» [12]. Известный биолог полагает, что сопротивление сближению противоположных эволюционных взглядов характеризует людей, склонных к экстремизму.

В 1989 году слово «экстремизм» можно обнаружить у Роя Медведева «О Сталине и сталинизме» и у А.Д. Сахарова в его воспоминаниях «Горький, Москва, далее везде», а также у Н. Ивановой, известного литературного критика, в небольшой публицистической работе «Освобождение от страха». В первых двух случаях понятие экстремизма появляется в политологическом контексте, и значение его лежит в области политического. В третьем случае экстремизм является частью полемического контекста, тяготеющего к политическому анализу. В исторических очерках Роя Медведева «О Сталине и сталинизме», опубликованных в журнале «Знамя» в № 1-4 за 1989 год, в № 2 есть характеристика деятельности Сталина: «В 1929-1931 годах политический экстремизм Сталина становится особенно опасным» [13]. В воспоминаниях А.Д. Сахарова «Горький, Москва, далее везде» член Президиума академик Коптюг, выражая личное мнение о предвыборной программе академика Сахарова, сказал: «Сахаров писал также о необходимости передать в аренду землю убыточных колхозов немедленно, еще до начала посевной кампании. Совершенно ясна нереальность этого требования (посевная кампания уже идет). Это опасный экстремизм» [6]. В данном случае понятие экстремизма используется в качестве маркера, ярлыка. И Н. Иванова приводит слова, направленные в ее адрес со стороны Ю. Идашкина, в которых фигурирует понятие экстремизма: «Из его статьи “Разные лики покаяния” (“Литературная Россия”, 1988, № 2) я узнала о себе следующее (обвинение направлено в адрес моей, как ее называет Ю. Идашкин “нравственно-политической позиции”); “агрессивное стремление к моральному, а затем и организационному отлучению инакомыслящих”, “ликующая агрессивность”, “экстремизм”, “авангардизм” который “является обратной стороной консерватизма” – даже – жажда “стать Жанной д’Арк литературного обновления”, которой хочется “возжечь” “маленький, но очень жаркий” костер...» [7].

Академическая справочная литература указывает, что истоки понятия находятся в латинском языке, однако его семантические отзвуки можно обнаружить в виде

упоминаний в работах древнегреческих мыслителей. Именно из латинского языка понятие пришло в другие основные европейские языки. Что касается русского языка, то большинство авторов энциклопедических изданий склоняются к предположению, что слово «экстремизм» пришло из французского языка в начале XX века. Заимствование, по словам Л.П. Крысина, – это «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой. Под различными элементами понимаются единицы различных уровней структуры языка – фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики» [8]. По мнению М.А. Брейтера: «Основной причиной заимствования иноязычной лексики признается отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора» [9]. В нашем случае можно утверждать, что образовалась некая семантическая потребность для обозначения явления, которое в начале XX века в России было одним из самых распространенным. Поэтому понятие экстремизма из Западной Европы переключалось в нашу страну. Первыми, кто активно применял понятие в своих работах, были участники движения, которое получило название «смены вех». Однако кроме политологического значения термин использовался и в других самых разных значениях: философском, психологическом, даже эротическом, но обращает на себя внимание то, что четкое определение и область применения отсутствовали.

Важность этимологической трактовки понятия «экстремизм» предопределяется междисциплинарным характером предмета исследования, который изучается в рамках различных наук: истории, политологии, филологии, психологии, социологии, права и других.

В широкий научный оборот термин «экстремизм» попал относительно недавно, несмотря на то, что описывает явление довольно распространенное как в истории человеческого общества, так и в истории России. Именно поэтому так не достает исторического измерения в исследовании понятия экстремизма, которое может объяснить генезис и прояснить определение понятия, тем более что со временем его трактовка менялась, наполнялась новыми смыслами.

Подводя предварительные итоги использования слова «экстремизм» в русском языке в исторической ретроспекции, как предоставляет Национальный корпус русского языка, можно утверждать, что оно в России появилось сразу же после 1917 года и употреблялось в широком не только политическом историческом контексте. Частотность употребления понятия на протяжении XX века имела несколько взлетов и падений, связанных, прежде всего, с общественной потребностью маркировки наиболее исторически острых периодов отечественной истории. Однако постепенно понятие «экстремизм» занимает довольно значительную нишу в русском языке, а в дальнейшем она только увеличивается с момента его легализации в российском уголовном праве.

Библиографический список

1. Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 год. Документы и материалы. М.: Гуманитарный издательский центр Влados, 1999. 776 с.
2. Ключников Ю.В. На великом историческом перепутье. М.: Вузовская книга, 2001. 200 с.
3. Устрялов Н.В. Под знаком революции. Харбин, 1927. 415 с.
4. Пришвин М.М. Дневники. 1926-1927. М.: Русская книга, 2003. 592 с.
5. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
6. Сахаров А.Д. Горький, Москва, далее везде. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1990. 286 с.
7. Иванова Н. Освобождение от страха // Библиотека «Огонек», 1989, № 7, 46 с.
8. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
9. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы // Пособие для иностранных студентов-русистов. Владивосток. Диалог. МГУ, 1997. 156 с.
10. Чалмаев В. Чувство семьи единой // «Огонек». № 11, 1970, С. 22-25.
11. Левитин К.Е. «Кентавр» выходит на связь // Знание-сила. 1987. № 9. С. 36-42.
12. Майен С. Кто первый бросит камень? // Знание-сила. 1987. № 12. С.75-80.
13. Медведев Р. «О Сталине и сталинизме» // Знамя. 1989. № 2. С. 174-222.
14. Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>

References

1. Political history of Russian emigration 1920-1940. Documents and materials. M: Humanitarian publishing centre Vldos, 1999. 776 p.
 2. Klyuchnikov Yu. V. On great historical crossroads. M: the High school book, 2001. 200 p.
 3. Ystrjalov N. V. Under a revolution sign. Harbin, 1927. 415 p.
 4. Prishvin M. M. Diaries. 1926-1927. M: the Russian book, 2003. 592 p.
 5. Zenkovsky V. V. History of Russian philosophy. M: the Academic Project, the Curiosity, 2001. 880 p.
 6. Saharov A. D. Gorkji, Moscow, further everywhere. New York: Publishing house of Chekhov, 1990. 286 p.
 7. Ivanova N. Freedom from fear // Library "Ogonjok", 1989, № 7, 46 p.
 8. Krysin L. P. Russian word, and another's: Researches on Russian and sociolinguistics. M: Languages of slavic culture, 2004. 888 p.
 9. Brejter M. A. Anglicisms in Russian: history and prospects//the Grant for foreign students-specialists in Russian philology. Vladivostok. Dialogue. The Moscow State University, 1997. 156 p.
 10. Chalmajev V. Feeling of a uniform family // "Ogonjok". № 11, 1970, Pp. 22-25.
 11. Levitin K. E. "Centaur" contacts // A knowledge is a power. 1987. № 9. Pp. 36-42.
 12. Mianen S. Who is the first will throw a stone? // A knowledge is a power. 1987. № 12. Pp.75-80.
 13. Medvedev P. «About Stalin and Stalinism» // Znamja. 1989. № 2. Pp. 174-222.
 14. The national corpus of Russian language. <http://www.ruscorpora.ru>
-

Е.А. АНТЮХОВА

аспирант, кафедры мировых политических процессов, МГИМО (У) МИД РФ

E.A. ANTIUKHOVA

Graduate student, Department of World Political Processes, MGIMO University

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ НАТО В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД

FORMATION OF NATO STRATEGY DURING THE POST-BIPOLAR PERIOD

Статья посвящена анализу формирования стратегии НАТО в постбиполярный период, когда после прекращения существования СССР, роспуска Организации Варшавского Договора, завершения холодной войны перед НАТО встали задачи ее реформирования в соответствии с новыми политическими условиями. Особый акцент в статье отводится анализу положений Стратегических концепций НАТО 1991, 1999 гг., которые свидетельствуют о становлении «новой» НАТО – организации, обеспечивающей однополярный миропорядок.

Ключевые слова: мировая политика, политическая стратегия НАТО, международные конфликты, постбиполярный период, реформирование северо-атлантического альянса, урегулирование конфликтов, глобальная безопасность.

The article is devoted to the analysis of formation of NATO strategy during the post-bipolar period when after the cessation of existence of the USSR, the dissolution of the Warsaw Treaty Organization, the end of the cold war NATO faced the problems of its reforming according to new political conditions. The emphasis in the article is on the analysis of the provisions of the Strategic concepts of NATO of 1991, 1999 which testify to the formation of a «new» NATO – an organization providing a unipolar world order.

Keywords: world politics, NATO political strategy, international conflicts, the post-bipolar period, reforming of North Atlantic Alliance, settlement of conflicts, global safety.

Крах в последнее десятилетие XX века социалистического лагеря, прекращение деятельности Организации Варшавского Договора, распад и последующее исчезновение с геополитической карты мира СССР, окончание холодной войны и континентального противостояния двух военно-политических блоков поставили НАТО перед необходимостью реформирования самой организации в соответствии с новыми политическими реалиями.

Процесс трансформации НАТО и ее доктринальных основ был направлен на формирование новой политической стратегии, определение новых задач обеспечения безопасности государств Североатлантического сообщества.

Был необходим пересмотр целей, форм и методов деятельности альянса, его миссии, легитимизации в системе международных отношений. НАТО стремилась определить свою миссию, цель, формы и методы деятельности, привести их в соответствие с изменившейся политической, военной и геополитической ситуацией.

В этот период обозначился переход от традиционных направлений военно-политического планирования, обусловленных противостоянием с СССР и обеспечением трансатлантической солидарности, к новой, глобальной стратегии альянса. К концу XX века НАТО находилась в поисках новой коалиционной идентичности.

Основные направления трансформации союза были определены в Лондонской декларации 1990 г. (Декларация о преобразованном Североатлантическом

союзе, принятая на встрече НАТО на высшем уровне 5-6 июля 1990 г. в Лондоне). Лондонская декларация исходила из того, что после падения Берлинской стены в Европе и мире начинается новая эпоха, в которой альянс должен занять позиции основного инструмента обеспечения трансатлантической безопасности. На НАТО возлагалась миссия по обеспечению интеграции государств социалистического лагеря в западное сообщество [10, с.24].

Сохранение НАТО как основной военно-политической организации, обеспечивающей трансатлантическое взаимодействие после завершения холодной войны, потребовало от блока пересмотра своих стратегических установок и организационной структуры. Трансформация НАТО была призвана, среди прочего, оправдать существование этой организации после того, как была достигнута ее основная политическая и стратегическая цель – сдерживание СССР. Наиболее последовательно задача по переориентации альянса могла быть достигнута путем встраивания блока в новую однополярную модель международных отношений с изменением стратегических установок союза.

А.Г. Арбатов считает трансформацию НАТО одним из ключевых факторов европейской и глобальной безопасности. Исследователь выделяет три плоскости (направления) процесса трансформации НАТО: «географическую, военно-политическую и оперативно-техническую» [2, с.94].

В географическом отношении альянс прошел трансформацию, связанную с его существенным расширением. После завершения холодной войны, в конце 1990-х гг. произошло так называемое четвертое расширение НАТО: в Организацию были приняты Венгрия, Польша и Чехия. 10 декабря 1996 г. очередная сессия совета НАТО в Брюсселе санкционировала начало расширения, утвердив график организационных мероприятий по его подготовке [3, с.235].

В 2000 гг. процесс расширения НАТО продолжился и после присоединения к союзу в 2009 г. Хорватии и Албании в НАТО входят 28 государств, что позволяет говорить о НАТО как о крупнейшем военно-политическом союзе.

Говоря о трансформации НАТО в географическом аспекте, следует указать и на то обстоятельство, что политика расширения сферы деятельности и ответственности альянса связана не только непосредственно с увеличением количества государств-членов. 11 января 1994 года на встрече в верхах в Брюсселе НАТО открыла программу «Партнерство ради мира», призванную реализовать актуальные и практические мероприятия. «Партнерство ради мира» было направлено на преобразование отношений между НАТО и государствами ее участниками [14].

Ее целью стало вовлечение в деятельность союза государств, расположенных в регионах геополитических интересов альянса.

Данная программа была открыта, прежде всего, для государств бывшего Варшавского договора, в том числе и для привлечения к сотрудничеству России.

Государства-партнеры обязались «воздерживаться от угрозы силой или применения силы против территориальной целостности или политической независимости какого-либо государства, уважать существующие границы и разрешать споры мирными средствами» [14].

Следует отметить, что для большинства восточноевропейских государств участие в программе «Партнерство ради мира» стало своего рода первым шагом для последующего членства в НАТО. В то же время программа «Партнерство ради мира» позволила блоку перейти к действиям по формированию глобального геополитического пространства своего влияния и проецирования военной силы.

Так, например, в 1994 г. государства Центральной Азии Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан стали участниками «Партнерства ради мира». С позиции руководства альянса, задача данной программы на центральноазиатском направлении состояла в том, чтобы приблизить республики региона к западным ценностям [19, с.66]. Тем не менее, после 2001 г., когда союз начал военную операцию в Афганистане, в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане размещалась военная инфраструктура НАТО.

Для темы настоящего исследования данный аспект имеет особое значение, так как расширение сферы деятельности НАТО в условиях постбиполярного мира отражает не только возросшие глобальные устремления военно-политического блока, но и, как представляется,

два основных вектора стратегического планирования альянса. Один из них обусловлен расширением НАТО «на Восток», приближением к границам России. Данный вектор реализуется в рамках политической традиции холодной войны и связан с обеспечением европейской безопасности так, как ее видят политики и стратеги США и НАТО.

Другой же вектор трансформации НАТО состоит в том, что Североатлантический союз становится глобальным военно-политическим союзом, способным к проецированию политического влияния и военной силы в любом регионе мира. Именно в рамках данного вектора и следует говорить о стратегии НАТО в отношении государств Северной Африки и Ближнего Востока, затронутых событиями «арабской весны».

Если продолжить анализ военно-политической и оперативно-технической трансформации НАТО в период непосредственно после распада СССР, то следует, прежде всего, обратить внимание на расширение функций Североатлантического блока.

Как отмечает А.Г. Арбатов, «растущую роль играют новые военно-политические функции альянса: миротворческие операции в Европе и за ее пределами, а также силовые акции вне традиционной Евро-Атлантической зоны ответственности, в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке, в зоне Персидского залива и Южной Азии Такие операции обосновываются целями борьбы с локальной и региональной нестабильностью, этническими и религиозными конфликтами, нарушениями прав человека и национальных меньшинств, международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения» [2, с.96].

В значительной степени данные преобразования были обусловлены необходимостью стабилизировать военно-политическую ситуацию в Восточной Европе (военные конфликты на территории бывшей Югославии) и противодействовать глобальным террористическим угрозам.

Период 1990-х гг. характеризуется развертыванием организационной реформы НАТО, в рамках которой можно выделить следующие направления: «развитие военной стратегии; расширение блока; создание новых структур, таких как ССАС (Совет североатлантического сотрудничества), а затем СЕАП (Совет европейско-атлантического партнерства); реорганизация военных структур и армий стран-участниц» [12].

В связи с данными преобразованиями следует обратить внимание на высокую оперативность принятия и реализации решений по созданию структур, призванных обеспечить взаимодействие и координацию в военно-политической сфере между НАТО и бывшими социалистическими странами.

20 декабря 1991 г. прошла учредительная сессия, в которой приняли участие министры иностранных дел государств-членов НАТО и государств Центральной и Восточной Европы, в том числе Балтийских государств – бывших членов СССР. Всего в работе сессии ССАС приняли участие 25 стран.

После создания СНГ все его государства-члены были привлечены к работе ССАС, максимальное количество государств-участников Совета составило 38 стран. Помимо государств-членов НАТО и бывших социалистических стран в его работе также принимали участие Финляндия и Швеция.

Основной целью деятельности ССАС было совместное обсуждение проблем безопасности странами-членами НАТО и бывшими странами-членами ОВД. «В течение 5 лет работы ССАС стал форумом, позволившим достичь высокого уровня диалога и сотрудничества между членами альянса и странами, не входящими в состав этой организации» [8].

После принятия программы «Партнерство ради мира» ССАС стал своего рода площадкой взаимодействия по реализации основных мероприятий программы. Отметим, что с инициативой преобразования ССАС выступила Россия, предложившая объединить руководящий комитет программы и ССАС в единый орган – СЕАСП [15]. Данный орган был создан в 1997 г.

СЕАСП представляет собой основу для регулирования и согласования политических аспектов «Партнерства ради мира», что выражается в проведении консультаций по широкому кругу политических вопросов и проблем, связанных с безопасностью, в том числе с учетом деятельности ОБСЕ. С 2005 года проводит заседания на высоком уровне новый орган СЕАП – Форум безопасности.

В НАТО данный Совет рассматривается в качестве форума, в большей мере отвечающего все более сложным требованиям, выдвигаемым для осуществления программы «Партнерство ради мира», а также в связи с миротворческой операцией в Боснии и Герцеговине. В 1996 г. для проведения этой операции вместе с частями и подразделениями из стран НАТО были развернуты воинские контингенты из 14 стран-партнеров [16].

Программа «Партнерство ради мира» обеспечила взаимодействие между государствами-членами блока и государствами, участвующими в реализации программы. В ее рамках осуществлялось развертывание миротворческих контингентов России при урегулировании вооруженных конфликтов на территории бывшей Югославии [1, с.20]. Следует отметить, что до определенного момента программа эффективно выполняла возложенную на нее миссию вовлечения восточноевропейских стран и России в сферу влияния НАТО. Свое значение она стала терять по мере вхождения в НАТО бывших государств ОВД и нарастания конфронтации с Россией по вопросу дальнейшего продвижения НАТО на восток.

Необходимо отметить, что Лондонская декларация 1990 г. также наметила основную тенденцию развития вооруженных сил государств-членов блока.

В частности, в документе утверждалось, что перспективы военного строительства связаны с повышением мобильности и универсальности вооруженных сил блока, формированием многонациональных контингентов.

В соответствии с этим концептуальным положением в 1994 году альянс принимает решение о развертывании Combined Joint Task Forces – Многонациональных оперативных сил (МОС). Как отмечает Ю.А. Ляшук, «в основу концепции МОС ... положены механизмы командования и контроля для обеспечения эффективного действия сил. Расширенный спектр вариантов реагирования, где возможно участие МОС, естественно, требует организации соответствующих командования и контроля. В данной структуре эта роль отведена штабам МОС, которые создаются на основе ключевых элементов, выделенных головными органами военного управления штаб-квартиры НАТО» [11, с. 50]. Вслед за созданием МОС последовала реорганизация командных структур НАТО.

Все эти мероприятия военно-стратегического и организационного характера были определены изменением характера угроз государствам-членам альянса. Вместо противостояния вооруженным силам стран ОВД, располагавшим, в том числе, и стратегическими ядерными вооружениями, вооруженным силам блока теперь предстояли локальные миротворческие, противоповстанческие и антитеррористические действия. Очевидно, что политическое руководство НАТО уже в начале 1990-х гг. определило трансформацию военных структур блока в данном направлении.

Трансформациям НАТО, связанным с расширением блока, изменениям ее организационной структуры сопутствовал и пересмотр ее военно-политической стратегии. Так, в 1991 г. в Риме была принята и опубликована Первая несекретная Стратегическая концепция НАТО (The Alliance's New Strategic Concept) [26].

Необходимо отметить, что согласно подходу альянса, стратегическая концепция является директивным документом, в котором заявлены цели Североатлантического союза и содержатся руководящие указания высшего уровня относительно политических и военных средств, которые надлежит использовать для достижения этих целей. Стратегическая концепция остается основой политики Североатлантического союза в целом [26].

За время холодной войны были приняты четыре стратегических концепции. В этих документах определялась основная миссия и стратегическая цель блока – противостояние СССР и его союзникам по ОВД. Содержание стратегических установок НАТО определялась в рамках доктрины сдерживания, разработанной в Вашингтоне в начальный период холодной войны.

В Стратегии 1991 г. утверждалось, что обеспечение безопасности государств-членов по-прежнему определяется в качестве первостепенной цели НАТО. При этом ее реализация обуславливалась с конкретным обязательством: «содействовать упрочению и расширению безопасности всей Европы посредством партнерства и сотрудничества с бывшими противниками» [17, с. 19].

Таким образом, альянс сохранял военно-политический характер, основным направлением развития деятельности блока оставалось обеспечение безопасности западного сообщества. Цель деятель-

ности Североатлантического союза теперь состояла в интеграции в его структуры бывших государств социалистического лагеря и подготовке к новым угрозам безопасности.

По оценке военно-политической обстановки в Европе, представленной в Стратегии 1991 г., она благоприятна для реализации, прежде всего, политического подхода к обеспечению безопасности. Тем самым документ 1991 г. подтверждал принятое в Лондоне решение о переносе акцента в деятельности Североатлантического союза с военной области на политическую.

По мнению российских военных специалистов, «Римский документ расширяет рамки коалиционной политики безопасности, которая составляет политическую сторону новой стратегической концепции. В основе этой политики лежит «доктрина Армеля», предусматривающая два основных принципа деятельности НАТО: «оборона», что означает наращивание военного потенциала блока, и «диалог», то есть проведение курса на смягчение напряженности, но «с позиции силы». Новая концепция добавляет к ним третий принцип — «сотрудничество» [7, с.5].

При этом принцип сотрудничества распространялся на процесс формирования новой системы коллективной безопасности в Европе. В Стратегии 1991 г. признавалась целесообразность взаимодействия НАТО с ЕЭС (в дальнейшем — Европейский союз) и ОБСЕ. Тем не менее, в военно-политическом аспекте эти структуры выступают всего лишь дополнением к НАТО.

Новая политика безопасности НАТО выступала в качестве одной из приоритетных функций блока. В качестве одной из ее составляющих военно-политическим руководством альянса рассматривался контроль за военно-политическими кризисами, включающий деятельность по их предотвращению и урегулированию. При этом контроль за кризисами, включающий деятельность по их предотвращению и урегулированию, должен быть реализован с использованием широкого набора политических и иных мер, включая меры в военной области [26].

В 1990-е гг. руководство НАТО полагало, что эскалация кризисных ситуаций может привести не только к возникновению межгосударственных войн, но и создать серьезную угрозу безопасности Европы в целом. При этом не исключалась возможность постепенного втягивания в военные конфликты государств-членов альянса, а затем и альянса в целом.

В связи с этим в эти годы была разработана концепция «управления кризисами». Данная концепция устанавливала, что одним из основных методов урегулирования кризисных ситуаций на ранней стадии их развития считается «превентивная дипломатия». Как отмечает А. Николаев, основная цель проводимых в ее рамках политических, экономических и военных действий — создание благоприятных международных условий для снижения напряженности, разрешения противоречий, а при необходимости — оказания давления на конфликтующие стороны. Приоритет при этом отдается

активному участию стран НАТО в мирном урегулировании конфликтов в рамках ООН и ОБСЕ [13, с.3].

В Стратегии 1991 г. не затрагивался вопрос о расширении зоны ответственности блока. Тем не менее, дискуссии, проходившие в начале 1990-х гг., уже тогда позволяли говорить о том, «что границы «военных полномочий» альянса носят чисто условный характер» [7, с.6].

Важным нововведением Стратегии 1991 г. был отказ от термина «угроза», который заменялся понятием «риск». К числу таких рисков документ 1991 г. относил нестабильность ситуации в Восточной Европе, конфликты вне Европы, распространение ядерного оружия.

В целом же документ отдавал приоритет в области обеспечения безопасности политическим средствам перед военными.

В.В. Штоль отмечает, что «стратегия основывалась на более широком понимании безопасности и давала глубокое обоснование необходимости сохранения коллективного характера обороны» [20]. Такое понимание безопасности влекло за собой ряд последствий. Во-первых, позволяло более полно сформулировать задачи альянса в постбиполярную эпоху, оправдать существование его политических и военных структур при отсутствии угроз, сопоставимых с ОВД. Во-вторых, осуществить переход от конфронтации к сотрудничеству. При этом, оставаясь в рамках деятельности по обеспечению безопасности, перейти к использованию более широкого спектра военно-политических инструментов влияния и контроля, в том числе к миротворческим операциям.

Документы начала 1990-х гг. (Лондонская декларация, Стратегия 1991), по сути, ставили перед НАТО задачу трансформироваться в общеевропейский блок, распространяющий зону своего влияния на весь Европейский континент, с перспективой перейти в дальнейшем к глобальному проецированию военно-политического влияния.

На протяжении 1990-х гг. все более очевидным становилось то, что новая масштабная угроза, подобная перспективе конфликта с ОВД, в обозримом будущем не имеет реального потенциала. Соответственно перед блоком не стоит больше задача по подготовке к глобальному военному противостоянию — «третьей мировой войне». Все более возрастает потребность в военно-политическом вмешательстве в локальные конфликты, проведение операций по установлению и поддержанию мира. Наконец, все более актуальной становилось формирование многонациональных контингентов, повышение их эффективности и мобильности. Данные обстоятельства, связанные с развитием самого альянса в совокупности с изменениями в мировой политике, определили необходимость подготовки нового стратегического документа. Политические изменения, происходящие в Европе и мире, дестабилизация на Балканах, военно-политические кризисы в других регионах мира и подготовка к новому этапу расширения альянса определили необходимость пересмотра Стратегии 1991 г.

Перед НАТО в полной мере была поставлена задача выступить в качестве основного военно-политического инструмента обеспечения коллективной безопасности в Европе.

Новый документ стратегического планирования должен был стать доктринальным выражением коалиционного военно-политического планирования на пороге XXI в. В его задачи входило отразить зависимость между политикой НАТО и действиями ее вооруженных сил. В этой связи не случайно, что Стратегическая концепция Североатлантического союза 1999 г. (Стратегия 1999 г.) [27] была принята в Вашингтоне – настоящем политическом центре союза.

Следует отметить, что если Стратегия 1991 г. носила переходный характер, то документ 1999 г. стал выражением военной стратегии НАТО накануне и входе операций на Балканах и в других регионах мира. Как отмечает В.В. Штоль, концепция 1999 г. рассматривала в качестве основного операционного театра действий НАТО Балканы. Исходя из этого, «главным вызовом считалась “нестабильность по периметру границ альянса и возможность возникновения региональных кризисов на территории евро-атлантической зоны ответственности”» [21, с.47].

Предотвращение вооруженных конфликтов и ликвидация уже начавшихся стали естественной нишей, которую НАТО заняло после окончания «холодной войны». Данное положение нашло отражение уже в Стратегии 1991 г. и было только усилено в документе 1999 г. Примером деятельности НАТО в этой сфере является вовлечение Североатлантического блока с 1992 г. в разрешение военных конфликтов в бывшей Югославии, вылившееся затем в присутствие стабилизационных сил альянса в Боснии и Герцеговине в 1996–2004 гг. [6, с.44].

В связи с этим нельзя не сказать о политическом фоне, на котором проходило принятие новых членов в НАТО и утверждение нового документа стратегического планирования. События югославского кризиса 1999 г., приведшие к военному вмешательству под эгидой блока, обозначили тот факт, что НАТО принимает на себя право и ответственность за вооруженные действия без санкции ООН. Следует заметить, что в этот период были характерны мнения, согласно которым «“косовский сценарий” мог бы закрепиться как “образец” для новых совместных вмешательств США и других стран НАТО во внутренние конфликты в других странах» [4, с.17].

Нужно признать, что военные вторжения в Ирак, Афганистан, Ливию, хотя и проведенные несколько по иному политическому сценарию, показывают небезосновательность такой позиции.

Помимо балканского кризиса одним из наиболее важных вопросов развития Североатлантического союза и его стратегической концепции стал вопрос о расширении блока.

С начала 1990-х гг. эта проблема и формат ее решения был одним из наиболее обсуждаемых на

переговорах между Российской Федерацией, структурами НАТО и ведущими государствами-членами организации.

К 1999 г. было принято решение, что в ходе нового этапа расширения НАТО в организацию войдут Польша, Чехия и Венгрия. Следует заметить, что по данному вопросу не было единого мнения в американском политическом истеблишменте.

Так, широко известна позиция одного из основателей стратегии сдерживания Дж. Кеннана, который небезосновательно утверждал, что такая политика будет препятствием демократическим преобразованиям в России и вызовет рост антизападных настроений, а также будет способствовать новому запуску «холодной войны» [25]. Наблюдая современные события, обострение отношений между Россией и Западом, вызванное продолжением политики движения на Восток, вмешательства во внутригосударственные дела без санкции ООН, сложно не согласиться с американским дипломатом.

Учитывая все сложности, стоящие перед альянсом накануне нового расширения, ведущие политики западных государств делали достаточно оптимистические заявления относительно стратегии военно-политического блока. Например, госсекретарь США М. Олбрайт указывала на, что «НАТО вступает в новую эру и ее энергия и взгляды направлены в будущее, что НАТО – это оборонительный альянс, а не мировой полицейский» [23]. Тем не менее, накануне принятия новых государств в состав организации она заявила, что это расширение не будет последним, и принцип распространения влияния альянса станет основой новой конфигурации блока [22].

Стратегия 1999 г. в полной мере отражала военно-политические планы НАТО по наращиванию своего влияния, приобретению статуса организации, ответственной за глобальную безопасность североатлантического сообщества.

В документе остались неизменными положения, утверждающие особую роль НАТО по установлению справедливого и устойчивого мирного порядка в Европе при неразрывной трансатлантической связи между безопасностью Северной Америки и безопасностью самой Европы [27]. Данные положения выражали идеи атлантизма, во многом определяющие политику США, стратегические установки и направления развития НАТО [5].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что уже в Стратегии 1999 г. вопрос о пространственных пределах сферы действия НАТО оказывался обойденным. Авторы документа предпочли умолчать о возможных территориальных пределах действия военных сил альянса вне традиционной для него североатлантической зоны. Тем не менее, в свете современных политических событий, отметим, что уже в этом документе указывалось на особое значение Украины для обеспечения безопасности в Европе.

Для настоящего исследования особое значение имеет то обстоятельство, что Стратегия 1999 г. указывала на средиземноморский регион как сферу особого интереса Североатлантического союза. Документ прямо указы-

вал, что безопасность Европы тесно связана с безопасностью и стабильностью Средиземноморья. В свете событий начала XXI в. такие заявления указывают на то, что уже в это время авторы документа предусматривали возможность военно-политического вмешательства в случае возникновения кризисов в неевропейских государствах региона.

Положения Стратегии 1999 г. направлены на выражение позиции, согласно которой НАТО выступает в качестве основной организации, ответственной за безопасность в Европе. «Идет процесс становления новой, основанной на большей интеграции Европы, создается структура евроатлантической безопасности, в которой НАТО играет главную роль» [5].

В документе, принятом практически одновременно с новым этапом расширения блока, утверждалось переформатирование НАТО из чисто военной организации, призванной реализовать стратегию сдерживания в Европе, обеспечив действительность трансатлантических военно-политических связей в союз, способный к глобальному политическому, а в случае необходимости – военному вмешательству в локальные конфликты с целью установления такого порядка, который в наибольшей степени соответствовал интересам государств-членов союза.

Также следует обратить внимание, что Стратегия 1999 г. является, пожалуй, одним из первых документов военно-политического планирования альянса, в котором достаточно определенно указывается на перспективу террористической угрозы государствам-членам союза и его военной инфраструктуре. При этом прямо указывается, что такие риски влекут за собой действие статей 5 и 6 Вашингтонского договора (договора о создании НАТО, 1949 г.) [5]. Отметим, что данные положения оказались задействованы после террористических атак против США в 2001 г.

Значительное внимание в документе уделено повышению эффективности политических и военных действий НАТО. При этом документ активно использует термин «кризис» для обозначения ситуации, при которой может потребоваться военное вмешательство сил альянса. Документ указывает на то, что многонациональные силы союза должны быть готовы к оперативному реагированию и вмешательству в такие кризисы.

Данные положения Стратегии 1999 г. были реализованы в ходе последовавшей после ее принятия перестройки органов управления НАТО, подготовка к которой шла еще с 1997 г. Военные структуры НАТО переформатировались под новые политические цели и задачи союза.

Как отмечается отечественными исследователями, при определении новой структуры управления вооруженными силами ведущую роль играли следующие соображения: адаптация структуры управления НАТО к современным требованиям, определяющимся тремя главными целями, – «военной эффективностью, сохранением трансатлантических связей и обеспечением европейской идентичности в области обороны и безо-

пасности» [18, с. 2].

Реорганизация должна была обеспечить альянсу главенствующую роль в системе европейской безопасности, а новая структура военного управления ОВС НАТО должна быть способна решать весь комплекс задач Североатлантического союза. Также необходимо было достичь того, чтобы структура управления обладала необходимой гибкостью, обеспечивая участие новых членов НАТО в деятельности блока [18, с.2].

В целом реорганизация была направлена на повышение оперативности военно-политического реагирования структур блока на кризисные ситуации не только в евроатлантической зоне, но в глобальном масштабе.

Относительно оценки трансформации НАТО и ее стратегии в конце XX века представляется обоснованным мнение А.Г. Арбатова, согласно которому альянс в этот период эволюционировал «от стратегии коллективной обороны территории стран-членов к активному избирательному вмешательству вне зоны ответственности» [2, с.101]. Проанализированные политические документы НАТО показывают, как происходила эта трансформация. На концептуальном уровне НАТО, представлявшая собой военное выражение трансатлантического союза эпохи холодной войны, прошла путь к альянсу США и их союзников, гарантирующему реализацию однополярной модели международных отношений.

После завершения холодной войны перед НАТО возникла «дилемма либо самороспуска наряду с ОВД, либо участия в построении полицентричной международной системы, либо дальнейшего усиления в сторону оформления однополярной модели мироустройства» [9, с.18]. Можно сказать, что данную проблему и пытались разрешить руководители организации и ее ведущих государств-членов. При этом в стратегическом планировании альянсу было необходимо учитывать еще целый ряд факторов. Среди них особое значение имели последствия распада социалистического блока, увеличивающие политическую нестабильность в Европе и в мире; формирование новой политики по отношению к России; интеграция в организацию восточноевропейских государств и расширение сферы ответственности НАТО.

Все эти аспекты получили отражение в более широком понимании безопасности, представленном в Стратегии 1991 г. Данный документ, с одной стороны, подводил итоги холодной войны для альянса. С другой же стороны, ставил перед ним задачу по развитию в качестве политического союза стран Запада. Новые структуры альянса призваны были обеспечить взаимодействие с государствами, не входящими в него, распространяя на них политические и военные стандарты организации (СЕАП). Во многом умиротворяющая риторика этого документа, перенос акцентов с военных на политические вопросы отражали оптимистические взгляды высшего политического руководства союза на дальнейшее развитие международных отношений.

Представляется возможным говорить о том, что

в период 1990-х гг. НАТО находилась в поиске новых вызовов евроатлантической безопасности. Таких потенциальных угроз, которые смогут обеспечить востребованность альянса в новой системе международных отношений. Подходы, выраженные в Лондонской декларации и Стратегии 1991 г., могли лишь наметить направления поиска таких вызовов, которые гарантировали бы новую коалиционную идентичность НАТО. В полной мере формирование нового стратегического подхода союза к обеспечению безопасности стало возможно только по мере нарастания политических кризисов, вызванных дисбалансом международных отношений после распада биполярной системы.

По мере роста конфликтности международных отношений, обусловленной, прежде всего, обострением военной ситуации на Балканах, негативным отношением России к расширению НАТО, кризисами в других регионах мира и нарастанием террористической опасности, стратегическое планирование альянса потребо-

вало учета данных обстоятельств в новом документе, утверждающем ведущую роль союза в обеспечении безопасности.

Стратегия 1999 г. выражала солидарность стран НАТО перед существующими и потенциальными кризисами. Данный документ определял переход североатлантической организации к действиям, в том числе военно-силовым, по разрешению ситуаций, содержащих в себе риски для союза. Более того, после 1999 г. НАТО, в рамках доктрины «превентивной дипломатии» было готово взять на себя ответственность за предотвращение таких кризисов. Положения документа 1999 г. указывают на трансформацию доктрины союза в направлении глобального проецирования политического влияния и военной силы. Вместе с изменениями в системе военно-политического управления данные концептуальные установки показывают становление «новой» НАТО – организации, обеспечивающей однополярный миропорядок.

Библиографический список

1. Алексеева Ю.В. Эволюция взаимоотношений Российской Федерации и НАТО (1992 – 1999 гг.): Автореферат на соискание уч. степ. кандидата исторических наук. Саратов, 2006. 26 с.
2. Арбатов А.Г. Расширение НАТО и национальные интересы России: доклад на конференции РОПЦ-Фонда Розы Люксембург // *Полития*. 2006. № 2. С. 94-103.
3. Богатуров А.Д. Системная история международных отношений. События и документы. 1918-2003. В 4-х тт. Т. 3. События. 1945-2003. М., 2000-2004. 718 с.
4. Браун С. Сила в инструментарии современной дипломатии // *Международные отношения*. 2004. №2 (5). С.4-20.
5. Войтоловский Ф.Г. Идеология и практика атлантизма во внешней политике США: Автореферат на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2013. 40 с.
6. Волков М. В. НАТО и современные вызовы и угрозы Евроатлантической безопасности // *Журнал Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 115. С 43-50.
7. Гулько А., Васильев А. Новые аспекты военной доктрины НАТО // *Зарубежное военное обозрение*. 1992. № 1. 80 с.
8. К 10-летию Учредительной сессии Совета североатлантического сотрудничества /CCAC// РИА Новости <http://ria.ru/politics/20011220/38562.html#ixzz3ooU9D1Sf>
9. Казанчев Д.В. Трансформация НАТО в контексте формирования системы безопасности в Европе (1991-2013 гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2013. 28 с.
10. Лондонская декларация отмечает рождение новой НАТО. http://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_64790.htm
11. Ляшук Ю.А. Новая структура командования в рамках преобразования НАТО // *Журнал международного права и международных отношений*. 2007.. № 1. С. 49-53.
12. Михайлин К.Н. НАТО и ФРГ в начале XXI века // *Научные ведомости*. 2009. № 1(56). С. 49-51.
13. Николаев А. Военная доктрина НАТО на современном этапе // *Зарубежное военное обозрение*. 1998. № 3. С. 2-5.
14. Отношения Россия–НАТО. http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2014_09/20140901_140901-Backgrounder_NATO-Russia_ru.pdf
15. Расширение НАТО на восток и национальная безопасность России // *Россия и мир: политические реалии и перспективы*. Аналитический альманах. - Москва: Автодидакт, 1998. С. 160-205.
16. Совет евроатлантического партнерства. http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_49276.htm
17. Справочник НАТО <http://www.nato.int/docu/handbook/2006/hb-rus-2006.pdf>
18. Степанов А. Новая структура органов управления ОВС НАТО // *Зарубежное военное обозрение*. 2000. № 3. С.2-7.
19. Шаймергенов Т. НАТО: военно-политическая стратегия в Центральной Азии. Позиция России // *Центральная Азия и Кавказ*. 2005. № 5 (41)/ [то же: электронный ресурс] http://www.ca-c.org/journal/2005/journal_rus/cac-05/06.sharus.shtml
20. Шмоль В.В. Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации. http://observer.materik.ru/RAU_book/New_paradigma_NATO/Gl_2-1.htm
21. Шмоль В.В. О новой стратегической концепции НАТО // *Обозреватель*. 2010. № 8. С. 47-56.
22. Albright M. A New NATO for a New century // *U.S. Department of State Dispatch*, 1999. April. Pp. 6-9.
23. Albright M. NATO welcomes three new members // *U.S. Department of State Dispatch*, 1999. March. Pp. 1-4.
24. London Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in London on 5-6 July, 1990: official text. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 1990.http://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_64790.htm
25. New York Times. 1997, 5 February.
26. The Alliance's New Strategic Concept. http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm

27. The Alliance's Strategic Concept approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington D.C. on 23 and 24 April, 1999: official text. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 1999. http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27433.htm

References

1. *Alekseeva Yu.V.* Evolution of relationship of the Russian Federation and NATO (1992 - 1999): Author's abstract of candidate in historical sciences. Saratov, 2006. 26 p.
2. *Arbatov A.G.* Expansion of NATO and national interests of Russia: the report at conference of ROPTs-fund of Rosa Luxemburg// the Polity. 2006. № 2. Pp. 94-103.
3. *Bogaturov A.D.* System history of the international relations. Events and documents. 1918-2003. In 4 vol. V. 3. Events. 1945-2003. M, 2000-2004. 718 p.
4. *Brown S.* Power in tools of modern diplomacy//the International relations. 2004. № 2 (5). Pp. 4-20.
5. *Voytolovsky F.G.* Ideology and practice of atlanticism in foreign policy of the USA: Author's abstract of doctor in political sciences. M, 2013. 40 p.
6. *Volkov M. V.* NATO and modern calls and threats of the Euroatlantic safety// (journal) News of the Russian state pedagogical university named after A.I. Herzen. 2009. № 115. Pp. 43-50.
7. *Gul'ko A., Vasilyev A.* New aspects of the military doctrine of NATO//Foreign military review. 1992. № 1. 80 p.
8. To the 10 anniversary of Constituent session of Council of North Atlantic cooperation / SSAS//RIA Novosti <http://ria.ru/politics/20011220/38562.html#ixzz3ooU9D1Sf>
9. *Kazanchev D. V.* Transformation of NATO in the context of formation of a security system in Europe (1991-2013): The abstract of the thesis on competition of an academic degree of the candidate of historical sciences. M, 2013. 28 p.
10. The London declaration notes the birth of new NATO. http://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_64790.htm
11. *Lyashuk Yu.A.* New structure of command within transformation of NATO//Journal of international law and the international relations. 2007. №1. Pp. 49-53.
12. *Mikhaylin K.N.* NATO and Germany at the beginning of the XXI century//Scientific sheets. 2009. № 1(56). Pp. 49-51.
13. *Nikolaev A.* The military doctrine of NATO at the present stage//the Foreign military review. 1998. № 3. Pp. 2-5.
14. Relations Russia-NATO. http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2014_09/20140901_140901-Background_NATO-Russia_ru.pdf
15. Expansion of NATO to the east and national security of Russia//Russia and world: political realities and prospects. Analytical almanac. Moscow: Автодидакт, 1998. Pp. 160-205.
16. Council of the euroatlantic partnership. http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_49276.htm
17. Reference book of NATO of <http://www.nato.int/docu/handbook/2006/hb-rus-2006.pdf>
18. *Stepanov A.* New structure of governing bodies of OVS NATO//Foreign military review. 2000. № 3. Pp. 2-7.
19. *Shaymergenov T.* NATO: military-political strategy in Central Asia. Position of Russia//Central Asia and Caucasus. 2005. No. 5 (41) / [the same: electronic resource] http://www.ca-c.org/journal/2005/journal_rus/cac-05/06.sharus.shtml
20. *Shtol' V. V.* A new paradigm of NATO during a globalization era. http://observer.materik.ru/RAU_book/New_paradigma_NATO/GI_2-1.htm
21. *Shtol' V. V.* About the new strategic concept of NATO//the Observer. 2010. № 8. Pp. 47-56.
22. *Albright M.* A New NATO for a New century // U.S. Department of State Dispatch, 1999. April. Pp. 6-9.
23. *Albright M.* NATO welcomes three new members // U.S. Department of State Dispatch, 1999. March. Pp. 1-4.
24. London Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in London on 5-6 July, 1990: official text. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 1990.http://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_64790.htm
25. New York Times. 1997, 5 February.
26. The Alliance's New Strategic Concept. http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm
27. The Alliance's Strategic Concept approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington D.C. on 23 and 24 April, 1999: official text. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 1999. http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27433.htm

К.В. БИРЮКОВА

кандидат исторических наук, доцент, кафедра социальной философии, религиоведения и теологии, Российский государственный социальный университет
E-mail: kristina_biryuko@mail.ru

K.V. BIRYUKOVA

Candidate of History, Associate Professor, Department of social philosophy, religious studies and theology, Russian State Social University
E-mail: kristina_biryuko@mail.ru

ХРАМЫ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ

TEMPLES OF THE RUSSIAN SPIRITUAL MISSION IN CHINA

В статье рассмотрены история и особенности сооружения православных храмов в Китае. Строительство храмов было одной из важнейших задач русских миссионеров в Китае. Храмы становились духовными центрами местных православных общин. К 1918 году в Китае существовало 19 православных храмов.

Ключевые слова: православие, храмы, Китай, Российская Духовная Миссия.

In the article the history and features of a construction of Orthodox churches in China are considered. Construction of temples was one of the most important tasks of the Russian missionaries in China. Temples became the spiritual centers of local orthodox communities. By 1918 in China there were 19 Orthodox churches.

Keywords: orthodoxy, temples, China, Russian Spiritual Mission.

После разорения китайцами г. Албазина часть казаков-албазинцев была уведена в плен в Пекин. Император поселил их на берестовом урочище (хоа-пичан), в северо-восточном углу столицы, у самой городской стены [9]. Находящийся поблизости буддийский храм был передан албазинцам. Его перестроили в православную часовню, и в 1696 г. о. Максим Леонтьев освятил ее во имя св. Софии, Премудрости Божией. Однако этот первый православный храм в Китае долгое время назывался Никольским, поскольку там находилась чтимая албазинцами икона св. Николая [1, С.19], унесенная из разрушенного Воскресенского храма г. Албазина. «Церковь (Никольская) – каменная, низменная, четвероугольная, на манер китайских домов обитанная. На ней глава и крест маленькие, деревянные, обитые белым железом. Крышка по дереву покрыта черепицею круглою...» [3, С.80].

Освящение часовни было совершено по благословению митрополита Tobольского и Сибирского Игнатия (Римского-Корсакова). Он направил в Китай священника Григория и соборного диакона Лаврентия с антиминсом, св. Миром, богослужебными книгами и церковной утварью. Для подкрепления митрополит написал о. Максиму письмо: «О святом Духе сыну и сослужителю нашего смирения, проповеднику святого Евангелия в китайском царствии, благоговейному иерею Максиму Леонтьеву и всем православным христианам, обитающим в китайском царствии, архипастырское благословение... Радуюся аз о твоём исправлении; аще и в плене прибываеши, но сам, с Божиею помощию, пленяеши человеки неведущия в познание евангельския правды: и сего ради, возлюбленне, да не смущается, ниже да оскорбляется душа твоя и всех плененных с тобою

о вашем таковом случае, понеже Божии воле кто противиться может? А пленение ваше не без пользы китайским жителем, яко Христовы православныя веры свет им вами открывается, и вам спасение душевное и небесная мзда умножается». Перечислив затем лиц, о которых священник Максим должен был молиться за литургией, митр. Игнатий приказал прилагать прошение и о китайском императоре: «Молитися сице после государских ектений: еще молимся Господу Богу нашему помиловать раба своего имя рек богдыханова величества, как его в титулах пишут, умножити лета живота его и даровати ему благородная чада в наследие рода их, и избавити его и боляр его от всякия скорби, гнева и нужды и от всякия болезни душевныя и телесныя, и открыти им свет евангельского просвещения, и простити ему всякое прегрешение, вольное и невольное, и соединити его святей Своей соборней и апостольской церкви, яко да получит и царствие небесное» [9].

До открытия богослужения в албазинской часовне и храме русские ходили к богослужению в один из католических храмов (южный). По свидетельству российского посланника Спафария, бывшего в Пекине в 1676 г., католические миссионеры выпросили у него один православный образ и поставили у себя в храме, чтобы молящиеся русские могли взирать на него.

После смерти о. Максима албазинцы просили о присылке к ним священника. Российское правительство воспользовалось поездкой в Пекин в 1711 г. русского купца Григория Осколкова, бывшего комиссаром при купеческом караване. Ему удалось, заручившись поддержкой католических миссионеров, обратиться в Лифаньюань (орган управления территориями с некитайским населением) с просьбой о разрешении присы-

лать в Пекин священников из России. Это ходатайство было подкреплено прошением самих албазинцев. Таким образом, дело было представлено так, будто инициатива исходила исключительно от албазинцев, нуждавшихся в постоянном священнике, и от русских купцов, которые еще в 1693 г. просили цинские власти разрешить им построить за свой счет церковь в Пекине, но получили отказ. Поскольку эта акция не была формально связана с российским правительством и потому вроде бы не имела политического характера, цинские власти решили пойти навстречу желаниям албазинцев [1, С.22].

После долгих переговоров, в 1712 г. император Канси разрешил присылку в Пекин миссии, передав через русского комиссара П. Худякова условие, чтобы с миссией приехал в Китай квалифицированный врач [3, С.83].

Миссию разместили на территории бывшего русского посольского двора в юго-восточной части внутреннего города на улице Дунцзяоминасян. Эту миссию стали называть Наньгуань (Южное подворье), в отличие от албазинского Бейгуаня (Северного подворья) [3, С.89].

В 1728-1730 гг. был построен и в 1736 г. освящен храм во имя Сретенья Господня. Он сооружался по китайской традиционной технологии и по образцу католического храма Бэйтан, но размером вполтину меньше [3, С.89]. По свидетельству агента Ланга, на русское подворье 28 декабря 1727 г. были привезены материалы для стройки церкви: дерево, камни и кирпич, “и уже января с 12 числа (1728г.) начали люди приходить, которые дикие камни на фундамент тесать стали, и плотники, и столяры, для изготовления, что к оному строению из дерева принадлежит, и можно надеяться, писал Ланг 11 марта 1728 г., что помянутая церковь в два месяца, кроме того, что до внутренних уборов касается, в свое совершенство придет. Модель взята будет с французской (северной) церкви: наша о половину величины против той будет” [9].

В ноябре 1730 г. Владиславич сообщал в коллегии иностранных дел, что церковь богдыханским коштом построена и только не имеется в ней антиминса. При этом Владиславич находил нужным прислать владыке Антонию 1000 руб. денег или отправить из Москвы иконописца. После того (16 января 1731 г.) в коллегии получено было доношение самого Антония, просившего указа Синода о наименовании церкви и просившего на постройке колокольни и приобретение утвари 3500 руб.. В одном из своих донесений арх. Антоний сообщал Св. Синоду, что в 1733 году он имел разговор с китайскими господами о новопостроенной церкви на посольском дворе. И те китайцы предъявили Антонию свое мнение, чтобы в 6-ом белом китайском месяце, т. е. в феврале, был бы праздник в новопостроенной церкви. Также и новокрещенные китайцы советовали Антонию быть празднику в феврале месяце. Вследствие этого он просил освятить церковь во имя Сретения Господня. Этот вопрос был решен уже при третьей Миссии. Что касается до албазинской церкви, то она рухнула во вре-

мя землетрясения и утварь с нее была перенесена в новопостроенную [9].

В промемории от 5 июля 1732 года агент Ланг, находясь в Пекине, писал арх. Антонию следующее: “Пекинскому арх., честнейшему о. Антонию Платковскому: сего 1732 года, мая 15 дня, в просительном доношении церкви свят. Николая старосты Дмитрия Нестерова, пятидесятника Козмы, переводчика Якова Савина и всех прочих оной церкви прихожан написано: понеже-де тому назад третий год в восьмом месяце (т. е. Августе), в 19 числе оная церковь от великого землетрясения вся развалилася, и служить было не возможно, того-де ради они, староста с прихожаны, по желанию своему оную церковь своим иждивением из старых и новых материалов вновь построили и потом просили священников, чтобы оную церковь освятить и по христианскому закону службу отправить. Но оная церковь и по сие время стоит без освящения. И чтобы де повелено было ныне оную церковь освятить и по-прежнему в оной служить. Того ради, ваше преподобие, писал Ланг, да благоволите об освящении вышепоказанной церкви приложить свое старание, дабы в оной служба Божия по-прежнему отправлялась, и о том учинить, как повелевают Ея Императорского Величества указы” [9].

На эту промеморию Антоний отвечал, что без указа от Св. Синода он не смеет освятить албазинский храм. Вероятно по благословению преосвященного Иннокентия Иркутского церковь была освящена во имя Успения Божией Матери (15 августа), но по-прежнему именовалась Никольскою. По современному описанию (от 1736 г.), “церковь Никольская была каменная, одноглавая, глава малая позолочена, колокольня при церкви на четырех деревянных столбах с 1 колоколом, 2-мя китайскими чашами и 4-мя чугунными колоколечками” [9]. Царские двери были резные, ветхие (вероятно, из прежней церкви), находились и иконы с образом Николая чудотворца можайского типа. Община албазинцев к тому времени состояла из примерно 50 дворов, не причисляя к ним прибывавших, постепенно обращенных из китайцев.

В 1732 г. арх. Антоний снова жаловался на священника Лаврентия: “В трактате с китайцами (1728 г.) положено было, чтоб на посольском дворе старому попу Лаврентию с нами вместе жить при новопостроенной церкви Ея императорского Величества, и для того жалованье большое по 130 рублей в год определено. А при старой церкви ему, попу, жалованья давалось в год только по 20 рублей. А Лаврентий Ланг, неведомо для какого случая, трактат уничтожил и священнику Лаврентию при старой церкви жить своим писмом заручным утвердил. И то сделал Ланг собою, без указа Ея Императорского Величества, и так на дворе посольском церковь (тогда еще не освященная) без пения и без священников и причетников осталась уничтожена” [9].

В декабре 1736 г. русское духовенство осватило новый храм во имя Сретения Господня, и при нем был основан Сретенский монастырь. Освящение было совершено при участии всех обретающихся в Пекине свя-

щеннослужителей (как миссийских так и караванных), лишь находящийся под следствием арх. Антоний не был допущен к участию [9].

После освящения храма караванные священник Иван и иеродиакон Виктор приступили к написанию образов в новоосвященную церковь, с каким расчетом и были они посланы в Китай. Привлекались для писания и местные католики, одному из них Ланг уплатил за иконописание 160 лан. Перед отъездом Лоренц Ланг выпросил у китайского трибунала, в соответствии с просьбой арх. Антония от 1728 г. к императору Петру Второму, «дабы как вышереченный главный священник Тусов, так и прочие под его властью при обеих церквах священники и причетники...ни в каких других чинах не были поверстаны, ниже в сотне российской были ведомы: священникам и всякого звания церковникам, по христианскому обыкновению, других чинов иметь никогда не дозволяется» [9]. На что получил полное согласие [9].

«Деятельность Четвертой миссии, служа в общем продолжением предшествующей, отличалась благоведением членов ее и индивидуальными способностями их. Самое пребывание в такой дали и глуши составляли великий труд для православных миссионеров.... С албазинами жили не в ладах, и те не давали им ключей от своей церкви» [3, С.96].

К концу XIX в. миссия имела пять церквей и окормляла 120 русских и около 500 китайцев в Пекине и других городах.

Во время восстания ихэтуаней (1898-1901 годы) была разгромлена и сожжена резиденция Миссии Бэйгуань (Северное подворье) [5]. После восстановили подворье и храм Всех святых, в котором теперь покоились мощи первых православных китайских мучеников. Строились храмы не только в Пекине, но и в Харбине, Шанхае, Тяньцзине и т.д.

В «Китайском благовестнике» размещен отчет за 1906 год. За истекший год освящены 4 церкви: 1) во имя Преображения Господня на станции Хайларь, 2) во имя св. Серафима Саровского в Пекине на русском кладбище за Аньдинмынскими воротами и 4) во имя Свят. Иннокентия Иркутского на миссийском подворьи на ст. Маньчжурия [7, С.8].

В 1907 году в Харбине строился храм в честь иконы Иверской Божией Матери [10, С.23], предполагалось строительство храма при кладбище в честь Успения Пресвятой Богородицы [10, С.24]. В поселке Алексеевка был заложен храм во имя святителя Алексия, митрополита Московского [10, С.23].

Летом 1907 г. была основана церковь в деревне Дундинан: Пекин. 26 ноября. Сегодня в селении Дундинан, уезда Тунчжоу в пятидесяти верстах от Пекина торжественно при архиерейском служении освящена каменная церковь вместимостью на 185 молящихся. Проект здания храма взят из альбома рисунков и планов церковных построек, изданного Московской Синодальной типографией. Храм освящен в честь св. Евангелиста Иоанна Богослова, а прежний храм на этом

месте был в честь святителя Иннокентия Иркутского, но разрушен мятежниками в 1900 году [7, С.26].

Церковь заложена во имя Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова [4].

Они просили миссионера побывать у них, устроить проповедническую школу, молитвенный дом и пансион для детей школьного возраста. Миссионер обещал содействие лишь в делах веры, съездил в Фын-коу, арендовал дом для школы и оставил учителя. Вскоре затем получены были им письма с сообщениями о желании окрестных жителей того же уезда и соседнего с ним также иметь православные школы и молитвенные дома, а если возможно, то и священника, так как пожелавших слушать учение веры находилось по спискам около трех сот душ. Списки представлены были тогда же с донесением о всем Начальнику Миссии, бывшему в то время в Петербурге. За неимением опытных учителей, дело оглашения шло туго. Однако в 1902 году зимою уже была возможность окрестить несколько человек. Это было во время приезда Начальника Миссии Епископа Иннокентия в Фын-коу. С тех пор дело проповеди считается там открытым. В 1904 году трое из Фынкоуских христиан обучались вере при Шанхайском миссионерском стане, а в Фын-коу был командирован диакон из китайцев Сергей Чан. Устроив отдельную часовню в Юань-цзя-коу он повел регулярную проповедь православия, хотя недолго. Успех возбудил зависть протестантских миссионеров, и их сторонники устроили о. Сергию неприятность, заставил его удалиться из Юань-цзя-коу в Ханькоу, потом в Шанхай. На запрос по этому поводу Ханьковского Русского консула китайский чиновник ответил, что разрушенную часовню о. Сергея китайцы готовы выстроить на свой счет. Тогда Начальник Миссии ответил, что часовню выстроит Миссия на свои средства, но что жителям нужно внушить более дружелюбное отношение к проповедникам истинной веры (см. «Китайский благовестник» выпуски 5-6 за 1907 г., С.2).

«К 1918 году в ведении Миссии состояли: девятнадцать церквей и три часовни» [8, С.10-11].

«На харбинском подворьи продолжается приходская деятельность среди русского населения. На станции Маньчжурия каменный строящийся храм вчерне закончен постройкой» [8, С.10-11].

Несмотря на идейные колебания некоторой части русской общины, подавляющее ее большинство сохранило себя в православии. Владыка Иннокентий, несмотря на материальные трудности, продолжал открывать храмы. Так, в 1922 г. в Тяньцзине при часовне на братской могиле русских воинов, погибших во время боксерского восстания, был открыт храм. Позднее он был перестроен в большой храм Покрова Пресвятой Богородицы (разрушен японцами во время оккупации). При храме создано Православное братство, в ведении которого состояли школа, больница, дом милосердия с домовою церковью во имя св. Серафима Саровского, библиотека, кладбище с часовней. В 1930 г. в Тяньцзине была открыта церковь во имя св. Иннокентия и школа

при ней. В Чаньчуне в 1923 г. открыт приход, с церковью и школой. В 1924 г. открыты приходы в Мукдене и Дайрене при часовнях на кладбищах русских воинов, погибших в войну 1904-1905 гг. В 1925 г. открыт приход в Циндао, а в 1927 г. здесь открыт каменный храм. В Хайларе в 1927 г. открыт храм. В Шанхае в 1928 г. открыты Св. Гавриило-Архангельское подворье с церковью и пять молитвенных домов, а в 1932 г. (уже при епископе Симеоне) построен большой трехэтажный архиерейский дом. В 1927 г. в Шанхае был восстановлен основной храм – во имя Богоявления Господня, освященный еще в 1904 г. (разрушен в 1932 г.) [6].

Владыка Симон (Виноградов) начал постройку в Шанхае большого собора Богородицы Споручницы грешных, рассчитанного на 2.500 человек [6].

После Второй мировой войны и революции в Китае 1949 года значительная часть русских эмигрантов покинула Китай. В 1965 году, после смерти последнего православного архиерея Китайской Автономной Православной Церкви епископа Шанхайского Симеона (Ду), храм был закрыт властями. На протяжении более 20 лет использовался как склад. В притворе собора был устроен ресторан, в самом соборе разместились биржа, позднее также ресторан и ночной клуб.

В 2002 году Русский клуб в Шанхае при поддержке генерального консульства России организовал сбор подписей с просьбой о выселении увеселительных заведений из помещений двух русских храмов в Шанхае. Просьба соотечественников, поддержанная руковод-

ством Русской Православной Церкви и российского государства, была частично удовлетворена в июле 2004 года: из кафедрального собора был выведен ночной клуб, сам собор после реставрации (2007) превращен в выставочный зал. Во время реставрации под слоем штукатурки были обнаружены фрески, считавшиеся утраченными.

К. Кепинг цитирует статью о Миссии в Китайском благовестнике за ноябрь 1946 г.: « За время управления Миссией Архиепископом Виктором открыты приходы, церкви и молитвенные дома: в Пекине, Калгане, Чифу, в Гирине, на Дамбе, в Гонконге, Кантоне, Макао, построены храм и дом для священника на Маниле, женский монастырь и храм при нем в Какааши около Дайрена, Св. Пантелеймоновская санатория с храмом в горах Лаошань, перестроен капитально городской храм и выстроен дом для священника в Циндао, построен большой дом на церковном миссийском участке в Хайларе, построен Св. Покровский собор и открыт Св. Николаевский храм в Тяньцзине, закончена постройкой и освящена Св. Благовещенская церковь на миссийском подворье в Харбине, не так давно открыт молитвенный дом в Вэйсайде в Шанхае, земля под собором и архиерейским домом и столовой для неимущих записана в лице Начальника и других членов на Миссию, все имущество Православного Братства в Шанхае передано в полную собственность Российской Духовной Миссии в Китае» [6].

Библиографический список

1. Андреева С.Г. Пекинская духовная миссия в контексте российско-китайских отношений (1715-1917 гг.). Дисс.... канд. ист. тор. наук. М., 2001.
2. В провинциях Китая//Китайский Благовестник-1907 г. Вып. 5-6. С.2.
3. Дацышен В.Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. Гонконг. 2010.
4. Закладка Церкви в Дундинани//Китайский Благовестник-1907. №3-4. С.22.
5. Ипатова А.С. Российская духовная миссия в Пекине – полтора века служения Церкви и дипломатии. Режим доступа: http://www.orthodox.cn/localchurch/200809diplomatus22-27_ru.htm
6. Кепинг К.Б. Судьба Российской духовной миссии в Китае. Режим доступа: <http://www.kepping.net/proshloje-1.htm>
7. Китайский благовестник-1907 г. Вып. 7-8.
8. Китайский благовестник-1918 г. Вып. 5-6.
9. Медведев А. Русская миссия в Китае (1685-1745 гг.). Режим доступа: http://www.orthodox.cn/localchurch/1685-1745_ru.htm
10. Хроника церковной жизни//Китайский благовестник-1907 г. Вып. 56-57. С.23-24.

References

1. Andreyeva S.G. Spiritual mission Pekin in a context of the Russian-Chinese relations (1715-1917). Thesis the candidate on historical sciences. M., 2001.
2. In the provinces of China//Chinese blessed messenger 1907. №5-6. P.2.
3. Datsishen V. G. History of the Russian Spiritual Mission in China. Hong Kong. 2010.
4. Foundation of church in Dundinan//Chinese blessed messenger-1907. №3-4. P.22.
5. Ipatova A.S. Russian spiritual mission in Pekin – one and a half centuries of service of Church and diplomacy. Access mode: http://www.orthodox.cn/localchurch/200809diplomatus22-27_ru.htm
6. Keping K.B. Destiny of the Russian spiritual mission in China. Access mode: <http://www.kepping.net/proshloje-1.htm>
7. Chinese blessed messenger-1907. №7-8.
8. Chinese blessed messenger-1918. №5-6.
9. Medvedev A. Russian mission in China (1685-1745). Access mode: http://www.orthodox.cn/localchurch/1685-1745_ru.htm
10. Chronicle of church life//Chinese blessed messenger-1907. №56-57. Pp.23-24.

Т.Н. ГЕЛЛА

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой
всеобщей истории, Орловский государственный уни-
верситет

T.N. GELLA

Doctor of History, Professor, Head of Department of
General History, Orel State University

У. ГЛАДСТОН, ЛИБЕРАЛЫ И ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1880 ГОДА

W. GLADSTONE, LIBERALS AND THE GENERAL ELECTION 1880

*Статья посвящена истории предвыборной кампании английской либеральной партии в британский парла-
мент в 1880 г. На основе архивных и мемуарных источников анализируются формы и методы избирательной
кампании либералов. Особое внимание уделяется Мидлотианской кампании У.Гладстона.*

Ключевые слова: либералы, избирательная кампания, Мидлотиан, внешняя политика, империя.

*The article is devoted to the history of the electoral campaign of the English Liberal Party in British parliament
in 1880. The different forms and methods of the electoral campaign are described on the base of archive and memoir
materials. The special attention focuses on the Midlothian campaign of W.Gladstone.*

Keywords: Liberals, electoral campaign, Midlothian, foreign policy, Empire.

Парламентские выборы 1880 г. в Великобритании принесли победу либеральной партии, победу, которая была выстрадана ее членами и лидерами в течение оппозиционного периода 1874-1880 гг.

Целый комплекс проблем внутренней и внешней политики консервативного правительства во главе с Б. Дизраэли дали их политическим противникам основания для критики. Предвыборная кампания либералов представляет собой интересную картину, поскольку наряду с уже традиционными методами агитации их лидеры прибегли к новым способам привлечения на свою сторону английских избирателей. Это во многом относится к известной Мидлотианской кампании У.Гладстона. В ряде случаев именно внешнеполитические и имперские вопросы выдвигались на первый план в агитационных выступлениях либеральных лидеров.

Афганская и зулусская войны обострили интерес английского общества к колониальным и имперским проблемам. Определенные неудачи британских войск, которые имели место во время военных действий в Афганистане и Южной Африке, большие военные расходы, экспансионистские цели, преследуемые торийским правительством, давали либеральной оппозиции прекрасный повод для критики внешней политики консерваторов. Российские дипломаты не могли не отметить особенности складывавшейся политической ситуации в стране. Так, в письмах российского посла в Лондоне П.А. Шувалова к министру иностранных дел России Н.К. Гирсу в октябре-ноябре 1879 г. отмечалось, что «совершенные ошибки дали уверенность либералам, и они явно подняли голову», и, кроме того, «лидеры оппозиции не преминули повести атаки наиболее сильные, даже грубые, против политики настоящего кабинета» [1, д. 79, л. 290, 321/об.-322]. Характерной

особенностью выступлений либеральных лидеров в предвыборный период являлось то, что, наряду с критической направленностью всех их заявлений, они содержали и некоторые позитивные моменты – получали дальнейшее развитие либеральные концепции и уточнялись позиции партийного руководства по важнейшим направлениям колониальной политики.

К началу 1880 г. либеральная партия представляла более сплоченную и дисциплинированную организацию, чем в начале оппозиционного периода. Хотя определенные трудности сохранялись. Российские дипломаты подчеркивали в своих донесениях, что «принципиальная слабость оппозиции заключалась в отсутствии единства и программы» [1, 1878 г., д. 80, т.1, л.20/об.]. Наиболее серьезные разногласия существовали между правым и левым крылом партии. Ч.Дилк, имея в виду парламент, писал в своих рабочих записях о «сильной нелюбви вигов нашей (радикалов – Т.Г.) деятельности» [7, 120]. О подобных сложностях упоминали в своих донесениях и российские дипломаты в Лондоне. Так, М. Бартоломей сообщал Н.К. Гирсу в июле 1879 г.: «Радикалы стремятся все больше и больше держаться в стороне и нисколько не консультируются с явным лидером оппозиции маркизом Хартингтоном» [1, 1879 г., д.78, л. 243/об.-244.].

Осенью 1880 г. должны были состояться новые парламентские выборы. Политические круги задолго до назначенного срока стали вести предвыборную кампанию. Характерно, что в этот важный для либералов период при наличии в ней видных деятелей – маркиза Хартингтона, лорда Гренвилля, лорда Кимберли, Дж. Чемберлена, Ч. Дилка, У. Харкорта, У. Форстера и многих других – голос Гладстона, приближавшегося к своему 70-летнему юбилею, звучал громче и убедительнее всех.

В конце осени 1879 г. У. Гладстон совершил двухнедельную поездку по городам избирательного округа Мидлотиан в Шотландии для встречи со своими избирателями, что стало беспрецедентным событием в политической истории Англии. Нельзя сказать, что до Гладстона английские политики не произносили речи перед огромной публикой, в частности, лорд Пальмерстон делал это не однократно [10, 164]. Но ни один политический лидер до него не предпринимал таких беспрецедентных шагов в проведении избирательной кампании. Мидлотианская кампания дала «импульс» «новой политической моде произнесения программных речей», обращенных непосредственно к избирателям, а американский историк Т. Кросби считает, что Гладстон был первым из викторианских политиков, который последовательно использовал «насыщенный эффект» от манипулирования прессой [3, 156; 11, 219]. За две недели (24 ноября–6 декабря) он выступил перед слушателями с двадцатью двумя большими речами, не считая многочисленных обращений во время коротких встреч и митингов. «Полные толпы на каждой станции», – записал он в своем дневнике. По собственным подсчетам Гладстона, за время поездки он выступил перед 86 930 англичанами [4, 464, 466]. Его выступления широко освещались на страницах печати, поэтому можно сказать, что он выступал не только перед избирателями Мидлотианского округа, но и перед всеми английскими избирателями. В декабре 1879 г. М. Бартоломей сообщал Н.К. Гирсу, что «избирательное турне м-ра Гладстона остается в настоящее время событием дня». Его красноречие, замечал он, «вызывает, конечно, сейчас наиболее живое впечатление» [1, 1879 г., д. 78, л. 403]. По этому поводу британский исследователь К. Хоппен замечает, что Гладстон, не связанный родством с вигами и «мало интересующийся партийной бюрократией», «зависел от слова». И если «Чемберлен пытался укрепить власть через организацию, то Гладстон благодаря речи» [6, 633].

Нельзя не согласиться с английским исследователем Д. Бруксом, считавшим, что было бы большой ошибкой рассматривать Мидлотианскую кампанию как «просто кульминацию агитационного периода, начатого Гладстоном в 1876 г.». По его мнению, посещение последним Мидлотианского избирательного округа являлось ответной реакцией на текущие события осени 1879 г., когда продолжавшаяся экономическая депрессия и усиливавшаяся неопределенность в международных делах (расхождения с Турцией по вопросу нахождения британского флота в ее водах, проблемы англо-афганской и англо-зулусской войн) способствовали тому, что страна готова была слушать политического деятеля, который ассоциировался «с миром и процветанием, особенно с процветанием средневикторианской эпохи», достигшего наивысшего размаха в годы его первого премьерства. В то же время историк полагал, что активность Гладстона стимулировалась той предвыборной атмосферой, которая начинала оказывать влияние, если еще не на избирателей, то уже на политиков. Д. Брукс замечал, что трудно было

ожидать, что Гладстон останется в стороне, например, тогда, когда лидеры консерваторов заявляли о благополучном состоянии английских финансов или о появлении протекционистских настроений среди сторонников Манчестерской школы. «Начав кампанию, ему оказалось заведомо трудно остановиться», – заключил английский исследователь [2, 56]. Мидлотианская кампания резко подняла авторитет «Великого старца», что фактически определило его лидерство в партии. Это принимали все представители либерального руководства.

Активное участие в предвыборной кампании приняли все лидеры либеральной партии. П.А. Шувалов сообщал в Россию: «Оппозиция с силой и неустанной энергией ведет кампанию против правительства. ... Руководители либеральной партии посетили все районы страны, произнес множество речей». Он указывал, что У. Харкорт, маркиз Хартингтон, Г. Дафф и другие «осыпали атаками кабинет министров» [1, 1879 г., д. 79, л. 290/об., 301]. В центре внимания либеральных лидеров была вся внешняя политика консерваторов. Так, в своих выступлениях У. Харкорт заявлял, что в ближневосточной политике правительство пыталось решить вопросы, руководствуясь неверными принципами. По его мнению, существовал выбор между проведением традиционного курса, выражавшегося в «неприкосновенности и независимости» Османской империи и его отрицанием и принятием главной роли в осуществлении реорганизации этой страны, но правительство ничего не сделало и предпочло «бесполезные протесты и болтливые обструкции». Он находил оккупацию Кипра «практической шуткой Британской империи», которая не привела к успеху в деле возрождения Малой Азии. Восточная политика правительства, по его мнению, «везде потерпела неудачу» [12, 542]. Затрагивая проблемы афганской войны, Харкорт в речи 19 января 1880 г. перед членами Оксфордской либеральной ассоциации заявлял, что Англия ведет войну «наиболее изнурительную и невыгодную» против афганского народа, против горных племен, которые защищали свои дома [1, 1879 г., д. 79, л. 11-14/об.].

Глава либеральной оппозиции – маркиз Хартингтон – также отошел от своей выжидательной тактики и принял активное участие в предвыборной кампании. Уже в начале декабря 1878 г. он начинает выступать с критикой правительственной политики в Афганистане, зная, что это найдет понимание среди рядовых членов либеральной оппозиции в парламенте и либералов-нонконформистов по всей стране. В 1879 г. его выступления становятся «определенно более радикальными и решительными». Возможно, такая активность маркиза Хартингтона объяснялось тем, что он понимал, что если либералы выиграют новые парламентские выборы, он может стать премьер-министром [10, 164]. Касаясь в своих выступлениях вопросов внешней и колониальной политики торийского кабинета, он критиковал Балканский курс консерваторов как «аморальную политику, нуждавшуюся в политической проницательности» [12, 543-544]. Мнение Хартингтона разделял и

герцог Аргайл, назвав правительственный курс «одинаково безнравственной и глупой доктриной»[14]. С широкой критикой имперской политики консерваторов выступал радикал Дж. Брайт. Так, в своей речи на митинге 25 октября 1879 г. в Манчестере он подчеркивал, что за время их прихода к власти «наша великая империя» увеличилась еще больше. Консерваторы аннексировали о.Фиджи, Трансвааль в Южной Африке, практически захватили земли зулусов и Афганистана. Они добавили к английским владениям о.Кипр в Средиземном море и взяли на себя обязательства в Египте и Малой Азии. «Все это, – заявлял он, – добавляет тяготы не империи ... в Канаде или Австралии..., а 34 000 000 населению, которое живет в Великобритании и Ирландии. Мы взвалили на себя бремя и должны платить издержки». Он замечал, что, возможно, такая политика приносила славу короне и давала определенные выгоды высшим классам, но простому народу она несла «расходы кровью и средствами», «рост долгов и цен, увеличивала риск войны в любой части земного шара». Он обращал внимание слушателей на возросшее соперничество Англии с другими странами[13, 294-295].

Как уже отмечалось выше, ведущая роль в критике внешней политики консервативного правительства в предвыборный период принадлежала У.Гладстону. Уже в своем письме от 30 января 1879 г. к Дж. Коувену, председателю Мидлотианской либеральной ассоциации, он отмечал первостепенное значение внешнеполитических вопросов в предстоящих парламентских выборах. «Судьба и честь страны, – писал он, – угрожающе скомпрометированы во внешней политике Министерства». Разрушением спокойствия, а затем и мира оно, по его мнению, продлило и углубило народные страдания; благодаря «чувству популярности» оно увеличило силу и влияние Российской империи; оно ввергло корону и народ в несправедливую, опасную для Индии войну, и оно превысило свои конституционные полномочия путем ограничения прав парламента. Гладстон считал, что сами избиратели должны были решать судьбу такого правительства[4, 386].

Одной из главных отличительных черт всех выступлений Гладстона в период его Мидлотианской кампании осенью 1879 г. был подход к оценке внешней и колониальной политики консерваторов с точки зрения ее «аморальности», а не только ее безответственности и неэффективности. Исходя из опыта движения «Болгарской агитации», он апеллировал к моральной силе и чувствам самих избирателей. «Беконсфилдизм» становился синонимом тех бед, которые могли обрушиться на Англию, если она не будет спасена. У. Гладстон обвинял главу консервативного правительства в том, что своими агрессивными действиями он привел к отчуждению европейских стран от Англии. Разрушая «Европейский концерт», он подталкивал Англию к войне с Россией и сделал ее предметом ненависти в Европе. Он расценивал Кипрскую конвенцию и афганскую войну как грубые акты, совершенные британскими властями без какого-либо оправдания.

У. Гладстон не остановился на критике методов правления консерваторов, но выдвинул принципы внешней политики, которыми, по его мнению, должны руководствоваться все английские правительства[5, 115-117]. Эти принципы можно свести к следующему:

- справедливое законодательство и экономия внутри страны;
- сохранение для всех народов блага мира;
- способствовать развитию и сохранению «Европейского концерта»;
- избегать ненужных и затруднительных обязательств;
- признание равных прав всех наций;
- внешняя политика Англии всегда должна вдохновляться любовью к свободе.

Гладстон постоянно в своих выступлениях возвращался к идее «равенства наций». Он утверждал, что человечество образует общую семью и Британия один из ее членов. Она не должна требовать для себя каких-то особых прав. Одним из важнейших средств взаимоотношений в мировом сообществе он считал «систему общественного закона». Гладстон призывал оценивать политические действия другого государства с пониманием, подходить к ним с тех позиций, с которых рассматривалась и собственная политика. Так, он предлагал воспринимать русскую политику в Средней Азии не как «угрозу», а как проявление тех факторов, которые влияли на расширение Британских границ в Индии. Гладстон выступал против войн, хотя считал, что войны за свободу необходимы. Историческую миссию Британии он видел в «распространении свободы»[5, 117-120, 123-124, 164]. Он обращал внимание на рост национализма в стране, который находил непреодолимым и неизбежным. Американский историк Р.Келли полагает, что в своих выступлениях Гладстон заложил основу «современной философии интернационализма»[8, 139].

Выступления У. Гладстона в период Мидлотианской кампании по имперским вопросам показали, что расхождения между ним и Дизраэли, между либеральным и консервативным подходами касались преимущественно характера Британской империи. Гладстон постоянно говорил об империи, основанной на кооперации, на общих целях, выражавшихся в образовании колониальных парламентов. Такие парламенты должны были обладать властью распоряжаться своими вооруженными силами. Этот тезис был выдвинут им в противовес курсу Дизраэли на использование индийских войск во время Восточного кризиса. Среди внешнеполитических принципов, выдвинутых Гладстоном, имперскую направленность содержали два из них: первый сводился к признанию необходимости распространения Британского правления среди «отсталых» народов в качестве «морального опекуна», а второй принцип провозглашал равенство всех наций. Гладстон вновь выступал против империи, которая держится на силе и ослабевает за счет сверхувеличения. Он не раз подчеркивал уже высказанную им ранее мысль, что могущество империи находится в самой Англии, в хорошем прави-

тельстве и в разумной экономии[5, 63-65]. Британский исследователь Дж.Китсон Кларк считал, что признание Гладстоном принципа «равенства народов» имело большое значение для будущего Британской империи, «что общественное мнение в зависимых территориях начинало оформляться в национализм»[9, 67].

В целом во всех выступлениях У. Гладстона все же преобладали критические настроения, нежели позитивные. Это объяснялось, на наш взгляд, тем, что его Мидлотианские речи представляли собой своеобразную программу «реставрации»: они не были предвидением либерального будущего, а скорее обращением к великим основам и традициям либерального прошлого: фритреда, сбалансированного бюджета и последовательного прогресса. Радикальное содержание Мидлотианских выступлений было незначительным.

Предвыборная кампания осени-зимы 1879-1880 гг. явилась важным этапом в развитии политического соперничества двух правящих партий. Вопросы внешней и колониальной политики, в отличие от предшествующих выборов 1874 г., преобладали в предвыборных

заявлениях как консерваторов, так и либералов, хотя внутренним проблемам (экономической депрессии, ирландскому вопросу, финансовому положению) также уделялось значительное внимание. Кандидаты от консервативной партии оценивали международный курс своего правительства как успешный, тогда как либеральные подвергали его критике.

Односторонний подход либералов к имперской политике консерваторов, сводившийся преимущественно к критическим замечаниям, свидетельствовал, как нам представляется, о том, что в арсенале у либералов к концу оппозиционного периода не было тщательно разработанной имперской программы. Колониальный аспект их позиции еще не приобрел четко выраженных форм. Возможно, это и обусловило тот политический курс, которого стали придерживаться либералы, придя в 1880 г. к власти, т.е. фактическое продолжение уже начатой консерваторами политики укрепления британских позиций любыми способами, не исключая и прямое применение вооруженной силы.

Библиографический список (References)

1. The Archive of the Foreign Policy of Russian Empire, f. 133, r. 470.
2. Brooks D. Gladstone and Midlothian: The Background to the First Campaign // Scottish Historical Review. 1985. Vol.64. N 1. P. 56.
3. Crosby T. The Two Mr.Gladstone. A Story in Psychology and History. New Haven, L., 1997.
4. Gladstone W.E. The Gladstone Diaries with Cabinet Minutes and Prime-Ministerial Correspondence / Ed. by H. Matthew. Vol. 9. Oxford, 1990.
5. Gladstone W.E. Political Speeches in Scotland, November and December, 1879. L., 1879.
6. Hoppen K.T. The Mid-Victorian Generation. 1846-1886. Oxford, 1998.
7. Jenkins R. Victorian Scandal. A Biography of the Right Hon. Gentleman Sir Charles Dilke. New York, 1965.
8. Kelly R. Midlothian: A Study in Politics and Ideas //Victorian Studies. 1960. Vol. 4. N 2.
9. Kitson Clark J. An Expanding Society. Britain 1830-1900. Melbourne, 1967.
10. Patridge M. Gladstone. L., New York, 2003.
11. Somervell D.Ch. Disraeli and Gladstone, Aduo-Biographical Scetch. L., 1925.
12. Seton-Watson R.W. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. A Study in Diplomacy and Party Politics. L., 1962.
13. Smith G. The Life and Speeches of the Right Hon. Jonh Bright, M.P. L., 1882. Vol.2.
14. The Times. 1879, 14 Nov.

УДК [94(47).084.5(234.44):94(47).084.5(253.3)]-36

UDC [94(47).084.5(234.44):94(47).084.5(253.3)]-36

А.Б. ГУЛАРЯН

кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Орловский государственный аграрный университет
E-mail: agularyan@yandex.ru

A.B. GULARYAN

Candidate of History, Associate Professor, Department of Humanities, Orel State Agrarian University
E-mail: agularyan@yandex.ru

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ОРГАНАМИ ГПУ-ОГПУ ДВИЖЕНИЯ ЭСЕРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В 1920-Х гг. ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА*

NEUTRALIZATION BY ORGANS OF GPU-OGPU OF MOVEMENT OF SOCIAL REVOLUTIONARIES IN THE TERRITORY OF OMSK AND OREL PROVINCES IN THE 1920th. EXPERIENCE OF THE COMPARATIVE ANALYSIS

В статье на историческом материале Омской и Орловской губерний дается сравнительный анализ положения дел в правосоциалистическом и леворадикальном движениях в 1920-х гг. и методов, которые использовали органы ГПУ-ОГПУ для нейтрализации этих движений на подконтрольных территориях. При этом показано, что если в Омской губернии чекистам пришлось применять весь арсенал имеющихся в их распоряжении методов, то в Орловской губернии организованное движение левых эсеров было уничтожено в 1925 году и больше не возобновлялось.

Ключевые слова: ГПУ-ОГПУ, правые эсеры, левые эсеры, арест, организация, ликвидационное движение, оперативное наблюдение, Омская губерния, Орловская губерния.

In the article on the historical material of Omsk and Orel provinces the comparative analysis of a situation in the right socialist and Left-wing radical movements in the 1920 th and methods which used departments of GPU-OGPU for neutralization of these movements in under control territories is given. Thus it is shown that in the Omsk province security officers had to apply all arsenal of the methods which are available at their order: defeat of the organizations in the city and arrests on the railroad, stimulation of the liquidating movement with a simultaneous grubbing of new manifestations of an underground, expeditious supervision over the former members of parties of Social Revolutionaries and Mensheviks; in the Oryol province the organized movement of the left Social Revolutionaries was destroyed in 1925 and wasn't resumed any more. It is connected with that the Omsk province long time was under control of the anti-Soviet Siberian government which was rather loyally treating the right Social Revolutionaries. In Orel spontaneous and planned «combing-out» of an asset of these parties began even during civil war.

Keywords: GPU-OGPU, right Social Revolutionaries, left Social Revolutionaries, arrest, organization, liquidating movement, expeditious supervision, Omsk province, Orel province.

В статье предпринята попытка сравнительного анализа исторических процессов, происходивших в двух сходных с геополитической, экономической и социально-исторической точек зрения регионах России – Омской и Орловской губерниях. Хотя первый регион относится к Сибири, а второй – к Европейской России, между ними можно найти много общего. Омск является центром важного хлебопроизводящего и транзитного сибирского региона, который являлся геополитически важным плацдармом при продвижении России на юго-восток, во Внутреннюю Азию. Орел – это центр важного хлебопроизводящего и транзитного региона Европейской России, бывшая «засечная черта» Русского государства, геополитический плацдарм для продвижения на юго-запад, на Украину и в Северное Причерноморье. Омск расположен на пересечении двух

крупнейших транспортных артерий Сибири – Иртыша и Транссиба. Орел стоит на крупной речной магистрали – Оке, а железные дороги из него расходятся на Москву, Курск, Ригу и Воронеж, делая этот город железнодорожной столицей края. В период гражданской войны Омск стал столицей колчаковского Сибирского правительства и был взят наступающей Красной Армией. Орел тоже побывал в роли временной столицы – в XVII веке здесь собирал свои силы для похода на Москву Лжедмитрий II. В октябре 1919 г. здесь произошло крупнейшее за всю гражданскую войну Орловско-Кромское сражение. И, наконец, в конце гражданской войны Орловская губерния оказалась на периферии крупнейшего в стране крестьянского восстания – «Антоновщины», а Омская – Западно-Сибирского (Ишимо-Петропавловского) восстания. То есть, сравнение происходящих здесь

* Статья подготовлена при поддержке правительства Омской области (грант правительства Омской области № 0152200001315000067, лот № 1 от 16.07.2015 г.)

исторических процессов, в частности ликвидации большевистским режимом оппозиционных партий, будет вполне корректным.

После революции и гражданской войны спектр политических организаций России был серьезно урезан по сравнению с 1905-1917 гг. Ни правоконсервативных (черносотенных), ни буржуазно-либеральных (кадетско-октябристских) организаций на политической арене уже не было. Первые перестали существовать после падения монархии 2 марта 1917 г., вторые – в ходе гражданской войны.

Окончание гражданской войны закрепило доминирующее положение большевиков в России. Но рядом с правящей партией продолжали существовать леворадикальные и правосоциалистические политические организации анархистов, левых эсеров, меньшевиков и правых эсеров. Большевистское руководство страны не без основания видело опасность в дальнейшем существовании этих партий, особенно правосоциалистических. Им не могли забыть, что гражданская война фактически началась с контрреволюционных переворотов, совершенных меньшевиками и эсерами под флагом Учредительного собрания в Поволжье и Сибири, а закончилась Тамбовским (1920-1921 гг.) и Ишимско-Петропавловским (февраль-май 1921 г.) восстаниями, в которых эсеры также принимали непосредственное участие. Кроме того, сторонники партии эсеров работали в различных учреждениях, на предприятиях и на транспорте, что создавало большие возможности для саботажа и диверсий. Все это вкупе с наметившейся в годы НЭПа тенденцией к восстановлению влияния эсеров в деревне делало Партию социалистов-революционеров опасной для большевистского режима.

Впрочем, некоторые исследователи склонны отрицать объективную опасность правосоциалистических партий для советской власти. Объясняется это неспособностью правых социалистов плодотворно работать в условиях перманентного экономического кризиса и недоступностью их программных установок для малограмотного населения. Поддерживающих правых социалистов интеллигентов было недостаточно для захвата власти, а сами партии объявили о своей лояльности существующему режиму и отказе от вооруженной борьбы [1, с.51-52].

Однако отдельные лидеры меньшевиков и эсеров в условиях НЭПа стали резко критиковать непоследовательность властей в проведении экономической политики, потребовали отказа от большевистской диктатуры, расширения демократии, что воспринималось как угроза советской власти. Поэтому советское руководство разработало план ликвидации партийных структур правосоциалистических партий.

Была выработана широкая программа практической деятельности партийных органов и ГПУ-ОГПУ по борьбе с политическими противниками советской власти. Поэтому последовавшие события – судебный процесс над руководством партии эсеров и разгром оппозиционных партий; депортация из страны и ссылка в

отдаленные районы страны нелояльных лиц можно рассматривать как результат этой программы, принятой руководством РКП (б) и реализованной ГПУ-ОГПУ.

Комплекс мер, практиковавшихся ГПУ-ОГПУ против правых социалистов, включал в себя взятие на учет всех членов оппозиционных партий, в том числе заявивших о выходе из организаций, «сочувствующих» этим партиям, и установление за ними «самого тщательного наблюдения» с прицелом на последующий арест и осуждение. В случае малейшего подозрения социалиста (даже бывшего или занимающего ответственный государственный пост) в антибольшевистской деятельности следовал немедленный арест и тюремное заключение [13]. При этом основной удар направлялся все-таки не по меньшевикам, а по правым эсерам.

28 декабря 1921 г. по докладу Ф.Э. Держинского о меньшевиках и эсерах ЦК РКП (б) постановил «предпринять вопрос о предании суду Верховного трибунала ЦК партии социалистов-революционеров» [4, с.516]. Весной 1922 г. органы ГПУ стали собирать материалы о контрреволюционной деятельности Партии правых социалистов-революционеров в годы гражданской войны.

Подготовка показательного процесса над политическими противниками большевиков вызвала возмущение в мире и резкую реакцию со стороны левой российской эмиграции. Проживавшие в Берлине лидеры меньшевиков (Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, Р.А. Абрамович) выступили с призывом создать единый фронт для защиты российских социалистов. В начале апреля 1922 г. состоялась конференция представителей трех Интернационалов (Коммунистического, Второго и Венского), на которой обсуждался вопрос о предстоящем суде над российскими эсерами. Ю.О. Мартов расценил предстоящий суд над руководством эсеров как «террор на основе гнусного предательства и грязной полицейской провокации», как «метод расправы большевиков со своими политическими противниками вообще». В ответ представитель Коминтерна К.Б. Радек дал обещание пригласить на процесс зарубежных защитников и не применять к осужденным смертной казни. В свою очередь ЦК РКП(б) в мае 1922 предложил местным организациям «начать самую энергичную письменную и устную агитацию вокруг процесса эсеров среди широких пролетарских элементов» причем указывалось на «необходимость применения к подсудимым наиболее суровой кары» [22, л.101-102]. Начались регулярные заседания «тройки» Политбюро «по эсерам», в июне преобразованной в «пятерку» (в нее вошел и представитель ГПУ). Именно здесь, в ГПУ, во всех мельчайших деталях был разработан сценарий будущего судебного процесса, определены сроки и места проведения манифестаций трудящихся, даны конкретные указания относительно характера и направленности всей агитационно-пропагандистской кампании в связи с процессом, даже названы фамилии так называемых свидетелей, определены тезисы выступлений участников митингов, свидетелей и обвинителей [1, с.54].

С 8 июня по 7 августа 1922 г. специальное присутствие Верховного революционного трибунала при ВЦИК рассмотрело дело ЦК и отдельных членов партии правых эсеров. Обвинение было предъявлено 218 социалистам-революционерам, предстали перед судом 34 человека. После долгого пятидесятидневного судебного разбирательства Верховный революционный трибунал огласил приговор. Он приговорил к расстрелу 12 обвиняемых (из них 8 членов ЦК партии) и ходатайствовал перед ВЦИК о полном освобождении от наказания тех подсудимых, кто «добросовестно заблуждался при совершении ими тяжких преступлений, полагая, что они борются в интересах революции». На следующий день после вынесения приговора президиум ВЦИК удовлетворил ходатайство трибунала и приостановил исполнение приговора о высшей мере наказания при условии, что правые эсеры прекратят подпольную и террористическую деятельность. В начале 1924 г. все заключенные по процессу были амнистированы [9].

Позже Н.И. Бухарин признавал, что «социалисты сумели тогда поставить на ноги всю Европу и сделали невозможным приведение в исполнение смертного приговора эсерам» [Цит. по: 14, с.139]. Однако, добившись освобождения лидеров партии, левая русская эмиграция и деятели Второго Интернационала усугубили положение рядовых эсеров на местах. Потерпев поражение в попытке публичного осуждения эсеровского движения, большевистское руководство поспешило ликвидировать остатки эсеровских организаций в российской провинции.

Директивой ГПУ от 11 августа 1922 г. № 25706/10069ш всем губернским отделам приказывалось немедленно произвести аресты всех активных эсеров, подготовить их личные дела для ревтрибуналов или высылке за пределы губерний [17, л.215]. 26 августа того же года поступило новое указание: «в трехдневный срок изъять из железнодорожных и водных путей всех правых эсеров без различия должности» [17, л.214]. Всех «изъятых» людей предлагали распределить на три группы: «активных» – предать суду Ревтрибунала, «малоактивных» – отправить в ссылку, «подозрительных» – устранить с транспорта по сокращению штатов. С конца декабря 1922 г. губернские и уездные комитеты РКП(б) стали повсеместно создавать специальные комиссии для проведения чистки кооперации от эсеро-меньшевистских элементов [6, с.6].

После начала НЭПа и в ожидании проведения аналогичных мер в политической сфере («политическое НЭПа») произошла заметная активизация эсеров в Омске и губернии. Весной 1922 г. был восстановлен городской комитет ПСР. Данные по составу комитета у омских исследователей разнятся. А.А. Штыбул утверждает, что в комитет входили: Муранова, Лунегов, Кафтан, Абрамов [16, с.9]. В диссертации В.П. Василевского к комитету причислены: Лунегов, Лозовой, Римша, Разумовский, Гилевский, Косинов [2, с.81]. Впрочем, оба автора указывают, что состав комитета постоянно менялся из-за отъезда членов в другие

города и арестов. Тем не менее, создание комитета благоприятно сказалась на работе эсеров среди интеллигенции, кооператоров и молодежи, а также в сельской местности Омской губернии. В Омской организации наметились два идейно-политических течения: «народовластие» (за Учредительное собрание) и «трудовластие» (за признание советской формы правления) [16, с.9]. Активизация эсеров в первые месяцы 1922 г. серьезно обеспокоила местные органы Советской власти. В конце марта 1922 г. омские органы ВЧК-ГПУ произвели аресты наиболее активных эсеров, в первую очередь членов временного губернского комитета и горкома – всего было арестовано 34 человека. Оставшиеся на свободе социалисты-революционеры ушли в глубокое подполье [6, с.5]. В это же время появилось заявление группы лидеров Сибирского крестьянского союза: социалистов-революционеров Юдина, Тяпкина, Тагунова-Ельшевича, Дьяконова и народных социалистов Игнатьева, Меринова, Савченко о том, что в условиях НЭПа они, оставаясь сторонниками народнической идеологии и идейными противниками коммунистов, заявляют о своем примирении с Советской властью [16, с.9].

Одной из особенностей состояния организации ПСР в Сибири было наличие большого количества правых эсеров на различных должностях железной дороги. Транссибирская железнодорожная магистраль до сих пор имеет важнейшее стратегическое значение для России. Наличие на стратегическом объекте подобного уровня актива враждебной партии воспринималось правящим режимом весьма болезненно. Это усугублялось тем, что к январю 1922 г. (к началу поездки Ф.Э. Дзержинского в Сибирь) деятельность чекистов в отношении эсеров на железной дороге находилась в неудовлетворительном состоянии. В информационной сводке Омской транспортной ЧК за 1-15 января 1922 г. констатировалось: «Работа по выявлению деятельности антисоветских партий с 1 по 15 января по единой системе производилась с чисто технической стороны, т.е. заводилось дело на каждую партию в отдельности, заведены личные дела на каждого члена антисоветской партии и группировался материал исторического характера. Работа же по выявлению их деятельности не производилась по следующим причинам: во-первых, за неимением надлежащего осведомления и, во-вторых, невозможности учесть количество членов антисоветских партий, находящихся на транспорте в данное время. За неприготовленности аппарата регистрации, который не в состоянии был дать сведений о том или ином лице, требуемых секретным осведомлением, из чего учтенные по старой системе 41 лицо бывших эсеров не подразделены на группировки и течения. Большим тормозом правильного распределения течений вышеозначенных лиц послужило сокращение штата на транспорте, почему все лица, взятые на учет, требуют проверки в отношении установления настоящего местонахождения и сферы их деятельности, так как многие лица попали под сокращение штата» [21, л.14]. То

есть, Омский транспортный отдел ВЧК фактически расписался в собственной беспомощности. Но директивы об «изъятии» в трехдневный срок всех правых эсеров с транспорта никто не отменял. Это заставило омских чекистов координировать свои действия по удалению эсеров с Транссиба с мероприятиями по ликвидации губернской организации ПСР.

По утверждению В.П. Василевского, в ходе ликвидации Омского городского комитета ПСР был установлен, но оставлен на свободе Пегальский, член городского комитета от железнодорожников. Разработка его связей позволила установить состав железнодорожной группы эсеров и ее связи с партийным центром [2, с.83].

В информационной сводке Омского линейного отделения окружного транспортного отдела ГПУ за 15-31 мая 1922 г. это описано следующим образом: «За последнее время в связи с ликвидацией эсеров в районе Омского ЛООКТОГПУ в контакте с губотделом ГПУ были произведены массовые операции по изъятию эсеров. У рабочих и служащих настроение заметно улучшилось» [20, л.16]. На протяжении 1922-1923 гг. Советской властью широко проводилась кампания по очистке транспортной инфраструктуры от нелояльных ей элементов. В ходе нее с октября 1922 г. в Сибири стали создаваться специальные «тройки» для выявления «неблагонадежного элемента» на транспорте [10, с.13].

Одной из последних страниц в истории Партии социалистов-революционеров в Омской губернии стало так называемое эсеровское ликвидационное движение, развернувшееся во всей России в 1923 г. Оно началось во второй половине 1922 г., вскоре после суда над ЦК ПСР. Его проведение на территории Омской губернии подробно описано в монографии А.А. Штырбула [15]. При этом исследователь подчеркивает, что инициаторами ликвидационного движения стали именно эсеры Сибири и Урала [16, с.9] (хотя Московский съезд бывших эсеров состоялся еще 18 марта 1923 г.). Ликвидационное движение проходило под контролем местных органов РКП(б) и ГПУ.

17-19 августа 1923 г. в Омске состоялась губернская конференция бывших эсеров, на которой присутствовали 29 (по другим данным 30) делегатов от Омска и уездов (кроме Тары и Тюкалинска, которые, как объяснили организаторы, запаздывали). В Омске и губернии к ликвидационному движению примкнули около 80 бывших эсеров, хотя А.А. Штырбул считает эту цифру завышенной [16, с.9]. По данным исследователя А.В. Добровольского, в Омской губернии находилось 58 эсеров-ликвидаторов. Исследователь отмечает, что «большинство рядовых членов отошли от партии еще в 1918-1920 гг. Именно они и составляли ту базу, на которой ГПУ развернула в дальнейшем операции по полному разгрому партии социалистов-революционеров» [5, с.86, 88]. Было принято обращение ко всем членам ПСР и крестьянам Омской губернии, в котором делегаты конференции призывали присоединиться к резолюциям Московского съезда бывших эсеров. В обращении, в частности говорилось:

«Для борьбы с растущими коммунистическими идеями во всем мире буржуазия создает черносотенные банды под названием фашистов... Предстоит последняя битва капитала против труда. Эта битва или приведет к мрачной беспросветной реакции, или откроет возможность к новой счастливой трудовой жизни. Где же наше место социалистов революционеров, на какой стороне баррикад?» [Цит. по: 16, с.9] Впрочем, исследователь отмечает, что в ликвидационном движении приняла участие меньшая часть омских эсеров. Остальные оказались либо безучастны к движению, либо в оппозиции.

В свою очередь В.П. Василевский подчеркивает, что данная кампания в масштабах страны и Омского региона была разработана и проведена органами ОГПУ, руководствовавшимися указаниями правящей партии. В частности, актив эсеров-ликвидаторов составляли завербованные ГПУ в партийных рядах осведомители, предавшие своих бывших товарищей по партии. При этом В.П. Василевский ссылается на пример ликвидатора С.И. Богомолова, который арестовывался ЧК и ГПУ два раза в 1921 и 1922 гг. Последний раз дело в отношении него ГПУ прекратило «за отсутствием состава преступления». После этого С.И. Богомолов стал одним из самых активных омских ликвидаторов [2, с.88]. Важным показателем, по мнению В.П. Василевского, является также то, что «наиболее достойные омские эсеры-ликвидаторы» были впоследствии приняты в РКП(б). Это были Н.П. Соснин, С.И. Богомолов, А.И. Филлипов, И.И. Либерг, Т.Ф. Федовец, И.И. Коминов. Из этого В.П. Василевский сделал вывод: «Учитывая, что работа на ГПУ была обязанностью членов РКП(б), а также то, что бывшие члены партии эсеров не могли вступить в коммунистическую партию без санкции органов ГПУ, не приходится сомневаться в том, что актив эсеров-ликвидаторов состоял из агентуры губотдела ГПУ» [2, с.88-89].

Органы ОГПУ продолжали работу в отношении бывших членов ПСР и после прекращения партией эсеров организованной деятельности. Все они находились на оперативном учете. Продолжалось агентурное наблюдение за бывшими членами оппозиционных партий. Например, в 1926 г. Омский КРО ОГПУ запросил Окружком, известно ли последнему об эсеровском прошлом работника Омметаллтреста Н.И. Коминова. Поводом для запроса стало выпущенное правлением треста товарищеское письмо к рабочим, в котором омские чекисты усмотрели «меньшевистский оттенок». Когда же выяснилось, что в правление треста входят бывшие меньшевики Мощинский и Щелоков, запрос перерос в серьезную оперативную проверку, которая, впрочем, состава преступления в деятельности правления треста не выявила [18, л.52].

Судя по чекистским документам, в Омске во второй половине 20-х гг. продолжали регулярно собираться группы эсеров и меньшевиков. Весной 1927 г. начальник Омского окротдела ОГПУ докладывал в окружком о наличии в городе организованных оппозиционных групп:

«В городе есть группировки членов антисоветских партий: 1-я эсеры – 14 чел., 2-я с.-д. меньшевики – 8 чел. – обе восстанавливают связи, 3-я эсеры – 8 чел. – тесная связь и устройство своих на работу в советский аппарат, другой работы со стороны этих групп не отмечено» [19, л.1]. Из доклада следует, что все омские оппозиционеры находились под постоянным наблюдением органов государственной безопасности.

Собранный в 1920-е гг. в отношении эсеров оперативный материал в 30-е годы послужил основанием для репрессий в отношении них. В.М. Самосудов писал: «В период репрессий 1930-х гг. в Омске и регионе в числе других были осуждены (в том числе и приговорены к расстрелу) десятки лиц за принадлежность к антисоветскому эсеровскому подполью (фактически уже мифическому: вина заключалась в принадлежности к ПСР, а также в выражении недовольства существующими в СССР порядками)» [11, с.26-28].

В городе Орле в период НЭПа тоже воссоздается эсеровская организация. Отличия состояли в том, что возникла она не сразу после провозглашения НЭПа, а три года спустя, в 1924-1925 гг., и принадлежала к партии не правых, а левых эсеров. Первоначально она называлась «Орловской группой левых народников», потом была переименована в «Областной секретариат левонародников». В документах Орловского губотдела ОГПУ встречается наименование «Орловские народовольцы», а само дело было названо «Делом народовольцев» [8, с.608].

Орловская организация ПЛСР была создана в сентябре 1924 г., когда несколько студентов существовавшего в это время Орловского механико-строительного техникума установили контакт с политическими ссыльными. Инициаторами создания группы были сын священника А.П. Святицкий и бывший студент Воронежского университета Н.Ф. Сечкин. В группу вошел также ссыльнопоселенец, бывший белый офицер и бывший заведующий музеем Северного Кавказа в Ростове-на-Дону И.С. Костеанди [8, с.608]. Позже к ним присоединился высланный в Орел из Воронежа за оппозиционную деятельность Н.В. Сахаров, организатор левозэсеровского «Союза трудового студенчества» в Воронежском университете (1922-1923 гг.). Последний помог орловским молодым людям установить связь с секретарем центрального бюро «Объединения ПЛСР и Союза эсеров-максималистов» Г.А. Нестроевым, студентом Н.В. Смоленским в Курске и другими левонародническими руководителями (включая осведомителя ОГПУ С.М. Шапиро) [8, с.608]. Кроме него, по данным исследователя Я.В. Леонтьева, к группе присоединились С.А. Лузин, Г.А. Лузина, Б.К. Долгих, Л.А. Святозаров, О. Изюмов, Н.П. Святицкий, Н.П. Смоленский, В.М. Соколов, П.П. Богуш, Ф.Ф. Руднев, П.В. Давыдова, Н.И. Ливанский, Ю.Н. Дерюгин.

После встречи в Москве с Г.А. Нестроевым А.П. Святицкий уезжает из Орла в Ленинград, чтобы создать там группу ПЛСР. Орловскую группу возглавил Н.В. Сахаров. Скоро к группе присоединился видный

русский и украинский левый эсер Л.С. Венецианов-Вершинин, также отбывавший ссылку в Орле. Статус организации был повышен до «Областного секретариата левонародников».

Орловская группа «народовольцев» отпечатала несколько листовок. В первых числах ноября в Орле появилось отпечатанное на шапирографе «Обращение к трудовой интеллигенции» (24 экз.) от имени «Орловской группы левых народников». Прокламации «Беседа по крестьянскому вопросу», «Наши задачи» и «Письмо к русской молодежи» были не только размножены, но и разосланы в Москву, Ленинград и Курск [8, с.610]. С целью усиления агитационно-пропагандистской работы и привлечения новых членов через создание «троек» и «пятерок», а также для выработки устава организации 13 и 27 мая 1925 г. состоялись два важных совещания группы, на которых, в частности по инициативе приезжавшего в Орел из Ленинграда на каникулы А.П. Святского поднимался вопрос о бездействии Московского центра и выдвижении Орловской группы в качестве объединительного центра всех левонароднических групп страны [8, с.612].

Тогда же, в мае А.П. Святицкий написал еще одно «Письмо к молодежи». После одобрения оно было отпечатано на пишущей машинке (примерно 20 экз.) от имени «Областного секретариата левонародников». В это же время Н.В. Сахаровым, как впоследствии говорилось в обвинительном заключении, был «экспроприрован ротатор из губземуправления» и установлен контакт с «главарями банды... бандитской вспышки на юге бывшего Кромского уезда, что доказывается обнаруженной у него, Сахарова, запиской об участниках банды и ее деятельности» [8, с.613-614].

К этому времени деятельность левозэсеровской группы в Орле находилась под пристальным контролем чекистов. Как говорилось в справке на имя Ф.Э. Дзержинского «Состояние разработок по партии левых социалистов-революционеров и социалистов-революционеров максималистов»: «Обращает на себя внимание деятельность Орловской организации. Количественно малочисленная (5-6 человек), она отличается качеством: ссыльные Вершинин и Сахаров отличаются большой политической выдержанностью и подготовкой. Помышляют об эсках, о переходе на нелегальное положение, о выпуске листовок и пр. Налаживают связи с деревней» [7, с.100].

17 июня 1925 г. в Орле прошли обыски и аресты. Дело контролировало 5-е отделение Секретного отдела ОГПУ, специализировавшееся на борьбе с левыми эсерами. Во главе его стоял С.Б. Гельфер (в 1917-1920 гг. член ПЛСР), который 14 августа 1925 г. передал дело на рассмотрение Особого совещания при коллегии ОГПУ, а 21 августа постановлением ОСО Венецианов-Вершинин, Сахаров, Святицкий осуждены к трем годам заключения, остальные сосланы.

Аресты 1925 г. положили конец существованию левозэсеровского движения в Орле. Большевистскому режиму не пришлось даже прибегать для этого к комедии «кликви-

дационного движения». Согласно более поздним данным, группы социалистов-революционеров в 1928-1934 гг. существовали в Воронеже и Тамбове, но в Орле и Курске их не было. Правда, в апреле 1929 г. начальник Орловского окружного отделения ОГПУ А.С. Ермолаев сообщал о существовании некой «эсеровской организации в Курске», с которой связан бывший орловский помещик Аккуратов, но эти данные не подтвердились [12, с.176].

Тем не менее, в конце 1920-х-начале 1930-х гг. в Орле, как и по всей стране, начались преследования бывших эсеров. Примером может служить судьба орловского крестьянина, бывшего левого эсера Ф.С. Зыбина, вступившего в эту партию в 1917 г. на волне наступившего после февральских событий энтузиазма. В 1918 г. он был мобилизован в Красную Армию и воевал на всех фронтах гражданской войны до 1920 г. После демобилизации был избран односельчанами председателем Ташнаковского сельского совета и оставался в этой должности почти десять лет. Но в 1929 г. ему «вспомнили» членство в ПЛСР, арестовали и раскулачили [3, с.115-116].

Приведенные выше факты показывают, что существовали весьма серьезные различия в неонародническом движении Омска и Орла: в Орле неонародники были представлены не «классическими» эсерами, а фракцией левых эсеров-максималистов. Они оказались менее укорененными в местном обществе, чем правые эсеры Сибири: для окончательного устранения их организации не потребовалась комедия «ликвидационного» движения. В отличие от Орла, в Омске даже после ликвидационного съезда чекисты продолжали выявлять конспиративные группы эсеров.

Причины подобных расхождений следует искать

в характере гражданской войны на территории обеих губерний. Омская губерния долгое время находилась под контролем антисоветского Сибирского правительства Колчака, в то время как Орел был под контролем Советской власти. В Орле в марте 1918 г. была разоружена банда «верховного комиссара» И.П. Сухоносова; в Ливнах в августе 1918 г. подавлен кулацко-эсеровский мятеж. После этих событий, а также вызвавшего большой резонанс мятежа левых эсеров в Москве в июле 1918 г. по территории всей Советской республики (включая Орел) прошла первая спонтанная волна арестов. Местные чекисты арестовали активистов право- и лево-социалистических партий, многие из которых были расстреляны. Но уже в феврале 1919 г. началась первая плановая операция против партактива правых и левых эсеров, которая продолжалась год. Пик ее пришелся на время взрыва МК РКП(б) в Леонтьевском переулке.

При приближении войск Деникина к Орлу чекисты начали очищать прифронтовую зону от белогвардейского подполья. Так, имеются сведения о ликвидации подпольной офицерской организации в городе Мценске летом 1919 г. При отступлении корниловцев из Орла и Кром с ними ушли и некоторые антисоветски настроенные местные жители. К концу гражданской войны территория Орловской губернии была в политическом отношении «стерильной» и молодым левонародникам приходилось начинать на пустом месте.

В Омской губернии плановые операции против партийного актива эсеров и меньшевиков начались фактически по окончании гражданской войны, в 1921-1922 гг. И они не носили такого радикального характера, как в Европейской России в эпоху «военного коммунизма».

Библиографический список

1. Боева Л.А. Ликвидация партий социалистов органами ГПУ-ОГПУ в годы НЭПа // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2009. № 2. С.56-62.
2. Василевский В.П. Деятельность органов ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье (1922-1934 гг.) / Диссер... на соиск. уч. степ. к.и.н. Омск, 2015. 291 с.
3. Васичкин В. Левый эсер Зыбин // У истоков Оки: энциклопедия жизни Глазуновского района. Орел, 2008. С.113-118.
4. В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917-1922 гг.). 2-е изд. М.: Политиздат, 1987. 680 с.
5. Добровольский А.В. Операции органов ВЧК/ГПУ против эсеров и меньшевиков в Сибири // Из прошлого Сибири. Вып. 1. Часть 1. Новосибирск, 1994. С.77-90.
6. Добровольский А.В. О характере и масштабах репрессий против эсеров и меньшевиков на территории Сибири в начале 1920-х годов // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2015. XI Междунар. науч. конгресс, 13-25 апреля 2015 г., Новосибирск: Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность»: сб. мат-ов в 2 т. Т. 1. Новосибирск: СГУГиТ, 2015. С.3-7.
7. Леонтьев Я.В. «Все организации осведомлением обеспечены». Документы российских архивов о партии левых эсеров в середине 1920-х гг. // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 93-104.
8. Леонтьев Я.В. Левоэсеровское движение: организационные формы и механизмы функционирования // Диссер... на соиск. уч. с степ. докт. истор. н. М., 2009. 823 с.
9. Назаров О. Год 1922-й. Суд над эсерами // Родная газета. 2007. 7 авг.
10. Олех Г.Л. Кровавые узы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 20-х гг.: механизм взаимоотношений. Новосибирск, 1999.
11. Самосудов В.М. Исторические этюды о репрессиях в Омском Прииртышье. Омск, 1998. 233 с.
12. Саран А.Ю. Власть и общественные организации в Центральной России. 1928-1934 гг. Орел: Изд-во ОГАУ, 2003. 434 с.
13. Сборник циркуляров и распоряжений ВЧК-ОГПУ. 1919-1924 гг. Т. 3. Ч. 1.
14. Урилов И.Х. Судьбы российской социал-демократии // Вопросы истории. 2006. № 3. С.122-149.
15. Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX -первая треть XX в.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. 612 с.
16. Штырбул А.А. Эсеровское движение в Омске и Среднем Прииртышье как фактор региональной истории (первая чет-

верть XX века). // Омский научный вестник. Серия: Исторические науки. 2012. № 3 (109). С.5-10.

17. Государственный архив Новосибирской области (ГАОО) Ф. П-1. Д.309.
18. Исторический архив Омской области (Далее - ИАОО). Ф. П-7. Оп. 2. Д.35.
19. ИАОО. Ф. П-7. Оп. 3. Д. 56.
20. ИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 131-а.
21. ИАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 441.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 293.

References

1. *Boeva L.A.* Liquidation of parties of socialists by bodies of GPU-OGPU in days of New Economic Policy //Bulletin of the Moscow city pedagogical university. Series: Historical sciences. 2009. №. 2. Pp. 56-62.
2. *Vasilevsky V.P.* Activity of departments of GPU-OGPU in Omsk Priirtyshje (1922-1934) / The dissertation on competition of an academic degree candidate of historical sciences. Omsk, 2015. 291 p.
3. *Vasichkin V.* The left Social Revolutionary Zybin //At sources of Oka: encyclopedia of life of the Glazunovka district. Orel, 2008. Pp. 113-118.
4. V. I. Lenin and VChK: Collection of documents (1917-1922). 2nd prod. M.: Politizdat, 1987. 680 p.
5. *Dobrovolsky A.V.* Operations of bodies of VChK/GPU against Social Revolutionaries and Mensheviks in Siberia / From the past of Siberia. Release 1. Part 1. Novosibirsk, 1994. Pp. 77-90.
6. *Dobrovolsky A.V.* About character and scales of repressions against Social Revolutionaries and Mensheviks in the territory of Siberia in the early twenties// Interespo GEO-Siberia-2015. XI International scin. congress, on April 13-25, 2015, Novosibirsk: International scin. conf. "Global processes in regional measurement: experience of history and present": сб. materials in 2 v. Vol. 1. Novosibirsk: SSUG&T, 2015. Pp. 3-7.
7. *Leontyev Y.V.* "All organizations by notification are provided". Documents of the Russian archives on party of the left Social Revolutionaries in the mid-twenties / Ya.V. Leontyev//Domestic archives. 2008. № 5. Pp. 93-104.
8. *Leontyev Y.V.* Movement of left Social Revolutionaries: organizational forms and functioning / The thesis on competition of an academic degree of the doctor of historical sciences. Moscow, 2009. 823 p.
9. *Nazarov O.* The 1922nd. Trial of Social Revolutionaries // Native newspaper. 2007. 7 Aug.
10. *Olekh G.L.* Vital bonds. RCP(b) and ChK/GPU in the first half of the 20th: the mechanism of relationship. Novosibirsk, 1999.
11. *Samosudov V.M.* Historical etudes about repressions in Omsk Priirtyshje. Omsk, 1998. 233 p.
12. *Saran A.Y.* Power and public organizations in the Central Russia. 1928-1934. Orel: Publishing house of OSAU, 2003. 434 p.
13. The collection of circulars and orders of VChK-OGPU. 1919-1924. Vol. 3. P.1.
14. *Urilov I.H.* Destinies of the Russian social democracy // History Questions. 2006. №. 3. Pp. 122-149.
15. *Shtyrbul A.A.* Politic culture of Siberia: Experience of provincial multi-party system (the end of XIX – the first third of the XX century). Omsk: Publishing house of OmSPU, 2008. 612 p.
16. *Shtyrbul A.A.* The movement of Social Revolutionaries in Omsk and Central Priirtyshje as a factor of regional history (the first quarter of the XX century) // The Omsk scientific bulletin. Series: Historical sciences. 2012. №. 3 (109). Pp. 5-10.
17. State Archive of the Novosibirsk Region (SANR) F. P-1. 309.
18. Historical archive of the Omsk region (Further IАОО). F. P-7. Inv. 2. Case 35.
19. IАОО. F. P-7. Inv. 3. Case 56.
20. IАОО. F. P-1. Inv. 3. Case 131-a.
21. IАОО. F. P-1. Inv. 3. Case 441.
22. RGASPI. F. 17. Inv. 84. Case 293.

УДК 355.736:93

UDC 355.736:93

С.А. ЖУКОВ

кандидат исторических наук, преподаватель,
Военная академия связи, г. Санкт-Петербург
E-mail: stasevitsch@yandex.ru

S.A. ZHUKOV

Candidate of History, Lecturer, Military Academy of
Connection (Saint-Petersburg)
E-mail: stasevitsch@yandex.ru

**СНАБЖЕНИЕ РККА БОЕПРИПАСАМИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ И В ХОДЕ
СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939-1940 гг.**

**THE AMMUNITION SUPPLY OF THE WORKERS AND PEASANTS' RED ARMY FORCES DURING
THE PREPARATION AND IN THE COURSE OF THE SOVIET-FINNISH WAR OF 1939-40**

В статье на базе архивных документов рассматривается вопрос об организации и итогах деятельности тыла Красной армии по снабжению боеприпасами войск при подготовке и в ходе Советско-финляндской войны 1939-1940 гг. Автор утверждает, что советскому руководству при подготовке к Советско-финляндской войне удалось выстроить работоспособную систему снабжения войск РККА боеприпасами. Эта система, опираясь на промышленную базу СССР, достаточно эффективно обеспечивала Красную армию боеприпасами в ходе войны.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, РККА, история, снабжение войск боеприпасами, деятельность тыла.

On the basis of archival documents the problem of organization and results of the activity of the Red Army rear at ammunition supply of forces during the preparation and in the course of the Soviet-Finnish war of 1939-40 is considered. The author states that during the preparation to the Soviet-Finnish War the Soviet Government could create the operative system of ammunition supply of the Workers and Peasants' Red Army forces. This system, relying on the industrial base of the USSR, provided the Red Army with ammunition rather effectively.

Keywords: Soviet-Finnish war, Workers and Peasants' Red Army, history, ammunition supply of forces, rear's activity.

С изобретением огнестрельного оружия снабжение войск боеприпасами приобрело огромную значимость. Это значение увеличивалось век от века одновременно с развитием новых видов вооружения и увеличением их роли в бою. К началу второй мировой войны снабжение боеприпасами вооруженных сил однозначно рассматривалось как один из важнейших видов снабжения, во многом обеспечивающий успех военных действий.

В Красной армии во второй половине 1930-х годов снабжение боеприпасами также считалось, наряду со снабжением продовольствием и горючим, основным «видом довольствия» [26, с. 18]. В связи с этим рассмотрение организации снабжения боеприпасами войск Красной армии представляет немалый интерес для изучающих события Советско-финляндской войны 1939-1940 гг. Знание объективных результатов снабжения может помочь дать правильную оценку действиям РККА в этой войне, расставить правильные акценты в деятельности государственного и военного руководства СССР в тот период. Безусловно, в рамках статьи невозможно охватить все аспекты деятельности по снабжению войск боеприпасами, автор лишь попытается обозначить основные результаты снабжения войск и некоторые трудности, встретившиеся на этом пути.

Начать следует, думается, с констатации того, что обеспечение войск РККА боеприпасами накануне и в

ходе Советско-финляндской войны проходило в рамках созданной системы снабжения.

Теоретической базой для построения этой системы служили положения Уставов тыла РККА и ряда других директивных документов того времени, в которых излагались взгляды руководства СССР на организацию снабжения войск боеприпасами (в формулировке второй половины 1930-х годов – огнеприпасами) [9] [27] [28]. Именно исходя из этих положений военное руководство организовывало снабжение войск Красной армии зимой 1939-1940 гг.

Во всех документах среди задач тыла на первое место выдвигается своевременное и бесперебойное обеспечение войск всем необходимым для боя. При этом потребность в боеприпасах должна была обеспечиваться, во-первых, запасами самих войск, во-вторых, подвозом боеприпасов по путям снабжения из глубины страны. Запасы разделялись на подвижные (носимые и возимые войсками) и переходящие, содержащиеся в определенных нормах на армейских складах [9, с.9] [27, с. 11] [28, с. 14] [29, с. 4].

Для облегчения расчетов содержания и организации подвоза запасы исчислялись в условных расчетных единицах, для боеприпасов такой единицей служил боекомплект. В войсковой части он был равен среднему количеству боеприпасов, потребных на все едини-

цы оружия части на один день напряженного боя [27, с. 30-31].

Согласно Уставу тыла подвижные запасы боеприпасов должны были содержаться в войсках в размерах, указанных в таблице 1.

Таблица 1.

Подвижные запасы боеприпасов РККА

Части и соединения	Огнеприпасы, боекомплекты
Механизированная бригада (мехкорпус)	3,0
Стрелковая дивизия	1,5
Кавалерийская дивизия	1,5
Корпусные части и отдельные части РКК	1,5
Отдельная войсковая часть (полк)	1,0

Таким образом, запасы боеприпасов, которые планировалось содержать в войсках, должны были обеспечить действия бригады (корпуса) без дополнительного подвоза в течение 3 суток, дивизии – 1,5 суток, а обозы, взводы боевого питания и парки отдельных войсковых частей были рассчитаны на содержание суточного запаса боеприпасов на весь личный состав и вооружение части.

Учитывая, что масса боекомплекта механизированного корпуса составляла 265 т, его подвижные запасы боеприпасов весили чуть менее 800 тонн. Для стрелковой дивизии вес боеприпасов, которые она должна была возить, составлял около 450 т. [27, с. 280-286] При этом для вывоза подвижных запасов боеприпасов только стрелковому полку требовалось примерно 25 автомобилей грузоподъемностью 2,5 тонны или 40 грузоподъемностью 1,5 тонны, а запасы других материальных средств доводили количество требуемых автомобилей до 50 единиц. Длина подобной колонны при перемещении составила бы порядка 1000-1800 метров. Для стрелковой дивизии транспорт, перевозящий ее подвижные запасы боеприпасов, составлял бы, не считая полковых колонн и транспорта с другими видами материальных средств, около 100-170 автомобилей с общей длиной колонны от 4 до 6,5 км в зависимости от грузоподъемности используемых транспортных средств [27, с. 20-21] [28, с. 34]. Этот транспорт представлял собой серьезную, но жизненно необходимую «ношу», ограничивавшую возможность быстрого перемещения частей и соединений РККА. Эти автомобили были значительной частью тех колонн, которые зимой 1939-1940 гг. растягивались вдоль редких дорог Северо-запада.

Для восполнения расхода возимых запасов предусматривались так называемые «переходящие запасы» боеприпасов. Их планировалось располагать на головных армейских складах. Каждый головной армейский склад боеприпасов (головной артиллерийский склад – ГАС) должен был содержать 0,75-1,5 боекомплекта боеприпасов на усиленный стрелковый корпус. Основное назначение ГАС – прием и учет грузов, поступающих по железной дороге для переотправки их автомобильным транспортом войскам.

Пополнять переходящие запасы боеприпасов пред-

полагалось за счет их подвоза из глубины страны. Организация подвоза требовала большого количества автотранспорта, хорошо развитой сети железных и автомобильных дорог. Так, к примеру, на каждый стрелковый корпус планировалось разворачивать одну-две железнодорожные станции снабжения. Нормальная работа каждой такой станции требовала, в среднем, 8-10 железнодорожных путей и тупиков необходимой протяженности для стоянки железнодорожных транспортов на период их разгрузки. От станций снабжения обеспечение войск требовалось реализовывать автомобильным транспортом по грунтовым участкам подвоза. При этом движение автотранспорта должно было осуществляться по трем дорогам, каждая из которых предназначалась «для движения... одного вида транспорта (автомобильного, тракторного)» [28, с. 18, 20] [9, с. 10, 33].

Те, кто хоть немного знаком с условиями театра военных действий Советско-финляндской войны, понимают, насколько сильно эти уставные требования отличались от тех условий, в которых пришлось действовать войскам. Не хватало железных дорог и станций, пригодных для использования в качестве станций снабжения, вместо трех путей подвоза на каждый стрелковый корпус иногда трех дорог не набиралось и на армию. Транспорт, перевозивший подвижные запасы соединений и частей, застревал в многокилометровых заторах на узких заснеженных дорогах. В этих условиях должностные лица, организующие процесс снабжения, вынуждены были находить новые, нестандартные решения проблем обеспечения войск боеприпасами.

Рассматривая вопросы деятельности системы снабжения боеприпасами, нельзя не сказать об органах управления этой системой. Во главе ее стояло Главное артиллерийское управление (ГАУ). В его составе обеспечением боеприпасами ведал снабженческий отдел. В 1939 году, в ходе реформы Наркомата обороны, ГАУ подверглось существенному реформированию: управление переподчинили непосредственно наркому обороны, из его состава выделили два самостоятельных управления – минометное и стрелковое. Каждое управление самостоятельно занималось организацией производства своей номенклатуры боеприпасов и снабжения ими войск, хотя материально-техническая база (арсеналы, базы, ремонтные заводы) осталась в подчинении ГАУ.

В окружном звене аппарат артиллерийского снабжения с 1930 года был объединен с аппаратом начальника артиллерии военного округа. Артиллерийское снабжение в этой объединенной организации возлагалось на сектор снабжения, начальник которого одновременно являлся помощником начальника артиллерии округа по снабжению. В 1935 году, в ходе очередной реформы окружного управления, аппарат начальника артиллерии был преобразован в отдел, начальник артиллерии стал начальником отдела и одновременно начальником артиллерийского снабжения. Данная система существовала до конца Советско-финляндской войны.

В войсковом звене системы снабжения боеприпасами за вторую половину 1930-х годов также произошел

ряд существенных изменений. В 1937 году в дивизии была введена должность начальника артиллерийского снабжения с подчинением его начальнику артиллерии. В 1939 году служба артиллерийского снабжения дивизий была переподчинена помощникам командиров по материальному обеспечению [24, с. 312] [7, с. 209-210].

В полках снабжением боеприпасами ведал начальник боевого питания, подчиненный помощнику командира полка по снабжению. До 1936 года он отвечал за организацию снабжения различными видами имущества (боеприпасами, горючим, инженерным имуществом, имуществом связи и т.д.). Впоследствии ситуация менялась в направлении освобождения начальника боевого питания от ответственности за все виды снабжения, кроме артиллерийского. В 1939 году, с введением должности начальника военно-технического снабжения части, этот процесс завершился, и начальник боевого питания стал называться начальником артиллерийского снабжения. С этого момента снабжением части боеприпасами ведала самостоятельная служба – артиллерийская и ее начальник подчинялся непосредственно командиру полка [29, с. 101].

Таким образом, во второй половине 1930-х годов снабжение боеприпасами все более отделялось от других видов обеспечения войск и переходило в ведение исключительно службы артиллерийского снабжения с формированием отдельной вертикали органов управления, что, безусловно, способствовало улучшению качества работы системы в целом.

Базой для деятельности системы снабжения войск РККА боеприпасами служила оборонная промышленность СССР и его северо-запада. Производство боеприпасов во второй половине 1930-х годов являлось одной из наиболее динамично развивающихся отраслей оборонной промышленности СССР: в 1937-1939 годах объем валовой продукции по выпуску боеприпасов вырос с 1561,1 до 3719,3 млн. руб. [2, с. 174] Выпуск снарядов в среднем увеличился на 150-300%, а минометных выстрелов – на 8000%! На 210% увеличилось производство пороха [3, с. 227]. По нашему мнению, это было обусловлено тем, что в условиях надвигающейся мировой войны, ограниченных ресурсов и недостатка времени руководство страны сделало ставку на ускоренное развитие оборонной промышленности.

Высокими темпами в 1937-1939 гг. развивалось производство боеприпасов и на северо-западе СССР. Согласно Отчету о работе предприятий оборонной промышленности [г. Ленинграда] за 1938 и 1939 годы рост капиталовложений по Наркомату боеприпасов в г. Ленинграде по сравнению с 1937 годом составил 2,2 раза. Опережающими темпами росла и численность рабочих на этих предприятиях. Темпы роста рабочей силы, задействованной на ленинградских предприятиях Наркомата боеприпасов, в два раза превышали аналогичные средние показатели по оборонной промышленности (34% против 15) [35, л. 67]. И это несмотря на то, что «в 1937 году промышленность, строительство и транспорт недополучили ...свыше 1200 тыс. рабочих, в

1938 г. – 1300 тыс. и в 1939 г. – более 1500 тыс. рабочих» [6, с. 419], а убыль рабочей силы в наркоматах РСФСР только за один четвертый квартал 1939 года составила порядка 44,5 тыс. человек [32, л. 78-92] [33, л. 138-156].

Все это говорит о том, что государственное и партийное руководство СССР во второй половине 1930-х годов развитие оборонной промышленности считало приоритетным направлением. И самой динамичной отраслью оборонной промышленности СССР стало производство боеприпасов. Благодаря этому к концу 1939 года в Ленинграде была создана мощная база для снабжения РККА боеприпасами.

Однако ее работа по снабжению войск РККА боеприпасами во второй половине 1930-х годов была сопряжена с серьезными трудностями: постоянно внедрялись новые виды боеприпасов, шло интенсивное перевооружение Красной армии (в этот период в СССР были разработаны и приняты на вооружение более 25 новых видов артиллерийских орудий калибром от 25 до 305 мм) [4, с. 152] [3, с. 181]. Задачи создания запасов и организации снабжения в этих условиях решались различными путями: строительством новых и реконструкцией старых заводов по производству боеприпасов, подключением к выпуску боеприпасов заводов других ведомств [3, с. 225, 227], применением других административных мер (выезд на предприятия руководящих работников Наркомата боеприпасов [34, л. 5], жесткий партийный контроль работы предприятий [36, с. 106], уменьшение предприятия, производящим боеприпасы, планов выпуска гражданской продукции [30, л. 14]).

Проведенная работа позволила добиться резкого увеличения производства и поставок боеприпасов в войска: артиллерийских выстрелов в 1939 году поставлено в 3,4 раза больше чем в 1937-м, мин – в 11,9, авиабомб – в 3,6, винтовочных патронов – в 1,9, ручных гранат – в 30,3 раза [8, с. 29]. В связи с этим уже к 28 сентября 1939 года увеличившиеся численно войска Ленинградского военного округа (ЛВО) были обеспечены боеприпасами на достаточном уровне: Архангельская, Мурманская, Кенгисепская группы, группа войск Карельского перешейка – 2,5–3 боекомплекта (с учетом наличия на складах), Псковско-Островская группа войск – не менее 2,25 боекомплекта. Более низкой была лишь обеспеченность Петрозаводской группы войск (1,25 боекомплекта) в связи с отсутствием достаточного количества складов для накопления запасов [13, л. 117-118].

Следует отметить, что рост поставок боеприпасов и накопление запасов в войсках ЛВО нельзя полностью связывать с подготовкой к Советско-финляндской войне: даже по состоянию на 28 сентября 1939 года Псковско-Островская группировка войск превосходила по численности группировку Карельского перешейка и, что весьма показательно, пользовалась приоритетом в снабжении боеприпасами [13, л. 117-118]. Страна готовилась к мировой войне, которая была уже «на пороге». Ленинград с его развитой промышленностью стал для руководства страны удобным резервом для наращивания мощностей по выпуску боеприпасов. Это облег-

чило решение задачи накопления запасов и снабжения боеприпасами войск при подготовке и в ходе Советско-финляндской войны.

В процессе непосредственной подготовки к войне, начавшейся осенью 1939 года [5], систему снабжения войск боеприпасами попытались перевести на военные рельсы. Однако это удалось лишь частично: была успешно развернута группировка тыловых частей и подразделений снабжения, но перестройка работы промышленной базы производства боеприпасов провалилась. Введенный в действие в конце 1939 года на предприятиях Наркомата боеприпасов мобилизационный план МП-1 лишь ухудшил ситуацию: план 4 квартала 1939 года по артиллерийским выстрелам был выполнен всего на 31%, по минам – на 12%, производство снарядов в декабре 1939 года оставалось на уровне октября месяца, а производство мин снизилось на 10% [8, с. 18]. Дело было в том, что мобилизационный план МП-1, как и все предыдущие, был разработан на случай вступления СССР в мировую войну и проведения всеобщей мобилизации. Документов, предусматривавших ситуацию локальной войны, не было. Поэтому предприятия продолжали работать по схеме мирного времени, снабжение РККА в ходе Советско-финляндской войны проходило внепланово, согласно специальным заданиям и указаниям наркоматов страны или служб снабжения ЛВО [31, л. 8, 15, 49]. Это затрудняло работу системы снабжения войск и приводило к тому, что материальные средства прибывали на театр военных действий разрозненно, отдельными вагонами [14, л. 135]. Кроме того, зачастую прибывали поезда смешанного состава, включавшие 50-60% народнохозяйственных грузов, увеличивая время на сортировку и формирование снабженческих поездов для войск [25, с. 82]. На это накладывались проблемы слабого развития железнодорожной сети северо-запада СССР. В результате все больше эшелонов на многие дни и недели «пропадали» в железнодорожной пробке, усложняя планирование снабжения войск: центральные органы управления при определении обеспеченности учитывали отправленные материальные средства, которые фактически в войсках отсутствовали. Расхождения уже через двадцать дней после начала войны составляли 40 эшелонов, в которых перевозилось несколько миллионов тонн боеприпасов [19, л. 132-133]. На местах получатели требовали исправить ситуацию, разъяснить им местонахождение, сроки прибытия транспортов и график пополнения запасов материальных средств. Но зачастую вопросы оставались без ответа. Это приводило к неплановому обеспечению войск и грозило срывом снабжения. В ответ тыловые части и учреждения снабжения на театре военных действий, не надеясь на своевременный подвоз, всячески старались создать на своих складах повышенные запасы материальных средств.

В целом, сформированная к началу Советско-финляндской войны группировка тыловых частей и учреждений для обеспечения войск боеприпасами включала в себя 379 окружной склад, предназначенный

для снабжения войск 7 армии (располагался в населенном пункте Осиновая роща), и четыре головных артиллерийских склада: ГАС 1436 – Петрозаводск (8 армия); ГАС 1465 – Мурманск (14 армия); ГАС 1478 – Кочкома, ГАС 1480 – Кемь (оба для войск 9 армии) [15, л. 1].

С увеличением количества войск на театре военных действий складов оказалось недостаточно, и уже к концу декабря 1939 г. на Карельском перешейке были развернуты три новых головных артиллерийских склада: ГАС 1435 (населенный пункт Рауту); ГАС 1466 (Терийоки) и ГАС 1475 (Райвола), а на станциях Ржевка и Котово Октябрьской ж.д. были развернуты склады боеприпасов № 46 и № 70, игравшие роль фронтовых баз. Но и этого оказалось мало, в дальнейшем число ГАС было увеличено до 16. Тем не менее, уставные нормы (один-два корпуса на один головной склад) на практике не соблюдались, фактически каждый склад обеспечивал 2-3 корпуса с приданными им частями усиления.

Для сокращения путей подвоза из некоторых складов были выделены автономно действующие отделения. Однако практика разделения складов с отправкой отделений на другие направления быстро натолкнулась на их низкую укомплектованность автотранспортом (проявлялись недостатки проведенной мобилизации), что не позволило эффективно действовать таким образом [12, л. 294]. Расположение и перемещение ГАС в ходе Советско-финляндской войны указано в табл. 2.

Эти данные свидетельствуют, что наращивание сил и средств системы снабжения боеприпасами происходило, в основном, на Карельском перешейке (в полосе действий войск Северо-западного фронта). Севернее Ладожского озера артиллерийские склады практически не перемещались, лишь выделяя на некоторые отдаленные направления автономно действующие отделения.

Каковы же были результаты деятельности системы снабжения боеприпасами в ходе войны? Данные, позволяющие их оценить, указаны в табл. 3 и 4.

Памятуя об уставных требованиях к содержанию запасов боеприпасов, следует констатировать, что, несмотря на все сложности, система снабжения войск боеприпасами справилась со своей главной задачей: войска боеприпасами были обеспечены на достаточном уровне, который соответствовал требованиям руководящих документов и позволял вести эффективные боевые действия. Исключением является лишь случай с 28 стрелковым корпусом, начало наступления которого было перенесено на сутки (с 3 на 4 марта 1940 г.) в связи с недостаточным уровнем обеспеченности войск (менее 50% от требуемого). Однако это был единственный эпизод за всю войну, когда низкая обеспеченность боеприпасами привела к изменению планов командования (автор считает, что перенос сроков операции 8 армии по разгрому Лоймолловской группировки противника произошел, главным образом, из-за задержки сосредоточения войск).

Таблица 2.

Перемещения головных артиллерийских складов в ходе войны

Склады	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март
1406	-	-	Волховстрой	Волховстрой	Волховстрой
1407	-	-	Свирьстрой	Свирьстрой	Свирьстрой
1408	-	-	Вологда	Вологда	Яппиля (с 5.03.40)
В т.ч. его отделения	-	-	-	-	Хумал-йоки (с 1.03.40) Койвисто (с 5.03.40)
1427	-	-	-	-	Сяйние (с 13.03.40)
1435	-	Рауту	Рауту	Рауту	Рауту
В т.ч. его отделения	-	Лемболово	Лемболово	Лемболово	Лемболово
1436	Петрозаводск	Петрозаводск	Петрозаводск	Петрозаводск	Петрозаводск
В т.ч. его отделения	-	-	Медвежья Гора	Медвежья Гора	Медвежья Гора
1457	-	-	Лодейное Поле	Лодейное Поле	Лодейное Поле
1465	Кола	Кола	Кола	Кола	Кола
В т.ч. его отделения	Петсамо	Петсамо	Петсамо	Петсамо	Петсамо
1466	-	Терийоки	Терийоки	Каннельярви	Каннельярви
В т.ч. его отделения	-	-	Каннельярви	Терийоки	-
1475	-	Райвола	Райвола	Перк-ярви (с 28.02.40)	Перк-ярви
В т.ч. его отделения	-	-	Мустомяки	Мустомяки Перк-ярви	Мустомяки
1478	Кочкома	Кочкома	Кочкома	Кочкома	Кочкома
1480	Кемь	Кемь	Кемь	Кемь	Кемь
В т.ч. его отделения	Кандалакша Медвежья Гора	Кандалакша Медвежья Гора	Кандалакша	Кандалакша	Кандалакша
1485	-	-	-	Яппиля (с 2.02.40)	Кямри (с 5.03.40)
1486	-	-	-	Лоунатиоки (с 2.02.40)	Лоунатиоки
В т.ч. его отделения	-	-	-	Рауту	Рауту
1487	-	-	-	Каннельярви (с 2.02.40)	Каннельярви
В т.ч. его отделения	-	-	-	Лейпясую (с 24.20.40)	Лейпясую
1488	-	-	-	Рауту (с 31.01.40)	Рауту
Итого ГАС	4	7	11	15	16
В т.ч. отдельно действ. отделений	3	4	6	8	9

Таблица 3.

Обеспеченность соединений на первом этапе операции (декабрь 1939 г. – январь 1940 г.)

Наименование соединений	Боеприпасы, боекомплектов		
	29.11.39	20.12.39	31.12.39
14 армия			
14 сд	2,0	2,0	2,0
52 сд	нет сведений	0,3	1,3
9 армия			
122 сд	нет сведений	нет сведений	вп-1,1; ав-1,3
163 сд	нет сведений	винтовочных патронов (вп) -0,7 арт. выстрелов (ав)-0,5	вп-0,8; ав-0,3
54 сд	нет сведений	вп-1,0; ав-0,8	вп-2,0; ав-1,3
44 сд	нет сведений	вп-1,0; ав-0,8	вп-0,5; ав-1,0
88 сд			1,3
8 армия			
155 сд	1,5	нет сведений	1,0
139 сд	1,3	вп-1,5; ав-0,5	вп-1,7
56 сд	1,3	1,0	1,7
75 сд	1,3	вп-0,5; ав-3,8	1,0
18 сд	1,3	вп-5,8; ав-0,5	0,8
168 сд	1,3	нет сведений	0,9
7 и 13 армии			
142 сд	2,3	1,5	1,2
90 сд	2,3	1,5	1,8
49 сд	1,5	1,7	1,5
43 сд	2,3	1,3	1,0
35 тбр	3,5	3,0	2,0
24 сд	2,3	1,5	1,3
70 сд	2,3	нет сведений	1,0
123 сд	1,3	нет сведений	1,3
138 сд	1,3	нет сведений	нет сведений
40 тбр	2,5	3,0	2,3
20 тбр	2,5	нет сведений	2,0
150 сд	1,3	1,3	2,2
4 сд		нет сведений	нет сведений
136 сд		1,0	1,3
100 сд		нет сведений	1,3
1 тбр		2,0	2,0
13 тбр		2,5	3,0
15 тбр		нет сведений	2,3
39 тбр			нет сведений

Таблица 4.

Обеспеченность войск Северо-западного фронта в период с 11 февраля по 10 марта 1940 г.

Наименование материальных средств	Наличие на		
	11.02	3.03	10.03
13 армия			
Боеприпасы для стрелкового оружия, бк	2,7	3,3	3,0
в том числе: в войсках	2,3	2,0	2,1
на станциях снабжения	0,4	1,3	0,9
Боеприпасы для артиллерии, бк	3,8	3,7	4,3
в том числе: в войсках	2,8	2,1	1,8
на станциях снабжения	1,0	1,6	2,5
7 армия			
Боеприпасы для стрелкового оружия, бк	3,1	2,7	2,2
в том числе: в войсках	1,9	1,6	1,0
на станциях снабжения	1,2	1,1	1,2
Боеприпасы для артиллерии, бк	4,7	3,0	3,8
в том числе: в войсках	3,3	1,2	1,8
на станциях снабжения	1,4	1,8	2,0

Об эффективности работы системы снабжения войск боеприпасами свидетельствуют и участники боевых действий. Вот что писал военком артиллерии 13 армии Игнатий Степанович Прочко, будущий генерал-лейтенант, заместитель командующего артиллерией Советской армии, видный историк отечественной артиллерии: «На каждый выстрел винтовки финна следует один или даже несколько выстрелов артиллерийских... Все считают, что снаряды... получают всегда в неограниченном виде... (курсив мой – С. Ж.)» [1, л. 10]. Откуда могла взяться такая уверенность? Только из практики бесперебойного снабжения войск боеприпасами.

Исследователь К. В. Якимович упоминает о тактике «изматывания противника многочасовыми артиллерийскими обстрелами», к которой войска перешли в январе 1940 г. [37, с. 91] Ярким результатом этих действий являлся «лунный пейзаж» из воронок и кратеров, сменявший лес на некоторых участках фронта в начале 1940 г. (Рис.1). Оставляя в стороне вопрос эффективности подобного использования боеприпасов, следует констатировать, что данная тактика действий немыслима без большой и четкой работы системы снабжения войск.

Таким образом, несмотря на все трудности, советскому руководству при подготовке к Советско-финляндской войне 1939-1940 гг. удалось выстроить работоспособную систему снабжения войск РККА боеприпасами. Эта система, опираясь на промышленную базу СССР, эффективно обеспечивала Красную армию боеприпасами в ходе войны.

Рис.1. «Лунный пейзаж» из воронок и кратеров как результат применения тактики многочасовых артиллерийских обстрелов.

Библиографический список

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС). Ф. 58р. Оп. 1. Д. 11.
2. Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930-1980-е годы)/ Рос. Акад. наук, Ин-т рос. истории. М. [ИРИ РАН], 2006. 704 с.
3. Вернидуб И. И. На передовой линии тыла. М. : ЦНИИИИТКПК, 1993. 728 с.
4. Волкотрубенко И. И. Служба боевого снабжения войск. Краткий исторический очерк. Пенза : Пензенское высшее арт. инженерное училище, 1966. 194 с.
5. Жуков С.А. Подготовка северо-западного ТВД к войне с Финляндией // Военно-исторический журнал. 2008. № 10. С. 9-11.
6. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945: В 6 т. Т. 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М., 1960.
7. История тыла Российских Вооруженных Сил (XVIII-XX вв.) : в 4 книгах. Кн. 2. Тыл Красной Армии во время Гражданской войны и в межвоенный период. СПб. : ВАТТ, 2000. 333 с.
8. Макаров П. В. Деятельность Комитета обороны при СНК СССР по развитию производства боеприпасов (1937-июнь 1941 гг.) : автореф. дис. ... к.и.н. М., 2000. 30 с.
9. Наставление по устройству и службе военных дорог (временное). М. - Л., 1934. 140 с.
10. Наши артиллеристы на финском фронте. М. : Воениздат, 1941.
11. Перечень № 8 полевых управлений фронтов и армий, управлений оперативных групп, корпусов, дивизий, бригад, укрепленных районов и бригадных авиационных районов, а также полков, отдельных батальонов и других подразделений и учреждений, входивших в состав действующей армии за период боевых действий у оз. Хасан в 1938 году, на р. Халхин-Гол в 1939 году, при освобождении Западной Белоруссии и Западной Украины в 1939 году и за время Советско-Финляндской войны 1939-1940 гг. М., 1956. 331 с.
12. Российский Государственный военный архив (РГВА). Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1266.
13. РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1306.
14. РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 137.
15. РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 684.
16. РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 700.
17. РГВА. Ф. 34980. Оп. 2. Д. 119.
18. РГВА. Ф. 34980. Оп. 2. Д. 177.
19. РГВА. Ф. 34980. Оп. 2. Д. 29.
20. РГВА. Ф. 34980. Оп. 2. Д. 30.
21. РГВА. Ф. 34980. Оп. 2. Д. 38.
22. РГВА. Ф. 34980. Оп. 2. Д. 94.
23. РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 103.
24. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2-1). М. : ТЕРРА, 1994. 368 с.
25. Тыл Советской армии. М. : Воениздат, 1968. 320 с.
26. Устав тыла Красной армии. Проект. Ч. 2. Армейский тыл. М., 1941. 272 с.
27. Устав тыла РККА (временный). Ч. I. Войсковой тыл. М. - Л., 1934. 352 с.

28. Устав тыла РККА (временный). Ч. II. М. - Л., 1936. 152 с.
29. Учебное пособие по войсковому хозяйству. Харьков, 1940. 235 с.
30. Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1137. Оп. 55. Д. 5.
31. ЦГА СПб. Ф. 1684. Оп. 4. Д. 145.
32. ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 59. Д. 197.
33. ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 59. Д. 200.
34. ЦГА СПб. Ф. 1137. Оп. 44. Д. 206.
35. Центральный Государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 13а. Д. 12.
36. Щерба А. Н. Военная промышленность Ленинграда в 20-30-е годы. СПб.: Изд-во «Нестор», 1999. 164 с.
37. Якимович К. В. Тайпале. СПб., 2002. 185 с.

References

1. Archive of the Military-historical museum of artillery, corps of engineers and Army Signal corps. Fund 58p. Inventory 1. File 11.
2. *Bystrova I.V.* The Soviet military-industrial complex: problems of formation and development (1930-1980 th) / The Russian Academy of Sciences, The Institute of the Russian history. Moscow. [IRI RAN], 2006. 704 p.
3. *Vernyub I.I.* On the front line of the rear. Moscow : ZNIINTIKPK, 1993. 728 p.
4. *Volkotrubenko I.I.* Combat supply service. Brief historical outline. Penza: Penza higher gunnery-engineering school, 1966. 194 p.
5. *Zhukov S.A.* The preparation of the north-west theatre of war to the war with Finland//Military-historical review. 2008. № 10. Pp. 9-11.
6. The history of the Great Patriotic War in the USSR in 1941-1945.: In 6 books. Book 1. The preparation and unleashing of war by imperialistic empires. Moscow, 1960.
7. The history of the rear of the Russian Armed forces (XVIII-XX cent.): In 4 books. Book 2. The Red Army rear during the Civil war and the interwar period. Saint-Petersburg : WATT, 2000. 333 p.
8. *Makarov P.V.* The activity of the Committee of Defense in the Council of public Commissars of the USSR on development of the ammunition production (1937 – June 1941): abstract of dissertation. Moscow, 2000. 30 p.
9. The instruction of arrangement and service of the military roads (temporary). Moscow - Leningrad, 1934. 140 p.
10. Our artillerymen at the Finnish battle-front. Moscow.: Voenisdat. 1941.
11. The List №8 of field administrations of fronts and armies, administrations of operative groups, corps, divisions, brigades, armed districts and aviation brigade districts, and also regiments, independent battalions and other divisions and units affiliating operative army during combat actions at the lake Khasan in 1938, on the river Khalkin-Gol in 1939, during the liberation of the west Belarus and the west Ukraine in 1939 and during the Soviet-Finnish war of 1939-40. Moscow, 1956. 331 p.
12. The Russian State Military Archive (RSMA). Fund 34980. Inventory 1. File 1266.
13. RSMA. F. 34980. In. 1. File 1306.
14. RSMA. F. 34980. In. 1. File 137.
15. RSMA. F. 34980. In. 1. File 684.
16. RSMA. F. 34980. In. 1. File 700.
17. RSMA. F. 34980. In. 2. File 119.
18. RSMA. F. 34980. In. 2. File 177.
19. RSMA. F. 34980. In. 2. File 29.
20. RSMA. F. 34980. In. 2. File 30.
21. RSMA. F. 34980. In. 2. File 38.
22. RSMA. F. 34980. In. 2. File 94.
23. RSMA. F. 34980. In. 1. File 103.
24. The Russian Archive: The Great Patriotic War: The orders of the USSR peoples' commissar of defense. Book 13. (2-1). Moscow : TERRA, 1994. 368 p.
25. Soviet Army rear. Moscow.: Voenisdat, 1968. 320 p.
26. The Statute of the Red Army rear. Design. Part 2. Army rear. Moscow, 1941. 272 p.
27. The Statute of the Red Army rear (temporary). Part 1. Military rear. Moscow - Leningrad, 1934. 352 p.
28. The Statute of the Red Army rear (temporary). Part 2. Moscow - Leningrad, 1936. 152 c.
29. Military economy tutorial. Kharkiv, 1940. 235 p.
30. Saint-Petersburg Central State Archive (SPb CSA). F. 1137. In. 55. File 5.
31. SPb CSA. F. 1684. In. 4. File 145.
32. SPb CSA. F. 7179. In. 59. File 197.
33. SPb CSA. F. 7179. In. 59. File 200.
34. SPb CSA. F. 1137. In. 44. File 206.
35. Central State Archive of the historical-political documents of Saint Petersburg F. 25. In. 13a. File 12.
36. *Scherba A.N.* Military industry of Leningrad of 1920-30th. Saint-Petersburg : «Nestor» publishing house, 1999. 164 p.
37. *Yakimovich K.V.* Taipale. Saint-Petersburg, 2002. 185 p.

Н.Л. ИЛЬИНА

аспирант, кафедра всеобщей истории, Орловский
государственный университет
E-mail: ninleon@yandex.ru

N.L. ILYINA

Graduate student, Department of General History, Orel
State University
E-mail: ninleon@yandex.ru

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

RUSSIAN EMIGRATION IN WEIMAR GERMANY: SOCIO-PSYCHOLOGICAL PORTRAIT

Массовая эмиграция русских после Октябрьской революции была вынужденной и расценивалась самими эмигрантами как временная. В Германии начала 20-х гг. сформировалась большая русская община. Русские эмигранты в Германии того периода жили прошлым и мечтой о скором возвращении на Родину. Внутреннее состояние переселенцев было подавленным. Русские эмигранты представляли собой диаспору внутри другой страны, которая больше интересовалась проблемами и событиями, происходившими в Советской России, чем жизнью Германии.

Ключевые слова: эмиграция, имагология, образ, эмигрантская пресса, Веймарская Германия.

The mass emigration of Russians after the October revolution was compelled and it was seen by the emigrants as temporary. In 1920's Germany the big Russian community was formed. Russian emigrants in Germany of that period lived recollecting the past time and dreamed about returning the motherland. The inner state of the arrivals was depressive. Russian emigrants represented a diaspora in the alien country taking more interest in the problems and events in the Soviet Russia than in the life of Germany.

Keywords: emigration, imageology, image, emigrant press, Weimar Germany.

В начале 20-х годов Германия была центром притяжения русской эмиграции. «Берлинское сидение» оставило множество свидетельств того, как вынужденные изгнанники воспринимали давшую им приют землю и ее жителей. Тексты русских эмигрантов, написанные в 20-е годы по свежим следам событий, – это ценный, но специфический источник. Он отражает одновременно два образа: образ народа, которому посвящён, и образ народа, в среде которого создан. Для правильного анализа нужно учитывать это важное условие. В своих трудах эмигрантские летописцы постоянно оглядывались на Россию, сравнивали, сопоставляли и все выводили из нее.

К 1921 году в Берлине сконцентрировалось около 300 тыс. русских беженцев [11]. Интенсивная и компактная русская колония представляла собой как бы город в городе. До революции дипломат царской России, а впоследствии один из реэмигрантов Юрий Соловьев приводит слова своего немецкого коллеги: «...нам скоро не будет места у себя дома». И отмечает, что на некоторых улицах Берлина действительно можно было слышать русскую речь также часто, как и немецкую. В то время был даже популярен анекдот о немце, повесившемся в германской столице от тоски по Родине. Формированию крупной русской колонии в Берлине в первую очередь способствовали экономические причины, а также относительная географическая близость к России и скорое установление дипломатических отношений между двумя молодыми республиками, что позволяло эмигрантам

поддерживать активную связь с покинутой Родиной и соотечественниками. Немаловажным фактором, как писал Николай Бердяев, было то, что Германия воспринималась ими как «промежуточный мир» т.е. как государство не совсем западное, более близкое русскому духу.

Для страдающей под давящим грузом репараций, материально выжатой поражением в Первой мировой войне Германии русская эмиграция была значительным социальным балластом. Ситуацию усугубляли требования Версальского мирного договора, который образно назван в одной из статей, посвященной очередному Германскому кризису, «авилонской башней человеческой глупости». Роман Гуль дал ситуации резкую, но довольно точную оценку: «История послевоенной Западной Европы 20-х годов стала рассказываться уже не только «дураком», но и «дураком» алчным и слепым... Вместо того, чтобы поддержать молодую Германскую демократию, версальские победители рвали с нее все, что она могла им дать и что ей было давать уже не вмоготу» [4]. Все сводилось к тому, чтобы взыскать как можно больше, т.к. и самое максимальное взыскание в достаточном объеме не окупало бы всех убытков, понесенных в войне [3].

Отношение немецких властей к русским беженцам было неоднозначным. Германские власти опасались иностранцев вообще, а русских особенно. Со временем общественно-политический фон вокруг эмигрантов становился все более тяжелым. Немцы взирали чуть ли не

на каждого иностранца с раздражением и озлоблением, которое нередко выливалось в весьма одиозные формы. Впоследствии немецкие исследователи русской эмиграции в Германии даже называли ее правозкстремистские круги и антисемитизм факторами, повлиявшими на формирование в стране идей национал-социализма [10]. Заключение Раппальского договора и введение рентной марки привело к резкому ухудшению материального и правового положения русских эмигрантов в Германии. Вместе с рядом экономических и социально-психологических причин это толкало многих к отъезду из страны, что к концу 1923 года обрело характер «повального переселения». Столица эмигрантской диаспоры переместилась в Париж.

В эмиграции были представлены практически все высшие сословия распавшейся Российской империи. Поэтому трудно говорить об унифицированном и однообразном восприятии, для каждого Германия преломлялась через его внутренний мир, жизненный опыт, психологическое состояние. Немецкий исследователь Карл Шлегель удивительно тонко охарактеризовал специфику восприятия Германии русскими эмигрантами: «300 пар глаз, видят многое. Среди них есть глаза, которые не замечают на новом месте ничего особенного; есть глаза, которые сравнивают с тем, что видели на этом же самом месте раньше, в иные времена; есть и другие, ослепшие от ужасов, которые им пришлось повидать, и от пролитых слез». [8].

Окружавшая русскую эмиграцию действительность оказалась очень далека от привычной для многих, упорядоченной, предсказуемой и благополучной кайзеровской Германии. Ощущение нестабильности, зыбкости, ожидание перемен были характерными особенностями духовного климата начального периода существования Веймарской республики. Показательны эпитеты, используемые в начале каждого повествования русских об их пребывании в Германии: «голодная и холодная» (И.В. Гессен), «чахлая Германия» (Н.Н. Берберова), «нищая, аккуратно-обтрепанная, полуголодная» (Р. Гуль). Во многих отношениях Берлин был продолжением недавнего Российского опыта: кризис, послевоенная ситуация, нестабильность. Находясь в обстановке германского хаоса и разрушения начала 20-х годов, русские писали о том, что эта непохожая на довоенную Германию новизна звучала отголоском недавно пережитого на родине. Веймар воспринимался вынужденными эмигрантами через призму их опыта, а оттого разруха и всеобщее неуравновешенное состояние зачастую вызывали не отторжение, а невольную ностальгию по покинутой Родине.

На кризисную обстановку периода становления Веймарской Германии накладывалось внутреннее состояние вынужденных переселенцев: им было призрачно, пустынно, одиноко [7]. Для русских эмигрантов было характерно обостренное трагическое, эмоционально гипертрофированное восприятие бытия. «В этой жизни эмигрантской, даже дождь угрюмей хлещет», – констатировал Саша Черный. Мир воспринимался ими через смертельно щемящую психологию выброшенного

из родной колеи человека. К психологическому состоянию эмигрантов часто обращаются авторы эмигрантских газет. Так председатель правления Союза русских журналистов и литераторов в Германии Яблоневский писал в 1926 году в газете «Руль»: «Устали, измучились, озлобились. Ведь камни-то сыпятся на нас бесперерывно. Долгие постылые годы без Родины, для многих без семьи, без привычной деятельности, часто без работы, даже поденной, физической. Как не измучиться?». На страницах газеты «Накануне» были представлены более критичные характеристики: «эмигрант родился испуганным и пришибленным», «эмигрантское болото, обывательщина», «в потемках эмигрантского склепа раздаются стуки костлявых рук в крышки гробов», эмигранты только и могут, что «шипеть, судачить, сплетничать и выдумывать сенсации». Автор сменовеховской газеты Пиотровский в фельетоне об эмиграции пишет: «Послушайте, вы, пиликающие на разбитых скрипках милый вальс «Невозвратимое время». В мире есть много звуков, но лучшие из них те, что создают песни будущего». Эмигранты же во многом жили прошлым. Известный публицист Федор Степун так характеризовал внутреннее состояние эмиграции: «души, печальными верстовыми столбами торчащие над собственным своим прошлым, отмечая своею неподвижностью быстроту несущейся мимо них жизни». Писатель Сергей Горный в газете Руль в 1922 году ностальгировал по своему: «Жизнь прошла. Хочется под дерево снежное подойти и послушать вся жизнь свою. Молчание Павловского парка – самое мудрое и святое, что узнали в жизни. Раскрытые ризы души. Тогда во что-то верили. Прямо в душу входил белый снег. Ничего, ведь, в жизни лучше того, и чище, и серебрее не было» [2].

В чужой стране, в чуждой среде русские не могли не чувствовать себя инородным телом. Оттого создавали собственный маленький русский мир на чужой территории, ставили себя над окружающей их суетой немецкой жизни и жили мечтой о скором возвращении на Родину. Все ждали: «Скоро ли? Скоро ли подохнут?» – имея в виду падение советской власти. И сами себе из года в год отвечали «Теперь уже скоро». И все надеялись, как писал О.О. Клопотовский под псевдонимом Лери в газете «Руль» в своем стихотворном новогоднем поздравлении с наступающим 1926 годом «Мои пожелания», что «... просто так, без боя, / Как фурункул сам собою / С треском лопнет совнарком». В его поздравлении ярко проявлялась исконная черта русского характера, которой сами же эмигранты стыдились. «Это наша национальная черта, – пишет А. Яблоневский, – черта отвратительная постыдная, слюняйская привычка надеяться на других, надеяться на «дурацкое счастье» и не надеяться на себя. Я очень боюсь и очень стыжусь этой национальной черты нашей», – подчеркивает литератор [9].

Берлинский период многие эмигранты воспринимали как пересидку. Особенно это относилось к первой волне эмиграции, в основной своей массе оценивавшей пребывание в Германии как временное. Однако как пишет эмигрантский поэт под псевдонимом *Lolo* в сти-

хотворении «Гулькина карьера» в газете «Руль» «Годы шли унылой вереницей./Беглецы скитались за границей./Без надежд, без мысли плодотворной...». И настроение многих из них становилось все удрученнее. От мыслей о самоубийстве некоторых отвлекало только наличие семьи и детей. В газете «Руль» приводится художественный рассказ «Преступник», где эмигрант, отчаявшись, «уже другого выхода нет», идет к реке, «да, нужно кончать, думал он, все пути испробованы и все ни к чему не привело». Но в последний момент его посетила ранее как-то не приходившая в голову мысль, он подумал о жене и сыне «ведь они без меня погибнут», он с ужасом отшатнулся от обледеневших перил. «Нет, придется пойти к табачнику, упасть на колени, унизиться, молить, плакать... Господи, неужели придется испить и эту чашу, только из-за того, что ты лишен даже права на смерть!...» И горькие, безнадежные слезы, закапали на холодную поверхность реки.

Контакты русских с местным населением носили эпизодический, непродолжительный и в основном деловой характер. Эмигранты были погружены в свой собственный мир, оттого тесных межличностных связей сформировано не было. Известная актриса Нина Берберова отмечает, что для нее был только «Русский Берлин», другого она не знала, «немецкий Берлин был только фоном этих лет». Внутренние проблемы русской эмигрантской общины и положение дел на территории покинутой Родины интересовали их гораздо больше экономических, политических, социальных проблем молодой Веймарской Германии. Советский поэт Лев Лунц, прибывший в 1923 году в Веймарскую Германию на лечение, приводит свои наблюдения: «...Русские с немцами вообще не встречаются, не разговаривают, не якшаются. Потому что говорят только друг с другом, покупают в своих русских магазинах, читают русские газеты. Единственный представитель германской нации, с которым эмигрант имеет дело, – это квартирная хозяйка. Отсюда ненависть ко всему германскому... Они не видели ничего немецкого. Ни разу не были в немецком театре, немецком музее. Не прочли ни одной немецкой книги... В автобиографическом романе «Другие берега» Владимир Набоков признает, что за пятнадцать лет жизни в Германии он действительно не познакомился близко ни с одним немцем, не прочел ни одной немецкой газеты или книги и никогда не чувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка. Владимир Набоков представляет свое субъективное, но распространенное в среде эмигрантов отношение к принявшей их на своей территории стране. Он говорит о том, что тысячи русских людей существовали среди «...не играющих ровно никакой роли призрачных иностранцев. Туземцы эти были как прозрачные, плоские фигуры из

целлофана, и хотя мы пользовались их постройками, изобретениями, огородами, виноградниками, местами увеселения и т. д., между ними и нами не было и подобия человеческих отношений» [6].

Вся германская действительность неизбежно воспринималась эмиграцией через призму «русскости» и «русского». Любое внутри или внешнеполитическое событие, социальный или экономический факт, повседневное наблюдение отсылали русского эмигранта к покинутой Родине, вызывали бесконечные сравнения и аналогии. Многие действительно присущие немецкому характеру свойства вызывали у русских инстинктивное отторжение. Сам жизненный уклад немцев – с их пунктуальностью, аккуратностью, обывательской скукой, прусской дисциплинированностью – не был близок русским. Известный эмигрантский писатель Роман Гуль сетовал на то, что «немцы – народ прирожденный дисциплине, иерархии, организованности, труду. В них нет стихии русского окаянства» [4]. Русские авторы часто подмечали такие традиционно приписываемые немцам черты, как пунктуальность, разумность, умеренность, педантичность, расчетливость. Характеризуя немецкий повседневный быт, Иосиф Гессен использует следующие словосочетания: заскорюзлые традиции, закоренелые обычаи и навыки, феноменальная расчетливость, которая иногда исторгала у автора «невольный крик изумления» [1]. Однако нередко эти германские особенности воспринимались как нечто, чего вынужденным переселенцам не хватало в хаосе окружающей действительности, в русском духе и бытии. «В Берлине под каждым номером дома, ясным и четким, поставлена стрела. В этом, мол, направлении номера повышаются, идешь сразу куда нужно... В зигзагах прохожих есть отчетливая экономия». «Пустяк, чепуха, мелочь? – вопрошает один из авторов «Руля» С. Горный, и сам отвечает – из мигнов складывается экономия нации, почему мы никогда не знаем, куда идти?».

Массовая эмиграция русских после Октябрьской революции была вынужденной и расценивалась самими эмигрантами как временная. В Германии начала 20-х гг. сформировалась большая русская община. Русские эмигранты в Германии 20-х гг. жили прошлым и мечтой о скором возвращении на Родину. Внутреннее состояние переселенцев было подавленным. Контакты русских с местным населением носили эпизодический, непродолжительный и в основном деловой характер. Вся германская действительность неизбежно воспринималась эмиграцией через призму «русскости» и «русского». Русские эмигранты представляли собой диаспору внутри другой страны, которая больше интересовалась своими проблемами и событиями, происходившими в советской России, чем жизнью Германии.

Библиографический список

1. Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Paris: YMCA-Press, 1972.
2. Горный С. Святки. Царское село (этюды). Руль. 1925. №1240.
3. Государственный архив Российской Федерации. Фонд Р. 5881. Оп.1. Д. 249. Быкадоров И. Возможности Германского реванша. 1923.

4. *Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. I: Россия в Германии. Нью-Йорк: Мост, 1984.
5. *Набоков В.* Другие берега. М.: АСТ, 2006.
6. Письма М.О. Гершензона ко Льву Шестову (1920-1925). В кн.: Минувшее. Исторический альманах. Выпуск 6. М.: Прогресс, 1992.
7. *Шлегель К.* Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918-1945). Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2004.
8. *Яблоневский А.* Конек-Горбунок. Руль. 1926. №1257.
9. Der grosse Exoodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. Herausgegeben von Karl Schloegel. München 1994. S.251.
10. *Volkman H. E.* Die russische Emigration in Deutschland 1919-1929. Wrzburg., 1966. S.5.

References

1. *Gessen I. V.* The Years of Expulsion: The Life's Account. Paris: YMCA-Press, 1972.
 2. *Gorniy S.* Christmastide. Tsarskoe Selo. (Essay) // Rule. 1925. №1240.
 3. State Archive of Russian Federation. Corpus P. Inventory 1. File 249; Bykadorov I. The possibilities of German Revenge. 1923.
 4. *Gule R.* I Took Away Russia. An Apology of Emigration. Vol. 1. Russia in Germany. New York: Most, 1984.
 5. *Nabokov V.* The Other Shores. M.: AST, 2006.
 6. The Letters of M.O. Gershenson to Leo Shestov // Minuvsheye. Historical Almanac. Issue 6. M.: Progress, 1992.
 7. *Shegel K.* Berlin, the Eastern Railway Station. Russian Emigration in Germany Between Two Wars (1918-1945). Traslation from German. M.: ROSSPAN, 2004.
 8. *Yablonevskiy A.* Crookback Hobbyhorse // Rule. 1926. №1257.
 9. Der grosse Exoodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. Herausgegeben von Karl Schloegel. München 1994. S.251.
 10. *Volkman H. E.* Die russische Emigration in Deutschland 1919-1929. Wrzburg., 1966. S.5.
-

УДК 94(47).083-283.2-414

UDC 94(47).083-283.2-414

И.Л. КАРТЕЛЁВ

старший преподаватель, кафедра всеобщей истории, Орловский государственный университет

I.L. KARTELYOV

Senior Lecturer, Department of General History, Orel State University

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 ГГ. В РОССИИ

THE INTELLIGENTSIA IN THE REVOLUTION OF 1905-1907 IN RUSSIA

Статья посвящена российской интеллигенции в революции 1905-1907 гг. Показаны изменения в позиции интеллигенции в ходе революционных событий. Вывод, сделанный в статье, – интеллигенция, не имевшая собственных средств и методов борьбы, приняла революцию и итоги её как данность, не сыграв в ней сколь-нибудь значительной роли.

Ключевые слова: революция, интеллигенция, социальная борьба, лидирующая роль, эволюция.

The article is devoted to the evolution of the Russian intelligentsia in the revolution at the beginning of the XX century. The author considers that the intelligentsia in Russia didn't have its own means and methods of social struggle and couldn't play the leading role in the revolutionary movement.

Keywords: revolution, intelligentsia, social struggle, leading role, evolution.

Отношение российской интеллигенции начала XX века к революции было весьма сложным и противоречивым. Сложность эта во многом определялась несоответствием между стремлениями интеллигенции и теми возможностями, которыми она, как социальная группа, обладала. Условия самодержавной России – политическое бесправие огромного большинства населения, засилье бюрократии, бедственное положение в области здравоохранения, образования, культуры не могли не вызывать негативного отношения интеллигенции. Значительная часть российских интеллигентов не могла похвастаться высоким уровнем жизни. В привилегированном положении находились лишь верхи интеллигенции, близкие к правящему классу.

Стремление к демократизации России, к созданию такого общества, в котором интеллигенция заняла бы место, соответствующее ее социальной значимости, порождало активность интеллигенции, усиливавшуюся по мере нарастания кризисных явлений во внутренней и внешней политике царизма. Уже в конце XIX-начале XX века на съездах интеллигентской общественности выдвигались требования улучшения постановки дела образования, здравоохранения, науки, культуры, т.е. тех сфер, деятельности в которых посвятили себя сотни тысяч интеллигентов.

Однако в тот период выполнение требований интеллигенции не связывалось обязательно с революционным свержением царизма. Наиболее желательным вариантом для интеллигенции было добровольное движение правящего режима в сторону демократизации страны. Но нежелание царизма пойти навстречу требованиям общественности активизировало деятельность интеллигенции заставляло ее переходить к более энергичным действиям.

Осенью 1904 года, когда наметились первые симптомы «потепления» во внутренней политике самодержавия, началась т.н. «банкетная кампания», в ходе которой интеллигенция, вдохновленная колебаниями режима, ставила все более широкие требования, касавшиеся прежде всего демократизации страны, введения конституции, всеобщего избирательного права. Проходившая в период «либеральной весны» «банкетная кампания» выражала иллюзии интеллигенции на возможность путем совместного натиска демократических сил заставить царя дать стране конституцию. В этом процессе складывалось впечатление единодушия российского общества.

Однако здесь налицо было скорее смешение «общей ненависти к чиновничеству с единством политических и социальных идеалов.» [7. с.276] С другой стороны, у значительной части российской интеллигенции складывалось впечатление близости победы демократии под напором сил, заинтересованных в изменении политического режима. В этой обстановке интеллигенция поддерживала различные оппозиционные течения и организации. Главным образом поддержка определялась именно оппозиционностью данных сил, а не той или иной партийной направленностью их. Различия в программах политических партий не были для большей части российской интеллигенции основанием дифференцированного к ним отношения.

Тем более что в части своих положений программы политических партий России были сходны. Это касалось разделов, посвященных демократическим правам образованию, здравоохранению и т.д. Главное, что видела интеллигенция в деятельности революционных или просто оппозиционных партий, заключалось в их антисамодержавной направленности. Именно поэтому сим-

патии и практическая поддержка интеллигенции были на стороне движения в целом.

В начале XX века среди российской интеллигенции развилась своеобразная мода на “революционность”, когда помогать революционерам считалось едва ли не признаком хорошего тона. На нужды борьбы с самодержавием жертвовались деньги, причем часто эти пожертвования осуществлялись опять-таки без разделения на партийные направления. Так, в 1904 году московские земские врачи создали группу содействия революционному движению. Группа собирала денежные средства и распределяла их между РСДРП, эсерами и Союзом Освобождения. В 1905 году Союз равноправия женщин, объединявший в основном лиц интеллигентных профессий, часть собранных денег равномерно распределял между партиями эсеров и социал-демократов. Нередко подпольными явками, устраивавшимися интеллигенцией, в разной мере пользовались члены различных политических направлений. В тайном складе литературы, обнаруженном полицией в одной из подмосковных больниц, вместе хранились брошюра Ленина «К деревенской бедноте» и произведения эсеровского автора Л. Шишко, большевистские газеты и письмо М. Спиридоновой. [4.д.3036.л.л. Зоб.-4.]

События 9 января 1905 года, положившие начало первой российской революции, произвели огромное впечатление на интеллигенцию. По всей стране проходили митинги, собрания интеллигенции, на которых выносились резолюции, осуждавшие расстрел безоружных петербургских рабочих. Общий тон резолюций, характер выдвинутых в них требований свидетельствовали о сдвиге влево, который произошел в интеллигентской среде в результате событий Кровавого воскресенья. На собрании помощников присяжных поверенных в Москве 11 января действия царского правительства были расценены как «массовое убийство». Резолюция отмечала, что борьба с режимом должна вестись теперь всеми возможными средствами, не исключая насильственных. [3] 3 февраля в Одессе местный комитет РСДРП провел собрание интеллигенции, на котором была принята предложенная большевиками резолюция. В ней подчеркивалось, что свержение царизма возможно лишь в результате вооруженного восстания. [10. с.301]

Активно включилось в борьбу студенчество. В университетах и институтах происходили непрерывные митинги, на которых часто звучали призывы объявить забастовку всех высших учебных заведений на все второе полугодие как протест против событий 9 января. После принятия резких политических резолюций одно за другим закрывались высшие учебные заведения страны. В течение января-середины февраля 1905 года решение о прекращении занятий и вступлении в стачку приняли студенты почти всех вузов России. На своих митингах студенты требовали созыва Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. Как правило, подобные резолюции заканчивались призывом к студенчеству включаться в борьбу с самодер-

жавием вместе с революционными партиями. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в резолюциях речь часто шла о партиях, а не о какой-то одной политической партии. 15 января на сходке студентов Киевского политехнического института была принята резолюция с призывом прекратить занятия и включиться в революционную борьбу. В группу, которая разрабатывала документ, входили большевики, меньшевики, эсеры, бундовцы. [8.с.689] Нередко революционные партии в период после Кровавого воскресенья выступали совместно в интеллигентской среде. Московский комитет РСДРП совместно с эсерами издал в январе воззвание к фармацевтам, где были увязаны задачи борьбы за профессиональные требования интеллигенции с борьбой за политическое освобождение страны. [5.д.59.л.4об.] 31 марта 1905 года в Петербурге на заседании общества больничных врачей большевики и эсеры выступили с совместными лозунгами, призывавшими к свержению самодержавия и установлению демократической республики. На заседании был организован совместный сбор денежных средств на борьбу.

На наш взгляд, здесь сказался переживаемый Россией момент, сложившийся в стране под воздействием событий 9 января, когда казалось, что после такой трагедии все демократические силы должны объединиться для совместной борьбы с преступным режимом, что совместным фронтом должны выступить все направления, на знамени которых написано «Долой самодержавие!»

Значительным шагом в развитии движения интеллигенции весной 1905 года стало создание интеллигентских профессиональных союзов и объединений их в единый Союз Союзов. Следует отметить, что процесс образования профсоюзов интеллигенции шел под воздействием всей обстановки в стране, усиливавшегося противостояния народа, всех демократических сил и царизма. Создание союзов было естественным и логичным шагом в направлении консолидации сил интеллигенции в ходе борьбы за демократию. Значительную роль в образовании интеллигентских союзов и объединении их в единый Союз Союзов играли деятели либерального направления. Члены союза «Освобождения», принявшего самое активное участие в создании профессионально-политических союзов интеллигенции, считали, что та платформа, в которой выдвигаются минимальные политические задачи в демократической революции, является тем общим минимумом, который един для всех политических направлений, и, следовательно, может стать программой всей демократии. В кампании по созданию интеллигентских союзов участие приняли все политические направления, включая и революционные партии. Большевики и эсеры увидели в союзах удобное средство воздействия на образованное общество с целью привлечения его на сторону революции.

Весной и летом 1905 года интеллигенция активно участвовала в широком демократическом движении, выступая против попыток царизма сбить накал революционной борьбы созывом Булыгинской Думы. III съезд

Союза Союзом в июле 1905 года большинством голосов признал недопустимым для своих членов «... ни проведения кого-либо в проектируемую думу, ни личное участие в ней.» [6. д. 3 л. 3]

Обстановка существенно изменилась после Манифеста 17 октября. Процесс «левения» интеллигенции явно пошел на спад. Усилились конституционные настроения в её среде. Значительная часть интеллигенции вошла в состав кадетской партии, образовавшейся в период усиления реформистских тенденций в российском обществе. Вместе с тем проводившаяся одновременно с принятием Манифеста репрессивная линия царизма настораживала интеллигенцию, заставляла её быть готовой к отражению наступления режима на демократические силы. Представляется, что участие интеллигентов в вооруженной борьбе с царизмом, вхождение их в состав боевых дружин имело место скорее не как шаг в процессе усиливавшейся борьбы с самодержавием и результат деятельности революционных партий в интеллигентской среде, а как стремление интеллигенции обеспечить собственную безопасность, как самозащита.

В целом, следует сказать, что по мере развития революции менялось и поведение российской интеллигенции. Главное, что характеризовало ее эволюцию – это постепенное угасание активности. Анализируя поведение интеллигенции в революции, писатель М. Алданов верно подметил, что интеллигенция растерялась. [1] Набор средств, которым она располагала в борьбе за демократию, оказался недостаточным. Здесь во многом сказались особенности интеллигенции как социального слоя – ее разобщенность, индивидуализм, склонность к быстрому переходу от подъема к апатии и пессимизму, неспособность к длительной и упорной борьбе. Российский интеллигент охотно помогал революционерам, давал им деньги, укрывал в своей квартире, хранил нелегальную литературу, оружие. Особенно активно интеллигенты вступали в ряды революционных партий.

Тем не менее, когда потребовалось участие в непосредственной схватке с режимом, интеллигенция оказалась к этому не готова. Та ее часть, которая все же приняла участие в вооруженной борьбе в декабре 1905 года, не может, по причине своей незначительности характеризовать поведение интеллигенции в целом. Да и вооруженные акции интеллигенции часто имели место не как борьба за свержение самодержавия, а самообо-

рона от черносотенных погромов. Доля интеллигентов, участвовавших в вооруженных восстаниях, была весьма незначительной. Так, в состав боевых дружин в Москве входило лишь 250 студентов, что являлось малой частью учащейся молодежи города. А ведь студенчество было самым активным элементом в интеллигентской среде. Против вооруженного восстания выступило Московское бюро Союза Союзом. [2] Осудили крайние методы в борьбе за демократию известные деятели отечественной культуры – Д. Мережковский, З. Гиппиус, М. Кузьмин и др.

Стремясь к изменениям в политическом строе, российская интеллигенция в большинстве своем была не склонна добиваться этого насильственными методами, более полагаясь на мирный путь. Особенно конституционные настроения усилились с выходом царского Манифеста 17 октября 1905 года. А после поражения декабрьских вооруженных восстаний эти настроения стали главным, что определяло поведение интеллигенции.

К тому же среди интеллигенции были сильны опасения, что в революции разрушительные мотивыобладают над созидательными, что стихийные силы, разбуженные в широких народных массах, могут уничтожить не только «вредные элементы русской жизни, но и жизненно важные, необходимые.» В революционном огне может пострадать и сама интеллигенция. Причем ответит она не за себя, не за свои идеалы и стремления. Они-то как раз глубоко народны. Интеллигенция может пострадать в революции как бы попутно, попав под горячую народную руку. При этом ответит интеллигенция «за имущие классы, среди которых выросла, ... за классовую эксплуатацию, в которой, несмотря на все свои идеи и идеалы, принимала деятельное участие.» [9. с. 57.] Во многом эта подсознательная, подспудная боязнь стихийного народного движения, грозящего перейти в неуправляемый бунт, делала линию интеллигенции в революции весьма осторожной и непоследовательной.

В итоге основная масса интеллигенции, хотя и заинтересованной в изменении политического режима, в широкой демократизации страны, тем не менее, соприкоснувшись с российской действительностью, поставленная перед необходимостью выбора между либеральными и радикальными методами действия, не заняла решительную революционную позицию, а в 1906-1907 гг. и вовсе отошла от революции.

Библиографический список

1. Алданов М. «Самоубийство» // Октябрь. 1991. №5.
2. Борьба. 1905. 29 ноября.
3. Вперёд. 1905. 14 февраля. №6.
4. Государственный архив Российской Федерации. ф. 280. 1907. оп. 1.
5. Государственный архив Российской Федерации. ф. 518. оп. 1.
6. Там же.
7. Миллюков П. Н. Воспоминания. М. 1990. т. 1.
8. Начало Первой русской революции. Январь – март 1905. М. 1955.
9. Русское богатство. 1905. №3.
10. 1905 год на Украине. т. 1. Харьков. 1925.

References

1. *Aldanov M.* The Suiside.//The October.1997. №5.
 2. The Struggle.1905. November 29.
 3. Forward.1905. February 14. №6.
 4. The State archive of Russian Federation. F.280. 1907. File 1.
 5. The State archive of Russian Federation. F.518. File 1.
 6. The State archive of Russian Federation. F.518. File 1.
 7. *Milukov P.* The memoirs. Vol.1. M. 1990.
 8. The beginning of the First Russian revolution. January – march of 1905. M. 1955.
 9. The Russian wealth. 1905. №3.
 10. The 1905 in the Ukraine. Vol.1. Harkov. 1925.
-
-

УДК 94 (470)

UDC 94 (470)

А.А. МАЙОРОВ

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и музейного дела, Орловский государственный институт культуры
E-mail: aamajorov@rambler.ru

A.A. MAYOROV

Candidate of History, Department of history and museology, Orel State Institute of Culture
E-mail: aamajorov@rambler.ru

**ВЕРХОВСКАЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОВИНЦИЯ И ЕЕ ВКЛЮЧЕНИЕ
В СОСТАВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА**

**HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL PROVINCE OF THE UPPER REACHES OF THE OKA RIVER
AND ITS INCLUSION INTO THE COMPOSITION OF RUSSIAN STATE**

Русские земли в верхнем течении реки Оки до XVI в. сохраняли заметную специфику своего исторического развития, которую они утратили в процессе вхождения в состав Российского государства. Потеря региональной самобытности стала результатом политических волевых решений великих московских князей, полностью изменивших дальнейшую судьбу рассматриваемых территорий.

Ключевые слова: история, верховские княжества, создание российского централизованного государства.

Russian lands in the upper reaches of the Oka had conserved notable specifics of its historical development, which were lost during the process of its inclusion into the composition of Russian state. Loss of regional identity was the result of Moscow great dukes' political volitional decisions, which radically changed further destiny of viewed territories.

Keywords: history, principalities of the upper reaches of the Oka river, establishment of Russian centralized state.

В ходе исторического развития России на ее территории возникали различные племенные, этнические и административные формирования. С течением времени они постепенно теряли свои отличительные черты и одно за другим входили в состав централизованного российского государства. Этот процесс активизировался в конце XV в. и приобрел черты необратимого явления в XVI в. в ходе усиления Московского княжества и превращения его в центр новой российской государственности.

В состав Московского государства включались, как известно, сохранявшие до той поры реальную или формальную независимость земли и княжества. Каждое такое включение было результатом крупных военно-политических акций. Вместе с тем, в него менее заметно входили обширные территории, долгое время сохранявшие некую административно-территориальную и историко-культурную автономию. Одной из самых крупных и значимых из них, по нашему мнению, являлась так называемая «Верховская историко-географическая провинция», представленная орловскими, тульскими, брянскими, калужскими и липецкими землями.

Отечественными историческими исследованиями явочным порядком определены примерные границы и названия наиболее крупных историко-географических единиц на территории исторической Руси: земля Рязанская, Смоленская, Новгородская и т.д. В литературе весьма четко и обоснованно прослеживается связь перечисленных и прочих великих княжений с древними восточнославянскими племенными союзами. Можно

утверждать, что исторические земли Древней Руси формировались на основе этноплеменных образований славян, восходящих к середине I тысячелетия нашей эры, и именовались не по этнонимам, а по названиям стольных городов. [7, с. 291] В то же время, до настоящего времени существуют земли «не полностью классифицированные», чья принадлежность к той или иной исторической провинции не вполне очевидна либо кратковременна. К их числу с полным правом можно отнести земли бассейна Верхней Оки, между истоками Дона и Десны, несколько раз игравшие чрезвычайно важное значение в истории государства Российского.

Историко-географическое членение российской земли не совпадает с административными границами как современной, так и более ранних эпох. В связи с этим представляется возможным поставить вопрос о существовании некоего весьма крупного историко-географического региона под вышеуказанным названием. Данный регион характеризуется наличием общего комплекса политико-экономических и социально-географических причин, приведших к длительному сохранению автономного существования вятичского этнополитического объединения (племенного княжения, славинии) и Верховских княжеств в окружении экономически, политически и военно превосходящих соседей.

Названный регион представляет собой территории, ограниченные на севере широтным течением реки Оки, на западе – бассейном реки Десна, на востоке – верховьями реки Дон, на юге – водоразделом реки Сейм. Эти

границы не всегда имели устойчивый характер и менялись под воздействием политических, военных и этнических факторов, тем не менее, ядро «Верховий» можно отследить на исторических и политических картах примерно с середины I тысячелетия нашей эры.

Рассматриваемые территории довольно давно выделялись в работах историков вследствие специфики своего развития. В литературе они носили различные названия – Земля вятичей, Верхнеокский край, земли верховских княжеств. В то же время, до настоящего времени не находилось исследователя, который взялся бы соединить уже собранные, рассмотренные и изученные данные исторических и археологических исследований, обратить внимание на ряд поразительных общих признаков, которые позволяют заявить о существовании особой историко-географической провинции, в целях сохранения исторической традиции условно называемой автором Верховией.

Крайне интересны противоречия между данными археологов и летописей, характеризующих уровень развития этих земель. Очень необычна их средневековая история, ставшей ареной соперничества двух русских централизирующих центров (Москвы и Литвы). Знаменательно, что переход именно этих земель под власть Московского государства совпал с окончательной потерей Великим княжеством Литовским функций «другого» русского национального центра и началом его стремительной полонизации.

Ряд весомых причин позволяют рассматривать историю верховских княжеств и территорий как логичное и естественное продолжение истории Земли вятичей и северо-восточных волостей великого княжества Черниговского, что как раз и стало основой для постановки вопроса о возможности существования на данной территории единой исторической провинции. Выявление однородности и синхронности внутренних и внешних воздействий, отмечаемых на рассматриваемой территории, подкрепленных рядом естественно-географических особенностей и политических связей, позволяет поставить вопрос о существовании в рассмотренном районе России особого Верховского мегарегиона.

По нашему мнению, Верховская историческая провинция XIV-XV вв. является наиболее ярким примером длительного, заметного и наглядного существования крупного российского исторического региона второго уровня, не объединенного единым управлением и единой границей. Однако, несмотря на отличительную специфику своего развития, данный регион не мог сохранить свои особенности в плане государственно-административного устройства на более длительное время. В XV и XVI веках он закономерно вошел в состав единого русского централизованного государства и стал его неотъемлемой частью.

Существует точное и емкое определение ситуации в верховских землях после присоединения к Московской Руси: «История Верховских княжеств в составе России XVI в. – это история их ликвидации». [10, с. 198] Иного

и быть не могло, если учитывать характер и направленность деятельности Ивана III и его наследников по созданию нового Российского государства.

Успехи Ивана III в расширении территории Московского княжества привели к объединению под властью одного монарха абсолютно несхожих и разнородных управленческих структур. От республиканских псковских, вятских и новгородских до вотчинно-удельных верховских и северских. Отдельно следует упомянуть владения церкви, чтобы проиллюстрировать причины отсутствия единообразной структуры управления государством. Под руководством все еще великого князя московского, но уже «государя всея Руси» начался процесс постепенной ассимиляции новых территорий. [9]

Сразу же был начат демонтаж прежней управленческой системы. Во все земли, принадлежавших прежде великому князю литовскому, были назначены московские наместники и началось расселение московских же помещиков, наделяемых местной землей. [4, с. 250] Исследователями отмечается, что в этот период началось активное перемешивание нового и старого населения, в первую очередь служилого: «перемещения несомненно происходили то в большем, то в меньшем масштабе по всей обширной территории Русского государства. ...Происходило постепенное перемешивание феодалов-землевладельцев, уничтожалась их территориальная замкнутость». [5, с. 131] Более того, прежнее титулованное сословие землевладельцев было весьма ощутимо «разбавлено» новыми людьми, лично преданными великому князю, поскольку «значительная масса несвободных слуг, отпущенных затем на волю, стала в конце XV- начале XVI в. помещиками московского государя». [6, с. 138]

Таким образом, в процессе вхождения верховских земель в состав Московского государства решалось несколько стратегически важных вопросов: обеспечение личной преданности землевладельцев на новых территориях, удаление потенциально нелояльных подданных вглубь «старых» земель, понижение прежнего высокого статуса местных землевладельцев за счет их уравнивания с московскими дворовыми холопами-отпущенниками, разрыв традиционных межфамильных и межклановых связей внутри присоединенных территорий. Необходимость таких действий в целях сохранения управляемости и единообразия внутри страны была, например, подтверждена в 1569-70 гг. во время похода Ивана IV на Новгород. Многовековые внутренние связи Новгородской республики даже после присоединения к Московскому великому княжеству оставались, по сути, дополнительным неофициальным контуром управления обществом, чего московская администрация перенести не могла. После новгородского опричного разгрома эта территория почти полностью потеряла прежнюю способность к самовосстановлению и быстро превратилась в рядовую российскую провинцию.

Первоначально наместники назначались только на великокняжеские земли и не имели отношения к вот-

чинным землям верховских и северских князей. Тем не менее, такие действия низводили крестьян, прежде относившихся к местному великокняжескому домену, до положения зависимости от новоназначенных московских землевладельцев. Таким способом окончательно разрушались остатки еще древнерусских отношений единства городской и деревенской общин.

В пределах верховских земель в составе московского государства быстро сложилась ассиметричная двусоставная удельно-уездная модель управления, при которой территория страны делилась на две неравные части.

Первая часть находилась под прямым управлением центральной великокняжеской администрации, создававшей там собственные управленческие структуры. Основной административной единицей были уезды, которыми руководили наместники, осуществлявшие административные и судебные функции. Содержание наместников осуществлялось за счет «кормлений», собираемых с населения, в распоряжении наместника оставалась часть налогов и судебных сборов. Следующей административной ступенью были станы, которые в свою очередь состояли из сел, деревень и починков. Города представляли собой другую управленческую ветвь, в которой четко выделялись посад и пригородные слободы. Другой формой прямого государственного управления было «дворцовое», когда поселение (село или слобода) попадало под прямой контроль отраслевого ведомства либо в прямое управление великокняжеской администрации.

Вторая часть представляла собой наследие удельных владений, где функции административные и судебные осуществлялись потомками прежних вотчинных владельцев. Особенностью этих территорий была высокая степень автономности, в ряде случаев характеризующая реальной независимостью от центрального государственного аппарата. Кроме того, существовала еще и церковная собственность, по степени своей автономности сравнимая и даже превосходящая вотчинно-удельную. [9]

Противоречивость и переходный характер названной модели управления осознавались еще Иваном III, а потому процесс изменения и унификации управления страной был инициирован уже в XV в. Тогда был четко определен и законодательно прописан верховный характер власти великого князя по сравнению с владельцем удела. Первым шагом такого определения было заключение договоров, ограничивавших власть местного князя, ликвидировалась возможность принятия им самостоятельных политических и военных решений. Ограничивались права продажи и передачи земель, сужался круг наследников, вводился разрешительный порядок распоряжения землей и имуществом. В итоге из почти суверенного государства удел превращался в обычное имущество, которым относительно свободно распоряжается центр. Происходило постепенное, но неуклонное превращение удела в уезд, а старого владельца – в разновидность пусть и привилегированного, но уже подчиненного администрации великого князя вотчинного землевладельца.

Ликвидации специфических черт верховской историко-географической провинции способствовала унификация законодательства, источниками которого, наряду с традиционной «Русской Правдой» и волей государя, становились утвержденные князем результаты регионального нормотворчества (в первую очередь, новгородского и псковского), а также обычаи, законы и порядки, привнесенные с новых осваиваемых территорий и помогавшие решать задачи унификации жизни единой страны. На этой основе в 1497 г. был создан Судебник как первый свод права единого русского государства. Помимо единого источника нормотворчества новое государство нуждалось в единых обычаях и способах реализации правовых норм. По всей видимости, единообразная правовая структура в обязательном порядке должна была сопровождаться единообразной же правовой процедурой – только в этом случае могло быть обеспечено эффективное функционирование административного аппарата. Подобный подход, наряду с иными причинами, позволяет понять приверженность московских государей к активному перемещению управленческих кадров разных уровней по территории всего государства.

Необходимо отметить, что включение верховских княжеств в состав Московского государства произошло под лозунгом сохранения старых порядков и старых привилегий местных князей вне зависимости от того, чем они были овеяны: вековыми (как в случае верховских) или гораздо более короткими (в случае северских князей) традициями. Источники донесли до нас упоминания о высокой степени самостоятельности этих земель, имевших все атрибуты суверенных государств, вплоть до собственных вооруженных сил, об особых полномочиях и власти местных князей. Очевидно, что сохранение прав местных правителей мешало московскому государю осуществлять единоличное управление страной.

Следующим логически обоснованным шагом центральной власти в процессе интеграции верховских княжеств в единое государство стала ликвидация пережитков вотчинного землевладения. Исторически сложилось так, что владельцы верховских земель занимали специфическое положение на московской феодальной иерархической лестнице. Они составляли особую категорию «государевых слуг». Московское правительство первоначально сохранило за такими «слугами» часть старинных привилегий в их вотчинных землях и тем самым поставило их формально выше старомосковского боярства. Вместе с тем, служилые князья верховских земель были отторгнуты от участия в реальном управлении страной. Они не были членами Боярской думы, не участвовали в переговорах с послами, не посылались наместниками. Тем самым их политическая роль постепенно, по мере укрепления престижа Русского государства, уменьшалась.

Как видно по документам, верховские князья довольно долго сохраняли свои феодальные привилегии. В качестве примера можно привести наиболее сильных

из них – князей Воротынских. В течение всего XV в. они в полной мере оставались владельцами своих обширных земель. В начале XVI в. ситуация изменилась. В 1503 г. в своем завещании Иван III к числу принадлежащих ему верховских земель, таких как выкупленная у татар Таруса и захваченный как трофей Мценск, относит город Воротынск и другие земли, ранее входившие в Воротынское княжество. Включение в состав Московского государства верховских княжеств уже к началу XVI в. привело к потере огромных территорий родом князей Воротынских, значительным земельным потерям для князей Мезецких, потерям «держаний» для князей Одоевских. [10, с. 198-202]

С формальной точки зрения, «земли одоевские» (прежние новосильские) считались находящимися под контролем ордынского хана, наследниками которого полагали себя владельцы крымских татар. Правители Крыма (Менгли-Гирей, Мухаммед-Гирей) с 1498 г. по 1519 г. постоянно напоминали вначале Ивану III, а затем и Василию III о выплате «одоевского ясака» в размере 2 тысяч алтын. Иван III отвечал, что «Одоевских князей больших не стало, а отчина их пуста, а иные князья Одоевские нам служат, мы их кормим и жалуетм их своим жалованием; а иных князей Одоевских жеребьи за нами, и что тебе давали и твоему человеку, то их я же тем жаловал, а им нечего давать, отчина их пуста. ...И ты бы Одоевским князьям впредь свою пошлину отложил». [6, с. 306] Впоследствии дань в Крым выплачивалась, но занимались этими платежами не верховские князья, а сам великий князь московский.

Потомки верховских князей честно служили новому господину. Государи московские талантами князей охотно пользовались, но их самих постоянно подозревали в желании «отъехать» в Литву, что приводило к постоянным проверкам и переприсягам. В этом плане весьма характерна дошедшая до нас «Запись князя Ивана Михайловича Воротынского, данная по поручительству московского митрополита Даниила и прочих духовных особ, государю и великому князю Василию Ивановичу о продолжении впредь своей службы Государю верно, усердно и без побегов в Польшу и в Литву; о неимении переписки с государевыми неприятелями». [8, с. 425-427] Содержание этого документа подтверждает, что никакого обещанного ранее Иваном III сохранения старых порядков и привилегий уже нет, напротив, князь обязан исполнять волю государеву вне зависимости от своих представлений о правах, морали и чести.

В данном документе очень показательно то, как князь И.Воротынский определяет свое статусное отношение к московскому великому князю. Он пишет, что Василий III: «меня, своего холопа князя Ивана Воротынского пожаловал, вины мне отдал». Никогда раньше потомки великих князей не называли себя холопами (даже не слугами), но здесь, по-видимому, стоял вопрос о выживании не только самого князя Ивана Михайловича, но и всего его рода. Интересно отметить, что сам князь И.Воротынский никуда отъезжать не собирался, но за недонесение о якобы известных ему на-

мерениях о побеге в Литву одного из своих соседей попал в немилость. Обязательства не покидать русское государство и не оставлять своего властителя он дает и за себя и за своих детей. Документ гласит: «А мне Князю Ивану Воротынскому, от своего государя от Великого князя Василия Ивановича всея Руси и от его детей, из их земли в Литву никак не отъехать; также мне князю Ивану и моим детям к государя своего великого князя Василия Ивановича всея Руси братьям, никуда никак не отъехать, и до своего живота». [8, с. 425-426]

Характерна постановка вопроса – не отъезжать князю Ивану и его детям не только в Литву и Польшу, но и к братьям великого князя. Дело в том, что из четырех родных братьев Василия III (не считая сводного брата Ивана, вероятно, отравленного матерью Василия) только Дмитрий, по-видимому, умер своей смертью. Остальные – Юрий, Семен и Андрей – хотя бы один раз, осознавая шаткость своего положения, пытались убежать из Московского царства и умерли насильственной смертью. В роду московских наследников Ивана Калиты было не принято иметь множество претендентов на престол.

В своем письменном обязательстве князь И.Воротынский не просто обещал не предпринимать ничего против великого князя, но и схватить и доставить к Василию III любого, кто начнет хотя бы намекать на такую возможность или говорить что-то нехорошее про московского государя. В противном случае: «государь мой князь Василий Иванович всея Руси и его дети в моем отъезде вольны надо мною и над моими детьми, и по моей вине казнить вольны». [8, с. 427]

Впрочем, в своем подавляющем большинстве верховские князья верно служили Руси. Большинство из них очень быстро потеряло связь с землей предков из-за особенностей московской политики – не оставлять владельцев на их старых землях, а перемещать их на другие территории. Последующие заслуги перед страной Воротынских, Оболенских, Одоевских, Мезецких, Волконских и других верховских князей уже никак не были связаны с той территорией, откуда они произошли и где впервые получили свой социальный статус.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют весьма четко отследить процесс политической ассимиляции верховских земель и включения их в состав Московского государства. Московские государи формировали новую элиту подчиненных им территорий из числа лиц, непосредственно зависимых от великого князя. Прежняя знать перемещалась на иные территории, выступая в качестве проводника воли своего нового руководства.

Ассимиляция присоединенных к Московскому государству верховских земель привела к возникновению напряженной ситуации: территории не только лишились своих прежних владельцев, отлученных московскими правителями от собственности, а порой и репрессированных – была утрачена существовавшая система местной самообороны от южных набегов. Ранее построенные города и крепости верховских княжеств ветшали

и приходили в запустение. Крестьяне, лишённые прежней великокняжеской (литовской) и местной княжеской защиты от набегов татар, разбегались либо попадали в плен к татарам. Понятно, что массовая смена собственников не могла усилить оборону земель, а вела лишь к ослаблению оборонительных порядков. Например, только с 1559 г. по 1570 г. на прежние верховские земли произошло девять крупных татарских набегов, жертвами которых стали Тула, Рыльск, Мценск, Болхов, Белев, Новосиль. За то же время находившиеся в аналогичной ситуации, но гораздо более близкие к столице соседние рязанские земли за тот же период подверглись татарскому разграблению лишь четыре раза. [1, с. 38-39]

К середине XVI в. земли верховских княжеств в полном объеме стали частью единого российского государства в политическом, экономическом и административном планах. Московские государи переписали в свою собственность все феодальные владения местной знати сразу либо по прошествии 10-15 лет после присоединения княжеств. С формальной точки зрения, самым

последним наследным владением князей немосковской династии оставались земли князей Воротынских, но в начале 1560-х гг. и они окончательно стали царской собственностью. [5]

Московское государство включило в свой состав новые обширные территории, но сил на то, чтобы обустроить и защитить их, у него в XVI в. не было. Более того, вследствие отсутствия прямой и непосредственной связи местных жителей с монархом и его двором, руководство государства долгое время не знало и не понимало всю глубину возможного управленческого кризиса и военной уязвимости данных территорий. Результатом долгого забвения обязанностей государства по отношению к верховским землям и их жителям стало возникновение клубка сложнейших социальных, политических, межрегиональных и внешнеполитических проблем, наличие которых провоцировало возникновение сложнейшего социального конфликта. По всей видимости, этот конфликт стал одной из причин надвигавшегося на страну «Смутного времени».

Библиографический список

1. *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI-начале XVII в. (опыт государственного строительства). М.: Памятники исторической мысли, 2008. 223 с.
2. *Зимин А.А.* Из истории поместного землевладения на Руси // Вопросы истории. 1959. № 11. С.130-143.
3. *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой Руси. М.: Мысль, 1985. 278 с.
4. *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 320 с.
5. *Майоров А.А.* Русь Верховская. Очерки славянской истории. Орел: Картуш, 2012. 240 с.
6. Сборник Императорского русского исторического общества. Т.41. СПб.: Тип. Елеонского и К°, 1884.
7. *Седов В.В.* Исторические земли Древней Руси и восточнославянские племенные образования // Исторические записки. Т. 2 (120). М., 1999. С.279-297.
8. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч.1. М.: Типография Н.С.Всеволжского, 1813. 689 с.
9. *Туровский Р.Ф.* Проблема централизации и модели русской региональной политики в XIII-XVI вв. // Полис: Политические исследования. М.: 2004. №1. С.125-139.
10. *Шеков А.В.* Верховские княжества. Середина XIII-середина XVI в. М.: Квадрига, 2012. 364 с.

References

1. *Zenchenko M.Y.* South Russian borderline in the end of XVI-the beginning of XVII century (an experience of state construction). M.: Pamiatniki istoricheskoi misli, 2008. 223 p.
2. *Zimin A.A.* From the history of landlord's tenure in Russia // Voprosi istorii. 1959. № 11. Pp.130-143.
3. *Kobrin V.B.* Power and property in the Middle-aged Russia. M.: Misl', 1985. 278 p.
4. *Krom M.M.* Between Russia and Lithuania. Frontier territories in the system of Russia-Lithuanian relationship in the end of XV – first third of XVI century. M.: Kvadriga, 2010. 320 p.
5. *Mayorov A.A.* Verhovskaia Russia. Essays of slav's history. Orel: Kartush, 2012. 240 p.
6. Digest of Emperor Russian historical society. Vol.41. SPb.: Eleonskii & C° Press, 1884.
7. *Sedov V.V.* Historical regions of Ancient Russia and East-Slavs tribal alliances [Text] / V.V. Sedov // Istiricheskie zapiski. Vol. 2 (120). M., 1999. Pp. 279-297.
8. Collected state certificates and treaties, stored in State board of foreign affairs. Part 1. M.: N.S.Vsevolozhskii Press, 1813. 689 p.
9. *Turovskii R.F.* The problem of centralization and models of Russian regional policy in XIII-XVI centuries. // Polis: Political researches. M.: 2004. №1. Pp. 125-139.
10. *Shekov A.V.* Principalities of the upper reaches of the Oka. The middle of XIII-the middle of XVI s. M.: Kvadriga, 2012. 364 p.

С.В. НИКИФОРОВ

студент 3 курса, факультет международных отношений, МГИМО (У) МИД РФ

S.V. NIKIFOROV

Third year student, International relations faculty, MGIMO University

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ И КОНЦЕПЦИИ «СОВЕТСКИЙ НАРОД»
В РАМКАХ ТЕОРИИ ПАССИОНАРНОСТИ И ЭТНОГЕНЕЗА Л. Н. ГУМИЛЕВА**

**ETHNO-POLITICAL AND HISTORICAL ESSENCE OF THE NOTION AND THE CONCEPT OF «SOVIET PEOPLE»
IN GUMILEV'S THEORY OF PASSIONARITY AND ETHNOGENESIS**

В статье раскрываются этнополитическая и историческая сущность понятия и концепции «советский народ» в рамках теории пассионарности и этногенеза Л.Н. Гумилева, историография данного вопроса, дается анализ возможности применения методологии Л.Н. Гумилева в контексте исследования «новой исторической общности людей – советский народ», приводится исследовательская гипотеза о причинах формирования, развития и исчезновения «советского народа», рассматриваются тенденции к созидательному и деструктивному императиву в элите российского суперэтноса как диалектическая база «советского народа».

Ключевые слова: понятие «советский народ», новая историческая общность, этнополитическая и историческая сущность, теория пассионарности и этногенеза Л.Н. Гумилева, тенденции к созидательному и деструктивному императиву, российский суперэтнос.

The article reveals the ethno-political and historical essence of the notion and the concept of “Soviet people” in L.N. Gumilev's theory of passionarity and ethnogenesis, historiography of this issue, an analysis of the possibility of applying L.N. Gumilev's methodology in the context of the study “a new historical community of people – the Soviet people”, the research hypothesis about the causes of the formation, development and disappearance of the “Soviet people” is given, tendencies to the creative and destructive imperative of the elite Russian superethnos as a dialectical base of “the Soviet people” are considered.

Keywords: the concept of “Soviet people”, a new historical community, ethno-political and historical essence of L.N. Gumilev's theory of passionarity and ethnogenesis, the trend towards creative and destructive imperative, the Russian super ethnos.

Советский союз не был моноэтническим государством. Никогда не предпринимались попытки создать советскую национальность или превратить СССР в русское моноэтническое государство. Термин «советский народ» был, прежде всего, фигурой речи, чаще всего это словосочетание использовалось в качестве синонима пламенного патриотизма и говорило о готовности различных по своей национальности советских народов защищать Советский Союз от иностранной агрессии. Роль, которую в традиционно моноэтническом государстве играла господствующая национальность, в Советском Союзе была отведена «дружбе народов». «Дружба народов» олицетворяла собой модель единого общества, каким представляли его себе власти Советского Союза.

Т. Мартин¹

1 Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М., 2011. С.630.

Историография

Разные периоды истории национальной политики СССР получили различное освещение в научном сообществе. Так, советская национальная политика периода Гражданской войны и НЭПа была подробно представлена в отечественной историографии. Первые работы по данной теме появились уже в годы Гражданской войны. Это обладавшие дискуссионностью отчеты о деятельности Народного комиссариата по делам национальностей и работы государственных деятелей по различным вопросам национальной политики².

2 Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. М., 1972. С. 23- 24.

В 1930-е гг. утвердилась единая – «сталинская» – точка зрения на протекающие в национальной сфере процессы, а советская национальная политика рассматривалась как «ленинско-сталинская». После развенчания культа личности Сталина и вплоть до распада СССР советская национальная политика изучалась как «ленинская»³.

Во второй половине 1980-х гг. постепенное устранение идеологического давления на историческую науку и начавшееся рассекречивание архивных фондов дает возможность историкам по-новому взглянуть на проблему взаимодействия этносов в советском государстве и процесс реализации национальной политики в первые

3 Известия ЦК КПСС, 1989. № 9. С. 199.

годы советской власти⁴.

С 1990-х гг. на основе анализа новых источников и с позиций современной методологии в работах В.Г. Чеботаревой,⁵ Т.Ю. Красовицкой,⁶ Т.Ю. Бурмистровой⁷ интенсивному изучению подвергается национальная политика советского государства в первые десятилетия его развития.

В целом, для сегодняшней исторической школы свойственна детализация – исследование отдельных конкретных проблем, наподобие еврейского вопроса, положения русского этноса, политики переселения и т.п. В то же время, комплексный подход применяется не так часто и не имеет столь тщательной проработки, особенно по этнополитической истории СССР.

Что же касается зарубежной историографии межэтнических отношений в России и национальной политики советской власти, то она обширна. В большинстве работ преобладает «негативистский подход», с позиций которого политика советской власти в национальной области больше «изобличается», нежели анализируется. Тем более, что написаны они были при отсутствии архивных материалов, поскольку авторы не имели доступа к советским архивам. Ярчайшим примером является работа Роберта Конквеста «Большой террор: сталинские чистки 30-х», где автор весьма сильно преувеличивает число жертв сталинских репрессий. Например, «...пишет С. Козн (со ссылкой на книгу Р. Конквеста «Большой террор», изданную в 1968 г. в США): «... К концу 1939 года число заключенных в тюрьмах и отдельных концентрационных лагерях выросло до 9 млн. человек (по сравнению с 30 тыс. в 1928 году и 5 млн. в 1933-1935)». В действительности же в январе 1940 г. в лагерях ГУЛАГа содержалось 1 334 408 заключенных, в колониях ГУЛАГа – 315 584 и в тюрьмах – 190 266 человек. Всего в лагерях, колониях и тюрьмах находилось тогда 1 850 258 заключенных, т.е. приведенные Р. Конквестом и С. Козном статистические данные преувеличены почти в пять раз»⁸.

Также стоит выделить чисто прагматический, геополитический подход, связанный с описанием, созданием и использованием слабостей советской национальной политики, отстаиваемый Збигневом Бжезинским в его знаменитой «Великой шахматной доске»⁹. Тем не менее, несмотря на всю русофобию, присущую советологии, именно для нее характерна попытка описать нацио-

нальную историю СССР как единый процесс. Особенно это заметно в работах А. Авторханова¹⁰, С. Козна¹¹ и Т. Мартина¹². Так, Авторханов рассматривает СССР как страну с особой системой управления – партократией, строящейся на личной власти лидера страны, его идеях, и функционирующую за счет его первых лиц, то есть великая (желательно) личность, руководящая партией, транслирует свои идеи на все государство и народы, его населяющие. Таким образом, страна живет в рамках заданной лидером идеологической системы, проходящей сквозь призму партийного аппарата. В своем эссе «Советский союз. Жизнь после смерти» С. Козн отмечает, что: «Советский Союз – продукт исторического наследия и специфических политических обстоятельств...», поэтому при исследовании его этнополитической истории необходимо избегать идеологических штампов и особое место уделить выявлению процессов закономерности его появления и разрушения¹³. Объективно, вероятно, попытается рассмотреть процесс национальной истории СССР и Т. Мартин, выделяя в отдельную этнополитическую модель термин «дружба народов», он утверждает, что именно он представляет собой главную идею существования советского государства и цель национальной политики, путь к которой и представляет, по сути, вся история СССР. На наш взгляд, представление СССР как «Империи положительной деятельности», несомненно, близко к нашему пониманию советского государства, но для более полного изучения этнополитической политики СССР как явления закономерного и уникального необходим и особый метод научного исследования.

О применении методологии Л. Н. Гумилева в контексте исследования «новой исторической общности людей – советский народ»

Для исследования столь сложного вопроса, на наш взгляд, наиболее удобным рабочим инструментом является методология, созданная на основе теории, сформулированной знаменитым русским ученым Л.Н. Гумилевым, – теории пассионарности и этногенеза.

Среди важнейших достоинств «метода Гумилева» следует выделить следующее:

1. Анализ истории не общественных или государственных систем на макроуровне, а анализ систем этнических, включающих в себя понятия общественного и государственного.

2. Вытекающая из первого пункта возможность комплексного изучения объекта исследования, позволяющая увидеть большинство процессов этногенеза во всех сферах (политико-правовой, экономической, социальной, культурно-духовной) данного этноса на макроуровне.

¹⁰ Империя Кремля: Советский тип колониализма. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-Verlag, 1988.

¹¹ «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.

¹² Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939, М., 2011.

¹³ Козн С. The Soviet Union's Afterlife "The Nation" 21.12.2011. Перевод: <http://forum.polismi.ru/index.php?/topic/875>.

⁴ Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9-12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М. 1992. С. 22.

⁵ Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья 1918-1941 гг. М., 1999 г.

⁶ Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917-1923 г.). Документы и материалы. М., 2007.

⁷ Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в 1905-1917 гг.

⁸ Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект). «Социологические исследования» 1991. № 6.

⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. Пер. с англ. М.: АСТ, 2013.

3. Использование единого хронологического подхода при сопоставлении этносов, находящихся на различных друг от друга этапах существования с помощью кривой этногенеза и пассионарного напряжения.

4. Наличие необходимых инструментов реконструкции и прогнозирования исторического процесса, среди которых, например, активно применяются географические карты, демографическая статистика.

5. Гармоничное сочетание антропологического (личного, на микроуровне, «роль личности в истории») и общественного (коллективного, на макроуровне, «общие исторические процессы и явления») подходов в рамках научного исследования.

Соответственно, в нашей работе мы будем анализировать не столько историю советского государства, сколько историю этносов, проживающих на территории СССР (прежде всего российского суперэтноса). А также рассмотрим, не являлось ли целью национальной политики СССР искусственное влияние на процесс этногенеза, попытка поставить его под контроль человека, чтобы создать «искусственный этнос» – «советский народ». Под этносом мы будем понимать естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким коллективам, исходя из ощущения комплиментарности¹⁴, а под системой этносов – соответственно совокупность взаимосвязанных между собой субэтносов (или этносов, в случае суперэтнической системы), образующих определенную целостность, единство, позволяющих говорить о них как о более совершенном образовании¹⁵. При этом стоит отметить, что в процессе этногенеза, начинающегося с момента пассионарного толчка, любой этнос, как и всякий живой организм, проходит различные этапы существования, зависящие от уровня пассионарности в этническом образовании.

Заметить их проще всего по смене общественных идеалов, по постановке глобальных задач и целей, которые ставят перед собой пассионарии данного этноса, по стремлению к достижению великих идеалов. В зависимости от количества пассионарности представители этноса, например, могут либо довольствоваться природными благами и не требовать большего, чем может дать им природа (гомеостаз), либо они стремятся открыть и покорить новые земли и народы, создав и разрушив великие государства (явный подъем, пик акматической фазы).

14 «Комплиментарность положительная (отрицательная) – ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) особей, определяющее деление на «своих» и «чужих»». Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Изд-во «Аст», 2003.

Указываемые нами базисные положения теории Л.Н. Гумилева во многом и основываются на монографии Л.Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» (электронная версия: <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/index.html>)

15 На наш взгляд, в данном случае наиболее уместной является аналогия с одноклеточным-многоклеточным организмом или же с личностью-социальной группой на уровне субэтнос – этническая система и органами – организмом, социальной группой – обществом на уровне этническая система – суперэтническая система.

Россия же, по мнению Льва Николаевича Гумилева, в XIX веке «вступила в совершенно иное этническое время – фазу надлома. Сегодня, на пороге XXIV., мы находимся близко к ее финалу...¹⁶», то есть XXвек в истории России совпал с фазой пассионарного надлома (см. табл. 1). Для нее характерно перенасыщение пассионарностью, когда пассионарии, которых накопилось в этносе слишком много, не находят иного выхода для своей энергии, кроме как борьбы с себе подобными, которую с психологической точки зрения можно было бы объяснить процессом, когда стремление к достижению своей идеи миропорядка одного пассионария сталкивается с идеями иных пассионариев. В результате борьбы за господство той или иной идеи (идеологии/образа мира/светлого будущего) происходит конфликт, расшатывающий основы данного общества, выливающийся в междоусобицы и гражданские войны. Но разве иллюзорные идеи могут привести к подобным последствиям? Обозначая важность идеи, иллюзорных, на первый взгляд, идеалов, идеологии и императива поведения для пассионариев на примере исследования глубинных причин организации завоевательных походов Александра Македонского, Л.Н. Гумилев пишет: «А теперь попробуем разобраться, чего ему, Александру, было надо... Александр говорил..., что нужна ему была слава, что он хотел так прославиться и прославить свой народ, чтобы о нем говорили потомки в веках и по всему миру... Значит, Александр стремился к иллюзии!»¹⁷. Исходя из важности идеалов и идей для пассионариев нетрудно объяснить, что именно столкновение идеологических концепций и порождает это время перемен, время слов старых традиций и организации новых, для более спокойных времен. Можно даже сказать, что это то время, когда природа избавляется от критической массы пассионарности в этнической системе. Здесь стоит отметить, что сходство основных признаков фазы надлома с историей нашей страны XIX-XXвв., несомненно, также обусловило выбор нами «метода Гумилева» при исследовании этнополитической истории СССР.

В данной работе мы будем пользоваться базовыми инструментами теории Льва Гумилева, необходимыми для изучения этнополитического¹⁸ вопроса в СССР. Попытаемся приложить их к нашему объекту исследования, оценку которому сам Лев Николаевич Гумилев предпочитал не давать, поскольку считал, что современники не могут увидеть в действительности и объективно оценить этап этногенеза своей этнической системы, в котором они сами существуют¹⁹.

Нам кажется необходимым дать определение ряда ключевых терминов, используемых Л.Н. Гумилевым в теории пассионарности этногенеза, применяемых и в

16 Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: АСТ, 2008. С. 438; таблица. С. 450.

17 Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М.: АСТ, 2007. С. 78-79.

18 Думается, этот термин в рамках избранного нами метода более приемлем, нежели термин «национальный».

19 «Было бы самонадеянностью рассуждать об эпохе, частью которой являемся мы сами». Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: АСТ, 2008. С. 438.

данной работе²⁰.

- Идеал – далекий прогноз, воспринимаемый интуитивно.
- Императив поведения – идеальный принцип отношения этнического коллектива к индивиду, господство которого в стереотипе поведения этноса связано с фазой этногенеза или сменой фаз.
- Пассионарии – особи, пассионарный импульс поведения которых превышает величину импульса инстинкта самосохранения.
- Пассионарность как характеристика поведения – эффект избытка биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность ради иллюзорной цели.
- Субпассионарии – особи, пассионарный импульс которых меньше импульса инстинкта самосохранения.
- Фаза надлома – резкое снижение уровня пассионарного напряжения после акматической фазы, сопровождающееся расколом этнического поля.
- Этногенез – момент возникновения и весь процесс исчезновения этнической системы под влиянием энтропийного процесса потери пассионарности.
- Этнос – естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким коллективам.

***Исследовательская гипотеза о
причинах формирования, развития и
исчезновения «советского народа»***

Процесс существования советского государства происходил в период фазы надлома российского суперэтноса, несомненно, являющейся одной из острейших фаз этногенеза. Исходя из теории Л.Н. Гумилева, в момент прихода фазы надлома этническая система находится на распутье²¹. Если пассионарии внутри этноса имеют выход в новые земли, скажем, в Африку, одну из двух Америк или в Индию, то тогда появляется множество выдающихся путешественников, первооткрывателей, конкистадоров, миссионеров и иных «колонизаторов»²², которые активно расходуют свою пассионарность за рубежом. В то время как люди, обладающие чуть меньшей пассионарностью и нежелающие совершать подвиги в тридесятих государствах, предпочитая перо шпаге, на своей родине избирают пути ученых²³ и художников²⁴, философов и священнослужителей²⁵. И именно в этот период начинается постепенное обрастание этносов особой культурой и наукой, происходит то, что некогда было принято именовать прогрессом в научно-технологической сфере, разви-

ваются институты государства и права, устраиваются первые массовые «репрессии» по борьбе с еретиками и ведьмами, именуемые «инквизициями», сжигаются научные труды конкурентов – в общем, происходит все то, что принято называть Возрождением²⁶. А затем, если еще остались идеалы, которых достичь дома пассионарию невозможно без вооруженной борьбы, например, сменить формы государственного правления, установить новую религию или укрепить старую за счет вытеснения иных культов, то происходит ожесточенное столкновение в формесоциального раскола, доходящего порой до революции, религиозной или гражданской войны²⁷, разрушающее (порой до основания) старый миропорядок и воздвигающее новый. Собственно говоря, все это и происходило в Европе с XIV по XVII вв. Поскольку для многих европейских этносов эти века совпали с фазой надлома.

А для российского суперэтноса фаза надлома пришлась на XIX-XX века. На наш взгляд, история советского народа как исторического явления тесно переплетена с историей российского суперэтноса в XX веке. Хотя, разумеется, сам термин «советский народ» появляется в 30-е годы XX века, когда он вошел в широкое употребление. В начале – среди советских деятелей культуры, например, одно из первых упоминаний можно найти в стихотворении Демьяна Бедного 1937 г. «Героическая памятка»:

...На героизм какого рода
Она способна в дни похода –
Всего советского народа
Несокрушимая стена!!

Затем термин «советский народ» появился в высказываниях первых лиц СССР: «Вторую проблему можно разрешить лишь в порядке соединения серьезных усилий международного пролетариата с еще более серьезными усилиями всего нашего советского народа» И.В. Сталин²⁸. Следовательно, этнополитическую историю СССР в контексте развития «советского народа» и как идеи, и как исторического факта можно также рассмотреть сквозь призму теории пассионарности и этногенеза, в рамках общего исторического процесса российского суперэтноса.

I. На первой вехе истории – революционного национального периода – происходит Февральская революция. Причин тому множество, однако вернее всего будет предположить, что определенные круги (представлявшие затем Временное правительство) решили воспользоваться опасной ситуацией в стране – иначе го-

20 Определения терминов дано согласно Толковому словарю понятий и терминов: Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ, 2003. С. 826-834.

21 Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. Гл. седьмая. Пассионарные надломы. М.: АСТ, 2007. С. 253-291.

22 Христофор Колумб, Генри Гудзон.

23 Николай Коперник, Тихо Браге.

24 Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонарроти.

25 Джордано Бруно, Джироламо Савонарола.

26 Хотя, иронизирует Лев Николаевич Гумилев: «Первая половина этой фазы носила в Европе название «Возрождение», хотя по сути дела была вырождением; вторая называлась «Реформацией», которая была не только перестройкой устаревших воззрений, но и поводом к жуткому кровопролитию и остановке в развитии наук и искусств на многие десятилетия».

27 Ярчайшие примеры: «Великая схизма» (1370-1415); Гуситские войны (1419-1434); Реформация и Контрреформация (XVI-XVII вв.); Английская революция/Английская гражданская война (1640-1660)

28 «1938 г. Ответ товарищу Иванову, Ивану Филипповичу». С. 124. // Иосиф Виссарионович Сталин. Полное собрание сочинений. Том 14.

воря, подтолкнуть людей, воевавших за рубежом (или же не хотевших этого делать), чей суперэтнос находится в фазе надлома, к более активным действиям на своей родине²⁹. Тем более, данным лицам ничего не мешало заняться этим процессом, если учесть, что большая часть их представителей являлась членами масонских организаций – консорций, которые вполне возможно отнести к антисистемам³⁰ – тому деструктивному началу, что существует ради разрушения систем этнических. Более того, никаких угрызений совести в разрушении как государства, так и межэтнических связей большинство членов масонской антисистемы не испытывали еще и ввиду того, что сами ощущали себя частью иного (а не русского) суперэтнуса, чей характер бродячего этноса, этноса-скитальца не позволял себя идентифицировать с людьми, на чьей территории его представители проживают. Так, например, г. Керенский на деле оказывался г. Аароном Кирбицем³¹. Можно предположить, что после «революции» 1905 года имеет место сращивание еврейского капитала и масонских институтов. Которые, вероятно, действительно были заинтересованы в том, чтобы пассионарность русского суперэтнуса сжигалась не в горниле первой мировой, а на родной земле. Происходит активное образование различных масонских структур с 1906 года, апогеем которых стало официальное оформление масонства в виде прогрессивного блока в рамках IV Государственной Думы в 1915 году. Несомненно, масоны и сотрудничающие с ними представители еврейского суперэтнуса хотели отстранить от власти русского императора и начать править сами³². Об этом свидетельствуют спланированные акции по срыву поставок продовольствия и боеприпасов в ар-

мию, а также завоза хлеба в Сибирь, происходившие на протяжении всей Первой мировой войны³³. Возможно также, что убийство Распутина (1916 г.) следует рассматривать как ликвидацию пассионария, способного не допустить прихода к власти (разумеется, в силу своего влияния на царскую семью) субпассионариев, коим, несомненно, являлось большинство представителей данной антисистемы. Вероятно, поэтому же первые действия Временного правительства в области национальной политики не являлись чем-то сильно отличным от политики царской России. Они, по сути, лишь расширяли права инородцев³⁴. Так, «Новые права граждан-инородцев»: свобода передвижения, право на выбор профессии, приобретение собственности, право избирать и быть избранным, право обучения на родном языке – не несли никаких кардинальных изменений для жизни большинства людей, проживавших в Российской империи, и не отвечали на главные вызовы времени, связанные с последствиями действий союза (антисистемы) субпассионариев. Но в то же время стоит отметить политику поощрения автономизации Украины со стороны «февральских революционеров», вызвавшую дальнейший рост национализма и усиление группировок, выступающих за отделение Украины от русского государства. Но все же решающим фактором, приведшим к краху Временного правительства, стало усиление большевиков, особенно позиций Л.Д. Троцкого. Большевики, в свою очередь, выступили за мир в войне, в которой проигрывали лидеры-субпассионарии. Большевики выступили за окончательное разрушение старой системы, что не смогло сделать Временное правительство. Большевики подрывали традиционный порядок в армии (приказ №1). Большевики захватили власть³⁵.

В чем же состояло их коренное отличие от масонов, совершивших Февральскую революцию? В своей политике большевики были подобны мастеровитым шахматистам. Ленин, Троцкий, Сталин умели отличать тактику от стратегии и потому, что поражало многих советологов,³⁶ могли кардинально менять свои лозунги и части политических программ в зависимости от сложившихся обстоятельств – ведь это все ходы тактические, а не стратегические. Особенно ярко это проявилось в этнополитической сфере. Марксизму как научной теории чуждо понятие национальности или этноса, марксизм оперирует классами, а потому внимание межэтническим отношениям не уделяет. А потому консорция большевиков на первых парах не имеет четкой национальной политики. Основная идея большевиков на ближайшую перспективу, с одной стороны, заключается в удержании власти в «центре» и распространении

29 Ведь не всем же быть представителями поэзии Серебряного века, членами Товарищества передвижных художественных выставок или частью русских религиозных философов, а может, изобретателями и первооткрывателями.

30 «АНТИСИСТЕМА» – системная целостность людей с негативным мироощущением, выработавшая общее для своих членов мировоззрение. Все антисистемные идеологии и учения объединяются одной центральной установкой: они отрицают реальный мир в его сложности и многообразии во имя тех или иных абстрактных целей. Вывод из этого двояк: либо подобные учения призывают в корне изменить мир, на деле разрушая его, либо требуют от человека вырваться из оков реальности, разрушая самого себя. И то и другое в пределе дает один результат – небытие. Для А. характерны известная скрытность действия и такой прием борьбы, как ложь. Среди адептов А. преобладают люди с футуристическим ощущением времени. А. всегда складываются в зонах контакта несовместимых суперэтнусах – химерах, в силу чего их идеологии противопоставляют себя любой этнической традиции. Распространяются А. иногда далеко за пределами тех контактных зон, где они появляются. Примеры А.: гностицизм (офиты, александрийские гностики Василид и Валентин и т.д.; гностики проповедовали, что мир сотворен Деминугом, т.е. крайне несовершенно), манихейство (живший в III в. н.э. Мани учил, что мир состоит из двух стихий: Света и Мрака, причем материальный мир он относил к стихии Мрака), в мусульманском мире – исмаилизм, в Византии и Болгарии – богумильство. К А. относятся также некоторые направления буддизма.

Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: Экспресс, 1993. С. 493-542.

31 С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II В. Н. Воейкова. М.: Родник, 1994. С. 198-199.

32 Например, по примеру Хазарской химеры, подробно описанной Л.Н. Гумилевым в книге Этносфера: История людей и История природы. М.: Экспресс, 1993.

33 Подробно данные явления описаны в мемуарах последнего минского губернатора князя Друцкого-Соколинского: На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914-1918. Орел, 1994.

34 Которые и в царское время жили лучше, чем, например, русские крестьяне и рабочие (хоть последних было и не так много).

35 Великая Октябрьская революция 25 октября (7 ноября) 1917.

36 Например, первоначальный отказ большевиков от федерации и последующее образование Советского союза не вызывает удивления разве что у А. Авторханова.

ее «на местах» – с другой. В то же время сверхидея является мировой революция³⁷. В «Декрете о мире» помимо основной идеи – окончания Первой мировой войны – можно найти и идеи, подрывающие основы российского суперэтноса – обвинение в отношении русского народа («тайная дипломатия направлена... к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексии великороссов; при этом под аннексией понимается «образно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершенно, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединенная или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация, независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет»³⁸). В Декларации прав народов России провозглашаются:

«1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»³⁹.

Разумеется, с правовой точки зрения принцип равенства является важнейшим в социальном государстве, каким и являлось государство советское. Но с точки зрения этнологии необходимо учитывать, что этносы, проживающие на территории бывшей Российской империи, находятся на разных этапах этногенеза, обладают множеством различий, характеризующих их императивы поведения, так разве можно провозглашать всеобщее равенство, без оглядки на последствия?! Также и «Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» во многом присваивает большевикам достижения царской России, например, достижение веротерпимости в обществе, а монархическое прошлое фальсифицирует (разрушение мечетей)⁴⁰.

В итоге, заявления популистского характера и фальсифицирование национальной политики царизма, с одной стороны, раскалывают российский суперэтнос

(особенно его ядро – русский этнос⁴¹), а с другой – позволяют большевикам сохранить влияние в регионе в борьбе за власть политическую, выдвинуть идеи, которые будут рады подхватить пассионарии, за которые они пойдут совершать подвиги, за которые они будут готовы умирать. Мы можем критиковать большевиков за популизм, сознательную фальсификацию истории национального вопроса, политическую неопределенность, однако нельзя не отметить, что подобная тактика наиболее удачна для консорции со столь сложной системой, в которой⁴² изначально сочетались деструктивное (антисистемное) и созидательное (системное) начало. Именно это позволило большевикам удержаться в вихре фазы пассионарного надлома и в итоге ее «оседлать».

Каким же стало созидательное начало? Несомненно, первым созидательным шагом явилось образование РСФСР. И хотя фактически Конституция РСФСР⁴³ носила во многом декларативный характер, и, несомненно, в действительности новое государственное образование федерацией не являлось, все же даже в практической форме унитарного государства способствовала легализации власти большевиков и формированию государственной системы, что, думается, было позитивно в рамках процесса этногенеза для этносов, его (государство) населяющих. Тем не менее, стоит отметить, что по-настоящему легитимной, патриотической силой большевикам удалось стать только в результате борьбы с иностранной интервенцией 1918 года, когда они заняли патриотическую позицию, став на защиту Родины российского суперэтноса. Рассматривая «республиканский вопрос», стоит отметить, что большевики успешно использовали право наций на самоопределение для создания мощной системы автономных областей (влияние почти все у большевиков) и автономных республик (большевики делили влияние с местной элитой, например, духовенством). Наркомнац проводил борьбу с национализмом в республиканских элитах и способствовал дальнейшей интеграции на «постимперском» пространстве. Несмотря на некоторые ошибки и перегибы в сфере этнополитики⁴⁴, все же была создана мощная база для формирования федеративного государства, способного действительно использовать созидательный потенциал, заложенный в большевистской консорции. И вот постепенно, начиная с хозяйственного, затем дипломатического союза происходит интеграция, приводящая в итоге к созданию Советского Союза Социалистических Республик по совместному ленинско-сталинскому проекту⁴⁵ 30 декабря 1922 г. Торжеством созидательного начала завершился первый «революционный» период становления советской государственности, полный про-

37 Истоки того «двуидея», что наиболее ярко отразилось в соперничестве НКВД и Коминтерна в области МО и во внутрипартийной борьбе в 30-е годы.

38 «СУ РСФСР», 1917. - № 1. Ст. 2, 2-е издание, «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства», № 1, 28.10.1917 (электронная версия: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=2131>)

39 Декреты Советской власти. Т. I. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957. (эл. версия: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/peoples.htm>).

40 Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. № 6, 19 декабря 1917 г. (эл. версия: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5310/>).

41 По классовому признаку.

42 Вот в чем уникальность консорции большевиков.

43 Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/>.

44 «Грузинский инцидент», ошибки в руководстве Туркестанской АР, приведшие к басмачеству.

45 То есть, сочетания планов Сталина и Ленина. Федерация многоэтажная и асимметричная.

тиворечий в этнополитической сфере, однако создавший новую систему на «постимперском» пространстве, жизнеспособную в условиях фазы надлома.

Таким образом, в рамках нового (советского) государства встал вопрос об объединении разрозненных этносов в одну социополитическую общность, что, несомненно, создало предпосылки для появления нескольких идеологических проектов, призванных ответить на данный народный запрос. В итоге сформировались две модели, стремящиеся возглавить процесс формирования новой исторической общности людей – советского народа, который уже шел полным ходом.

II. В период второй исторической вехи советской национальной политики – развития СССР в (1922–1941 гг.) – происходит более сильное столкновение системы и антисистемы (втеперь уже) советской консорции. Ведь именно в этот момент целостно оформляется термин «советский народ». В рамках системообразующего процесса происходит ряд важнейших политических событий. Так, 30 декабря 1922 года был создан Союз Советских Социалистических Республик. В официальной партийно-государственной терминологии его создали и в нем жили братские народы Советского Союза. Братство основывалось на советской власти как диктатуре пролетариата и общественной собственности на средства производства, плановом социалистическом способе хозяйствования, советском образе жизни.

Как уже отмечалось выше, впервые определение «советский народ» появилось в 30-х годах, в том числе, например, и в интервью американского журналиста со Сталиным 1936 г.⁴⁶ Термин «советский народ» начал использоваться для обозначения всех народов и населения СССР уже с принятием Сталинской Конституции 5 декабря 1936 года, в которой была провозглашена, в основном, победа социализма и вводилось всеобщее тайное избирательное праводля всех. Этот день и можно считать днем рождения Советского народа. Так в Советском Союзе родился новый тип человека – советский человек, человек будущего. Термин «советский народ» также упоминается в песне 1938 года В.И. Лебедева-Кумача «Если завтра война», в докладах и Резолюциях съезда ВКП (б) в марте 1939 года, в передовице газеты «Правда» от 21 декабря 1939 года «Родной Сталин», многочисленных советских произведениях (например, Б. Полевой «Мы – советские люди»), в годы Великой Отечественной войны – в приказах И.В. Сталина.

Происходит новый пересмотр истории – возврат к традиционной, патриотической позиции как к доминанте в исторической науке, реабилитация классиков русской литературы; появляются фильмы, литература, прославляющие русскую историю. На глобальном уровне идет процесс превращения народов СССР в социалистические нации (путем декоренизации и деполитизации элит, денационализации республик, через введение в общественную жизнь русского языка и лик-

видации национальных частей в армиях (1937). Также в Конституции СССР⁴⁷ можно найти как факторы, способствующие сохранению государства (руководящая роль компартии, наличие общенациональных организаций (например, комсомол), наличие РККА, ОГПУ, союзных наркоматов, союзно-республиканских наркоматов), так и факторы деструктивные, способствующие разрушению системы (национальный принцип построения федерации, право республик на выход из Союза, ассиметричная многоэтажная федерация).

Однако, помимо этого, нельзя не заметить и процесса системоразрушающего, например, для преодоления последствий гражданской войны в виде бунтов и выступлений представителей русского этноса⁴⁸ Ленин инициирует «борьбу против русского великодержавного шовинизма». Начинается компания против хранителя основных императивов русского этноса – Русской Православной Церкви, одного из ярчайших представителей субэтносов, входящих в русский этнос – казачества, интеллектуальной элиты русского этноса («Философские пароходы» 1922 г.). Также происходит дерусификация в национальных районах Сибири. Таким образом, преследуя в стратегическом плане идею построения мощного государства,⁴⁹ В. Ленин, не придавая своим действиям особого значения⁵⁰, начинает разрушать основу российского суперэтноса, без которого невозможно построение государственной системы и, фактически, воплощается в представителя антисистемы. После его смерти в 1924 году возникает вопрос о преемнике, который выберет основной курс для советской консорции и самого советского государства. В борьбе схлестываются две пассионарные идеи («мировой революции» и обустройства своего государства⁵¹). Однако первая постепенно приобрела деструктивный характер и стала, по сути, носителем идеи антисистемной, в то время как вторая была созидательной. Во многом первое направление стало русофобским⁵², что, вероятно, и обусловило его поражение. В результате напряженной борьбы идеи Троцкого, Зиновьева и Бухарина (и сами их авторы) проиграли более сильному игроку, избравшему путь созидания государства, – И.В. Сталину. Интересно отметить, что, например, по мнению профессора А.С. Панарина, в конце XX века на международной арене сторонники подобного «деструктивно-мирового интернационала» взяли истори-

47 Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/5508660/.

48 Кронштадт, Антоновский мятеж.

49 Авторханов А. Империя Кремля, 1991.

50 Поскольку он был ведом исключительно своей концепцией построения диктатуры пролетариата, а в дальнейшем и вовсе бесклассового коммунистического общества.

51 Впоследствии вошедшей в историю как «построение социализма в отдельной взятой стране».

52 Например, Луначарский предлагал отказаться от кириллицы; Крупская: «сделаем так, чтобы русские народные сказки не выходили в 30-х гг.»; Троцкий: «русский этнос – чёрное пятно на карте мировых цивилизаций»; Демьян Бедный в «Богатырях» провел описание Киевской Руси через пьянство и распутство.

46 Интервью Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-ГовардНьюспейперс» господином Рой Говардом. Правда. 5 марта 1936 года (электронный источник: <http://www.dal.by/news/174/19-02-13-10/>)

ческий реванш у защитников верховенства принципов национального интереса в среде государственных и негосударственных элит: «Все то, что обещали народам прогресс и просвещение, воплощалось в деятельности национальных элит. Теперь, в эпоху глобализма, быть элитой означает, собственно, членство в некоем тайном интернационале, никак не связанном с местными национальными интересами»⁵³.

С этого момента можно говорить о новом курсе в этнополитике советского государства, направленном на естественное природное начало русского суперэтноса. Разумеется, и до прихода к власти Сталина большевики часто использовали опыт царизма, как отмечает Ю. А. Булатов: «...опыт царизма по укреплению национального государства был творчески использован большевиками. Например, наднациональная форма государственной власти была сохранена, только именоваться... стала иначе: рабоче-крестьянская или пролетарская... Большевики также сочли целесообразным не разрушать, а модернизировать в своих интересах идеологему православия «православие, самодержавие, народность»... вместо православия большевики провозглашали свободу, равенство и братство – лозунги, близкие по духу крестьянскому населению...» Самодержавие было заменено диктатурой пролетариата, а «Концепция Москва – ШПрим»... была заменена концепцией «Москва – Шинтернационал»⁵⁴. Однако именно в сталинский период произошло восстановление ядра русского суперэтноса – русского народа и его традиционного императива⁵⁵. Так, в 30-е годы Сталин фактически выдвигает доктрину синтеза идей коммунизма и величия русского народа, основанную на советском патриотизме⁵⁶.

III. Третьей вехой в этнополитической истории СССР, на наш взгляд, стала Великая Отечественная война. Весьма показательным является тот факт, что в ходе войны И. В. Сталин постепенно все больше отходил от искусственной идеологемы, созданной большевиками, в сторону традиционных воззрений и идей, свойственных русскому государственнику, опирающихся на естественные и неотъемлемые черты российской суперэтнической системы. Так, если в первых выступлениях в 1941 г. Иосиф Виссарионович Сталин характеризует войну как классовую, народную и освободительную (синтез идей коммунизма и традиционного патриотизма, при доминанте первого), новым образом видит большевика-патриота и возлагает надежды на помощь немецкого народа в форме революции в Германии, то 7 ноября 1942 года заявляет, что «острие фашизма направлено на уничтожение русской нации. В 1943 году во многом восстанавливает в правах Русскую Православную Церковь»⁵⁷ (в результате чего назван митрополитом

Сергием «богоизбранным вождем»). Также, что является чуть ли не самым важным, ликвидирует важнейшую антисистему советской консорции – Коминтерн, заменив интернациональную деятельность коммунистов, направленную на организацию мировой революции (деструктивная функция – разрушение существующего порядка), на антифашистские комитеты (функция созидательная – удержание традиционного порядка через борьбу с теми, кто его разрушает). Все чаще термин «советский народ», до того употреблявшийся редко, особенно в официальной речи, наделяется патриотическим окрасом и подразумевает под собой не только термин общественный и политический, но и, по сути, самороссийский суперэтнос. Кроме того, с 1943 года и особенно на финальном этапе войны Сталин все чаще предпочитает говорить: «Россия», а не «СССР». Наконец, в своей речи 9 мая 1945 года И. В. Сталин говорит о том, что «вековая борьба славянских народов закончилась победой над немецкой агрессией», избегая при этом терминов, характерных для идеологии большевиков довоенного периода⁵⁸. Таким образом, можно с уверенностью сказать о том, что пассионарий Сталин, выбрав путь созидательной идеологии, в тяжелейших условиях войны был вынужден обратиться к естественным идеологемам русского суперэтноса, восстановить духовные скрепы «советского народа» и в особенности его ядра – русского этноса. Также особо стоит отметить, что первоначально многие дивизии Красной Армии были национальными, однако постепенно практически все стали интернациональными⁵⁹, во многом это было обусловлено большей эффективностью именно разнотнических (интернациональных) объединений. Так, Дом Павлова обороняли 22 человека (среди которых были 11 русских, еврей, узбек, таджик, татарин, украинец и др.). Таким образом, реальной пассионарной этнической базой советского народа стало интернациональное боевое братство, возникшее в горниле Великой Отечественной войны. В итоге, благодаря вдумчивой этнополитике по завершению Великой Отечественной войны Иосиф Виссарионович Сталин стал «отцом народов», пройдя путь от большевика-коммуниста до государственника-патриота. Российский суперэтнос же окончательно утвердился в советском государстве как государственная основа, а принципом, созданным военным братством в годы Великой Отечественной войны, стала «дружба народов» в рамках «советского народа»⁶⁰. Таким образом, в период Великой Отечественной войны, в представлении Сталина, основой советского народа становится русский этнос, а сам термин «советский народ», вероятно, становится синонимичен тому, что сегодня, исполь-

вать Рождество и Пасху, восстанавливает Синод и богословские школы, вновь вводит институт патриаршества (причем именно Сталин подчеркнул ориентацию РПЦ на весь русский мир, предложив добавить «Патриарх всея Руси», а не только «России», как планировалось изначально).

⁵⁸ Сталин И. В. Полное собрание сочинений в 18 томах. Том 15. М.: Гос. издательство политической литературы 1946-2006.

⁵⁹ Командование соотносилось старалось держать на уровне в 50% русских и 50% представителей иных этносов.

⁶⁰ Фактически российского суперэтноса.

⁵³ Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 6.

⁵⁴ Булатов Ю. А. Первая мировая война: Кто воевал за Россию // Международная жизнь. 2014. № 8. С. 134-152, С. 150-151.

⁵⁵ Который можно назвать императивом «империи духа».

⁵⁶ Сталин И. В. «Мы должны прославлять отечество».

⁵⁷ Запрещает атеистическую пропаганду, разрешает праздновать

зуя терминологию Л.Н. Гумилева, мы можем назвать российским суперэтнотомом.

IV. На четвертом этапе этнополитической истории СССР происходит усиление созидательной системы, укрепление власти центра и личной власти Сталина. Что вполне закономерно продолжает «имперскую» политику⁶¹, взятую им в период Великой Отечественной войны. Иосиф Виссарионович Сталин стремится выстроить жесткий, но эффективный государственный механизм, способный противостоять новому врагу – бывшим странам-союзникам из «Западного мира». Основным рычагом в управлении государством он выбирает национальную политику. Поскольку после войны произошел стихийный рост национального самосознания (пассионарии, прошедшие сквозь горнило войны, чувствуют себя свободно и готовы совершать великие трудовые подвиги во имя великой пассионарной идеи/идеологии/идеологии), Сталин решает поставить его под контроль и направить в необходимое государству русло: Сталин формирует партийную номенклатуру из представителей русского этноса, развивает идеи русского патриотизма и русского самосознания, фактически направляет русскую идею на службу партии. При этом Сталин также не дает развиваться идеям шовинизма и национализма как в отношении «инородцев»⁶², так и русских⁶³. Вероятно, глобальная идея Сталина была связана с равномерным развитием российского суперэтноса, а также иных суперэтнотомов, проживающих на территории СССР, так и на территории ближайших социалистических стран, по модели «советского народа». То есть теперь в понятие полноценно интегрируются и те этносы, которые ранее не соотносили себя с российским суперэтнотомом (евреи, прибалты, вероятно, поляки, сербы, чехи...). В результате проводится политика «советизации» – унификации общественно-политической жизни в соответствии с советскими стандартами. В итоге создается единая политическая система и формируется условно единая национальная политика для всего пространства СССР и стран социалистического блока. Также стоит отметить, что имеет место и развитие союза коммунистов с Русской Православной Церковью, в результате которого Русская Православная Церковь возвращает в свое лоно Эстонскую Православную Церковь и Украинскую Греко-Католическую Церковь (1945 и 1946 гг. соответственно). А в 1951 году к Русской Православной Церкви присоединяется Закарпатская Униатская Церковь.

Таким образом, в последние годы правления И.В. Сталина советское государство окончательно восстановило статус великой державы и расширило единое этнополитическое пространство до границ, сопоставимых с границами Российской империи. Причем во мно-

гом за счет укрепления ядра российского суперэтноса – русского народа. Тем не менее, Сталин стремился удерживать пассионарность в узде путем проведения политики пресечения националистических настроений и устремлений в обществе, стремясь создать единый императив поведения и единую идеологию для представителей «Социалистического мира» (СССР и социалистических стран), моделью которой и стал «советский народ», основой которому, в свою очередь, явился народ русский. Его политика объяснима, т.к. после уничтожения антисистем в советской консорции он стремился максимально укрепить существующую систему, что, вероятно, было самым правильным для сохранения сильного государства в условиях, когда этносы, его населяющие, проходят сквозь фазу надлома. Советское руководство направило пассионариев в искусство и строительство, в науку и спорт, однако стремилось порою весьма жесткими способами не допустить проявления деструктивного начала пассионариев в государственных вопросах⁶⁴.

V. Завершающим для истории советской этнополитики стал «постсталинский период» (1953-1991). Ознаменован он был приходом к власти Н.С. Хрущева, XX съездом ЦК КПСС и «оттепелью». В целом этнополитика Хрущева была строго антисталинской⁶⁵, фактически антитрадиционалистской и антисистемной. Пожалуй, в сфере этнополитики Хрущевым было совершено множество спонтанных, и, как показала история, ошибочных действий. Так, с одной стороны, Никита Сергеевич Хрущев изменил ядро элиты «на местах»⁶⁶, способствовал преподаванию национального языка и истории в школах национальных республик, с другой – применял танки при разгоне демонстраций в Тбилиси в 1956 г. и санкционировал расстрел рабочих в Новочеркасске в 1962 г. Хрущевым проводилась политика «ликвидации бесперспективных деревень», советская армия была сокращена в 2 раза, а на Церковь вновь начались гонения. Активно проводя политику интернационализации (вероятно, в пике сталинской великодержавной политике), Н.С. Хрущев «подарил» Крым УССР, а также, в рамках хозяйственных реформ, ликвидировал Министерство юстиций. По итогам XXII съезда ЦК КПСС советским руководством была установлена задача по скреплению дружбы народов СССР, а Н.С. Хрущевым было объявлено, что «в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты – советский народ». Вероятно, именно в период правления Хрущева была совершена роковая ошибка в трактовке понятия «советский народ», из-за которой, возможно, и произошел крах советского государства. Если Сталин стремился к тому, чтобы термин «советский народ» на базисном уровне трактовался как то, что сегодня мы на-

61 И в этом нет негативной оценки, поскольку, империя, особенно империя особого типа, или империя духа, на наш взгляд, является естественным формальным выражением российского суперэтноса на государственном уровне (как бы номинально не называлось само государство).

62 «Мингрельское дело», «дело врачей».

63 Ликвидация «Русской партии».

64 «Закручивание гаек».

65 До сих пор доподлинно неизвестно что стало со сталинским архивом, своей ли смертью умер Сталин, был ли установлен Иосифом Виссарионовичем преемник...

66 Первые лица Украинской и Белорусской республик – представители титульных наций, у татар русские; в целом по стране вводится система – второй секретарь всегда русский.

зываем российским суперэтнотомом, или же этносами, входящими в ареал «Русского мира»⁶⁷, а на макроуровне приводил бы к общему для советских граждан и граждан социалистических стран императиву, то Хрущев понимал под «советским народом», скорее, атрибут социализма как общественно-политической формации. Национальную составляющую он использовал не как национальный патриот, а как марксист-ленинист, забывая о ее корнях и стремясь искусственно перестроить на основе советской идеологии, забывая о пресловутых «духовных скрепах», видя своей целью построение того, что и так уже давно возникло, повинаясь природным законам (в 1380 г., если быть точным)⁶⁸. Таким образом, противоречивая национальная политика, слепое стремление действовать вопреки политике Сталина подложили мины под здание советской системы и возродили деструктивные начала в национальных республиках СССР.

При Л.И. Брежневе проблемы в этнополитической сфере лишь усилились, но не нашли должного ответа, вероятно, ввиду того, что выдерживался курс, взятый еще на XXII съезде (построение советского народа при отходе от понимания российского суперэтна как его основополагающего элемента и русского этна как ядра суперэтнической системы). К тому же, на первый взгляд, все проблемы были разрешимы. Однако, несмотря на активную деятельность КГБ в сфере борьбы с национализмом, в результате процесса коренизации на Украине, в Узбекистане, Казахстане, Киргизии, приобретения республиками «статуса неприкасаемых» происходит формирование номенклатурных кланов. В уже упомянутой нами Конституции СССР 1977 г. говорится об образовании новой исторической общности людей – «советском народе», но на деле этот процесс совершенно нельзя назвать законченным⁶⁹. Так, в пылу борьбы за дружбу народов и построение «советского народа» постепенно было размыто ядро системы – русский этнос, который и должен был цементировать российский суперэтнос («советский народ»). Одним из признаков этого является, например, громогласная поддержка представителей номенклатуры СССР развития национальных языков при отсутствии в Конституции СССР 1977 г. упоминания русского языка как государственного. А если нет цемента, то чем скреплять здание?

Разумеется, выход был. После парада похорон первых лиц СССР, что, вероятно, также свидетельствует о постепенной доминанте антисистемы в консорции советской элиты в конце XX века, должны были прийти новые пассионарные молодые лидеры, способные перестроить текущее государство, пересмотреть этнополитику последних десятилетий и преобразить систему... И

тогда к власти в стране пришла команда М.С. Горбачева. Однореформы, проводимые Михаилом Сергеевичем Горбачевым во всех сферах жизни советских граждан лишь только усиливали идеи о разобщенности советского народа. Происходит активная децентрализация СССР, ликвидация руководящей роли КПСС, создание КПРСФСР, перестройка КПСС по федеративному принципу, череда провокаций⁷⁰, возникновение очагов напряженности в Тбилиси, Душанбе, Приднестровье в 1989-1990-х годах. Таким образом, с одной стороны, в период Горбачева недавнее прошлое СССР подвергалось критике (период Брежнева был провозглашен периодом застоя), с другой – новые реформы имели деструктивный, а не созидательный характер. В итоге, все выливается в денационализацию русской элиты, десоветизацию СССР и дефедерализацию государства. Советская государственная система разобрана. Цемента (ни в виде русского этна, ни в виде КПСС как политически мощной силы) не остается. В то время как национальные республики, в которых за десятилетия, прошедшие после исторических решений Хрущева, выросла новая национальная элита, обращенная в себя, а не к русскому этносу, начинают вновь просить большего суверенитета. Финальным аккордом подрыва российского суперэтна в форме советского народа становится декларация о суверенитете РСФСР 1990 г., инициированная Б.Н. Ельциным. После чего происходит так называемый «Парад суверенитетов», и в декабре 1991 г. под скрип ручек первых лиц РСФСР, УССР и БССР, подписывающих «Беловежское соглашение» вопреки Всесоюзному референдуму о сохранении СССР 17 марта 1991 г.⁷¹, погибает Советский Союз⁷², исчезает советская система..., следовательно, вместе с ней и советский народ.

Тенденции к созидательному и деструктивному императиву в элите российского суперэтна как диалектическая база «советского народа»

Таким образом, советская национальная политика проводилась в условиях, когда государствообразующий суперэтнос (русский) находился в фазе надлома, что обуславливало периодические острые всплески этнических, идеологических и иных конфликтов, вызванных выбросами пассионарной энергии. При этом советская национальная политика основывалась на позитивном опыте царской России и учитывала неудачный опыт политики Временного правительства. Однако консорция большевиков (затем советской элиты) изначально совмещала в себе как созидательное (системное) начало, так и

67 То есть основывался на естественном процессе этногенеза, границы которого были установлены в ходе истории в рамках т. н. «Малой Евразии».

68 «На Куликово поле пришли москвичи, суздальцы, владимирцы, а вернулись с Куликова поля русские». Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Изд-во «АСТ», 2011.

69 Проблемы немцев Поволжья, азербайджанско-армянского конфликта, турков-месхетинцев, крымских татар и т.д....

70 В мае 1987 – Матиас Руст, в августе 1989 – «Балтийский путь»...

71 76% проголосовавших (которых было 79.5% от всех граждан СССР, обладающих правом голоса) высказались ЗА сохранение Советского Союза.

72 Стоит отметить, что сценарий, по которому это происходит, подозрительно похож на небезызвестный план А. Даллеса («Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР», 1945 г.), однако до сих пор не утихают споры о том, насколько достоверным является данный источник. Текст: http://www.russkoedelo.org/mysl/miscellaneous/dulles_plan.php

начало деструктивное (антисистемное). Революция, несомненно, происходила в стезе антисистемы, но ход дальнейшего исторического развития постепенно системообразующая деятельность превысила деструктивную (поскольку созидание являлось необходимым для существования российского суперэтноса). Таки образовалось советское государство (вначале в виде РСФСР, затем СССР). Созидательное начало победило вместе с победой И. В. Сталина во внутривнутриполитической борьбе, а под влиянием угрозы со стороны нацизма, с одной стороны, и подъема национального патриотизма – с другой, образовались условия для возвращения советской идеологии в русло традиционной российской этнополитики, а также ликвидации деструктивного начала. Что и было осуществлено Сталиным в 40-е годы XX века. Также оформилось понимание термина «советский народ» как российского суперэтноса и/или же как единого императива поведения и общей идеологии для народов СССР и социалистических стран. Причем, важно, что этнополитика Сталина, являясь полиэтнической, основывалась на естественном ядре российского суперэтноса – русском этносе, подобно тому как это было при самодержавии⁷³. Однако при следующих руководителях СССР постепенно понятие советского народа и советского человека стало более искусственным⁷⁴, ввиду размывания русского этнического ядра в советской идеологии, а также ввиду ошибки понимания того, что советский народ является не признаком будущего явления, но формой уже осуществленного ранее исторического достижения, так же как и дружба народов внутри российского суперэтноса. В результате чего произошел рост национализма в национальных окраинах, вновь возникли и разрослись антисистемы внутри консорции советской элиты. Были ли они успешно использованы из-за рубежа, произошёл ли саботаж внутри самой советской системы или по роковой случайности, однако новые лидеры СССР и советских республик также явили собой деструктивное начало и фактически своими руками разрушили Советский Союз, усиливая этнополитические противоречия и нагнетая межэтническую обстановку. Поскольку в условиях фазы пассионарного надлома, предположительно, достаточно нескольких стратегических ошибок в сфере национальной полити-

ки, чтобы вызвать коллапс этнической системы.

Таким образом, наша гипотеза показала, что утверждать, что целью национальной политики СССР являлось формирование новой исторической общности людей «советский народ» можно, исключительно рассматривая политику лидеров СССР «постсталинского» периода, поскольку она основывалась на образовании нового исторического социального явления, а не на развитии или использовании уже существующего, что отличало этнополитику СССР до данного исторического этапа. Можно констатировать, что советское государство явилось своеобразным зигзагом истории этногенеза российской суперэтнической системы, обладающим множеством уникальных черт, обусловленных особенностями своего появления, развития и деформации.

Однако остается дискуссионным один из важнейших вопросов – исчезло ли вместе с Советским Союзом понятие «советский народ»? На наш взгляд, если говорить об искусственном проекте второй половины XX века, то да, но если говорить о «советском народе» как форме существования российского суперэтноса или Русского мира, даже как об идеологическом императиве советского человека, – то нет. Ведь большинство жителей постсоветского пространства – это либо люди, рожденные в Советском Союзе, либо люди, являющиеся частью суперэтноса, который был воплощен в форме советского народа (а чаще всего, и так, и так). Более того, можно говорить, что за проектами совершенствования, развития и объединения народов Русского мира, подобных «советскому народу», будущее. Нетрудно сделать прогноз относительно их востребованности в связи с активными темпами евразийской интеграции, например, на базе Евразийского союза, новым собиранием земель, например, воссоединением Крыма с Россией в 2014 г., становлением России как регионального и глобального центра традиционных духовных ценностей и идеологии многополярного мира. В связи с вышеизложенным, думается, следует считать «советский народ» многогранным историческим феноменом, который как проект развития межэтнических отношений в рамках созидательной государственной этнополитики является позитивным явлением, в особенности в том случае, если он понимается как форма суперэтнической системы, или надстройка (своеобразный мост), между суперэтносами и обуславливается естественным процессом этногенеза.

73 См. эпиграф.

74 Превратившись в «Homosoveticus», описанного как особое явление в трудах А. А. Зиновьева «Коммунизм как реальность», 1980, и «Кризис коммунизма», 1990....

Библиографический список

1. Декреты Советской власти. Т. I. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957. (эл. Версия: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/peoples.htm>).
2. Дорошенко Н. М., Кефели И. Ф. Л. Н. Гумилев: pro et contra, антология. СПб.: НОКО, 2012.
3. Известия ЦК КПСС, 1989. № 9.
4. Интервью Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс господином Рой Говардом. Правда. 5 марта 1936 года (электронный источник: <http://www.dal.by/news/174/19-02-13-10/>)
5. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/>
6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/5508660/.

7. На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914-1918. Орел, 1994.
8. Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. М., 1972.
9. План А. Даллеса («Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР», 1945г.)http://www.russkoedelo.org/mysl/miscellaneous/dulles_plan.php
10. Полина И. Глава МИД Польши: узников концлагеря в Освенциме освободили украинцы. ТАСС (21.1.2015)// <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1711896>
11. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. № 6, 19 декабря 1917 г. (эл. версия: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5310/>).
12. «СУ РСФСР», 1917, № 1, ст. 2, 2-е издание, «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства». № 1, 28.10.1917 (электронная версия: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=2131>)
13. Сталин И. В. Полное собрание сочинений в 18 томах. Том 14. М.: Гос. издательство политической литературы. 1946-2006.
14. Сталин И. В. Полное собрание сочинений в 18 томах. Том 15. М.: Гос. издательство политической литературы 1946-2006.
15. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II В. Н. Воейкова. М.: Родник, 1994.
16. Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9-12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М. 1992.
17. Авторханов А. Империя Кремля: Советский тип колониализма. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-Verlag, 1988. ИмперияКремля., 1991.
18. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. Пер. с англ. М.: АСТ, 2013.
19. Булатов Ю. А. Первая мировая война: Кто воевал за Россию//Международная жизнь.2014. № 8. С.134-152.
20. Бурмистрова Т. Ю. Национальный вопрос в программах и тактике политических партии в 1905-1917 гг.
21. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.
22. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Изд-во «АСТ», 2003.
23. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: Изд-во «АСТ», 2007.
24. Гумилев Л. Н. От Руси до России.М.: Изд-во «АСТ», 2011.
25. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли//[http:// gumilevica.kulichki.net/EBE/index.html](http://gumilevica.kulichki.net/EBE/index.html)
26. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: Экспрос, 1993.
27. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект)//Социологические исследования, 1991. № 6.
28. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность,1980.
29. Зиновьев А. А. Кризис коммунизма, 1990.
30. Красовицкая Т. Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917-1923 г.). Документы и материалы М. 2007.
31. Коэн С. Советский Союз. Жизнь после смерти.TheSovietUnion'sAfterlife "TheNation" 2 1.12.2011 Перевод: <http://forum.polismi.ru/index.php?topic/875>.
32. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М., 2011.
33. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Изд-во Эксмо, 2003.
34. Русский космизм: Антология философской мысли. Сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
35. Чеботарева В. Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья 1918-1941гг. М. 1999.

References

1. Decrees of the Soviet government. Vol.I. M.Publishing house ofpolitical literature, 1957. (e. Version: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/peoples.htm>).
2. Doroshenko N.M.,Kefeli I.F. L.N.Gumilev: proetcontra, anthology. SPb.: NOKO2012.
3. Proceedings of the CPSU Central Committee, 1989. N 9.
4. Stalin's Interview with the Chairman of American newspaperassociation "Scripps-Howard Newspapers"Mr.RoyHoward. Pravada. March 5, 1936(electronicsource:<http://www.dal.by/news/174/19-02-13-10/>)
5. The Constitution(Fundamental Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic(adopted by VCongress of Sovietsin the meetingof July10, 1918) <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/>.
6. The Constitution(Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics(approved bythe II Congress ofSoviets of the USSRon January 31,1924) http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/5508660/.
7. In the Service of the Fatherland: Notes of aRussiangovernor,1914-1918. – Orel, 1994.
8. Foundation of the Union of SovietSocialist Republics.Collection ofdocuments.M., 1972.
9. The A. Dulles' plan ("Reflections on the implementation ofthe Americanpost-wardoctrineagainst the USSR", 1945).Text: http://www.russkoedelo.org/mysl/miscellaneous/dulles_plan.php.
10. Polina I. Polish Foreign Minister: prisoners ofthe concentration campat Auschwitz were liberatedby Ukrainians. TASS(01/21/2015)// <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1711896>
11. Collection of Lawsand Orders of Worker andPeasant's Government. №6 December 19,1917 (e. Version: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5310/>).
12. «CollectionofOrders ofRSFSR», 1917,№1,Art. 2, 2nd edition "Newspaper ofthe ProvisionalWorkers and Peasants'Government."" №110.28.1917(ElectronicVersion: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=2131>)
13. Stalin I.V. Complete collection of worksin 18 volumes. Vol.14. М.:state publishing house of political literature of 1946-2006.
14. Stalin I.V. Complete collection of worksin 18 volumes. Vol.15. М.:state publishing house of political literature of 1946-2006.
15. Witha tsar andwithout a tsar.Memories ofV.N.Voeikov, the lastcommandantof the palaceof the EmperorNikolai II. М .:Rodnik, 1994.

16. Secrets of the national policy of the Central Committee of the RCP. Fourth meeting of the Central Committee of the Communist Party with officials of the national republics and regions in Moscow on 9–12 June, 1923. Verbatim record. M. 1992.
 17. *Avtorkhanov A.* Kremlin Empire: The Soviet type of colonialism. – Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-Verlag, 1988. Kremlin Empire, 1991.
 18. *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives/ Trans. from English. M.: AST, 2013.
 19. *Bulatov Yu. A.* World War I: Who fought for Russia// International Affairs. 2014. № 8. Pp. 134–152.
 20. *Burmistrova T. Yu.* National question in the programs and tactics of political parties in 1905–1917.
 21. “The issue of issues”: why did not the Soviet Union remain? M.: AIRO-XXI; SPb.: Dmitri Bulanin, 2007.
 22. *Gumilev L. N.* Ancient Rus’ and the Great Steppe. M.: Publishing House “AST”, 2003.
 23. *Gumilev L. N.* The end and start again. M.: Airis-Press, 2007.
 24. *Gumilev L. N.* From Rus’ to Russia, M. M.: “AST”, 2011.
 25. *Gumilev L. N.* Ethnogenesis and biosphere of the Earth // [http:// gumilevica.kulichki.net/EBE/index.html](http://gumilevica.kulichki.net/EBE/index.html)
 26. *Gumilev L. N.* Ethnosphere: history and the history of nature, M.: Ekopros, 1993.
 27. *Zemskov V. N.* Gulag (historical and sociological aspect) // Sociological Research 1991. № 6.
 28. *Zinoviev A. A.* Communism as a reality in 1980.
 29. *Zinoviev A. A.* Crisis of Communism, 1990.
 30. *Krasovitskaya T. Yu.* National elite as a social and cultural phenomenon of the Soviet state (October 1917–1923). Documents and Materials. M. 2007.
 31. *Cohen S.* The Soviet Union. Afterlife “The Nation” 21.12.2011 Translation: <http://forum.polismi.ru/index.php?/topic/875>.
 32. *Martin T.* Empire of “positive activities.” Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939. M., 2011.
 33. *Panarin A. S.* Temptation by globalism. M.: Eksmo, 2003.
 34. Russian cosmism: Anthology of philosophical thought/ compiled by S. G. Semenova, A. G. Gacheva. M.: Pedagogika-Press, 1993. 368 p.
 35. *Chebotareva V. G.* State National Policy of the Republic of the Volga Germans 1918–1941. M. 1999.
-

УДК 304.44

UDC 304.44

М. СОЕГОВ

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана
E-mail: msoyegov@gmail.com

M. SOYEGOV

Doctor of Philology, Professor, Main Research Assistant, National Institute of Manuscripts of Academy of Sciences of Turkmenistan
E-mail: msoyegov@gmail.com

УРОЖЕНЕЦ ОРЛА – ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ДОЦЕНТОВ БГУ, ФУНКЦИОНИРУЮЩЕГО С 1919 ГОДА

THE NATIVE OF OREL – ONE OF THE FIRST SENIOR LECTURERS OF BSU, FUNCTIONING SINCE 1919

Как продолжение подготовленных и изданных в 2014 году работ в связи с 95-летним юбилеем Бакинского государственного университета (БГУ), в статье кратко рассматривается жизнь и деятельность одного из первых доцентов университета, ученого-востоковеда, уроженца Орла Льва Александровича Зими́на (1886–1920), который успел проявить себя в качестве тюрколога, арабиста, ираниста, археолога и историка Средней Азии.

Ключевые слова: гимназия, училище, научные труды, член правительства, университет.

As continuation of the works prepared and published in 2014 in connection with 95-year-old anniversary of the Baku state university (BSU), the article in short considers life and activity of one of the first senior lecturers of the university, scientist-orientalist, native of Orel, Lev Aleksandrovich Zimin (1886–1920) who managed to prove himself as a turkologist, arabist, iranist, archeologist and historian of Central Asia.

Keywords: a grammar school, school, proceedings, a member of the government, university.

Из существующей литературы узнаем, что первые занятия во вновь образованном Бакинском государственном университете начались 15 ноября 1919 года, и сам БГУ был открыт на основе Закона, принятого Парламентом Азербайджанской Демократической Республики 1 сентября того же года. Парламент АДР уже 29 сентября 1919 года утвердил “Устав Бакинского государственного университета”.

Среди преподавателей, которые провели тогда первые занятия со студентами нового университета, был Лев Александрович Зимин, принятый на работу приказом ректора, профессора В.И.Разумовского в качестве доцента кафедры арабского языка историко-филологического факультета (тогда в БГУ было всего 4 факультета). Прибывший недавно в Баку из Закаспийской области ученый-востоковед Л.А. Зимин проживал в городе по адресу: ул. Красноводская, д. 49.

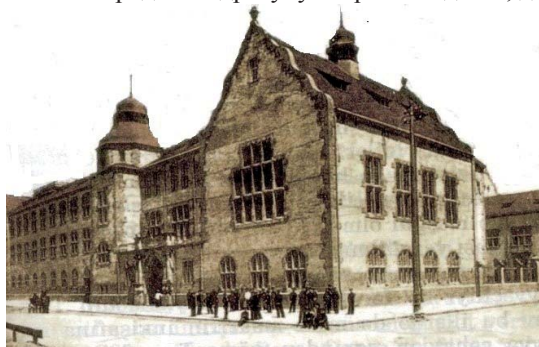

Рис. 1. Здание Бакинского государственного университета, где проводились первые занятия в 1919 году¹.

¹ Здесь и далее рисунки приводятся согласно соответствующим сайтам в Интернете.

Не прошло и пяти месяцев после торжеств, проведенных в связи открытием БГУ, как Л.А. Зимин успел подготовить и издать учебное пособие для своих студентов: «Краткая арабская хрестоматия и словарь». Но не было суждено 35-летнему доценту продолжать заниматься наукой и педагогической деятельностью. После оккупации 28 апреля 1920 года Советской Россией Азербайджана Л.А. Зимин был арестован 3 мая 1920. Через неделю после этого, 10 мая 1920 года Особый отдел Революционно-военного совета (ОО РВС) 11-й армии приговорил его к высшей мере наказания. В тот же день он был расстрелян. В списке казненных, опубликованном 11 мая в русскоязычной бакинской газете “Коммунист”, имя Зими́на стояло под № 11. В графе «Причины казни» значилось: “За участие в убийстве 26 бакинских комиссаров” [См.: 2].

Лев Александрович Зимин родился в 1886 году в г. Орле, его отец работал инженером-технологом. В 1904–1909 гг. обучался на факультете восточных языков по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду. Был одним способных и любимых учеников академика В.В. Бартольда. Начал работать в Ташкентском реальном училище преподавателем сартовского (узбекского) языка. Там же был издан составленный им «Учебник сартовского языка, основанный на натуральном методе. Вып. 1» (Ташкент, 1911). До этого, в 1911 году, в газете «Туркестанские ведомости» он выступает со статьями под названием «Вакуфные документы» и «Четвертый поход Тимура на Хорезм».

В последующем преподавателя Л.А. Зими́на направляют в Чарджуй, (железнодорожная станция и

город на Амударье), где он устраивается на работу в Чарджуйскую мужскую гимназию и преподает там историю. Одновременно исполняет обязанности инспектора этого учебного заведения.

Рис. 2. Чарджуйская мужская гимназия.

Из книги «Люди судьбы», которая является библиографическим словарем востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991), узнаем, что Л.А. Зимин во время Гражданской войны уже был директором Мервского РУ (реального училища).

Несколько слов об этих учебных заведениях. Из справочной литературы по теме явствует, что мужские гимназии и реальные училища в тогдашней России представляли собой близкие по содержанию учебные заведения для мальчиков с семилетним (иногда шестилетним) сроком обучения, хотя в гимназиях наряду с другими общенаучными дисциплинами всегда много времени отводилось изучению иностранных языков, а в старших классах реальных училищ обычно преподавались прикладные дисциплины (механика, химия, а также технологические и коммерческие предметы). Выпускники этих училищ могли поступить в технические, промышленные и торговые высшие учебные заведения, но не в университеты. Для девочек существовали женские гимназии.

Рис. 3. Ашхабадская женская гимназия.

При условии обучения в гимназиях наряду с местными училищами детей иногородних родителей, как правило, в них существовали пансионы для проживания подобных учащихся. Выдержавшие с успехом экзамены награждались похвальными листами и книгами. Окончившие курс в гимназии получали аттестаты зре-

лости, открывающие доступ во все высшие учебные заведения и дающие права поступления на государственную службу. Лучшие ученики, кроме того, награждаются медалью, золотой или серебряной.

Рис. 4. Железнодорожный вокзал Мерва.

Чарджуйская мужская гимназия и Мервское реальное училище ничем не отличались из подобных учебных заведений, функционировавших в других городах России. Во главе гимназии и училища стояли директор и инспектор, назначаемые попечителем учебного округа. Директор получал 2000 р., инспектор – 1500 р.; для того и другого – казенная квартира и особая плата за уроки. Так что Л.А. Зимин, будучи сначала и.о. инспектора гимназии, а затем директором училища, проживая в Закаспийской области и занимаясь педагогической деятельностью, надо полагать, не испытывал никаких материальных затруднений. Для сравнения: в 1915 году стоимость 1 российского рубля составила 2, 16 германской марки, 2,54 австрийской кроны, 2,67 французского франка и т.д.

Оставаясь одним из деятельных членов ТКЛА, Л.А. Зимин в 1911–1917 гг. активно выступает на страницах выпускаемых кружком периодических сборников под названием «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии» с такими статьями, какими являются: «Мусульманское сказание о городе Оше», «Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства», «Развалины старого Пейкенда», «Первые шаги Алим-хана на государственном поприще», «Краткая историческая справка о древнем Сохе», «Подробности смерти Тимура», «Дополнение к статье о смерти Тимура», «Отчеты о весенних и летних раскопках 1914 г. в развалинах Старого Пейкенда», «Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью», «Краткий отчет о поездке по Бухаре в 1916 г.»

В эти годы работы Л.А. Зимины также появляются на страницах «Туркестанских ведомостей» и некоторых других периодических изданиях, выпускаемых в Ташкенте: «Библиография: Издания неместные. Издания местные» (1911), «Персидское искусство» (1914), «По поводу статьи об учебниках сартовского языка» (1915) и др.

Рис. 5. Закаспийский областной музей и областная библиотека (г. Асхабад).

Проживая в Чарджуе и Мерве, Л.А. Зимин налаживает связи с членами Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, созданного в Ашхабаде еще в 1903 году, но активизировавшего свою деятельность лишь в 1914–1917 гг. [См. 4]. Кружок находился в здании областного музея и областной библиотеки. Статьи Л.А. Зимина, подготовленные под названиями «Действия Омар-Шейха, сына Тимура, в Кашгаре, Фергане и Монголии» и «Старый Фараб (Развалины у Аму-Дарьи)», появляются во втором и третьем выпусках сборника «Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока» соответственно за 1916 и 1917 гг.

В то же время он не утрачивает связи со столичной наукой. В 1915 году работа «Дневник похода Тимура в Индию Гияс-ад-Дина Али» выпускается Петрограде отдельным изданием.

Магистр истории Востока Л.А. Зимин, как преподаватель и ученый-методист, является автором «Учебника сартовского языка» (Ташкент, 1911) и учебного пособия «Краткая арабская хрестоматия и словарь», изданного в 1920 г. в Баку, которое является его последней прижизненной работой.

В своих изданных работах он представился перед научной общественностью и читательской массой как талантливый тюрколог, арабист, иранист, археолог и историк Средней Азии.

В учебной литературе последних лет имеются данные, свидетельствующие о том, что после февральского, особенно октябрьского событий 1917 г. Л.А. Зимин включился в бурную политическую жизнь, протекающую в крае и области. Так, в г. Ташкенте с 9 по 16 апреля 1917 г. проходил съезд Исполнительных Комитетов Туркестанского края. В работе съезда участвовал 171 делегат от 74 общественных организаций, 99 человек от европейского населения и 72 делегата от мусульманского. На съезде обсуждался вопрос о будущей форме государственного устройства России. По этому поводу было высказано немало мнений. Рассматривалось также предложение о федеративном устройстве России. Наряду с Махмудом Ходжой Бехбуди, Вадимом Чайкиным и другими делегатами съезда его поддержал и делегат Лев

Зимин. Принятая съездом 10 апреля 1917 г. резолюция признала, что «наиболее соответствующей формой государственного устройства России является установление в России Демократической Республики на принципах широкой автономии отдельных областей государства с предоставлением в отдельных случаях полной федеративности с ограждением прав меньшинства» [3].

Важные сведения о Л.А. Зимине-комиссаре (т.е. министре) находим в работах, посвященных истории Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА), который функционировал в Ташкенте в 1895–1918 гг. и был в свое время наиболее авторитетным научным обществом края, хотя в советский период и кружок, и многие его члены характеризовались в целом в негативных тонах. Как правильно отмечает историк из Узбекистана В.А. Германов, ученый-историограф и источниковед Б.В. Лунин (1906–2001), «как никто другой внесший колоссальный вклад в дело воскрешения из забвения имен большинства членов ТКЛА, несправедлив к одному из самых талантливых из них, отмеченному самим Бартольдом, прожившему короткую, чуть более 35 лет, но яркую жизнь в науке, – Льву Александровичу Зимину» В своей книге, изданной в Ташкенте в 1958 году, Б.В. Лунин пишет: «Были и исключения. В лагерь контрреволюции перешел Зимин, оказавшийся на посту «министра» иностранных дел одного из белогвардейских «правительств»; за активную антисоветскую деятельность Зимина постигла суровая кара трудового народа» [См. Германов]. Далее, ссылаясь на оценку, данную Л.А. Зимину со стороны Вадима Чайкина и Мустафы Чокаева, В.А. Германов заключает, что «по просьбе местного населения русского и туркменского членом Закаспийского Правительства, созданного в конце 1918 года после восстания железнодорожных рабочих, недовольных террором, был избран Л.А. Зимин. Это произошло поначалу даже вопреки его желанию. Согласившись после долгих колебаний принять пост министра иностранных дел [курсив наш – М.С.], он смог предотвратить многие случаи кровопролития. Но не смог помешать расстрелу 26 Бакинских комиссаров, факт, который, был сокрыт от него проанглийски настроенными членами правительства. Вадим Чайкин впоследствии жалел, что не смог предотвратить бессмысленную, казнь Л.А. Зимина, о которой узнал слишком поздно» [1]

Ценные сведения по интересующему нас вопросу, а именно о членах Закаспийских временных правительств, просуществовавших в 1917–1920 гг. в Асхабаде (ныне Ашхабад), можем исчерпать из работ В.Ж. Цветкова, специалиста по новейшей Российской истории, защитившего в 2010 году докторскую диссертацию по теме «Формирование и эволюция политического курса Белого движения в России в 1917–1922 гг.». Ученый-историк из Московского педагогического государственного университета, в частности, сообщает: «Как и в других регионах бывшей Российской Империи, антибольшевистское движение в крае началось летом 1918 г. Состоявшийся «Всеуркменский съезд» при-

нял решение о создании конных частей, под руководством полковника Ураз-Сердара, рабочие-добровольцы Асхабада сформировали несколько отрядов, а «Союз фронтовиков», объединявший в своих рядах участников первой мировой войны (чинов Туркестанского военного округа), и «Туркестанский Союз борьбы с большевизмом» приступили к организации частей, опираясь на солдат и офицеров-добровольцев» [5].

Далее ученый пишет, что первой антибольшевистской властью в Туркестане, образовавшийся во время восстания в Асхабаде и Кизил-Арвате, стал Исполнительный Комитет, во главе с правым эсером Ф.А. Фунтиковым. Товарищем (заместителем) председателя Исполкома также стал эсер Курилев. В Комитет вошли также правый эсер Л.А. Зимин, бывший директор реального училища в г. Мерв и инженер-путеец В. Дохов, ставший комиссаром по иностранным делам. «Туркестанский Союз» представляли бывший присяжный поверенный граф Доррер и бывший командир 2-го Туркестанского корпуса генерал-лейтенант И.В. Савицкий. От туркмен в Комитете были генерал Ураз (Ораз)-Сердар и офицеры русской службы – Хаджи-Мурат, хан Иомудский, Овезбаев. В Комитете должностные лица именовались комиссарами.

В ноябре 1918 года модель управления Закаспийской области окончательно сформировалась. Комиссары были переименованы в управляющих соответствующими отделами. «Бывший директор реального училища Л.А. Зимин стал управляющим *отдела внутренних дел* [курсив наш – М.С.], а розыскным бюро (своего рода контрразведкой) руководил помощник присяжного поверенного И. Дружкин. Отделом иностранных дел руководил 2-й секретарь российской дипломатической миссии в Тегеране Ю. Макаров» [5].

15 января 1919 г. в результате переворота Закаспийское правительство Фунтикова было арестовано. Власть перешла к «Комитету общественного спасения Закаспийской области», или Директории, состоявшей из пяти комиссаров, утвержденных Исполкомом. Возглавлял Комитет Дружкин. 20 марта 1919 г. в Асхабаде прошел съезд представителей городов, крестьян и профсоюзов, на котором были избраны три русских члена Директории (А. Аксимов от про-

фсоюзов, Зимин и генерал-майор Крутень). Двое членов туркмен выдвигались местными национальными собраниями. Один из членов Директории, Л.А. Зимин, впоследствии описал некоторые подробности этого события. Он рассказал, что в состав Директории были избраны на съезде туркмен Хаджи-Мурат и Овезбаев. По требованию англичан вместо Овезбаева был введен в Директорию Ораз-Сердар.

Закаспийская Директория и другие временные правительства области, в том числе правительство, возглавляемое Фунтиковым, были практически марионетками в руках англичан, оккупационные войска которых находились в Закаспийской области в 1918–1920 гг. Поэтому без их участия не могло проводиться ни одно значимое мероприятие, тем более такое, каким является расстрел 26 бакинских комиссаров. Но остается для нас до конца не ясным то, на какой должности все-таки оказался востоковед Л.А. Зимин: он занимался в этих временных правительствах вопросами внешних сношений или же вел внутренние дела?

По нашему мнению, наиболее близким к истине можно считать следующие утверждения, которые содержатся в библиографическом словаре «Люди и судьбы»: Педагог и ученый-востоковед Лев Александрович Зимин, как один из наиболее уважаемых людей в области и крае, по желанию местного населения и против своей воли был единогласно избран на должность комиссара по иностранным делам (управление иностранных дел) в эсеровское Закаспийское временное правительство (директорию). Известен как принципиальный противник применения смертной казни к политическим противникам, предотвратил многие случаи кровопролития. Поэтому от него скрыли предстоящую казнь 26 бакинских комиссаров, о которой Зимин узнал постфактум; тем не менее сумел спасти от расправы их жен и детей.

Л.А. Зимин 14 марта 1919 г. вышел из состава «Комитета общественного спасения», созданного в Ашхабаде. Вскоре выехал в Красноводск и оттуда приплыл на корабле по Каспийскому морю в Баку. Его жизнь, связанную с вновь созданным в 1919 г. Бакинским государственным университетом, мы кратко осытили в начале статьи.

Библиографический список

1. Германов В.А. Туркестанский кружок любителей археологии: примат науки или геополитики? См.: <http://mytashkent.uz/2010/02/25/turkestanskiy-kruzhok-lyubiteley-arheologii/> (01.09.2015).
2. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское Востоковедение. 2003. См.: <http://vostokoved.academic.ru> (04.09.2015).
3. Мухитдинова Ф. А. История политических и правовых учений Узбекистана. Учебное пособие. Ташкент: Изд-во ТГЮИ. 2006. 132 стр.
4. Соегов Мурадгелди О деятельности одного любительского кружка, функционировавшего в Ашхабаде в 1903–1906 и 1914–1917 гг. // Язык и культура. Научный интернет-журнал Центра исследования лингвокультурологии и переводоведения филологического факультета Прешовского университета. № 21–22. Прешов (Словацкая Республика), 2015.
5. Цветков В.Ж. Между белым югом и Сибирью: специфика управления в закаспийской области в 1918–1920 гг. <http://www.permgani.ru> (05.09.2015).

References

1. *Germanov V.A.* Turkestani circle of fans of archeology: a primacy of a science or geopolitics? See: [http://mytashkent.uz/2010/02/25/turkestanskiy-kruzhok-lyubiteley-arheologii/\(01.09.2015\)](http://mytashkent.uz/2010/02/25/turkestanskiy-kruzhok-lyubiteley-arheologii/(01.09.2015)).
 2. People and destinies. The biobibliographic dictionary of orientalist – victims of political terror during the Soviet period (1917–1991). SPb.: The Petersburg Oriental studies. 2003. See.: <http://vostokoved.academic.ru> (04.09.2015).
 3. *Mukhutdinova F.A.* History of political and legal doctrines of Uzbekistan. The manual. Tashkent: Publishing house TGJUI. 2006. 132 p.
 4. *Soyegov Muradgeldi.* About activity of one amateur circle functioning in Ashgabat in 1903–1906 both 1914–1917//Language and culture. The scientific Internet journal of the Center of research of Linguistics and Culturology and Translating of Philosophical faculty of Preshov University. Vol. 21–22. Preshov (Slovak Republic), 2015.
 5. *Tsvetkov V.J.* Between the white south and Siberia: specificity of management in Zakaspi areas in 1918–1920. <http://www.permgani.ru> (05.09.2015).
-
-

УДК 94(420).081/082:94(430).084-684

UDC 94(420).081/082:94(430).084-684

А.А. ТЕНИЧЕНКО

аспирант, кафедра всеобщей истории, Орловский
государственный университет
E-mail: zaratustra612@yandex.ru

A.A. TENICHENKO

Graduate student, Department of General History, Orel
State University
E-mail: zaratustra612@yandex.ru

**РУССКИЕ ВОЕННО-МОРСКИЕ АГЕНТЫ В ЛОНДОНЕ ОБ АНГЛО-ГЕРМАНСКОМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ
НА МОРЕ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА)**

**THE GERMAN-ENGLISH RIVALRY IN THE SEA IN THE END OF THE 19TH AND THE BEGINNING
OF THE 20TH CENTURY IN VIEWS OF THE RUSSIAN NAVAL ATTACHES IN LONDON
(ON THE BASIS OF MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF NAVY FLEET)**

В статье анализируются оценки и мнения русских военно-морских агентов в Великобритании относительно военно-морского соперничества между Британией и Германией на рубеже XIX и XX вв. На основе архивных материалов автор прослеживает освещение русскими морскими агентами дискуссий в британских политических и общественных кругах по вопросам военно-морского противостояния с Германией.

Ключевые слова: гонка вооружений, общественное мнение, Великобритания, Германия, флот.

This article analyses the opinions of Russian naval attaches in Great Britain concerning the naval rivalry between Great Britain and Germany at the turn of the 19th and 20th centuries. On the basis of archival materials the author traces the coverage of discussions in Britain political and social circles on a naval confrontation with Germany by Russian naval attaches.

Keywords: arms race, public opinion, Great Britain, Germany, navy fleet.

В прошлом 2014 году весь мир отметил столетний юбилей начала одного из самых кровавых конфликтов в истории человечества – Первой мировой войны. В связи с этим как в нашей стране, так и в других государствах возрастает интерес к причинам начала той далекой войны. И тут трудно обойти стороной англо-германское морское противостояние, которое из локального конфликта между двумя государствами очень быстро превратилось в общеевропейскую проблему. Ухудшение отношений и угроза войны между Великобританией и Германией, которые являлись лидерами противостоящих друг другу блоков – Антанты и Тройственного союза, не могло не сказаться на общеевропейском мире. При этом большую роль в развитии морского противостояния обеих держав играло общественное мнение Британии и Германии. Особенно большую роль играла позиция британских политических и общественных кругов в силу особенностей политической системы страны. Таким образом, изучение позиции британского общественного мнения по вопросам англо-германского военно-морского соперничества является важным для более глубокого понимания причин начала Первой мировой войны.

Начало нового XX века британский флот встречал на пике своей мощи. Силы флота Ее Величества вполне соответствовали так называемому «двухдержавному стандарту» – т.е. превосходили силы соединенных

флотов двух следующих по мощи за Британией держав (52 британских эскадренных броненосца против 39 франко-русских броненосцев [3]). В это же время молодая объединенная Германия перешла к ускоренному строительству своего военно-морского флота, который достойно смог бы защитить интересы Второго рейха на мировой арене. В итоге принятия флотских законов 1898 и 1900 г. Германия из второразрядной морской державы, на флот которой британские морские офицеры смотрели с нескрываемой иронией, стала быстро превращаться в одну из ведущих морских держав не только Европы, но и мира. Стоит отметить, что в Британии опасность, исходящую от Германии осознали далеко не сразу, а только примерно к 1902 г. [32].

Однако соперничество между Британией и Германией развивалось по нарастающей. Переход британцев в 1906 г. к строительству линейных кораблей принципиально новой конструкции – дредноутов (данный класс кораблей получил свое название от «первенца» этого типа кораблей – «Дредноута») немцы встретили достойно. В том же 1906 г. в Германии была принята флотская новелла (т.е. дополнение к закону о флоте 1900 г.), которая открывала дорогу постройке дредноутов в этой стране. Переход к строительству дредноутов, которые значительно превосходили все ранее построенные броненосцы по огневой мощи и скорости, выводил англо-германское морское соперничество

на принципиально новый уровень. Теперь у Германии появился шанс не только нагнать, но и перегнать «царицу морей» по силе флота. Соперничество между Германией и Британией приняло открытый характер.

Русский морской агент в Лондоне капитан 1-го ранга Ф.О. Берг не оценил должным образом происходящие изменения в отношениях между Германией и Британией. В своих рапортах за 1906 г. он не касался вопросов соперничества между двумя странами как, по всей видимости, слишком незначительного фактора [4]. В своих донесениях Берг предоставлял сухую статистическую информацию о суммах, отпускаемых на британский флот, разбирал по пунктам морской бюджет Британии, правда, воздерживаясь от анализа и комментариев, предоставляя, по всей видимости, эту возможность своим начальникам в Петербурге [17]. Тем временем в Германии в 1908 г. была принята новая флотская новелла, которая в очередной раз ускоряла строительство германского флота. Ф. О. Берг в своих донесениях обошел этот вопрос полным молчанием, хотя британское общество крайне болезненно и негативно приняло весть о германской новелле. Складывается впечатление, что русский морской агент Ф.О. Берг то ли не понимал важности обострения вопроса о строительстве германского флота для европейского мира, то ли просто халатно относился к выполняемым обязанностям. Однако дело с информированием Морского генерального штаба в Петербурге о соперничестве между Германией и Великобританией изменилось с приходом на пост русского военно-морского агента в Англии капитана 1-го ранга Л.Б. Кербера, который занял этот пост 26 января 1909 г.

Кербер оказался в Лондоне очень вовремя – с конца 1908 г. в Англии нарастало волнение по поводу досрочной закладки 2-х германских dreadnoughtов. Логика британского общественного мнения была проста – германцы ускоряют строительство флота не только открыто, законодательным путем, но и скрытно, закладывая досрочно новые корабли. Как сообщал русский морской агент, британское общество охватила настоящая истерия – пресса и многочисленные митинги рядовых граждан требовали резкого увеличения британского флота (закладки в 1909/1910 гг. не 4, а 8 dreadnoughtов) [5].

Своего апогея кризис достиг в середине марта 1909 г., когда в британском парламенте проходили дебаты по поводу принятия морского бюджета на 1909/1910 гг. В одном из своих рапортов Кербер достаточно точно передал настроения британской правящей верхушки. И правящее либеральное правительство, и консервативная оппозиция соревновались в запугивании британцев в ходе дебатов в парламенте 16 марта 1909 г. [6]. Все это позволило русскому Морскому генеральному штабу 21 марта 1909 г. направить в МИД памятную записку «О соотношении морских вооруженных сил Англии и Германии». В записке на основе докладов Кербера подробно анализировалось соотношение сил двух держав и возможности их судостроительной промышленности. Авторы записки приходили к выводу, что Британия бу-

дет обладать превосходством на море до начала 1911 г., но потом оно будет утеряно, если британские правящие круги не примут меры. На основе сообщений морского агента в Лондоне делался вывод, что если все-таки британцы решат ликвидировать проблему строительства германского флота силовым путем, то 1909-1910 гг. будут самым благоприятным временем для удара по германскому флоту. В дальнейшем соотношение будет постепенно меняться не в лучшую для британцев сторону [7].

Тем временем Британские острова охватила настоящая «морская паника». Английское общество было просто шокировано сообщениями из парламента и из газет. Оказывалось, что британский флот вот-вот утратит свое традиционное превосходство, а, следовательно, скоро сможет стать возможным вторжение германцев на территорию Британских островов. В этой ситуации в обществе стали все громче раздаваться голоса, которые призывали к поиску виновных в сложившейся обстановке, в адрес британского Адмиралтейства (морского министерства) и лично Первого Морского Лорда (т.е. непосредственно командующего морскими силами Британии) адмирала Джона Фишера. Кампанию против Адмиралтейства и самого Фишера возглавил его старый недруг адмирал Чарльз Бересфорд, который решил воспользоваться возможностью свести старые счеты с Фишером. Л.Б. Кербер внимательно следил за страстями, которые охватили британское общество, и особенно за деятельностью адмирала Бересфорда, который давно слыл известным скандалистом. В своем донесении от 18 июня (с. ст.) 1909 г. Кербер сообщал о скандальном выступлении адмирала в лондонской Торговой палате, которое состоялось 30 июня 1909 г. В своей речи Бересфорд обрушился на Адмиралтейство, обвиняя его в медленном строительстве судов, «ложной экономии» (на строительстве кораблей), отсутствии разработанных планов войны против Германии. В завершении обличительной речи адмирал предлагал свою чисто популистскую программу строительства флота [8]. По поводу речи Бересфорда и самого адмирала Кербер высказался следующим образом: «Бересфорд хороший моряк, но не настолько выдающийся, чтобы намного превзойти других по службе. Ввиду этого он обращается к публике с речами против правительства, чтобы получить популярность» [9].

В течение лета 1909 г. в Англии, с одной стороны, постепенно стихала антигерманская истерия, но с другой – обстановка по-прежнему сохранялась довольно нервной. Так, в своем донесении от 4 июля (с. ст.) 1909 г. Кербер сообщал, что в Палате Лордов лорд Элленборо недавно сделал запрос, какие меры предприняты Адмиралтейством против угрозы подрыва германцами минами собравшегося в устье Темзы британского флота. Кербер отметил всю незначительность поставленного вопроса с военной точки зрения, но при этом добавил в своем рапорте, что «страх перед германским флотом велик и из-за него в Англии нервная обстановка» [10]. К зиме 1909 г. страх перед Германией стал спадать.

Кербер пришел к такому выводу, анализируя британское судостроение за истекший год. Как он отмечал, все заложенные с конца 1908 г. и до весны 1909 г. гг. британские корабли строились на Западном побережье Англии (т.е. в недосыгаемом для германского флота районе). Но заказы на вновь закладываемые корабли осенью и зимой 1909 г. размещались равномерно по Западному и Восточному побережью страны (последнее было доступно для удара германского флота). Из этого Кербер делал вывод, что на Британских островах страх перед Германией прошел [11].

В феврале 1910 г. (т.е. накануне начала дебатов в парламенте по вопросу нового морского бюджета) в британской прессе развернулась широкая кампания в пользу принятия морского закона, наподобие германского, который бы предусматривал программу судостроения и расходы на нее в течение нескольких лет вперед. Как отмечал Кербер в своем рапорте, за данный проект высказываются газеты всех политических оттенков. Требование прессы сводилось к следующему – закон должен предусматривать двухкратное превосходство британского флота над немецким, резкое ускорение строительства британского флота, а для этих целей предусматривалось заключение займа «в помощь» ежегодным ассигнованиям на флот на фантастическую сумму в 50 млн. ф. ст. [12]. Однако, как показали прения в парламенте, либеральное правительство Г. Асквита не вняло требованиям прессы. Как сообщал Кербер в своем рапорте от 7 июля (с. ст.) 1910 г., премьер-министр Г. Асквит, по всей видимости, настроен на сокращение программы судостроения на 1910/1911 гг. Для этой цели, по мнению русского морского агента, была разработана целая хитроумная «операция». Из тактических соображений (гнев прессы и общественного мнения, недовольство высших морских кругов), сам премьер-министр не мог от своего имени выступить с предложением о сокращении морского бюджета. Для этих целей был «подговорен» либеральный депутат Диллон. Он потребовал сокращения расходов на судостроение на 2 млн. ф. ст.

На что опирался Асквит в своих расчетах при проведении данной акции? Задумка была следующая – консервативная оппозиция, всегда выступавшая за расширение британского судостроения, резко осудит предложение о сокращении расходов и попытается воспрепятствовать ему. Т.о. оппозиция будет «занята» не требованием увеличения морских расходов, а сохранением уже имеющегося уровня ассигнований, и, следовательно, либеральное правительство не будет подвергнуто критике за «чрезмерную экономию». В конце прений, когда накал страстей вокруг вышеназванных 2-х млн. ф. ст. достиг своего апогея, премьер-министр, выступая в роли арбитра, взял слово и заявил, что он не видит никакой необходимости сокращать морской бюджет на будущий год. В итоге трюк Асквита удался [13].

В своем донесении от 12 октября (с. ст.) 1910 г. Л.Б. Кербер сообщал, что А. Бальфур (лидер консервативной оппозиции) и Ч. Бересфорд (о котором уже

говорилось выше и который также являлся членом консервативной партии) начали очередную кампанию за расширение будущей судостроительной программы. В своей речи в Глазго Бальфур заявил следующее: «Если правительство не в состоянии создать сильный могущественный флот на средства ежегодного бюджета, оно обязано сделать это, прибегая к займам». Бальфур ответил Первый Лорд Адмиралтейства (т.е. морской министр) Р. Маккена в своей речи в местечке Бленэвоне (графство Монмаут). Он заявил, что займы могут быть лишь временным средством. Поэтому морской министр видит только один путь – увеличение налогов. Из всего вышесказанного Кербер делает вывод, что задолго до начала прений в парламенте по морским сметам на 1911/1912 гг. и правительство и оппозиция потихоньку начинают готовить почву к принятию морского бюджета в рекордные 46 млн. ф. ст. (самая крупная морская смета за последнее десятилетие). Однако, даже если ассигнованных денег не хватит, правительству или будут предоставлены займы, или будут введены новые налоги [14].

Тем временем «борьба за умы» британцев продолжалась – в своем донесении от 16 января (с. ст.) 1911 г. Кербер сообщал, что за широчайшей газетной кампанией, которую русский морской агент назвал «газетной войной за увеличенное судостроение», стоит фирма Виккерса, которая была одним из основных производителей орудий для британского флота. Кербер оценил затраты Виккерса на эту кампанию в 5 тыс. ф. ст. [15]. К кампании за увеличение морских расходов присоединились и высшие морские круги. По имеющимся сведениям Л.Б. Кербера, Морские Лорды (т.е. высшие чины Адмиралтейства) жестко настаивали на закладке 5-6 новых дредноутов, если в парламенте правительство сможет «выбить» только 4 дредноута, то Морские Лорды подадут в отставку. Эти заявления делались на фоне того, что морским кругам было прекрасно известно, что либеральное правительство не намерено закладывать более 4-х новых дредноутов в 1911/1912 гг. Оппозиция поддержала Морских Лордов. Из текущей обстановки Кербер делал вывод, что ввиду неприемлемости для правительства отставки всех высших чинов Адмиралтейства, оно будет вынуждено согласиться с требованиями моряков [16]. Как показали дальнейшие события, Кербер был очень проницательным морским агентом – он практически правильно угадал и сумму смет (вместо 46 млн. ф. ст. она составила 44,4 млн. [1]), и количество закладываемых дредноутов (их заложили 5 [2]). В марте 1911 г. Л.Б. Кербера на посту русского военно-морского агента в Лондоне сменил капитан 1-го ранга Н.Г. Рейн, который в течение всего 1911 года не прислал в Петербург ни одного сколько-нибудь заметного донесения касательно англо-германского соперничества.

Однако, Рейн прямо с самого начала 1912 года развил бурную деятельность. Уже 30 января 1912 г. произошла встреча русского военно-морского агента с новым Первым Лордом Адмиралтейства Уинстоном Черчиллем

(он занял этот пост 23 октября 1911 г.). Черчилль был, по всей видимости, в хорошем настроении и довольно разговорчив. Он не скрыл от Рейна, что судостроительная программа Британии на 1912/1913 гг. будет базироваться на системе «два киля против одного» (т.е. на каждый заложенный в Германии dreadnought британцы ответят двумя), а в случае надобности Британия даже готова обеспечить превосходство по вновь заложенным кораблям в 2 ½ раза. Дальше беседа касалась технических вопросов флота [19]. У Черчилля, очевидно, установились неплохие отношения с Н.Г. Рейном, т.к. уже 2 марта 1912 г. состоялась их следующая встреча. В беседе Первый Лорд Адмиралтейства раскрыл русскому морскому агенту британскую морскую программу на 1912/1913 гг. – 4 dreadnoughta. Черчилль конфиденциально сообщил, что если Германия расширит свою судостроительную программу (т.е. если примет новую новеллу), то британская судостроительная программа может быть расширена [20]. Однако из поля зрения русского морского агента выпал визит британского военного министра Р. Холдена в Берлин 8-10 февраля 1912 г. Целью визита было установление соглашения по вопросам гонки морских вооружений между двумя державами. Пусть он и не принес результатов, но явился важным событием англо-германского соперничества.

В следующем своем донесении Рейн от 14 марта 1912 г. сообщал о ходе прений в парламенте по поводу морского бюджета на 1912/1913 гг. Адмиралтейство затребовало ассигнования на постройку 4 новых dreadnoughtов. Морской министр Черчилль заявил на заседании парламента, что флоты других морских держав не увеличиваются (это говорилось до появления новой германской новеллы, которая была принята 22 мая 1912 г. По ней германский флот усиливался на 3 dreadnoughta). В противном случае правительство оставляло за собой право затребовать дополнительные кредиты. Рейн тут прокомментировал, что ему «доподлинно известно, что такие требования изготовлены и могут быть внесены в любой момент» [21]. Позже, уже после принятия германской новеллы, Рейн сообщал в Петербург, что британцы, по всей видимости, отказываются от «двухдержавного стандарта». Он приходил к этому выводу на основе произведенных расчетов: после принятия новеллы количество германских dreadnoughtов к 1917 г. должно было достигнуть 61, британцы же, при соблюдении «двухдержавного стандарта», должны были бы иметь 122 корабля. Для достижения этой цифры требовалось закладывать по 7 кораблей в год, но при этом Адмиралтейство затребовало всего лишь 4 корабля на 1912/1913 гг. [22]. В своем следующем рапорте от 17 марта 1912 г. Рейн сообщал о тревожном соотношении между британским флотом и флотами Тройственного союза. Русский морской агент указывал в своем рапорте, что к апрелю 1915 г. Британия будет располагать 38 dreadnoughtами против возможных 34 dreadnoughtов флотов Тройственного союза (из них 24 германские корабли). На основе этих цифр Рейн делал вывод, что 60% превосходства, о котором заявлял морской министр Черчилль,

соблюдается только по отношению к Германии, по отношению ко всему Тройственному союзу превосходство британского флота выражается только в 10% [23]. Однако в парламенте произносились речи, призванные успокоить британцев, убедить их в непоколебимости морского могущества Англии. Так, Первый Лорд Адмиралтейства Черчилль заявлял в парламенте: «Средства и ресурсы кораблестроения страны велики и таковы, что на практике ни одна страна на свете еще не строит так быстро, как Англия» [24].

Кроме строительства новых кораблей, британское Адмиралтейство проводило также концентрацию морских сил Британии в водах метрополии. Это была вынужденная мера, направленная на сохранение превосходства над Германией. В своем донесении от 3 апреля 1912 г. Рейн сообщал о реакции британского общества на проводимое перемещение морских сил в воды метрополии. Как он отмечал, в целом реорганизация флота встречена одобрительно, но ослабление Средиземноморского флота встречается со смешанными чувствами и «внутренней обидой» [25].

Принятие немцами новой флотской новеллы 22 мая 1912 г. было крайне болезненно воспринято в Великобритании. Как сообщал Рейн в своем донесении от 22 мая 1912 г., Черчилль уже в день принятия новеллы публично грозил увеличить морские расходы Англии. Русский агент обращал внимание своего начальства в Петербурге на то, что, по его данным, имеются свободные 6,5 млн. ф. ст., которые могут быть использованы на новое судостроение. Но при этом Рейн отметил, что для британского флота очень остро стоит вопрос о комплектовании личного состава. Людей не хватает [26]. Далее русский морской агент сообщал, что если Британия не собирается отказываться от заявленного Черчиллем 60% превосходства над немцами, то в 1912/1913 гг. надо будет заложить 5 dreadnoughtов, в 1913/1914 гг. – 4, в 1914/1915 гг. – 5, в 1915/1916 гг. – 4, в 1916/1917 гг. – 5, 1917/1918 гг. – 4. При этом, по мнению Рейна, так же требовалось ускорить строительство новых кораблей. Однако, как он уже во второй раз отмечал в своем рапорте, главной проблемой британского флота является острая нехватка личного состава [27]. Данная проблема была затронута Рейном в очередном рапорте от 21 июля 1912 г. Русский агент оценивал нехватку личного состава к предстоящим ежегодным летним маневрам в 4 тыс. человек, а учитывая необходимость комплектования людьми строящихся кораблей, – 10 тыс. человек [28].

В качестве одной из дополнительных мер по сохранению морского превосходства над Германией Рейн называл покупку строящегося в Англии для Турции dreadnoughta «Решад V». Об этом он сообщал в своем рапорте от 31 мая 1912 г. [29]. В сообщении от 21 августа 1912 г. Рейн указывал, что слухи о покупке «Решада V» продолжают муссироваться. Источником денег для этой покупки русский морской агент называл Канаду [30]. Стоит отметить, что сделка с турецким dreadnoughtом так и не была осуществлена. Он был реквизирован британ-

цами только после начала Первой мировой войны.

Британские правящие круги в качестве еще одной меры по усилению английского флота решили прибегнуть к помощи колоний. Об этом сообщал Рейн в рапорте от 11 ноября 1912 г. Он сообщал, что на недавнем банкете у Лорда-мэра Лондона с речами выступили премьер-министр Асквит и морской министр Черчилль. Последний в своей речи заявлял, что соперничеству с Германией придет конец, если немцы поймут, что Британию не догнать, проблема с личным составом решена (при этом Рейн прокомментировал, что в общем вопрос решен, но по отдельным специальностям проблема сохранилась). Далее Черчилль говорил о помощи колоний – о дредноуте «Нью Зиленд», подаренном соответствующим доминионом, о строящихся австралийских кораблях, о морской программе Канады, которая в данный момент обсуждалась в канадском парламенте[31]. Слова Первого Лорда Адмиралтейства были призваны убедить немцев, что тягаться с Британией просто бессмысленно.

В ноябре 1912 г. произошло очередное обострение англо-германских отношений в связи с начавшейся Первой Балканской войной. В британском обществе снова начали нагнетаться антигерманские настроения. Так, в рапорте от 7 декабря 1912 г. Рейн сообщал, что недавно целая армия рекламщиков («Sandwichmens») носила по улицам Лондона плакаты со сравнением сил Англии и Германии на море, на которых были перечислены все готовые дредноуты обеих стран, а также все строящиеся и предполагаемые к закладке в будущем. Общий смысл данной таблицы был таков – к 1915 г.

Британия будет иметь 36 дредноутов против 33 или 36 дредноутов Тройственного союза [18]. Понятное дело, что такие акции приводили только к росту антигерманских настроений и общей нервозности в британском обществе.

Это было одно из последних сообщений русского военно-морского агента в Лондоне, посвященное англо-германскому морскому соперничеству. В дальнейших донесениях Н.Г. Рейн и сменивший его на этом посту капитан 1-го ранга Н.А. Волков не уделяли внимание гонке вооружений между двумя странами, т.к. отношения между странами вступили в полосу относительно-го спокойствия, которое продлилось до самой мировой войны.

В заключение хотелось бы отметить, что русские морские агенты, в особенности Л.Б. Кербер и Н.Г. Рейн, достаточно правильно информировали Петербург о всех перипетиях соперничества между Великобританией и Германией на море. Таким образом, русский Морской генеральный штаб мог достаточно объективно оценивать силы и возможности ведущих европейских держав на море, а также планировать развитие русского флота. Не менее важным является и другой аспект, который освещался русскими морскими агентами в Лондоне, – отношение различных политических партий, морских кругов, прессы и общественности Великобритании к вопросам морского противостояния с Германией. Антигерманизм британского общественного мнения позволял русским правящим кругам рассчитывать на поддержку ведущей морской державы мира в надвигающейся войне.

Библиографический список

1. Английские морские сметы на 1911-1912 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1911. №3. С. 110.
2. Английские морские сметы на 1911-1912 год. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1911. №3. С. 110.
3. Военное судостроение за границей и иностранные флоты. Морская хроника. Неофициальный отдел // Морской сборник. 1898. №7. С. 39.
4. Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1 ед. хр. 3256. Л. 3-4.
5. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3277. Л. 2.
6. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3262. Л. 8 – 14.
7. РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2 ед. хр. 219. Л. 189-190.
8. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3269. Л. 27-29.
9. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3269. Л. 37.
10. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3277. Л. 59-60.
11. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3277. Л. 104.
12. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3282. Л. 6.
13. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3286. Л. 4.
14. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3288. Л. 3-4.
15. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3296. Л. 11.
16. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3301. Л. 1-2.
17. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3260. Л. 3.
18. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3307. Л. 79-80.
19. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3304. Л. 3/об.
20. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3311. Л. 3-4.
21. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3309. Л. 4-5.
22. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3309. Л. 6.
23. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3309. Л. 50.
24. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3309. Л. 74.
25. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3311. Л. 49.
26. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3307. Л. 16.

27. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3307. Л. 18.
28. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 2908. Л. 102.
29. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 2933. Л. 355.
30. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 2933. Л. 57.
31. РГА ВМФ. Ф. 418 оп. 1 ед. хр. 3307. Л. 75-77.
32. Kennedy P.M. The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860-1914. London. 1982. P. 252.

References

1. British naval estimates for the 1911-1912. Informal department // Marine collection. 1911. №3. P. 110.
 2. British naval estimates for the 1911-1912. Informal department // Marine collection. 1911. №3. P. 110.
 3. Military shipbuilding abroad and foreign fleets. Naval Chronicle. Unofficial department // Marine collection. 1898. №7. P. 39.
 4. Russian State Archive of Navy fleet (RSAN). F. 418. in. 1. st. u. 3256. P. 3-4.
 5. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3277. P. 2.
 6. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3262. Pp. 8-14.
 7. RSAN. F. 418 in. 2 st. u. 219. Pp. 189-190.
 8. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3269. Pp. 27-29.
 9. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3269. P. 37.
 10. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3277. Pp. 59-60.
 11. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3277. P. 104.
 12. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3282. P. 6.
 13. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3286. P. 4.
 14. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3288. Pp. 3-4.
 15. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3296. P. 11.
 16. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3301. Pp. 1-2.
 17. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3260. P. 3.
 18. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3307. Pp. 79-80.
 19. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3304. P. 3/turn.
 20. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3311. Pp. 3-4.
 21. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3309. Pp. 4-5.
 22. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3309. P. 6.
 23. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3309. P. 50.
 24. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3309. P. 74.
 25. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3311. P. 49.
 26. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3307. P. 16.
 27. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3307. P. 18.
 28. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 2908. P. 102.
 29. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 2933. P. 355.
 30. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 2933. P. 57.
 31. RSAN. F. 418 in. 1 st. u. 3307. Pp. 75-77.
 32. Kennedy P.M. The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860-1914. London. 1982. P. 252.
-
-

УДК 8.085

UDC 8.085

Н.В. АКИМОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературы, Орловский государственный институт культуры

E-mail: anatavi@mail.ru

Ю.А. БЕССОНОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: julyorags@mail.ru

N.V. AKIMOVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of literature, Orel State Institute of Culture

E-mail: anatavi@mail.ru

J.A. BESSONOVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of foreign languages, Russian Academy of National Economy and public administration under the President of the RF

E-mail: julyorags@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КУРСЕ**FEATURES OF INTERACTIVE TEACHING IN THE LINGUISTIC COURSE**

В статье рассматриваются особенности интерактивного обучения в лингвистическом курсе. Коротко характеризуются виды интерактивных лекционных и практических занятий по дисциплине «Русский язык и культура речи».

Ключевые слова: интерактивное обучение, русский язык, лингвистический курс, виды занятий, методы обучения.

The article discusses the features of interactive teaching in the linguistic course. Briefly characterized species lectures and practical exercises in the discipline «Russian language and speech culture».

Keywords: interactive learning, Russian language, language course, classes, teaching methods.

Происходящие в конце XX и начале XXI вв. значительные изменения российского образования все более ориентируют его на свободное развитие личности, на творческую инициативу, самостоятельность, конкурентоспособность, мобильность специалиста.

Появление новых стандартов профессионального образования в Российской Федерации, направленных на формирование компетентностных свойств личности, ориентация на системно-деятельностный подход предполагают реализацию новых принципов обучения и воспитания, изменение и пересмотр технологий, форм, методов, приемов, средств деятельности.

В ответ на запросы современного общества в образовательной среде высшей школы Российской Федерации появляются новые способы передачи информации и организации обучения: активное обучение, проблемное обучение, компетентностный и контекстный подходы, программированное обучение, интерактивное обучение.

Интерактивное обучение в России – явление последних лет. Оно предполагает такую разновидность обучения, при которой субъект и объект обучения активно взаимодействуют в образовательном процессе (*inter* – взаимный, *act* – действовать), постоянно осуществляя и поддерживая обратную связь и обмениваясь информацией. Интерактивное обучение, кроме того, предусматривает создание специфических условий обучения (образовательной среды), способствующих активной

коммуникации ее участников посредством использования приемов проектирования, моделирования и анализа ситуаций, игр и т.д. В этом случае научение как процесс происходит в совместной деятельности.

Западный мир в организации процесса обучения в старшей и высшей школе давно остановился на идеях символического интеракционизма, являющихся основой для создания условий, которые бы способствовали самореализации обучающихся (Г. Блумер, Ч. Кули, Д.М. Болдуин и др.). Многочисленные зарубежные авторы придерживаются принципов непрерывного активного обучения [7], неформальных групп [8], включенности в плодотворную умственную работу [9] и др.

Современные российские исследователи проблем интерактивного обучения дают общую характеристику интерактивных технологий и методов обучения в вузе [3; 5; 1], рассматривают методику интерактивных занятий с использованием интерактивного оборудования [4; 6] и т.д.

Важность подготовки студентов с использованием интерактивного обучения дисциплинам специальных циклов неоспорима: именно они играют важную роль в плане профессионального саморазвития, приобретения профессиональной компетентности. Однако не менее важное место в процессе обучения в вузе занимает лингвистическая подготовка будущего профессионала. Язык как социокультурный феномен, универсальное средство познания и освоения мира, сви-

детельствует о значительных образовательных возможностях лингвистической деятельности студентов.

Русский язык как средство межнационального общения на территории РФ является той основой, которая способна сплотить народности. Его богатство и разнообразие оказывает безусловное развивающее воздействие на личность, учит ее многосторонне и широко масштабно мыслить, выражать результаты мыслительной деятельности в вербализированной форме. Именно поэтому лингвистическая подготовка российских студентов разных направлений подготовки и специальностей оказывается столь важной для формирования и развития таких необходимых качеств специалиста, как креативность, широта мышления, коммуникативная грамотность.

Проблеме интерактивного лингвистического обучения (русскому языку) посвящены немногочисленные публикации, большинство из которых обращено к специфике школьного обучения [2]. Однако в последние годы начали появляться отдельные работы, исследующие принципы, формы и методы интерактивного обучения русскому языку в вузе [1; 2; 5]. Тем не менее следует констатировать, что и в них лишь поверхностно затрагивается специфика интерактивации лингвистического обучения.

Реализация интерактивных методов обучения в преподавании лингвистических курсов существенным образом увеличивает долю творческой активности в личности студента, возможности эффективного вербального реагирования на современные проблемы России и мира, усиливает его лингвистическую компетентность в профессиональном речевом взаимодействии.

В настоящей работе представим специфику лингвистического обучения студентов двух российских вузов «Орловского государственного института искусств и культуры» и «Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Орловский филиал)» на примере дисциплины «Русский язык и культура речи» (ее лекционную и практическую составляющую).

Одним из ведущих методов обучения русскому языку и культуре речи является лекция. В лекции освещается объемный теоретический материал, акцентируется внимание обучающихся на ключевых вопросах темы, систематизированно даются основы научных знаний по дисциплине, раскрываются перспективы их дальнейшего изучения. К интерактивным формам лекций относят проблемную лекцию, лекцию пресс-конференцию, лекцию-дискуссию, лекцию вдвоем, лекцию-исследование и др. Так, суть проблемной лекции по дисциплине «Русский язык и культура речи» заключается во всестороннем анализе языковых явлений, научном поиске истины. Для проблемной лекции можно предложить такие темы, как «Коммуникативные качества речи», «Речевое общение. Эффективность речевого общения». Проблемная лекция позволяет понять и запомнить сложный учебный материал, способствует развитию системного подхода к явлениям, формирует концепционность мышления обучающихся.

Дискуссионная форма лекции требуется для подачи материала, который неоднозначно трактуется в науке. В ходе изучения дисциплины «Русский язык и культура речи» лекция-дискуссия научит лучше видеть языковые факты, оценивать явления переходного периода. Особенно актуальны такие лекции при изучении норм языка и речи, риторики. Здесь можно задать такие вопросы: «Нужно ли соблюдать нормы литературного языка?»; «Помогает или мешает знание фонетической транскрипции?»; «Красноречие: для избранных или для всех?».

«Лекция вдвоем» может быть межпредметной – ее читают преподаватели двух различных учебных дисциплин, и предметной – ее читают преподаватели одной дисциплины. Например, преподаватель истории или литературы с преподавателем русского языка и культуры речи могут читать лекции по темам «История современного русского литературного языка», «Этапы развития ораторского искусства»; совместно с преподавателем психологии может быть прочитана лекция «Речевое общение. Основные единицы речевого общения». Межпредметная «лекция вдвоем» чаще строится на взаимодополнении. Два преподавателя одной дисциплины могут читать лекцию на «контрасте», представляя различные взгляды на проблемные вопросы лекции и разыгрывая дискуссию на глазах у аудитории.

В процессе практикума можно предложить следующие виды интерактивной работы студентов.

1. Обсуждение в группах. Обсуждение проблемы или вопроса на лингвистическую тему («Зачем бакалавру изучать дисциплину «Русский язык и культура речи?»; «Нужна ли языковая норма носителю языка?» и др.) преследует цель установление истины, направлено на поддержание эффективной коммуникации и выработку общего решения. Интерактивность, проявляющаяся в постоянном взаимодействии участников подгрупп и группы в целом, положительно влияет на их работоспособность, служит мощным стимулом к продуктивной познавательной, творческой, интеллектуальной деятельности.

2. Творческое задание. Его примерами могут быть написание эссе на темы «Современная российская политическая элита: проблемы культуры речи»; «Виды речевых ошибок (на примере высказываний деятеля культуры или политики)», составление текстов различных стилей, написание текстов-презентаций и пр. Творческое задание как разновидность интерактивной формы учебной деятельности по русскому языку заставляет обучающихся активно включаться в самостоятельную работу, искать необходимую информацию, классифицировать и анализировать ее, способствует выработке креативных качеств личности, ее способности к продуктивному речемыслительному творчеству.

3. Дискуссия. Она направлена на выработку не только теоретических знаний, но и практических умений осуществлять эффективную коммуникацию, поддерживать общение на заданную тему, грамотно (в смысле владения языковой нормой) оформлять высказывания.

Темами для дискуссий могут стать: «Иностранная лексика в русском языке: необходимость ее использования»; «Нецензурная лексика как фактор духовного оскудения общества»; «Ошибки в речи школьников и студентов: проблема или реакция на общественно-политические изменения?» и др.

4. Тренинг. Он является одной из форм интерактивного обучения русскому языку и культуре речи, которая преследует цель развитие профессиональных компетенций личности. Здесь возможно тренировать навыки профессионального общения. Например, в рамках темы «Риторика» путем многократных мини-выступлений студентов по предложенной теме возможно выработать чувство уверенности в себе, быстроту реакции при подборе тезисов, навыки аргументации, умения взаимодействовать с аудиторией. Эффективный результат дает тренинг при изучении раздела «Нормы речи», способствуя более глубокому усвоению орфоэпических, лексических, синтаксических и других норм и умению применять знания в конкретных языковых ситуациях.

5. Метод case-study. Это метод активного проблемно-ситуационного, в данном случае языкового анализа. Так, в лингвистическом курсе возможен анализ диалогов и монологов реальных людей (политиков, музыкантов и др.), а также персонажей книг художественной литературы или фильмов в бытовых и небытовых ситуациях общения. Целью анализа может стать создание речевого портрета личности.

6. Телеконференции. В курсе «Русский язык и культура речи» они возможны в рамках общения и обмена опытом в изучении какой-либо языковой проблемы между студентами различных вузов страны. Например, организация всероссийской (международной) конференции по теме «Языковая подготовка специалистов, бакалавров, магистров в России и странах ближнего и дальнего зарубежья» требует взаимодействия студентов и преподавателей разных территорий земного шара. Использование технических средств для ее проведения, общение в режиме on-line будут способствовать выработке навыков коллективного обсуждения вопроса, развитию коммуникативных компетенций.

В целом, как показывает практика, студенты с большим интересом относятся к различным формам интерактивных занятий, активно включаются в работу. Обращение к интерактивным видам занятий при изучении языкового курса способствует более глубокому пониманию обучающимися языковых явлений, вырабатывают умение моделировать языковые задачи и применять их в дальнейшей работе, помогают развитию лингвистической компетентности, формированию интереса к языку. В свою очередь, лингвистическая компетентность будущего специалиста становится одним из важнейших факторов его развития и саморазвития, успешности профессиональной деятельности, позволяет осуществлять эффективную межличностную, межгрупповую и иные виды коммуникации.

Библиографический список

1. Голованова И.И., Асафова Е.В., Телегина Н.В. Практики интерактивного обучения: методическое пособие. Казань, 2014. 280 с.
2. Кузьева Н.А. Интерактивные методы обучения русскому языку и культуре речи [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-423105.html> (дата обращения: 30.04.2015).
3. Сорокина Е.И. Использование интерактивных методов обучения при проведении лекционных занятий / Е. И. Сорокина, Л.Н. Маковкина, М.О. Колобова // Теория и практика образования в современном мире: материалы III междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, май 2013 г.). Санкт-Петербург, 2013. С. 167-169.
4. Сорочинская Л.И. Интерактивные методы и приемы обучения на уроках русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-82702.html> (дата обращения: 30.04.2015)
5. Стрельникова Т.Д., Некрасова Е.А., Пучнина А.А., Иванова Н.В. Интерактивные методы обучения в вузе // Педагогические науки. 2014. №1. С. 47-49.
6. Чалова Н. С. Использование интерактивных методов обучения русскому языку [Электронный ресурс]. URL: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/russkii-yazyk/2012/04/08/ispolzovanie-interaktivnykh-metodov-obucheniya-russkomu> (дата обращения: 30.04.2015).
7. Bonwell C.C., Eison J.A. Active Learning: Creating Excitement in the Classroom. George Washington, 1991.
8. Kagan L. The Methods of the Active Learning. 1989/90// Университетское образование от эффективного преподавания к эффективному учению. Сборник рефератов статей по дидактике высшей школы / Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования. Минск, 2001. С.108-121.
9. Peter J. Frederic The Lively Lectures – 8 Variations / College Teaching, Volume: 14/ - 1986/ Pp.43-50.

References

1. Golovanova, I.I., Asafova E.V., Telegina N.V. Practice interactive learning: Toolkit. Kazan, 2014. 280 p.
2. Kuzaeva N. A. Interactive methods of teaching the Russian language and speech culture [Electronic resource]. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-423105.html> (reference date: 30.04.2015).
3. Sorokina E.I. The use of interactive teaching methods in the conduct of lectures / E. I. Sorokina, L. N. Makovkin, M. O. Kolobov // Theory and practice of education in the modern world: materials of the III Intern. scientific. Conf. (St. Petersburg, may 2013). Saint-Petersburg, 2013. Pp. 167-169.
4. Sorochinskaya L.I. Interactive methods and techniques of teaching the Russian language [Electronic resource]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-82702.html> (reference date: 30.04.2015/)
5. Strelnikova T.D., Nekrasova E.A., Putnina A.A., Ivanova N.V. Interactive teaching methods in higher education // Pedagogy. 2014. No. 1. Pp. 47-49.

6. *Chalova N.C.* Use of interactive methods of teaching the Russian language [Electronic resource]. URL: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/russkii-yazyk/2012/04/08/ispolzovanie-interaktivnykh-metodov-obucheniya-russkomu> (reference date: 30.04.2015).
 7. *Bonwell C.C., Eison J.A.* Active Learning: Creating Excitement in the Classroom. George Washington, 1991.
 8. *Kagan L.* The Methods of the Active Learning. 1989/90// University education from effective teaching to effective teaching. A compilation of abstracts of articles on didactics of higher school / Belarusian state University. The centre for development of education. Minsk 2001. Pp.108-121.
 9. *Peter J. Frederic* The Lively Lectures – 8 Variations / College Teaching, Volume: 14/ - 1986/ Pp.43-50.
-
-

М.В. АНТОНОВА

доктор филологических наук, профессор, зав.
кафедрой истории русской литературы XI-XIX вв.,
Орловский государственный университет
E-mail: gavril05@yandex.ru

M.V. ANTONOVA

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of
Russian literature XI-XIX centuries, Orel State University
E-mail: gavril05@yandex.ru

**СКАЗАНИЯ ОБ ОСНОВАНИИ МОНАСТЫРЕЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ
УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ: СИСТЕМА МОТИВОВ***

**STORIES ABOUT THE FOUNDING OF MONASTERIES IN REGIONAL ORAL
AND WRITTEN TRADITIONS: THE SYSTEM OF MOTIVES**

В данной статье рассматриваются устойчивые мотивы сказаний об основании монастырей, включающих эпизод чуда от иконы при выборе места для строительства. Выделяются основные мотивы: «живой иконы», остановки в пути, воды, дерева, исцеления, которые имеют как региональное, так и общерусское бытование.

Ключевые слова: сказания об иконах, устное предание, мотив, икона.

This article discusses sustainable the stories about the founding of monasteries, including the episode of the miracle from the icon when choosing a place for construction. The main motifs are a «living icon», stopover, water, wood and healing, which have both regional and all-Russian existence.

Keywords: legend about icons, oral tradition, motif, icon.

Религиозные легенды и предания о местночтимых и общерусских святынях (иконах, святых, церквях, монастырях) составляют часть культурного наследия России. Изначально бытующие в качестве устных рассказов в околоцерковной среде, они могут оформляться и как отдельное повествование или фиксироваться в сочинениях краеведов, исследованиях фольклористов, этнографов, культурологов. Обращение к этому виду памятников культуры в Орловском крае (в краеведческом понимании – в границах Орловской губернии) показало, что в нашем регионе такого рода культурный текст формируется, начиная с древнейших времен, и продолжает существовать и развиваться в настоящее время.

Вообще сюжетный эпизод об основании монастырей или церковей, включающий в себя мотив чуда от иконы, является типичным для древнерусской письменной традиции. Фиксируется такого рода повествовательная конструкция и в устных рассказах об основании монастырей и строительстве церковей или часовен. В Орловском крае и близлежащих регионах в частности зафиксированы устные предания о Молченской иконе Рождества Богородицы, которую нашел бортник в лесу (начало 15 в.), о Курской иконе «Знамение», с которой связывают основание Коренной пустыни, о Челннской иконе Пресвятой Богородицы, найденной пастухом в челне, о Свенской Печерской иконе Богородицы, об иконах Николая Чудотворца во Мценске и в Николо-Одринской пустыни.

Материалом для данного исследования являются книжный памятник XVI в. «Сказание о зачатии Свенского монастыря»[2, 3] и устное предание об основании Карачевского Одринского монастыря, которое было зафиксировано Г.М. Пясецким в его книге «История Орловской епархии»[4, 70-72].

«Сказание о зачатии Свенского монастыря» известно в древнерусской книжной традиции, оно было составлено не позднее середины XVI века, но совершенно очевидно, что первоначально бытовало в устной форме в Свенском монастыре [См. об этом подробнее: 1, 96-99]. Предание, зафиксированное в «Сказании», связывает основание монастыря с чудом от иконы Богоматери Печерской Свенской, которая была привезена из Киевского Печерского монастыря по просьбе князя Романа Михайловича Брянского, который страдал болезнью глаз. В тексте указывается точная дата произошедших событий – 1288 год. С точки зрения устойчивых мотивов (или топосов) сюжет весьма традиционен. Икону княжеское посольство перевозит по реке в лодке, в одном месте ладья останавливается и ее нельзя сдвинуть с места никакими силами. Тогда гребцы пристают к берегу на ночлег. Утром икона исчезает, и ее обнаруживают в лесу на горах на ветвях огромного дуба. Икону принимает в руки князь, который получает исцеление. На месте обретения иконы по обету князь Роман строит церковь, вокруг которой организуется Свенский монастырь.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 15-04-00437).

Это предание стало основой челобитной, составленной старцем Иовом Комыниным к Ивану Грозному с просьбой о помощи в поновлении пришедшего в ветхость оклада чудотворной иконы. Не дошедшая до нас челобитная, вероятно, является первой частью рукописного «Сказания». Вторая часть связана уже с событиями около 1566 г., когда икона была отправлена в Москву, где был изготовлен новый оклад. После завершения работ святыня была возвращена в монастырь, который получил от Ивана Грозного денежные и земельные пожертвования и повеление об учреждении общежительства.

Подобного рода мотивы имеются и в предании о Николо-Одринской пустыни: основатели монастыря – три родных брата нашли икону Святителя Николая на реке Одрине на сосне, принесли в город, где свирепствовала смертельная болезнь, которая сразу же прекратилась. В ознаменование этого события в Брянске была выстроена церковь, куда и была помещена икона. В скором времени церковь сгорела, а икона вновь чудесным образом переместилась на прежнее место на берег реки на сосну, где ее вновь обрели те же три брата. На месте явления иконы была выстроена маленькая деревянная церковь, где святыня пребывала некоторое время. Здесь отправлял службу некий поп Симон, здесь же образовался небольшой скит. Через некоторое время Симону было явлено видение света, объявшего некое место около реки Песочны, а затем в этом самом месте на дереве им была обнаружена вновь чудесным образом перенесшаяся икона. После такого знамения Симон и три брата решили перенести свою церковь на указанное место и основать там скит, который и стал основой для Одрина Николаевского монастыря. Интересно, что события эти, по указанию Пясецкого, датируются тем временем, когда Карачев вошел в состав Московского государства, то есть после 1503 г.

Если «Сказание о зачатии Свенского монастыря» читалось в монастырской летописи, которая (или ее список) в 1768 г. была отправлена в Киево-Печерскую лавру, то письменных источников, в которых содержались бы сведения об основании Николо-Одринского монастыря, не сохранилось. Можно предположить, что устные рассказы о Свенской Печерской иконе Богородицы существовали ранее, чем сложилось предание об основании Одринской пустыни.

И в книжном тексте, и в устном предании можно выделить общие мотивы.

1. Мотив «живой иконы», которая сама выбирает место своего пребывания, где затем основывается монастырь или строится часовня или церковь. Это мотив общерусский, достаточно вспомнить «Сказание об иконе Владимирской Божьей Матери», «Сказание о Дедовской пустыни», «Повесть об обретении Курской иконы Знамение», предания о Молченской и Челнской иконах, легенды о Бахчисарайской иконе Богородицы и многие другие. В ряде легендарных сказаний икона переносится людьми в неудобное место и вновь возвращается к избранному, в других, например, в «Сказании о Тихвинской иконе Божьей Матери», святыня шествует вокруг Ладожского

озера, опускаясь на землю в разных местах, где строятся церкви, и наконец, останавливается в Тихвине.

2. Мотив движения и чудесной остановки в пути, который фиксируется в Сказании о зачатии Свенского монастыря. В качестве аналогии можно сослаться на «Сказание об иконе Владимирской Богородицы». Андрей Боголюбский, согласно тексту памятника, собиравшись привезти икону в Ростов. Но чудесным образом обоз остановился и лошади не могли двинуться далее. Ночью князю в тонком сне явилась Богородица, которая возвестила ему, что желает, чтобы ее образ остался во Владимире, в специально построенной каменной церкви и обители во имя Рождества Богородицы.

3. Мотив водной стихии. Иконы в подобных преданиях и основанных на них рукописных памятниках обнаруживаются на берегу реки, у озера, на месте явления иконы начинает бить чудотворный источник. Как видим, в анализируемых текстах чудотворная икона путешествует по воде или находится рядом с рекой. Вода, водные источники относятся к древнейшим мифопоэтическим концептам. Вода выступает в качестве первоосновы мира практически во всех религиозных системах, ей приписываются возможности трансформации, превращения, искупления. В христианстве святая вода используется во время крещения, ритуального омовения священников, причащения и пр. Непосредственная связь чудотворной иконы с водной стихией не является случайной, поскольку эти образы в купе (вода и икона) символизируют возрождение и очищение, преобразование пространства, придание ему сакральных свойств. Мотив водной стихии весьма устойчив в русской православной традиции применительно к повествованиям о чудотворных иконах. Так, Икона Божьей Матери Толгской в 1314 г. явилась епископу Прохору близ реки Толги за 7 верст от Ярославля. В XV в. слепой нищий Василий в лесу обнаружил икону Богородицы, названную позже Васильковской, на этом месте забил источник, от целебной воды которого он прозрел. На месте явления иконы Казанской Богородицы также забил источник (1621 г.). Основание Дедовской пустыни на острове на р. Сухона близ города Тотьмы связано с находкой в 1670 г. иеромонахом Ионой на дереве иконы Пресвятой Троицы. Икона Богородицы Высочинской явилась лесному сторожу на берегу реки Мжи (начало XVIII в.). Во Мценске бытует и интересная версия об обретении деревянной скульптурной иконы Николая Чудотворца, которая, согласно преданию, приплыла по Оке и Зуше на камне и была обнаружена под горой Самород у колодца.

4. Мотив древа и горы. В анализируемых текстах иконы являются на сосне (икона Николая Чудотворца) и на дубе (икона Богородицы Свенской). В рукописном сказании дерево расположено на возвышении – на горе, причем данный мотив выражен имплицитно: исчезнувшую икону разыскивают «по горамъ, и по дебрямъ, и по пустыни». Древо и гора также относятся к древнейшим мифопоэтическим концептам, отражающим представления о строении мира. Частным случаем ми-

рового дерева (или мировой горы) является крестное дерево и Голгофа в христианстве, так что мотив обнаружения православной святыни именно на дереве, зачастую расположенном на горе, также символизирует сакрализацию пространства, где непосредственно после явления иконы основывается монастырь, возводится храм или часовня. Мотив дерева и горы также весьма частотен в общерусской традиции. В XIII в., согласно «Повести о явлении Курской иконы Знамение и зачатия города Курска», некий благочестивый муж нашел святыню близ реки Тускари в полугоре, на корнях громадного дерева. Галичская икона Божьей Матери явилась в 1350 году преподобному Авраамии Галичскому на горе в лесу. Бежевская икона Богоматери (Житомир) обнаружена на дереве (дубе или груше) близ ручья. В 1405 г. на болоте Молче на дереве бортиком найдена икона Богородицы, получившая название Молченской. Бахчисарайская икона Божьей Матери и вовсе явлена в пещере на горе. Заметим, что мотивы воды и дерева/горы могут функционировать в тексте как совместно, так и самостоятельно.

Справедливости ради надо сказать, что существуют и другие варианты явления чудотворных икон: во-первых, их могут просто привезти или принести в храм, пожертвовать в монастырь, и только там они начинают проявлять чудесные свойства; во-вторых, икона может быть обнаружена в степи, на лугу, на пожарище, в чулане и пр. неожиданных местах.

5. Мотив исцеления. В «Сказании о Свенском монастыре» князь Роман получает прозрение, в предании об Одринской пустыни жители города Брянска исцеляются от «смертоносной язвы». Исцеление от болезни глаз или язв в соответствии с бинарными представлениями средневекового человека соотносится с очищением, просветлением, приобщением к истинной вере. Роман Брянский вместе со священниками и жителями города отправляется на поиски исчезнувшей иконы. Он молится Богородице, обещая выстроить храм и основать монастырь, и вслед за этим получает возможность увидеть некую тропинку (стезю). Впоследствии в этом месте

был установлен крест. Следуя по открывшемуся пути, князь достигает дерева, на котором была явлена икона, и получает полное исцеление от слепоты, и сам своими руками начинает строить храм. Таким образом, мотивы преобразования пространства соединяются с мотивом духовного прозрения и просвещения народа, просвещение телесное соотносится с идеей просвещения духовного. В предании об Одринской пустыни, пересказанном Пясецким, мотив исцеления жителей Брянска от эпидемии практически лишен сакральной семантики и сведен к традиции чуда исцеления от телесной болезни как таковой. Мотив исцеления как приобщения к христианству весьма определенно реализован в предании о другой реликвии Орловщины – мценской иконе Николая Чудотворца, отличной от упомянутой выше. События, о которых говорится в предании, связывают с крещением мценян в 1415 г. Жители города пребывали во тьме язычества и долго противились принятию христианства, за что были поражены слепотой. Но затем они все-таки приняли святое крещение, прозрели и обрели каменный крест Господень и икону Святителя Николая.

Все перечисленные мотивы, включенные в оригинальное сюжетное повествование, несомненно, являются общерусскими и отражают сложившуюся устную традицию преданий об обретении икон и основании монастырей или строительстве церквей. Эта традиция в отдельных случаях фиксировалась в письменных сказаниях, в житиях святых. Устное предание о Свенской иконе Божьей Матери сначала отразилось в «Сказании о зачатии Свенского монастыря», затем в XIX в. архиепископом Филаретом (Гумилевским) было включено в состав Жития Михаила Черниговского, на рубеже XX–XXI вв. сюжет об обретении иконы стал основой Жития Романа Брянского. Судьба предания об Одринском монастыре – иная. Его книжная версия в Средневековье не сложилась. В XIX в. оно было зафиксировано в краеведческой литературе. Сегодня предание продолжает бытовать в околоцерковной среде и в качестве устных рассказов, и в современных средствах информации, в частности, на православных сайтах г. Брянска.

Библиографический список

1. Антонова М.В., Комова М.А. «Сказание о зачатии Свенского монастыря»: текстология и поэтика // Международный научный институт «Educatio». Ежемесячный научный журнал. 2015. №7 (14). Ч.1. С.96-99.
2. Пясецкий Г.М. История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей. Орел, 1899. С. 70-72.
3. Сказание о зачатии Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Великихъ Чудотворцевъ Преподобныхъ Отецъ нашихъ Антония и Феодосия Печерскихъ Свинскаго монастыря во граде Брянске, пять поприщъ отъ града на низъ Десны реки // Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2-е. Ч. XIX. М., 1791. С. 284-293.
4. Сказание о зачатии Пречистые Печерские и великихъ чудотворцевъ Онтоние и Феодосие печорскихъ Свинскаго монастыря въ граде Брянске пять поприщъ отъ низу Десны реки // Евсеев И.Е. Описание рукописей, хранящихся в орловских древлехранилищах. Орел, 1906.

References

1. Antonova M. V., Komova A. M. "The legend of the beginning of the Svensk monastery": textology and poetics // The international scientific Institute "Educatio". Monthly scientific journal. 2015. No. 7 (14). Part 1. Pp. 96-99.
2. Pyasetsky G.M. The history of the Orel diocese, and description of churches, parishes and monasteries. Orel, 1899. Pp. 70-72.
3. "The legend of the beginning of the Svensk monastery" // Ancient Russian vivliothecs. Ed. 2. H. XIX. M., 1791. Pp. 284-293.
4. "The legend of the beginning of the Svensk monastery" // Evseev I.E. Description of the manuscripts stored in the archive of the Orel. Orel, 1906.

С.В. БАЛАКИН

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков и межкультурной коммуникации, Уральский государственный университет путей сообщения
E-mail: sergiorusso2007@yandex.ru

S.V. BALAKIN

Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages and International Communication, Ural State University of Railway Transport
E-mail: sergiorusso2007@yandex.ru

**ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ**

PROPOSITIONAL BASIS OF FORMATION OF PREFIXED VERBS IN FRENCH AND PORTUGUESE

В статье анализируется формирование префиксальных глагольных синтетических дериватов на концептуальном уровне во французском и португальском языках. Как показало исследование, основными деривационными элементами при префиксации являются сирконстанты, которые подразделяются на категории: локативность, фазовость, условие, контражность. На языковом уровне префиксальная деривация осуществляется по мутационному, модификационному и модификационно-мутационному типам.

Ключевые слова: деривация, префикс, пропозиция, сирконстант, мутация, модификация.

This article analyzes the formation of prefixal verbal synthetic derivatives at the conceptual level in the French and Portuguese languages. As the research reveals the main derivational elements in prefixation are circumstantials, which are divided into categories of locality, phase, condition, contrariety. On the language level mutation, modification and modification-mutational types carry out prefixal derivation.

Keywords: derivation, prefix, proposition, circumstantial, mutation, modification.

Синтетическая деривация, то есть процесс возникновения новой языковой единицы при помощи словообразовательных элементов, является процессом достаточно сложным и «многоликим». Словообразовательные элементы – аффиксы – различаются по своим функционально-категориальным признакам, составляют отдельный раздел дериватологии, а именно деривационную морфологию.

В зависимости от типа словообразовательного элемента, производная единица вступает в разные отношения с исходной, и, как показало исследование основ синтетической деривации, префиксы и суффиксы несут в себе дополнительную семантику, которая при деривации взаимодействует с глагольной основой, привнося в ее структуру модификационные, модификационно-мутационные и мутационные изменения [1]. Под модификацией авторы подразумевают отглагольную деривацию, в результате которой имеет место обогащение или уточнение семантики глагола признаком, привнесенным префиксом [1, с. 8]. Мутация подразумевает смену результативно-целевой перспективы и перекатегоризацию глагола, а также изменение плана ситуации, описываемой глагольным дериватом [1, с. 8]. И. В. Серегина также выделяет промежуточный – модификационно-мутационный – тип, для которого, по словам автора, характерна иная результативно-целевая перспектива при сохранении логических и семантических валентностей исходного глагола [4, с. 6].

Среди различных направлений современной лингвистики лидерство на сегодняшний момент устойчиво удерживает когнитивное направление. В рамках данного аспекта все языковые процессы и факты рассматриваются в соотношении с мыслительными структурами человека, упакованными в различные форматы знаний. Когнитологи направили свои взоры и на ментальные основы и принципы синтетической деривации, которая реализуется за счет концептуального фонда того или иного языка.

Как показало исследование, различные языковые процессы имеют универсальную синкретичную когнитивную основу. Это объясняется тем, что в целом человеческое мышление носит эквифинальный характер, заключающийся в осуществлении изменений различными путями с одним и тем же финальным результатом. На когнитивном уровне эквифинальность деривационных процессов отражается в факте одновременного задействования различных когнитивных механизмов и когнитивных моделей для формирования дериватов от одной производной основы [1, 4].

Понятие эквифинальности также позволяет по-разному взглянуть на проблему когнитивной основы образования префиксатов. Например, Д. Амьё в качестве когнитивной модели предлагает сценарий. Изучая префиксацию французского глагола, автор говорит, что если сценарий производящей основы совпадает со сценарием префикса, то образование нового слова возмож-

но. Если сценарии не совпадают, то префикс никогда не соединится с глагольной основой. Ср.: **prédonner*, **pré-offrir* и т. д. Такой сценарий, по мнению автора, зависит от экстралингвистических факторов [5, с. 122–123].

Однако в качестве основной модели деривационных процессов многие лингвисты выделяют трехчленную структуру, названную пропозициональной. В зависимости от семантических «ролей», в составе пропозиции выделяют два класса составных элементов – облигаторных (субъект, объект, предикат) и факультативных (различного рода сирконстанты). Субъект пропозиции стоит на первой позиции и при помощи различных действий – предикатов – каким-либо образом воздействует на объект, который находится, как правило, на позиции, следующей сразу за предикатом. Сирконстанты дополняют пропозициональную структуру различными сопутствующими элементами, а именно временем, условием, результатом и т. д.

При анализе когнитивных основ синтетической деривации выяснилось, что, несмотря на свой факультативный статус, сирконстанты играют ключевую роль при формировании префиксального деривата, так как именно в префиксах заложены концептуальные признаки, салиентные с признаками, содержащиеся в сирконстантах. Таким образом, при исследовании когнитивных основ глагольной префиксации на первые позиции выдвигаются именно сирконстанты пропозиции. Данный факт подмечает и М.М. Полужин, утверждая, что основным смысловым ядром префиксов является совокупность локативных значений, отражающих основные точки ориентации человека в пространстве. Автор, анализируя префиксацию английского глагола, выделил девять ономазиологических категорий, создающих в своей совокупности организованное «номинативное пространство»: локативность (пространство), фазовость (время), оценочность, контрастность, социативность (комитатив), каузативность, ранговость, отрицание, партитивность. В особом положении, по мнению автора, стоит категория квантитативности, которая передается префиксами, имеющими промежуточное значение между разрядом префиксальных морфем и компонентами сложного слова [3, с. 5]. Также при неодушевленном объекте профилируется сирконстант партитивность, возникновение и функционирование которого в составе префиксов является основанием для гиперо-гипонимических отношений части к целому. Префиксы с характеристикой партитивности «указывают на реальную или мыслимую часть, долю чего-либо, полученную в результате расчленения объекта на его составные части, признаки, свойства и т. д.» [3, с. 336]. Сирконстант партитивность указывает на разделение объектов либо на их составные части, либо на определенные группы.

По словам Л. Янды, префикс придает основе значение специфического способа действия, представленного предикативными отношениями аргументов, создающих пропозициональную структуру [7, с. 256]. Концептуальные характеристики префиксов взаимодействуют с пропозициональной структурой, стоящей

за глаголом, влияют на нее и приносят в характер действия какое-либо изменение. В результате этого процесса на языковом уровне префиксальный глагольный дериват приобретает набор лексико-грамматических значений, присущих в совокупности и исходному глаголу, и префиксу. Правда, эти значения, как правило, имеют «обобщенный характер и требуют дальнейшего уточнения и конкретизации» на уровне предложения-высказывания [2, с. 123].

Общая когнитивная деривационная пропозиция для формирования префиксального глагола выглядит следующим образом: *субъект-агнс – предикат – объект-агнс – сирконстант*. В зависимости от типа глаголов, отражающих различные ситуации, деривационные пропозиции приобретают более конкретную структуру. Так, для глагола *движения* структура дополняется сирконстантом *время* и выглядит следующим образом: *субъект – предикат – направление – время*. При формировании префиксата *перейти* добавляется концептуальная характеристика *преграда*, и деривационная модель пропозиции имеет следующий вид: *перейти: субъект – предикат – направление – преграда – время*.

В зависимости от взаимодействия концептуальных систем префиксов с пропозицией, выделяют следующие виды концептуальной деривации: композиционность и интегративность, подразделяющиеся на несколько видов когнитивных механизмов [1, 2, 4].

Композиционность осуществляется за счет когнитивных механизмов *соединения*, *дотраивания* и *перспективизации*, интегративность же основывается на вышеперечисленных, а также на когнитивном механизме *развития*. Когнитивный механизм *соединения* обеспечивает соединение концептуальных основ глагола и префикса в единую структуру. Механизм *дотраивания* осуществляет активизацию новых элементов в пропозиции, изначально не входивших в ее состав, которые способны коррелировать с концептуальными элементами префиксальной единицы [1, 4]. Механизм *перспективизации* способствует выделению на передний план определенного участка пропозиции при обращении к когнитивному контексту, который обеспечивает понимание нового префиксального деривата. Механизм *развития* позволяет использовать инферентные и экстралингвистические знания при формировании префиксального деривата [1].

Рассмотрим когнитивные основы префиксов французского и португальского языков. Этимологически французские и португальские префиксы имеют латинскую основу, поэтому в целом можно сказать, что данные префиксы относятся к общему словообразовательному романскому классу. Следует отметить, что мы не исследуем префиксальные глаголы, сформированные по данным словарей в латинскую эпоху, несмотря на одинаковые когнитивные основы.

Главное свойство развития префиксальной системы романского глагола связано с переходом от некогда конкретных значений к более обобщенным и абстрактным категориям. Наиболее распространенными префиксами

во французском и португальском языках являются *a-, de-, pre-, ante-, co-, com-, des-, ex-, dis-, contre-, re-* и др. Как показало исследование, по своей онтологической сущности романские префиксы могут быть разделены на несколько классов: локативность, фазовость, контрапность, условие.

Категория локативность показывает на кинематические свойства субъекта или объекта и очень сильно связана с глаголами движения. С точки зрения романских языков можно выделить следующие сирконстанты, входящие в данную категорию: движение субъекта / объекта из точки А в точку Б: {*a-, ad-, re-, gé-, r-*}; движение субъекта по поверхности / через объект: {*par-, per-, tras-, trans-*}, удаление {*de-, dé-, des-, dés-, dis-, tras-, trans-*}, движение впереди объекта {*pre-, ante-, anti-*}, положение над объектом. Сирконстант локативность – дополнительная характеристика, восходящая к категории терминальность / нетерминальность, – указывает на то, что объект пропозиции является / не является препятствием для субъекта, а также детерминирует способ преодоления субъектом препятствия. Общей деривационной моделью является пропозиция следующего вида: субъект – предикат – объект-препятствие – локативность (способ передвижения). Ввиду антропоцентричности языка, преодоление объекта субъектом бывает как физическим, так и ментальным. Ср.:

(1.1.) *cougir* – {субъект – предикат – локативность} + *par* – {объект-препятствие – локативность (движение субъекта через / по поверхности объекта)} => *parcougir* – {субъект – предикат – объект-препятствие – локативность (движение субъекта через / по поверхности объекта)}.

On n'a point vu Rome quand on n'a point parcouru les rues de ses faubourgs [8, с. 1803].

Elle a élevé la voix, une rumeur commence à parcourir la queue, je perçois seulement des bribes <...> [10, с. 61].

Elle me regarde pendant quelques secondes, comme s'il fallait tout ce temps pour que l'information parvienne à son cerveau, et puis elle me suit [10, с. 77].

Un frisson parcourt la classe. Les larmes lui montent aux yeux, elle baisse la tête [10, с. 85].

Глагольный дериват *parcourir* образован на основе когнитивного механизма достраивания по модификационному типу, так как концептуальная основа префикса *par-* привнесла в структуру дополнительный элемент движение через / по поверхности объекта.

Префиксальный дериват *ramener* сформирован также на основе когнитивного механизма достраивания, однако претерпел модификационно-мутационные изменения за счет изменения категории «направленного движения». Ср.:

(1.2.) *mener* – {субъект – предикат – объекта – локативность (терминальность из точки А в точку Б)} + *a-, ga-* {локативность (терминальность из точки Б в точку А)} => *amener / ramener* – {субъект – предикат – объект – локативность (терминальность из точки А в точку Б)}.

Je ne peux pas la ramener chez moi dans cet état-là. Il

faut qu'elle se lave et qu'elle trouve des habits [10, с. 75].

Un éclat de voix me ramène dans la classe. Il n'y a rien. Ni tempête ni ouragan, aucune catastrophe naturelle en gestation, Axelle et Léa s'échangent des petits mots sous la table, à bien y réfléchir ça sent surtout les frites de la cantine [10, с. 25].

Дериваты *transporter* и *superposer* за счет механизма достраивания сформировались по мутационному типу от глагольных основ *porter* и *poser* соответственно, так как при образовании данных префиксатов имела место смена результирующе-целевой перспективы и категоризации глаголов.

(1.3.) *porter* – {субъект – предикат – объект} + *trans* – {локативность (терминальность из точки А в точку Б)} => *transporter* – {субъект – предикат – объект – локативность (терминальность из точки А в точку Б)}.

No l'a aidée à transporter les sacs vers son coin, la femme a dit je vous remercie infiniment, et No ajoute : faudrait que tu voies comment elle parle, on dirait une présentatrice télé [10, с. 44].

(1.4.) *poser* – {субъект – предикат – объект – локативность (место-детерминатив)} + *super* – {локативность (сверх объекта)} => *superposer* – {субъект – предикат – объект – локативность (место-детерминатив / сверх объекта)}.

Quand elle me regarde comme ça, quand elle est si près de moi, une autre image se superpose, une image nette et transparente en même temps, comme un hologramme <...> [10, с. 49-50].

Категория фазовость – одна из самых распространенных. Она описывает временное отношение субъекта к действию, поэтому может подразделяться на фазы начала, продолжения, конца, предшествования, следования, повторения. С точки зрения романских префиксов можно выделить фазу предшествования {*pre-, ante-, ex-*}, фазу конца {*de-, dé-, des-, dés-, dis-*} и фазу повторения {*re-, gé-, r-*}.

Общая деривационная пропозиция имеет вид субъект – предикат – объект – фазовость.

Французские дериваты *refermer*, *prévoir* и португальский *predizer* сформировались по мутационному принципу на основе когнитивного механизма достраивания, то есть при помощи префикса *pré-* был спрофилирован сирконстант фазовость (предшествование), уже входивший в пропозициональные структуры мотивирующих глаголов.

(2.1.) *voir* – {субъект – предикат – объект} + *pré* – {фазовость (предшествование)} => *prévoir* – {субъект – предикат – объект – фазовость (предшествование)}.

Je prévois prochainement un test comparatif, ce n'est pas que cela soit mauvais mais les plats surgelés ont tous plus ou moins le même goût, moussaka, hachis Parmentier, poêlée méridionale, brandade et j'en passe, il doit y avoir un ingrédient ucommun, quelque chose qui domine [10, с. 50-51].

(2.2.) *dizer* – {субъект – предикат – (объект)} + *pre* – {фазовость (предшествование)} => *predizer* – {субъект – предикат – объект – фазовость

(*предшествование*)).

Empresa diz que monitor é o primeiro “capaz de saber e predizer os hábitos de sono do bebê e as condições ideais de sono [9].

(2.3.) fermer – {субъект – предикат – объект} + re – {*фазовость (повторение)*} => refermer – {субъект – предикат – объект – фазовость (повторение)}

<...> je l’ai surprise dans la salle de bains en train de **refermer** la boîte [10, с. 109].

Категория контрарность указывает на противопоставление предиката по отношению к другому предикату {de-, anti-, contre-} либо на его отрицание {de-, dé-, des-, dés-, dis-}. Общая деривационная модель имеет вид: субъект – предикат – объект – контрарность. Как правило, дериваты категории контрарность сохраняют логические и семантические валентности мотивирующей основы, однако за счет смены результативно-целевой характеристики, деривация осуществляется по модификационно-мутационному типу на основе когнитивного механизма достраивания. Например:

(2.4.) parar – {субъект – предикат – (объект)} + dis – {*контрарность*} => disparar – {субъект – предикат – (объект) – контрарность}.

*Fora salvo porque um companheiro **disparou** primeiro [6, с. 38].*

(2.5.) abrochar – {субъект – предикат – (объект)} + des – {*контрарность*} => desabrochar – {субъект – предикат – (объект) – контрарность}.

*Querem a fama, o brilho e o glamour, a inveja dos habitantes de sua cidade, das meninas e meninos que sempre as trataram como patinho feio, sem saber que iriam **desabrochar** como um cisne, uma flor cobiçada por todos [6, с. 39].*

(2.6.) infecter – {субъект – предикат – (объект)} + dés – {*контрарность*} => désinfecter {субъект – предикат – (объект) – контрарность}.

*Elle dit il faudra **désinfecter**, quand tu rentreras chez toi. Elle dit viens, je vais t’amener à ta maman [10, с. 146]*

Следующие категории указывают на изменения статуса объекта и подразделяются на совместность {со-, com-, cop-}, разделение {de-, dé-, des-, dés-, dis-}, привативность {a-, ad-, de-, dé-, des-, dés-, dis-}, оппозицию {contre-}, смену состояния {de-, dé-, des-, dés-, dis-, trans-, tras-, en-}, интенсивность {de-, dé-, des-, dés-, dis-, sur-, a-, sobre-}. Практически все глагольные префиксаты претерпели мутационные изменения на основе когнитивного механизма достраивания и обозначают иные

результативно-целевые перспективы экстралингвистической ситуации.

(3.1.) formar – {субъект – предикат – (объект)} + trans – {*социативность (результат – изменение)*} => transformar {субъект – предикат – (объект) – социативность (результат – изменение)}.

<...> acordava cedo, tomava um café da manhã reforçado, e partia para caminhar nas montanhas, apesar da chuva que não parava de cair depois do seu segundo dia na cidade, e que logo **se transformou** em nevasca, com raros períodos de estiagem [6, с. 13].

(3.2.) prendre – {субъект – предикат – объект} + sur – {*интенсивность*} => surprendre {субъект – предикат – объект – интенсивность}.

*Maman serait folle si elle me **surprenait** [10, с. 32].*

(3.3.) veiller – {субъект – предикат – объект} + sur {*интенсивность*} => surveiller {субъект – предикат – объект – интенсивность}.

*Encore aujourd’hui, quand je laisse mon esprit vagabonder, quand je ne **surveille** pas le chemin de mes pensées, quand ça flotte dans ma tête parce que je m’ennuie, quand autour de moi le silence se prolonge, le cri revient et me déchire le ventre [10, с. 32].*

(3.4.) viver – {субъект – предикат} + sobre – {*интенсивность*} => sobreviver {субъект – предикат – интенсивность}.

*Evidente que as chances de **sobreviver** a um tiro desse calibre também são altas; existem milhares de casos em que nenhuma artéria vital é cortada, e a vítima tem tempo de reagir e desarmar seu agressor [6, с. 15].*

Итак, одним из свойств глагольной пропозиции является ее способность обогащаться за счет вновь поступивших концептуальных характеристик префиксальной единицы. Таким образом, при формировании префиксального глагольного деривата происходит наращивание пропозициональной системы дополнительными сирконстантами, что ведет за собой усложнение пропозиции, а сами сирконстанты, несмотря на свой факультативный статус, оказывают решающее значение при формировании префиксатов. Основными сирконстантами, влияющими на префиксацию, можно назвать: условие, фазовость, локативность и контрарность. Формировать глагольные дериваты за счет префиксов становится возможным благодаря основному свойству человеческого мышления – эквивалентности.

Библиографический список

1. Бабина Л. В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: монография. Тамбов-Москва. Издательство Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, 2003. 246 с.
2. Беседина Н. А. Морфологически передаваемые концепты: монография. Тамбов-Москва. Издательство Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина; Белгород: Издательство БелГУ, 2006. 214 с.
3. Полужин М. М. Диахронно-семантический аспект префиксального словообразования в английском языке: дис... д-ра филол. наук. М.-Ужгород, 1993. 416 с.
4. Серегина И. В. Когнитивные и языковые основы префиксального словообразования (на материале глаголов русского и английского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 18с.
5. Amiot D. L’antériorité temporelle dans la préfixation en français. Paris: Presses Universitaires du Septentrion, 1997. 345 p.
6. Coelho P. O demônio e a Srta. Prym. Rio de Janeiro, 2013. 176 p.
7. Janda L.A. A-Semantic analysis of the Russian verbal prefixes za-, pere-, do- and ot-. München, 1986. 356 p.

8. Le nouveau Petit Robert de la Langue Française. Paris, 2008. 2838 p.
9. PublicoURL:http://lifestyle.publico.pt/noticias/337896_pulseira-sensor-diz-lhe-quanto-tempo-tem-ate-o-seu-bebe-acordar.
10. Vigan D. *de No et moi*. Paris: Jean-Claude Lattès, 2007. 173 p.

References

1. Babina L. V. Cognitive foundations of the secondary phenomena in the language and speech: monograph. Tambov – Moscow. Publishing house: Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 2003. 246 p.
 2. Besedina N.A. Morphologically transmitted concepts: Monograph. Tambov – Moscow: Publishing House of the Tambov State University; Belgorod: Publishing house of the Belgorod State University, 2006. 214 p.
 3. Polyuzhin M.M. Diachronic semantic aspect of prefixal word formation in English: Thesis. Doctor of Philology. Moscow – Uzhgorod, 1993. 416 p.
 4. Seregina I.V. Cognitive and linguistic fundamentals of prefixal derivation (based on Russian and English verbs). Abstract. Thesis of Candidate of Science in Philology. Tambov, 2007. 18 p.
 5. Amiot D. L'antériorité temporelle dans la préfixation en français. Paris: Presses Universitaires du Septentrion, 1997. 345 p.
 6. Coelho P. O demônio e a Srta. Prym. Rio de Janeiro, 2013. 176 p.
 7. Janda L.A. A-Semantic analysis of the Russian verbal prefixes *za-*, *pere-*, *do-* and *ot-*. München, 1986. 356 p.
 8. Le nouveau Petit Robert de la Langue Française. Paris, 2008. 2838 p.
 9. PublicoURL:http://lifestyle.publico.pt/noticias/337896_pulseira-sensor-diz-lhe-quanto-tempo-tem-ate-o-seu-bebe-acordar.
 10. Vigan D. *de No et moi*. Paris: Jean-Claude Lattès, 2007. 173 p.
-

А.А. БЕЛЬСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет
E-mail: aa_bel@mail.ru

A.A. BELSKAYA

Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the department of journalism and public relations, Orel State University
E-mail: aa_bel@mail.ru

«ОЛЬФАКТОРНЫЕ КОДЫ» ГЕРОИНЬ РОМАНОВ И.С. ТУРГЕНЕВА 1850-х ГОДОВ

“OLFACTORY CODES” OF FEMALE CHARACTERS IN TURGENEV’S NOVELS OF THE 1850

В статье выявлена смысловая нагрузка одоризмов в контексте образов женских персонажей романов Тургенева 1850-х годов и доказано, что запахи являются одним из приёмов кодирования индивидуальных особенностей личности героинь.

Ключевые слова: «Рудин», «Дворянское гнездо», женские персонажи, ольфакторный код, одоризм, семантика, подтекст.

In the article the semantic load of odorisms in the context of images of female characters in Turgenev's novels of the 1850s is revealed it is and proved that smells are one of the methods of coding individual personality traits of female characters.

Keywords: “Rudin”, “Nest of the Gentry”, female characters, olfactory code, odorism, semantic, subtext.

В последнее время сложилась относительно самостоятельная область современной филологии, связанная с исследованиями различных аспектов одорической образности мировой литературы. Можно выделить два основных направления в филологическом изучении запахов – как «фрагментов языковой картины мира» и как «компонентов» в составе картины мира литературного произведения. Наиболее подробно проблемы передачи обонятельной (или ольфакторной) образности средствами языка, специфики языковой и художественной репрезентации запаха/обоняния проанализированы Х.Д. Риндисбахером, который выделяет в языковом кодировании две линии: конструкции «запах чего-либо» и категории «хорошего/плохого» и «приятного/неприятного» запаха – и даёт подробное описание различным ольфакторным метафорическим моделям [7]. Молодой исследователь Н.А. Куликова в основу своих исследований кладёт методику эвокации («напоминания») и доказывает, что в художественном тексте представление о запахе формируется на базе «языковой организации одорического знака, эвоцирующей обонятельные образы». Помогают воссоздать данные образы и активизировать обонятельный опыт читателя «эвокационные сигналы», присутствующие в тексте [6, с.8]. Стоит согласиться, что когнитивное моделирование способствует выявлению признаков «одорического кода», выступающего как единство трёх составляющих: реальный запах, запах-образ, запах-описание. Литературоведы, определяя место одоризмов в составе картины мира художественного произведения, обращаются в основном к осмыслению вопросов о запахах как знаках авторского присутствия в тексте и средстве художественной выразительности,

об их функциональной направленности и структуре, о глубинном смысле и семантике, мифологии и символике и т.д.

Что касается творчества И.С. Тургенева, то в последние годы заметно усилилось изучение роли, содержания, функции запахов в произведениях писателя (Н.Л. Зыховская, Г.П. Козубовская и др.) [9]. Вместе с тем учёные только начинают разрабатывать данные проблемы и нельзя считать исчерпывающим постижение одорической образности тургеневских текстов. Наименее изучена смысловая нагрузка запахов в контексте образов женских персонажей первых романов писателя, в которых присутствуют как естественные (природные), так и искусственные (парфюмерные) запахи: одним автор даёт подробное описание, и читатель почти физически ощущает их, другим – краткую обонятельную оценку, третьи только обозначает в тексте. Нередко в романах Тургенева запахи декодируют и одновременно кодируют героев, а значит, нуждаются в дальнейшей расшифровке. Поскольку сами по себе запахи асемантичны, то, согласно Ежи Фарино, функционируют в художественном тексте «как имматериальная реальность, как условие бытия (используется его ощутимость, но незримость)» [14, с.338], выступая носителями тех же смыслов, что и их источники, либо приобретая самостоятельную дифференциацию за счёт своей интенсивности.

Наша цель – дешифровать те ольфакторные знаки, которые участвуют в создании образов женских персонажей романов «Рудин» и «Дворянское гнездо», и доказать, что одоризмы являются одним из приёмов кодирования индивидуальных особенностей героинь и

одновременно их ключом-кодом. При этом запахи будут рассмотрены нами не только с позиции семиотики, обнаружения их смыслов и семантики в тексте, но и как важный содержательный элемент романов Тургенева, как художественное явление, связанное с мировоззрением и мироощущением писателя.

В романе «Рудин», в центре которого изображение «усадебной любви», душевные состояния главной героини – Натальи Ласунской, имя которой характеризуется как «природная» (от латинского слова «natalis»), автор раскрывает посредством разнообразных природных явлений: похожих на алмазы, «крупных, сверкающих капель» дождя, лёгкой, сквозной тени ясеня, сиреневой беседки, старого Авдюхина пруда, вечерних сумерек и т.д. В контексте зарождающейся первой, чистой, возвышенной любви героини, помимо «душистой мглы», лежащей мягкой пеленою над садом [11, с.228], существенную роль играет запах *после дождя*. В романе отсутствует его описание. Но писатель настолько выразительно и точно изображает визуальные, акустические изменения природы во время дождя, что читатель не только слышит звуки, ощущает природные видоизменения, но и, подключая память и воображение, чувствует богатство запаха, напоённого *водяной свежестью* («Крупные, сверкающие капли сыпались быстро»), ароматом *мокрой и дымящейся* от пыли земли («пыльные дороги дымились и слегка пестрели под резкими ударами частых брызг»), *влажной травы и листвы* («трава <...> не шевелилась, жадно поглощая влагу»; «орошенные деревья томно трепетали всеми своими листочками»), *освеженного* обильным потоком ливня весеннего сада с душистыми *липами, акациями и сиренью* («В нем было много старых липовых аллей, золотисто-темных и душистых <...> много беседок из акаций и сирени»). По сути дела, писатель исподволь создаёт палитру насыщенного разными оттенками запаха (чистота, свежесть, истома) и с его помощью психологически тонко передаёт важный момент в жизни героини. Поднявшийся после *дождя* запах косвенно характеризует эмоциональное состояние, душевный трепет, волнение и тайные желания Натальи, ожидающей счастья: «Сильный запах поднялся отовсюду... Небо почти всё очистилось, когда Наталья пошла в сад. От него веяло свежестью и тишиной, той кроткой и счастливой тишиной, на которую сердце человека отзывается сладким томлением тайного сочувствия и неопределенных желаний...» [11, с.263]. У Тургенева запах *после дождя* – это «*сильный*» запах озоновой *свежести*, вбирающий ароматы деревьев, листвы, цветов, трав «*душистого*» сада. Столь сложный запах не только дополняет весенний пейзаж, но и несёт семантику гармонии, является знаком слившихся воедино пробуждающихся души человека и природного мира и способствует предельно концентрированной психологической характеристике героини.

Скорее всего, автор потому заостряет внимание читателя на интенсивности запаха *после дождя* – *сильный*, что она приобретает в контексте образа Натальи Ласунской особое значение. Нельзя не заметить, что в

тексте эпитет «*сильный*» оказывается и дефиницией запаха, и постоянным определением человеческой сущности героини. Соответственно, уникальность запаха *после дождя* состоит в том, что, наряду с указанием на ассоциативную связь человека и природы, его сила отражает то сущностное, что есть в Наталье, – внутреннюю силу (твёрдость, решительность, независимость, жертвенность), наиболее ярко проявляющуюся в момент испытания любовью; а *свежесть* и потенциальное богатство запаха характеризует многогранную, незаурядную, поэтическую натуру героини, в которой «сила воли», способность чувствовать «глубоко и сильно, но тайно», «страсти ... сильные и характер тоже ой-ой» [11, с.239;261] сочетаются с удивительной чистотой, кротостью, невинностью и непосредственностью юности. «*Сильный*» запах приобретает в тексте ещё ряд дополнительных смыслов: символизирует начало новой жизни для героини и, наряду с похожими на алмазы сверкающими каплями, очищающим потоком воды, играющим солнцем, поющими птицами, золотом переливающейся травой, обращает к мифологическому образу сада как земного рая.

В «Рудине» запахи присутствуют, прежде всего, в пейзажных описаниях и приобретают значение в определённых контекстах. Аппелирует писатель к запаху и как средству характеристики мироощущения и сложности характеров героев: если запахом-ориентиром склонного к абстрактному философствованию Рудина выступает «*душистая мгла*», то «*сильной*» и юной Натальи – *сильный* запах *свежести после дождя*. Но, пожалуй, первостепенную и определяющую роль в идейно-художественной структуре тургеневских романов играют запахи любви, с помощью которых писатель раскрывает чувства, эмоциональные переживания героев. Своеобразие «Рудина» состоит в том, что в нём, в отличие от последующих романов Тургенева, любовный сюжет, которому сопутствуют многочисленные пейзажи, изобилующие цвето-и светописью, звукописью, флорописью, лишён запахов и даже упоминаний о них, что тоже является знаковым. В отсутствии одоризмов в истории любви Рудина и Натальи заложен глубокий художественный и философский смысл. «Безуханность» любви героев можно толковать как одну из примет двойственности их отношений, душевной разобщённости, отсутствия гармонии и потому неизбежности расставания. Соответственно, наличие запаха, как и его отсутствие, позволяет автору передать внутреннее содержание образов героев и выразить собственную концепцию противоречий человеческой жизни, в частности идею «трагического значения любви», в которой «всё тайна: как она приходит, как развивается, как исчезает» [11, с.250].

Специфика ольфакторной парадигмы «Рудина» определена показом связи душевного состояния человека и запаха, и одоризмы в романе – одно из средств психологической оценки героини. В свою очередь, отличительная особенность «Дворянского гнезда» заключается в том, что большое место в нём, помимо обширной

группы природных запахов, имеющих эстетическую нагрузку в тексте, занимают искусственные – парфюмерные – ароматы. Не будет преувеличением утверждать, что по роману Тургенева можно проследить историю изменения парфюмерных приоритетов в течение первой половины XIX века: от «животных» запахов страстности к древесным, терпким, затем – лёгким, свежим (цветочным) ароматам до скандальных – чувственных – духов английской королевы Виктории. Все эти искусственные запахи (или упоминания о них) являются в тексте знаками определённой культуры, эпохи, т.е. объективной реальности, и в то же время отражают основные принципы поэтики писателя, т.е. субъективное творческое начало.

В «Дворянском гнезде», наряду с «усадебной любовью», большое место занимает история рода Лаврецких, смена поколений которого связана с различными периодами исторического развития России. Информативным знаком нравов и вкусов петербургской знати «самого начала царствования императора Александра» становится в тексте окружённая многочисленными преданиями *амбра*. Она же является «ольфакторным кодом» «богатой старой тетки» отца Фёдора Лаврецкого – княжны Кубенской, которая чуть не семидесяти лет выходит замуж за некоего m-g Courtin de Vaucelles, ловкого и тонкого проныру, финь-флёра, и вскоре умирает, оставленная мужем, «разрумяненная, раздушенная амброй à la Richelieu» [12, с.29-30]. Несмотря на то, что в тексте отсутствует описание запаха, его содержание – «*амбра à la Richelieu*» и распространение – «раздушенная» – вызывают у читателя образные ассоциации и служат знаками определённого поведенческого кода героини: её франкофилии, гедонизма, чрезмерной чувственности и шире – характеризуют атмосферу эпохи: галломанию российского дворянства, его следование французским манерам. Получается, что с помощью «*амбры à la Richelieu*» писатель, с одной стороны, обобщает, с другой – индивидуализирует образ княжны Кубенской. Поскольку терпкая, сладкая по запаху *амбра* – это продукт животного происхождения, то автор, тем самым, намекает на порочное – «животное» – начало сластолюбивой княжны. Она так же, как и знаменитый своими любовными победами герцог Ришелье, поглощавший для сохранения молодости даже с *амброй* и пропитывающий ею свою одежду и бельё, использует манящую по запаху *амбру* для соблазнения, привлечения противоположного пола, т.е. как афродизиак. В тургеневском тексте «*амбра à la Richelieu*» выступает тем семиотическим знаком, благодаря которому автор не только завершает пейоративный портрет героини, характеристику нравов и вкусов российских дворян рубежа столетий, но и передаёт собственное – содержащее иронию – отношение к изображаемому. В том, что «*амбра à la Richelieu*» входит в сатирический дискурс романа, нет ничего удивительного. Как отмечает Д.Б. Захарьин, «в эпоху новых представлений об интимности, открывавших буржуазный XIX век», «старомодный аромат» «отмечал кокеток» и, наряду с «вычурной мебелью, ан-

глийскими собачками, восточными слугами», оказывается «предметом насмешки» [4, с. 54-70].

Столь же много «говорит» о характере героини другой эпохи – Варвары Павловны Лаврецкой – запах *пачули*. Пришедший на смену пахучим пудрам, румянам, белилам и «животным» ароматам XVIII столетия древесный, смолистый, сладкий запах *пачули* становится популярным в Европе в эпоху Наполеона в связи с начавшейся модой на индийские кашемировые шали, которые либо обрабатывались натуральным эфирным маслом «*patchouli*», либо прокладывались сухими листьями этого растения. Дамам так понравился его запах, что парфюмеры начали выпускать духи, настоянные на *пачулях*. Вся эта модная экзотика: кашемировые шали, *пачули* – не теряли своей актуальности вплоть до 1830-х годов. Подтверждением тому служит та часть романа Тургенева, в которой повествуется о жизни семьи Лаврецких в Париже (1836 год): «Не прошло недели, как уже она (Варвара Павловна – А.Б.) перебиралась через улицу, носила шаль, раскрывала зонтик и надевала перчатки не хуже самой чистокровной парижанки» [12, с.50]. Однако к тому времени, когда происходит основное действие романа (1842 год), *пачули* утрачивают свою привлекательность, их запах считают безвкусицей, а впоследствии широко используют в мужской парфюмерии (см.: роман «Дым»). Только на первый взгляд можно усмотреть оплошность автора в том, что в «Дворянском гнезде» «царицу моды», светскую львицу [12, с.85] сопровождает вышедший из моды запах. На самом деле в данном, казалось бы, незначительном несоответствии содержится важная закодированная писателем информация, которая обращает читателя к самому главному несоответствию, кроющемуся в характере и жизни героини. Ещё П.В. Анненков замечает, что общему, «выдержанному в томном и нежном полусвете» колориту романа Тургенева противоречит «торжествующий образ Варвары Павловны», который «нарисован» так ярко, что почти «выходит из рамы повествования». По мнению критика, «существа, более безобразного в нравственном отношении и более искушающего и раздражающего в физическом смысле», чем Варвара Павловна, трудно себе представить [1, с.194]. Двойственность героини передана в тексте, в том числе через запах *пачули*.

Вне сомнения, из всех персонажей «Дворянского гнезда» наиболее подробно и колоритно выписан образ Варвары Павловны, при этом автор почти не изображает, что происходит в её душе, а запечатлевает в зрительных, звуковых, обонятельных образах, чем подчёркивает преобладание чувственного начала в героине. Варвара Павловна предстаёт «вакханкой», «настоящей, заграничной львицей», прекрасно разбирающейся и в моде, и в модных запахах. Примечательна сцена, когда в доме Калитиных она, сняв перчатки, показывает своими гладкими, вымытыми мылом *à la guimauve* (т.е. алфейное, изготовленное из натурального растительного эфирного масла) руками, «как и где носятся воланы, руши, кружева, шу» и обещает «принести стклян-

ку с новыми английскими духами: *Victoria's Essence*» [12, с.125]. Вернувшись из Парижа в Россию жена Лаврецкого посещает дом Калитиных с единственной целью – «восстановить себя в общем мнении». При этом она, совершая различные игровые действия («подобострастно» целует руку Марье Дмитриевне, которая «совсем потерялась, увидев такую красивую, прелестно одетую женщину почти у ног своих»; «скромно» слушает, рассказывает, веселит и тут же вздыхает, как будто мысленно упрекая «себя в неуместной веселости» в своём положении; поёт «во время своего раскаяния» и др.), манипулирует сознанием тётки мужа и, в конце концов, предлагает ей, живущей в мире условностей и пользующейся *одеколоном* и то, по всей видимости, в лечебных целях («нюхала одеколон»), «стеклянку с новыми английскими духами» и радуется как «дитя», когда г-жа Калитина соглашается принять её в подарок [12, с.125]. Обращаясь к изображению чуждой для себя психологии, писатель использует внешнюю деталь – «стеклянка с новыми английскими духами» – для того, чтобы подчеркнуть доминантную черту в личности Варвары Павловны – обман, которая, наряду с другими её качествами: расчёт, эгоизм, лицедейство, – обусловлены «любовью к комфорту» и «умением доставлять себе этот комфорт» [12, с.48] и сводятся к реализации материальных и телесных желаний. Практицизм, индивидуализм, эстетство, стремление к земным благам и наслаждениям выдают в героине приверженицу европейского типа культуры. Недаром при написании названий принадлежащей Варваре Павловне (и княжне Кубенской) парфюмерной роскоши автор использует латиницу, и происходит это едва ли только потому, что «всех этих слов на русском нет». В тургеневском тексте мыло *à la guimauve*, духи «*Victoria's Essence*» предстают культурными кодами, с помощью которых автор фиксирует принадлежность *madame de Lavretzki* не к русскому, а к европейскому миру, а возникающие в подсознании читателя ароматы весьма слащавого по запаху алфейного мыла и «сладких», по отзывам современников писателя, духов королевы Виктории красноречиво характеризуют сладострастную Варвару Павловну и служат знаками её чувственности и порочности.

Нельзя не заметить, что в сцене в доме Калитиных, помимо мыла *à la guimauve*, упоминается два не описанных автором, но «легендарных» запаха. Если выйти за пределы тургеневского текста, в котором отсутствует точное название «новых» английских духов королевы Виктории, то можно предположить, что писатель имеет в виду духи «*Fleur de The Rose Bulgare*» от Creed. Они, правда, были созданы в 1845 году, но, работая над «Дворянским гнездом» в конце 1850-х годов, Тургенев мог забыть, а мог доподлинно не знать, когда появились эти духи, но помнить, что они шокировали Европу из-за несоответствия между тем, что королева Виктория, во времена правления которой усиливается пуританство, устанавливается жёсткая система морали, полного подчинения долгу и семье, а сладкие запахи слышат неприличными, пользовалась духами с пряным, сладким,

чувственным, мускусным ароматом, который считался роковым. Любопытно, что когда в 1855 году английская королева приезжает с визитом в Париж, то французские газеты, судя по их заголовкам, занимают больше её духи, чем политика: «Духи Виктории содержат преступно развращающий мускус» [8]. Справедливости ради надо заметить, что аромат «*Fleur de The Rose Bulgare*» открывается благоуханием *розы*, с которой в «Дворянском гнезде» автор сравнивает Варвару Павловну («В Париже <...> расцвела, как роза»), а завершает его, действительно, чувственный *мускус*, продукт животного происхождения и откровенного эротизма. Думается, что «*Victoria's Essence*» – эти те самые «*Fleur de The Rose Bulgare*», которые не могли не вызвать у современников писателя определённых ассоциаций. Возможно, поэтому он, упоая на осведомленность и обонятельную память читателя об анимальном аромате, не описывает его в романе, а только упоминает о «*Victoria's Essence*». Данная деталь крайне важна в тексте, ибо с её помощью и сотворчества читателя писатель указывает на различия между внешним поведением и внутренним содержанием личности сразу двух романских героинь: изобличает показную скромность физически роскошной, но лживой, хищной, «уж точно львицы» [12, с.134] Варвары Павловны, в которой инстинкты побеждают сознание долга, «тело» – «душу», любовные похождения – семейные ценности, и показную добродетель Марьи Дмитриевны, которая «более чувствительна, нежели добра» [12, с.8].

Вряд ли случайно писатель дважды упоминает в романе о том, что Марья Дмитриевна Калитина пользуется *одеколоном* («От нее пахло *одеколоном* и мятой. У ней, по ее словам, болела голова...»; «... сидела одна <...> и нюхала *одеколон*»). Известно, что он возник благодаря «Кёльнской воде», слывшей в XVIII столетии лечебным эликсиром, в наполеоновскую эпоху после присоединения в её состав душистых компонентов – «благовонным веществом» («*Eau de Cologne*»), а после Отечественной войны 1812 года, когда российские парфюмеры добавляли к нему три эфирных масла: *бергамотное*, *лимонное* и *нероли* (цветы горького апельсина), получает название «Тройной» и считается в России ароматическим и лечебным средством. Свежий, горьковато-терпкий по запаху *одеколон* становится очень популярным сначала в придворной среде, а затем среди российских дворян. Но в 1840-е годы, когда высшие привилегированные слои общества начинают активно пользоваться духами, воплощающими собою богатство и изящество, *одеколон* перестаёт быть элитным продуктом, а его запах считается «дешевым запахом» [3, с.444]. Кстати, королева Виктория, пример чопорности и строгости, до тех пор отдавала предпочтение освежающему *одеколону*, пока специально для неё парфюмеры не создают «преступно развращающие» – *мускусные* – духи.

В «Дворянском гнезде» такие подробности, как «от нее пахло *одеколоном*», «нюхала *одеколон*» (Марья Дмитриевна), «стеклянка с новыми английскими духами» (Варвара Павловна), не просто реалистические дета-

ли, отражающие особенности быта романских героинь, они наделены в тексте дополнительными смыслами. Несмотря на то, что автор не передаёт обонятельных ощущений, не определяет одорических признаков ни *одеколона*, ни «новых» английских *духов*, они, косвенно выражая конкретные запахи, акцентируют лукавство, неискренность Варвары Павловны, мир которой полон «пахучих» ароматов, но лишён естественности, и противоречивость Марьи Дмитриевны, которая, несмотря на внешнюю патриархальность и благопристойность, на самом деле чрезвычайно далека от строгости нравов и следования нравственным принципам. Учёные редко обращаются к рассмотрению образа матери Лизы Калитиной, считая его второстепенным и малозначимым. Между тем с ним связана в романе одна из ключевых проблем отцов и детей, а также своеобразная травестия идей должествования, прощения, святости брака, которые являются непререкаемыми для Лизы Калитиной и отчасти определяют её уход из семьи, дома. Показательно, что когда Марья Дмитриевна решает выступить поборницей патриархальных ценностей и призывает Лаврецкого простить жену и исполнить долг – вернуться в лоно семьи, то её слова и действия преисполнены не требованием долга, не участием и состраданием, а самодовольством и самолюбованием: «Примите же из рук моих вашу жену; идите, Варя, не бойтесь, припадите к вашему мужу (она дернула ее за руку) – и мое благословение...» [12, с. 144]. Помимо себялюбия, Марье Дмитриевне, как и Варваре Павловне, присуща «страсть к некоторой театральности», а значит, к притворству и фарисейству: «– Постойте, Марья Дмитриевна, – перебил ее Лаврецкий глухим, но потрясающим голосом. – Вы, вероятно, любите чувствительные сцены <...> они вас забавляют; но другим от них плохо приходится [12, с. 144]. Соответственно, духи «*Victoria's Essence*» актуализируют в тексте информацию о человеческой сущности двух героинь: той, которая обещает принести «стеклянку с новыми английскими духами», – циничной, хитрой Варвары Павловны и той, которая соглашается «принять ее в подарок», – самолюбивой и самообольщающейся Марьи Дмитриевны, а воображаемый аромат, который вызывает у читателя целую цепь ассоциаций, выступает знаком фальши и обмана.

Вместе с тем как ни значимо в романе упоминание о провокационных духах «*Victoria's Essence*», расширяет представления о личности жены Лаврецкого, прежде всего, запах *пачули*, который считается одним из самых двойственных и противоречивых, очаровывающих и коварных. В отличие от запаха новых английских духов, запах *пачули* идентифицирован в тексте и выражен конкретной лексикой – «*противный*», что делает более осязаемым портрет Варвары Павловны. Тургенев отнюдь не случайно соотносит образ «грациозно-вакхической», стремящейся к чувственным удовольствиям героини с запахом *пачули*, который неотделим в тексте от «сладкой» женской любви. Он выполняет двойную функцию – характеризует Варвару Павловну и отражает психологические процессы в жизни влюблённого Лаврецкого:

сначала его опьянение красотой невесты, от которой веет «неуловимой, как тонкий запах, вкрадчивой прелестью, мягкой, пока еще стыдливой, негой» [12, с. 47]; затем – жар желаний и «тайную роскошь неизведанных наслаждений», полное подчинение «сладкой» женской любви и «оцепенение очарования» этим «пахучим, светлым миром» [12, с. 50]; а после измены жены – неприятие и отвращение: «Первое, что поразило его при входе в переднюю, был запах пачули, весьма ему противный...» [12, с. 114]. Так, в романе Тургенева молодость и надежды обретают свой запах – «тонкий»; влекущая красота, «сладкая» женская любовь – «пахучий» запах, а измена и порочность – *противный* запах. Только последний имеет конкретный источник – *пачули* – и становится в тексте запахом-сигналом узнавания Лаврецким бывшей жены, а также является «ключом» к пониманию её сущностных черт и маркирует границу между героями («между нами всегда была бездна»).

В том, что в романе Тургенева прагматичная, безнравственная, находящаяся во власти страстей и соблазнов красавица пахнет *пачули*, нет ничего удивительного. Начиная с 1840-х годов, данный запах устойчиво ассоциируется с женщинами сомнительного поведения. В «Дворянском гнезде» *пачули* – это запах соблазняющей женственности и одновременно запах адюльтера, всего «темного, вздорного, злого» [12, с. 117]. Скорее всего, Лаврецкому неприятен не запах сам по себе, а то, что *пачули* – запах Варвары Павловны, изменившей мужу и вновь появившейся в его жизни, когда он «сжег всё, чему поклонялся», и «поклонился всему, что сжигал», и новое «чувство неожиданной, великой радости наполняло его душу» [12, с. 106]. Недаром в тургеневских романах можно встретить как традиционное, общеоценочное значение запаха *пачули* – «удивительнейший» («Дым»), так и частнооценочное, экспрессивно-эмоциональное – «*противный*», принадлежащее герою «Дворянского гнезда». Впрочем, запах *пачули* – один из немногих запахов, который в произведениях ряда писателей получает отрицательную коннотацию («Москва и москвичи» М.Н. Загоскина, повесть А.Ф. Писемского «Винувата ли она?», «Роман в девяти письмах» Ф.М. Достоевского, «В вагоне», «Ворона», «Вишнёвый сад» А.П. Чехова, романы Ф.К. Соллогуба «Мелкий бес», Ж.К. Гюисманса «Наоборот», Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» и др.). В свою очередь, в романе Тургенева, хотя «прочтение» запаха *пачули* индивидуально-авторское, но оно тоже обусловлено культурным контекстом середины XIX столетия, когда *пачули* утрачивают «свою магнетическую привлекательность» и воспринимаются «как символ дурного вкуса» [3, с. 440; 441]. Но главное – в тургеневском тексте запах *пачули*, как и «*амбра à la Richelieu*», будучи «выражением интенсивной плотской жизни», имеет «дионисийскую, оргиастическую природу» [15, с. 58].

Как видим, в «Дворянском гнезде» «кодом» нескольких героинь являются запахи, различные по источникам (*амбра*, *пачули*, имплицитно – *мускус*), но связанные между собою ориентированностью на чув-

ственность. Помимо запахов, важным содержательным элементом в романе выступают связанные с ними детали (*одеколон, мыло, духи*), которые участвуют в создании образов героинь, обогащают их бытовые и психологические характеристики и помогают смысловой колляции той культуры, к которой они принадлежат. Пристрастие офранцуженной княжны Кубенской к «*амбре à la Richelieu*» и особая восприимчивость европеизированной Варвары Павловны к искусственным ароматам, духам «*Пачули*» и «*Victoria's Essence*» служат в тексте знаками телесно-чувственного существования героинь, искусственности, фальшивости, поддельности их чувств и двусмысленности поведения.

Совершенно иным является ольфакторное пространство центральной героини романы – Лизы Калитиной, которое представлено запахами провинциального дворянского дома, сада, церкви, монастыря – *цветов и ладана*. Нами уже отмечалось, что основной оппозицией в контексте образа Лизы, «существа религиозного», выступает *дом/монастырь*. Выражением этой оппозиции в тексте становятся, в том числе, два флористических образа: комнатное *розовое* деревце с расцветшим *розаном* – знак убежища, приюта, дома, чистой и преданной земной любви героини, и *желтофиоли* – знак жертвенного служения, крестного пути и небесного мира (знаковое значение в тексте имеет не расцветка, не запах цветка, а его форма, напоминающая крест) [2]. Помимо флористической пары – *розан/желтофиоли*, драматические обстоятельства, в которые поставлена Лиза, покидающая родной дом и избирающая путь иночества, отражает, в том числе, ольфакторная пара – «*славный*» запах *розана/«дымный»* запах *ладана*.

Известно, что в природе запах *роз* существенно различается в зависимости от сорта, но в романах Тургенева в тех случаях, когда *роза* – знак любви, её аромат неизменно определён как «*славный*». В «Отцах и детях» этот ольфакторный признак появляется в тот момент, когда расставшийся с Одинцовой Базаров, ища сочувствия и сострадания («Хоть бы кто-нибудь надо мною сжалился»), просит Фенечку подарить ему *красную розу*: «Как славно пахнет! Понюхайте, как славно пахнет роза, что вы мне дали» [13, с.138]. В «Дворянском гнезде» *славный* запах *розы*, несмотря на то, что связан с ольфакторным впечатлением тётки Лизы: «... Марфа Тимофеевна, низко наклонясь к горшку с молодым розаном. – Как славно пахнет!» [12, с.150], – тоже ассоциируется с любовным кодом. То, что запах любви в двух романах охарактеризован как «*славный*» – приятный, доставляющий наслаждение, пробуждающий чувственность – обусловлено сложной и противоречивой философией любви и эстетикой любви Тургенева. Напомним, что парадигмой любви у писателя прибывают естественные влечения, отвечающие сути природы «эмпирического человека». При этом Тургенев не ограничивает любовь чувственным компонентом, «желанием счастья, обладания» [12, с.47]. Согласно писателю, в любви есть что-то «тайное, святое» – стихийное, иррациональное и одухотворяющее,

возвышающее, созидательное, «оживляющее», и разрушительное, «сжигающее» (стихотворение в прозе «Роза»). Хотя в большинстве романов Тургенева глубинная сущность любви открывается героям только после того, как они постигают нравственную сущность любимого человека, но любовь и для них, и для автора «есть все-таки наслаждение», «состояние души и тела». Признавая непреодолимую потребность человека как существа природного к личному, интимному, бытию, писатель неизменно воспекает и поэтизирует в своих произведениях романтику чувств и дарованную им восприимчивость к прекрасному («... у каждого ... сердце росло в груди, и ничего для них не пропадало: для них пел соловей, и звезды горели, и деревья тихо шептали, убаюканные и сном, и негой лета, и теплом»), Чаще всего с любовью у Тургенева коррелируется запах *розы*.

В «Дворянском гнезде» само имя главной героини – *Лиза* – обращает к теме любви (М.Н. Карамзин, А.С. Пушкин и др.). Однако в тексте оно не просто условный знак; в процессе развития сюжета глубоко верующей героини актуализируется этимология имени *Елизавета* (от греч. 'Ελισαβέτ – «Божья клятва», «обет Богу», «почитающая Бога», «Бог есть клятва её»), которое участвует в создании её образа, содержит информацию о духовной чистоте, приверженности Богу, требующей жертв, определяет такие сущностные черты Лизы Калитиной, как религиозная совесть, почитание Бога, религиозное служение, обет Богу, а также помогает раскрытию идейно-эстетического содержания романа. Нельзя не заметить, что, наряду с изображением гармоничного течения чувств героев, автор заостряет внимание на постоянной внутренней борьбе в Лизе Калитиной естественных склонностей и сознания нравственного долга. Лаврецкий нарушает «тихое и мирное существование» Лизы, которая до встречи с ним «восторженно, робко, нежно» любит одного Бога. Как и положено верующему человеку, героиня Тургенева ощущает «тайную тревогу» из-за своего «влечения» к женатому человеку, который «и в церковь редко ходит», а впоследствии «равнодушно» переносит смерть жены, и даже в момент любовного признания испытывает страх и смятение: «Что мы это делаем с вами? <...> Мне страшно; что это мы делаем? <...> Она опять вздрогнула, как будто ее что-то ужалило, и подняла взоры к небу» [12, с.105]. Глубокий внутренний разлад Лизы обусловлен тем, что граница между «земным» и «небесным», «мирским» и «духовным» пролегает внутри неё самой. Писателю удаётся понять и точно воссоздать в романе образ носительницы православной веры, которая, в отличие от других «тургеневских девушек», существует не только в локусах дома и сада, но и в церковном локусе. Не удивительно, что образ воцерковленной героини неотделим в тексте от запаха *ладана*, который является лейтмотивным в романе.

Впервые «запах *ладану*» возникает в сцене, когда Лаврецкий отправляется к обеду: «Чинно стоявший народ, родные лица, согласное пение, запах ладану, длинные косые лучи от окон, самая темнота стен и сво-

дов – всё говорило его сердцу» [12, с.97]. В данном случае запах *ладана* выполняет хронотопическую и аккумулятивную функции – пробуждает «не логическую, а именно эмоциональную» [8, с.195] память героя и настраивает на мистический лад: «Вспомнилось ему, как в детстве он всякий раз в церкви до тех пор молился, пока не ощущал у себя на лбу как бы чьего-то свежего прикосновения; это, думал он тогда, ангел-хранитель принимает меня, кладет на меня печать избрания» [12, с.97]. Кроме того, запах *ладана* приобретает в тексте смысл характеристики духовного бытия Лизы, которая приводит в церковь давно не бывшего в ней Лаврецкого: «"Ты меня сюда привела, – подумал он, – коснись же меня, коснись моей души". Она всё так же тихо молилась; лицо ее показалось ему радостным, и он умилился вновь, он попросил другой душе – покоя, своей – прощенья...» [12, с.97]. В сцене в церкви всё: и *ладан* как средство общения человека и Бога; и особое «умиление» Лаврецкого, которое в православном христианстве считается даром, ведущим человека к пониманию того, что на всё воля Божия; и ассоциативное соотнесение молящейся Лизы с «ангелом-хранителем», – предстаёт приметой умиротворяющего состояния героев и, что самое главное, знаком присутствия сверхъестественного и обращает к бытийным проблемам.

Второй раз запах *ладана* и тоже с сакральным оттенком появляется в сцене всенощной: «... всенощную заказали по желанию Лизаветы Михайловны <...> запахло ладаном <...> Лиза, как стала, так и не двигалась с места и не шевелилась; по сосредоточенному выражению ее лица можно было догадаться, что она пристально и горячо молилась» [12, с.99]. Отводя большое место в этой сцене описанию ритуальных действий, автор основное внимание сосредоточивает на внутреннем – смиренном и возвышенном – состоянии героини по окончании всенощной: «Он (Лаврецкий – А.Б.) чувствовал: что-то было в Лизе, куда он проникнуть не мог.» [12, с.100]. Вероятно, это «что-то» – то «тайное», что наполняет душу героини любовью к ближнему и Богу, та глубина духа, которому противоречит зародившаяся в её сердце земная любовь. Только после спора Лаврецкого с Паншиным о России (гл. XXXIII – XXXIV), когда Лиза и Лаврецкий, ничего не сказавшие друг другу, понимают, что «и любят и не любят одно и то же», Лиза перестаёт сопротивляться чувству и приходит к мысли, что «насилию не расторгнуть» их любви [12, с.123]. Любовь тургеневской героини наполнена уникальным содержанием: она надеется соединить восторженную, чистую любовь к Богу с честной, крепкой любовью к Лаврецкому, хотя знает, что христианская аскеза не допускает смешения души с духом. Недаром возвращение Варвары Павловны Лиза воспринимает как расплату за собственные «греховные» помыслы, «преступную» надежду на счастье, как вину («Я перед нею виновата») и заслуженное наказание («...мы скоро были наказаны»).

Симптоматично, что в сцене, когда Марфа Тимофеевна, наклоняясь к горшку с молодым *розаном*, произносит: «Как славно пахнет!» [12, с.150], возника-

ют такие антонимические мотивы, как *дом* (*комнатка*) – *монастырь* (*келейка*); *счастье* – *грех*; *удовольствие* – *моление*. Именно в комнате со *славно пахнущем розаном* Лиза называет главную причину своего ухода в монастырь: «Счастье ко мне не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня всё щемило. Я всё знаю, и свои грехи, и чужие, и как папенька богатство наше нажил <...> Всё это отмогил, отмогил надо <...> чувствую я, что мне не житье здесь; я уже со всем простилась, всему в доме поклонилась в последний раз; отзывает меня что-то; тошно мне, хочется мне запереться навек» [12, с.151]. Будучи одним из внешних проявлений жизни героини, «*славно*» пахнущий *розан* оказывается той ольфакторной единицей, которая характеризует интимные чувства Лизы и получает в тексте переносное значение – становится знаком того, с чем она уже «простилась», чему «поклонилась в последний раз»: любовь, дом, земной – светский и природный – мир («полила цветы и коснулась рукою каждого цветка»). Исповедуя христианскую мораль смирения и подчинения Божией воле, Лиза связывает исполнение долга с безусловным отречением от личного счастья, любви-наслаждения, мирской жизни и единственно возможный путь спасения видит в искуплении, в служении миру и потому принимает решение уйти в монастырь. Следовательно, в сцене прощания героини с домом имплицитно присутствует оппозиционный «*славному*» запаху *розана* запах *ладана*. Последний раз он возникает в эпилоге, когда после восьми лет Лаврецкий вновь посещает дом Калитиных и Лиза предстаёт в воображении Фёдора Ивановича «смутным, бледным призраком, облаченным в монашескую одежду, окруженным дымными волнами ладана» [12, с.157]. В финале романа *ладан*, который при сжигании даёт ароматный дым («дымные волны»), отражает, наряду с духовными запросами Лизы, ценностно-оценочное отношение Лаврецкого к её поступку и выступает кодирующим дополнительный смысл знаком неосуществимости в жизни человека любви и семейного счастья.

Таким образом, в процессе развития романного сюжета запах *ладана* приращивается новыми смыслами, становится семантически многозначным и связан не только с местом – церковью, монастырь, но и основными событиями любовной истории главных героев, участвует в психологической характеристике как Лаврецкого, так и Лизы и обнаруживает в тексте следующие смысловые ассоциации – запах-очищение души героя (сцена в церкви) и запах-ориентир героини, отражение её духовных потребностей. В свою очередь, оппозиционные начала в структуре личности Лизы: *душевная любовь*, *любовь-наслаждение* – *духовная любовь*, *любовь-агапе* – переданы в тексте посредством контрастных запахов – естественного, природного, «*славно пахнувшего розана* и «*дымного*» *ладана*, являющегося в христианстве символом веры, духовной силы человека. В финале романа «*дымные волны ладана*», которые связаны с памятью Лаврецкого о любимой женщине, ушедшей в монастырь, выводят повествование на бытийный уро-

вень и позволяют углубиться в подтекст романа о недостижимости для человека земного счастья.

В «Дворянском гнезде» Тургеневу удастся передать черты мироощущения и поведения женщины-христианки, в которой с детства проявляются черты религиозного благочестия, доброты, строгости и кротости. Основу нравственной сущности личности Лизы Калитиной, для которой Христос «чуть ли не родной», составляют смирение – одна из главных добродетелей христианского учения и самоотречение – важнейшая евангельская максима. Между тем решение ключевой проблемы счастья, любви и долга обусловлено мировоззренческой позицией автора, который не допускает мысли, что моральное поведение может быть связано с удовольствием, а исполнение долга – с наслаждением. Недаром в конце романа даже запахи весенней природы оказываются принадлежностью сферы не надежд и мечтаний, а памяти и воспоминаний, что ещё больше подчеркивает трагизм любви тургеневских героев: «Лаврецкий вышел в сад, и первое, что бросилось ему в глаза, – была та самая скамейка, на которой он некогда провел с Лизой несколько счастливых, не повторившихся мгновений <...> отовсюду пахло свежим дромом, лесом, травой, сиренью» [12, с.156]. Думается, что из всех маркированных в конце романа запахов особенно значим запах *сирени*.

Надо отметить, что в «Дворянском гнезде» *сирень* – фрагментообразующий элемент любовного сюжета главных героев: «*сирень* теперь цветет» (завязка) – «в саду Калитиных, в большом кусту *сирени*, жил соловей» (кульминация) – «пахло свежим дромом, лесом, травой, *сиренью*» (развязка) – и реализует в тексте весь присущий ей символический потенциал. В России *сирень* была обязательным атрибутом дворянских усадеб и символизировала чистоту души, в Европе – весну и первую любовь, на Востоке и в некоторых западноевропейских странах – расставание, несчастье, драматические повороты в судьбе любящих. В старинной английской поговорке, например, говорится, что «тот, кто носит сирень, никогда не будет носить венчального кольца» [5, с.338]. В финале «Дворянского гнезда» воображаемый тонкий, нежный, слегка с горчинкой запах *сирени* подразумевает, пожалуй, все присущие ей значения: первая любовь, чистота души, неизбежное расставание – и отзывается в душе Лаврецкого и нежностью любви, и горечью разлуки, и сожалением о потерянном рае и предстаёт знаком естественной, возвышенной, но неосуществимой любви и несостоявшегося счастья. Кстати, приметой неотвратимости расставания героев служит в тексте не только запах (*сирень*), но и звук – *песнь соловья*, которую традиционно связывают с любовью и потерей любимой, болью и тоской о рае.

Для понимания философского смысла романа важно и существенно, что в эпилоге запах *сирени*, помимо напоминания о любви и недостижимости счастья, приобретает ещё одно семантическое значение. Считается, что запах *сирени* вызывает у человека чувство покоя [8]. В тургеневском тексте упоминание о её запахе

побуждает к более глубокому пониманию мотивации действий и состояния души сошедшего «с земного прищипа» Лаврецкого, который, покидая дом Калитиных, «тихо встал и тихо удалился» [12, с.158]. Как обращение героя к молодым силам, ольфакторным кодом которых можно считать «свежий» запах «*дрома, леса, травы*» («Играйте, веселитесь, растите, молодые силы <...> жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать, вставать среди мрака...»), так и мудрое принятие противоречий бытия провоцируют вывод, что при всей элегичности переживаний Лаврецкого жизнь его представляет собою не бесцельное «странничество», а драматический путь самореализации в мире, исторически не случайной, имеющей перспективу будущего, ибо она существует в контексте жизни других людей. Герой Тургенева оказывается «вне дома», «вне семьи», но «не вне родины», и потому у него нет чувства отрешённости собственного «я» от сакрального Центра – духовного пространства других людей, от родовой традиции. Больше того, в финале романа Лаврецкий, смирив в душе тревоги и волнения, покойно («тихо встал и тихо удалился») принимает то, что посылает ему судьба, т.е. происходит то «примирение», которое ведёт человека к примирению с Богом [2 Кор 5:18–20]. Для автора чрезвычайно важно донести до читателя мысль, что герой, пожертвовавший собою ради высокой цели, признавший «народную правду», смирившийся перед нею, переживший «в самом себе смерть самого себя», внутренним опытом открывает нечто большее, чем эгоистическое, «тревожное», скоропреходящее счастье, и потому ему «грустно <...> на сердце, но не тяжело и не прискорбно: сожалеть ему было о чем, стыдиться – нечего» [12, с.158]. Так, запах *сирени*, дополняя понимание содержания образа Лаврецкого, выводит на первый план проблему существования человека в мире.

Исходя из проведённых наблюдений, можно сделать вывод, что в «Дворянском гнезде» с помощью многочисленных ольфакторных деталей Тургенев характеризует мир своих героев, прежде всего, женских персонажей и помогает выявлению их индивидуальных качеств. Сложно представить, что «вакханка» Варвара Павловна могла быть облечена в *дымный ладан*, а глубоко верующую Лизу Калитину сопровождать запахи *амбры*, *мускуса* или *пачули*, хотя бы потому, что последние выступают в романе знаками материальной культуры с её установками на наслаждение, удовольствие, развлечения, а запах *ладана* – духовного бытия человека. Своеобразие ольфакторной парадигмы романа состоит в том, что запахи (или отсылка к ним) вызывают определённые ассоциации у читателя и не только служат средством бытовой и психологической характеристики героинь, являются одной из форм косвенного психологизма, но и несут в себе дополнительные, кодирующие, значения и служат расширению основного смысла повествования, участвуют в раскрытии идейного и связанного с ним эмоционального содержания «Дворянского гнезда».

Всё это доказывает, что в романах Тургенева 1850-х годов одоризмы – важная часть художественного мира и, помимо функции художественной выразительности, позволяют определить эпоху, социальное положение, характер, вкусы, привычки героев, расширяют понимание их отношений с миром. Наиболее насыщено и разнообразно ольфакторное пространство женских персонажей. Одоризмы играют в создании образов тургеневских героинь гораздо большую роль, чем принято думать, и не просто органично вписаны в контексты их образов, но и выступают теми индикаторами, которые помогают судить о характере, внутреннем мире, психическом состоянии, духовных запросах. Запахи, приобретая в текстах самостоятельную семантику и оказываясь носителями определённых смыслов, значение которых нередко расширяется, углубляется за счёт их символического наполнения, входят в подтекст и становятся ольфакторными кодами большинства героинь писателя. Если искусственные запахи: «*амбра à la Richelieu*» (княжна Кубенская), духи *пачули*, имплицитно – *мускус «Victoria's Essence»* (Варвара Павловна), *одеколон* (Марья Дмитриевна) маркируют их телесность, искусственность, аморальность и

порочность; то природные запахи: *после дождя* (Наталья Ласунская), *розана* (Лиза Калитина) – выражают естественные, душевные, а запах *ладана* (Лиза Калитина) – духовные начала. В первых романах писателя выстраивается следующий семантический ряд: запах – тело – душа – дух. Кроме ольфакторного источника, важную роль в контексте женских образов играет коннотационная окраска запаха: «*сильный*» (Наталья Ласунская), «*славный*» (Лиза Калитина), «*противный*» (Варвара Павловна), которая подчинена раскрытию внутреннего мира героинь и выступает одним из средств выражения авторского отношения: усиливает положительную (Наталья Ласунская, Лиза Калитина) или пейоративную (Варвара Павловна, княжна Кубенская) оценки автора.

Итак, в поэтике романов «Рудин» и «Дворянское гнездо» ольфакторная составляющая является пусть и не центральной, но значимой величиной в определении специфических особенностей женских персонажей, и коды сопровождающих героинь запахов становятся косвенной характеристикой их индивидуальных черт и содержат информацию, которая способствует интерпретации имплицитных смыслов их образов.

Библиографический список

1. Анненков П.В. Наше общество в «Дворянском гнезде» Тургенева // Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки: собр. статей и заметок П.В. Анненкова. Отд. 2: 1849–1868 гг. VI. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1879. С. 194–221.
2. Бельская А.А. «Лизин текст» И.С. Тургенева и А.С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4 (54) Орел, 2013. С. 259–267.
3. Вайнштейн О.Б. Историческая ароматика: одеколон и пачули // Ароматы и запахи в культуре: В 2 кн. / Под ред. О.Б. Вайнштейн. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 616 с. С. 440–466.
4. Грачева И.В. Каждый цвет – уже намек: О роли художественной детали в русской классике // Литература в школе. 1997. № 3. С. 49–55. Захарын Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. М.: ОГИ, 1999. С. 54–70.
5. Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. М.: Фирма «Т-Око», 1992. 361 с.
6. Куликова Н.А. Одорический код в художественном тексте: лингвоэвokedационное исследование (на материале художественной прозы А.П. Чехова): автореф. ... канд. филол. наук. Барнаул: Горн.-Алт. ГУ, 2010. 17 с.
7. Риндисбахер Х. От запаха к слову: Моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Ароматы и запахи в культуре: В 2 кн. / Под ред. О.Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Кн. 2. 662 с.
8. Рязанцев С. В мире запахов и звуков. Занимательная оториноларингология. М.: Терра, 1997. 432 с.
9. См. об этом: Зыковская Н.Л. Запах как принцип «художественного досье» в прозе Тургенева // Путь науки. Международный научный журнал. № 6 (6). 2014. Волгоград: Научное обозрение, 2014. С. 63–65; Козубовская Г.П. Мифологема запаха в романе «Дым»: фетовский код // Козубовская Г.П. Культура и текст: миф и мифопоэтика. СПб.; Самара; Барнаул: БГПУ, 2004. С. 158–166.
10. Томская А. Тайный режиссер: Аромат делает актрисой любую женщину // Театрал. №3 (81). Март 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.teatral-online.ru/news/3294/>
11. Тургенев И.С. Рудин // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30-и тт. Т. V. М.: Наука, 1980. С. 197–324.
12. Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30-и тт. Т. VI. М.: Наука, 1981. С. 5–158.
13. Тургенев И.С. Отцы и дети // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30-и тт. Т. VII. М.: Наука, 1981. С. 5–190.
14. Фариньо Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.
15. Яуре М.В. Загадка «розы Кипра». Ольфакторный код романов М. Павича // Новый филологический вестник. 2010. 4 (15). М.: РГГУ, 2010. С.56–70.

References

1. Annenkov P.V. Our society is in Turgenev's "Noble Nest" // Annenkov P.V. Memoirs and Critical Essays: Coll. articles and notes by P.V. Annenkov. Dep. 2: 1849–1868. VI. St. Petersburg: Typography Stasyulevich M., 1879. Pp. 194–221.
2. Belskaya A.A. Turgenev and Pushkin's «Liza's text» // Scientific notes of Orel State University. Vol. 4. no. 54. 2013. Orel, 2013. Pp. 259–267.
3. Weinstein O.B. Historical aromatics: cologne and patchouli // Aromas and flavors in the culture: In 2 book. / Ed. O.B. Weinstein. Bk. 1. Moscow: New Literary Review, 2010. Pp. 440–466.
4. Zakhar'in D. Olfactory communication in the context of Russian history // RUSSIA / RUSSIA. Vol. 3 (11): Cultural practices in the ideological perspective. Russia, XVIII – beginning of XX century. Moscow, 1999. Pp 54–70.
5. Zolotnitsky N.F. Flowers in the legends and traditions. Moscow: The company "T-Oko", 1992. 361 pp.

6. Kulikova N.A. Odoristic code in a literary text: lingvovocative investigation (based on Anton Chekhov's prose): Abstract. ... Cand. philological sciences. Barnaul: Gorn.-Alt. PG, 2010. 17 p.
 7. Rindisbahe X. The smell of the word: Simulation values in the novel Patrick Zyus-Kindi "Perfume" // Aromas and flavors in the culture. In 2 book. / Ed. O.B. Weinstein. - Moscow: New Literary Review, 2010. 662 p.
 8. Ryazantsev S. In the world of smells and sounds. Entertaining otorhinolaryngology. Moscow: Terra, 1997. 432 p.
 9. See it: Zhyovskaya N.L. The smell as the principle of "artistic dossier" prose of Turgenev // Path of science. International Journal. - № 6 (6) 2014. Volgograd: Scientific-about vision, 2014. Pp. 63-65; Kozubovskaya G.P. Mythologeme smell in the novel "Smoke": Fet code // Kozubovskaya G.P. Culture and lyrics: Myth and mythopoetics. - St. Petersburg; Samara; Barnaul: State Pedagogical University, 2004. Pp. 158-166.
 10. Tomskeya A. Mystery Director: Fragrance makes any woman an actress // Teatral. №3 (81). March 2011. URL: <http://www.teatral-online.ru/news/3294/>
 11. Turgenev I.S. Rudin // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol.V. Moscow: Nauka, 1980. Pp.197–324.
 12. Turgenev I.S. Nobel nest // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol.VI. Moscow: Nauka, 1981. Pp.5–158.
 13. Turgenev I.S. Fathers and Sons // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol.VII. Moscow: Nauka, 1981. Pp.5-190.
 14. Farino E. Introduction to Literature: Textbook. St. Petersburg: RSPU. A.I. Herzen, 2004. 639 p.
 15. Joure M.V. Riddle "Rose of Cyprus." Olfactory code novels M. Pavic // New Philology Vestnik. 2010. 4 (15). Moscow: State Humanitarian University, 2010. Pp. 56-70.
-
-

УДК 811.58

UDC 811.58

А.Н. БИТКЕЕВА

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН

E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com

М.Я. ГОЛИК

аспирант, научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН

E-mail: mary.golik@gmail.com

A.N. BITKEEVA

Doctor of Philology, Leading scientific employee, Department of sociolinguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences

E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com

M.YA. GOLIK

Graduate student, Department of sociolinguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences

E-mail: mary.golik@gmail.com

ЯЗЫКИ КИТАЯ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

LANGUAGES OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: SOCIOLINGUISTIC PORTRAY

В статье представлена современная языковая ситуация в Китае, рассмотрены основные аспекты языковой политики страны, проанализированы результаты социолингвистических опросов среди разных этнических общностей Китая.

Ключевые слова: языковая политика, путунхуа, языки меньшинств, диалекты.

The article deals with the present day language situation in China. The main aspects of the language policy are viewed, the effect of this policy is presented in the results of the sociolinguistic survey among different ethnic groups of China.

Keywords: language policy, Putonghua, minority language, dialects.

В современном мире наблюдаются серьезные изменения в социальной структуре мирового сообщества, активизировались миграционные процессы, происходит переориентация языковых общностей с одних языков на другие, смена языковой компетенции и т.д. Значительное влияние на процессы функционирования языков оказывает глобализация, которая касается как мировых языков, провоцируя их соперничество в разных сферах коммуникации в различных странах мира, так и языков с иным функциональным статусом, воздействуя на уровень их функционирования и во многом предопределяя их будущее. Как правило, особенно остро стоит языковой вопрос в многонациональных странах. Одним из интересных, с научной точки зрения, многонациональных и многоязычных государств является Китайская Народная Республика. В данной статье мы рассмотрим проблемы, состояние и перспективы языковой жизни Китая сегодня.

Объективное рассмотрение состояния, статуса и развития языков возможно только в контексте общегосударственной языковой политики и языковой ситуации в стране в целом. Многонациональный состав населения Китая обусловил языковую ситуацию, при которой в рамках одного государства помимо нормативного варианта официального языка путунхуа (букв. «всеобщий/общепринятый язык») функционирует множество диалектов, языков меньшинств и иностранных языков.

На сегодня в Китайской Народной Республике про-

живает около 56 народностей, самой многочисленной являются ханьцы (китайцы), которых, согласно данным переписи 2010 г., насчитывается более 1,2 млрд чел. (91,95 % всего населения Китая). Остальные 55 народностей считаются малочисленными и составляют около 110 млн жителей. чел. (менее 10 процентов всего населения Китая) [13]. Примечательно, что русские также относятся к числу национальных меньшинств Китая. В 2010 г. их число составило 15393 (0,001 процента от общего числа населения), превысив лишь число представителей таких этнических групп, как: эвенки, дзаны, народность баоань, югуры (желтые уйгуры), вьеты, татары, дулуны, орочоны, нанайцы, народность мэнба, лоба, дино, а также ряд других национальных меньшинств, отдельно не представленных в переписи населения 2010 г. [13].

Общее число национальных языков Китая составляет по одним данным 89, по другим – свыше 100, что намного превышает число народностей, для которых характерен смешанно-компактный, или дисперсный тип проживания. Наиболее обширный ареал КНР принадлежит языкам алтайской семьи языков, которые распространены от западных границ Синьцзяна до восточных окраин (Маньчжурия), а также языкам китайско-тибетской языковой семьи.

Построение «гармоничного общества» находится в центре внимания современной языковой политики Китая. С 1 января 2001 г. вступил в силу «Закон КНР

о национальном языке и письменности». Подобный закон издан в Китае впервые, однако языковые реформы в стране активно проводились на протяжении всего XX в. Так в 1982 г. задача распространения путунхуа была упомянута в Конституции КНР, в 1986 г. была принята очередная программа, ставившая целью превратить путунхуа в общегосударственный язык устного общения и образования уже к новому тысячелетию. Отдельные положения о языках и письменностях находят свое отражение в Конституции КНР, Законе КНР «О районной национальной автономии», разработанном в 1984 г., и других соответствующих законах. Сегодня разработка местного законодательства в районах национальной автономии продолжается, во многих положениях об автономии, в ряде других местных законов, действующих в национальных районах, регулируются вопросы языковой жизни неханьских национальностей.

Китайский язык и диалекты

Путунхуа представляет собой нормативный вариант китайского языка, приближенный к северным диалектам. Кампания по распространению путунхуа в Китае началась в 50-е гг. XX в., закрепившись в языковой политике Китая в качестве одного из его ключевых направлений. Этот ход в языковой политике страны был предпринят с целью объединения носителей различных диалектов китайского языка и представителей различных национальностей. Согласно новому закону, путунхуа провозглашен общегосударственным языком, но право на развитие имеют и языки национальных меньшинств в своих автономиях соответственно. В Ст. 19 Конституции КНР отмечается: «Государство обеспечивает распространение по всей стране общепринятого китайского языка» [8]. Таково единственное упоминание путунхуа в Конституции. Если в начале кампании по распространению путунхуа планировалось решение проблемы непонимания между носителями разных диалектов, т.е. преодоление диалектного «барьера» в ходе коммуникации и достижение повсеместного употребления путунхуа среди населения, то в настоящее время задачи распространения путунхуа подразумевают «города как цель, школы как базу, государственные учреждения как приоритет, радио и телевидение как образец, а сферу услуг как средство общения» [15].

Путунхуа является не только национальным языком народности хань, но и общим языком для других народностей, проживающих в КНР. Это официальный язык сферы образования, сферы государственной деятельности, массовой коммуникации и т.д. Китайскими диалектами продолжает пользоваться большая часть населения страны, но ситуация стремительно меняется в самых разных регионах [3]. Говоря о диалектах китайского языка, прежде всего необходимо отметить значительную разницу между большинством из них, что заставляет ученых задумываться о восприятии последних в качестве отдельных языков. Однако здесь необходимо понимать, что в основе восприятия диалектов китайского языка лежит национальная идеология, спо-

собствующая поддержанию китайской идентичности, а вместе с тем и единства в сознании населения.

Существуют различные классификации диалектов китайского языка. Наиболее общая классификация предполагает разделение китайских диалектов на северные и южные как наиболее контрастные по отношению друг к другу, которые в свою очередь делятся на подгруппы.

В Законе КНР о национальном устном и письменном китайском языке КНР от 1 января 2001 г. указаны случаи использования диалектов. Согласно Ст. 16 закона, местные диалекты используются в следующих случаях:

- когда государственным служащим необходимо использовать диалекты в ходе выполнения должностных обязанностей;
- когда диалекты используются во время трансляции теле- и радиопередач с разрешения вещательной администрации в соответствии с указаниями Госсовета или министерства теле- и радиовещания на местном уровне;
- когда использование диалектов необходимо в классической опере, фильмах, телепрограммах или иных формах искусства;
- когда использование диалектов действительно необходимо в сфере печати, образования и исследования [12].

Тем не менее, при всем разнообразии китайских диалектов их принадлежность к единой нации едва ли не сильнее воздействует на единство среди китайского населения, нежели искусственно насаждаемый нормативный язык путунхуа. Однако ценность самобытности диалектов была принята не сразу, и с момента разработки путунхуа проводилась активная кампания по его распространению, направленная на постепенное вытеснение диалектов, что неизбежно повлекло за собой принудительное уменьшение числа говорящих на диалекте, о котором было упомянуто выше. Постепенное осознание значимости диалектов как культурного наследия, а также их положительной роли при усвоении гражданами норм путунхуа привело к обратным мерам со стороны китайского правительства, направленным на сохранение «нематериального культурного наследия» [3]. К примеру, с 2013 г. повышается общественное внимание к сохранению диалектов восточной части страны в сфере образования, языковых данных, общественного транспорта и литературы [14].

В 2015 г. в Китае нами был проведен опрос студентов, целью которого было выявление уровня владения путунхуа. В качестве родного языка (母语) 67 % информантов указали диалект местности, в которой родились. 29 % информантов в качестве родного языка указали 汉语 (китайский язык, букв. «ханьский язык»), кроме того, 4 % опрошенных в качестве родного языка указали путунхуа. 98% студентов отметили высокий или хороший уровень владения путунхуа.

В аналогичном опросе 48% информантов представителей среднего поколения китайцев от 30 до 47 лет

в качестве родного языка (母语) указали диалект той местности, в которой родились. 31% информантов в качестве родного языка указали 汉语 (китайский язык, букв. «ханьский язык»). Естественно, что последние отметили высокий уровень владения путунхуа. Кроме того, 3% опрошенных указали путунхуа в качестве родного языка, отметив при этом конкретный возраст начала изучения путунхуа. Более того, 16% указали на отсутствие родного языка, что свидетельствует о непонимании термина 母语 (родной язык, букв. «материнский язык»).

Несмотря на очевидность субъективности восприятия собственных возможностей среди носителей диалектов, а также стремления казаться образованнее, результаты опроса, так или иначе, отражают языковую ситуацию в стране.

Языки национальных меньшинств Китая

Представители национальных меньшинств проживают на всей территории государства, при этом большинство из них – в западной части Китая. Во введении к докладу о языковой ситуации в Китае отмечается, что язык, будучи частью национальной мощи народа, зачастую воспринимается как символ нации [15]. При признании важности языка как части культуры языковая политика в современном Китае направлена также на сохранение языков национальных меньшинств. Если до 1980-х гг. языковой политике Китая было свойственно слияние языков, распространение китайского языка среди некитайского населения, то в 1980-е гг. китайские лингвисты стали считать, что следует взять курс на свободное развитие и употребление национальных языков, который продиктован языковой ситуацией и природой языка, а также принять концепцию длительного сохранения национальных различий. Ученые говорят об определенной традиции, сложившейся в Китае, согласно которой некоторые родственные этносы, хотя и говорящие на различных языках и имеющие самоназвания, зачастую объединяются в единую нацию [9]. Так, например, монголоязычная народность ойраты Китая входит в единый монгольский этнос и в общегосударственном масштабе называется монголами. Вероятно, этот факт объясняется тем, что руководству КНР удобнее иметь дело с одной укрупненной национальностью, чем с множеством самостоятельных малочисленных, иначе каждой нации необходимо было бы предоставить льготы, представительство в ВСНП [10]. В Ст. 4 современной Конституции КНР от 2004 г. указано: «Все национальности в Китайской Народной Республике равноправны. Государство гарантирует законные права и интересы всех национальных меньшинств, охраняет и развивает отношения равенства, сплоченности и взаимопомощи всех национальностей. Запрещаются дискриминация и гнет в отношении любой национальности, запрещаются действия, направленные на подрыв сплоченности между национальностями и их раскол. <...> Каждая национальность пользуется свободой использования и развития своего языка и письменности, свободой сохра-

нения или изменения своих нравов и обычаев» [8].

Ханьцы и национальные меньшинства находятся в тесном контакте, что непосредственно влияет на функциональное развитие языков национальных меньшинств и их владение китайским языком. Так, специалисты склонны выделять пять групп по степени использования китайского языка национальными меньшинствами:

1. абсолютное большинство населения использует только свой национальный язык, лишь незначительная часть владеет китайским. К этой группе относятся 10 народностей, около 15 % всей численности нацменьшинств КНР. Эти народы (уйгуры, тибетцы и т.д.) имеют широкий ареал проживания и численно на данных территориях преобладают над китайским населением. Культурная, экономическая и национальная специфика этих народов на данных территориях широко и ярко представлена;

2. народы типа монголов, буи, мяо, чжуанов и т.д., большинство из которых использует только свой национальный язык, одна часть которых знает китайский, а другая уже полностью перешла на китайский язык. Сюда относят более 10 народностей, около 54 % всей численности нацменьшинств КНР. Хотя для этих народностей характерно компактное проживание, большая часть этих этнических групп проживает дисперсно с ханьским населением, поэтому национальная специфика сохранилась только в районах компактного проживания этих народов;

3. народности типа дунсян, сара, мулоу, маонань и т.д. Сюда входят около 20 народностей, примерно 9 % всей численности нацменьшинств КНР. Свой родной язык они используют только внутри этнической группы, при общении с представителями других национальностей используют китайский язык;

4. народности типа шэ, мулао, туцзя и т.д. Большая часть представителей этих народов перешла на китайский язык, только малая часть наряду с китайским использует свой национальный язык;

5. народы типа манн и хуэй. Родной язык этих народностей уже не используется, используется китайский язык. Народности, относящиеся к 4 и 5 группам, насчитывают несколько народностей и составляют около 21 % всей численности нацменьшинств КНР.

Как видим, в степени витальности языка немаловажную роль играет демографическая мощь. Для ряда национальных районов с полиэтническим составом, сложной языковой ситуацией, как правило, какой-либо национальный язык, определяющий языковую жизнь района, считается наиболее престижным. В Синьцзяне, где проживает более 10 неханьских национальностей, уйгурский язык имеет статус наиболее престижного, поскольку является языком наиболее многочисленной части неханьского населения этого района [6]. Уйгурский язык в Синьцзяне является признанным языком межнационального общения, здесь проживают также казахи, таджики, киргизы, хуэй, сибиряки, ойраты и т.д. Но в последние десятилетия наблюдается усиленный приток ханьцев, что отражается на языковой си-

туации таких районов в сторону усиления позиций китайского языка. Особенно показательна в этом отношении ситуация в упомянутом Синьцзяне, здесь процент ханьского населения увеличился с 5 % в 1949 г. до 40 % в середине 1980-х гг. [6].

Исследователи считают, что объем общественных функций, выполняемых национальными языками КНР, неравномерен. Функциональное использование в разных общественных сферах общения китайского языка в основном преобладает, языки национальных меньшинств функционируют в основном в бытовой сфере, лишь несколько из этих языков все же используется в сферах государственной деятельности..

В 1980-х гг. важным направлением языкового строительства Китая оказалась работа в области национальной письменности. В этот период проблемы национального письма рассматривались на научных конференциях, обсуждались на страницах научных и популярных изданий. По данным китайской печати, в КНР насчитывается 22 национальности, имеющие письменность. Наиболее распространены письменности 5 национальностей: тибетцев, уйгуров, казахов, монголов и корейцев. Монголы КНР пользуются старомонгольской письменностью, кроме того, монголоязычная народность ойраты использует также старокалмыцкое письмо «Тодо бичг». Языки указанных народов имеют древнюю письменную традицию. Семь письменностей – монгольская, тибетская, уйгурская, казахская, корейская, тайская, иская – использовались в национальных начальных и средних школах. Десять национальных письменностей применялись в национальной школе. Языки и письменности монголов, уйгуров и корейцев применялись в вузах [1]. Наиболее развитыми считаются монгольская, корейская, тибетская, уйгурская, казахская, на эти языки и их письменности делается перевод важной общегосударственной документации, издается литература.

В 1980-е годы в КНР стал доминирующим объективный подход к оценке роли и места традиционных письменностей в жизни национальных меньшинств Китая. Все это позволило уточнить языковую ситуацию у этих национальностей, выработать целесообразную языковую политику в отношении традиционных письменностей. Бережнее стало отношение к письменному наследию, национальным письменностям, стали учитываться мнения самих национальных меньшинств, что способствует улучшению межнациональных отношений в стране. То есть это период не только восстановления, но и развития языкового строительства в сфере национальных письменностей [9].

Этнодемографическая, географическая и законодательная ситуации позволяют этим языкам функционировать не только в семейной, бытовой сфере, но и в общественно-политической, экономической сферах. В автономных районах, то есть на местном уровне, где данные народности численно преобладают, их языки, согласно местным законодательным актам, используются параллельно с китайским языком в сфере делопроизводства, имеется развитое издательское дело на данных

языках, они представлены на всех ступенях сферы образования, широко используются в сфере массовой коммуникации, на телевидении, радио, прессе, в сфере культуры.

Разработка местного законодательства в районах национальной автономии продолжается, во многих положениях об автономии, в ряде других местных законов, действующих в национальных районах, регулируются вопросы языковой жизни некитайских национальностей.

Стоит отметить, что китайский язык в КНР не считается языком, заменившим все национальные языки страны, он выполняет функцию языка межнационального общения в общекитайском масштабе. В связи с этим в КНР подчеркивают, что обучение некитайского населения китайскому должно проводиться на добровольной основе. В статье 37 закона об автономии специально оговаривается вопрос об использовании в национальных школах «учебников на языках национальных меньшинств в тех случаях, когда для этого «имеются соответствующие условия», кроме того, об осуществлении в школах с преобладающим составом учащихся из некитайских национальностей обучения на языке национальных меньшинств [5]. По мнению А.А. Москалева, эта статья имеет практическое значение для развития в национальных районах национального образования. Ранее, местные органы образования выражали опасения, что отказ от единых учебников на китайском языке может привести к снижению качества обучения, поэтому выпуск учебников для национальных школ практически не реализовывался. Эта же статья Закона об автономии предоставляет возможность изменить ситуацию [9]. Эта статья Закона предлагает сбалансировать изучение китайского языка и языков некитайских национальностей. Путунхуа вводится в программу обучения в национальных школах, при этом в младших классах обучение должно проводиться на национальных языках, в старших классах начальной школы или в средней школе в программу обучения вводится китайский язык [5]. Статья 47 Закона об автономии регулирует работу народного судьи и прокуратуры в национальных районах, эти органы выполняют свои функции на общеупотребительных в данном районе языках. Граждане всех национальностей имеют право вести судебные дела на языке и письменности данной национальности. Законодательные документы должны быть опубликованы на одном или нескольких языках, являющихся общеупотребительными в данном районе [5]. В статье 49 Закона КНР о районной национальной автономии указано: «Органы самоуправления на территории национальной автономии способствуют взаимному изучению языков и письменностей кадрами разных национальностей, кадры народности хань должны изучать местные национальные языки и письменности, кадры национальных меньшинств должны изучать путунхуа, как язык, общеупотребительный во всей стране, и китайскую письменность, изучая и используя также язык и письменность своей националь-

ности. Должностные лица органов государственной власти и управления, хорошо знающие более двух общеупотребительных в данной местности языков, должны получать поощрение» [5].

Законом регулируется также работа государственного рабочего персонала в районах национальных автономий. Тех, кто овладел и использует в работе более двух общеупотребительных в данном районе языков и письменностей, следует поощрять. Статья 49 гласит: «...китайские кадровые работники должны изучать языки и письменности национальных меньшинств, кадровые работники из национальных меньшинств, наряду с изучением и употреблением национального языка и письменности, должны изучать общеупотребительный в стране язык путунхуа и китайскую письменность» [5]. В статье 37 проекта Закона об автономии об использовании в национальных школах учебников на национальных языках и проведении занятий на языках не китайских национальностей предложено: «В старших классах начальной школы или в средней школе в программу обучения вводится китайский язык, распространяется общеупотребительный в стране путунхуа» [2]. Исследователи приводят данные, согласно которым на конец 1998 г. только 20 % китайцев считали путунхуа родным языком, а остальные 80 % владели им только на разговорном уровне [4].

Опрос, проведенный нами в 2005 г. среди языковой общности ойратов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, показал, что, как правило, синьцзянские ойраты владеют тремя-четырьмя языками соседствующих этносов. На данной территории проживает большое количество народностей, в основном тюркского происхождения, уйгуры, казахи, киргизы, поэтому большая часть ойратов Синьцзяна владеет этими языками. При этом многие ойраты не владеют или слабо владеют китайским языком. 82 % информантов-ойратов ответили, что в детстве говорили только на ойратском, 16 % говорили на ойратском и китайском, 2 % говорили только на китайском, 17 % говорили также на казахском, уйгурском и других языках народностей, проживающих на данной территории. В семейном общении 49 % ойратов Синьцзяна говорят только на родном языке, 40 % говорят на ойратском и китайском, 2 % – только на китайском, 9 % помимо этих языков говорят на уйгурском, казахском и киргизском. Следует отметить, что у большинства ойратов, проживающих в Китае, языком внутрисемейного общения является тот или иной диалект ойратского языка, которым они овладевают с детских лет. Это разделение функций между диалектом и литературным языком зависит от коммуникативных ситуаций. Одновременно хорошее владение литературным языком и диалектом наблюдается у представителей интеллигенции. 85 % информантов начали изучать китайский язык как второй в возрасте от 5 до 15 лет, 15 % – в возрасте от 15 до 25 лет. Что касается сфер, в которых впервые происходит овладение ими китайским языком, то 90 % информантов начали изучать китайский в школе, 5 % – в семье и 5 % – в общении с населением и во время службы в армии.

Очевидно, компактное проживание на протяжении длительного времени и многочисленность ойратов Китая объясняет сохранность ойратского языка.

Однако в последнее время в Китае необходимость знания родного языка становится все менее актуальной, в условиях мегаполиса представители нацменьшинств переходят на китайский язык, родители заинтересованы в овладении их детьми китайским, а также иностранными языками, что естественно объясняется личностными ценностными ориентациями носителей языков, продиктованными современным экономическим, социально-экономическим развитием в мире, процессами глобализации [11].

Иностранные языки в Китае

Для полноты языковой ситуации в Китае необходимо также отметить функционирование иностранных языков на его территории. Среди иностранных языков в Китае, прежде всего, распространен английский, который также является одним из официальных языков на территории Гонконга, аналогично португальский в силу исторических причин является одним из официальных языков Макао. Традиционно наблюдается интерес к японскому языку, постепенно повышается интерес к испанскому. Что касается русского языка, как уже было сказано, его относят в Китае к языкам национальных меньшинств, проживающих на территории страны, его престиж вновь повышается среди населения в силу дружественных отношений между Россией и Китаем в настоящее время.

Опрос, проведенный нами в 2015 г. среди студентов Чжэнцзянского университета иностранных языков, изучающих русский язык, показал, что 60% информантов отметили удовлетворительный уровень знания русского языка, 36% – хорошее, 4% – отличное владение языком, причем наиболее сложным аспектом русского языка для китайских студентов является аудирование, наиболее простым – чтение. Однако большее число информантов отмечали более высокий уровень владения английским языком. Среди причин, побудивших к изучению русского языка, 33% информантов отметили престиж русского языка, 46% – перспективы трудоустройства, 13% информантов изучают русский язык по личным причинам, 6% информантов затруднились ответить на данный вопрос.

В аналогичном опросе среди студентов различных специальностей университетов северных, центральных и южных провинций Китая 99% информантов указали английский язык в числе иностранных языков, которыми они владеют в той или иной степени, по 1% учащихся указали также на русский, корейский и французский язык, 2 % – японский язык.

Среди информантов среднего поколения 71% отметили владение английским языком, 13% – японским, 8% – русским, 1% испанским и корейским на том или ином уровне, но лишь 8% информантов указали частое применение иностранного языка на практике.

Таким образом, китайский язык в КНР не являет-

ся языком, заменившим все национальные языки страны, он выполняет функцию языка межнационального общения в общекитайском масштабе. Политика распространения путунхуа среди населения способствует постепенному повышению уровня владения нормативным китайским языком среди населения, несмотря на значимое различие между диалектами различных провинций Китая. Кроме того, отмечается более высокий уровень владения путунхуа среди молодого поколения китайцев по сравнению с взрослым поколением, что говорит об успешном внедрении путунхуа в сферу образования. Тем не менее, принадлежность носителей различных диалектов к единой нации едва ли не сильнее воздействует на единство среди китайского населения, нежели нормативный язык путунхуа. В этой ситуации становится очевидной необходимость сохранения диалектного разнообразия страны.

Носители языков меньшинств, в основном, сохраняют родной язык, он для них функционально первый, язык семейного общения. Конечно, социальные усло-

вия, численность, компактность-некомпактность расселения этноса – все эти факторы влияют на степень сохранности родного языка этнической общностью. Более благоприятные, стабильные условия жизни способствуют устойчивости этнического самосознания и сплоченности этнической группы. Чем менее положительны, благоприятны условия проживания этнической группы, тем сильнее аккультурация, интеграция этнической группы в общество.

В отношении иностранных языков очевидно преобладание интереса к изучению английского языка. Несмотря на повышение интереса к русскому языку, уровень владения последним относительно невысок, что обусловлено сложной грамматической структурой языка. Так или иначе, тот или иной уровень владения иностранным языком среди всех опрошенных студентов свидетельствует об интересе к другим культурам и странам, к большей открытости Китая к внешнему миру по сравнению с прошлым историческим периодом.

Библиографический список

1. Жэньминь жибао, 1992.
2. Жэньминь жибао, 30.05.1984.
3. Завьялова О. И. Большой мир китайского языка. М.: Восточная книга, 2014.
4. Завьялова О.И. Языковое законодательство в Китае // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. СПб., 2003. С. 202-206.
5. Закон КНР о районной национальной автономии (Чжунхуа жэньминь гунхэго миньцзу цюйюй цзычжифа). Пекин, 1984.
6. Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика. Справочник. М., 1986. С. 224.
7. Китайская Народная Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1984.
8. Конституция КНР (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch1
9. Москалев А.А. Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы). М., 1992.
10. Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949-1999). М., 2001.
11. Хуан Син, Ян Яньли. Языковая ситуация в Китае // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. СПб., 2003. С. 90-196.
12. 中华人民共和国国家通用语言文字法// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://baike.baidu.com/view/129892.htm>
13. 中国2010年人口普查资料// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm>
14. 中国语言生活状况报告 (2014) Language Situation in China:2014. – Beijing: the Commercial press, 2014.
15. Li Yuming The Language Situation in China Vol.1, Walter de Gruyter GmbH, Berlin/Boston and the Commercial press, Beijing, China, 2013.

References

1. People's Daily (Renmin Ribao), 1992.
2. People's Daily (Renmin Ribao), 30.05.1984.
3. Zavyalova O. I. Big World of Chinese. Moscow: Vostochnaya kniga, 2014.
4. Zavyalova O. I. Language Law in China // Solution of Ethnic and Linguistic Problems in Modern World. Saint Petersburg, 2003. Pp. 202-206.
5. Regional Ethnic Autonomy Law of the People's Republic of China. Beijing, 1984.
6. Foreign East. Language situation and language policy. Moscow, 1986. P. 224.
7. People's Republic of China: Constitution and Legislative Acts. Moscow, 1984.
8. Constitution of the People's Republic of China (with editions of 1988, 1993, 1999, 2004 г.) // URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch1
9. Moskalev A.A. Ethnic and Language Building in the PRC (80s). Moscow, 1992.
10. Moskalev A.A. Theoretical Basis of the National Policy of the PRC. Moscow, 2001.
11. Huang Xing, Yang Yanli. Language Situation in China // Solution of Ethnic and Linguistic Problems in Modern World. Saint Petersburg, 2003. Pp. 90-196.
12. 中华人民共和国国家通用语言文字法//URL: <http://baike.baidu.com/view/129892.htm>
13. 中国2010年人口普查资料// URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm>
14. 中国语言生活状况报告 (2014) Language Situation in China:2014. – Beijing: the Commercial press, 2014.
15. Li Yuming The Language Situation in China Vol.1, Walter de Gruyter GmbH, Berlin/Boston and the Commercial press, Beijing, China, 2013.

Н.Д. БОГАТЫРЕВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра
русской и зарубежной литературы, Вятский госу-
дарственный гуманитарный университет
E-mail: bognat5@yandex.ru

N.D. BOGATYREVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of
Russian and Foreign Literature, Vyatka State Humanities
University
E-mail: bognat5@yandex.ru

**ФИЛОСОФСКАЯ ПРИРОДА МОРАЛИ В ДРАМАХ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА И АЛЬБЕРА КАМЮ
(ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

**PHILOSOPHICAL ESSENCE OF THE MORALS IN THE PLAYS OF LEONID ANDREYEV AND ALBERT CAMUS
(EXISTENTIAL ASPECT)**

В статье рассматривается вопрос о философской природе морали в творчестве Леонида Андреева и французских экзистенциалистов. Анализируется метафизическая сущность нравственности в драме Л. Андреева «Не убий» («Каинова печать») и пьесе А. Камю «Недоразумение». Общая проблема «преступления и наказания» решается художниками по-разному, в зависимости от возможности признания высшей, ноуменальной природы человека.

Ключевые слова: Леонид Андреев, Альбер Камю, метафизическая сущность морали, ситуация абсурда, «дву-
природность» человека в религиозном экзистенциализме.

The article deals with the question of the philosophical nature of morality in dramas of Leonid Andreyev and French Existentialists. The existential aspects of the plays “Misunderstanding”(A. Camus) and “The mark of Cain”(L. Andreyev) are analyzed. The principal difference between Camus’ “person of Absurd” and Andreyev’s “double-natured” characters is established.

Keywords: Leonid Andreyev, Albert Camus, metaphysical essence of morality, the situation of Absurd, “double nature” of the human personality in religious existentialism.

Сегодня же, когда мысль больше не претендует на универсальность, когда лучшей историей философии была бы история ее раскаяний, мы знаем, что любое стоящее учение неотделимо от своего создателя. <...> И точно так же романтическая игра страстей и плоти все жестче подчиняется императивам того или иного видения мира. Сейчас больше не рассказывают «историй», а создают собственную вселенную...

Камю «Миф о Сизифе»

С начала 90-х годов XX века в литературоведении последовательно развивается традиция рассмотрения творчества Леонида Андреева как предтечи и предвестника европейского экзистенциализма в его классической атеистической версии (в творчестве А. Камю и Ж.-П. Сартра). В знаменитом «Мифе о Сизифе» Камю создавал собственную «экзистенциальную вселенную» абсурда, опираясь на анализ творчества Ф.М. Достоевского, в котором находил родственные экзистенциализму идеи. Л. Андреев вслед за Достоевским тоже признан современными исследователями своеобразным «предэкзистенциалистом» (в работах С. Кирсис, В. Заманской, Р. Спивак, О. Вологиной, Т. Гусевой).

Родство умонастроений, образов, проблем и мотивов произведений Л. Андреева с русской версией

религиозно-теистического экзистенциализма исследуется литературоведами менее интенсивно, вызывая немало сомнений, возражений, порожденных сложнейшей проблемой отношения Андреева к религиозной вере и христианству. Философские переключки Андреева и Льва Шестова привлекли Л.А. Колобаеву и ее учеников. Сближение философских настроений Андреева и Николая Бердяева осуществлено в ряде статей В.А. Келдыша, Н.П. Генераловой, Г.Б. Курляндской.

Внимание андрееведов привлекают главным образом экзистенциальные проблемы прозы писателя: процессы отчуждения, неподлинного бытия и «несчастливого сознания», поведение человека в пороговой, пограничной ситуации между жизнью и смертью. Что касается сущности экзистенциального опыта и экзистенциальной морали, то эти аспекты, явленные в драмах Андреева, пока остаются вне поля зрения исследователей. Хотя философская и художественная трактовка этих аспектов заслуживает пристального внимания в силу принципиальных расхождений Андреева и французских экзистенциалистов.

Как известно, Андреев не писал философских трактатов и эссе (если не считать юношеского манифеста «Проклятые вопросы»). Он отдавал предпочтение «письму в образах перед письмом в рассуждениях» (Камю). Проблемы морали ярче всего ставятся и ре-

шаются в панпсихическом театре Леонида Андреева, ориентированном не на масштабные мистериальные конфликты, а на столкновения в рамках одной семьи. Таковы драмы Андреева «Анфиса» (1909), «Екатерина Ивановна», «Профессор Сторицын» (1912), «Не убий» (1913), «Собачий вальс» (1916).

Альбер Камю предлагает свое видение экзистенциалистских проблем и как философ-эссеист, и как художник. Вопросы метафизики морали Камю рассматривает в связи с мирочувствием и жизнеповедением «человека абсурда».

В Эссе об абсурде («Миф о Сизифе») Альбер Камю писал о Достоевском: «Все герои Достоевского задаются вопросом о смысле жизни. Как раз в этом они современны – они не боятся выглядеть смешными. Жизнечувствие современное тем и отличается от жизнечувствия классического, что пищей последнему служат проблемы моральные, тогда как пища первого – *проблемы метафизические*» [5, с. 87-88]. (Выделено нами. – Н.Б.)

Таким образом, мораль и метафизика у философа разъединены, разведены по полюсам, поставлены в ситуацию «или – или». Мораль оказывается по ту сторону экзистенциальной философии, она плод классического рационализма («категорического императива» Канта, например). При этом Камю замечает, что решения, предложенные Достоевским-художником, неожиданны, парадоксальны и не укладываются в ситуацию абсурда: «В романах Достоевского вопросы ставятся с такой степенью напряженности, что неизменно влекут за собой крайние решения. Жизнь являет собой ложь – или она вечна. <...> Довольствуйся Достоевский рассмотрением этого вопроса, он был бы философом. Но он изображает, какие следствия в жизни человека могут иметь такие игры ума, и в этом он художник». Далее Камю создает фрагмент «Кириллов» в рамках Эссе об абсурде – и приходит к выводу, что ответ писателя своему герою заключается не в чем ином, как в придании морали метафизического смысла: «Напротив, мы видим, что автор «Бесов», которому пути абсурда близко знакомы, в конце концов предпочитает совсем другую дорогу. Поразительный ответ творца своим героям, Достоевского – Кириллову, можно и на самом деле вкратце выразить следующими словами: жизнь есть ложь – и она вечна» [5, с. 87-94].

С размышлениями Камю перекликаются умозаключения Сартра. В условиях радикальной свободы всякое упоминание о метафизической природе морали вызывает у Сартра бурный протест и объявляется источником принуждения, универсализации, отчуждения, господства Другого и Других. «Всякая апелляция к «другому» миру для Сартра – это лишь попытка оправдания репрессивных социальных институтов, покушение на человеческую свободу, если речь идет об обществе в целом, и явный отказ от нее, если речь идет об отдельном индивидуе» [7, с.114]. Свободный выбор у Сартра, как и у Камю, связан с опасениями за судьбу свободы. Ситуация рождения свободы, которая ускользает от человека, как только он пытается ею овладеть и облечь в

твёрдые формы, исследована в драмах Сартра «Мухи» (1943) (в образе Ореста), «За закрытыми дверями» (1944) [10; 4]

Отсюда, по справедливому суждению современно-го историка философии Тамары Кузьминой, «...мораль перестает быть высшей оценкой, «последним судьей» человека <...>, выражением метафизичности человеческой природы (как это было, в частности, в философии Канта), а рассматривается всего лишь в качестве разновидности социального нормирования, всегда направленного против человека. И такое упразднение морали – закономерное следствие общемировоззренческих посылок современной философии...» [7, с.117].

Нам кажется плодотворным рассмотреть коренное отличие постановки экзистенциальных проблем морали в драме Л. Андреева «Не убий» (1913) и в пьесе «Недоразумение» Альбера Камю (1943).

В основе сюжета обеих драм лежит ситуация осознанного, преднамеренного убийства. О мотивах предстоящего преступления герои говорят уже в первом действии. В обеих пьесах создана атмосфера экзистенциального трагизма существования, передано состояние недовольства и тоски в условиях неподлинного, неаутентичного бытия. Главные герои «томятся» по «киной» жизни. Пути к ней связаны в сознании персонажей с той свободой, которую способны дать, в их представлении, только деньги. Деньги для героев – не самоцель, а ложно понятая возможность прорваться к иным условиям жизни.

Но в пьесе Андреева развёрнуто сознание человека, интуитивно подозревающего о наличии другого измерения земной жизни. Нарушение закона «не убий», который не может восприниматься автономно от религиозных представлений, неизбежно влечёт мучительные сомнения, беспокойство и укоры совести.

Герои андреевской драмы обрисованы двупланово. С одной стороны, сохраняется реалистическое письмо в традициях театра Островского (обстановка и быт Кулабуховского дома в первом действии). Но в развёртывании конфликта обнаруживается принцип как бы «двойного бытия» (согласно поэтической формуле Ф.Тютчева). Наличный, наружный мир – область неподлинной, объективированной реальности (как результат «падшести» мира, по терминологии русских экзистенциалистов).

Драматургу очень важно, чтобы эта двойственность постоянно ощущалась, чтобы один мир «просвечивал» через другой. В пьесе «Не убий» каждый из персонажей тоскует по себе «другому», более истинному, совершенному. Василиса Петровна в мечтах видит себя княгиней, Маргарита тоскует по чистоте и признанию, у странника Феофана страдание выражается в томлении «словом».

Дворник Яшка стремится реализовать абсолютное своеволие, проявляя готовность с легкостью «придурить» Кулабухова и не каяться. Он признается, что не может заплакать («слез нет»), сомневается в существовании совести, души. На убийство идет «просто так» –

«придушить так придушить, а не надо, так и не надо» [1, т. 4, с. 539].

Но даже для такого ущербного сознания, каким наделил драматург этого героя, характерно внутреннее интуитивное ощущение недолжной сути его поступков и переживаний. Дав Василисе клятву взять весь грех на себя перед Богом и людьми, Яков «закуривает дрожащей рукой». Рассуждая о душе, требует доказательств её существования («ты мне её на ладоночку положи»), с тоской признается, что хотел бы обрести способность страдать.

Православный канон безгрешности, праведности тоже подвергнут сомнению – как чисто внешняя попытка принять покаяние. Странник Феофан жалуется на бессилие, пытаясь добиться покаяния грешника (отсюда муки слова у Феофана, сетования на то, что нет у него настоящих, сильных слов, остаётся только стихия «ругания» – «пря», «трепещи», «сдохнешь»). Чаемую гармонию ищут не там, пути к ней избраны ложные, поэтому торжествует на героях «наряд дьявола». Но в подсознании каждого из персонажей сохраняется тот нравственный ориентир, та «вертикаль», которая обеспечивает конечное торжество закона «Не убий!». Андреев ищет в драме адекватную художественную форму для передачи в тексте онтологической сущности морали.

Именно в этом контексте полноты метафизического бытия надо понимать и андреевскую фантазмагорию, и использование всех оттенков комического – от фарса до гротеска. Все усилия Василисы Петровны «жить хорошей жизнью» вырождаются в гротескно обрисованные обстоятельства придуманной свадьбы с нанятыми гостями. Попытки окружить себя роскошью и поклонением призрачны. Отсюда и рождается авторский комментарий о «святости» каждого из героев: «То-то и страшно <...> на той свадьбе, что никакой свадьбы нет и не было, а все только сочинено Василисой <...> И разве не призрак, не фантом милейший Зайчиков, <...> где-то в глубине, под внешним покровом пьянства, грязи и лжи живущий святой и печальной жизнью? А милый князь – разве он не святой из святых?»

Скажу больше: свят и Яков, и все они святые – и это только обман зрения, что кажутся они пьяницами, ворами, убийцами. Это только *наряд* дьявола на них. И отсюда, повторяю, грубость красок, нарочитость шаржа, грим лиц и декораций...» [9, с. 234-235].

Главным для автора в драме «Не убий» стало самосознание русского человека. Андреев писал: «Драмой своей я хотел определить смысл закона „Не убий“, его различное влияние и вызываемые им различные переживания у различных людей. В этом отношении все действующие лица связаны одной задачей; мне особенно хотелось подчеркнуть переживания людей русских, для которых вопросы совести, бога, преступления до сих пор являются самыми острыми вопросами» [2, т. 2, с. 512]. Современный исследователь убедительно формулирует главную идею этой панпсихической пьесы: «Героиня ждет кары со стороны Божеского и людского суда, а наказание приходит из-

нутри ее сознания» [8, с. 195]. Однако важно подчеркнуть, что возможность наказания «изнутри сознания» обусловлена именно метафизической сутью морали.

В драме Камю можно обнаружить определенное сходство с пьесой «Не убий» в сюжетном рисунке (совершение запланированного убийства постояльца гостиницы, в котором мать и сестра не узнают сына и брата). Даже история смены заглавий у Камю («Изгнание» – «Бог не отвечает» – «Недоразумение») позволяет провести аналогию с другим названием драмы Андреева – «Каинова печать», – отсылая читателя к библейскому сюжету в интерпретации поступков и психологии персонажей.

В то же время Марта, героиня «Недоразумения», не испытывает после убийства ничего, кроме ненависти ко всему миру, – ни раскаяния, ни чувства вины: «И если б мне пришлось начать заново, я поступила бы так же» [5, с. 152].

Для того сознания, которым обладает Марта, нет метафизического измерения, нет вертикали. После убийства брата и самоубийства потрясенной матери она констатирует то, в чем была убеждена всегда: любовь и привязанность – иллюзии, они никого не спасают, человек обречен на абсолютное одиночество. Смерть близких все поставила для нее «на свои места, и вновь восстановился порядок – тот, при котором никто никогда не бывает признан». «Поймите же, – говорит она жене брата Марии, – что ни для него, ни для нас, ни в жизни, ни в смерти нет ни отечества, ни покоя. (*С презрительным смехом.*) Не называть же отечеством эту плотную, лишенную света землю, куда мы все уходим на прокорм слепым тварям» [5, с. 159].

Для Марты и ее матери Бог – всего лишь идол, камень, булыжник. «Созерцая свои терзания, человек абсурда заставляет смолкнуть всех идолов». «Молитесь же вашему Богу, чтобы он сделал вас подобием камня. Это счастье, которое он бережет для себя самого, единственное подлинное счастье. Поступайте, как он, станьте глухой ко всяким призывам, сделайте каменной, пока есть время». [5, с. 160].

Подчеркивая сквозную идею экзистенциальной философии Камю, исследователь его творчества замечает: «Бесстрастное равнодушие Марты, с которым она методично, как повседневную работу, осуществляет убийство постояльцев, является ироническим перифразом стоической индифферентности Сизифа» [12, с. 111]. В финале драмы призыв об участии, помощи, сострадании остается без ответа, торжествует разобщенность, отчуждение как фатальная черта абсурда.

«Когда разговор касается человека абсурда, – пишет Камю, – не может быть и речи о том, чтобы рассуждать здесь о морали <...> Я видел, как люди, преисполненные моральных добродетелей, поступают дурно, и я ежедневно убеждаюсь, что порядочность не нуждается в правилах. Существует только одна мораль, которую человек абсурда мог бы принять, – та, что неотделима от Бога, что продиктована свыше. Но он как раз живет без Бога...» [5, с. 59].

Удивительно, как перекликнулся здесь Камю с Бердяевым: «Этика закона исполнима, но она бессильна бороться с помыслами и изменить внутреннее духовное состояние человека. Согласно этике закона, человек хорош, потому что он исполняет добрые дела закона. В действительности же человек делает добрые дела потому, что он хорош» [3, с. 97]. У Бердяева экзистенциальный трагизм и есть свидетельство двуприродности человека, присутствия в нем «вертикали», устремленности к «иным мирам»: «...Бердяев (и ряд других русских философов) рассматривает трагедию и трагическое переживание как знак существования «другого» мира. Острое переживание расколотости мира, <...> ощущение того, что всё происходящее не должно быть таким, каково оно есть, что наше добро не оправдывает своего названия, что оно не соответствует некоей высшей правде и т.п., все это говорит о том, что трагедия, по слову Бердяева, выводит нас «по ту сторону» нашего мира с его различием добра и зла» [7, с. 136-137].

У Камю о морали ведет речь «человек абсурда, для которого «нет зова свыше», ибо небеса пусты, «завтрашнего дня нет», и поэтому «...ценностные суждения тут раз и навсегда вытеснены суждениями констатирующими. <...> Там, где царит ясность абсурда, иерархия ценностей бесполезна» [5, с. 54, 56].

Таким образом, принципиальная разница в реше-

нии похожих экзистенциальных конфликтов в драмах Андреева и Камю заключается в присутствии в позднем творчестве Леонида Андреева «философски обнадеживающей мысли» (В.А.Келдыш). «Собственная вселенная», созданная русским драматургом, организована таким образом, что ноуменальная природа человека всегда «просвечивает» сквозь быт. Его видение мира требовало постановки «извечных вопросов», отражения «трансцендентных, метафизических тем». Не случайно К.И. Чуковский, вспоминая свой разговор об Андрееве с Д. Мережковским, записал в дневнике 1919 года: «Мережковский убеждал меня написать о том, что Андреев был писатель метафизический, <...> говорил, что Андреев гораздо выше Горького, ибо Горький не чувствует мира, не чувствует вечности, не чувствует Бога...» [11, с. 261].

В.А. Келдыш справедливо писал о философских и художественных предпочтениях писателя: «В произведениях Андреева – впервые столь отчетливо на русской почве – выразились как художественно экспрессионистская, так и философски экзистенциалистская тенденции» [6, с.380]. В этой формулировке, на наш взгляд, точно определена природа цельности художественного опыта Андреева. Причем Андреев-философ обнаруживает близость именно русской версии религиозного экзистенциализма.

Библиографический список

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений. В 6 т. М.: Художественная литература, 1990-1996.
2. Андреев Л.Н. Драматические произведения. В 2-х томах. Т.2. Л.: Искусство, 1989. 550 с.
3. Бердяев Н.А. О назначении человека. М. Республика, 1993. 384 с.
4. Великовский С. Путь Сартра-драматурга // Сартр Жан-Поль. Пьесы. М.: Изд-во «Гудьял-пресс», 1999. С. 5-89.
5. Камю А. Сочинения. В 5 т. Т. 2: Пер. с фр. Харьков: Фолио, 1997. 527 с.
6. Келдыш В.А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 540 с.
7. Кузьмина Т.А. Экзистенциальная философия. М.: Канон+, 2014. 352 с.
8. Печёнкина А. О. Три театра Леонида Андреева: онтология автора и её отражение в модификациях драматического конфликта: дис. канд. филол. наук. М., 2010. 250 с.
9. Письма Л.Н. Андреева к Вл.И. Немировичу-Данченко и К.С. Станиславскому (1913-1917). Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 266. Тарту, 1971. С.234-235.
10. Сартр Жан-Поль. Пьесы. М.: Изд-во «Гудьял-пресс», 1999. 560 с.
11. Чуковский К.И. Дневник: В 3 т. Т.1: 1901–1921. М.: ПРОЗАИК, 2011. 592 с.
12. Шервашидзе В.В. От романтизма к экзистенциализму. Творчество Андре Мальро и Альбера Камю. М.: Изд-во РУДН, 2005. 157 с.

References

1. Andreyev L.N. Collected Works. In 6 vol. M., 1990-1996.
2. Andreyev L.N. Dramatic Works. In 2 vol. V. 2. Leningrad, 1989. 550 p.
3. Berdyaev N.A. Of the Destiny of Man. M., 1993. 384 p.
4. Velikovskiy S. The Path of Sartre as a Dramatist // Sartre J.-P. Plays. M., 1999. Pp. 5-89.
5. Camus A. Works. In 5 vol. Vol. 2. Kharkov, 1997. 527 p.
6. Keldysh V.A. Of “Silver Age” of Russian Literature. General Patterns. Problems of Prose. M., 2010. 540 p.
7. Kuz'mina T.A. Existential Philosophy. M., 2014. 352 p.
8. Pechyonkina A.O. Three Theatres of Leonid Andreyev: the Author's Ontology and its Reflection in the Modifications of the Dramatic Conflict. Candidate Dissertation in Philology. M., 2010. 250 p.
9. Letters of L.N.Andreyev to V.I. Nemirovich-Danchenko and K.S. Stanislavsky: (1913-1917). Scientific Notes of the University of Tartu. Tartu, 1971. Is. 266. Pp. 231-312.
10. Sartre J.-P. Plays. M., 1999. 560 p.
11. Chukovsky K.I. The Diary. In 3 vol. V.1: 1901-1921. M., 2011. 592 p.
12. Shervashidze V. V. From Romanticism to Existentialism. Works of André Malraux and Albert Camus. M., 2005. 157 p.

Н.М. БОЛОХОНЦЕВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова
E-mail: Nat.tash13@mail.ru

N.M. BOLOCHONTSEVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign languages and Russian language, Orel Law Institute of Ministry of Interior Affairs of RF named after V.V. Lukyanov
E-mail: Nat.tash13@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ СТРАТЕГИЯХ ПОВЕДЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ В СИТУАЦИЯХ КОММУНИКАТИВНОГО КОНФЛИКТА

ABOUT POSSIBLE BEHAVIOUR STRATEGIES OF COMMUNICANTS IN COMMUNICATIVE CONFLICT SITUATIONS

В статье рассматривается такое коммуникативно-аномальное явление как коммуникативный конфликт. Автор исследует его основные черты, а также возможные стратегии поведения коммуникантов в ситуациях коммуникативного конфликта. В статье приведены различные точки зрения на вопрос поведения участников диалога в конфликтных ситуациях, а также затрагивается проблема влияния коммуникативного конфликта на успешность общения в целом. На основании процитированных автором ученых сделаны выводы о возможных стратегиях поведения коммуникантов в ситуациях коммуникативного конфликта.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативный конфликт, коммуникант, диалогическое взаимодействие, речевое поведение.

The article deals with such a communicative abnormal notion as communicative conflict. The author examines its main features and possible strategies of behavior of communicants in the situations of communicative conflict. The article composes different views of the problem of behavior of the dialogue participants in conflict situations and touches upon the issue of communicative conflict influence on the communication effectiveness in general. Basing on the views of the scientists stated by the author the conclusion about the possible strategies of behavior of communicants in the situations of communicative conflicts made.

Keywords: communication, communicative conflict, communicant, dialogue interaction, speech behavior.

В идеальном случае успешная коммуникация развивается по благоприятному для всех участников диалогическому сценарию при соблюдении ими всех правил диалогического взаимодействия, что позволяет реализовать свои коммуникативные намерения в полном объеме. Противоположным является случай, когда коммуникация приобретает качества и свойства, вносящие дисгармонию в речевые действия коммуникантов, разрушающие понимание, вызывающие негативные эмоциональные и психологические состояния партнёров по коммуникации. Если коммуникант выбирает ошибочную стратегическую или тактическую линию поведения, приводящую к возникновению коммуникативных аномалий, то коммуникация отклоняется от идеальной схемы, намерения коммуникантов теряют взаимосогласованность, и если им не удаётся нейтрализовать негативное влияние своих действий на характер протекания коммуникативного акта, то последний может закончиться полной или частичной неудачей. Для обозначения такого рода сбоев в ходе речевого общения используется термин «коммуникативная неудача», под которым понимается полное или частичное непонимание высказывания партнёром по коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление комму-

никативного намерения говорящего [1, 64-66].

Еще одним аномальным типом развития коммуникации является коммуникативный конфликт.

Коммуникативным конфликтом можно назвать столкновение мнений о приемлемости определённой стратегической линии в развитии диалога [2, 17-20]. В основе коммуникативного конфликта обычно лежит стремление одного (или обоих) участников общения снять психологическое напряжение за счёт собеседника, часто конфликтная ситуация заканчивается коммуникативной неудачей.

Основываясь на своём определении конфликта, К. Ф. Седов выявляет разные типы (стратегии) речевого поведения языковых личностей в коммуникативном конфликте:

1. Инвективная стратегия конфликтного поведения демонстрирует пониженную знаковость: коммуникативные проявления здесь выступают отражением эмоционально-биологических реакций и выливаются в аффективную разрядку в форме брани, ругани (инвективы).

2. Куртуазная стратегия, наоборот, отличается повышенной семиотичностью речевого поведения, обусловленного тяготением говорящего к этикетным

формам социального взаимодействия. В качестве крайней формы аффекта в этом случае предпочтение отдается плачу.

3. Рационально-эвристическая стратегия речевого поведения в ситуации конфликта опирается на рассудочность, здравомыслие. Этот тип разрядки тяготеет к смеху, как аффектной реакции. Негативные эмоции в этом случае выражаются косвенным, непрямым образом.

Л.П. Семененко, рассматривая конфликтное коммуникативное поведение, отмечает, что несоблюдение правил диалогического взаимодействия может быть двух видов – неканонизированное и канонизированное.

1. Неканонизированное нарушение максим диалога в свою очередь включает произвольные и произвольные нарушения максим. К их числу относятся все те ошибки и осечки, которые допускает говорящий, действуя вопреки нормам диалога, но при этом не считает нарушение диалогических максим своей коммуникативной задачей. Они могут быть следствием коммуникативного дискомфорта, испытываемого говорящим; они также могут иметь своим следствием коммуникативный дискомфорт или невозможность продолжать диалог. Если, например, нарушается грайсовская максима Количества – «Не делай чрезмерно информативных сообщений», то совсем не обязательно, что нарушение этой максимы было запланировано. Вполне возможно, что говорящий лишь терпит коммуникативную неудачу, слишком активно пытаясь убедить собеседника в истинности своего утверждения.

С другой стороны, нарушение максимы Качества – «Не говори того, что ты считаешь ложным» – уже вполне произвольно, так как говорящий сознательно пытается обмануть партнёра или заставить его поверить в истинность того, что он не может подтвердить.

2. Примером канонизированного несоблюдения максим диалога можно считать монолог как тип общения. В условиях монолога все правила диалогического общения недействительны. Участники монолога знают о существовании правил диалога, но не применяют их по отношению друг к другу. Из этого не следует, что они эти правила нарушают. Монологическое общение подчиняется особым правилам взаимодействия, и уже этим несоблюдение правил диалога здесь возведено в закон, канонизировано [3, 140-144].

Другой сферой узаконенного, канонизированного несоблюдения диалогических максим, по мнению Л.П. Семененко, является театр абсурда. Здесь говорящие постоянно нарушают правила диалогического общения и не предпринимают никаких мер для исправления ситуации, не производят никакой коррекции, что обусловлено их общим принципиальным неприятием правил диалога [3, 145-149]. Таким образом, участники диалога могут произвольно или непроизвольно нарушать максимы общения. В монологе максимы диалога не нарушаются: их несоблюдение регулярно, оно соответствует постулатам монологического взаимодействия.

Согласно Н. В. Муравьевой, логика возникновения коммуникативных конфликтов будет различной в

зависимости от того, с позиции какого участника коммуникации она рассматривается. Проверка вероятности возникновения конфликтных ситуаций, связанных с речевым поведением, с позиции адресанта идёт в такой последовательности (конструирующая программа).

1. Какие отношения могут и должны быть установлены между мной и адресатом в ходе этой коммуникации; как я должен относиться к адресату, чтобы избежать конфликта?

2. Как я должен выразить собственные мысли при передаче их адресату, чтобы добиться своих целей в ходе коммуникации и избежать конфликта?

3. Как я могу выразить свою индивидуальность и должен ли я учитывать индивидуальность моего собеседника?

Та же проверка с позиции адресата имеет иную последовательность (принимаящая программа):

1. Как адресант выражает собственные мысли?

2. Какие отношения складываются между нами в ходе коммуникации?

3. Насколько он проявляет свою индивидуальность и насколько позволяет проявиться моей индивидуальности?

Необходимо отметить, что приведённые «программы» Н. В. Муравьевой достаточно полно иллюстрируют процесс возникновения коммуникативных конфликтов с позиций участников коммуникации, однако автор не учитывает другие составляющие коммуникативного акта (например, коммуникативный текст, обстоятельства коммуникативного акта, практические и коммуникативные цели и др.), которые также могут стать фактором неуспешной коммуникации. Кроме того, необходимо заметить, что в реальной ситуации речевого общения один и тот же субъект одновременно реализует обе программы проверок – принимающую и конструирующую (адресат оценивает то, как говорит адресант, и в то же время обдумывает, какие отношения могут и должны быть установлены между ним и его собеседником в ходе этой коммуникации) [4, 26]. Это в какой-то степени может повлиять на эффективность коммуникации и послужить причиной многочисленных сбоев в общении.

Особенность коммуникативного конфликта состоит в том, что его участники никогда – или почти никогда – не осознают ни предмета, ни объекта конфликта; отражение конфликтной ситуации в глазах коммуникантов редко соответствует реальному положению дел. Как правило, они подменяют подлинный конфликт речевых или контактных решений – конфликтом психологическим, а потому коммуникативный конфликт в большинстве случаев остаётся неразрешённым [4, 23].

Рассматривая коммуникативные конфликты как явление отрицательное, необходимо, прежде всего отметить, что в большинстве случаев они разрушают саму систему взаимодействия между людьми, делают её неэффективной, вследствие чего люди стремятся их избежать. Однако реакция на коммуникативный конфликт может быть очень разной – от «я никогда не

буду слушать человека, который говорит неправильно» до «пусть этот человек делает неправильное ударение, я готов его простить, потому что он говорит об интересных вещах». Но сама ситуация «прощения» за то или иное речевое поведение – это свидетельство разногласия по поводу того, как должно протекать общение, иными словами, косвенное доказательство коммуникативного конфликта [5, 56].

Чтобы лучше понять природу возникновения конфликтов, необходимо тщательное изучение процесса коммуникации. Итак, чтобы коммуникация возникла, необходим ряд условий: во-первых, нужна потребность участников именно в этом действии, коммуниканты должны осознавать, что имеются различные интересы

и их невозможно достичь при уже существующих условиях, т. е. наступает момент, когда необходимо совместное согласование различий, во-вторых, основанием для согласования является познание и принятие интересов другого. Природа конфликта заключается именно в том, что он возникает из различий, имеющихся у субъектов, которые вступают во взаимодействие. Главная проблема – обеспечить в этом процессе рациональные, логичные, конструктивные отношения между ними, используя не насилие, а полную информацию (факты, доводы, примеры). Таким образом, на основании процитированных нами различных точек зрения ученых в статье сделаны выводы о возможных стратегиях поведения коммуникантов в ситуациях коммуникативного конфликта.

Библиографический список

1. Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1985. С. 64-78.
2. Мартынова Е. М. Предпосылки возникновения коммуникативного дискомфорта, определяемые относительно трехуровневой структуры речевого акта // Язык и коммуникация: изучение и обучение: сборник статей. Орёл: ОГУ, 2000. Вып. 6. С. 17-20.
3. Семененко Л. П. Аспекты лингвистической теории монолога. М.: Московский гос. лингв. ун-т, 1996. 324 с.
4. Муравьёва Н. В. Язык конфликта. М.: Издательство МЭИ, 2002. 264 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusexpert.ru>
5. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Истоки, 2001. 245 с.

References

1. Gorodetskij B. Ju., Kobozeva I. M., Saburova I. G. About the typology of communicative faults // Dialogue interaction and knowledge presentation. Novosibirsk: VTs SO AN USSR, 1985. Pp. 64-78.
 2. Martynova E. M. Causes of communicative discomfort occurrence in speech viewed from the point of triangle structure of speech act // Language and communication: studying and teaching: collection of articles. Orel: OSU, 2000. Issue 6. Pp. 17-20.
 3. Semenenko L. P. Aspects of lingual theory of monologue. M: Moscow lingual state university, 1996. 324 p.
 4. Muravjeva N. V. Conflict language. M: Publishing house MEI, 2012. 264 p. [electronic source]. Access mode <http://www.rusexpert.ru>
 5. Sternin I. A. Introduction into speech impact. Voronezh: Istoki, 2001. 245 p.
-

УДК 811.161.1

UDC 811.161.1

М.В. ГЛАЗУНОВ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных и русского языков, Академия Федеральной службы охраны РФ
E-mail: m-glazunov@mail.ru

M.V. GLAZUNOV

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign and Russian languages, Federal Guard Service Academy of the RF
E-mail: m-glazunov@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ ЦЕЛИ

SEMANTIC TYPES OF COMPLEX SENTENCES WITH THE CLAUSES OF PURPOSE

Решая вопрос о том, что такое сложноподчинённые предложения (далее – СПП) целевого типа, учёные выделяют несколько семантических разновидностей этих конструкций, две из которых являются основными. Это предложения собственно-целевые и несобственно-целевые, или обосновывающе-целевые.

В данной статье попробуем ответить на вопрос: почему целевые СПП не являются однозначным, монолитным типом.

Ключевые слова: собственно-целевые предложения, обосновывающе-целевые конструкции, предложения антицели, предложения отвергнутой цели, синкретичные конструкции.

When deciding on what complex sentences (hereinafter – CS) of purpose are, scientists have identified a number of varieties of these semantic structures, two of which are the fundamental ones. They are sentences of purpose proper and sentences of purpose improper.

The author of the article tries to answer the question: why CSs of purpose are not of monosemantic, monolithic type.

Keywords: complex sentences of purpose proper, complex sentences of purpose improper, sentences of anti-purpose, sentences of rejected purpose, syncretic constructions.

Основное значение целевых СПП – выражение целенаправленного, желательного следствия в результате активного действия – часто претерпевает в речи изменения, обусловленные структурой обеих частей СПП, союзами, каждый из которых может вносить в значение свой оттенок, лексическим наполнением частей, особенно, главного предложения, порядком частей.

В с о б с т в е н н о - ц е л е в ы х предложениях, – пишет В.А. Белошапкова, – «главная часть не может иметь значения статического пассивного состояния: для неё обязательно значение динамического, активного действия» [2]. Правда, автор уточняет: слова, не имеющие значения активного действия, могут приобретать это значение в контексте и поэтому могут употребляться в главной части: *Полтора года я был в лагере – и в ы ж и л, чтобы прийти сюда* (Бакланов) (там же).

Понятие активности действия субъекта главного предложения не следует понимать буквально и преувеличивать. Например: *Я в этот мир п р и ш ё л, чтоб видеть солнце* (Бальмонт). Глагол *п р и ш ё л* имеет переносное значение «появился». Однако здесь тоже собственно-целевое СПП. Можно даже говорить об активной целенаправленности действия – с о с т о я н и я: *Вот Афанасий покойный чем ещё был хорош: молчать умел. А это великое дело – м о л ч а т ь, чтобы лишние слова не скакали* (Ю. Герман) [11].

Следовательно, собственно-целевыми являются предложения, в которых придаточное выражает цель действия, не осложнённую дополнительными смысло-

выми оттенками.

Вторая разновидность целевых конструкций – несобственно-целевые, или обосновывающе-целевые предложения.

Обосновывающе-целевые – это такие СПП, в которых желательный результат служит одновременно и обоснованием необходимости того или иного предмета, действия, достаточности или недостаточности предметов, признаков, чтобы вызвать нужное для говорящего следствие, а также такие, в которых придаточное выражает назначение предмета: 1) *Н у ж е н постоянный и долгий н а в ы к, для того чтобы открыть истинное состояние этого народа* (Добролюбов); 2) *Лена: – Уже первый час, н а д о т о р о п и т ь с я домой, для того чтобы завтра поспеть на урок* (Алексин); 3) *Неужели в самом деле я здесь только д л я т о г о, чтобы разглядывать этого старика* (Достоевский) [11].

Обосновывающе-целевые предложения со значением необходимого основания, как отмечает В.А. Белошапкова,¹ лексически связаны: в составе главной части часто употребляется лексический выразитель значения необходимости: *н а д о, н у ж н о, н у ж н ы й, н о н а д о б и т ь с я* и другие. Например: *Чтобы всегда говорить правду, н у ж н о (т р е б у е т с я, н е о б х о д и м о) много мужества* [2].

Придаточная часть семантически тяготеет к выражающей необходимость лексеме, которая, в силу характера

¹ В.А. Белошапкова называет их несобственно-целевыми СПП (2: 726).

своего значения, предполагает наличие объектного или целевого распространителя. Например: *Для ребёнка (ребёнку), чтобы занять его, нужна интересная книга* [2].

Требуется разъяснения спорный вопрос о предложениях, построенных по формуле *достаточно* (*довольно*)..., **чтобы**. Например, ... *Того, что нашёл сиявший от этой удачи старичок-архивариус, было достаточно, чтобы Лонсевиль ожил в моём воображении* (Паустовский). По мнению Г.Д. Фигуровской, в таких предложениях наблюдается значение достаточного средства для достижения цели и [9]. Целевыми такие СПП считают Л.Ю. Максимов [4], Е.А. Иванчикова [5]. Правда, все авторы отмечают, что значение цели в таких СПП или выражено слабо, или осложняется другими значениями.

Другая точка зрения: рассматриваемые конструкции содержат не цель, а следствие, причём в главном предложении названо условие: *Достаточно о малейшего шороха в сенях или крика во дворе, чтобы он поднял голову и стал прислушиваться* (Чехов). И.П. Распопов называет такие предложения условно-следственными [7].

Однако внимательный анализ даёт основание дифференцированно подойти к оценке таких конструкций. Сравним два предложения: 1) *Двух картофелин достаточно, чтобы накормить зверька*; 2) *Я достаточно хорошо знаю своего приятеля, чтобы не обижаться на его резкие слова*.

В.А. Белошапкова считает, что оба предложения являются несобственно-целевыми [2].

Хотя форма связи у них одинаковая, но значения разные. В первом примере целевое значение не вызывает сомнений: *Двух картофелин достаточно (для чего? для какой цели?), чтобы накормить зверька*, то есть для его насыщения. Во втором от главного к придаточному нельзя поставить вопрос *для чего? для какой цели?*, нельзя придаточное преобразовать в обстоятельство цели, зато оно легко трансформируется в придаточное *следствие*: *Я достаточно хорошо знаю своего приятеля, так что не обижаюсь на его резкие слова*.

Следовательно, СПП, построенные по формуле *достаточно*..., **чтобы**, могут иметь и целевое, и следственное значение.

Разграничить цель и следствие помогает замена союза **чтобы** союзом **для того чтобы**, преобразование придаточного в бесспорное предложение следствия.

А.К. Фёдоров указывает и некоторые структурные особенности таких СПП, которые дают возможность определить, целевое или следственное это предложение.

Если в главном предложении нет полнозначного глагола, а наречия *достаточно*, *довольно* обозначают достаточность предметов, названных в главном предложении, то придаточное выражает цель, точнее, назначение этих предметов: *В музее натуралисты с первых слов заявили, что...на месте...вполне достаточно ожить и выхсиль, чтобы взяться за дело немедленно* (Пришвин).

В таких предложениях может выражаться и значение недостаточности количества предметов, не-

обходимых для достижения цели, содержащейся в придаточном, тогда в главном предложении употребляются слова *не достаточно, мало*: *Мало слов у меня, чтобы намекнуть на всё великолепие птичьего концерта...* (Пришвин) [10].

А.К. Фёдоров выделяет и бесспорно следственные СПП со словами *достаточно, довольно*. В таких СПП эти слова связываются не с существительными, а с неопределённой формой глагола, образуя с ней составное сказуемое. В этом случае главное предложение выражает условие, достаточное для того, чтобы могло последовать предполагаемое следствие, заключённое в придаточном предложении: *Достаточно было ему [ученику] только пошевелиться, чтобы понасть вдруг под гнев* (Гоголь).

Такое же значение, по мнению А.К. Фёдорова, имеют придаточные в конструкциях, в главном предложении которых глагольная форма *столит* (*стоило*) вместе с инфинитивом образует составное глагольное сказуемое: *Стоило взглянуть на Пекторалиса, чтобы оценить, как он серьёзно понимает значение этой торжественной минуты* (Лесков) [10].

А.К. Фёдоров затрагивает также вопрос и об отграничении придаточных цели от придаточных условных, рассматривая конструкции, которые имеют в главном предложении соотносительное слово *с тем*. Придаточные предложения в таких СПП могут быть и условными, и целевыми.

Разграничить цель и условие помогает замена указательного слова *с тем* бесспорными целевыми сочетаниями *с той целью, с тем условием*: 1) *Была у него [отца Сергия] очень искусно вырезанная из дерева статуэтка какого-то святого, но он её показал мне всего только один раз и то с тем [=с тем условием], чтобы я никому не говорил* (Лесков). Это СПП с придаточным условным. 2) *Олег... повёл группу почти на север с тем [=с той целью], чтобы в районе Гундоровской перейти замёрзший Северный Донец* (Фадеев). Здесь придаточное целевое [10].

Среди сложноподчинённых целевых конструкций можно выделить особую группу – предложения *а н т и ц е л и*. В главной части таких конструкций «субъект действия представлен действующим не сознательно и целенаправленно, а в силу сложившихся обстоятельств, либо является предметом неодушевлённым: *Его долго носило по свету, и, наконец, он приехал сюда, чтобы через полгода умереть здесь от малярии; Ветер утихает, чтобы через мгновение задуть с новой силой*» [2]. На специфику таких СПП своё внимание обратила и С.Г. Ильенко. Она назвала их конструкциями с перечислительно-целевым оттенком значения и считает, что целевое значение придаточного в них настолько трансформируется, что превращается в свою противоположность: *Только по постоянному хлопанью дверей Иудушка догадывался, что Евпраксеюшка за чем-нибудь прибежала к себе в комнату, чтобы вслед за тем опять исчезнуть* (С.-Щедрин) [3].

М.В. Ляпон, рассматривая эти конструкции, отмеча-

ет: в них «значение целенаправленности, целесообразности, преднамеренности уступает место отношениям соединительным (1) или противительным (2): 1) *Но время шло. Меняли реки русла. И жили мы, не тратя лишних слов, **Чтоб** к вам прийти лишь в пересказах устных да в серой прозе наших дневников* (Н. Майоров), 2) *Садовод любовно ухаживает за яблонькой, **чтоб** её сломал хулиган*» [8].

В таких предложениях действительно вторая часть не имеет целевого значения и отношения между частями ближе к сочинительным: соединительным (1) или противительным (2). Ср.: 1) *И жили мы, не тратя лишних слов, **и** приходили к вам лишь в пересказах устных...*; 2) *Садовод любовно ухаживает за яблонькой, **но** её ломает хулиган*.

Кроме двух основных разновидностей СПП целевого типа, мы выделяем ещё две семантические разновидности: предложения *отвергнутой цели* и *синкретичные СПП*.

В СПП со значением отвергнутой цели – третья разновидность – придаточное предложение с главным связывается союзом **вместо того (,) чтобы**.²

А.М. Пешковский [6] считает такие конструкции и союз в них *изъяснительными*. С такой квалификацией трудно согласиться. Ведь *придаточные* и *изъяснительные* отвечают на падежные вопросы и относятся к членам предложения, которые имеют значения речи, мысли или чувства.

Однако никакого вопроса к придаточным отвергнутой цели нельзя поставить, и относятся они ко всему главному предложению. Например: *Дворяне, **вместо того чтобы** сравниться с рыцарями, источали недавно приобретённые поместья* (Сергеев-Ценский).

Нам кажется, удачный термин предложил А.К. Фёдоров — *придаточные отвергнутой цели* [11].

2 Термин с о ю з мы используем для обозначения и союза, и союзного сочетания вместо того (,) чтобы.

Четвёртую семантическую разновидность образуют *синкретичные СПП*. Придаточное цели в этих конструкциях осложнено разными дополнительными смысловыми оттенками.

На проблему синкретизма синтаксических конструкций вообще и сложноподчинённых предложений в частности обращают внимание многие учёные.

Специально этой проблеме посвятила свой труд В.В. Бабайцева. В монографии «Переходные конструкции в синтаксисе» она изложила результаты своих исследований, подробно описала переходные явления в СПП изъяснительного типа с придаточными, совмещающими субъектное значение с объектным, субъектное с обстоятельственными, а также синкретичные СПП с придаточными, имеющими обстоятельственное значение [1]. Но в книге В.В. Бабайцевой нет характеристики синкретичных СПП целевого типа.

А.К. Фёдоров, разрабатывая эту проблему, выявил причины переходности в СПП и условия, которые создают многозначность этих конструкций, и наметил основные типы синкретичных СПП [12].

На основе анализа языкового материала выделяются четыре группы синкретичных СПП целевого типа: 1) определительно-целевые (*Надо поставить свою жизнь в та к и е у с л о в и я, **чтобы** труд был необходим* (Чехов); 2) определительно-изъяснительно-целевые (*Кабинет министров д а л з н а к г о л о в о ю* (какой? о чём? с какой целью?), ***чтобы** секретарь садился* (Лажечников); 3) условно-целевые (*А ежели вам сказали, что я отдаю вам хлеб с тем, **чтобы** вы остались здесь, то это неправда* (Л. Толстой); 4) причинно-целевые (*Ему казалось, что Богданыч едет б л и з к о, **чтобы** показать Ростову свою храбрость* (Л. Толстой).

Таким образом, в состав сложноподчинённых предложений целевого типа входят собственно-целевые, обосновывающе-целевые, сложноподчинённые предложения отвергнутой цели и синкретичные конструкции.

Библиографический список

1. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1997. 391 с.
2. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.
3. Ильенко С.Г. К вопросу о сложноподчинённом предложении с придаточным цели в современном русском языке// Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1963. Т. 248. С. 135-144.
4. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1997. 191 с.
5. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в строе сложноподчинённого предложения в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964. 264 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Просвещение, 1956. 512 с.
7. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж: издательство Воронежского университета, 1994. 352 с.
8. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.
9. Фигуровская Г.Д. Системные связи сложных предложений в современном русском языке. М.: Прометей, 2006. 205 с.
10. Фёдоров А.К. Отграничение придаточных цели от других видов подчинённых предложений// Русский язык в школе. 1959. №6. С. 56-63.
11. Фёдоров А.К. Система подчинительных союзов в современном русском языке. Дисс.... докт. филол. наук. Т. 1-3. Орёл, 1972. 1086 с.
12. Фёдоров А.К. Спорные вопросы теории сложноподчинённого предложения. Курск: издательство Курского государственного университета, 1982. 89 с.

References

1. Babaytseva V.V. Transitional syntax structures. Voronezh Central Black Earth Book Publishers, 1997. 391 p.
 2. Grammar of the modern Russian literary language. M.: Science, 1970. 767 p.
 3. Ilienکو S.G. Considering a complex sentence with a subordinate clause of purpose in the modern Russian language // Scientific notes of Herzen LSPI. 1963. Vol. 248. Pp. 135-144.
 4. Kryuchkov S.E., Maximov L.Y. Modern Russian language. Syntax of a complex sentence. M.: Education, 1997. 191 p.
 5. Essays on historical grammar of the Russian literary language of the XIX century. Changes in the structure of a complex sentence of the Russian literary language of the XIX century. M.: Science, 1964. 264 p.
 6. Peshkovski A.M. Russian syntax in a scientific light. M.: Education, 1956. 512 p.
 7. Raspopov I.P., Lomov A.M. Fundamentals of Russian grammar. Morphology and syntax. Voronezh: Voronezh State University Publishing, 1994. 352 p.
 8. Russian grammar. Vol. II. Syntax. M.: Science, 1980. 710 c.
 9. Figurovskaya G. D. System connections of complex sentences in the modern Russian language. M.: Prometheus, 2006. 205 p.
 10. Fedorov A.K. Delimitation of clauses of purpose from other types of subordinate clauses // Russian language at school. 1959. № 6. Pp. 56-63.
 11. Fedorov A.K. The system of subordinating conjunctions in the modern Russian language. Dissertation Paper of Doctor of Philology. Vol. 1-3. Orel, 1972. 1086 p.
 12. Fedorov A.K. Controversial issues of the theory of a complex sentence. Kursk: Kursk State University Publishing House, 1982. 89 p.
-

УДК 413.0: 882+ 482: 882

UDC 413.0: 882+ 482: 882

О.А. ГОЛОВАЧЕВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра
русского языка, Брянский государственный универ-
ситет
E-mail: golovacheva-olga@mail.ru

O.A. GOLOVACHEVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department
of the Russian language, Bryansk State University
E-mail: golovacheva-olga@mail.ru

**КАТЕГОРИЯ СВОЙ – ЧУЖОЙ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ
В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.С. ЛЕСКОВА**

CATEGORY IT – STRANGER AND LINGUISTIC MEANS OF ITS EXPRESSION IN N. S. LESKOV'S EARLY JOURNALISM

В статье рассматриваются лексические и фразеологические единицы с компонентом оценки в системе парадигматических отношений. Основное внимание уделяется языковым средствам экспликации категории свой – чужой.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, ранняя публицистика, оценочные средства, категория свой – чужой.

The article deals with lexical and phraseological units with the component of assessment in the system of paradigmatic relations. It focuses on the linguistic means of expressing the category of friend or foe.

Keywords: N.S. Leskov, early journalism, assessment tools, category friend or foe.

Н.С. Лесков вошел в литературу в 60-е годы XIX века как публицист «обоих столиц». В этот период им созданы произведения разных жанров, в том числе цикл статей «Русское общество в Париже» (1863 г.), который автор определил как *очерки в письмах к редактору журнала*. В данной работе автор представляет европейскую жизнь через восприятие ее простыми людьми, слугами, приехавшими вместе с господами во Францию, студентами, им самим... Н.С. Лесков показывает своих соотечественников, находящихся за пределами родины, в ином этнокультурном пространстве, где у русского человека меняется мировидение и мировосприятие, формируется новая шкала ценностей, что отражено через многочисленные экспрессивные языковые единицы.

Публицист констатировал: у русских нет единения, взаимопомощи и поддержки; напротив, они разделены на два главных типа: *елисеевцы и латинцы*. Называются так по месту расселения. С сожалением автор фиксирует: *рассеянность и отсутствие всякой живой общественной связи лишают их всякой силы, и русский гигант легче пропадает в Париже, чем всякий пигмей молдав, серб и чех* [Лесков, т.3, 201; здесь и далее цит. по указанному источнику]. Это означает, что исполинская духовная сила наших людей утрачивается от их разобщенности.

У каждой группы русских, таким образом, создается свое представление о французах и других европейцах, особенностях их и своей жизни, но наиболее ярко это преломляется в речевых партиях представителей простого народа, как правило, слуг. Их Н.С. Лесков аттестует так:

Я и теперь не хочу обидеть русских людей, не бывавших за границей, когда скажу, что мне не до-

водилось дома встречать сплошь и рядом такого количества прекрасных русских простолюдинов, каких я узнал в Берлине, Ницце и Париже.

Положительнооценочная лексема *прекрасный* и словосочетание *такое количество* в значении «много» отражают восхищение автора своими соотечественниками, которое конкретизировано за счет лексических и фразеологических единиц в других контекстах:

Скрывай не скрывай, а сознаться должно, что мы, во-первых, большие мастера и еще большие охотники воровать. “Нонче народ вор”, “нонче народ шельма”, – слышится беспрестанно из уст самого народа. “Плохо не клади, слуги в грех не вводи”, – говорят барыни и барышни всего волжского бассейна. А в Париже о таких художествах, как воровство, и помину нет.

Пословица *плохо не клади, вора в грех не вводи* трансформирована автором путем субституции *вор/слуга*. Характерные черты простолюдина-вора эксплицированы в многочисленных русских пословицах (*плохо не клади, вора в грех не вводи; доброму вору все впору; на каждого вора много простора* и др.). Констатируя склонность своего народа к воровству, Н.С. Лесков отмечает, что это занятие никогда пороком не считалось, потому что «русский человек может допускать бесчестность, может грабить и наживаться нечистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать богатство высшей ценностью... в глубине души он благоговеет перед святостью» [Сохряков, 158]. Отсюда парадоксальная с точки зрения рационального мышления русская пословица *Добрый вор без молитвы не украдет* [Даль, т. 1, 410 (далее – ТСД)]. По наблюдению русского философа Н.А. Бердяева, «В отличие от западных народов, живущих честностью, русский человек живет святостью» [Бердяев, 48].

Н.С. Лесков отмечает: этот русский человек, *вор и шельма*, пребывая во Франции, претерпел ассимиляцию в европейском пространстве (*в Париже...о воровстве и помину нет*). Трансформации личности касаются не только данного аспекта – проходят по всем направлениям, приводя к переосмыслению своей жизни и устоев социума. В публицистических и художественных произведениях Н.С. Лескова, где имеет место сопоставление российских и зарубежных условий («Русское общество в Париже», «Сказ о косом Левше и о стальной блохе» и др.), частотно употреблены языковые и авторские антонимы, демонстрирующие широту восприятия чужого, смену устоявшихся представлений о правильном и ошибочном, например:

Русский простолюдин, уезжая со своими русскими господами за границу, питает то убеждение, что за границей люди, что называется, с голоду пухнут и что сытая и довольная жизнь возможна только у нас, где, мол, даже свиней кочерыжками кормят.

Контекстные антонимы за границей – у нас, с голоду пухнуть – сытая и довольная жизнь, Западная Европа – своя Русь, парижская нищета – московское довольство и др. репрезентируют метаморфозы, происходящие в мировоззрении простых русских людей, получивших возможность осознать свое унижительное по отношению к зарубежному коллеге положение. Сложившееся этносоциальное представление о роли слуги, готового, по библейской заповеди (несколько трансформированной на русской почве), душу свою положить за господина или госпожу, оказывается неуместным в европейском мире прагматических добродетелей. Духовная энергия русского простолюдина, направленная на спасение души, меняет вектор устремленности на бытовые блага. Интенция восприятия образа жизни западного слуги находит отражение в компонентах многочисленных синонимических и антонимических парадигм:

Первейшие западники за границей – это русский plebs, русские простолюдины, т. е. русская прислуга. Они не веселятся в Западной Европе, не считают ее землей обетованной и всей душой стремятся к своей холодной родине; но – увь! – уже не тем они возвращаются сюда, на свою Русь, чем были до рокового дня своего отъезда за границу. Увь! они возвращаются страшными, несправимыми западниками.

Синонимический ряд (*русский*) plebs, (*русские*) простолюдины, (*русская*) прислуга, работник, слуга наряду с единицами русского языка включает варваризм plebs, сигнализирующий о глобальной перемене в мировоззрении русских слуг. Автор отмечает: это уже западники. Данный субстантив можно рассматривать как оценочную единицу, усиленную за счет контекстных партнеров *первейшие, несправимые*. Адъективы *неисправимый* – «упорный в своих привычках, убеждениях» [Словарь русского языка в 4-х тт., т. 2, 448 (МАС)] и *первый* – «превосходящий других себе подобных» [МАС, т. 3, 44] – в силу семантического наполнения не предполагающий в узусе форму суперлатива, характеризуют тип по-прежнему верного своему хозяину русского слу-

ги, который *ругается и грубит оттого, что ему хочется плакать слезами*.

В данной работе Н.С. Лесков нередко использует избыточные в смысловом наполнении сочетания. Нами отмечены две тождественные синтагмы с компонентом ‘слезы’ (*расплакался до слез, плакать слезами*). В семантическую структуру глагола *плакать* («под действием эмоций начать проливать слёзы») входит компонент ‘слезы’, вследствие чего употребление его в контексте является избыточным. Н.С. Лесков преднамеренно конструирует эти сочетания, чтобы, прежде всего, пробудить в читателе сочувствие к судьбе слуги, который, как любой член общества, должен иметь достоинство, самоуважение, о чем русский простолюдин не задумывался на родине, т.к. для этого нет предпосылок. Приехав в Европу, он видит, что особая комната для каждого слуги здесь не только не считается роскошью, но что здесь даже немисливо иметь слугу без предоставления ему удобного **человеческого** помещения.

Ключевой в данном контексте выступает лексема *человеческое* (помещение), т.е. «достойное человека» [ТСД, т.4, 971]. Автор не дублирует адъектив применительно к другим проявлениям бытового диапазона, однако контексты весьма красноречиво свидетельствуют об этом, фиксируют разницу жизни русских и европейских работников:

...не только всякий лакей, горничная или нянька, а каждый поденный работник, грабарь и мусорщик, идущи на работу, не только напьется кофе, но и непременно выпьет стакан абсента, за обедом опять выпьет полбутылки, а то так и целую бутылку вина, а вечером опять абсента.

Здесь две лексико-семантические группы показательно демонстрируют уровень жизни за границей. ЛСГ ‘работники’, включающая лексемы *лакей, горничная, нянька, грабарь, мусорщик* и сочетание *поденный работник*, номинирует неквалифицированный, а значит и самый низкооплачиваемый труд. Искреннее удивление наших соотечественников вызывает наличие у названных работников свободного времени в течение дня (*идущи на работу, за обедом, вечером*) и средств, о чем на имплицитном уровне сигнализирует ЛСГ ‘напитки’ (*кофе, абсент, вино*). Таким образом, номинативные единицы указанных лексико-семантических групп в контексте служат средством создания положительной оценки вследствие отражения поддерживаемых и одобряемых признаков (наличие свободного времени, достаточность средств, доступность общественных заведений и др.). По наблюдению Л.А. Аннинского, за границей «у русского человека просыпается дремавшее дотоле личное достоинство. И просыпается оно – уязвленным» [Аннинский, 479]. Свобода от рабства, унижительных оскорблений «пробуждает в человеке не достойного, разумного гражданина, а хитрого или глупого, но обязательно обиженного амбициозного мстителя» [Головачева, 14].

Резюме автора, эксплицированное через ЛСГ, синонимические и антонимические парадигмы, подводит

читателя к умозаключению о необходимости задуматься не только над положением слуги, но и над положением любого человека - труженика в России.

В 60-е годы Н.С. Лесков создаст целый ряд публицистических произведений по данной проблематике. В них рассмотрены вопросы русских людей, состоявших «не у дел», в статье с одноименным названием (*в последнее время у нас явилась весьма чувствительная цифра людей... поставленных лицом к лицу с приятным положением не получать никакого запроса на свой труд*); образованной молодежи, стремящейся получить работу в соответствии со своим образованием («Практическая заметка», «О соискателях коммерческой службы», «Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России», «О найме рабочих людей») и др. Особую озабоченность выражает автор в отношении наемного труда женщин. Желание русского публициста-патриота выровнять социально-экономический крен, упрочившийся в обществе, отражено в статьях «О женском отделении нашей типографии», «О наемной зависимости» и др. Эпиграфом к работе «О наемной зависимости» взята русская пословица *Нанялся – продался*. Рассуждая над дикостью такого подхода к работнику, автор говорит: *Ни в одной стране, где труд – свободное достояние человека, не думают, что нанялся – значит продался*.

Развивает свою мысль Н.С. Лесков через текстовую тематическую группу лексем, фиксирующих физиологические и нравственные составляющие человека (*мышцы, дыхание, убеждения, честь*), получающие оценочную коннотацию положительного регистра в силу того, что отражают постулаты долженствования. Члены данного лексического объединения в контексте вступают в отношения противопоставленности со словом *труд* – «целенаправленная деятельность человека, требующая умственного или физического напряжения» [МАС, т. 4, 416]:

Везде человек отдает только свой труд; а у нас он нанимается сам, он продает нанимателю не только свой определенный труд, но все свои мышцы, свое дыхание, свои убеждения и нередко даже свою честь. Словом, по настоящему смыслу приведенного изречения народной мудрости, он продается сам.

Публицист наглядно демонстрирует попираание нравственных, этических норм, варварское отношение к человеку, нанятому на работу, в России. Отсутствие уважения к личности отражают контекстные антонимы *везде – у нас; отдает только свой труд – нанимается сам, продается сам*.

Проводником авторской интенции выступает здесь слово *свой* – «принадлежащий себе, свойственный себе самому, собственный» [МАС, т. 4, 55]. В языковой системе слово противопоставлено адъективу *чужой* – «принадлежащий другому, являющийся собственностью другого» [МАС, т.4, 692].

В контексте Н.С. Лескова компонент ‘чужой’ наличествует имплицитно в слове *везде* – «во всех местах, всюду, повсюду» [МАС, т.1, 145]; ср.: *везде – у нас. В*

ряде случаев он конкретизирован (*парижская нищета богаче московского довольства*). Здесь элемент ‘чужой’, ярко выступающий в прилагательном *парижский*, противопоставлен ‘своему’ в слове *московский*. Данная антонимическая пара обуславливает функционирование другой (*нищета – довольство*), где *нищета* – «крайняя бедность, убожество, скудость, нужда и недостаток» [<http://glosum.ru/>]. Узуальный антоним слову *нищета*, согласно лексикографической фиксации, – *богатство, обилие*. В лесковском тексте коррелятом к субстантиву *нищета* выступает слово *довольство* – «материальный достаток, зажиточность» [МАС, т.1, 414], в семантике которого отсутствует компонент ‘очень’, обязательный для смыслового наполнения единицы *обилие*. В тандеме *парижская нищета – московское довольство* выпукло обозначено противостояние своего, родного, близкого, и чужого, иного, далекого. Но чужое объективно оказывается более привлекательным, чем свое.

По наблюдению В.В. Леденёвой, концепты СВОЙ-ЧУЖОЙ «принадлежат к социальному фрагменту языковой картины мира, антропоцентрированы» [Леденёва, 106]. Передаваемые ими представления характеризуют одобряемую/осуждаемую в социуме этическую платформу, в соответствии с которой должны быть реализованы нравственные нормы и модели поведения, что отмечено в многочисленных пословицах и поговорках русского народа, которые, «выступая в роли общеизвестных истин, заключенных в отточенную веками образную форму, подпитывают нашу мысль, дисциплинируют логику суждений, помогают более глубоко высветить новое старым опытом народа» [Хлебцова, № 6, 73]:

Держи свой табак, а на чужой не надейся. Свое береги, чужого не зори. Свое горе – велик желвак; чужая болячка – почесушка. Чужую беду на бобах разведу, а к своей и ума не приложу. Чужой дурак – смех, а свой дурак – стыд. Свои женихи не берут, а за чужого идти не хочется. Кому от чужих, а нам от своих. Он сошел с ума, да не с своего, а с чужого. Береги чужое, а свое как знаешь. Уж лаяла бы собака чужая, а не своя! Свои собаки гложись, а чужая не вяжись. Свои собаки грызутся, чужая не суйся. Говоря про чужих, услышишь и про своих. Пока под чужой крышей не побываешь, своя где течет, не узнаешь. [http://v-dal.ru/word_s-112512.html].

Рядом паремий в диапазоне *свой – чужой* фиксируются аксиологические ценности, формирующие нравственные ориентиры человека:

*Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу. Чужим добром не разживешься. Чужая пожива не разжива. Чужое взять, свое потерять. По чужую голову идти – свою нести. Не смейся чужой беде, своя на гряде. Однако народная мудрость отражает и другое представление о чужом, куда включены признаки вседозволенности (*В чужой дом ни за чем зашел, чужую вещь невзначай унес*), полной, абсолютной отстраненности (*Чужое горе (печаль) не болит. Чужая болячка в боку не сидит. На чужую беду глядя, не казнятся*) или отстраненности с показным эффектом участия (*Чужое горе воплгоря горевать*), издевки (*Чужой человек не**

на утеху, на просмех.). В паремиях данного типа может не быть эксплицирован коррелят *свой*, заполняющий периферийную зону только в единице *На чужой стороне и сокола вороной назовут*, где средством его репрезентации выступает лексема *сокол*. Таким образом, вседозволенность, безразличие по отношению к чужому прочно закрепилось в русском национальном сознании (*Лошади чужие, хомут не свой, погоняй, не стой!*), а следовательно, находит реализацию и в жизни.

Н.С. Лесков справедливо полагал, что именно в России должностничество не распространяется на категорию *чужой*, причем это относится не только к предметам материальной культуры, но и к людям. Наиболее уязвимой, страдающей стороной в отношениях работодатель – наемный работник (статья «О наемной зависимости») выступала женщина (в качестве нанимающегося). Произвол хозяина имел место даже в тех случаях, когда женщина не была активно задействована в процессе трудовых отношений, например:

Кто не знает, с какою бесцеремонностью и простосердечием иной Ловелас-помещик... от безделья и пустоты обращался нередко с самыми низкими и безнравственными искаательствами к жене или дочери своего управителя, по праву человека, платящего жалованье их мужу или отцу.

Отсутствие моральных принципов у хозяев отмечается лексическими единицами оценочного регистра (*безнравственный* – «противоречащий требованиям морали» [МАС, т.1, 73], *безделье* – «пребывание в праздности» [МАС, т.1, 71],) а также лексемами, употребленными в переносном значении *пустота* – «ЛСВ-3: отсутствие интересов, стремлений» [МАС, т.3, 562], *низкий* – «ЛСВ-5: бесчестный, подлый» [МАС, т.2, 497]).

Наряду с лексемами отрицательнооценочного плана в контексте имеют место и единицы с положительной коннотацией, например, *простосердечие* – «простодушность, бесхитрость, доверчивость и сердечность в обращении» [МАС, т.3, 527]. Взаимосвязь контрастных лексем *бесцеремонность* («развязность, беззастенчивость, пренебрежение рамками приличия» [МАС, т.1, 87]) и *простосердечие* – алогизм, лингвистическая загадка. Однако Н.С. Лесков, виртуоз русского слова, продуцировал в своих текстах парадоксальные только на первый взгляд сочетания. В данном слово *простосердечие* имеет глубокие национальные корни, в читательском восприятии ассоциируется с фразеологизмом *по простоте сердца/души*, т.е. «без задней мысли, наивно». Автор подчеркивает: без всякой мысли помещик, хозяин делает то, что ему заблагорассудится, с женщинами, для него это *стественно*. По отношению к своим прихотям, желаниям проявляется *простосердечие*; к чужим устоям – полное безразличие, в отношениях – *бесцеремонность*. Таким образом, слово, функционирующее в системе языка как позитивноотмеченное, в тексте Н.С. Лескова меняет вектор оценки на противоположный, расширяет авторский потенциал оценочных средств, представленных как лексическими и фразеологическими единицами, так и синтаксическими кон-

струкциями. «Слово в публицистике дает максимально точное и объемное представление о языковой личности, подчеркнуто-выпукло репрезентирует авторское мировоззрение» [Головачева, 6]. Таким образом, русский публицист беспристрастно указывает своему этносу на необходимость преодоления искаженного ментального пространства.

Статья «О наемной зависимости» насыщена оценочными средствами, характеризующими произвол хозяев, что не может оставить равнодушным читателя:

Охота за управительскими дочерьми, и особенно за женами, была явлением, так сказать, естественным, равносильным праву охотиться в арендованной лесной даче. И Боже мой! сколько зла, сколько горя наделала эта охота! Сколько брошенных жен, оставленных детей, спившихся с горя мужей, не вынесших смертельного удара, нанесенного минутною прихотью безнравственного сластолюбца и легкомысленною доверчивостью несчастной женщины, навеки им погубленной.

Публицист с горечью фиксирует недопустимое отношение к женщине на рынке труда, используя наряду с экспрессивно-оценочными единицами (*конкубина, рабыня, наложничество; скотская страсть; Боже мой!*) прием повтора (*чего не, какой бы ни, как бы ни, она, рабыня*), риторические восклицания и вопросы:

*А женский наемный труд!.. Боже мой, что мы с ним сделали? Чего мы к нему не применили, чего не поставили в обязанность наемницы? Нанятая женщина, к какому бы роду занятий она ни была ангажирована, как бы высоко она ни стояла по своему образованию, нравственности и общественному положению, великим большинством общества рассматривается нередко как **конкубина** [Наложница – Лат.], ибо она “нанялась – продалась”, она – **рабыня**, а рабыня неудобомыслима вне наложничества с господином. Губернантка, кухарка, экономка, горничная, швея или специалистка другого какого рода становится заложницей **скотской страсти** хозяина.*

Свободная женщина, по убеждению Н.С. Лескова, должна трудиться, а не удовлетворять прихоти хозяина, и тогда она сможет достойно самоутверждаться при условии отстаивания обществом ее права работницы, труженицы. Надо *великим большинством общества* защитить женщину от позора и унижения, а не смотреть на потенциальную жертву как на рабыню – такова позиция русского автора.

Тема наемной зависимости тщательно изучена и детально проработана публицистом, она проходит красной нитью в публицистическом творчестве Н.С. Лескова.

Линия *свой-чужой* доминантно вербализирована через авторские антонимы (*Россия – Германия, Франция; везде – у нас; дело любовное, ad libitum – не ad libitum [По желанию, согласно], de jure [По праву]*):

*Делается все это, конечно, и не в одной **матушке России**; нанимают женщин огулом на всякие услуги даже и в философской **Германии**, а во **Франции** это случается, может быть, еще и чаще, чем у нас; но сила*

в том, что *везде это – дело любовное, стало быть, тут уж и говорить нечего – просто судит их Бог; а то худо, что у нас все это сделалось возможным **ne ad libitum** [По желанию, согласию – лат.], а **de jure** [По праву – лат.], по львиному праву, основанному на злой сатире “нанялся – продался”*.

Н.С. Лесков, «русский из русских» литераторов, ис-

тинный патриот, с душевной болью констатирует цивилизационную отсталость своей страны от Запада. С помощью единиц оценочного регистра (слов, фразеологизмов), эксплицированных в парадигматике, активизирует своего читателя, намечая изменения в системе отношений работник – хозяин.

Библиографический список

1. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30 томах. М. «Терра», 1998. Т.3. С.185-372.
2. Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX - начала XX вв. М., Наследие, 2000. С. 254.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Тт. 1-4. М., 2006 (далее – ТСД).
4. Бердяев Н. А. Русская идея. Париж, 1971. Публикуется по изданию: YVSA-Press, 1946. 258 с.
5. Словарь русского языка в 4-х тт. М., «Русский язык», 1988 (далее – МАС).
6. Аннинский Л.А. Публицистика. Почва правды. Н.С. Лесков. Собрание сочинений в 6-ти тт. М., «Экран», 1993. С. 654-694.
7. Головачева О.А. Нравственные проблемы публицистики Н.С. Лескова 60-х годов XIX века. Языковые средства отражения позиции автора. Брянск: «Брянское областное полиграфическое объединение», 2011. 168 с.
8. Леденёва В.В. Слово Лескова. М., МГОУ, 2015. С.259.
9. Хлебцова О. Пыль в глаза // «Журналист», 2002, №6. С. 73-74.
10. <http://glosum.ru/>
11. http://v-dal.ru/word_s-112512.html

References

1. Leskov N.S. Complete Works in 30 volumes. M. “Terra”, 1998 V.3. Pp.185-372.
 2. Sohryakov Yu.I. National idea in Russian journalism XIX - early XX centuries. M. Heritage, 2000. P. 254.
 3. Dal' V.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 1-4. M., 2006 (hereinafter - TSD).
 4. Berdyayev N.A. Russian idea. Paris, 1971. Published by the edition: YVSA-Press, 1946. 258 p.
 5. Russian dictionary in 4 vol. M., “Russian language”, 1988 (hereinafter – the MAC).
 6. Anninsky L.A. Reading. The ground of the truth. N.S. Leskov. Collected Works in 6 vols. M., “Display”, 1993. Pp. 654-694.
 7. Golovacheva O.A. Moral problems of N.S. Leskov's journalism of 60-ies of the XIX century. Language means reflect the position of the author. Bryansk “Bryansk regional printing associations”, 2011. 168 p.
 8. Ledenev V.V. Leskov's Word. M. MGOU, 2015. P.259.
 9. Hlebitsova O. Dust in the eyes // “Journalist”, 2002, №6. Pp. 73-74.
 10. <http://glosum.ru/>
 11. http://v-dal.ru/word_s-112512.html
-
-

И.Н. ЕФИМОВА

аспирант, кафедра филологии и массовых
коммуникаций, Нижневартровский государственный
университет
E-mail: efimova3@rambler.ru

I.N. EFIMOVA

Graduate student, Department of Philology and Mass
Communication, Nizhnevartovsk State University
E-mail: efimova3@rambler.ru

ПИСЬМА СИБИРЯКОВ К Х. М. ЛОПАРЕВУ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ СИБИРИ

THE LETTERS OF SIBERIANS TO H. M. LOPAREV AS ONE OF SOURCE OF RUSSIAN SIBERIAN DIALECTS

В статье рассматриваются диалектные единицы, вычлененные из писем сибиряков к Х.М. Лопареву. Автор распределил выявленные единицы по тематическим группам. Исследование призвано обозначить результаты и перспективы изучения частных писем как источника русских говоров Сибири.

Ключевые слова: диалектология, русские говоры Сибири, источники диалектной лексики, частное письмо, Х.М. Лопарев.

The article deals with the dialectal words found in the letters of Siberians to H.M. Loparev. The author divided the revealed units into the thematic groups. The aim of the work is to defined results and prospects of studying of private letter as one of source of Russian Siberian dialects.

Keywords: dialectology, Russian Siberian dialects, private letter, H.M. Loparev.

Задача привлечения новых источников изучения диалектологии в целом и сибирской диалектологии в частности является одной из актуальных. Решением этой проблемы в разной мере занимались многие исследователи: М.В. Шульга, С.И. Котков, Н.С. Коткова, В.В. Палагина, О.И. Блинова, Л.М. Городилова, Б.И. Осипов, А.Е. Аникин, Л.П. Батырева, Л.И. Шелепова, Г.А. Христосенко, М.С. Выхрыстюк, А.М. Кошкарева и др. После изучения звучащей народной речи и специальных лингвистических записей ученые обращаются к недиалектным энциклопедиям и словарям (см. прим. 1), материалам и деловым бумагам, хранящимся в Государственном и региональных архивах; материалам, в которых описываются отдельные промыслы и ремесла (см. прим. 2); художественным произведениям местных авторов; литературе экономико-этнографического характера (см. прим. 3); фольклору.

Еще одним источником изучения диалектологии становится частная переписка «в силу того, что частное письмо наиболее приближено к ситуации реального общения, в которой проявляется все многообразие речевых свойств языковых единиц» [1, 82]. С.И. Котков, разработавший теоретические основы и научную концепцию лингвистического источниковедения, отмечал, что «отображение в частной переписке всedневногo труда и быта людей, их внутреннего мира, кипения страстей, настроений и характеров, социальных коллизий и т.п. дает богатый материал для разнообразных лексических наблюдений» [3, 158]. Кроме того, «представляя личностное речевое общение, эпистолярный отражает культуру, язык, стилистику своего времени в лексико-семантическом и синтаксическом контексте» [2, 6].

Исследованием частных писем в разных аспектах занимались С.И. Котков, Н.Г. Самойлова, Н.П. Панкратова, С.С. Волков, Н.И. Тарабасова, О.П. Фесенко, Н.А. Каленова, И.Я. Конончук, А.М. Дубинина, Т.М. Кабанова, Н. А. Ковалева и др. Современное состояние говоров на материале частной переписки характеризует Л. П. Батырева.

Представляется интересным привлечь в качестве источников изучения диалектной лексики русских говоров Обь-Иртышского междуречья (север Тюменской области) частные письма сибиряков к Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву (1862-1918), уроженцу села Самарова, ученому, библиографу, краеведу.

Можно предположить наличие в текстах писем разнообразной территориально окрашенной лексики, причем диалектизмы выполняют свою прямую номинативную функцию.

Сто сорок восемь писем из обширной переписки Хрисанфа Лопарева впервые опубликованы в книге «Самаровский петербуржец: письма земляков к Х.М. Лопареву» [4]. Авторы писем – родственники, друзья детства, односельчане Х. М. Лопарева. Большая часть писем написана из родного для Хрисанфа Лопарева села Самарова, а также из городов Сургута, Тобольска, Омска, Москвы, Кронштадта и других населенных пунктов, в которых жили его земляки. Письма охватывают временной промежуток с 1882 по 1918 год. Документы публикуются по сканированным копиям оригиналов с сохранением имен, фамилий, географических названий, стилистических особенностей подлинников. Орфографические и пунктуационные ошибки, опiski, по замыслу составителей книги, устранены без оговорок.

Письма открывают нам «живую, достоверную картину повседневности» [4: 9]. В них содержатся сведения о членах семьи Лопаревых, их занятиях, о домашнем хозяйстве, промыслах, о жизни близких и знакомых, о событиях Самарова и окрестностей. Путем сплошной выборки составлен словарь территориально окрашенной лексики. Верификация диалектных единиц проводилась по словарям (см. прим.4) и с опорой на контекст.

В конце XIX-начале XX веков Самарово имело репутацию богатого села. А основой благосостояния крестьян были рыбные угодья, т.н. *рыболовные пески*.

И вот, несмотря на такое стесненное положение, Соскин и Шеймин, якобы представители остяков, хотят оттянуть последнюю надежду на летние заработки – песок. А Вы знаете, какое значение имеет здесь рыболовство? [4, 205]. ...Евстафий все лето разъезжал по городам Тобольску, Тюмени, Екатеринбург, приехал ко мне на **песок** осенью; промысел был очень хороший, мы добыли 20 тысяч штук муксуна, 31 октября отправили его в мерзлом виде 100 возов, да летом на пароходе соленого 400 пудов... [4, 146].

Так как рыболовство было основным занятием и источником существования жителей, в текстах писем встречается разнообразная территориально окрашенная лексика рыбных промыслов. Это **наименования людей, в разной мере участвующих в рыболовном промысле**: *полотеничник* 'рыбак, который чинит полотно невода, следит за его состоянием', *баишлык* 'начальник рыболовецкой артели', *лямочник* 'рыбак, который тянет невод за лямку' и др. Это **названия разного вида лодок**: *неводник* 'большая лодка, используемая в рыбном промысле', *городовушка* 'лодка в рыбном промысле, специально приспособленная для перевозки рыбы', *переметная лодка* 'небольшая лодка для ловли рыбы переметом', *каюк* 'крытое речное грузовое судно'. **Названия рыболовных снастей и приспособлений, а также действий и процессов при ловле рыбы**: *перемёт* крючковатое орудие лова, состоящее из длинной веревки (хребтина), к которой привязаны удочки на небольшом расстоянии друг от друга, *кибас* 'груз для невода из обожженной глины, зашитый иногда в бересту, прикрепляется обычно к нижней тетиве сети, чтобы она не всплывала', *пичуга* 'небольшой груз для сети из обожженной глины', *верша* 'рыболовный снаряд, плетеный из таловых прутьев или из дранки', *замёт* 'забрасывание невода с лодки, процесс его опускания в воду', *притон* и *притонь* 'место, процесс выборки невода с рыбой', *прогон* 'веревка, за которую тянут невод', *тетива* 'веревка, на которую насаживается полотно сети', *чердак* 'орудие для лова рыбы в виде большого сетного мешка на деревянной раме', *морда* 'орудие лова, сплетенное из прутьев в виде конуса' и др.

Сибирские леса богаты птицей, поэтому **ловля птиц** составляла для жителей Самарова второй по важности промысел.

Снегирей ловят **поньжами** (поньжа 'крашенная сеть для ловли птиц') не в мае месяце, а в апреле и даже в последних числах марта, головки у них не кусают, а

давят руками [4, 68]. Сетью (**перевесом**) не добывают журавлей и гусей по 50 шт., а если гусей и случается добыть пару, то это редкость. ... **Перевесом** собственно ловят уток и чирков [4, 69]. Нонче опять поеду **гусей сидеть** ('охотиться на гусей') [4, 90]. Прилет птиц довольно хороший, но только лову никакого нет. На **перевесах** (перевес 'сеть для ловли птиц') совершенно ничего нет, и **гусники** (гусник 'охотник на гусей') убили плохо, так что только Иван Яковлевич Еришов убил всех больше (30) гусей [4, 157].

Встречается в письмах и лексика других **охотничьих промыслов**.

Зверей ловят ружьями, капканами, **кулемой** (кулема 'ловушка на мелкого зверя из бревен, жердей или досок'), отравой, смотря по погоде, а не западнями [4, 69]. Осенью мы будем ловить рыбу мордами, а лисиц капканами; если будут горностаи, то и их – **черканами** (черкан 'ловушка давящего действия на мелкого пушного зверя') [4, 240]. ...а в Елизаровском купил себе **белочную собаку** (белочная собака 'собака, обученная охоте на белок') за пять рублей. Осенью убил 50 белок [4, 256].

Самаровские семьи средней зажиточности держали домашний скот (по несколько лошадей и коров), зарабатывали продажей рыбы, кедровых орехов и ягод, заготавливали большое количество сена. В текстах исследуемых писем встречается диалектная лексика **сенокосения, наименования домашних животных, лексика кедрового промысла**.

У меня на **сору** (сор 'заливной луг, используемый под сенокос, пастбище') или на поле ходят на подножном корму 9 лошадей, из них 4 **третьячки** ('животное третьего года жизни') и она кобыла 15 лет, а 4 **лоншаки** или двухгодовики, всего и выходит 9 штук. ...И дома находится 4 лошади, и у меня (я постоянно езжу) одна и еще два **селетка** (селеток 'детеныш какого-либо животного первого года жизни') дома – всего 16 и продал ноне осенью 2 кобылы. И коров имею 7 штук, слава Богу [4, 165]. Шишек мы добыли 25 мешков, Кока ходила одна, собирала **паданку** (которая сама пала), мешков 5 наносила [4: 101]. Шишек нынче много, но на нее надежда плоха. Хорошо, если **усидит**, тогда все же самаровским кусок хлеба, а **роньжи** (ореховок) много и уже сильно портить начала [4, 116]. С весны шишки было много, но появилось громадное количество **роньжи** (ореховок), которая в два-три дня уничтожила всю шишку. Я добыл 7 мешков [4, 132]. Дядинька, мы сперва стали **страдавать** (страдавать 'работать во время страды в поле, на сенокосе') на Чуркином, но нас там **окосили**, и мы только после обеда **прокосили**, а с обеда переехали за старицу, там мы **прокосили** 3 дня. Потом приехал туда Гаврило Скрипунов, у нас в середине **кошенины** (кошенина 'скошенный луг, выкошенный участок') был островок, он стал его косить. Когда мы пришли, стали косить, он докосил островок, потом пошел, стал в последний **закосок** (закос, прокос 'определение границ участка для покоса') и стал косить [4, 80]. Служить в лавке мне нет никакого расчета, я должен нанять работника и нанять **пострадку** (пострадка 'наемная

работница на время страды'), платить им жалование и содержать, а содержание очень дорого... [4, 216]. Сено я все вывозил, сегодня в последний раз ездил, **омет** (омет 'большая продолговатая укладка сена') **сметал** (сметать 'сделать стог') 15 возов, теперь буду дрова возить

Следует отметить, что домашний скот был основой хозяйства, и не случайно в письмах рядом с сообщениями о самочувствии членов семьи часто писали о состоянии скота. Сообщалось также и о потере коровы или лошади, и о стоимости домашнего скота.

Слава Богу, все здоровы, скотина вся благополучно пришла с поля, кобылы все ожеребились [4, 23].

У нас все живы и здоровы. Хозяйство идет довольно хорошо, ни в чем нужды нет. Скотина тоже вся здорова [4, 26]. Нонче с поля не пришла одна лошадь, потерялась [4, 121]. Коровушку уже свел со двора на хлеб, осталась одна лошада [4, 62]. Продал 2 лошади за 27 рублей, еще осталось 4 **езжалых** ('уже бывших в езде') и 4 молодых [4, 124]. У нас на днях была сходка, на которой запретили возить на дрова лес ... а потому на дрова приходится возить некоторым из Полуденной горы, а это очень обременительно по нонешнему году, потому что **скот нонче очень сухой** [4, 125].

Лошади не почёные (поченый 'пропитанный потом'), и от холода не дрожат... [4, 166].

Частью домашнего хозяйства самаровцев было огородничество.

В Самарове у нас хороший огород, есть морковь, репа, **стручки** ('горох'), бобы, огурцы, капуста, тыква, свекла, редька, подсолнухи, мак, лук, кукуруза и много разной чепухи, главный преобладающий элемент – картошка [4, 172].

На благосостояние и достаток жителей Самарово влияла сильная зависимость от природных условий. Так, в годы многоводья негде было пасти скот, заготовить сена, падал рыбный промысел, а значит, крестьяне лишались заработка от извозного промысла – вывозить на продажу было нечего и не на чем.

Дядинька, нонче год очень тяжелый, рыбных промыслов как по **водополью** (водополье, водополь 'период таяния снега и весеннего разлива рек') не было, так и сейчас совершенно нет, так что не с чем было ехать в дорогу [4, 94]. Тятинька, затем уведомляю Вас, что **вода** у нас очень **большая** (большая вода, большеводье 'большой подъем воды в реке, разлив в реке, половодье') ... **Рыбы званья нет** (экспр. 'совсем ничего нет, не осталось'), есть более нечего [4, 116]. Вода у нас очень большая и топила все места сенокосные и пастбища – скот рогатый на руках и кони в горе [4, 169]. Лодочка, которую Вы купили, очень стара, на **погоде** (погода 'плохая погода, ненастье') в ней уже нельзя ездить с грузом [4, 90].

Засуха на юге Западной Сибири также отрицательно сказывалась на жизни самаровцев, так как именно из южных округов в Тобольский, Березовский и Сургутский округа привозили муку. Хлеб дорожал, становился дефицитным, наступал голод.

Привез 45 пудов муки – конечно ржаной, а крупчатку нонче забыли. Муку брал в Тобольске 80 коп., а в Самарове – 1р. 50 коп. [4, 125]. Утром за хлеб, за чай хлеб и всё хлеб, а ребята растут и тоже едят. **Крупницатого** ('хлеб из пшеничной муки-крупчатки') у нас нет, и роскошно мы не живем [4, 138].

В засушливые годы в окрестностях Самарова случались лесные пожары, которые подрывали охотничий, ягодный и кедровый промыслы.

Дорогой папаша, здесь страшная засуха, дождей совсем нет, трав – очень плохо, а где сеют хлеб, так те говорят, что он совсем выгорел, на огородах овощей нет никаких [4, 198]. Нынче у нас загорелась была гора, которая внушает очень большие опасения Самарову... [4, 116].

Помимо хозяйственных нужд и забот, из писем сибиряков к Хрисанфу Лопареву можно узнать об обычаях, нравах, культурных традициях жителей Самарова и окрестностей.

Линочка ездила в Базьяны на **святину** (святина 'освещение церкви, дома и т.д.') с Платоном, а потом в Нялино в гости, вероятно, и простыла [4, 227]. На **масяляной неделе** я с Линой, священник с супругой, Платон и еще несколько человек, фельдшер, думаем соорудить «пикник», прокатиться до Мануйловской деревни [4, 228]. Затем, тятинька, прошу Вашего заочного родительского благословения на постройку нового дома. Затем, тятинька, говорили послать Коке и мне по рублю того года, в который будут ставлены дома, под передний угол [4, 110]. Мы служили в **Ильинские праздники** ('день святого пророка Илии') молебен в новом доме [4, 118]. **Отпятие** тела ('отпевание покойника') совершено в Никольском пределе храма – просто, но благоговейно, молящихся у гроба было довольно, до выноса тела из дома в храм каждый день совершались литии. [...] ибо движимый чувством родства, принял ее тело на свои плеча, как из дома в церковь, так и из церкви на кладбище, где помог (спустившись в могилу) установить гроб в устроенный заранее этого **футляр** [4, 84]. Святки я провел очень весело, а теперь мы начали делать **катушку** (катушка 'ледяная или снежная горка для катанья. Место на берегу реки, на скате горы или нарочно сделанное из снега возвышение, с которого катаются на лыжах, санках') на старом же месте [4, 26].

В текстах писем сибиряков встречаются многочисленные **пословицы, поговорки** (на сердце кошки скребли; здоров, как бык; бьется, как рыба об лед; больше мира – лучше жизнь; вместе тесно, а порознь скучно; от чужого стола не стыдно и повернуться; родился дураком, дураком и помру; у нас в Самарове пословица: «Дай вору золотую гору или пьянице – ничего не будет» и др.); **народные приметы** (ягод брусники много, этот урожай ягод обещает на будущий год большую воду), **устойчивые выражения** (не относиться, спустя рукава; с легкой руки; с тем и ушел, не солоно хлебавши; много у меня на веку перебивало друзей-приятелей, но все они до черного лишь дня; наматываем это себе на ус; а он и мне, и Пете подставляет ногу и др.); **цитаты**

из библейских текстов (всяк, смиряя себя, да вознесет-ся; Светлое Христово воскресенье, видно, «не скакаше играя, а плакаше рыдая»; громы земные; «несть человек иже поживет и не узрит смерти»; но все мои доводы были не что иное, как «глас вопиющего в пустыне»; настолько хитрый, что сквозь игольные уши пройдет; передаю дух мой в руцы твои и др.); цитаты из произведений художественной литературы и мифологии (узы Гименея; всяк знает, что «столичная жизнь дорога» (Н. Некрасов «Маша», 1855 г. – прим. И.Е.); откуда ни приезжай к дому, оставшемуся без надзора, все будет неисправно и запущено, «хлеба не печено и хата не топлена» (ср. у И. Сурикова «День я хлеба не пекла...», 1868 г.: Как на улице мороз, В хате не топлено, Нет в лу-

кошках толокна, Хлеба не печено.); я в роли свахи двинулся «на доброе дело, на сватанье» (Кирша Данилов «О женитьбе князя Владимира»); и скажет потомство, что не всегда мы грехи людей режем на металле, а доблести их чертим на песке (ср. у Данте «Грехи людей мы режем на металле, а доблести их пишем на воде»).

Таким образом, исследование частной переписки в качестве источника сибирской диалектологии в лексическом аспекте представляется нам актуальным, т.к. открывает широкие возможности для лингвиста-диалектолога и позволит устранить нежелательные пробелы в сфере накопления новых знаний о русских говорах севера Тюменской области.

Примечания

1. См., например, работы: Блинова О.И., Палагина В.В. Сибирская советская энциклопедия как источник диалектной лексикографии. Томск, 1979; Блинова О. И. «Словарь фитонимов Среднего Приобья» как источник диалектной мотивологии // Вестн. Том. ун-та. Филология. 2008. №2 (3). С. 14-23.
2. См., например, работы: Верпаховский Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби. Орудия рыболовства и продукты рыбного промысла. СПб, 1898; Судаков М.А. Промысел осетра в Обской губе в 1932 году. Тобольск, 1934; Полянин Н. А. Сбор и заготовка кедровых орехов. М., 1930 и др.
3. См., например, работы: Дунин-Горкавич А.А. «Тобольский Север. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб, 1904; Скалозубов Н.Л. Обзор крестьянских промыслов Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1895. Вып.15; Лопарев Х.М. Самарово. Село Тобольской губернии и округа. СПб., 1896 и др.
4. См.: Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. М., Л., СПб., 1965-2013. Вып. 1-46; Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964-1988. Вып.1-7; Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991; Кошкарёва А.М. Материалы для областного словаря (Специальная лексика северных районов Тюменской области): в 4-х ч. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1993-1997; Молотилов А.И. Говор русского старожилевого населения северной Барабы (Каинского уезда Томской губернии) // Труды Томского общества изучения Сибири. Т.П. Вып. 1. Томск: Товарищество печати С. П. Яковлева, 1913. С. 33-219. и др.

Библиографический список

1. Калёнова Н.А. О проблемах и перспективах исследования частного письма в современной лингвистике // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2013. №1. С. 80-87.
2. Ковалева Н.А. Русское частное письмо XIX в.: Коммуникация, жанр, речевая структура. Дис. ...д-ра филол. наук. М., 2002.
3. Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1980.
4. Самаровский петербуржец: письма земляков к Х. М. Лопареву. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008.

References

1. Kalenova N. A. About the problems and prospects of the study of private letters in modern linguistics // Bulletin of Moscow state humanitarian University named after M. A. Sholokhov. Philology. 2013. No. 1. Pp. 80-87.
2. Kovaleva N. A. Russian private letter of XIX century: Communication, genre, speech structure: Dissertation Dr. Philology Science. Moscow, 1972. 537 p.
3. Kotkov S. I. Linguistic source studies and the history of the Russian language. Moscow: Nauka Publ., 1980.
4. Samarovsky Petersburg: Letters countrymen to H.M. Loparev. Khanty-Mansiysk: Poligrafist Publ., 2008.

В.П. ИЗOTOB

доктор филологических наук, профессор, кафедра журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет

И.В. ИЗOTOBA

старший преподаватель, кафедра журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет

V.P. IZOTOV

Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Public Relations, Orel State University

I.V. IZOTOVA

Senior Lecturer, Department of Journalism and Public Relations, Orel State University

КОГДА ВСЁ НАИЗНАНКУ, ИЛИ АНОНИМНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛИТЕРАТУРЫ

WHEN EVERYTHING IS INSIDE OUT, OR THE ANONYMOUS MANAGEMENT THROUGH THE PRISM OF LITERATURE

В статье рассматриваются технологии анонимного управления в их филологической проекции на примере повести Стругацких «Обитаемый остров».

Ключевые слова: анонимное управление, филологические технологии управления и PR.

In the article technologies of anonymous management in their philological projection on the example of Strugatsky' story «Inhabited Island» are considered.

Keywords: anonymous management, philological technologies of management and PR.

«Обитаемый остров» – история Страны Неизвестных Отцов, уникальное произведение братьев Стругацких. Мир, вывернутый наизнанку, в котором радикально смещены многие морально-этические ценности. Мир, который живёт по законам, прямо противоположным правилам поведения землян. Мир, который совершенно не похож на Землю Максима Каммерера и который становится родиной Мака Сима.

Заряды с противоположным знаком притягиваются... Это закон природы. Абсолютно такая же ситуация происходит с сотрудником группы свободного поиска Максимом Каммерером, когда его корабль терпит бедствие. Он попадает в мир, все показатели которого – природа, государственный строй, взаимоотношения между людьми – имеют прямо противоположный знак по сравнению с показателями планеты Земля. Может быть, именно поэтому Саракш так притягивает к себе Максима и превращает его в Мака Сима.

1. Мир наизнанку

Язык часто отбирает самые частоупотребляемые слова и превращает их в сакральные заклинания, которые носитель этого языка использует на бессознательном уровне. Например, многие лингвокультуры используют в качестве таких застывших структур имена объектов, которые наиболее активно участвуют в процессе формирования личности. Выражения «Боже мой!» и «Чёрт побери!» (бесконечно варьируемые) часто не несут никакой смысловой нагрузки. Но количественный анализ мог бы дать впечатляющую картину частотности их употребления. Носитель тем чаще повторяет слово, чем большее значение предмет (явление),

этим словом обозначаемое, играет в его жизни.

Так, для жителей Саракша таким словом является «Массаракш!» – не просто эмоционально варьируемое слово, но и суть жизни на этой планете. Мир Саракша – это мир – «массаракши», что дословно означало «мир наизнанку» (87)¹. Столкнувшись с антидействительностью, землянин понимает, что «...контакт сделается возможным только тогда, когда ему удастся буквально вывернуть наизнанку естественные представления, сложившиеся в течение десятилетий» (87).

Все нравственные и моральные понятия на Саракше тоже вывернуты наизнанку. Существует понятие «выродки» – у них физиология и самосознание тоже вывернуты наизнанку – всё, не как у остальных людей. «Они изобрели излучение, при помощи которого создали понятие о выроде...А башины – это не противобаллистическая защита...башины – это излучатели. Они включаются два раза в сутки по всей стране – и нас отлавливают, пока мы валяемся, беспомощные от боли.» (158).

Соответственно, система правления (государственного управления) тоже в корне отличается от привычной для обычного мира – парламент, монархия и т.д. Для того чтобы управлять странным миром, нужна странная правительственная система. Для того чтобы управлять «миром наизнанку», нужна «вывернутая наизнанку» государственная система.

¹ Здесь и далее в круглых скобках после цитаты указывается номер страницы по изданию: Стругацкий А., Стругацкий Б. Жук в муравейнике: Повести. Кишинёв: Лумина, 1983. 588 с.

2. Управление миром «наизнанку» как модель

Анонимное правление – система, прямо противоположная традиционной, в которой первое лицо не просто присутствует номинально и визуально, но и является основной опорой и надеждой не только государства, но и населения. Система эта формируется (соответственно необычности ситуации) в необычных условиях. Ни для кого не секрет, что насильственное свержение действующей законной власти силами армии (путч) и дальнейшее установление военной же диктатуры чаще всего происходит в результате длительной и травмирующей для общества стрессовой ситуации. Именно кризис, т.е. ситуация, когда испробованы все способы разрешения конфликта, требует креативных решений. Анонимное правление появляется (используется) в качестве антикризисного приёма, когда все остальные формы правления оказались неэффективными.

Первым ситуацию анонимного управления описал в своём романе «Эдем» С. Лем. Суть этой доктрины описана следующим образом: «Общество управляется централизованно, причём в масштабе всей планеты. Диктатура анонимна – кто и сколько людей управляют – неизвестно. <...> Власть на Эдеме анонимна, положено делать вид, что она вовсе не существует, иначе – смерть. Мы хорошо знаем эту доктрину, что диктатура имеет целью уничтожение диктатуры, что власть страстно желает упразднения всякой власти. На Эдеме этот «идеал» осуществлён» [5, с.405].

Главный герой повести Стругацких пытается найти исторические аналогии порядкам на Саракше: «*Может быть, это фашистское государство? Массараки, что такое фашизм? Агрессия, расовая теория... Гилтер... нет, Гилмер... Да-да – теория расового превосходства, массовые уничтожения, геноцид, захват мира... ложь, возведённая в принцип политики, государственная ложь...*» (116). Показательно, что имя Гитлера вымыто из исторических реалий людей будущего. Потеря эпохой имени правителя есть показатель того, что человечество стремится забыть, стереть из своей памяти этот период. Значимые исторические вехи всегда оставляют в скрижалях истории свои следы – реформы Петра, эпоха Екатерины, Викторианская Англия, правление Наполеона... Безымянная эпоха, анонимное правление оставляет за собой право безответственно относиться к народу, которому выпало жить в такой период. Поговорка «Страна должна знать своих героев» только подтверждает обязательность присутствия имени личности, которая берёт на себя ответственность за совершаемые деяния.

Таким образом, анонимное правление есть по сути своей противоестественная форма государственной власти. Использование такой извращённой, «вывернутой наизнанку» системы государственного управления может быть оправдано исключительно временной (например, кризисной) ситуацией, когда испробованы все другие – привычные, традиционные, апробированные варианты взаимодействия государства и власти. В то же время «анонимность правителей у Стругацких – неиз-

вестность их для населения, и эта модель существенно «человечнее», что ли, модели, предложенной С. Лемом – полностью анонимной и отчасти механической» [2, с.136].

3. Технологии управления «миром наизнанку»

Сама анонимность правителей, автоматически переводящая их в статус «не совсем человека», осуществляется по заранее разработанной схеме. Это своеобразная бессрочная PR-акция по позиционированию самой идеи анонимного правления.

Так как анонимное правление противоречит естественной картине жизни общества, то для обеспечения его деятельности следует создать особую (нереальную, НЕестественную) картину мира. В основе анонимного правления лежат следующие инструменты:

***искусственное формирование картины мира.** Ирреальность подтверждается физическими и физиологическими явлениями – «*необычайно сильная рефракция непомерно задирала горизонт и спокон века внушала аборигенам, что их земля не плоская и уж во всяком случае не выпуклая – она вогнутая*» (87). Так же, как рефракция этой планеты искривляет линию горизонта в обратную сторону, так и взгляды на жизнь и общество трансформируются в прямо противоположные естественным.

Человеческий организм тоже даёт свою реакцию: «*Добрые, милые люди, у которых при сильном волнении отчаянно болит головка. Бог шельму метит*» (99).

***психологическое воздействие на аудиторию: постоянное наблюдение, тотальная слежка:** «*Там, говорят, из Дворца Отцов все гвардейские плацы просматриваются, так что за каждым построением кто-нибудь из Отцов непременно наблюдает... Всё у них на глазах*» (29).

***своеобразные корпоративные ритуалы – пение гимна,** которое воздействует на психику, как сильный наркотик: «*Волна радости, гордости, счастья, горячая волна упоения преданностью захлестнула его, подхватила, понесла к небу. О, эти сладостные минуты... когда хочешь огня и приказа, когда жаждешь, чтобы приказ соединил тебя с огнём, швырнул тебя в огонь, на тысячи врагов... И все пели... знаете ли вы нас, Неизвестные Отцы наши, поднимите усталые лица и взгляните на нас... мы здесь... с восторгом умрём в муках за счастье Родины!*» (39).

*** создание и распространение слухов и городских легенд:** «*...по ночам людоеды подкрадываются к строительным площадкам и похищают воспитуемых рабочих и сторожевых гвардейцев; как в темноте неслышными призраками нападают беспощадные упыри, полулюди, полумедведи, полусобаки... Максим слушал жадно, как страшную, невозможную сказку...*» (91-92).

***легенды о деяниях самих Неизвестных Отцов:** «*Положение было спасено Неизвестными Отцами... это была анонимная группа молодых офицеров генерального штаба, которые в один прекрасный день... организовали путч и захватили власть... Энергичные*

анонимные правители навели относительный порядок. жёсткими мерами упорядочили экономику...политическое устройство...представляет собой некую разновидность военной диктатуры...популярность *Неизвестных Отцов* чрезвычайно велика» (89).

Следует рассмотреть трактовку института *Неизвестных Отцов* с точки зрения подпольщиков – противников существующего положения вещей, так называемых выродков.

«*Неизвестные Отцы*, – сказал Доктор, – это анонимная группа наиболее опытных интриганов, остатки партии путчистов, сохранившиеся после двадцатилетней борьбы за власть между военными, финансистами и политиками...в большинстве своём это хапуги, сибариты, садисты. И все они властолюбцы...*Отцы* никому не служат. Они сами – деньги. Они – всё. И они, между прочим, ничто, потому что они анонимны и всё время жрут друг друга...» (155,157).

И закономерным является вывод, сделанный Максимом Камерером, – он попытался максимально объективно проанализировать ситуацию на основе довольно противоречивых и полярных мнений антагонистов – официальной пропагандистской машины и представлений подпольщиков-выродков:

- А что вы думаете о *Неизвестных Отцах*?
- Я думаю, что это верхушка военной диктатуры. То, что я о них думаю – очень противоречиво.
- Что вы думаете о выродках?
- Думаю, что термин неудачен. Думаю, что вы – заговорщики... мне понравились люди, которых я видел сам. Все они показались мне честными и...как бы это сказать...не оболваненными, действующими сознательно (154).

***использование стандартных, но эффективных во все времена приёмов пропагандистской риторики:** «страна... управлялась кучкой **бездарных** финансистов и **выродившихся** аристократов, которые **вогнали** народ в нищету... **разложили государственный аппарат коррупцией** и в конце концов влезли в большую колониальную войну, развязанную соседями... Попытки народных восстаний **кучка эксплуататоров** подавляла ядерными снарядами» (88); «**Военная верхушка** сумела **укротить аппетиты** промышленников, чем **завоевала популярность** у рабочих, и привела в подчинение рабочих, чем завоевала популярность у промышленников» (89); «А эти мерзавцы (подпольщики) устраивают нападения на отражательные башни – **продажная сволочь, убийцы женщин и детей, купленные на грязные деньги** Хонти и Пандеи, выродки, мразь...» (92).

Следует заметить, что эти исторические сведения Максим почерпнул из довольно сомнительных (легальных) источников: «В городской библиотеке серьёзных книг не оказалось...» (88). Стандартные фразы политической риторики наталкивают на мысль, что никакой смены власти не произошло, а кучка «бездарных финансистов» и «выродившихся аристократов» продолжает править страной. Только теперь они имеют загадочные имена Папы, Деверя, Свёкра, Шурина и Тестя. Впрочем,

имена эти известны только им самим (и ещё читателю), что позволяет называть их *Неизвестными* (анонимными) правителями.

*Наконец, анонимное правление не может существовать на голом энтузиазме. **Оно имеет реальную опору на хорошо вооружённую и полностью психологически развращённую Гвардию:** «*Гвардейцы!* – сказал он. – Мы – опора и единственная надежда государства в это трудное время. Только на нас могут без оглядки положиться в своём великом деле *Неизвестные Отцы*» (77); «Зачтение любых приказов завершалось каждый раз настоящим пароксизмом восторга – какого-то слепого, бессмысленного, неестественного... Максим заставлял себя подавлять невольное отвращение к этому внезапному безумию...» (101).

Весь вышеперечисленный инструментарий формирования ирреальной картины мира даёт возможность осознать необходимость формирования искусственно же сформированного общественного мнения. Проблема формирования общественного мнения является одной из насущных для системы анонимного правления: «Вопрос о выродках совсем не так прост и совсем не так мелок, как его пытаются изобразить для создания определённого общественного мнения» (127) – это мнение бывшего видного ученого, профессора Каана.

Та же озабоченность звучит в диалоге самих *Неизвестных Отцов*:

- Да, Умник! А ведь, наверное, надо будет организовать общественное мнение. Ты уже, наверное, что-нибудь придумал, ты ведь у нас Умник.
- Конечно. Папа, – сказал Умник. – Всё готово» (146).

К такому же выводу – о формировании картины мира, но теперь уже истинной – приходит и Мак, прошедший все ипостаси, возможные на этой планете. Он побывал в ролях Гвардейца, Террориста, Каторжника, но остался Землянином. «Вот с этого мы и начнём борьбу... Об излучении нужно писать листовки, кричать в общественных местах, радиостанции организовывать... Не на башни тратить людей, а на контрпропаганду...» (305). И дальше – Мак добивается своего, убеждает, предлагает: «...но ведь убедил Мак! Запугал их там, запутал, приняли они идею контрпропаганды, поручили Маку разработку» (323).

Именно формирование общественного мнения даёт возможность формирования новой картины мира. Формирование это возможно с помощью особых инструментов PR-деятельности. Другой вопрос – в чьих руках могут оказаться эти инструменты? Но этот вопрос требует детального исследования совсем в другой работе.

Данная статья есть попытка синтезированного рассмотрения одного произведения в нескольких направлениях – литературоведческом, лингвистическом, социально-управленческом (через призму технологий связей с общественностью) и является развитием тех идей, которые были реализованы в других работах авторов [1; 3; 4].

Библиографический список

1. *Изотов В.П.* «Хромая судьба» братьев Стругацких: лингвистическая проблематика // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 2 (31). С. 142-145.
2. *Изотов В.П., Изотов В.В.* Анонимность как модель социально-политического управления // XIX Международная научно-практическая конференция заведующих кафедрами маркетинга, рекламы, связей с общественностью, дизайна и смежных дисциплин. М.: МосГУ, 2015. С.133-137.
3. *Изотов В.П., Изотова И.В.* Некоторые филологические подробности фантастического творчества братьев Стругацких. Орёл, 2002. 61 с.
4. *Изотова И.В.* PR и PRогрессорство: элементы PR-технологий в PRоизведениях братьев Стругацких. Орёл: ОГУ, 2009. 84 с.
5. *Менделевич Э.С.* Экземплификация самоуправляемой прокрустики // Менделевич Э.С. Прошу дать мне слово. Курск. 2002. С.402-406.

References

1. *Izotov V.P.* «Lame destiny» of brothers Strugatsky: linguistic perspective // Messenger of the Oryol state university. Series: New humanitarian researches. 2013. No. 2 (31). Pp. 142-145.
 2. *Izotov V.P., Izotov V. V.* Anonimnost as model of socio-political management // XIX International scientific and practical conference of managers of chairs of marketing, advertizing, public relations, design and related subjects. M.:MSU, 2015. Pp. 133-137.
 3. *Izotov V.P., Izotova I.V.* Some philological details of fantastic creativity of brothers Strugatsky: Orel, 2002. 61 p.
 4. *Izotova I.V.* PR and PRogressorstvo: elements of PR technologies in works of brothers Strugatsky. Orel: Regional public institution, 2009. 84 p.
 5. *Mendelevich E.S.* Exemplification of a self-governed prokrustik // Mendelevich E.S. I ask to pledge me the word. Kursk. 2002. Pp. 402-406.
-

УДК 811.161.1'22

UDC 811.161.1'22

Е.В. ИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, Астраханский государственный университет

E-mail: elenailova@yandex.ru

А.В. ОЛЯНИЧ

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков факультета сервиса и туризма, Волгоградский государственный аграрный университет

E-mail: aolyanitch@mail.ru

E.V. ILOVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English philology, Astrakhan State University

E-mail: elenailova@yandex.ru

A.V. OLYANITCH

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of foreign languages of service and tourism faculty, Volgograd State Agrarian University

E-mail: aolyanitch@mail.ru

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕАТРАЛЬНОГО ЗНАКА

ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF THEATRICAL SIGNS

В статье раскрывается механизм образования театрального знака как ключевого феномена театральной коммуникации. Описываются знаки, составляющие семиотическое пространство театра как среды креативной деятельности человека. Изучаются характеристики театрального знака, дается описание семиотической системы театра.

Ключевые слова: дискурс, знак, коммуникация, семиотика, театр, театральность.

The article shows the formation process of a theatrical sign as a key phenomenon of theatrical communication. It describes the signs which make up the semiotic space of the theatre as a creative field of human activities. The article studies the characteristics of a theatrical sign and gives the description of the semiotic system of the theatre.

Keywords: discourse, sign, communication, semiotics, theatre, theatricality.

Шекспировская метафора «Весь мир – театр, а люди в нем – актеры» весьма емко передает когнитивную сущность и семиотическое представление человеческой коммуникативной и иной деятельности. Homo sapiens соединяет в структуре собственного «Я» две базовых ипостаси – Homo loquens и Homo ludens как языковая личность и личность играющая (демонстрирующая, представляющая). Игра и представление неотделимы друг от друга, что зафиксировано в глобальном человеческом лексиконе: стоит только обратиться к любому толковому словарю любого мирового языка и обнаружить их внутри одной словарной статьи.

Играя (представляя), человек создает коммуникативное пространство, обустроивая его знаками, которые необходимы ему для разнообразных описаний действительности, используемых в дальнейшем прагматически – с целью реализации разнообразных потребностей. Создавая модель реальности при помощи отобранных наборов знаков (означивая среду обитания – habitus – по терминологии Патрика Бурдьё), как вербальных, так и невербальных, говорящий апробирует свои возможности в вовлечении себя и себе подобных в эту среду для конструирования этой среды и оказания воздействия на других с целью достижения в ней успешной адаптации (своей и других).

Моделирование реальности опирается на визуальное исследование и анализ (оценивание) последней:

апробация сформированного представления о реальности происходит при помощи сложных операций гипотетического освоения, т.е. при помощи игры и театрализации. Прежде всего здесь важна офтальмологическая (визуальная) настройка восприятия (сознания) – ср. поговорку «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», – а затем получить вербальное отражение (описание) реальности. Знаковое восприятие реальности человеком – прежде всего визуально; именно поэтому освоение реальности происходит через театр: это подтверждается этимологией самого слова «театр» – от греческого *theasthai* (смотреть) и *thea* (наблюдение).

Что значит «освоить реальность посредством театра и игры»? Это значит, что реальность (мир) должна быть запечатлена в сознании в виде законченного образа (картинки), причем законченность должна выражаться при помощи точной настройки (предельной фокусировки) созданного образа. Мало просто «обустроить» реальность знаками – необходимо, чтобы образы знаков легко извлекались из памяти по первому требованию или необходимости.

Настоящая статья посвящена изучению сущностных характеристик театрального знака. Театр, как известно, представляет собой ту область искусства, которая наиболее полно испытала на себе размах знаковых построений. Театральное представление, как произведение искусства, это и есть эстетическая знако-

вая система, которая выстраивается с помощью художественных средств, или художественных знаков.

Театральный знак – знак особого качества: с одной стороны, это некоторый художественный образ, взятый из реальности, креативно обработанный драматургом и воплощенный в пространстве театральной сцены. С другой же – это некоторая конструкция, в которой присутствуют свойства, признаки и «зародыши» действий, состояний и процессов, облеченных драматургом задачей воздействовать на зрителя. С третьей стороны, театральный знак – это семиотическая сущность, привлекающая для воспринимающего его субъекта (зрителя), который обнаруживает в его характеристиках и параметрах некие свойства, возбуждающие его эмоции и чувства (эффект сопереживания). При этом неважно, каков знак у переживаемой эмоции – положительный или отрицательный: театральный знак (или целая группа знаков) заставляет переживать весь спектр эмоций.

Театральная пьеса – это система знаков, с помощью которых реципиент (т.е. зритель) конструирует в своем сознании *«известное субъективное настроение»* (а сначала — образы воспринимаемого), привлекая одновременно к собственному восприятию собственный же опыт. Далее опишем эту семиотическую систему.

1. Любая пьеса имеет сюжет, участников, среди которых имеется, как минимум, пара протагонистов (главных героев) и (потенциально) несколько второстепенных героев. Иногда героем может быть некое мифическое / ирреальное существо, механизм, машина или животное, которое, как правило, одушевляется создателем пьесы.

2. Пьеса обладает некоторым семиотическим пространством (entourage), в которое включается хабитат героев или некий условный территориальный сектор, внутри которого происходят события (декорации). Этот топос, как правило, «хрономаркирован»: время действия имеет свои собственные хронознаки, которые эксплицированы по-разному, например, невербально – стилем одежды героев; декорациями, которые являются ключевыми для определения соответствующей эпохи; артефактами, свойственными определенной эпохе; вербально – характерными оборотами речи, обращениями к собеседнику; лексически дифференцированной наполненностью высказываний; хронозависимой структурой предложения и т.п.

3. Бихевиористическая семиотика: пьеса насыщена поведенческими знаками, посредством которых происходит коммуникация героев как таковая и осуществляется трансляция их эмоций как друг другу, так и зрителю.

4. Пьеса, как правило, имеет аудиальную семиотическую составляющую: музыка сопровождения может вырасти до величины героя и иметь важное эстетическое значение для восприятия пьесы как художественного произведения / драматического искусства.

5. Свет и цвет представляют собой важный семиотический компонент, участвующий в процессе воздействия, осуществляемом всем комплексом содержания пьесы и ее постановки на зрителя.

6. Машинерия – технические устройства сцены, по-

зволяющие «переносить» место действия пьесы и героев по линии истории. Поворотный круг, колосники, сменяющие декорационные панели, устройства для «полета» героев, одежда сцены (кулисы и занавес) – все это семиотические средства создания антуража и несущие художественный message зрителю, поскольку они обеспечивают событийный ряд драматического произведения.

7. Костюм и грим – непереносимые семиотические средства, создающие маску, а вслед за ней – обеспечивающие восприятие зрителем образа героя.

8. Сценарная организация театральной постановки зачастую не предусматривает наличия сценического пространства в его традиционной форме. Бывает так, что театральная постановка осуществляется в семиотическом пространстве, в котором граница между сценой и зрителем минимальна или вообще отсутствует. Иногда у зрителя создается (часто как намеренное воздействие постановщика) впечатление, что он сам участвует в спектакле.

9. Роль, сценарный имидж, маска – обязательные компоненты театральности, пьесы как театрального произведения. Это семиотически последовательно прописанная автором и воплощенная режиссером поведенческая линия героев пьесы. В ней учтены малейшие нюансы коммуникативных шагов, реакции, ответственные стратегии и тактики, возможные эмоции как самого героя, так и зрителя.

10. Ожидаемая или неожиданная реакция зрителя, семиотически оформляемая знаками неодобрения (молчаливое покидание зала, свист, захлопывание, сырые яйца или гнилые помидоры) и одобрения (аплодисменты, овация, цветы). По мнению одного из авторов, аплодисменты как знаки «быстрого реагирования» функционально заряжены: их функция заключается в реализации двух задач. С одной стороны, являясь паралингвистическими знаками, аплодисменты выполняют задачу констатирующего / эмотива, поддерживающего функции знаков лингвистических. С другой же стороны, аплодисменты с известной долей смелости допущения могут быть расценены как полноценные лингвистические знаки. В самом деле: громкость, интенсивность, градация интенсивности при полудопустимой аналогии могут быть приняты за звуковой форматив, а к смысловой наполненности аплодисментов можно отнести как к рефлексии смыслового наполнения реально звучащих бехабитивов в речи. Таким образом, аплодисменты удивительным образом напоминают нам двуликие знаки, без которых невозможно обойтись при передаче эмотивной реакции [1].

11. Знаковые пространства жанров театральных представлений (драма, комедия, трагедия, фарс, мюзикл и т.д.) и различных театральных форм (утренний спектакль, детский спектакль, премьеры, «ёлка» и т.п.).

12. Архитектура театра (здание театра, партер, ложи, балконы, театральная площадка, сцена, кулисы, внутренние помещения, кассы, гримерка, буфет).

13. Реквизит (мебель, гарнитуры, столовые приборы, светильники, картины и проч.).

14. Масс-медийные средства и рекламные продукты

(афиши, программки, критические статьи).

15. Персонал театра «за сценой» (режиссер, осветитель, дирижер, гример, рабочий сцены, костюмер, гардеробщица и т.д.).

Знаковость – основное свойство театрального искусства. Знаки, используемые в театре, определяют эмоциональное состояние зрителя и восприятие спектакля: так, язык китайской классической оперы располагает твердо установленными знаками (окраска лиц актеров, пантомима). Если эти знаки не освоить, то спектакль трудно поддается пониманию: например, актер, лицо которого покрыто красной краской, должен вызывать симпатию, а белой – антипатию. В драматургии часто используются иносказательные выразительные средства, основными среди которых оказываются символ, метафора, аллегория, т.е. сугубо семиотические средства передачи эмоциональной информации. Как справедливо отмечено авторами, «... без символов и аллегорий, как известно, театр существовать не может, поскольку они присущи ему по его предназначению. Это особенно характеризует те формы театра, где символ всегда stands for (указывает на определенную эмоцию, концепт, деяние или состояние – японский театр Кабуки, народный театр Китая, пантомимический театр)» [1]. Символ в переводе с греческого означает «знак», причем знак, понятный только определенной группе лиц. Поэтому только понимая тот или иной знак, человек может испытать эмоции. Однако важно не только знание символичности такого знака, но и уровень интеллекта, эрудиции и жизненный опыт, поскольку зрительское восприятие связано со знаком ассоциативной связью с уже знакомым феноменом. Это и позволяет домыслить то, о чем хотел сказать режиссер и драматург.

Итак, символ как знак, рождающий ассоциацию – важное выразительное средство режиссуры. Использование символов и ассоциаций помогает поэтическому осмыслению режиссером реального жизненного материала и созданию на его основе образной метафоры массового театрализованного действия. Выбор знаков не может быть произвольным со стороны режиссера, ведь зритель должен понять сообщение, содержащееся в произведении, на основе утвержденной системы знаков. Вот почему восприятие произведения искусства становится актом сопоставления и знания.

Как отмечают исследователи, «...при семиотическом и лингвосемиотическом осмыслении действительности посредством проигрывания возможных вариантов конструируемой желаемой реальности человек прибегает к театральности или театрализации, пытаясь предоставить себе максимально комфортные возможные условия своего существования, с тем чтобы в дальнейшем обеспечить свое, приближенное к выстраиваемому идеалу существо-

вание. Театр и игра вовлекаются индивидом в коммуникацию также для того, чтобы мимикрировать на фоне реальности, грозящей некомфортностью (опасностью) бытия. Маска дает возможность извлечь выгоду из риска коммуникативной неудачи. Диада «я – не-я», с одной стороны, обеспечивает коммуникативную безопасность, а с другой – дает возможность самопрезентации. Таким образом, театральность – это обязательное (!) присутствие маски в конкретной ситуации общения» [1]. Маска – неотъемлемый компонент театрального процесса.

Патрис Пави в своем «Словаре театра» выделяет следующие категории театрального процесса:

- драматургия, изучающая действие, персонажей, пространство и время, все вопросы, способствующие созданию театральной практики;
- текст и дискурс, основные компоненты и внутренние механизмы представления;
- актер и персонаж, составляющие обе стороны всякого представления человеческих действий и поступков;
- жанры и формы: перечисляются и описываются основные подразделения, в частности существующие поныне;
- режиссура и способ донесения смысла и значения пьесы, за исключением технических терминов театральной машинерии;
- структурные принципы и вопросы эстетики, не связанные непосредственно с театром, но необходимые для осмысления вопросов театральной эстетики и организации;
- восприятие спектакля с точки зрения публики, включая все герменевтические действия, которые предполагает это восприятие;
- семиология, представляющая пропедевтическое эпистемиологическое размышление о создании, расположении и восприятии знаков театра [2].

Как видим, семиология театра является одной из важнейших категорий театрального процесса.

Итак, театральный знак представляет собой комплексное семиотическое образование, состоящее из секторов, условно обозначаемых как: 1) идеологический комплекс, который рефлектирует идею и замысел создателя спектакля; 2) образный комплекс, рефлектирующий событийный ряд, зачин и финал сюжета, содержащий интригу, конфликт и отражающий способы раскрытия одного и элиминации другого; 3) инструмент воплощения образа, состоящий из средств и способов передачи эмоциональной информации об образе; 4) комплекс реакций зрителя на происходящее событие; критическая оценка семиотической организации театрального зрелища.

Библиографический список

1. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. Дисс. докт. филол. наук. Волгоград, 2004. 607с.
2. Пави П. Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. 514с.

References

1. Olyanitch A.V. Presentation theory of discourse. Doctor of Philology thesis. Volgograd, 2004. 607 p.
2. Pavi P. Theatre Dictionary. Moscow: Progress, 1991. 514 p.

УДК: 811.133.1'36

UDC: 811.133.1'36

В.В. КАРАПЕЦ

аспирант, кафедра французского языкознания,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
E-mail: valentinakarapec@yandex.ru

V.V. KARAPETS

Graduate student, Department of French Linguistics,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: valentinakarapec@yandex.ru

ТОЧКА С ЗАПЯТОЙ В РОМАНЕ Г. ФЛОБЕРА «ГОСПОЖА БОВАРИ» И В ЕГО РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ SEMICOLON IN G. FLAUBERT'S NOVEL "MADAME BOVARY" AND IN ITS RUSSIAN TRANSLATIONS

В работе рассматриваются особенности функционирования авторской точки с запятой в сложных предложениях с бессоюзной и сочинительной связью в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари» и его восьми русских переводах. Анализируются разные варианты пунктуационных решений от изоморфизма до расхождения с авторской пунктуацией.

Ключевые слова: французская и русская пунктуация, точка с запятой, синтаксический изоморфизм, художественный перевод, бессоюзие, сочинение, корпусные исследования.

The present study dwells on functional peculiarities of authorial semicolon used in compound sentences without conjunctions or joined with coordinating conjunctions in G. Flaubert's novel "Madame Bovary" and in its eight Russian translations. Different punctuation variants, from isomorphism to divergences with authorial punctuation, are analyzed.

Keywords: French and Russian punctuation, semicolon, syntactic isomorphism, literary translation, asyndetic and syndetic coordination, corpus-based research.

В лингвистических исследованиях часто выдвигается тезис о том, что пунктуационный знак, именуемый во французской традиции *point-virgule* (в русской традиции – «точкой с запятой»), в современных французских текстах стал использоваться значительно реже. Это обычно связывают с современной эволюцией письменной речи, где синтаксис упрощается, т.е. предложения становятся короткими, рублеными. На эту тенденцию обращали внимание уже в 1950-е гг.: «C'est peut-être le plus nuancé des signes de ponctuation. Son abandon progressif semble donc assez surprenant, quoiqu'il soit, en fait, une conséquence naturelle de l'élimination des longues périodes dans le style contemporain» [6]. Ф. Лерно подчёркивает необходимость этого знака для облегчения ориентации читателя в тексте и понимания развёрнутых предложений: «L'absence complète de ce signe laisse le lecteur sans guide, pour ainsi dire, en présence d'une période décousue et manquant de cohésion» [9].

Однако в XIX веке точка с запятой употреблялась очень активно, что отмечали исследователи в области французской пунктуации: «C'est pour "disséquer les phrases" que le point-virgule devient le roi de la ponctuation moyenne. On en use et on en abuse au XIXe siècle...» [7]. Стоит отметить, что и в русской литературе того же периода точка с запятой была очень употребительна; более того, спектр её функций был значительно шире, чем сегодня [1].

Наше исследование посвящено, с одной стороны, функционированию точки с запятой в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари»; с другой стороны, мы попытаемся

выяснить, соблюдается ли синтаксический изоморфизм на пунктуационном уровне в русских переводах романа.

Материалом послужил французский фрагмент третьей части романа (главы 1-4) и его восемь русских переводов. В хронологическом порядке переводы были выполнены в 1881 году анонимным переводчиком, Л.Г. (1895), А.Г. Горнфельдом (1896), неизвестным переводчиком (1913), А.Н. Чеботаревской (1911), А.И. Роммом (1935), неизвестным переводчиком (1938), Н.М. Любимовым (1956) (далее в примерах будет указываться первая буква фамилии переводчиков, а в анонимных переводах – год издания; перевод Л.Г. так и будет помечен инициалами).

Объём французского текста составляет 9500 слов, вместе с переводами корпус достигает примерно 72000 слов. Общее количество предложений в рассматриваемом корпусе – 621, из них предложений с прямой речью – 264 (в данной работе мы их не рассматриваем). Методом сплошной выборки были отобраны все предложения исходного текста, содержащие пунктуационный знак «точка с запятой». Затем были рассмотрены сопоставимые контексты, под которыми, вслед за Ю.С. Степановым, мы подразумеваем: «Мы будем считать, что практически сопоставимы такие куски речевой цепи, когда одно высказывание является переводом другого» [4]. Иными словами, были рассмотрены русские эквиваленты французских предложений, в частности, содержащиеся в них пунктуационные соответствия и несоответствия авторской точке с запятой, а также наличие или отсутствие русских эквивалентов француз-

ских сочинительных союзов с целью выявления случаев синтаксического изоморфизма в переводе и различного рода отступлений от авторской пунктуации.

Оговоримся, что в подавляющем большинстве случаев речь идёт о сложных предложениях: в нашем корпусе было выявлено только четыре случая употребления данного знака внутри простого предложения. Например:

On la vit à Saint-Pol, à Lescure, au mont Gargan, à la Rouge-Mare, et place du Gaillardbois ; rue Maladrerie, rue Dinanderie, devant Saint-Romain, Saint-Vivien, Saint-Maclou, Saint-Nicaise, – devant la Douane, – à la basse Vieille-Tour, aux Trois-Pipes et au Cimetière monumental. Данный пример употребления точки с запятой соответствует правилу [6], согласно которому точка с запятой может стоять в перечислении между однородными членами предложения, образующими группы (в данном случае сначала перечисляются названия отдельных географических объектов с предлогом *à*, затем – названия улиц, которые вводятся без предлога). Наличие точки с запятой позволяет «перевести дух»: герои исколесили весь город, сначала объездив достопримечательности, а затем прокатившись по улицам.

Il la vit seule, le soir, très tard, derrière le jardin, dans la ruelle ; – dans la ruelle, comme avec l'autre! В данном примере точка с запятой и тире расположены по соседству между повторяющимися обстоятельствами места. Постановка этих знаков препинания служит для усиления экспрессивности, учитывая, что предложение является восклицательным.

Elle s'arrêta ; puis, comme se ravisant : – Oh ! pas ici! Предложение является неполным: оно предваряет прямую речь, и глагол, описывающий речевое действие, опущен. При попытке достроить исходное предложение до полного мы можем получить два варианта: либо простое предложение с однородными сказуемыми, либо сложное предложение: *Elle s'arrêta ; puis, comme se ravisant, (elle) s'exclama.* Точка с запятой служит для передачи на письме паузы, замешательства героини.

Случаи использования точки с запятой, проиллюстрированные в двух предыдущих примерах, не описаны во французских работах по пунктуации. Таким образом, речь идёт об авторской пунктуации. В определении этого термина мы будем опираться на формулировку Н.С. Валгиной: «Пунктуация, связанная с четко выраженным пристрастием автора к определенным приемам, помогающим создать характерный эмоциональный строй речи. Такая пунктуация включается в понятие «слог писателя», она предельно индивидуализирована» [1].

В ходе анализа были выделены две группы сложных французских предложений, содержащих точку с запятой, в зависимости от характера синтаксической связи между частями предложения, разделёнными точкой с запятой:

1. предложения с бессоюзной связью (34 случая, из них 4 случая в прямой речи);
2. предложения с союзной сочинительной связью:

А) точка с запятой предшествует союзам *mais* и *et* (42 случая, из них 10 случаев с союзом *mais*, 26 случаев с союзом *et* и 6 случаев с союзом *et* в прямой речи);

Б) точка с запятой стоит перед союзом *car* (6 случаев).

Таким образом, было зафиксировано 88 случаев использования точки с запятой в 74 предложениях из 337; в 11 из них найдены случаи двукратного, реже трёхкратного употребления рассматриваемого знака. В 10 случаях точка с запятой использована в предложениях с прямой речью (всего таких предложений – 264). Количество простых предложений в составе одного сложного предложения колеблется между 2 и 8; среднее число простых предложений составляет 3 или 4. Количество слов в одном простом предложении в составе сложного (слов, разделённых пробелом) находится в границах между 6 и 12. Можно заключить, что Флобер в целом соблюдает правило, выведенное Этьеном Доле и именуемое последним «*gègle des trois membres*»: «*ne pas introduire dans une période plus de trois propositions autonomes. Car si par sa longueur la période excède l'haleine de l'homme, elle est vicieuse*» [8]. Под периодом понимается совокупность слов между двумя точками, т.е. предложение. Отметим, что вплоть до 19 века пунктуация служила преимущественно для удобства озвучивания письменного текста.

В данной работе будут подробно рассмотрены предложения с бессоюзной связью и предложения с союзной сочинительной связью с союзами *mais* и *et*¹.

1. Точка с запятой в предложениях с бессоюзной связью

Речь идёт о предложениях, состоящих в среднем из трёх частей и содержащих в совокупности от 30 до 40 слов, где на одну часть приходится примерно 10 слов. Однако части сложного предложения, разделённые точкой с запятой, далеко не всегда уравновешены с точки зрения количества слов (см. примеры ниже).

Во французской традиции сложные предложения, части которых связаны лишь интонационно, а на письме – знаками препинания, называются соположенными, а тип связи носит название *juxtaposition*. В русской традиции бессоюзие принято рассматривать отдельно от грамматического сочинения или подчинения, даже если эти логические отношения присутствуют между частями бессоюзного предложения [2].

С точки зрения семантики преобладающим типом соположенных предложений в нашем корпусе являются предложения со значением одновременности действия, но представлены также значения последовательности и вывода.

Варианты передачи точки с запятой в русском языке можно классифицировать следующим образом:

1.1. Передача французской точки с запятой аналогичным русским знаком

Воспроизведение точки с запятой в русском тексте

¹ Что касается предложений с союзом *car*, то им в дальнейшем будет посвящено отдельное исследование, так как в нашем корпусе их количество незначительно (всего 6 случаев).

наблюдается в среднем в 40% случаев. Что касается переводов по отдельности, то в более поздних переводах (а именно, Ромма и 1938 года) она используется почти в два раза чаще, нежели в других переводах, т.е. остальные переводчики чаще заменяют точку с запятой на иной знак.

Mme Bovary, en l'écoulant, s'étonnait d'être si vieille ; toutes ces choses qui réappaaraissaient lui semblaient élargir son existence ; cela faisait comme des immensités sentimentales où elle se reportait... – Госпожа Бовари слушала, удивляясь, что она уже так стара; все эти вещи, воскресавшие перед нею, как будто расширяли ее жизнь, образуя необъятные пространства чувства (Л.Г.). / Госпожа Бовари, слушая его, удивлялась, что она так стара; все эти воспоминания, проходившие снова перед нею, казалось, удлиняли ее протекающую жизнь; то были в прошлом ее сердца какие-то необъятные пространства, которые она оставила за собой и куда теперь мысленно переносилась (Ч.). / Слушая его, г-жа Бовари удивлялась, какая она стала старая; ей казалось, что все эти возрождающиеся в памяти события удлиняют прожитую жизнь; она возвращалась к необъятности чувств (Р. и 1938). / Госпожа Бовари слушала его и дивилась тому, какая она старая; ей казалось, что все эти восстанавливаемые в памяти подробности удлиняют прожитую жизнь; чувства, которые она сейчас вызывала в себе... (Л.).

В данном примере точка с запятой использована дважды: в обоих случаях связь бессоюзная. В первом случае присутствует значение одновременности, описывается состояние героини; во втором случае есть значение обобщения. В приведённых примерах все переводчики воспроизвели исходную точку с запятой в русских предложениях. Только у Чеботаревской появляется частица «то», эксплицирующая значение обобщения. В обоих языках данный случай употребления точки с запятой полностью соответствует правилу, которое созвучно и в русском, и во французском языках [3]. Во французских работах ключевая функция точки с запятой сформулирована так: «séparer des propositions d'une certaine étendue qui se suivent et ont des rapports entre elles» [9].

1.2 Передача французской точки с запятой иным русским пунктуационным знаком

1.2.1 Передача французской точки с запятой иным русским пунктуационным знаком (запятой или точкой, в единичных случаях – двоеточием или тире) без добавления союза

В 45% случаев при переводе на русский язык точка с запятой не сохраняется: она заменяется запятой (15% случаев) или точкой (85%). В последнем случае происходит сегментация исходного сложного предложения, в результате которой французскому сложному предложению будут соответствовать несколько русских предложений.

Рассмотрим пример:

Des argenteries reluisaient aux boutiques des orfèvres, et la lumière qui arrivait obliquement sur la cathédrale po-

sait des miroitements à la cassure des pierres grises ; une compagnie d'oiseaux tourbillonnaient dans le ciel bleu, autour des clochetons à trèfles ; la place, retentissante de cris, sentait des fleurs qui bordaient son pavé, roses, jasmains, œillets, narcisses et tubéreuses, espacés inégalement par des verdure humides, de l'herbe-au-chat et du mouron pour les oiseaux ; la fontaine, au milieu, gargouillait, et sous de larges parapluies, parmi des cantaloups s'étaguant en pyramides, des marchandes, nu-tête, tournaient dans du papier des bouquets de violettes. – Серебряные изделия сияли в витринах ювелирных лавок, и солнечные лучи играли на расселинах серых камней собора. Рой птиц вился в голубом небе, вокруг колоколен с трилистниками; площадь, полная шума и суеты, благоухала от цветов, окаймлявших бордюром ее мостовую, – розы, жасмины, гвоздика, нарциссы, туберозы помещались на неравных расстояниях вперемежку с влажной зеленью – кошачьей травой и курослепником для птиц. Посредине журчал фонтан, а под большими зонтиками, между дынь, наваленных грудями, торговки с непокрытыми головами обертывали бумагой букеты фиалок. (Л.Г.) / В окнах ювелиров сверкали серебряные вещи, и косые лучи играли на расселинах серых плит собора. Рой птиц мелькал в голубом небе вокруг маленьких готических колоколен. Площадь, оглашаясь криками, была полна запахом цветов, окаймлявших ее мостовую; розы, жасмины, гвоздика, нарциссы и туберозы были разложены вперемежку с влажной зеленью, кошачьей травой и курослепником для птиц. Посредине журчал фонтан, а под большими зонтиками, среди дынных пирамид, торговки с непокрытыми головами обертывали в бумагу букетики фиалок (Г. и 1913).

Это объёмное сложное предложение с обилием однородных и обособленных членов внутри его частей представляет собой описание. Следовательно, преобладающим значением, выражаемым соположенными предложениями, является значение одновременности. Части сложного предложения, отделённые точками с запятой, неравнозначны: 25, 13 и 32 слова соответственно. В приведённых примерах переводчики разбили исходное французское предложение на несколько эквивалентных русских, видимо, стремясь облегчить читателю восприятие. В остальных переводах точки с запятыми перенесены в русский текст, и их использование иллюстрирует классический случай постановки точки с запятой между распространёнными частями сложного предложения [3]. Этот случай подробно описан во всех изученных нами французских работах по пунктуации. Приведём формулировку из работы Ж. Брена и А. Доппая: «Il [point et virgule] sépare plusieurs propositions de même nature, quand elles sont trop longues pour n'être limitées que par une virgule, ou quand la virgule a été employée pour séparer des compléments explicatifs, des propositions subordonnées secondaires, ou des appositions» [6].

В редких случаях происходит замена на знак, отличный от точки или запятой, и наблюдается разнообразие пунктуационных средств:

Léon pourtant se décida ; il alla frapper à la porte du

médecin. – Наконец, Леон решил и отправился постучаться у дверей доктора (1881). / Леон, наконец, собрался с духом и постучался к лекарю (Л.Г.). / Леон все же собрался с духом и позвонил у двери Бовари (Г. и 1913). / Леон наконец собрался с духом и постучал в дверь доктора (Ч.). / Наконец Леон решился: он подошел к докторскому дому и постучался у дверей (Р.). / Наконец Леон решился; он подошел к докторскому дому и постучался у дверей (1938). / Наконец Леон набрался храбрости – он подошел к докторскому дому и постучал в дверь (Л.). Только в переводе 1938 года исходный знак сохранён; Ромм же использует двоеточие, где следующее за ним предложение разъясняет предыдущее; Любимов употребляет тире, отражающее результат, который выражается в смене действий. Во всех остальных переводах происходит изменение синтаксической структуры, когда два французских соположенных предложения с одним и тем же субъектом, переданным анафорически с помощью личного местоимения, переводятся эквивалентным простым русским предложением с однородными сказуемыми.

1.2.2 Передача французской точки с запятой иным русским пунктуационным знаком с добавлением союза

Примерно в 15% случаев исходная точка с запятой во французском тексте меняется на запятую в русском тексте и появляется сочинительный соединительный союз (как правило, «и», реже – сочетания «и затем», «а потом»). Стоит отметить, что практически во всех контекстах во французском тексте присутствуют наречия *puis, ensuite* или *alors*, поэтому русский союз можно расценивать как их эквивалент. По поводу пунктуации в таких предложениях французские авторы отмечают следующее: «Les locutions conjonctives devraient être précédées de la virgule, puisqu'elles unissent deux propositions coordonnées par le sens; mais la plupart des auteurs les font précéder d'un point et virgule» [6]. К «большинству авторов» с полным правом можно отнести Флобера. Рассмотрим пример:

L'enfant partit comme une balle, par la rue des Quatre-Vents ; alors ils restèrent seuls quelques minutes... – Мальчишка бросился, как пуля, по улице Камрван, и они остались на несколько минут с глазу на глаз (Г. и 1913). / Парнишка пустился стрелой по улице Камр-Ван; и вот Леон и Эмма на несколько минут остались вдвоем, с глазу на глаз (Р. и 1938). Между частями бессоюзного предложения присутствует значение результата, которое эксплицируется в русских переводах путём добавления союза «и» или сочетания «и вот».

Puis il revint pour l'aunage ; il revint sous d'autres prétextes, tâchant chaque fois, de se rendre aimable... – Потом пришел еще раз, для мерки. Приходил и под другими предлогами, всякий раз стараясь быть любезным... (Ч.). / Потом пришел еще раз, чтобы как следует ее отмерить. Пользуясь разными предлогами, он снова приходил, постоянно стараясь выказать любезность... (Р. и 1938). / Некоторое время спустя пришел еще раз, чтобы получше отмерить. А потом стал заглядывать

под разными предлогами и каждый раз был обходителен... (Л.). Во всех примерах налицо сегментация исходного французского предложения на два русских. Чеботаревская и Любимов считали необходимым прибегнуть к парцелляции, образовав односоставные предложения без подлежащих; кроме того, Любимов добавил сочетание «а потом», чтобы подчеркнуть последовательность действий.

Таким образом, при передаче французских предложений с бессоюзной связью на русский язык наблюдаются два противоположных с позиций синтаксического изоморфизма явления: либо сохранение в русском языке исходной синтаксической структуры с воспроизведением пунктуации, либо сегментация сложного французского предложения на несколько русских (примерно по 40% случаев). Стилисты, в частности, Ю.С. Степанов, отмечают, что французскому языку более свойственно подчинение (гипотаксис), которое проявляется в обилии сложных предложений как в устной, так и в письменной речи, тогда как русский язык тяготеет к сочинению (паратаксису). Отсюда следует, что французскому сложному предложению с высокой долей вероятности будут соответствовать несколько русских [4]. Таким образом, случаи сегментации как несоблюдения синтаксического изоморфизма соответствуют норме русского языка.

2. Точка с запятой в сложных предложениях с сочинительными союзами *mais, et*

Как было упомянуто ранее, в нашем корпусе точка с запятой предшествует союзам *mais* и *et*. Рассмотрим кратко каждый из них.

Союз *mais* в составе предложений вносит противительное значение. Так, Ж. Брен и А. Доппань выделяют такие значения союза, как *opposition, restriction, surprise, transition* [6], причём запятая ставится перед союзом при наличии либо первого, либо второго значения. Союз *mais* может также начинать предложение, но при таком условии: «Le sens qui précède la phrase est tout à fait complet» [9]. Об употреблении точки с запятой упоминает только Ж. Дамуретт, расценивая его как классический случай: «Il est classique de faire précéder d'un point et virgule la conjonction *mais* placée en tête d'une proposition coordonnée» [7].

Что касается союза *et*, то, помимо всего разнообразия его значений, он также служит для присоединения дополнительной информации, для характеристики предыдущих фактов. В связи с этим, наряду с сочинительными и подчинительными связями, лингвисты также выделяют присоединительные связи [2]. Употребление вместе с союзом *et* наречий *puis, ensuite* «подчеркивает дополнительный характер сообщения» [2]. Союз *et* в функции добавления получил наименование «d'accumulation», «de surajoutation» [2]. В своей работе Е.А. Реферовская подробно рассматривает случаи употребления союзов *et* и *mais*, обладающих различными значениями, и пунктуацию, но совершенно не охватывает случаев постановки точки с запятой, которые, тем не менее, освещаются некоторыми авторами. Так, точка с запятой ставится перед союзом *et*, если он служит для

обобщения предыдущих высказываний (см. [7, 9]).

Ж. Брен и А. Доппань связывают постановку точки с запятой перед *mais* и *et* с необходимостью отделить друг от друга два высказывания и вместе с тем сохранить «enchaînement des pensées» [6]. Как видно, постановка точки с запятой является результатом выбора автора и обуславливается во многом семантическими, а не формальными критериями.

На особое употребление союза *et* у Флобера обращал внимание Марсель Пруст, отмечая: «La conjonction “et” n’a nullement dans Flaubert l’objet que la grammaire lui assigne. Elle marque une pause dans une mesure rythmique et divise un tableau. En effet partout où on mettrait “et”, Flaubert le supprime. <...> En un mot, chez Flaubert, “et” commence toujours une phrase secondaire et ne termine presque jamais une énumération» [10]. Таким образом, именно добавочное значение союза *et* является доминирующим в рассматриваемых контекстах. Однако в упомянутых нами французских теоретических работах по пунктуации такое значение не зафиксировано.

Способы передачи точки с запятой и сочинительного союза в русском языке:

2.1 «Изоморфная» передача французской точки с запятой и союзов *mais* и *et* эквивалентными русскими союзами

Изоморфное воспроизведение наблюдается примерно в 18% случаев с одинаковой частотностью у всех переводчиков, кроме автора перевода 1881 года и Любимова, которые ни разу не попытались отразить буквально данную стилистическую и синтаксическую особенность текста Флобера. Однако, согласно правилам русской пунктуации, точка с запятой допустима перед союзами «но» и «и», эквивалентными французским *mais* и *et*, но она употребляется чаще перед «но», чем перед «и». В последнем случае точка с запятой допустима, если предложения, связанные союзом «и», достаточно автономны и в его отсутствие разделялись бы точкой [3].

2.2 Передача французской точки с запятой русской точкой с запятой при отсутствии эквивалента французского союза

Воспроизведение точки с запятой без эквивалентного русского союза особенно часто прослеживается у Ромма и в переводе 1938 года; в самом раннем переводе и у Любимова подобные случаи не обнаружены.

2.3 Передача французской точки с запятой русской запятой или точкой при наличии русского эквивалента французского союза

Подобный вариант замены встречается чаще всего, причём в переводах конца 19 века (т.е. 1881 г., Л.Г., Горнфельда) в три раза чаще, чем в остальных. Это указывает, скорее всего, на то, что переводчики не заметили или проигнорировали данную лингвистическую особенность текста Флобера, хотя точка с запятой была очень частотным знаком в письменной традиции 19 века как Франции, так и России.

Знаки препинания, используемые взамен точки с запятой, распределяются примерно поровну: либо за-

пятая, либо точка в случае сегментации исходного французского предложения на месте постановки точки с запятой. Например:

Il avait médité sa phrase, il l’avait arrondie, polie, rythmée ; c’était un chef-d’œuvre de prudence et de transitions, de tournures fines et de délicatesse ; mais la colère avait emporté la rhétorique. – Гомэ обдумал все, что он скажет; приготовил маленькую речь, которая была чудом осторожности и последовательности, точно также как тонких оборотов и деликатности, но гнев взял верх над красноречием (1881). / Гомэ обдумал свою речь, округлил, отшлифовал ее; это был образец осторожности, последовательности, тонких оборотов и деликатности; но гнев пересилил риторiku (Л.Г.). / Тот долго думал над этой фразой. Он округлял, полировал ее, придавал ей ритмичность; это было образцовое произведение благоразумия, постепенности, изящных оборотов и деликатности. Но гнев унес всю его риторiku (Г. и 1913). / Аптекарь заранее обдумал свою фразу, округлил ее, отточил, придал ей ритм; это было совершенство по осторожности и постепенности переходов, по тонкости оборотов и мягкости выражений, но буря гнева смыла все красноречие. (Ч.) / Аптекарь заранее обдумал, округлил, отшлифовал, ритмизировал каждую фразу; то был подлинный шедевр постепенности, осторожности и тонких, деликатных переходов; но гнев сорвал всю эту риторiku. (Р. и 1938) / Фармацевт заранее обдумал, округлил, отшлифовал, ритмизовал каждую фразу, и у него получилось настоящее произведение искусства в смысле бережности, деликатности, постепенности переходов, изящества оборотов речи, но в последнюю минуту гнев разметал всю его риторiku (Л.).

В этом примере сочетаются два случая использования точки с запятой: между соположенными предложениями (значение вывода) и перед сочинительным союзом с противительным значением *mais*. Л.Г., Ромм и автор перевода 1938 года буквально воспроизводят знаки препинания и включают в текст эквивалентный французскому *mais* русский союз «но». Горнфельд и автор перевода 1913 года, а также Чеботаревская воспроизводят первую точку с запятой. Что касается её употребления перед союзом *mais*, то Горнфельд и автор перевода 1913 г. сегментируют предложение, употребляя точку, и используют эквивалентный русский союз «но», который, таким образом, начинает новое предложение. Чеботаревская же сохраняет синтаксическую структуру предложения, но заменяет точку с запятой на запятую и также употребляет союз «но». Так же поступает и Любимов во второй части, тогда как при переводе первой он добавляет сочинительный союз «и» и заменяет точку с запятой на запятую. Наконец, в переводе 1881 года наблюдается некоторая произвольность: если второй случай употребления точки с запятой с союзом передан путём замены на запятую с сохранением эквивалентного союза «но», то в первом случае автор перевода заменяет соположение подчинением с использованием русского придаточного определительного и перемеща-

ет точку с запятой, которая располагается в его тексте между однородными сказуемыми первой части предложения (отметим, что перевод этой части неполон).

2.4 Передача французской точки с запятой русской запятой или точкой при отсутствии русского эквивалента французского союза

Случаи подобной замены встречаются у Любимова в три раза чаще, нежели у других переводчиков, причём в подавляющем большинстве случаев имеется в виду замена точки с запятой на запятую. При замене на точку одному сложному французскому предложению эквивалентны несколько русских простых предложений.

Приведём пример, иллюстрирующий разнообразие способов передачи точки с запятой и эквивалентного сочинительного союза в русском языке:

Dès le lendemain, elle s'embarqua dans l'Hirondelle pour aller à Rouen consulter M. Léon ; et elle y resta trois jours. – На другой день она села в «Ласточку» и отправилась в Руан, посоветоваться с Леоном. Она провела там три дня (1881). / На другой же день она села в дилижанс и отправилась в Руан советоваться с мосье Леоном. Она оставалась там три дня. (Л.Г.) / На другой день она отправилась в «Ласточке» в Руан посоветоваться с мосье Леоном; и она оставалась там три дня (Г. и 1913) / На другой же день она села в «Ласточку», направляясь в Руан к господину Леоу за советом, и пробыла там три дня (Ч.). / На другой же день Эмма взяла место в «Ласточке» и поехала в Руан советоваться с г-ном Леоном; в городе она пробыла три дня (Р. и 1938). / На другой же день Эмма, воспользовавшись услугами «Ласточки», отправилась в Руан советоваться с Леоном. Пробыла она там три дня (Л.). Простое предложение, вводимое союзом *et*, несёт добавочную информацию, которая в целом могла бы быть оформлена в виде отдельного простого предложения. К сегментации прибегают автор перевода 1881 г., Л.Г. и Любимов; при этом они опускают эквивалент французскому союзу *et*. Горнфельд и автор перевода 1913 года воспроизводят точку с запятой и передают идею присоединения, передаваемую с помощью эквивалентного союза «и». Ромм и автор перевода 1938 года переносят в переводы точку с запятой, но опускают эквивалентный союз. Наконец, Чеботаревская перестраивает синтаксис, где французское сложносочинённое предложение переводится простым русским с однородными сказуемыми.

Итак, анализ переводческих решений при передаче французских сложносочинённых предложений показывает, что в 60% случаев переводчики заменяют исходную точку с запятой на запятую или точку (при этом эквивалентный французскому русский союз сохраняется в 44% случаев и опускается в 18% случаев). В остальных 40% случаев точка с запятой передаётся в русском тексте (на случаи повтора и опущения эквивалентного русского союза приходится по 20%). Таким образом, изоморфизм (т.е. воспроизведение как точки с запятой, так и эквивалентного союза) прослеживается лишь в 20% случаев.

3. О некоторых особенностях идиостиля пере-

водчиков в связи со спецификой передачи французской точки с запятой

Перевод 1881 г.: передача французской точки с запятой в бессоюзных предложениях русской точкой, реже – запятой; передача французской точки с запятой русской запятой и передача эквивалентного русского союза в предложениях с сочинительной связью.

Перевод Л.Г.: «баланс» между случаями повтора и замены французской точки с запятой на точку с запятой или иные пунктуационные знаки в русском тексте.

Перевод Чеботаревской: передача французской точки с запятой в русском тексте, но в то же время тенденция к синтаксической трансформации сложного французского предложения в эквивалентное простое русское предложение с однородными сказуемыми.

Переводы Горнфельда, 1913 г., а также Любимова: тенденция к замене точки с запятой чаще на точку, реже – на запятую как в бессоюзных предложениях, так и в предложениях с сочинительной связью. Таким образом, переводчики активно прибегают к сегментации сложного французского предложения на несколько эквивалентных русских.

Переводы Ромма и 1938 г.: повтор точки с запятой в бессоюзных предложениях; повтор точки с запятой и опущение эквивалентного русского союза при передаче сложносочинённых предложений; как следствие, редкие случаи сегментации.

Выявленные особенности, скорее, противоречат упомянутой в начале работы тенденции, согласно которой частотность использования точки с запятой снижалась с течением времени: если в 19 веке она использовалась очень активно, то в 20 веке стала применяться достаточно редко. Особенно ярко это несоответствие обнаруживается на примере перевода 1881 года, с одной стороны, и текстов Ромма и 1938 года, с другой стороны. В первом случае доминирующим знаком препинания выступает запятая. Во втором случае, напротив, преобладает точка с запятой: переводчики, видимо, старались перенести в русский текст авторскую пунктуацию. Таким образом, по текстам переводов романа «Госпожа Бовари» трудно проследить, как менялась «популярность» точки с запятой в диахронии.

При переводе соположенных предложений синтаксический изоморфизм на пунктуационном уровне сохраняется в 40% случаев, что во многом связано с близостью правил постановки точки с запятой между частями бессоюзного предложения в русском и французском языках. При переводе сложносочинённых предложений эта цифра снижается до 18%, что обусловлено ограниченным использованием точки с запятой перед сочинительными союзами в русском языке, особенно перед союзом «и» (однако, не вдаваясь в подробности, грамматисты признают существование возможности использования точки с запятой в этих случаях [3]).

Рассмотренные выше расхождения между оригиналом и переводами могут быть охарактеризованы с позиций «*tendances déformantes*» у Антуана Бермана.

Так, неупотребление авторского знака он относит к разрушению ритма: «La déformation peut affecter considérablement la rythmique, par exemple en s'attaquant à la ponctuation. <...> Le morcellement de la phrase opéré "scientifiquement" par les auteurs rompt le rythme mimique de la phrase» [5]. Как видно из этого высказывания, Берман имеет в виду и сегментацию. В целом сегментацию сложного французского предложения на несколько эквивалентных простых русских предложений можно отнести к рационализации синтаксиса (*rationalisation*), когда переводчики, не стремясь соблюсти форму, а стремясь исправить в тексте перевода авторские оплошности, «le "mal écrire", le "non-contrôle" de l'écriture» [5], перестраивают синтаксис. Однако Флобера вряд ли можно упрекнуть в небрежности при работе над текстом: известно, что он переписывал одно предложение до десяти раз, а затем прочитывал вслух написанное (знаменитый «gueuloir»). Возможно, специфическая пунктуация обусловлена стремлением Флобера заставить свой текст «звучать». Исследователи отмечают, что в 19 веке в пунктуации чётко наметилась новая тен-

денция: грамматическая функция стала преобладать над дыхательной: «On passe alors directement de l'écrit au sens, sans l'intermédiaire de l'oral» [6]. Однако Флобер продолжал, видимо, руководствоваться старым принципом, ориентируясь на слух. Для него точка с запятой во многом оставалась «signe pausal» [7].

Не концентрируясь на ритме, как это делает А. Берман, авторы работ по французской пунктуации обращают внимание на отсутствие тождества между запятой, точкой с запятой и точкой, которые маркируют разные по продолжительности паузы (приблизительно 2, 3 и 4 секунды соответственно) [6] и указывают на разные по силе смысловые и логические связи между частями сложного предложения. «Or, le choix de la place où doivent être indiquées des pauses longues et légères appartient à l'écrivain, qui se guide le sens du discours» [9]. Даже в тех случаях, когда это возможно, переводчики не стремятся к пунктуационному изоморфизму: пунктуация в переводе часто рассматривается как нечто вторичное, несущественное, не влияющее на собственно смысл. Особенности авторской стилистики при этом передаются не в полной мере.

2 Не будучи лингвистом, Берман, как нам кажется, в недостаточной степени учитывал факторы различия пунктуационных правил в разных языках.

Библиографический список

1. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004. 259 с.
2. Реферовская Е.А. Синтаксис современного французского языка: Сложное предложение. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 240 с.
3. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Орфография и пунктуация / Д.Э. Розенталь. 2-е изд., перераб. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2009. 368 с.
4. Степанов Ю.С. Французская стилистика (в сравнении с русской): Учебное пособие. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 360 с.
5. Berman Antoine. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Editions du Seuil, 1999. 144 p.
6. Brun Jean. La ponctuation et l'art d'écrire / Par J. Brun et A. Doppagne. Bruxelles: Baude, Paris, 1957. 240 p.
7. Damourette Jacques. Traité moderne de ponctuation / Par Jacques Damourette. Paris: Larousse, 1939. 144 p.
8. Dolet Etienne. La manière de bien traduire d'une langue en autre. De la ponctuation de la langue française. Lyon, 1540. 40 p.
9. Lhernault Ferdinand. Traité raisonné de ponctuation ou emploi rationnel des signes. Paris: Boyer, 1881. 178 p.
10. Proust Marcel. À propos du "style" de Flaubert // La Nouvelle Revue Française. 1er janvier 1920. №76. Pp. 72-90.

References

1. Valguina N.S. Current problems of modern Russian punctuation: learning guide. M.: Vyshaya shkola, 2004. 259 p.
2. Referovskaya E.A. Syntax of modern French: complex sentence. 3rd edition. M.: LKI, 2010. 240 p.
3. Rozental D. Reference guide to the Russian language. Spelling and punctuation. 2nd edition, revised. M.: Oniks: World and education, 2009. 368 p.
4. Stepanov Yu.S. French stylistics (in comparison with Russian's): learning guide. 2nd edition, reprint. M.: Editorial URSS, 2002. 360 p.
5. Berman Antoine. Translation and the letter or inn for distant. The Seuil editions, 1999. 144 p.
6. Brun Jean. Punctuation and the art of writing / By J. Brun and A. Doppagne. Brussels: Baude, Paris, 1957. 240 p.
7. Damourette Jacques. Modern treaty on punctuation / By Jacques Damourette. Paris: Larousse, 1939. 144 p.
8. Dolet Etienne. How to translate well from one language to another. About punctuation in French. Lyon, 1540. 40 p.
9. Lhernault Ferdinand. Reasoned treaty on punctuation or rational use of signs. Paris: Boyer, 1881. 178 p.
10. Proust Marcel. About Flaubert's "style" // The New French Review. The 1st of January 1920. №76. Pp. 72-90.

А.М. КОМАРОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра
английской филологии, Орловский государственный
университет

A.M. KOMAROVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department
of English Philology, Orel State University

ЕЩЕ РАЗ О СТАТУСЕ ПРЕДЛОГА

ONCE AGAIN ABOUT THE STATUS OF THE PREPOSITION

Статья посвящена проблеме границы между служебными и знаменательными словами и в связи с этим промежуточному статусу предлогов.

Ключевые слова: предлоги, промежуточный статус, служебные слова, структура значения, номинация.

The article treats the problem of the boundary line between notional and functional words and following it the status of prepositions.

Keywords: prepositions, dubious status, function words, parts of speech, nomination.

Статья посвящена некоторым проблемам семантики предлогов, их статусу, функционированию и способам снижения интерференции родного языка при обучении предложным словосочетаниям для предотвращения ошибок в их использовании. В соответствии с этим статья распадается на три части. В первой обсуждаются проблемы классификации частей речи и предлагается шкала степени релевантности разных классификационных критериев. Во второй более детально обсуждаются разные аспекты семантики и функции предлогов как особой части речи промежуточного характера. Третья часть содержит практический материал, который анализируется в когнитивном ключе, помогающем выявить разницу «картинок» мира, внутренней формы в соотнесенных английских и русских словосочетаниях, зачастую приводящую к ошибкам из-за «эффекта обманутого ожидания». Дополнительно в этой части предлагается способ табличного представления семантики как отдельных предлогов, так и синонимических рядов.

Прежде чем перейти к вопросу о возможности трактовки статуса предлога как служебной, знаменательной или особой части речи промежуточного характера, мы считаем необходимым остановиться на вопросе классификации частей речи вообще, который до сих пор не снимается с повестки дня, поскольку ни один из предлагаемых критериев не дает, в результате, до конца последовательной классификационной сетки из-за сложности самого объекта описания, из-за отсутствия жесткой границы между частями речи. В связи с этим рассчитывать на безостаточную классификацию означало бы пренебрежение одним из основополагающих законов диалектики – перехода количества в качество: различие объектов (в нашем случае – классов лингвистических единиц) даже по одному из совокупности признаков отсылает их в разные классы при совпадении прочих характеристик. Это – трудность объективного характе-

ра. Другая трудность носит субъективный характер и проистекает из акцента при попытке классификации на каком-либо из критериев в зависимости от «шкалы» их ценности – формальном в широком смысле слова (морфологическом, дистрибутивно-заместительном, синтаксическом), семантическом или их совокупности, что в результате приводит к большему или меньшему количеству классов, и, соответственно, эти классы являются более крупными или менее крупными (ср. классификации Ч. Фриза, включающую четыре знаменательных класса слов, и «классическую» – из восьми, как, например, у О. Есперсена). Более крупные классы получаются при опоре на один из критериев, а привлечение совокупности критериев даёт более дробную классификацию в силу дополнительных ограничений, налагаемых каждым из критериев.

При попытке формального выделения частей речи (функциональных классов) в одних случаях расширение границ класса происходит при привлечении позиционно-дистрибутивного критерия, при этом отбрасывается семантический критерий. В других случаях исследователи переводят определённую группировку слов из одной традиционно выделенной части речи в другую, обосновывая это либо семантически – (идентичностью предметно-логического содержания соотнесённых однокоренных слов), либо формально-регулярным маркированием функционального отличия таких коррелятов. Здесь речь идёт о том, что, например, традиционно причисляемые к наречиям образования на -ly относят к прилагательным, т.е. отношения между членами соотнесённой пары трактуются как словоизменяемые, а не словообразовательные. По такой логике абстрактные существительные по общности предметно-логического содержания можно было бы вывести из класса существительных и «развести» их по нескольким частям речи (соответственно глаголу и

прилагательному) на основе как предметно-логической общности с производящими основами, так и на достаточно регулярном морфемном маркировании (excite – excitement; kind – kindness).

Еще одна возможность при вычленении частей речи – последовательное привлечение совокупности критериев – казалось бы, должна давать более адекватную классификацию; тем не менее, выделяемые классы оказываются семантически гетерогенными, например, класс имён существительных, которые объединяют на основе как формального критерия (синтактико-морфологического), так и декларируемой семантической общности, а именно, идеи предметности, при этом очевидно, что такая общность кажется мнимой, поскольку конкретные существительные называют предметы, а абстрактные – признаки в широком смысле слова.

Вышесказанное подводит нас к необходимости сравнения диагностической силы морфологического, синтаксического и семантического критериев и построения шкалы их диагностической силы. Сравнение формальных критериев, с одной стороны, и семантического – с другой, показывает, что формальные критерии релевантнее семантического, т.к. хотя части речи называют лексико-грамматическими разрядами, тем не менее, часть речи – категория, прежде всего, грамматическая, строевой костяк языка и перекося в сторону семантического критерия привёл бы к объединению языковых единиц в семантические поля, а не в функциональные классы, и поэтому формальные критерии служат в качестве своеобразного блокирующего устройства. Затем на основе семантического критерия возможна дальнейшая субкатегоризация в рамках крупных телеологических подразделений. Например, к первому атрибутивному классу относятся детерминативы (указатели определённости/неопределённости), порядковые числительные (указатели порядка), квалитативы (указатели качества). Сравнение формальных критериев с этой точки зрения между собой указывает на меньшую диагностическую силу синтаксического критерия, чем морфологического, поскольку в одной и той же функции могут выступать разные классы слов.

В результате можно построить шкалу нарастания диагностической силы упомянутых критериев:

семантический → синтаксический → морфологический.

Выше речь шла, в первую очередь, о частях речи традиционно относящихся к знаменательным за исключением особой части речи – местоимений, которые разнородны как грамматически, так и семантически. Специфика этой частит речи усугубляется размытостью номинативного характера их семантики в пользу преимущественно указательного характера, что, по нашему мнению, позволяет квалифицировать эту часть речи как промежуточную между знаменательными и служебными.

Вопрос о соотношении номинативного и указательного в семантике разных частей речи в качестве индикатора их принадлежности к знаменательным, служебным

или словам промежуточного статуса релевантен и для предмета нашего исследования – предлога как части речи. Этот вопрос, в свою очередь, ведет к другому, глобальному, который не имеет однозначного решения – о том, что считать лексическим значением. Иногда значение трактуется широко как внутренняя сторона слова как знака без разграничения лексического и грамматического в его содержании. При выделении лексического аспекта значения существуют разные подходы к его трактовке: субстанциональный – фактически психологический (по А.И. Смирницкому) как отражение денотативной реальности; релятивный, эксплицируемый с помощью логического треугольника и интерпретирующий значение как отношение между референтом, звуковой оболочкой и понятием; когнитивный – как симбиоз психологического и лингвистического и т.д. Для практических же исследовательских целей используется один из вариантов компонентного анализа – например, дефинитивный, в результате которого значение репрезентируется в виде конструкта пирамидального характера, где семантические компоненты иерархически упорядочены. Логично предположить, что если в вершине находится сема частречной принадлежности, определяющей базовую семантическую характеристику слова, с одной стороны, и морфолого-синтаксическую – с другой, то нет непроходимой грани между лексическим и грамматическим значениями семантики слова.

Еще одним аргументом в пользу мысли об условности границы между лексическим и грамматическим в слове и имеющем отношение к предлогам, может явиться особый компонент, который удобно назвать имплицативным и который соотносится, например, с селективными ограничениями на сочетаемость, в частности, когда речь идет о признаковых словах в широком смысле слова – прилагательных, глаголах, абстрактных существительных, семантика которых, естественно, соотносена с референтами – носителями признаков. Этот компонент (РИК) может быть более очевидным (в случае единичной уникальной сочетаемости, например, shrugshoulders), или менее очевидным (при широте референтной отнесенности, например, visible...), от чего зависит его отражение или же неотражение в составе словарной дефиниции в силу очевидности соотнесенного имплицитируемого референта признакового слова.

Говоря в связи с имплицативным компонентом о предложной семантике, мы считаем возможным трактовать его несколько расширительно, имея в виду его прогностический потенциал относительно левого и правого аргументов и, тем самым, относительно фрагмента ситуации – будь то реальной или виртуальной. Представляется возможным, в таком случае, распространить эту мысль на практически все части речи и считать, что селективные ограничения на сочетаемость есть изъятие из имплицативного компонента семантики любого слова.

Теперь, учитывая вышесказанное, вернемся к тезису об особом статусе предлогов как части речи, в связи с чем попытаемся провести параллель между харак-

теристиками лексического значения знаменательных слов и семантикой предлогов. Последнее время наблюдается отход от приписывания предлогам только грамматического значения, в частности, синтаксического. Предлогам действительно присуще грамматическое значение как и любой другой части речи, и это не делает их грамматическими элементами, что иногда постулируется, и не лишает их индивидуального значения несмотря на некоторую, на первый взгляд, размытость значения некоторых из них (которая может сниматься в составе предложных словосочетаний) – ведь у знаменательных слов значение тоже может быть достаточно неопределенным. Кроме того, в высказываниях может и не быть предлогов, а, тем не менее, синтактико-логическая связь осуществляется за счет других ресурсов.

Чем же характеризуется индивидуальное значение предлогов и можно ли в зависимости от этого называть его лексическим? Во-первых, представляется, что правомерно представить семантику предлога тоже как конструктор (структуру) и интерпретировать частеречную сему как маркер, далее – общий вектор\импликативный компонент (например, локативность, директивность), затем сема рангом ниже (например, нахождение внутри объекта) и далее дифференциальные семы, объективируемые при сопоставлении синонимических предложных цепочек. Во-вторых, как уже было сказано выше, предлоги, как и знаменательные слова, могут характеризоваться наличием импликативного компонента в широком смысле слова (определенными селективными ограничениями на правую и левую сочетаемость), задающим координационную сетку, «разруливая» ситуацию в конкретных высказываниях. В связи с этим можно сказать, что у предлогов в словосочетаниях двойная роль. Если точка отсчета – сам предлог, то у него обобщенное векторное значение (направление, локальность и т.д.), и его аргументы (существительные, прилагательные, глаголы) реализуют, детализируют его импликативность. Если же отталкиваться от аргументов предлога как предиката, то возможность подстановок разных предлогов в трехчленные предложные словосочетания представляет предлог в качестве детализатора. Соответственно, оценка информационного вклада предлога в словосочетание зависит от ракурса его рассмотрения. В-третьих, говоря о роли предлогов в семантизации словосочетаний, можно опять упомянуть их способность, как и способность знаменательных слов, к метафоризации, но в рамках концептуальной метафоры, когда с помощью предлога в словосочетании пространство, например, может осмысливаться как реальное, так и виртуальное. Помимо вышеприведенных характеристик предлогов следует отметить, что исследователи не отказывают предлогам и в возможности как полисемии, так и синонимии. Наконец, особо следует оговорить роль предлогов в восприятии неносителями языка некоторых сочетаний с ними как фразеологических. Здесь имеются в виду сочетания с теми предлогами, которые кажутся «неожиданными» из-за несовпадения когнитивных образов (фрагментов картин мира) в сопоставляемых

языках (ср.: *lieon\dependoni* лежать на\зависеть от, где отсутствует параллелизм в использовании предлогов), о чем речь пойдет далее.

Итак, подводя итог сравнению семантики знаменательных слов и предлогов, можно говорить об их параллелизме, но при этом остается вопрос, можно ли считать индивидуальное значение предлогов лексическим. Решение этого вопроса возвращает нас к проблеме роли номинативной функции для постановки диагноза. Представляется, что предлогам присуща не номинативная, а указательная функция, но при этом нельзя не учитывать сделанной выше попытки продемонстрировать наличие параллелизма между семантикой знаменательных частей речи и предложной. Представляется в связи с этим, что, с одной стороны, было бы более корректным говорить об индивидуальном значении предлога как части речи, а не о лексическом, а с другой – принять и связи с этим его промежуточный статус и не относить его однозначно в разряд служебных частей речи.

Теперь перейдем к прагматической части статьи, имеющей целью показать, как учет особенностей характеристик предложной семантики, с одной стороны, и опора на комплексный подход при обучении владению предложными словосочетаниями – с другой, может снизить отрицательное влияние интерференции как переноса навыка с родного языка на иностранный и, тем самым, сделать более эффективным учебный процесс. (разные картины мира, отсюда фразеологичность а также от эллипсиса; учитывать когнитивные образы; сводить полисемию к ядерному значению, через которое объяснять другие.

Предлоги представляют не только особый теоретический, но и прагматический интерес, что подтверждается наличием большого количества как диссертационных исследований, так и практических пособий, в некоторых из которых содержатся критические методические замечания наряду с попытками привнести некоторые новые методы, подходы и техники.

В качестве критических замечаний в обзорах приводится, в первую очередь, атомизм описания семантики предлогов в отрыве от речевого использования; ориентация только на описание ситуаций их использования; привлечение переводного метода (поиск предложного эквивалента). Проведенный нами анализ некоторых пособий и словарей позволяет добавить к этому списку и другие критические моменты. При словарном представлении семантики синонимических предлогов их дефиниции являются взаимно отсылочными; при подаче полисемантической структуры предлогов не выделяется стержневой компонент в качестве отправной точки семантического развертывания в случаях полисемии; попытка систематизировать материал не в алфавитном порядке, а на логическом основании постепенно перерастает в перечисление денотативных зон; списки словосочетаний с фиксированными предлогами (своего рода фразеологических словосочетаний) выделяются нерегулярно. Перечень этих недостатков практически является мостиком к тому, «что такое хорошо» в процес-

се преподавания, как это нам представляется. Очевидно, что для решения этой лингво-методической проблемы надо выделить разные цели и, соответственно, разные методы их достижения.

Во-первых, это первичное представление семантики предлога в стержневом значении с привлечением переводного метода или графики в случае параллелизма с русскими соотнесенными словосочетаниями, например, в случае с локативно-директивными предлогами. При этом дается указание на возможность семантического развертывания по модели метафорического переноса с иллюстрирующей примерами, тем самым готовя студентов к адекватной интерпретации предложных словосочетаний метафорического характера с развертыванием действия в виртуальной реальности. Например, в паре *inthebox – inthemind* стержневым компонентом является гиперсема «вместилище». В связи с этим представляется, что нет нужды противопоставлять при наличии полисемии два подхода к ее трактовке – заполнение семантической схемы и преобразование исходного значения, поскольку первое есть следствие (результат) второго и относительно предлогов.

Во-вторых, это выделение предложных словосочетаний, представляющих особую трудность и ловушку в связи с несовпадением фрагментов лингвистической картины мира сопоставляемых языков и, тем самым, когнитивных образов, требующих декодирования в многочисленных предложных словосочетаниях при сравнении с соответствующими русскими словосочетаниями. Например, в паре *inthetree – на дереве* локативная гиперсема (по другой терминологии база/фон) реализуется в двух модификациях (соответственно профиль/фигура) – «вместилище» и «поверхность»; то же самое наблюдается и в парах *inthepicture – на картине* и *inthelap – на коленях*. В случаях такого рода несовпадений мы имеем дело с фиксированными предлогами, своеобразными фразеологическими единицами с ними (с точки зрения «инакомыслящего»), сочетаниями, которые требуют как осмысления, так и последующего закрепления. При работе с такими словосочетаниями необходима установка преподавателя на самостоятельное раскрытие механизмов и факторов порождения несоответствий в конкретных случаях с опорой на предлагаемые современными исследователями методы и с распространением выявленного фактора в качестве алгоритма на группы аналогичных случаев. Так, например, в ряду *shootat, smileat, cugat, lookat* имеет место визуализация действий во всех этих сочетаниях по аналогии с первым в виде траектории полета стрелы (что можно и графически репре-

зентировать), а в соответствующих русских сочетаниях такая аналогия отсутствует. В качестве фактора, приводящего иногда к несоответствиям с ожиданиями, можно привести глубинный и, как следствие, поверхностный эллипсис. Так, если сравнить сочетания *playformoney* и «играть на деньги», то в обоих случаях для объективации глубинного смысла возможна экспликация – в первом примере целевая (*playtogetmoney*), во втором – локативная (играть с деньгами на кону).

Третья цель заключается в необходимости делимитации семантики синонимических предложных цепочек, что возможно с привлечением сопоставления дескрипций нескольких словарей, ситуаций их употребления в контексте, а также когнитивных и психо-сенсорных методов исследования, результаты которых должны излагаться в доступной обобщенной форме. Работа с синонимическими цепочками требует особой кропотливости, поскольку это работа с нюансами, и поэтому плодотворным здесь представляется учет предлагаемых исследователями факторов, когнитивно-ориентированных в широком смысле слова. С одной стороны, при работе с локативно-директивными предлогами рекомендуется учитывать местонахождение наблюдателя, его «параметры», перцептивное и когнитивное состояние человека (Талми, Пирс). С другой стороны, критикуя собственно когнитивный подход, исследователи идут дальше, предлагая учитывать прихосенсорное восприятие субъекта и совершать при осмыслении предложных сочетаний т.н. «ментальные путешествия». Однако, как нам представляется, если визуализация с последующей репрезентацией является объективной в смысле воспроизводимости для других, то идея ментального путешествия как метода проникновения в «подкладку» предложного сочетания кажется сугубо индивидуальным и имеет скорее теоретическую, чем практическую ценность.

Подводя итог данному разделу статьи (как следует из вышесказанного), мы считаем возможным еще раз подчеркнуть, что цель, характер предложных сочетаний оправдывает выбор методов и средств при первичном предъявлении материала (переводной метод, контрастный подход, визуализация и графическая репрезентация, табличное представление синонимических рядов, группировка аналогичных примеров на основе единого образа, прогнозирование метафорических возможностей, анализ функционирования). Однако вышесказанное не отменяет необходимости привлечения разнообразных средств для его дальнейшего освоения.

М.А. КОМОВА

кандидат искусствоведения, доцент, кафедра истории
России, докторант, филологический факультет,
Орловский государственный университет
E-mail: mariamna.orel@mail.ru

M.A. KOMOVA

Candidate in Arts, Associate Professor, Department of
History of Russia, Doctoral Faculty of Philology, Orel State
University
E-mail: mariamna.orel@mail.ru

О ДАТИРОВКЕ «СКАЗАНИЯ О НИКОЛЕ НОВОСИЛЬСКОМ»*

ON THE DATING OF «THE LEGENT OF NICOLA NOVOSILSKY»

В статье исследуется «Сказание о Николe Новосильском (Добром)» на предмет датировки малоизученного памятника позднесредневековой русской литературы, выявляются датирующие факторы посредством сравнения близких мотивов обретения икон в иных средневековых текстах, а также сопоставления с известными историческими событиями.

Ключевые слова: сказание, повесть, средневековый текст, икона, иконография.

In the article the legend on Nikola Novosilskiy (Kind)» regarding dating of the little studied monument of late medieval Russian literature is investigated «, the dating factors by means of comparison of close motives of finding of icons in other medieval texts, and also comparisons to known historical events come to light.

Keywords: legend, story, medieval text, icon, iconography.

Сказание, которое повествует об иконе Николая Чудотворца, почитавшегося в городке Новосиле, не было оформлено в единый литературный текст и состоит из зафиксированных в краеведческой печати и в среднике иконной доски устных рассказов, бытовавших в Новое время. Наиболее полное изложение и публикация новосильского Сказания принадлежит церковному историку архимандриту Задонского монастыря Геронтию (Кургановскому; 1838-1903) [1; 5], исследовавшему историю монастырей Воронежской округи. Согласно этим записям первое упоминание об иконе Николы Новосильского произошло, «когда на Киев постоянно стали нападать половцы, и княжеская семья нередко находилась в опасности, то великий князь Юрий Долгорукий отправил свою жену в Новосиль, а с ней и икону Святителя Николая, пред которой половчин был дан на поруку. Великая княгиня прожила здесь около года и оставила икону в местном женском монастыре Святого Ильи Пророка. По упразднении Ильинского монастыря икона Святителя Николая была перенесена в Свято-Духов монастырь. Но при царе Алексее Михайловиче она была вывезена в Москву. А так как монастырь содержался главным образом на сборе денег при хождении с этой иконой, то монахи, испытывая скудость средств при отсутствии иконы, подали царю челобитную, и икона была возвращена и теперь находится в Свято-Духовом монастыре и составляет древнейшую и первую святыню храма», «главной святыней этого монастыря был чудотворный образ Святого

Николая, Мирликийского Чудотворца. Образ этот, по преданию был писан преподобным Алимпием [МАК: Алипием], художником и подвижником Киево-Печерской Лавры, жившим в начале XI столетия. На этой иконе внизу было написано крупными буквами с сокращениями и титлами, что в 1111 году пред сею иконою [МАК: исходя из фото 1915 г. такой надписи на иконе не было], клялся в Киеве Половчанин об отдаче выкупа за свое освобождение из плена. Об этом чуде над Половцем, совершившимся от иконы Святителя Николая Чудотворца, повествуется в летописях тех лет. Так и среди язычников распространилась слава истинного Бога, благодаря чудесам Святителя Николая, и они, в связи с этим, удерживали и стесняли степняков (половцев) в их диких набегах на Русь».

Икона св. Николая Новосильского активно почиталась в Тульской епархии и в близлежащих уездах Орловской губернии в XVIII-XIX вв. До своей утраты после 1919 г. [2] икона находилась в Новосильском Духовом монастыре Тульской епархии.

По другой версии, икона Николы Новосильского была первично «вложена» в восстановленную новосильскую обитель царем Алексеем Михайловичем в 1663 г. [2; 4]. Это ближе к реалиям второй половины XVII в. Тогда по царским указам в возрождаемые храмы пограничного региона активно передавались иконы и церковная утварь, что исследовано В.М. Неделиным на архивных материалах. Источники XVII в. зафиксировали в новосильской округе два монастыря: Ильинский и Духов. Архимандрит Геронтий (Кургановский) в на-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 15-04-00437)

чале XX в., ссылаясь на тексты Писцовых книг 1628, 1648 и 1676 гг., повествовал о событиях, произошедших в монастыре в 1619, 1628 и 1637 гг. (последняя дата – в связи с разорением его татарами). Отметим, что в первой половине XVII в. все строения монастырей были деревянными и не отличались дорогим внутренним убранством. С тем временем связано легендарное перемещение иконы в Москву из девичьей Ильинской обители. Это была общепринятая практика. Ранее ряд местных икон Богоматери – Свенской Печерской при Иоанне IV Васильевиче и Курской Коренной при Федоре Иоанновиче – были отправлены для чествования в столицу, а затем ее возвращение в мужской Свято-Духов монастырь. События, связанные с перемещением Святынь, были зафиксированы в Сказаниях об этих иконах. В новом каменном Троицком соборе монастыря, построенном в 1771 г. на месте одноименной деревянной церкви с Никольским приделом до 1919 г., вероятно, хранилась древняя икона Святителя Николая. Отметим, что Никольский придел упоминается в Писцовой книге стольника Бориса Максимовича Игнатьева и подъячего Василия Никифорова 1685 г.

Документов, датированных ранее последней трети XVIII в. и подтверждающих почитание новосильской святыни, не найдено. Согласно исследованию архимандрита Геронтия (1901 г.), начиная с 1776 г. икона принимала участие в крестных ходах: в 1776 г. икону приносили в храмы Севского Духовного, а в 1780 г. – Мценского Духовного правлений. В XIX в. с иконой устраивались большие и малые крестные ходы. Самым продолжительным был ход от Троицына дня до сентябрьских праздников, завершающих церковный год, когда «жители села всех возрастов приходят в монастырь в полном праздничном наряде и, взявши св. икону, несут ее пешком иногда верст 40-50» [2; 5].

Новосильский текст не сохранил орфографии и стилистики вероятного древнего памятника, поэтому проведем сравнительный анализ его сюжетной линии с киевскими текстами, т.к. повествование начинается с отъезда княгини из Киева. Это событие произошло якобы в середине XII в., если датировать текст временем княжения Юрия Долгорукого, проводившего переговоры с половцами в 1153-1154 гг. и совершившего походы в места их кочевий в Диком поле. Факт пребывания супруги Долгорукого в Новосиле подтверждает летопись по Воскресенскому списку: «В 1154 году прииде княгини Юрьева, Киеву из Новосила». Возвращаясь в Киев, княгиня, якобы, оставила образ Николы в Ильинском девичьем монастыре, где он и пребывал до упразднения в 1663 г. [10].

Из текста легенды также следует, что икона была привезена из Киева и была киевского письма и приписывалась иконописцу Алипию Печерскому. В потребности приписать авторство иконы легендарному киевскому мастеру можно предположить аллюзию к тексту «Сказания о зачатии Свенского монастыря». Этот текст, где впервые упоминается икона Богоматери Свенская, повествует о происхождении местной иконы Богоматери

Свенской Печерской, привезенной из Киева в Брянск в 1288 г., приписываемой также кисти Алипия. «Сказание о зачатии Свенского монастыря» сформировалось около 1583 г. после возвращения иконы Богоматери Свенской с почестями из Москвы [8; 9]. Надо отметить, что ряд местночтимых икон Брянщины в XIX в. приписывались кисти иконописца Алипия (например, образ святителей Афанасия и Кирилла Александрийских, который, согласно местному преданию, был привезен из Киева вместе со Свенской иконой). Кроме того, написание имени иконописца как «Алимпий», а не «Алипий», приписывание его творчеству ряда местных и столичных икон характерно для местной публицистики рубежа XIX-XX вв. (например, в работе архимандрита Иерофея, историографа Свенского монастыря) [6].

Местное предание о древнем происхождении иконы Николы Новосильского (с поздним дополнительным наименованием «Добрый») следует сопоставить с киевской легендой XI в., позднее вошедшей в состав Четий Минеи и проложного жития Николы Чудотворца как «Чудо святого Николы о половчине, створившееся в граде Киеве» [7]. С текстом Пролога XVII в., с состав которого под 9 (21) мая входил рассказ о чуде с половцем, в Духовом монастыре были хорошо знакомы. Так в 1663 г. в обитель в виде царского дара были вложены икона святителя Николая (в дальнейшем «Николы Новосильского») и одна из старопечатных книг с текстом Жития чудотворца Николы (том «Пролога» за март, апрель и май с дарственной подписью внизу каждого листа: «Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, Всея Великая и Малая и Белая России Самодержец, пожаловал сию книгу в Новосильский уезд, в Духов монастырь, в церковь Живоначальной Троицы, лету 7171 (от Р.Х. 1663 г.) августа в 8 день, подписал приказу Большого Дворца Подъячий Исидор Скворцов») и сохранялась в монастырском книжном собрании в XVIII-XIX вв. [2]. В основе фабулы одного из проложных сказаний – чудо, произошедшее с пленником-половцем, который перед образом святого Николая Чудотворца пообещал своему хозяину-киевлянину пригнать табун лошадей, если тот даст ему волю. Негласно святитель посредством своей иконы выступил поручителем за имущество киевлянина, который, поверив половцу, подарил ему свободу. Но бывший пленник не спешил исполнять обещание. По легенде, вскоре половец заболел, упав с лошади, и во сне ему явился св. Николай, напомнив о данном обете. Испытав сильное потрясение, половчанин пригнал два табуна – один для киевлянина и второй для постройки церкви святому Николу [3]. Надпись на иконе из Свято-Духова монастыря близ Новосила утверждала, что это якобы и есть киевская икона, от которой в древности произошло указанное чудо [10]. Воспринимаемая как часть Сказания об образе Николы Новосильского надпись связала воедино киевский и новосильский тексты.

Для датировки названного текста Сказания следует учитывать возобновленное почитание иконы Богоматери из Свенского монастыря в XIX в.; характерное для

Поочья начала XVIII в., популяризацию святынь Киево-Печерского монастыря; особое народное отношение к древним иконам как эталонным; исторические сведения, проливающие свет на бытование и чудотворной иконы Николы в Новосиле. Мы можем предположить, что часть

текста о Николе Новосильском начала формироваться к середине XVIII в. по аналогии со Сказаниями о местночтимых монастырских иконах на основе текста жития святителя из Пролога, устных памятней и исторических заметок, зафиксированных на иконной доске.

Библиографический список

1. Акиншин А.Н. Геронтий / Православная энциклопедия. Москва, 2011. Т. 11. С. 413-414.
2. Архив Неделина В.М. Неделин В.М. Новосильский Свято-Духов мужской монастырь: Историческая записка. Орел, 1995 [машинопись]. Л. 1-15.
3. Великие Миней Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Декабрь 6-17. М., 1904. Стб. 680-686.
4. Вознесенский А., Гусев Ф. Житие и чудеса св. Николая Чудотворца. СПб., 1899. С. 254.
5. Геронтий (Кургановский), архимандрит. Исторический очерк Новосильского Свято-Духов монастыря Тульской епархии. Тула, 1901. С. 4-19.
6. Иерофей, архимандрит. Брянский Свенский Успенский монастырь // Орловские епархиальные ведомости. 1911. № 24. С. 703-709.
7. Крутова М.С. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997. С. 120-121, 124, 185.
8. Пясецкий Г.М. О явленных и чудотворных иконах в пределах Орловского края в период зависимости от Черниговской и Брянской епархий до конца XV в. // Орловские епархиальные ведомости. 1870. № 10. С. 657-659.
9. О Свенской чудотворной явленной иконе Божией Матери // Орловские епархиальные ведомости. 1865. № 6. С. 234-243.
10. Троицкий Н.И. Новосильская икона св. Николая "Доброго" // Светильник. 1915. № 9-12. С. 75.

References

1. Akinshin A.N. Gerontius / Orthodox Encyclopedia. Moscow, 2011. Vol.11. Pp. 413-414.
 2. Archive by Nedelin V.M. Nedelin V.M. Novosilsky Holy Spirit Monastery Historical note. Orel, 1995 [typing]. Pp. 1-15.
 3. The Great Saints Chetii collected by Metropolitan Macarius. December 6-17. Moscow, 1904. Pp. 680-686.
 4. Voznesensky A., Gusev F. The Life and Miracles of St. Nicholas. Petersburg, 1899. P. 254.
 5. Gerontius (Kurganovskaya), the archimandrite. The Historical Sketch Novosilsky Monastery of the Holy Spirit Tula diocese. Tula, 1901. Pp. 4-19.
 6. Hierotheos, the archimandrite. The Bryansk Svensky Assumption Monastery // Orel diocesan sheets. 1911. № 24. Pp. 703-709.
 7. Krutova M.S. The Saint Nicholas the Wonderworker in ancient literature. Moscow, 1997. Pp. 120-121, 124, 185.
 8. Piasecki G.M. About phenomena and miraculous icons within the Orel region in the period depending on Chernigov and Bryansk diocese until the end of the XV century // Orel diocesan sheets. 1870. № 10. Pp. 657-659.
 9. The Svensk miraculous appearance of the icon of Our Lady of Orel // Orel diocesan sheets. 1865. № 6. Pp. 234-243.
 10. Troitsky N.I. The Novosilsky icon of St. Nicholas "The Good" // Svetil'nik. 1915. № 9-12. P. 75.
-
-

М.А. КОРОБКО

аспирант, кафедра истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет
E-mail: mari-korobok2009@yandex.ru

М.А. KOROBKO

Graduated student, Department of history of Russian literature of the XI-XIX centuries, Orel State University
E-mail: mari-korobok2009@yandex.ru

**ЖАНР В ФАНФИКШН: ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФАНДОМОВ
«ШЕРЛОК», «МЕРЛИН», «СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ»)**

**GENRE IN FANFICTION: THE PATTERNS OF USAGE (BASED ON FANDOMS «SHERLOCK»,
«MERLIN», «SUPERNATURAL»)**

В статье исследуются закономерности использования жанровой системы в фанфикшн, где наиболее частотными оказываются жанры «слэш», «романтика» и «ангст». Отмечается близость в понимании жанра фанфикшн и фольклорного жанра. Особое внимание уделяется сложностям в определении термина «жанра» в фанфикшн, а также объема понятия.

Ключевые слова: фанфикшн, фандом, жанр, слэш, романтика, ангст.

This article examines patterns of genres' system usage in fanfiction, where the most popular genres are «slash», «romance» and «angst». It is worth mentioning that the understanding of fanfiction as a genre is quite close to that of the folk genre. Special attention is paid to the difficulties in defining the term «genre» in the fanfiction as well as the concept.

Keywords: fanfiction, fandom, genre, slash, romance, angst.

Проблема жанрового определения в фанфикшн представляется наиболее сложной для анализа, поскольку в науке и в самой культуре фанатства не сложилось точного определения «жанра». Из большого количества «жанров» фанфикшн исследователей в подавляющем большинстве интересует «слэш» как проблема гендерного самоопределения авторов фанфиков: этому аспекту посвящены многие зарубежные работы [8; 9; 10], заложенным традициям следуют и отечественные научные исследования [2; 4; 6]. Однако следует обратить внимание на комплексный анализ жанровой системы фандомов, что поможет выявить закономерности развития сообществ в аспекте выбора фикрайтерами «жанра» фанфика.

В качестве материала исследования были выбраны три фандома («Шерлок», «Мерлин» и «Сверхъестественное»), которые оформились на крупном русскоязычном ресурсе фанфикшн – сайте <http://ficbook.net/>. Выбор фандомов обусловлен тем, что каждый из них основан на сериальной продукции с похожими типами персонажей и особенностями построения их взаимоотношений.

Для исследования создана электронная база фанфиков: общее количество текстов в фандоме «Шерлок» составило 1272 текста, в «Мерлине» – 1793 фанфика, «Сверхъестественное» – 2682 текстов. Наблюдение за развитием сообществ проводилось с момента появления первого текста до 27.08.2013 года (2010-2013).

Сайт <http://ficbook.net/> предлагает для авторов и читателей 35 «жанров», которые являются универсальными для всех сообществ, находящихся на фикбуке. Вместе с рейтингом и пейрингом жанр является одной из обязательных категорий фанфикшн.

Наибольшую трудность, как уже было сказано, представляет само определение понятия «жанр» применительно к фанфикшн. Дело в том, что опираться на литературоведческое понимание этого термина полностью мы не можем. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001) «жанр литературный» трактуется как «тип словесно-художественного произведения, а именно: 1) реально существующая <...> разновидность произведений (эпопея, роман, повесть, новелла в эпике; комедия, трагедия и др. в области драмы; ода, элегия, баллада и пр. – в лирике); 2) 'идеальный' тип или логически сконструированная модель конкретного литературного произведения, которые могут быть рассмотрены в качестве его инварианта» [7]. Однако в фандомах под понятие «жанр» попадает не только тип произведения. Можно выделить следующие понимания «жанра» в сообществах вообще:

1. Жанр = тип произведения. В этом случае фанфики четко разделяются на три основных «жанра» фанфикшн: гет, джен и слэш. Подобное распределение во многом связано с возрастными ограничениями. Так, джен (general) – жанр, не описывающий романтических отношений и допускающий прочтение для всех возрастных групп (в идеале соотносится с рейтингом G); гет (het, heterosexual) – связан с описаниями гетеросексуальных отношений (должен соотноситься с рейтингом PG-13); слэш (slash) – жанр, связанный с описаниями гомосексуальных отношений между героями фанфика (должен соотноситься с рейтингами R и NC-17). Однако нами уже было замечено, что слэш активно существует совместно с общедоступным рейтингом, поэтому при-

веденное распределение не может претендовать на универсальность (См. Коробко М.А. «Рейтинг в фанфикшн: закономерности использования», Москва, 2015).

2. Жанр = модель построения текста. В этой категории рассматриваются такие «жанры», как AU, POV, songfic, ER и многие другие. Основное их отличие в том, что эти жанры задают исключительно структуру и вопросов содержания практически не касаются. Из 35 жанров, которые выделяет сайт, в данной категории представлено 18 (подавляющее большинство).

3. Жанр = настроение фанфика. Такие «жанры» фанфикшн, как флафф, hurt/comfort, повседневность, ангст и др., задают эмоциональный фон текста, но никак не влияют на структуру и содержание фанфика. Отмечено 8 «жанров» из 35.

4. Жанр = собственно жанр произведения. Здесь отмечаются такие «жанры», которые напрямую связаны с литературными: романтика (= роман), драма, фэнтези, фантастика, детектив, ужасы.

Мы можем заметить, что наиболее значимо для фикрайтеров (а точнее для культуры фанатства) задать модель построения будущего фанфика. Постоянное использование одних и тех же моделей, предлагаемых сайтом, порождает множество вариантов, основанных на одном оригинальном произведении. Возможность использовать в одном тексте сразу несколько «жанров» в разы увеличивает количество вариантов фанфиков.

Использование типичных моделей при создании фанфика свидетельствует о сходстве понятия «жанр» в фанфикшн и фольклоре. Так, В.Я. Пропп понимает фольклорный жанр как «совокупность произведений, объединенных общностью поэтической системы, бытового назначения, форм исполнения<...> Специфика жанра состоит в том, какая действительность в нем отражена, какими средствами эта действительность изображена, какова ее оценка, каково отношение к ней и как это отношение выражено» [5]. В.П. Аникин называет жанром «тип образно-поэтической структуры, который <...> приобретает вневременные черты» [1].

Каждому фольклорному жанру свойственна «общая идейная сущность» [3], связанная с изображением жизни народа, отражением его психологии, идеалов, воззрений. Единой задачей фольклорного жанра является всестороннее отображение действительности. Общие идеи и задача приводят к сходству тем, сюжетов и героев, что в свою очередь сказывается на принципах и средствах изображения: для фольклорных жанров характерна простота, краткость, сюжетность и т.д., – а также на особенностях композиции произведения.

«Общая идейная сущность» прослеживается и в жанрах фанфикшн. Во многих фанатских текстах, основой для которых служит исторический или же фэнтезийный канон, мы наблюдаем использование реалий современной действительности. Например, у Мерлина могут оказаться джинсы, а покушение на Артура, по словам Гаюса, было профессионально «срежиссировано». Подобные явления говорят о стремлении отразить в тексте действительность, близкую автору и читателю.

Типичность образов, сюжетов и поэтики прослеживается и в фанфикшн, о чем свидетельствует паблик «Шыдевыры Фикбука» (http://vk.com/bredovii_fanfiki), где под тегом #типичный_фанфег выкладываются скриншоты фанфиков, описывающих стандартные и уже надоевшие читателям истории, героями которых чаще всего выступают Мэри Сью или ОЖП. «Типичные фанфегги», как правило, представляют собой краткую безграмотную зарисовку, в которой акцент делается на действие, нежели на отражение чувств и душевного состояния персонажа; герои не раскрываются, а типично описываются «йуными аффтарами». Например, типичный сюжет с Мэри Сью в «Шерлоке» может начинаться примерно так:

«Наверное, стоит представиться. Меня зовут Полина Мориарти, а моего брата Джим Мориарти. Раньше мы жили вместе в Лондоне, а потом я уехала к тете в Санкт-Петербург с целью получения высшего образования. И вот, после долгого обучения, я снова приехала на Родину. Лондон совсем не изменился с тех пор» (Фанфик: «Второй-в-мире консультирующий детектив» Автор: Pouline).

Участники сообщества сами высмеивают подобную стандартность, о чем говорит ироничное название тега. Фанаты даже могут предполагать, чем же закончится «типичный фанфег», и даже угадывать концовку. Все это свидетельствует о том, что фанфикшн в целом свойственны типичные образы, сюжеты и особенности построения текста. В этом проявляется сходство фанфиков с текстами фольклора.

Сходство с жанром в фольклоре мы наблюдаем также и в стремлении к взаимодействию: в рамках одного фанфика могут сочетаться сразу несколько жанров, и это нормально для текста фанфикшн. Кроме того, «жанр» в фанфикшн, как и в фольклоре, генетически связан с другим, существовавшим ранее (не обязательно в фанфикшн). Так, к примеру, излюбленный авторами «слэш» берет свое начало в японской традиции, связанной с мангой в стиле «яой» – «жанр манги и аниме, изображающий гомосексуальные отношения между мужчинами. Целевой аудиторией яоя и авторами яойной манги являются девушки и женщины, как правило, гетеросексуальные» [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Яой>].

Расплывчатые границы понятия «жанр» приводят к тому, что у пользователей возникает понимание фанфикшн как жанра литературного произведения, а не самостоятельного явления. Трудность в определении и понимании «жанра» в фанфикшн может быть связана со следующими моментами:

1. Неоднозначность характеристики конкретных жанров. В фанфикшн существуют такие жанры, которые по сути обозначают одну и ту же схему или же настроение (различия между ними несущественны). Сравним: angst – сильные переживания, физические, но чаще духовные страдания персонажа, в фанфике присутствуют депрессивные мотивы и какие-то драматические события [<https://ficbook.net/genres/angst>]. Darkfic – фанфик с мрачным содержанием. Среди тем таких фанфиков –

физическое и сексуальное насилие, нанесение увечий, самоубийство и т.д. [https://ficbook.net/genres/darkfic];

2. Избыточность. Жанров на ресурсе довольно много, и начинающий автор (иногда и опытный фикрайтер) теряется в изобилии жанровой системы, поэтому тексты подчас маркируются не теми жанрами, которыми должны;

3. Совпадение с предупреждением. На ресурсе <https://ficbook.net> помимо категории «жанр», присутствует и категория «предупреждение». Зачастую некоторые предупреждения принимаются авторами за жанр (ОЖП, Мэри Сью и др.).

Но несмотря на отсутствие четких границ понятия, все члены сообщества легко используют принятую в фандоме терминологию, неправильного толкования того или иного «жанра» в фанфикшн вообще и в сообществах в частности быть не может.

Для дальнейшей работы мы будем понимать «жанр в фанфикшн» как **типичную модель построения фанатских текстов, отражающую общие черты для группы конкретных произведений: основные, с точки зрения фикрайтера, события в фанфике, мотивы и сюжетные элементы, а также определенный эмоциональный настрой.**

Из 35 «жанров», предлагаемых сайтом <http://ficbook.net/>, в исследуемых сообществах наиболее активно используется «слэш» (~50% от общего числа текстов в каждом конкретном фандоме), что может свидетельствовать об отходе от жанровой системы канонических сериалов.

Сравним:

– сериал «Мерлин», жанры «фэнтези, драма, приключения, семейный» – в фандоме «Мерлин» 903 фанфика-слэш;

– сериал «Шерлок», жанры «триллер, драма, криминал, детектив» – в фандоме 597 фанфиков-слэш;

– сериал «Сверхъестественное», жанры «ужасы, фэнтези, триллер, драма, детектив» – в сообществе 1290 текстов жанра слэш.

Такую привязанность к слэшу К.А. Прасолова, Линор Горалик, К. Хэлликсон и многие другие исследователи объясняют гендерным фактором: «девять десятых авторов фанфика – женщины» [2]. Слэш рассматривается как чисто женская практика: с одной стороны, протестная (попытка вписать себя в текст как равноправного партнера), с другой – как жанровая модификация эротики (женские фантазии, облаченные в более или менее литературную форму) [4]. Возможно, следует несколько расширить такое понимание слэша, поскольку эротические фантазии и протест слабо объясняют стремление девочек от 12 до 16 лет писать слэш. Вероятно, здесь прослеживается момент «запрета»: гомосексуализм в России не принято позиционировать и популяризировать, это, своего рода, «запретный плод», и поэтому условно табуированный слэш вызывает такой интерес.

Другими популярными «жанрами» в исследуемых сообществах являются «романтика» – «фанфик о нежных и романтических отношениях, как правило,

имеет счастливый конец» (<https://ficbook.net/genres/romance>), и «ангст» – «это сильные переживания, физические, но чаще духовные страдания персонажа, в фанфике присутствуют депрессивные мотивы и какие-то драматические события» (<https://ficbook.net/genres/angst>). Представим в таблице количество текстов этих «жанров» в фандомах:

Таблица 1.

Объем текстов с жанрами «романтика» и «ангст» в фандомах «Шерлок», «Мерлин» и «Сверхъестественное»

Фандом \ Жанр	«Шерлок»	«Мерлин»	«Сверхъестественное»
«Романтика»	356 текстов	596 текстов	726 текстов
«Ангст»	356 текстов	567 текстов	756 текстов

Популярность романтической линии объясняется стремлением фикрайтеров создать для любимых героев идеальные взаимоотношения. При этом отношения совершенно необязательно между разнополыми героями, даже наоборот: жанр «романтика» часто сочетается со слэшем. В оригинальных сериалах «Шерлок», «Мерлин» и «Сверхъестественное» было мало интересных женских персонажей, с которыми главные герои могли бы построить отношения, и авторы фанфиков восполняют этот пробел в трех направлениях:

1. Описывают неканонические отношения между героем и существующим женским персонажем (Артур/Моргана, Шерлок/Ирэн, Сэм/Руби).

2. Создают оригинальный женский персонаж (ОЖП) или вписывают себя в текст (Мэри Сью).

3. Слэш. Если нет подходящих женских персонажей, авторы фанфиков ставят в отношении главных героев (Шерлок/Джон, Артур/Мерлин, Дин/Сэм).

Если популярность жанра «романтика» свидетельствует о некотором отходе от традиции канонических сериалов (ни один из сериалов не отмечен жанром романтики), то востребованность «ангста», наоборот, может говорить о сильном влиянии канона на фанон. В оригинальных телевизионных сериалах важное место отводилось эмоциональному напряжению, сильным переживаниям центральных персонажей. Авторы фанфиков стараются сохранять стиль и атмосферу канонических сериалов, делать свои тексты узнаваемыми и популярными в сообществах. Так, мы можем выделить некоторые ведущие мотивы жанра «ангст» в каждом из исследуемых сообществ:

– «Шерлок» – сюжетная линия «Пострейхенбах» (~144 текста): великий детектив спрыгнул с крыши. Авторы фанфиков рассматривают события после падения Шерлока в нескольких вариантах: Шерлок выжил – Джон счастлив; Шерлок выжил – Джон негодует; Шерлок умер – Джон страдает.

– «Мерлин» – сюжетный ход «смерть героя» (~161 текст). Создатели сериала часто используют сюжетный ход, при котором кто-то из главных героев оказывается при смерти, а другой активно ищет возможности спасения. Авторы фанфиков часто используют подобную линию развития событий, иногда привнося в нее свое видение взаимоотношений главных персонажей.

– «Сверхъестественное» – мотив ада (≈171 фанфик). Гибель главных героев, страдания Дина в аду, постоянное ощущение близости смерти – все это держит в напряжении зрителей сериала и находит отражение в текстах фанфиков в сообществе. Именно серии, связанные с приключениями в аду, стали для фикрайтеров кульминационными и сильно повлияли на содержание фанфиков.

Отсутствие четкого определения жанра в фанфикшн приводит к тому, что «жанр» некоторых фанфиков не соответствует содержанию текста. Подобное явление мы можем наблюдать в трех ситуациях:

1. Текст представляет собой статью о всех жанрах фандома («Мерлин: жанры и предупреждения» Автор: *kate_senuta*; «Шерлок в жанрах» Автор: *The Sound of Drums*; «Пирожки» Автор: *Бубеня*).

2. Текст принадлежит перу «йуных аффтаров». Неграмотные фикрайтеры подчас не могут правильно определить, о чем в их тексте идет речь, поэтому графа «жанр», как и другие, заполняются «ЙА-шками» случайно (иногда с опорой на их собственное представление о популярных жанрах в сообществе).

3. Во время написания текста «жанр» изменился, но отредактировать «шапку» фанфика фикрайтер забыл.

Возможность легко менять жанры в любой момент написания фанфика, сочетать в рамках одного текста сразу несколько «жанров» делает фанфики пластичными, склонными к вариативности.

Таким образом, мы можем отметить, что культура фанатов склонна понимать «жанр» как модель построения текста, а не как тип произведения (что наиболее близко к понятию «жанра фольклорного»). Широкое пространство интерпретации в тексте обеспечивается возможностью сочетать сразу несколько жанров в пределах одного фанфика, самыми популярными из которых в сообществах «Шерлок», «Мерлин» и «Сверхъестественное» являются жанры «слэш», «романтика» и «ангст». В последних двух отмечаются частотные сюжеты и мотивы, что говорит об определенной традиции, сложившейся в фандомах. Заявленные «жанры» не всегда совпадают с содержанием основного текста, что также говорит об отсутствии четких границ понятия «жанр» в среде фанатов.

Библиографический список

1. Аникин В.П. Теория фольклора: Курс лекций. М., 1996. С.96-111.
2. Горалик Л. Как размножаются Малфои: Жанр «фанфик»: потребитель массовой культуры в диалоге с медиа-контентом // Новый Мир. 2003, №12. С. 131-146.
3. Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество: Учебник для фил. спец. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1983. С. 26-28.
4. Прасолова К.А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX-начала XXI века (творчество поклонников Дж.К. Ролинг). Дис. канд. филол. наук. М., 2008. С.258
5. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С.36.
6. Самутина Н.В. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013, Т.12. №3. С. 137-195.
7. Тамарченко Н.Д. Жанр литературный // Литературоведческие термины (материалы к словарю). Вып. 2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук, ИНИОН, [Федер. прогр. книгоизд. России]; гл. ред. и сост. А.Н.Николюкин. М.: Интелвак, 2001. Стб. 263
8. Hellekson K., Busse K. Work in Progress// Fan fiction and fan communities in the age of the Internet, ed. Busse K. and Hellekson K. McFarland – Jefferson, NC, 2006. Pp.5-32
9. Jenkins H. Textual poachers: Television fans and participatory culture. Routledge – New York, 1992b.352 p.
10. Shave R. Slash fandom on the Internet, or Is the carnival over? //Refractory No 6 2004. URL: <http://www.refractory.unimelb.edu.au/journalissues/vol6/RShave.html> (дата обращения: 28.09.2008)

References

1. Anikin V.P. Theory of folklore: a Course of lectures. M., 1996. Pp. 96-111.
2. Goralik L. How to multiply the Malfoys: the Genre of «fanfic»: the consumer of mass culture in dialogue with the media content // New World. 2003, №12. Pp. 131-146.
3. Kravtsov N. I, Lazutin S. G. Russian oral folk arts: a Textbook for Phil.spec.universities. 2-e ed., Rev. M.: High School., 1983. Pp. 26-28.
4. Prasolova, K.A. Fanfiction: the literary phenomenon of the late XX-early XXI century (the works of J.K. Rowling's fans). Dis. Cand. of Philology. M., 2008. P. 258
5. Propp V.Y. Folklore and reality. M., 1976. P. 36.
6. Samutina N.In. The great female readers: fanfics as a form of literary experience// Sociological review. 2013, Vol. 12. № 3. Pp. 137-195.
7. Tamarchenko N.D. Genre of literature // Literary studies terms (materials for the dictionary). Vol. 2. Literary encyclopedia of terms and concepts / ROS. Acad. of Sciences, INION, [Feder. prog. publisher. Russia]; GL. red. I sost. A. N. Nikolyukin. M : Intelvak, 2001. STB. 263
8. Hellekson K., Busse K. Work in Progress// Fan fiction and fan communities in the age of the Internet, ed. Busse K. and Hellekson K. McFarland – Jefferson, NC, 2006. Pp.5-32.
9. Jenkins H. Textual poachers: Television fans and participatory culture. Routledge – New York, 1992b.352 p.
10. Shave R. Slash fandom on the Internet, or Is the carnival over? //Refractory No 6 2004. URL: <http://www.refractory.unimelb.edu.au/journalissues/vol6/RShave.html> (visited on: 28.09.2008)

Е.М. МАРТЫНОВА

кандидат филологических наук, доцент, Академия
Федеральной службы охраны Российской Федерации
E-mail: lm1973@mail.ru

E.M. MARTYNOVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Federal Guard
Service Academy of the Russian Federation
E-mail: lm1973@mail.ru

АНОМАЛИИ ОЛЬФАКТОРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

ANOMALIES OF OLFATORY BAHAVIOUR

Статья посвящена воздействию ольфакторной составляющей невербального поведения на успех коммуникации. Рассматриваются основные виды аномальных коммуникативных ситуаций, причинами которых становятся запахи, оцениваемые коммуникантами как неприятные. Анализируются возможности лингвистического описания запахов.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, запах, ольфакторная коммуникация, аномальная коммуникативная ситуация.

The article is devoted to the influence of olfactory component of nonverbal behavior on the success of communication. The essential types of anomalous communicative situations, caused by odors, estimated by communicators as unpleasant, are considered. The possibilities of linguistic description of smells are analyzed.

Keywords: nonverbal communication, smell (odor), olfactory communication, anomalous communicative situation.

Ольфакторная коммуникация, так же как и тактильная, часто находится за пределами человеческого сознания. Тем не менее биологи называют обоняние и вкус одними из самых надежных чувств для приема невербальной информации о мире. Эти два чувства связаны и могут пересекаться. В то же время ольфакция отличается от вкуса тем, что запахами можно делиться, они могут быть долговечны, распространяться за пределы одного тела и являться средством дальней связи [15, с. 179-180].

Обобщая мнения ученых в этой области знания, можно выделить следующие основные характеристики ольфакторного восприятия: 1) оно лежит больше в области эмоций, что подтверждается строением центральной нервной системы; 2) способно производить длительное впечатление [16, с. 38-39]; 3) оно подсознательно; 4) является очень личным чувством; 5) это физиологически прямой, непосредственный процесс; 6) запахи могут вызывать воспоминания, влиять на настроение и эмоциональное состояние, повышать производительность труда, уменьшать стресс, давать отдых и улучшать социальные и сексуальные отношения; 7) ольфакция является нравственной (моральной) конструкцией действительности [18, с. 187]; 8) запах распространяется медленнее, чем изображения и звуки, по крайней мере, на короткие расстояния, и в отличие от них, не может быстро изменяться; 9) иногда бывает сложно распознать источник запаха и трудно его скрыть [15, с. 181].

Запах – это естественный знак личности как физического, так и нравственного существа. Запах – это символ себя как личности [18, с. 190]. С одной стороны,

запах – природное свойство индивидуума, с другой – он может изменяться. На него влияют питание, болезни и физическая среда, а также использование искусственных ароматов [15, с. 183].

В одорологии было предпринято много попыток классифицировать запахи. Мы приведем один из подходов. Э. Синотт выделяет три основных вида запахов: естественные (запахи тела), искусственные (духи, загрязнение) и символические (ольфакторные метафоры) [18]. Можно предположить, что первые два элемента – естественные и искусственные запахи – предназначены для осуществления различных функций.

На наш взгляд, естественные запахи выполняют две функции: аттрактивную (привлекают к индивиду особей противоположного пола на физиологическом уровне) и функцию доминирования (классический пример проявления доминирования (для защиты своего мнения) среди мужчин: когда они поднимают руки и замыкают их на затылке, давая больше простора подмышечным железам для распространения своего запаха).

Искусственные запахи созданы, в основном, для осуществления аттрактивной и социальной функций. Аттрактивная функция в данном случае отличается от той же функции естественных запахов. Аттрактивность естественных запахов не намеренна, а искусственные запахи используются намеренно и призваны добавить человеку или помещению привлекательности. Об этом свидетельствует большое разнообразие товаров против «плохих» запахов.

Социальная функция осуществляется с помощью применения искусственных запахов (например, дезодорантов) для подавления естественных запахов осо-

бенно в общественных местах. Кроме положительного эффекта, это приводит к некой усредненности человека, «одинаковости», а также указывает на принадлежность к какой-то группе.

Такая характеристика ольфакции, как влияние на эмоциональность, предполагает, что восприятие запахов, как естественных, так и искусственных, выполняет еще и связующую функцию: мать-ребенок, партнеры, географическая связь или связь с домом. Для Кулибина в примере (1) родные запахи – это олицетворение дома, в котором ему уютно и комфортно.

(1) С той минуты как он (Кулибин) нашел полумертвую Ольгу, отвез в больницу, перевез в другую, еще до того, как ее положили на операционный стол, а он вернулся в квартиру, разделся до трусов и тут же уснул прямо в кресле, так вот, с той минуты как он стал просыпаться, еще не понимая, где он... его настигли запахи. Запахи этой семьи и этого дома. Еще не открыв глаза, Кулибин ощутил такую светлую радость, которая бывает только в младенчестве. Мы ее не помним, но, случается, она возвращается к нам касанием ли, словом, дуновением. И ты думаешь: «Господи! Вот оно... Бывает же... Счастье...»

Когда он открыл глаза и понял происхождение чуда – домой пришел, Кулибин сказал себе, что никогда больше он из «этого воздуха» не тронется [11, с. 255-256].

Значения запахов внешние и конструируются индивидуально или социально. Э. Синотт указывает, что сами по себе запахи не имеют значения и только люди решают, какие они [18]. О. Б. Вайнштейн называет запах «идеальным знаком, столь же чувственно-конкретным по форме, сколь и прозрачным, абсолютно пустым по содержанию». В зависимости от ситуации он каждый раз получает новое символическое наполнение [2].

К. Классен провела эксперимент, и его результаты показали, что многие из ольфакторных предпочтений и отвращений респондентов базируются на эмоциональных ассоциациях [14]. В примере (2) аромат духов «Шанель», признанный в мировом масштабе как один из самых приятных и престижных, ассоциируется у Василисы с ненавистными свекровью и мужем, поэтому теряет свою привлекательность.

(2) – А это «Шанель» – тоже новый аромат, – Вероника Петрова, обслуживавшая знаковую покупательницу, распылила из флакона-тестера на полоску картона духи и хотела отдать Василисе.

Но та не взяла.

– Ненавижу «Шанель».

– Ой, как можно ненавидеть «Шанель», это же классика, прелесть. Это навечно.

Василиса смотрела на Веронику. Как тебе объяснить, пташка-дешевка... Как сказать, что это аромат... это вонь жестокой войны, что до сих пор продолжается в доме, где я – не я, а просто жена и невестка. «Шанель» во всех своих проявлениях «носит» моя дражайшая свекровь, а мой муж-тряпка от этого аромата тащится, теряет последний ум. Вот поэтому я все это ненавижу [10, с. 286].

Таким образом, не существует приятных и неприятных запахов. Мы социализируемся, понимая, что наша культура считает плохим или хорошим запахом и воспринимает в себе обонятельный «вкус».

Давно замечено, что от запаха никуда не денешься. «Вездесущность» запаха сродни агрессии [6, с. 196]. Е. Жирицкая именует это явление «ольфакторный терризм» [5, с. 238].

Агрессивным может быть в первую очередь злое. Однако и благоухание может быть столь же агрессивным [6]. В примере (3) прокуратор страдает от запаха розового масла, который многие расценят как приятный.

(3) Более всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла, и все теперь предвещало нехороший день, так как запах этот начал преследовать прокуратора с рассвета. Прокуратору казалось, что розовый запах источают кипарисы и пальмы в саду, что к запаху кожи и конюя примешивается проклятая розовая струя. (...) О боги, боги, за что вы наказываете меня [1, с. 284-285]?

В фокусе нашего исследования находятся аномальные коммуникативные ситуации (АКС), которые характеризуются отклонением от благоприятного для коммуникантов хода диалогического взаимодействия. Основным критерием для классификации АКС, обусловленных ольфакторным воздействием, следует считать источник запаха. Выделим два вида АКС: 1) АКС, вызванные неприятным запахом, исходящим от собеседника; 2) АКС, вызванные неприятным запахом, источником которого является окружающая обстановка.

По количеству АКС, вызванных неприятным запахом, исходящим от собеседника, первое место занимают случаи ольфакторной агрессии, связанные с запахом изо рта. Параллельно с этим происходит еще и вторжение говорящего посредством запаха в личное пространство собеседника, т. е. затрагивается такая область невербальной коммуникации, как проксемика.

Ольга в примере (4) ощущает *дух перемен*, исходящий от всей личности Федора. В данном случае в АКС задействованы также такие составляющие невербальной коммуникации, как гаптика и проксемика.

(4) Она хотела на него посмотреть. Просто посмотреть. Встретились в кафе «Адриатика», что в Староконюшенном. Он нагнулся ее поцеловать. На нее остро пахло запущенным мужчиной. Сколько сидели, столько ощущала несвежесть его рта, его рубашки, волос, она даже курила, чтобы отбить этот дух перемен, хотя вообще была некурящая. Так, иногда, для понта. В ней стало расти раздражение против него же, что она пришла и теперь сидит с ним «таким» [11, с. 59-60].

Необходимо отметить, что фактор значимости (в первую очередь, социальной) человека, распространяющего неприятный запах, играет немаловажную роль и способен ослабить или нейтрализовать воздействие ольфакторной агрессии на успешность коммуникации. Как очень точно подметила героиня примера (5), вдыхать смрадный запах *Очень Большого Человека* считает-ся чуть ли не счастьем.

(5) ... тут пришлось как-то сидеть в президиуме с Очень Большим Человеком, просто, можно сказать, величайшим, так у него тоже шел запах изо рта, но ни один не отпрянул, а наоборот, все радостно его вдыхали целиком [13, с. 93-94].

Мы описали случаи, когда агрессия исходит со стороны ольфакторной составляющей невербального поведения коммуниканта. Но велика вероятность того, что в ходе коммуникации помехой может стать запах, не зависящий от собеседника, т. е. запах окружающей среды. Примеры (6) и (7) описывают положительное и отрицательное ольфакторное восприятие школьной атмосферы. В примере (6) директор школы намеренно манипулирует запахом для того, чтобы снять напряжение с возвращающихся после каникул школьников и облегчить *переход из воли в работу*. Положительный эффект достигается с помощью аромата свежее испеченных пирогов. У героя примера (7) школа ассоциируется с запахом мела и старых кроссовок, что не способствует его стремлению к учебе, от этого тошнотворного запаха ему физически становится плохо.

(6) Первого сентября «баушка» Анна Семеновна устраивала чай. Именно этим объяснялось, что в их школе пахло ванилью, корицей, пахло праздничным домом. Оксана Михайловна, увлекаясь на досуге психологией, не могла научно объяснить феномен этого запаха. Он действовал на все благотворно – проверено не одним десятком лет, а ведь по идее, по правилу он должен был все разрушать и размагничивать! Но каждое первое сентября она убеждалась: в школу, пахнущую яблочным пирогом, не заходят с криком «жратвой пахнет!», чего она раньше ждала и боялась, а вот напряжение, скованность, страх снимались у учеников определенно, и переход из воли в работу, в расписание проходил, можно сказать безболезненно [12, с. 189].

(7) Запах школы – вот что хуже всего. Запах мела и старых кроссовок, от которого трудно дышать и тошнота подкатывает к горлу [3, с. 22].

В концепте «запах» выделяют две составляющие: понятийную (объем и содержание) и лингвокультурную (этимологический, образный, ассоциативный, оценочный слой). Особое значение имеет оценочный слой, поскольку ситуация обонятельного восприятия всегда оценочна [7, с. 11].

Как утверждают ученые, семантического поля запахов не существует. Понятие «запах» включает лишь общие термины для таких субкатегорий, как «зловоние» и «благоухание» [17; 9]. Д. Спербер указывает, что в человеческой коммуникации пространство между этими двумя полюсами практически пусто [17]. Н.Д. Арутюнова также отмечает, что сенсорная оценка, связанная с чувственным опытом человека, осмысливается в терминах: приятный – неприятный, то, что нравится, – то, что не нравится [11, с. 12]. Еще одной немаловажной деталью является то, что невозможно объяснить, как что-то пахнет, если не слышал этого запаха раньше. Наверное, в этом причина того, что поэты часто используют для описания запаха сравнения (как, подобно и т. д.), а не

действительное описание. Следовательно, можно выделить, по крайней мере, три способа языковой кодировки запаха: 1) конструкции типа «запах чего-либо» (аромат розы, свежескошенной травы, свежего хлеба, моря и т. д.); 2) сравнения; 3) категории хорошего / плохого или приятного / неприятного запаха.

Если запах приятный, то он непременно *слышится, чувствуется, ощущается, струится, обволакивает* и т. д., а если неприятный, то он обычно *шибает, бьет, разит, преследует, давит* и т. д.

Русский язык располагает достаточно объемным набором средств для описания как приятных, так и неприятных запахов. К. С. Горбачевич предлагает следующий синонимический ряд с общим значением «приятный запах»:

аромат – благоухание – благовоние – фимиам

и синонимический ряд со значением «неприятный запах»:

вонь – смрад – зловоние – вонища – душок – запахок – амбре – миазмы [4, с. 27, 99].

Эти антонимичные друг другу синонимические ряды объединяет лексема «запах», поскольку является нейтральной по стилистической и эмоциональной окраске и ее значение может включать как положительную, так и отрицательную оценку. Об этом можно судить по определению, предлагаемому С. И. Ожеговым: «Запах – свойство веществ, воспринимаемое обонянием» [8, с. 198].

Как показывают фрагменты текстов, почерпнутые из художественных произведений, авторы предпочитают использовать для описания поведения коммуниканта нейтральные по своему значению существительное «запах» и глагол «пахнуть», часто добавляя к ним «отрицательно заряженные» прилагательные (*гнусный, скверный, удушающий, затхлый, противный, ужасный, омерзительный, отвратительный, тошнотворный*) и наречия (*дурно, мерзко, убийственно, скверно*).

В заключение необходимо отметить, что порой участники речевого взаимодействия недооценивают степень воздействия ольфакторной составляющей своего поведения на успешность коммуникации и, как следствие, на достижение ими коммуникативных и практических целей. Несоответствие ольфакторного элемента поведения коммуниканта представлениям и требованиям к нему собеседника может быть вполне расценено последним как попытка агрессии. Поэтому для успешности коммуникации необходимо управлять теми запахами, которые находятся под контролем коммуниканта, т. е. подчиняться социальным законам, а именно, быть ольфакторно вежливыми по отношению к другим и избавляться от неприятных в конкретной ситуации «ароматов». Те же запахи, которые мы не в состоянии контролировать, следует либо подавлять с помощью других, более приятных ароматов, либо пытаться к ним привыкнуть и в итоге не замечать. В идеале запахи окружающей среды должны обеспечивать комфорт и приносить радость для полноценной и счастливой жизни человека.

Библиографический список

1. Булгаков М. А. Белая Гвардия; Мастер и Маргарита: Романы. Мн.: Ураджай, 1988.
2. Вайнштейн О. Б. Грамматика ароматов // Иностранная литература, 2001. № 8.
3. Гавальда А. 35 кило надежды: роман. Пер. с фр. Н. Хотинской. М.: ИД «Флюид», 2009.
4. Горбачевич К. С. Краткий словарь синонимов русского языка. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.
5. Жирицкая Е. Легкое дыхание // Ароматы и запахи в культуре: В 2-х кн. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Кн. 2.
6. Зыховская Н. Л. Ольфакторная агрессия в художественном тексте // Речевая агрессия в современной культуре. Сб. науч. трудов. Под общей ред. М. В. Загидуллиной. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2005. С. 196-203.
7. Колупаева А. А. Концепт «запах» и способы его репрезентации русским языком. Автореф. ... канд филол. наук. Тамбов, 2009.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1978.
9. Риндисбахер Х. От запаха к слову: моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // НЛЮ, 2000. № 43.
10. Степанова Т.Ю. Душа-потемки: роман. М.: Эксмо, 2011.
11. Щербакова Г.Н. В поисках окончательного мужчины. М.: Эксмо, 2010.
12. Щербакова Г.Н. Вспомнить нельзя забыть. М.: Эксмо, 2008.
13. Щербакова Г. Н. Смерть под звуки танго: романы. М.: Вагриус, 2007.
14. Classen C., Howes D., Synott A. Aroma: The cultural history of smell. London; New York: Routledge, 2002.
15. Finnegan R. H. Communicating: the multiple modes of human interconnection. New York: Routledge, 2002.
16. Schleidt M. The semiotic relevance of human olfaction: A biological approach/ In Van Toller S., Dodd G. H. (Eds.) Fragrance: the psychology and biology of perfume. New York: Elsevier Applied Science, 1992. P. 37-50.
17. Sperber D. Rethinking symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
18. Synott A. The body social: symbolism, self, and society. London: New York: Routledge, 1993.

References

1. Bulgakov M.A. White Guard; Master and Margarita. Mn.: Uradjai, 1988.
2. Vainshtein O.B. Grammar of scents // Foreign Literature, 2001. № 8.
3. Gavalda A. 35 kilos of hope. M.: ID «Fluid», 2009.
4. Gorbachevich K.S. Brief dictionary of synonyms of the Russian language. M.: Publishing house «Astrel»: Publishing house «AST», 2003.
5. Zhiritskaya E. Easy breathing // Aromas and flavors in culture: 2 volumes. M.: New Literary Review, 2003. Vol. 2.
6. Zyhovskaya N.L. Olfactory aggression in the fiction text // Speech aggression in modern culture. Coll. of scientific proceedings / M. V. Zagidullina (Ed.). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Press, 2005. Pp. 196-203.
7. Kolupaeva A.A. Concept “smell” and the ways of its representation in the Russian language. Abstract of a thesis ... candidate of philological sciences. Tambov, 2009.
8. Ozhegov S.I. Russian dictionary. M.: Russian language, 1978.
9. Rindisbaher H. From the smell to the word: value modeling in Patrick Süskind’s novel “Perfumer” // New Literary Review, 2000. № 43.
10. Stepanova T. The human heart is a mystery. M.: Eksmo, 2011.
11. Shcherbakova G.N. Finding the final male. M.: Eksmo, 2010.
12. Shcherbakova G.N. Remember can not forget. M.: Eksmo, 2008.
13. Shcherbakova G.N. Death to the sound of tango. M.: Vagrius 2007.
14. Classen C., Howes D., Synott A. Aroma: The cultural history of smell. London; New York: Routledge, 2002.
15. Finnegan R. H. Communicating: the multiple modes of human interconnection. New York: Routledge, 2002.
16. Schleidt M. The semiotic relevance of human olfaction: A biological approach / In Van Toller S., Dodd G. H. (Eds.) Fragrance: the psychology and biology of perfume. New York: Elsevier Applied Science, 1992. Pp. 37-50.
17. Sperber D. Rethinking symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
18. Synott A. The body social: symbolism, self, and society. London: New York: Routledge, 1993.

УДК 81'1

UDC 81'1

Н.А. МАРТЫНОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова
E-mail: natmart79@yandex.ru

N.A. MARTYNOVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign languages and Russian language, Orel Law Institute of Ministry of Interior Affairs of RF named after V.V. Lukyanov
E-mail: natmart79@yandex.ru

ВЫБОР СПОСОБОВ НОМИНАЦИИ ПРИ ИМЕНОВАНИИ РЕАЛИЙ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

CHOICE OF NOMINATING WAY OF REALIAS OF LEGAL DISCOURSE

Статья посвящена проблемам, сопутствующим выбору способа номинации реалии в рамках правового дискурса. Дается определение дискурса. Юридические тексты рассматриваются как один из распространенных вариантов правового дискурса. Отмечаются особенности и типы терминологической лексики в английском и русском языках на примере терминосистемы права.

Ключевые слова: правовой дискурс, правовая терминология, система терминов, реалии, номинация.

This article deals with the problems, following to choice of nominative way of realias in legal discourse. Legal discourse is studied in this article. Legal texts are analyzed as a variant of legal discourse. The structure and types of terms are analyzed at the example of system of terms in English and in Russian languages.

Keywords: legal discourse, legal terminology, system of terms, realias, nomination.

В современной лингвистике большое внимание уделяется осмыслению и изучению языка как системы. Одним из основных принципов в языкознании становится системный подход к изучению языка и его уровней. Многообразие подходов к восприятию системности языка, прежде всего, свидетельствует о сложности, многомерности, многоаспектности, противоречивости и вариативности самой системы языка, его уровней и единиц.

Дискурс (франц. *discours* – речь) – в широком смысле слова представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения. Традиционно дискурс рассматривался как упорядоченное письменное, но чаще всего речевое сообщение отдельного субъекта [1].

Разработки современных ученых представляют дискурс как более сложное явление. Дискурс часто отождествляют с текстом в силу отсутствия в некоторых европейских языках термина, эквивалентного фр.-англ. *discours* (е), и к тому же ранее в объем понятия дискурс включалась лишь языковая практика. По мере роста объема исследований в данной области значение дискурса расширилось за пределы письменной и устной речи.

Дискурс рассматривается как более сложное явление, выполняющее разные функции (ритмическую, референтную, семантическую, эмоционально-оценочную и др.), а не просто текстовая или диалогическая структура.

Юридический дискурс направлен не только на точное описание положения дел в социальной реальности, но и на реализацию действий по ее изменению, что свидетельствует о специфичной для юридического дискурса цели нормирования и регулирования этой реальности. Специфика языка юридического дискурса выражается в широком использовании специализированных понятий, клише и канцеляризмов, устойчивым использованием ограниченного спектра жанрово-стилистических средств, низкой контекстуальностью и т.д.

Юридические тексты содержат и раскрывают базовые понятия юриспруденции, включают в себя критерии оценки правомерности действий, описывают технологию правореализации, создают информационные прецеденты, обладают ценностными характеристиками, а также понимаются и как репрезентированная реальность, и как социокультурный конструктор.

Что касается характеристики законодательного текста, то, несомненно, он должен быть точным по своему содержанию и вместе с тем понятным. С текстами законов обращаются иначе, чем с любым другим видом текстов. Каждый закон находится в тесной связи с другими, поэтому лингвистического понятия когерентности недостаточно для описания связей в законе. Содержащиеся в законе ссылки на другие законы или же на части текста внутри самого закона свидетельствуют о том, что законы являются особым типом организации информации, свойственным деятельности юриста, разработанным юристами и имеющим свою собственную текстовую форму. Что касается статуса законодательных текстов в сравнении с другими юридическими

текстами, то следует заметить, что, если рассматривать законодательные тексты как тексты более высокого ранга, в частности, как точку отсчета для толкования юридических понятий, то законодательные термины могут рассматриваться как эталон в отношении языковой формы, употребления и содержания.

Несомненный интерес представляет собой исследование специфики использования в процессе организации законодательного текста терминов. Сформированная терминологическая база позволяет специалисту эффективно обмениваться информацией, и, следовательно, эффективно взаимодействовать и выполнять свои профессиональные обязанности [2].

В современных энциклопедических источниках термины (от лат. *terminus* – граница, предел, конец) трактуются как «слова или сочетания слов (сложные, или дескриптивные), значения которых определяются в контексте соответствующей научной теории (дисциплины) или вообще в какой-либо отрасли знания. В этом смысле часто возникающая проблема уточнения термина предполагает их определение, устранение омонимов и обязательное фиксирование универсума рассуждения».

Термины относятся к числу категорий лингвистики, но они дают наименование соответствующим понятиям, являющимся категорией логики. Между понятием и термином, как правило, возможно наличие промежуточного звена, а именно: определения (дефиниции) понятия. Поскольку термин называет специальное понятие той или иной сферы производства, науки или искусства, юридический термин представляет собой название понятия в области юриспруденции. Специфика терминов заключается, прежде всего, в их лаконичности, точности, системной обусловленности и однозначности. Специально-юридическую терминологию нельзя ограничивать набором особо сложных юридических выражений и слов [3].

В лингвистической литературе справедливо отмечается, что термины обладают консервативностью парадигматических отношений, т.е. занимают в семантической парадигме строго определенное место, будучи при этом не ограниченными в своих синтагматических связях.

Одной из характерных черт юридической терминологии является ее общераспространенность. Самые разнообразные общественные отношения являются предметом правового регулирования. Практически нет такой сферы жизни, которой бы прямо или косвенно не касалось право. Поэтому в нормативных актах используются и бытовая лексика, и номенклатура производственных изделий, и наименования различных услуг, словарный состав самых различных отраслей знания (медицины, техники, космонавтики и т. д.).

Являясь первичным материалом для написания норм права, юридические термины имеют сквозное значение. Используя их, государство в лице своих органов власти говорит на языке права и выражает свою волю: отменяет и изменяет нормы; устанавливает новые правила поведения; закрепляет сложившиеся обществен-

ные отношения.

Терминология правовой сферы отличается от терминологии других областей знаний. Можно отметить значительное влияние латыни на формирование правовой терминологии, что привело к утрате связи между юридическим и общелитературным языками. Так, например, в процессе становления правовых институтов в Англии правовая терминология отделилась от общего языка и стала понятной только посвященным. Заимствованные из латыни слова стали узкоспециальными (исследователи отмечают, что сохранилось до 10% прямых латинских заимствований). Другой особенностью можно считать то, что в правовых терминосистемах создается особое единство лексических единиц, особая их сочетаемость и особые связи между словами, происходит дифференциация широкого и узкого значения слова в рамках данного терминологического поля (так, в юридическом языке узкоспециальное значение приобретают такие слова, как «право», «совокупность», «состав» и др.).

Юридические термины – это средства юридической техники, с помощью которых конкретные понятия приобретают словесное выражение в тексте нормативного акта. Являясь первичным материалом для написания норм права, юридические термины имеют сквозное значение. Используя юридические термины, государство в лице своих органов власти говорит на языке права и выражает свою волю: отменяет и изменяет нормы; устанавливает новые правила поведения; закрепляет сложившиеся общественные отношения. С помощью терминов какие-либо волеизъявления принимают форму конституций, текущих законов, постановлений правительства, инструкций министерства и т.д.

В юридической литературе юридические термины обычно подразделяют на три вида: а) общеупотребительные термины, которые используются в обывательской речи и понятны всем; б) специально-юридические термины, которые обладают особым правовым содержанием (аккредитив, исковое заявление и т.п.). Такие термины служат для обозначения юридических понятий, выражения юридических конструкций, отраслевой типизации и т.д.; в) технические термины, которые отражают область специальных знаний, например, правила техники безопасности, техническое обслуживание оборудования, проведение экспертизы технических решений и т.п.

Проводить исследование систем юридических терминов и понятий в английском и русском языках довольно сложно, так как приходится иметь дело не столько с самими терминами, сколько с разными правовыми системами, а следовательно, и с разными реалиями правового дискурса (как известно, существуют глубокие различия между российским кодифицированным и англо-американским прецедентным правом, которые проявляются, в том числе и на уровне терминологии). Словарное соответствие часто не дает правильного представления о лексической единице, так как за аналогичными терминами в двух языках стоят разные по-

нения или разный объем значения близких по смыслу понятий. Например, «prosecutor» означает «прокурор», однако функции этих фигур в системах американского и российского права не совпадают, и американец, услышав слово «prosecutor», представляют себе нечто иное по сравнению с тем, что вкладывает в слово «прокурор» русскоговорящий носитель языка.

Для более четкого описания юридических терминологических систем необходимо разработать классификацию терминов данной предметной области, в связи с чем возникает необходимость выбора классификационных оснований. Одним из таких оснований может являться фактор принадлежности слова к подязыку определенной сферы деятельности.

Библиографический список

1. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 1999.
2. Мартынова Н.А. Роль терминологической лексики в формировании коммуникативной компетенции специалиста// Общество и человек. 2014. № 1 (7). С. 67-72.
3. Мартынова Н.А. Терминология как конститутивный элемент научного текста: сопоставительный анализ англоязычного и русскоязычного юридического дискурсов //В сборнике: Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Межвузовский сборник научных трудов. Отв. ред. Пастухов А.Г. Орел, 2014. С. 158-167.

References

1. Gritsanov A. A. The Newest Philosophical Dictionary. Minsk: Book House, 1999.
 2. Martynova N. A. The role of terminology in the formation of communicative competence of a specialist// The Society and People. 2014. № 1 (7). Pp. 67-72.
 3. Martynova N. A. Terminology as a constitutive element of scientific text: a comparative analysis of English and Russian legal discourse //In the scientific collection: Genres and Text Types in Academic and Media Discourse. Interuniversity collection of scientific works. Editor: Alexander G. Pastukhov. Orel, 2014. Pp. 158-167.
-

М.И. МАСЛОВА

кандидат филологических наук, преподаватель,
Курская православная духовная семинария
E-mail: marinam73@yandex.ru

M.I. MASLOVA

Candidate of Philology, Lecturer, Kursk Orthodox Spiritual
Seminary
E-mail: marinam73@yandex.ru

**РАННИЕ ПОВЕСТИ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО И «ПОВЕСТЬ О СОНЕЧКЕ» М.И. ЦВЕТАЕВОЙ:
МОТИВЫ, ОБРАЗЫ, СТИЛЬ**

**THE EARLY STORIES BY F.M. DOSTOYEVSKY AND «THE STORY ABOUT SONECHKA» BY M. I. TSVETAeva:
MOTIVES, IMAGES, STYLE**

В статье выявляются особенности, указывающие на стилистическую родственность произведений Ф.М.Достоевского и М.И. Цветаевой, обращается внимание на общие для обоих авторов образы и мотивы, делается вывод об исповедальном характере последней прозы Марины Цветаевой.

Ключевые слова: повесть, мотив, образ, стиль, характер, исповедальность, психологизм.

The features indicating stylistic likeness of works by F. M. Dostoyevsky and M. I. Tsvetaeva come to light in the article, attention is paid to the images and motives, common for both authors, the conclusion about confessional nature of the last prosaic work of Marina Tsvetaeva is made.

Keywords: story, motive, image, style, character, confessional, psychologism.

Осенью 1930 года в письме к А. Тесковой Марина Цветаева писала: «Жаль, что меня никак не пристегнешь к Достоевскому...» [13, с.411]. Через семь лет, написав свою «Повесть о Сонечке», она обнаружила, что на самом деле связи ее с Достоевским гораздо более тесные, чем может показаться на первый взгляд.

Творчество Ф.М. Достоевского воспринималось Цветаевой в начале 30-х годов «как во сне – без цвета, неокрашенное, в ровном условном свете фотографической пленки, только очертания» [там же].

Весной 1934 года в письме к Ю. Иваску Цветаева вновь посетует, что Достоевский ей «в жизни как-то не понадобился», однако тут же добавит, что узнает себя «...и в Белых Ночах...и в Катерине Ивановне с шалью и голыми детьми...Это я – дома, и в быту, и с детьми, и в Советской России, и в эмиграции, я в той достоверной посудной и мыльной луже, которая есть моя жизнь с 1917 года и из которой сужу и грожу» [там же, с.421].

В этих признаниях можно искать причину ее сознательного отрицания своей творческой близости к Ф.М. Достоевскому как автору «Белых ночей» и других сентиментально-психологических повестей раннего периода его творчества. Цветаева отрицала самое важное, самое существенное именно затем, чтобы к отрицаемому привлечь внимание читателя. Это один из главных ее творческих приемов.

Признавая себя едва ли не фотографическим снимком с героев Достоевского, Цветаева одновременно отказывается от «человеческой» симпатии к их создателю: «Толстого и Достоевского люблю, как больших людей, но ни с одним бы не хотела жить, и ни в курган, ни на

остров их книг не возьму...» [там же].

Если литературных героев она воспринимала с четкостью очертаний фотографической пленки, и потому, вероятно, легко признавала сходство своей внешней жизни, своего быта, с тем, что увидено у Достоевского, то что же в личности этого «большого человека» заставляло ее акцентировать внимание на неприятии, «ненадобности» его в жизни? Что узнавала она в нем такое, что заставляло ее нетерпеливо отмахнуться: не пристегнешь... не понадобился...

А вот в 1937-ом «понадобился», когда писала «Повесть о Сонечке», когда подводила итог, прощалась с московской юностью, всматриваясь в российское прошлое сквозь пятнадцать лет эмиграции.

И еще раньше «понадобился», в Чехии, когда читала его переписку, а потом в собственных письмах к друзьям размышляла о том, как глубоко понимает его чувства, его душу. «...Если он, Крез души и духа, – пишет она о Достоевском, – томился по внешнему: людям, видам, зданиям, – все равно! – как же не томиться мне! Кроме того, я знаю, откуда это томление: голова устает думать, душа чувствовать, ведь, при отсутствии внешних впечатлений, и та и другая живут исключительно собой, собой без повода, в упор, целиком собой» [там же, с.390].

Это письмо 24-го года, жизнь в эмиграции только началась, и мотив разочарования, видимо, «эмигрировал» вместе с Цветаевой, она привезла его с собой из Москвы. Из той самой Москвы 1919-го года, где она встретила свою «Сонечку», которая мечтала «сама любить» и которая умерла, вместо «мечты» выбрав «долг».

В.С. Нечаева в книге «Ранний Достоевский», говоря о юных героинях первых сентиментальных романов писателя, характеризует их таким образом: «Все они от природы живые, непосредственные, наделенные горячим любящим сердцем, в ранней молодости уже обижены жизнью и живут с надрывом, с затаенной обидой в душе» [6, с.253].

Как указывает Марина Цветаева, истоки образа Сонечки скрываются также в творчестве названного писателя: «Диккенс в транскрипции раннего Достоевского, когда Достоевский был еще и Гоголем: вот моя Сонечка» [12, с.147] (далее ссылки на это издание с указанием тома и страницы).

Сопоставляя роман Ф.Достоевского с мемуарной прозой М. Цветаевой, мы пытаемся выявить те особенности, которые указывают на стилистическую и психологическую родственность произведений, и обратить внимание на некоторые общие для обоих авторов черты мировоззрения.

Чтобы пояснить, почему и каким образом связана цветаяевская «Повесть о Сонечке» с творчеством Ф.М. Достоевского, обратимся к предыстории этого произведения, которое представляет собой воспоминания о встрече с актрисой Софьей Евгеньевной Голлидэй.

С этой женщиной Цветаева познакомилась весной 1919 года в Москве, в период своего увлечения театром и дружбы с актерами Второй и Третьей (Вахтанговской) студий МХТ.

После чтения пьесы «Метель» Цветаевой пришлось выслушать «самые бесцеремонные оценки» относительно того, как можно играть на сцене ее героев. Среди студийцев оказалась одна восторженная слушательница, которая поняла, что сыграть все это – просто невозможно. Это была «Сонечка Голлидэй», «маленькая девочка... с двумя черными косами, с двумя огромными черными глазами, с пылающими щеками... живой пожар... И взгляд от этого пожара – такого восхищения, такого отчаяния, такое: боюсь! Такое: люблю!» (2,126).

Так описала Цветаева начало их дружбы.

«Маленькая девочка» оказалась всего на четыре года моложе поэтессы. По воспоминаниям современников, исключительно одаренная натура, она несла в себе «громданое духовное богатство, тончайший лиризм, очаровательный тонкий юмор». Голлидэй была «удивительным существом, обладавшим неким аристократизмом природы», но при этом характер у нее был «взрывчатый», она могла «уколоть за добро», была одновременно «вдумчива и капризна». «Но все это не могло затмить ее обаяние, ее ум, ее талант» (2,585).

В эти годы Марина Цветаева переживала период одиночества и душевной опустошенности. Она потеряла связь с мужем, ушедшим с добровольческой армией, одна воспитывала двух маленьких дочерей. О себе признавалась: «Я очень очерствела, и не жалею. Многие чувства оказались... сентиментальностью. Я почти совсем разуверилась в людях» [11, с.584].

Тем большую душевную привязанность питала она к младшей подруге, «темноглазой испаночке», сумев-

шей отвлечь ее от «земного быта». «О, Марина! – восклицает Сонечка. – Когда я вас увидела, услышала, так сразу, так безумно полюбила, я поняла, что вас нельзя не полюбить...» (2,126).

По свидетельству В. Яхонтова, Голлидэй великолепно читала со сцены «Белые Ночи»: «...такой чтицы, такого обаяния не сцене не было и не будет» [цит. по:17,с.276]. Цветаева тоже слушала ее выступления. Непосредственное впечатление от личности Голлидэй совместились с профессиональным «образом» актрисы: Сонечка ее воспоминаний неразделимо слилась с Настенькой, героиней Достоевского.

Лишь через 18 лет, будучи уже во Франции, получив от дочери Ариадны из России известие о смерти С.Е. Голлидэй, Цветаева обратилась к своей памяти и написала эту своеобразную «повесть о встрече», используя стилистику раннего Достоевского. Максимально сближая образы Сонечки и Настеньки, она словно отдавала дань сценическому таланту своей подруги. Не только Настенька, но и другие юные героини Достоевского (например, княжна Катя из «Неточки Незвановой» и сама Неточка), возможно, напоминали Цветаевой ее подругу и добавляли несколько иные краски к портрету Сонечки, нежели те, которыми нарисовал бы ее беспристрастный художник.

В исследованиях цветаяеведов имя Ф.М. Достоевского упоминается нечасто и главным образом в контексте анализа интересующей нас «Повести...». А. Саакянц указывает на сходство стилей, отмечая, что «по романтической эмоциональности «Повесть...» написана в духе раннего Достоевского» (2,584). В. Швейцер замечает в повести М. Цветаевой «что-то от Достоевского», слышимое лишь в подтексте: «необыкновенные дружбы, напряженность, обостренность человеческих отношений» [15, с.211]. Это «что-то от Достоевского» нуждается, на наш взгляд, в дальнейшем подробном рассмотрении. Следует обратить внимание и на то, что не только «ранний» Достоевский оказывал влияние на художественный метод Цветаевой в «Повести...». Нельзя не заметить, что под характеристику, данную В.С. Нечаевой, можно подвести и Сонечку Мармеладову, и Настасью Филипповну. Та же живость, непосредственность, горячее сердце, та же обида в душе (Настасья Филипповна) и та же ранняя обиженность жизнью (Сонечка Мармеладова). Другое дело, что Цветаева дала точные внешние характеристики, повторяющие облик героинь Достоевского: горящие черные глаза, «черные косы», пылающие щеки. Но и тут мы можем вспомнить внешность Настасьи Филипповны и узнаем те же черты, может, только более выразительные: «...волосы...темно-русые...глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное...» [3, с.30] и т.д.

Заметим, что роман «Идиот» был знаком Цветаевой уже в 1916-ом, когда она писала стихотворение, посвященное Тихону Чурилину: «Тяжело ступаешь и трудно пьешь, / И торопится от тебя прохожий. / Не в таких ли пальцах садовый нож / Зажимал Рогожин?». Если она так ярко запомнила этот образ, то вряд ли ее совсем

не заинтересовал портрет Настасьи Филипповны, ради которой и «зажимал нож» Рогожин.

Поэтому утверждать, что только ранний Достоевский интересовал Цветаеву, не совсем верно. Видимо, в чертах его героинь она нашла то, что позволило ей создать портрет, максимально отвечающий духу романтизма 19 века. При всей документальности ее прозы, это все-таки художественные творения. Еще А.И. Павловский заметил, что «к ее воспоминаниям следует, конечно, относиться как к литературе, т.е. иметь в виду, что, будучи документом, они тем не менее писались по законам художества» [8, с.30]. А в воспоминаниях Анастасии Цветаевой мы найдем тому подтверждение. Через три года после встречи с С.Е. Голлидэй Цветаева вспоминала о ней чуть-чуть иначе: «...маленькая, худенькая, огромные глаза, **светлые**, и две длинные великолепные косы...» [11, с.584]. У Сонечки в «Повести...» глаза **черные**, и косы тоже черные, т.е. портрет художественно «приукрашен».

Цветаева писала повесть в состоянии обреченности, оказавшись перед неизбежностью выбора. Она собиралась вернуться в СССР и знала, что писать там уже не сможет. Еще с 1934 года она искала возможности сказать о себе что-то главное: «Мне все эти дни хочется написать свое завещание... Не вещественное – у меня ничего нет – а что-то, что мне нужно, чтобы люди обо мне знали: разъяснение» [14, с.415-416]. Поэтому воспоминания 1937 года, названные повестью, приобрели характер исповеди, последнего слова поэта. Исповедальность обусловлена именно автобиографичностью. Б. Бурсов заметил по поводу прозы Достоевского, что у того «без автобиографизма нет исповедальности» [1, с.204]. То же мы наблюдаем в прозе Цветаевой: она в целом автобиографична, а в отдельных случаях особо лирична, исповедальна. И прежде всего это касается «Повести о Сонечке», написанной в традициях психологической прозы 19 века.

Стиль сентиментально-психологических повестей Достоевского как нельзя лучше соответствовал замыслу М. Цветаевой. Страстная, чувствительная натура главной героини воспоминаний, ее неисчерпаемая жажда любви, ее порыв к людям из собственного обреченного уединения – все это подсказало путь самовыражения для поэта: объясниться с современниками и потомками не одним авторским голосом (исповедью в чистом виде), а целым «лабиринтом голосов», «чужих слов, чужих жестов» (М. Бахтин), обнажить перед читателем не «одну единственную душу – душу самого автора», а увидеть себя в других душах, перевоплотиться.

Будучи знакомой с произведениями Достоевского с 16-ти лет, Цветаева редко писала о своих впечатлениях от его книг. Иногда она вспоминала о нем в письмах, но как-то уклончиво, с раздражением (см. выше). И только раз она упоминает его имя в своей «Повести». При этом текст «Белых Ночей» неоднократно цитируется без какого-либо комментария, гармонично сливаясь с авторским голосом Цветаевой. Вот последние слова «Повести...»:

...А теперь – прощай, Сонечка!

«Да будешь ты благословенна за минуту блаженства и счастья, которое ты дала другому, одинокому, благодарному сердцу! Боже мой! Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую?...» (2,251).

Цитируя дословно заключительные аккорды «Белых ночей», Цветаева соединяет свой голос с голосом одинокого мечтателя, потерявшего Настеньку, но обретшего в ней любовь и блаженство «на всю жизнь человеческую». Для чего ей понадобился этот мужской голос?

Перевоплощение в мечтателя, каким его нарисовал Достоевский, осуществляется в цветаевской «Повести...» в тех случаях, когда жизненные впечатления автора перекликаются с сюжетом художественного произведения.

Цветаева переносит в текст воспоминаний два абзаца из повести Достоевского с описанием состояния героя после ухода Настеньки: «Не знаю отчего, мне вдруг представилось, что комната моя постарела...». С этих слов и далее следуют 14 строк из «Белых ночей», которыми Цветаева «подменяет» авторский голос, изображая момент известия об отъезде подруги. Следует привести этот эпизод полностью, чтобы дать представление о ситуации, в которой поэтесса отказывается сама «комментировать» услышанное.

– Ну что, видели вашу Сонечку?

– Сонечку? Когда?

– То есть как – когда? Вчера, конечно, раз она вчера же уехала. Неужели она к вам не зашла?..

– «Не знаю отчего, мне вдруг представилось, что комната моя постарела... Стены и полы облиняли, все потускнело; паутины развелось еще больше. Не знаю отчего, когда я взглянул в окно, мне показалось, что дом, стоящий напротив, тоже одряхлел и потускнел в свою очередь, что штукатурка на колоннах облупилась и осыпалась, что карнизы почернели и растрескались и стены из темно-желтого цвета стали пегие. Или луч солнца, внезапно выглянув из-за тучи, опять спрятался под дождевое облако, и все опять потускнело в глазах моих, или, может быть, передо мною мелькнула так неприветно и грустно вся перспектива моего будущего, и я увидел себя таким, какой я теперь, ровно через пятнадцать лет, постаревшим, в той же комнате, так же одиноким...» (2, 237-238).

Цветаевой удалось таким образом совместить два различных состояния: переживание в момент неожиданного известия и уже успокоенного, отрешенного взгляда со стороны по прошествии лет. Вероятно, в ту минуту, когда она поняла, что уже никогда не увидит Сонечки, ее чувства были столь сильны, что передать их в воспоминаниях от первого лица она не захотела. Трагическое и вместе с тем такое обыденное явление, как одиночество таланта, его обреченность, переданы посредством переноса впечатления с человеческой личности на образы внешней действительности – дом, комнату, небо. Только после того как герой обведет взглядом все во-

круг, вероятно, в надежде «зацепиться» за что-нибудь утешительное, он готов принять очевидное.

Видимо, в сознании Цветаевой Сонечка была неотделима от образа Настеньки, поэтому в тяжелую минуту совершенно естественным и, может быть, даже облегчающим «первый удар» известия оказалось для нее перенесение действия из реальности на воображаемую сцену. События развивались почти по сюжету Достоевского, и Цветаевой, выбравшей сцену вместо реальности, оставалось лишь доиграть уготованную судьбою роль. (Когда она дописала «Повесть о Сонечке», уже при отъезде в Москву, она призналась: «...сейчас уже не тяжело, сейчас уже – судьба...») [14, с.480].

«Повесть» писалась через восемнадцать лет после пережитого, что, вероятно, и дало возможность Цветаевой оценить ситуацию со стороны, «проиграть» ее. «Но, чтобы я помнил обиду мою, Настенька?» (2,238) – задает она вопрос «со сцены», которую недавно покинула ее подруга, и отвечает из собственной жизни, уже лично от себя: «Обиды не было...» (2,238). Свое психологическое родство с героем Достоевского Цветаева подчеркивает не раз. В цитируемом ею отрывке, кроме всего прочего, говорится о паутине и растрескавшихся карнизах дома, где жил мечтатель. Страницей раньше в тексте «Повести» устами Сонечки сказано о той же паутине и трещинах, причем так, будто Цветаева живет точно в таком доме, в каком жил герой «Белых ночей». «Почему, Марина, мне все ваше пришлось полюбить, все до последней паутины в доме, до последней трещины на доме? Чтобы все – потерять?» (2,236).

Думается, Цветаева не зря вспоминает эти приметы дома. Здесь намек: я и есть тот самый мечтатель. Только, пожалуй, более удачливый: повезло ему нечаянно – полюбила его Сонечка, и дом его полюбила, и совсем не хочет все это терять. В отличие от Настеньки. А то, что Сонечка, говоря о доме и паутине, очень близка к своей сценической роли, совсем не смущает Цветаеву. Напротив, это позволяет ей усилить романтические черты своей героини, пребывающей на грани между реальностью и фантазией, в той иллюзорной, слегка бредовой атмосфере, которая так характерна для Достоевского.

Марина Цветаева любила свою Сонечку так же нежно и так же страстно, как петербургский мечтатель свою Настеньку. И даже назвать ее иначе как Сонечка никому не позволяла и сердилась, если называли просто Соня или по фамилии – Голлидэй («как мужчину!») – возмущалась Цветаева, может быть, мысленно отводя эту роль себе, сообразуясь со сценическим дуэтом).

Достоевский свою героиню тоже ни разу не называет Настей, только *Настенькой*. Это созвучие имен – *Настенька-Сонечка* – тоже не случайно. Цветаева последовательно сближает свою героиню с ее литературным «прообразом», с одной стороны, и ее сценической ролью, – с другой. Сонечка цветавских воспоминаний подкупает своей живостью, искренностью, естественностью, своим жизнелюбием и оптимизмом, своим «горячим любящим сердцем», подобно героиням Достоевского. И так же она с юности «обижена»

жизнью и живет «с надрывом». Отец ее умер рано, мать осталась в Петербурге. Старшие сестры слишком красивы (по мнению Сонечки), чтобы заботиться о себе самостоятельно, и Сонечка им помогает, обделяя себя, напоминая тем самым сказочную Золушку. Но надрыв ее не от обиды, как убеждает нас Цветаева, а от желания полноты жизни:

– Сонечка, откуда – при вашей безумной жизни – не спите, не едите, плачете, любите – у вас этот румянец?

– О, Марина! Да ведь это же – из последних сил! (2,127).

За это желание жить из последних сил и помогать при этом другим, любить всех бескорыстно и жертвенно («Сонечкино любить было – быть: н е б ы т ь в другом: сб ы т ь с ь») (2,143)) – за эту любовь была благодарна ей Марина Цветаева, за это любила ее и жалела. Так она пишет в своей «Повести». Но есть в этом произведении еще одна важная особенность. Большинство описаний характера Сонечки содержат черты, свойственные самому автору. Эмоциональный строй воспоминаний нередко нарушается каким-то чрезмерным «всплеском», наводящим на мысль о том, что Цветаева сама «скрывается» за образом своей героини.

Давно замечено, что Ф.М. Достоевский многих своих героев наделял и чертами собственного характера, и реальными деталями своей биографии. «В этом нет ничего удивительного, – пишет В.Свинцов, – способность синтезировать художественный вымысел с собственным жизненным опытом присуща любому писателю» [10, с.203]. Свинцов касается проблемы творческой эмпатии – своего рода «переселения» в образ – и замечает, что это составляет основу художественной аргументации, без которой невозможно доверие читателя к автору.

Цветаева нередко проводила параллели между личным опытом и бытием литературных персонажей. У нее была даже собственная традиция «переселения в образ». А.Эткинд писал по этому поводу, что Цветаева «подставляет» себя на место другого [16, с.565].

В «Повести» она «скрывается» и за образом Сонечки, и за персонажем Достоевского, юношей-мечтателем. Для чего понадобилось Цветаевой подобное «раздвоение»? Видимо, одновременное «переселение» автора в двух персонажей означает двойственный подход Цветаевой к своей «несостоявшейся» женской судьбе. В 1937 году Цветаева уже могла позволить себе выводы на этот счет.

По убеждению С. Сандлер, женщина и писатель в сознании Цветаевой обычно противопоставляются. Как писательница, она «увязывает себя с мужчиной, обладавшим почти безграничной словесной властью» [9, с.246]. Это замечание касается очерков 1937 года о Пушкине, где Цветаева отождествляет себя с любимым поэтом. В воспоминаниях, которые пишутся одновременно с очерками, Цветаева также отождествляет себя с мужчиной-поэтом (ведь мечтатель Достоевского был, конечно же, поэт).

Происходит это еще и потому, что воспеваются в

«Повести», с одной стороны, почти мужские отношения, мужская дружба, которая «больше чем любовь» (отношения с В. Алексеевым: «С Володей я отводила свою мужскую душу» (2,175)), с другой – недостаточность этих отношений в сознании женщины: «Если бы я была мужчиной – это была бы самая счастливая любовь – а так – мы неизбежно должны были расстаться, ибо любовь ко мне неизбежно помешала бы ей – и уже мешала – любить другого» (2,239).

В последней цитате присутствует некая мысленная соотнесенность с любовной коллизией «Белых ночей» и своеобразная переоценка ее: останься Настенька с мечтателем (то же, что: будь Цветаева мужчиной), были бы счастливы оба героя. В воспоминаниях Цветаева не раз замечает, что Сонечку мужчины не умели ценить, что не любили ее так, как она этого заслуживала. Известно, как часто она говорила то же самое о себе: «меня любили так мало, так вяло...». Можно сделать вывод, что Сонечка, помимо своей самостоятельной значимости, необходима автору еще и как воплощение его собственного чувственного начала. Она несет в себе совокупность тех черт характера Марины Цветаевой, которые не были востребованы в жизненной судьбе поэтессы. Не только общая тональность воспоминаний, но и конкретные художественные приемы свидетельствуют о сознательной ориентации на стилистику Достоевского. Во второй главе «Повести» приводятся письма С. Голлидэй к автору. Они удивительно напоминают письмо Настеньки к влюбленному в нее мечтателю:

«О, простите, простите меня! – пишет Настенька, – Я обманула и вас и себя... Я изныла за вас... я сказала, что буду любить вас, я и теперь вас люблю, больше чем люблю... Благодарю! Да! Благодарю вас за эту любовь... я вечно буду помнить... Если вы простите меня, то память об вас... никогда не изгладится из души моей. О, любите меня, не оставляйте меня, потому что я вас так люблю...потому что я достойна любви вашей... друг мой милый... помните и любите вашу Настеньку» [4; далее ссылка на это издание с указанием тома и страницы] (1, 210-211).

Письма Сонечки ничуть не уступают Настенькиным по страстности и торжественности слога: «Бесконечно благодарю вас за каждую минуту, что я была с вами, и жалею за те, что отдавала другим... очень прошу прощения за то, что я раз сказала Володе – что он самый дорогой. – Самая дорогая – вы... Если я не умру... – это только вашей любовью, и без нее умру – вернее без вас... помните меня... я знаю, что мне придется терзать себя воспоминаниями о вас ...моя Жизнь... моя любимая... милая, нежная, дорогая... Сердце мое, Марина, не забываете меня. Ваша Соня» (2, 220–223). Сонечка почти неотступно следует за «логикой» чувства и мысли героини Достоевского: благодарность за любовь, раскаяние в причиненных обидах, признание в «больше чем любви», обещание «вечной» памяти и просьба не забывать подругу. В обоих случаях используется экспрессивная и «предельная» (вечно, никогда, самый и т.д.) лексика. Обилие восклицательных знаков в одном

письме равнозначно по смысловой и эмоциональной нагрузке такому же количеству тире – в другом.

Письма выдержаны в сентиментально-романтическом духе. Подобный стиль был популярен в 30-е годы 19 века в дружеской и любовной переписке молодых людей определенного круга, например, в кружках Герцена-Огарева и Станкевича. Л.Я. Гинзбург называет атмосферу этой переписки «карамзинистской»: душевные движения «оформляются по законам сентиментализма», «интимнейшим, казалось бы, переживаниям» придается «грандиозность, высший и общий смысл» [2, с.47]. С. Голлидэй, по роду своих занятий, несомненно, знакомая со стилистикой эпистолярных жанров 19 века, строго следует этой стилистике: «...Знать, что вы – есть, знать, что Смерти – нет»; «Ваша в вечном и бесконечном Пути...»; «Жизнь моя, прощайте!»; «Наколдуй счастье и Большую Любовь...»; «...когда со мной Тот, которого я не знаю еще – и которого никогда не встречу» (2, 220–221).

Жизнь, Смерть, Путь, Любовь – заглавная буква здесь, надо полагать, не только для большей значимости и торжественности, но в какой-то мере и дань традиции, той, в которой, например, написано дышащее «грандиозностью» письмо Огарева к жене: «...Наша любовь, Мария, заключает в себе зерно освобождения человечества... Наша любовь, Мария, будет пересказываться из рода в род, все последующие поколения сохранят нашу память, как святыню...» [2, с.51].

Кроме того, читая не раз со сцены письмо Настеньки, вживаясь в образ своей героини, С. Голлидэй не могла не сжиться с ее восторженно-чувствительной речевой манерой, что и отразилось в письмах, процитированных Цветаевой в «Повести». Они вносят в произведение тот «карамзинистский» дух, который, безусловно, присутствует и в новелле Достоевского.

Созвучием «Белым Ночам» служит и столь частое Сонечкино восклицание «О, Марина!», которое в устах другого героя звучит «О, Настенька!». Это «О!», выражающее не то восторг, не то удивление и являющееся свидетельством чувствительности души, в повести Цветаевой встречается даже чаще, чем у Достоевского (учитывая, конечно, объем произведений). В «Белых Ночах» – 28 раз, в одном только письме Настеньки – 5 раз. В «Повести о Сонечке» – 50 раз, из них 39 – в монологах героини.

Междометие это придает Сонечкиной речи оттенок взволнованности и восторга, создает атмосферу высокого переживания: «О, Марина! Как я люблю боль!»; «О, Марина! Какой вы, какой вы – гений!»; «О, как я плакала...»; «О, как я завидовала...»; «О, Марина, как я ... гордилась...»; «О, как это чудесно!»; «О, да, Марина!»; «О – Вы! Марина!...» и т.д.

В речи персонажей Достоевского это междометие выполняет подобную функцию: «О, благодарю вас...»; «О, простите меня...»; «О, согласитесь, Настенька...»; «О, будьте благословенны...»; «О! Как несносен счастливый человек в иную минуту»; «О, любите меня, не оставляйте меня...» (1;169, 181, 182, 196, 211) и т.д.

Об авторской речи следует заметить, что синтаксис цветаяевской прозы, его «вольности», «постоянные запинания», «намекы и подразумевания» таят ту особую прелесть живого языка, какую мы находим, по мнению Вл. Орлова, в «неправильностях» Достоевского [7, с.17]. Эти «неправильности» и сбивчивый темп речи соответствуют, как правило, характеру героя. Сонечкина речь выдает в ней живую и эмоциональную натуру, высокий уровень душевной культуры в целом. Стилистика речи героев Достоевского, в особенности юноши-мечтателя, меняется в зависимости от обстановки и душевного состояния. Чаще именно обстановка, в которой находятся в данную минуту герои, диктует им тот или иной стиль общения. «Негладкость», «нервная стремительность слога», «торопливая взволнованность», «многословность» [5, с. 390] речи автора есть результат взволнованности, открытости, непосредственности героя и непредсказуемости его душевных движений.

Помимо стилистической общности, прослеживается связь произведений на уровне отдельных образов и мотивов. Одним из таких мотивов являются часто проливаемые героями слезы. Плачет Настенька, глядя на мутную воду канала; блестят слезинки на ее черных ресницах, когда слышит она печальную историю мечтателя; рыдает так, что «сердце переворачивается» у впечатлительного поэта, выслушивающего ее историю; вновь и вновь «ударяется в слезы» (1,188) она при мысли, что возлюбленный забыл ее. Плачет и Сонечка – «такими большими слезами – крупнее глаз» (2,139).

«Сонечка в слезах» – устойчивый образ в воспоминаниях Цветаевой, но слезы «маленькой девочки», как назвала ее поэтесса, более романтические, чем слезы Настеньки, они от чувствительности, а не от боли, чаще «капризные» и «мечтательные» (2,161;194), и только в момент расставания это слезы боли и безысходности. «Я сейчас (навзрыд плачет) в первый раз за весь этот месяц – живу, последний час перед смертью – живу...» (2,237).

И была Сонечка почти так же «привязана» к своему зеленому креслу, как Настенька к креслу бабушки, «жила в кресле», по слову Цветаевой. Однако символическое значение кресла у Цветаевой иное, чем у Достоевского. Кресло для Сонечки – «сильные широкие любящие старшие руки» (2,134), и она хотела бы в них оставаться. Настенька же стремилась прочь от своего кресла, которое у Достоевского воплощает старость и неподвижность.

Цветаева тоже считает, что «кресло – всегда старик», но при этом старик, в котором нуждаются, который может помочь, защитить «сильными» руками. А Настенька у Достоевского уже не нуждается в заботе бабушки, а потому и бабушкино кресло, к которому ее в буквальном смысле пристегнули булавкой, было ей ненавистно. Не зря же она сажала вместо себя Феклу.

Сонечкина любовь к старому креслу свидетельствует о большем ее одиночестве и драматизме судьбы. «Сонечка жила в кресле. Глубоком, дремучем, зеленом. В огромном зеленом кресле, окружавшем, обступавшем,

обнимавшем ее, как лес. Сонечка жила в зеленом кусту кресла... По тому, как она в него вгребалась, вжималась, видно было, до чего нужно было, чтобы кто-нибудь держал ее в сильных широких любящих старших руках» (2, 142–143).

В этом трогательном и любовном описании старого кресла прорывается ностальгия самой Марины Цветаевой по домашнему уюту, по семейному очагу. Ведь у нее за все время заграничных скитаний никогда не было своего мягкого уютного кресла.

Есть, конечно, у этого образа и другой символический смысл, связанный с проблемой бессознательного. Вкратце заметим, что желание иметь «старого любящего просвещенного покровителя» можно расценивать как бессознательную регрессию в детство под давлением тяжелых жизненных обстоятельств. Но это отдельная тема. И образ кресла, с этой точки зрения, может быть назван здесь лишь в ряду других символов подобного рода, характерных для цветаяевской поэтики (*овраг, пещера, утроба* и т.д., то есть все, что способно *вмещать*).

Отметим и другие созвучные произведениям Достоевского мотивы:

1. прогулки (в «Белых Ночах» – на острова, за город, по ночному Петербургу; в «Повести о Сонечке» – к Москва-реке, по ночным улицам города);

2. мост над рекой, взгляд с моста в воду; («Белые Ночи»: «В сторонке, прислонившись к перилам канала, стояла женщина; облокотившись на решетку, она, по-видимому, очень внимательно смотрела на мутную воду канал» (1,166); «Повесть о Сонечке»: «...я, посреди железнодорожного моста, заведя сквозь железные перекладины воду, от страха – села...» (2,143));

3. лестница как место, где решается судьба героев («Белые Ночи»: «Один раз мне случилось повстречаться с нашим жильцом на лестнице...» (1,183), «Думаю, я шла целый час по лестнице» (1,185); «Повесть...»: «Крестимся, встаем, сходим по узкой мезонинной лестнице в вечную тьму коридора...Последняя минута...» (2,233);

4. мезонин, где живет герой (у Достоевского – жилец, ставший женихом Настеньки, в «Повести...» – сама Цветаева, живущая на «чердаке», по ее выражению, хотя лестницу все же называла мезонинной).

Утверждение, что цветаяевская «Повесть» написана «в духе раннего Достоевского», никак не лишает ее творческой самобытности.

Художественный образ и живая индивидуальность С.Е.Голлилизэ в произведении М.И. Цветаевой психологически более убедительны, чем образ Настеньки, которая у Достоевского «пока только зародыш противоречивого и увлекающегося женского характера» [5, с.317].

Кроме того, в «Повести о Сонечке» присутствует и скрытая полемика с автором «Белых Ночей», выраженная в жестко дифференцированном подходе Цветаевой к понятиям *друг* и *возлюбленный*, тогда как в сознании героев Достоевского любовь легко замещается дружбой, добрым расположением, преданностью и т.д.

(Вспомним Настеньку, которой трудно определиться в своих чувствах: «О, Боже! Если бы я могла любить вас обоих разом!» (1,210)).

В заключение заметим, что Марина Цветаева в конце концов примирила в своем сознании, а затем и в творчестве, Достоевского-человека с Достоевским-художником. И то, что это примирение состоялось в ее

последней прозе, являющей собой нечто вроде завещания поэта своим современникам и потомкам, чрезвычайно символично.

«Вам всем в любовь, небывшие и будущие» – такими словами завершает она свое произведение. И не может она не знать при этом, как созвучны ее слова заветной мысли Достоевского.

Библиографический список

1. Бурсов Б.И. Личность Достоевского. Л., 1974.
2. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1976.
3. Достоевский Ф.М. Идиот. М., 1981.
4. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 тт. М., 1982.
5. Кирпотин В.Я. Ф.М. Достоевский. Творческий путь. 1821-1859. М., 1960.
6. Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821-1849. М., 1979.
7. Орлов В. «Сильная вещь – поэзия» / Цветаева М. Мой Пушкин. М., 1981.
8. Павловский А. Куст рябины. О поэзии Марины Цветаевой. Л., 1989.
9. Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб., 1993.
10. Свинцов В. Достоевский и «отношения между полами» // Новый мир. 1999. №5. С. 203.
11. Цветаева А.И. Воспоминания. М., 1983.
12. Цветаева М.И. Сочинения в 2 тт. Т.2. Проза. Письма. М., 1988.
13. Цветаева М.И. Об искусстве. М., 1991.
14. Цветаева М. Собр. соч. в 7 тт. Т.6. Письма. М., 1995.
15. Швейцер В. Быт и Бытие Марины Цветаевой. М., 1992.
16. Эткнд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998.
17. Эфрон А. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М., 1989.

References

1. Bursov B.I. Dostoyevsky's Personality . L., 1974
2. Ginzburg L.Y. About psychological prose. L., 1976.
3. Dostoyevsky F.M. Collected works in 12 vol. M., 1982.
4. Dostoyevsky F.M. Idiot. M., 1981.
5. Kirpotin V.Y. F. M. Dostoyevsky. Creative work. 1821-1859. M., 1960.
6. Nechayeva V.S. Early Dostoyevsky. 1821-1849. M., 1979.
7. Orlov V. "A strong thing – poetry" / Tsvetaeva M. My Pushkin. M., 1981.
8. Pavlovsky A. The mountain ash bush . About Marina Tsvetaeva's poetry. L., 1989.
9. Russian literature of the XX century. Researches of the American scientists. St.P., 1993.
10. Svintsov V. Dostoyevsky and "relations between sexes" // New world. 1999. №5. P.203.
11. Tsvetaeva A.I. Memoirs. M., 1983.
12. Tsvetaeva M.I. Compositions in 2 vol.V.2. Prose. Letters. M., 1988.
13. Tsvetaeva M.I. About art. M., 1991.
14. Tsvetaeva M. Collected works in 7 volumes. V. 6. Letters. M., 1995.
15. Schweitzer W. Marina Tsvetaeva's Way of Life. M., 1992.
16. Etkind A. Whip (Sects, literature and revolution). M., 1998.
17. Efron A. About Marina Tsvetaeva: The daughter's Memoirs. M., 1989.

УДК 811.113.6

UDC 811.113.6

И.В. МАТЫЦИНА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра германской и кельтской филологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: imatits@kmail.ru

I.V. MATYTSINA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the German and Celtic philology, Lomonosov Moscow State University
E-mail: imatits@kmail.ru

ДОКУМЕНТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

DOCUMENT AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

Несмотря на то, что слово «документ» широко употребляется как специалистами самого разного профиля, так и неспециалистами, его значение в разное время и разными людьми понималось по-разному. В статье рассматривается динамика изменений значения этого понятия и основные функции документов в истории языка делового общения в России и Швеции.

Ключевые слова: язык делового общения, функциональные стили, коммуникация, шведский язык, русский язык, перевод.

Despite the fact that the word document is widely used by both specialists in various fields and nonspecialists, its meaning was understood differently by different people in different times. The article is focused on the dynamics of the change of meaning of the notion and the basic functions of documents in the history of the language of business communication in Russia and Sweden.

Keywords: business language, functional styles, communication, Swedish, Russian, translation.

Активное изучение языка делового общения в России началось в 90-е годы, когда на фоне изменившейся общественно-политической ситуации пробудился интерес к языку, обслуживающему сферу деловой коммуникации, и был сформирован социальный заказ на изучение и совершенствование этого языка. Свойственные периоду застоя субъект-объектные отношения [24:3] в речевом взаимодействии органов власти и населения потеряли актуальность и требовали модернизации и перехода на субъект-субъектные отношения [24], для которых характерна большая прозрачность, понятность, доброжелательность, открытость и уважительное отношение ко всем участникам коммуникации.

В основе изучения языка официально-делового общения лежали труды по функциональной стилистике, однако, интерес исследователей был не только теоретическим, но и прикладным – ведь изменение стилистики языка делового общения ведет к оптимизации социального взаимодействия и играет важную роль в демократизации общества, поскольку это язык, обслуживающий такие ключевые сферы, как политика, экономика, международные отношения, торговля, юриспруденция, администрирование и др.

Исследователи выделяют следующие сферы функционирования языка официально-делового общения: *государственная* – законодательство, исполнительная власть, печать, радио, телевидение; *производственная* – промышленность, сельское хозяйство, торговля; *социальная* – загсы, социальные службы. Особняком стоит *частная* сфера бытования частноделовых документов и писем. [6]

По классификации В.В. Виноградова [7:5], в деловом стиле выделяются две разновидности – обиходно-деловой и официально-документальный стили. Официально-документальный стиль, в свою очередь, делится на: а) законодательный подстиль (язык законодательных документов) и б) дипломатический подстиль (язык дипломатических актов). Обиходно-деловой стиль также представлен двумя видами документов: а) служебной перепиской между учреждениями и организациями, б) частными деловыми бумагами.

Здесь следует оговориться: несмотря на то, что слово «документ» широко употребляется как специалистами самого разного профиля, так и неспециалистами, его значение в разное время и разными людьми понималось по-разному.

Считается, что слово «документ» происходит от documentum «учение, доказательство», в свою очередь образованного от перфектной основы *docui* – латинского глагола *docēre* «учить, обучать» [32], от которого также были образованы слова доктор (лат. *doctor* «ученый, учитель», от супина *doctum*), доцент (от формы причастия настоящего времени *docēns, -entis*), доктрина (лат. *doctrīna* «учение»). [33: 90]. В русский язык это слово пришло в начале 18 века, как заимствование из немецкого и польского языков и изначально означало «письменное свидетельство». В 1907 году «Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» [18] отмечает у слова «документ» два значения: 1) всякая официальная бумага, которая может считаться доказательством каких-либо прав или обязанностей;

2) грамота, указ, закон, письмо, дело и проч., удостоверяющее какое-либо историческое событие или дающее характеристику исторического деятеля; в широком смысле – всякое письменное удостоверение.

Позднее бельгийский ученый П. Отле (1868-1944 г.г.) расширил понятие «документ» и включил в него как материальные, так и нематериальные объекты, являющиеся проводником или передатчиком информации во времени. Тем самым в поле значения этого слова попали как тексты, так и изобразительные артефакты, фонозаписи, фильмы, театральные и радиопостановки и т.п. Кроме того он обозначил этим термином природные объекты, собранные человеком с целью создания коллекций. То есть в понимании П. Отле, документ – это любой носитель социальной информации. [29] Однако в словарях и справочниках того времени слово продолжает фигурировать в более узком значении: 1) (юридич.) всякая составленная законным порядком бумага, могущая служить письменным доказательством каких-либо прав или обязанностей; 2) исторический документ – письменное доказательство какого-либо исторического события (грамота, указ, письмо и т.п.); 3) (разг.) паспорт, удостоверение личности. [18]

Сходное понимание семантики слова «документ» отражено и в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова. Причем интересно, что в более раннем издании (1952 г.) у слова выделяется только два значения: "1) деловая бумага, подтверждающая какой-нибудь факт или право на что-нибудь; 2) письменное свидетельство о каких-нибудь исторических событиях, фактах." [28:147] А в современной интернет-версии словаря к указанным двум значениям добавляется еще одно, которое теперь занимает в списке значений вторую строчку: "удостоверение, официальная бумага, свидетельствующая о личности предьявителя". [22]

Таким образом примерно до середины 20 века в официальной терминологии семантика слова «документ» была неразрывно связана с глаголами «доказывать, удостоверить (в письменной форме)». Способность выполнять эти действия считалась неотъемлемым признаком и основной задачей документов.

В 50-х годах прошлого века начинается постепенное расширение и изменение семантики слова "документ" – оно стало использоваться как в узком значении "деловая бумага, письменное удостоверение, исторический источник", так и в более широком – "материальный объект, содержащий информацию для распространения в пространстве и времени". И еще шире – "любой материальный объект, несущий информацию" (т.е. все, "от письменного документа до [...] образцов минералов и изделий промышленности и техники"). [29]

Оперировать таким расплывчатым термином было сложно, возникла потребность уточнить его и сузить рамки понятия. Так, в 60-годы 20 века основными составляющими этого понятия были признаны два элемента: наличие информации и материального носителя и, кроме того, функциональный признак – передача информации в пространстве и во времени [16]. В 90-е годы

О.П. Коршунов и Ю. Н. Столяров предлагают трактовать документ как "материальный объект – носитель социальной информации." [29]

"Информация (от лат. informatio – разъяснение, изложение), первоначально – сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т.д.); с середины 20 века общенаучное понятие, включающее обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом, обмен сигналами в животном и растительном мире; передачу признаков от клетки к клетке, от организма к организму; одно из основных понятий кибернетики". [20]

Информация, закрепленная в документе, обладает определенными признаками:

а) является социально-значимой (создается для использования в обществе);

б) предполагает наличие определенного содержания и является результатом интеллектуальной деятельности человека;

в) является целостной и завершенной (за исключением авторских эскизов и набросков, для большинства документов характерна завершенность сообщения);

г) имеет знаковый характер (сообщение, закодированное в документе, можно понять, только зная определенную знаковую систему (де)кодирования информации);

д) облечена в материальную форму способом, созданным человеком (посредством письма, графики, фотографии, звукозаписи и др.) [29]

В настоящее время в документоведении принято следующее определение документа: «Документ – это материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом для ее передачи во времени и пространстве» [29]. Как видно из определения, само по себе наличие информации не является достаточным критерием определения «документа». Не менее важна функция – передача информации во времени и пространстве – и материальная сущность, форма, которая позволяет выполнять эту функцию. И здесь играет огромную роль носитель информации – "материальный объект, специально созданный человеком". Существование документа вне материального носителя невозможно". [29]

Наряду с главной функцией хранения и передачи информации во времени и пространстве у документов выделяются более частные функции:

а) информационная – способность служить источником информации, знаний;

б) коммуникативная – способность быть информативным средством общения (здесь выделяются два вида документов: 1) документы, ориентированные в определенном направлении: сверху вниз (законы, указы, постановления, приказы, инструкции) и снизу вверх (докладные записки, заявления, жалобы); 2) документы двустороннего действия, взаимосвязанные между собой (деловая переписка, договорные документы);

в) кумулятивная – способность документа накапли-

вать и упорядочивать информацию с целью ее сохранения. [29]

Вышеперечисленные функции свойственны всем документам. Есть также более специфические функции, характерные для того или иного типа документов. К ним относятся, например:

а) регулятивная функция – способность документа отражать стадии управления и самому быть инструментом управления и администрирования – законы, положения, уставы, приказы, протоколы и т.п.);

б) правовая функция – способность документа служить средством подтверждения каких-либо фактов (конституция, законы, указы);

в) статистическая функция – способность документа регистрировать количественную информацию (финансово-экономические документы);

г) когнитивная функция – способность документа служить средством обучения (учебник, хрестоматия и т.д.) и научной деятельности (монография, научный отчет и т.д.);

д) общекультурная функция – способность документа выступать средством закрепления и передачи культурных традиций и норм (художественная литература, кинофильмы, видеофильмы, открытки и т. д.)

е) мемориальная функция – способность документа служить “внешней памятью” общества для передачи информации от поколения к поколению (документы-артефакты);

ж) гедоническая функция – способность документа служить средством отдыха и развлечения (произведения художественной литературы, фильмы, компакт-диски и др.) [29]

Список специальных функций не является закрытым и может быть продолжен, причем его расширению способствует открытие и изобретение новых форм и новых материальных носителей.

В шведском языке слово *dokument* в 30-годы 20 века использовалось в качестве синонима слова *urkund* “свидетельство, доказательство» [33], в более поздних словарях (80-годы 20 века) у слова *dokument* отмечается уже два значения – более узкое: “*skriftligt meddelande som är avsett såsom eller kan användas såsom källa för kunskap om visst sakläge*” (“письменное сообщение, которое по своему предназначению является или может быть использовано в качестве источника знаний о некоем положении вещей” [37: 222] и более широкое: “*även om annan företeelse som är föremål för historisk tolkning*” (“также [может употребляться] по отношению к другим явлениям, представляющим собой объект исторического толкования”). В последнем случае приводится пример: “*NN:s målning är ett gripande dokument* «Живописное полотно кисти NN – пронзительное свидетельство [эпохи]». [37:222] Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от вышеприведенного русского определения, шведская формулировка расширяет значение термина, включая в круг документов объекты, которые не изначально созданы в качестве источника информации, а “могут быть использованы” в качестве такового. Отсутствует также

указание на функцию передачи информации во времени и пространстве. Документ, таким образом, воспринимается как свидетельство об определенном положении вещей. Другие шведские справочные издания конца 20 века ограничиваются только одним, узким значением слова *dokument*: “*skriftlig handling, skriftlig redogörelse*” (письменное свидетельство, письменный отчет) [36:155] С активным развитием цифровых технологий и высокой степенью компьютеризации общества возникла потребность в уточнении понятия “документ”, и в наши дни шведские интернет-словари при определении этого термина подчеркивают, что под ним должна пониматься информация, содержащаяся не только на бумажных, но и на электронных носителях. Таким образом, в шведском языке для слова “документ” принципиально важна соотнесенность с определенным материальным объектом (носителем информации), письменный характер (в узком значении термина), а также прагматический компонент – способность быть источником информации/свидетельствовать об определенном положении вещей.

В английском словаре Longman Business English Dictionary [34] приводится следующее определение слова “документ”: “*A document is a record of important information on paper or computer disk*” (21:135). Функциональный критерий (способность служить средством передачи информации) при этом не упоминается, Являясь письменной фиксацией некоего важного факта объективной реальности, документ напрямую соотносится и как бы отождествляется с ним.

Интересно, однако, что среди российских и советских исследователей есть целый ряд тех, кто, как П.В. Верховской, считает, что документы – это “не материал для чтения (т.е. *не просто источник информации*, прим. И.М.), а побудители к определенным поступкам” [8:201, цит. по 24:11), “тексты, управляющие действиями” [23:108, цит. по 24:11), “основные управляющие тексты в государстве” [9:4, цит. по 24:11). Такая точка зрения перекликается с прежним, господствовавшим почти сто лет назад представлением, согласно которому документ имеет способность “подтверждать и удостоверить”, т.е. активно влиять на ситуацию, а не просто служить средством передачи информации. Авторы, придерживающиеся такой позиции, ставят во главу угла правовую и регулятивную функции документов.

Таким образом, среди исследователей выделяются те, кто выдвигает на первый план способность документа быть носителем и средством передачи информации, и другие, для кого в документе важна его способность участвовать в процессе регулирования социальных отношений. С точки зрения функциональной стилистики эти два направления принципиально различаются: одни авторы, как В.В. Виноградов, считают, что в деловом стиле, как и в научном, доминирует функция сообщения, и противопоставляют оба этих стиля публицистическому и художественно-беллетристическому с преобладающей функцией воздействия, а также стилю обиходно-разговорному, в котором основной является коммуникативная функция. Другие, как

Л.А. Месеняшина, считают, что у документов доминирует организационно-распорядительная функция, которая является частным проявлением более общей функции воздействия. И это, по ее мнению, роднит деловой стиль с публицистическим. [24:11] Однако если для публицистического стиля характерна экспрессивность и образность, то у делового стиля эти признаки практически полностью отсутствуют, и возникает вопрос: если публицистика воздействует на читателя благодаря своей экспрессивности, за счет чего реализуется функция воздействия в «начисто лишенных экспрессивности» текстах, относящихся к документальному стилю? [24]

Отвечая на этот вопрос, исследовательница утверждает, что документу не нужна экспрессия, так как «главным средством управления были и остаются убеждение и, главным образом, принуждение». [24:11] Цитируя Дж. Р. Сёрля, автор отмечает важность определенных внеязыковых установлений, при которых «говорящий и слушающий» занимают «соответствующие социальные положения», в рамках которых «можно, соответственно, отлучать от церкви, назначать на пост, передавать и завещать имущество, объявлять войну». [26:170-194, цит. по 24] Иными словами, функция воздействия осуществляется в деловом стиле (речь идет, прежде всего, о его письменной разновидности) не за счет лингвистических, а за счет экстралингвистических факторов, которые являются объективной предпосылкой существования особого типа текстов – документов.

Точка зрения Л.А. Месеняшиной представляется нам интересной, так как при таком подходе роль документа в социальном взаимодействии не ограничивается передачей и сохранением информации. Говоря, что документ выполняет функцию воздействия, мы тем самым признаем необходимость более строгого и тщательного отбора языковых средств, более вдумчивого использования слов и синтаксических конструкций. Документ как средство воздействия прямо или косвенно влияет на одного (или обоих) взаимодействующих партнеров и создает социальный прецедент, поэтому его стилистика очень важна.

Принимая в качестве рабочего приведенное выше определение документа («Документ – это материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом для ее передачи во времени и пространстве», см. стр. 4), которое коррелирует с высказанной В.В. Виноградовым точкой зрения о преобладании в текстах делового стиля функции сообщения, мы, однако попытаемся проследить, в какой степени этим текстам свойственна функция воздействия и какие языковые средства служат ее реализации.

При этом мы будем рассматривать образцы делового стиля не как тексты, а как дискурсы, то есть обладающие внутренней организацией и формой целостные речевые произведения, вписанные в конкретный социокультурный контекст. Опираясь на точку зрения М.М. Бахтина, Л.А. Месеняшина предлагает считать границей дискурса (у М.М. Бахтина говорится о «высказывании») сме-

ну речевого субъекта. Всякое высказывание (в широком смысле слова) имеет «абсолютное начало и абсолютный конец: до его начала – высказывания других, после его окончания – ответные высказывания других (или хотя бы молчаливое ответное понимание другого или, наконец, ответное действие, основанное на понимании)». [3] При таком понимании деловой стиль представлен набором документов, каждый из которых является речевым произведением («высказыванием»), имеющим конкретного речевого субъекта и влияющим или управляющим действиями другого речевого субъекта.

Пользуясь терминологией Дж. Л. Остина¹, документы представляют собой не констатиры, то есть речевые высказывания дескриптивного характера, а перформативы, то есть высказывания, которые служат преобразованием положения дел в мире и манипулируют ментальным состоянием и поведением слушающих. В каком-то смысле они являются не языковыми построениями, а реальными действиями речевого субъекта. [25]

Влияя на адресата и внеязыковую ситуацию, документ проявляет свойства иллокутивного речевого акта, то есть высказывания, имеющего выраженную коммуникативную цель, а также перлокутивного акта, способного вызвать искомые последствия, повлиять на сознание или поведение адресата. [13]

Дж. Р. Сёрль [26] выделяет среди иллокутивных актов 1) репрезентативы, то есть такие высказывания, которые фиксируют ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения (ср. глаголы предполагать, настаивать и клясться); 2) директивы – высказывания, цель которых – попытаться добиться от слушающего совершения какого-то действия (глаголы просить, молить, приказывать и т.п.); 3) комиссивы – это иллокутивные акты, цель которых – возложить на говорящего обязательство совершить определенное действие в будущем (глагол обещать и т.п.); 4) экспрессивы – высказывания, цель которых – выразить психологическое состояние говорящего относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания (при помощи глаголов благодарить, извиняться, поздравлять и т.п.); 5) декларации, успешное осуществление которых приводит в соответствие пропозициональное содержание и реальность, изменяет действительность в соответствии со сказанным («если я успешно осуществляю акт выдвижения вас председателем, вы становитесь председателем»)

Очевидно, что многие из этих функций типичны для документов, которые часто используются для того чтобы заставить кого-то выполнить то или иное действие: «Прошу выделить мне материальную помощь в сумме...» (ср. директивы), засвидетельствовать обязатель-

¹ Такое толкование терминов является расширительным. Дж. Л. Остин называл перформативами высказывания, которые ничего не сообщая и не описывая действия субъекта, сами являются осуществлением какого-то акта или действия [17] В результате их произнесения складывается некое положение дел, имеющее для говорящего определенные последствия. По мнению Арутюновой [13:372], в таких высказываниях язык выполняет функцию, близкую к ритуальной (ср. «Я клянусь»).

ство говорящего выполнить или не выполнять какое-то действие: «Обязуюсь не разглашать сведения...» (ср. комиссивы), а также изменить существующее положение дел: «Объявляется чрезвычайная ситуация...» [24:15]

Нередки случаи, когда документ выполняет две и более функции, например, приказ об объявлении благодарности – одновременно и экспрессив, и директив. [24:15] Разные виды иллокуций есть проявления общей функции воздействия, которая, как мы уже видели, характерна для многих типов документов.

Важно, однако, что большинство классификаций речевых актов в основе своей монологичны и исходят из характеристики речевого действия, а не взаимодействия, в то время как важным свойством документа является диалогичность, которую необходимо учитывать при анализе таких текстов. Благодаря этому качеству документ не только оказывает воздействие на адресата, но и является инструментом взаимодействия адресанта и адресата и тем самым формирует стилистику официально-делового общения в том или ином языковом коллективе. Кроме того, в рамках одного и того же документа (см. выше приказ об объявлении благодарности) могут встречаться разные типы речевых актов. Таким образом, речевой акт может рассматриваться как элемент речевого жанра. [11, 10, 30, 5]

Для перехода «от речевого жанра, как единицы действия» к дискурсу, включающему в себя «коммуникативные стратегии и тактики участников общения и экстралингвистические факторы» [12], необходимо учитывать еще одну категорию – речевой жанр, понятие, которое впервые начал активно разрабатывать М.М. Бахтин.

В разных ситуациях делового общения фигурируют тексты, отличающиеся друг от друга как языковой формой, так и содержанием и представляющие собой разные жанры делового стиля. «В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы; [...] определенные, специфические для каждой сферы условия речевого общения порождают определенные жанры, то есть определенные, относительно устойчивые тематически, композиционно и стилистически типы высказываний» [3]

Дефиниция понятия «жанр» до сих пор остается спорной. Но большинство исследователей придерживается концепции М.М. Бахтина и определяет жанр как «канон, характеризующийся условно-нормативной связью содержания с формой» [16:81], «Вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» [26:8]. Мы будем использовать в качестве рабочего определение, согласно которому жанр – «род, разновидность речи, определяемая данными условиями, ситуацией и целью употребления». [3] Стиль, в свою очередь, представляет собой совокупность различных жанров, специфические черты которых в своей сумме определяют его отличие от других стилей. Описав особенности жанров, составляющих тот или иной стиль, мы получим его объективную характеристику. При этом интересно, что в деловом стиле жест-

кой регламентации подчиняется не только формальная, но и содержательная сторона текстов, что приводит к более четкой жанровой дифференциации, чем в других стилях. Есть даже специальные документы, кодифицирующие нормы написания деловых текстов (ГОСТы). Экстралингвистические конвенции накладываются на собственно языковые требования к написанию документов, превращая их в строго регламентированные и консервативные образцы текстов. «Наименее благоприятные условия для отражения индивидуальности в языке наличны в тех жанрах, которые требуют стандартной формы – например, во многих видах деловых документов» [4]

М.М. Бахтин предлагал разделить жанры на первичные и вторичные. Первичные он относил к бытовой повседневной коммуникации в условиях непосредственного общения, вторичные – к публичной и официальной коммуникации, которая имеет место в условиях, прежде всего, письменного общения. В процессе формирования вторичных жанров происходит поглощение и переработка жанров первичных. [3, 4] В целом следуя концепции М.М. Бахтина, К.Ф. Седов предлагает разделить жанры на риторические и нериторические в зависимости от степени осознанности речевого поведения. [25] «Риторический жанр требует определенных усилий и умений от адресанта, поскольку отбор и употребление тех или иных языковых средств имеет целью получение определенного эффекта и во многом зависит от удачного выражения интенции» [12] При этом встречаются промежуточные случаи: если в быту просьба обычно является нериторическим жанром, то в официально-деловом общении она может приобрести утонченно-риторическую форму. [12]

При классификации речевых жанров отечественные ученые во многом опираются на уже рассмотренную выше теорию речевых актов. Развивая эту теорию, Т.В. Шмелева предложила разделить жанры на четыре типа, в зависимости от их коммуникативной цели: 1) информативные, имеющие своей целью различные операции с информацией: запрос, предъявление, подтверждение, опровержение; 2) императивные, вызывающие осуществление/неосуществление необходимых, желательных/нежелательных для участников коммуникации событий; 3) этикетные, связанные с осуществлением поступков, предусмотренных этикетом данного социума (благодарности, поздравления и т.п.); 4) оценочные, имеющие целью соотнесение поступков участников общения с принятой в данном коллективе шкалой ценностей [30 цит. по 12]

Структура вторичных речевых жанров достаточно сложна, и они могут включать в себя целый набор речевых актов. Т.В. Шмелева считает жанрообразующими следующие признаки: 1) целеустановка; 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) диктум; 5) фактор прошлого; 6) фактор будущего; 7) формальная организация [31, цит. по 24:19]. Этот список не является исчерпывающим, однако, может служить отправной точкой при описании жанров.

Из числа перечисленных признаков можно выделить те, которые позволяют документу выполнять функцию сообщения (№№ 4, 5, 6), и те, которые напрямую соотносятся с функцией воздействия/взаимодействия (№№ 1, 2, 3). Сразу оговоримся, что это деление условно, поскольку различные функции нередко переплетаются, и граница между ними оказывается нечеткой. Однако, поскольку нас, прежде всего, интересует, каким образом документ может выполнять функцию воздействия/взаимодействия, сосредоточим свое внимание на первых трех признаках.

Целеустановка непосредственно связана с перечисленными выше четырьмя типами жанров, выделяемых в зависимости от их коммуникативной цели. Документ – всегда потенциальный диалог (иногда даже полилог) между неким речевым субъектом (автором) и адресатом, причем и тот и другой могут быть представлены как единичным лицом, так и группой лиц, и организацией, и даже целым народом (законодательные акты). Диалог этот растянут во времени, в него могут вовлекаться новые действующие лица даже после его формального завершения – документ доводится до сведения людей и продолжает “работать”, а потеряв актуальность, архивируется под определенным номером и может при необходимости быть использован в качестве материала для справки или исследования. При этом реализация роли автора и адресата в документе имеет свои особенности, среди которых, в частности, возможность сменить роль автора на роль адресата, совпадение/несовпадение адресата и автора с тем, что указано в соответствующем реквизите (случаи, когда исполнителем является не то лицо, которому документ адресован, а реальным автором содержания – не тот человек, подпись которого стоит на документе). [24:28]

Особое место среди жанрообразующих признаков занимает последний, седьмой по счету, – формальная организация документа, которая подчиняется строгим требованиям, обычно зафиксированным в государ-

ственных стандартах. В соответствии с этими требованиями большинство документов имеет определенный вид и набор реквизитов, соответствующий жанру документа. Реквизиты позволяют документу выполнять как функцию сообщения, локализуя содержание документа во времени и пространстве, так и функцию воздействия путем указания автора и адресата, установления между ними отношений равенства или подчиненности (сверху-вниз или снизу-вверх) и задавая целеустановку документа.

Сразу необходимо подчеркнуть: безусловно, деловой стиль не ограничивается письменными жанрами, но устные жанры – например, переговоры, консультация, собеседование – играют вспомогательную роль и используются для обслуживания письменных жанров, в том смысле, что они либо предваряют, либо завершают собой процесс создания документа. Поэтому нас, прежде всего, интересует письменно фиксированный текст, бытующий в форме различных достаточно строго кодифицированных жанров. Однако, несмотря на строгую формальную регламентацию, количество и набор жанров, представляющих деловой стиль, неизвестно и не поддается жесткой систематизации, во-первых, потому что для каждого института характерны свои жанры деловой письменности, а во-вторых, потому что жанры меняются с течением времени – одни уходят в прошлое, другие появляются, и даже те из них, которые сохраняются, могут изменить форму или содержание. Например, сейчас уже не актуальны следующие типы грамот 18 века: закладная, купчая, договорная, духовая, бессудная, благословенная, беглая, мировая, жалованная, меновая, отпускная и пр. [24:164]

И все же, несмотря на жанровое многообразие, характерное для сферы официально-делового общения, эти тексты имеют много общего, что позволяет исследователям рассматривать их как целостную группу, наделенную общими лексическими и грамматическими признаками.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений (оценка, событие, факт). М: Наука, 1988.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во Советской энциклопедия, 1969.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986
4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров [Электронный ресурс] URL: philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения 11.06.2015).
5. Вежбицкая А. Речевые жанры. В кн.: Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 23-38.
6. Волков С. С. Лексика русских челобитных 17 века. Л: Изд-во ЛГУ, 1974.
7. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М: Изд-во АН СССР, 1963
8. Верховской П. В. Письменная деловая речь. М.: Техника управления. 1930.
9. Веселов П. В. Современное деловое письмо в промышленности. Москва: Издательство стандартов, 1990.
10. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация, М: Гнозис, 2006.
11. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы). В кн.: Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999. С. 15-23
12. Комлева Е. В. Соотношение понятий «речевой жанр» и речевой акт» (на материале немецких апеллятивных текстов). [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/>. (дата обращения 22.06.15)
13. Лингвистический энциклопедический словарь, 1990.
14. Лингвистический энциклопедический словарь, 2002. [Электронный ресурс] URL: tapemark.narod.ru (дата обращения 22.06.2015).
15. Лихачев Д. С. Поэтика древней русской литературы. М.: Наука, 1979.

16. Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Основы информатики. М.: Изд-во «Наука», 1968.
17. Остин Дж. Л. Слово как действие. В кн.: НЗРЛ, вып. 17. М.: Прогресс, 1986.
18. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М. Попов (сост.). 1907. [Электронный ресурс] URL: www.inslov.ru (дата обращения 11.06.2015)
19. Словарь иностранных слов. Шмидт О.Ю. (ред.). Москва: Советская энциклопедия, 1933.
20. Советский энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1980.
21. Назарова Т. Б. Английский язык делового общения. Курс лекций и практикум. Москва: Астрель, 2004.
22. Толковый словарь русского языка. Ожегов С.И. (сост.). [Интернет-версия]. URL: www.ozhegov.org. (дата обращения 11.06.2015).
23. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М.: Высшая школа, 1979.
24. Русский язык для делового общения. Месеняшина Л.А. (ред.). Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1996.
25. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации. В кн.: Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: 2007. С. 7-38.
26. Сёрль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов. В кн.: НЗРЛ, вып. XVII, Москва: Прогресс, 1986. С. 170-194.
27. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. [Электронный ресурс]. URL: homepages.tversu.ru/ips/pragmf.html. (дата обращения 06.12. 2014)
28. Словарь русского языка. Ожегов С. И.(сост.). М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1952.
29. Теоретические основы документоведения. [Электронный ресурс]. URL: http://cde.osu.ru/demoversion/course123/3_0.html. (дата обращения 11.06.2015)
30. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра. Жанры речи. 1997. № 1. Саратов. С. 88-98.
31. Шмелева Т.В. Речевой жанр. Russistik. Русистика. 1990. № 2. С. 24-41.
32. Этимологический словарь Макса Фасмера [Электронный ресурс]. URL: etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer/ (дата обращения: 11.06.2015).
33. Lindedal A., Lundberg H. Etymologisk uppslags- och lärobok. Göteborg: Etymologisk uppslagsboks förlag, 1939.
34. Longman Business English Dictionary. London: Pearson, 2007.
35. Nazarova T.B. Business English Vocabulary: Stratification and Methodology. In: New Developments i Modern Anglistics. Akhmanova Readings 1996. M: Dialogue-MSU, 1997. C.27-36.
36. Prismas nya uppslagsbok. Stockholm: Raben Prisma, 1995.
37. Svensk ordbok, Stockholm: Esselte studium, 1986.

References

1. Arutyunova N.D. Types of Language Meanings: Evaluation, Event, Fact. M.: Nauka, 1988.
2. Akhmanova O.S. The Dictionary of Linguistic Terms. M.: Soviet Encyclopedia Publ, 1969.
3. Bakhtin M.M. The Problem of Speech Genres. In: The Aesthetics of Verbal Art. Moscow: Iskusstvo. 1986.
4. Bakhtin M.M. The Problem of Speech Genres [Electronic resource] URL: philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (accessed: 11.06.2015).
5. Wierzbicka A. Speech Genres. In: Speech Genres. Saratov, 1997. Vol. 1. Pp. 23-38.
6. Volkov S.S. Lexis of the Russian Petitions of XVII. Leningrad: LGU, 1974.
7. Vinogradov V.V. Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics. Moscow, 1963.
8. Verkhovskoy P.V. Written Business Discourse. M.: Management Technique, 1930.
9. Veselov P.V. Contemporarary Business Letter in Industry. Moscow: Standards publishing house, 1990.
10. Dementyev V.V. Indirect Communication. Moscow:Gnosis, 2006
11. Kozhina M.N. Speech Genre and Speech Act (Some Aspects of the Problem). In: Speech Genres. Saratov, 1999. Vol. 2. Pp. 15-23.
12. Komleva E.V. Correlation of Concepts Speech genre and speech act (omn materials of German appellative texts). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/>. (accessed 22.06.15)
13. Encyclopedia of Linguistics, 1990.
14. Encyclopedia of Linguistics, 2002. URL: tapemark.narod.ru (accessed: 22.06.2015).
15. Likhachev D.S. The Poetics of Old Russian Literature. M.: Nauka, 1979.
16. Mikhailov A.I., Chernyi A.I., and Gilyarevskii R.S. Fundamentals of Informatics. M.: Nauka, 1968.
17. Austin J.L. How to do things with words. In: New Trends in Foreign Linguistics. Vol. XVIII. Moscow: Progress, 1986.
18. Full Dictionary of Foreign Words, used in Russian. Comp. M. Popov, 3rd edition, 1907. URL: www.inslov.ru (accessed: 11.06.2015).
19. The Dictionary of Foreign Words, ed. Shmidt O.Y. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1933.
20. Russian Encyclopedia. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1980.
21. Nazarova T.B. A Course of Lectures and Practical Assignments. Moscow: Astrel, 2004.
22. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Comp. Ozhegov S.I. On-line version. URL: www.ozhegov.org. (accessed: 11.06.2015)
23. Rozhdestvensky Y.V. Introduction to General Philology. Moscow: Vysshaya Shkola (High School), 1979.
24. The Russian Language for Business Communication, ed. Mesenyashina L.A. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 1996.
25. Sedov K.F. Antology of Speech Genres. Moscow: 2007.
26. Searle J.R. Classification of Illocutive Acts. New Trends in Foreign Linguistics. Vol. XVII. Moscow: Progress, 1986.
27. Susov I.P. Linguistic pragmatics. URL: homepages.tversu.ru/ips/pragmf.html. (accessed: 06.12. 2014).
28. Russian Language Dictionary. Comp. Ozhegov S.I. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1952.
29. The Theoretical Basis of Documentation. URL: http://cde.osu.ru/demoversion/course123/3_0.html.(accessed 11.06.2015)

30. *Shmeleva T.V.* Speech genre Model. In: Speech Genres. Saratov: 1997. PP. 88-98.
 31. *Shmeleva T.V.* Speech Genre. In: Rusistika (Russian Philology). Vol. 2. 1990.
 32. Etymological dictionary of the Russian language, by Max Vasmer. URL: etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer/ (accessed: 11.06.2015).
 33. *Lindedal A., Lundberg H.* Etymologisk uppslags- och lärobok. Göteborg: Etymologisk uppslagsboks förlag, 1939.
 34. Longman Business English Dictionary. London: Pearson, 2007.
 35. *Nazarova T.B.* Business English Vocabulary: Stratification and Methodology. In: New Developments i Modern Anglistics. Akhmanova Readings 1996. M: Dialogue-MSU, 1997. C.27-36.
 36. Prismas nya uppslagsbok. Stockholm: Raben Prisma, 1995.
 37. Svensk ordbok. Stockholm: Esselte studium, 1986.
-
-

УДК 82.091

UDC 82.091

Н.А. МЕРКУРЬЕВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературы, Орловский государственный институт культуры
E-mail: 1prorector.ogiik@mail.ru

N.A. MERKURJEVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of literature, Orel State Institute of Culture
E-mail: 1prorector.ogiik@mail.ru

СИМВОЛИКА СВЕТА В ПОЭТИКЕ М.М. ПРИШВИНА

THE SYMBOLISM OF LIGHT IN M. M. PRISHVIN'S POETICS

Образ света в пришвинском творческом сознании первичен. Он ассоциируется у писателя со святостью детства, поиском правды, ростками «небылого» в душе человека. Для обозначения святого и светлого М.М. Пришвин выбирает голубой цвет. Так, в рассказе «Голубое знамя» идея революционной противопоставляется идее христианская, а окровавленному «новому красному времени» – голубое Христово знамя. Акцентное маркирование текста световыми пятнами подчёркивает переживание писателем земного мира как мира, не лишённого божественной сути.

Ключевые слова: образ света, голубой цвет, маркирование текста, поэтика, классическая традиция.

The image of lightness in the creative mind of M.M. Prishvin is primary. He associates it with sanctity of the childhood, search of the truth, sprouts of the «unknown» person in soul. M. M. Prishvin chooses blue color to designate sacrifice and light things. So, in the story «Blue Banner» the idea of revolution opposed to the idea of Christianity and the blood-stained «modern red times» opposed to the blue Christ's banner. Accent marking of the text by light spots emphasizes the writer's experience of the mundane world as the world which isn't deprived of a divine essence.

Keywords: image of lightness, blue color, marking of the text, poetry, classical tradition.

Образ света в пришвинском творческом сознании первичен. Это и свет, и святость детства, свет правды, свет, что приносит на землю Спаситель, ростки «небылого» в душе человека, конечно, свет животворящего солнца.

Светом детства отражается в жизнь писателя проникновенный образ «голубых бобров», нарисованных отцом незадолго до смерти, – символ красоты и совершенства мира, сотворчества природы и человека. «Голубой» у М.М. Пришвина – наполненный светом, несущий истину. Именно потому он воспринимается читателем как евангельская аллюзия. Спаситель видится маленькому Курымушке («Кашеева цепь») другом, улыбающимся и снимающим муку, тихим гостем с голубых полей рассвета. В рассказе «Голубое знамя» идея революционной противопоставляется идее христианская, а окровавленному «новому красному времени» – голубое Христово знамя. Очень важен именно этот избранный писателем для обозначения святого и светлого цвет. Не ослепляющее, приводящее в трепет сияние, которого не вынесет взор человеческий, привлекает М.М. Пришвина. Писатель узнавал в этом нестерпимом свете ветхозаветного Бога-Отца, «какого-то особенного, мрачного бога», «беспощадного и жестокого», что изображен на старинных черных иконах. Его образ появляется на страницах книги «За волшебным колобком» и ассоциируется у автора с соловейскими богомольцами, которые не смеют поднять головы и взглянуть на него, а потому не видят ни света, ни солнца, ни зеленой травы,

а только «в страхе стелются по своей родной земле».

Голубой свет мягок и человечен, он соотносится в поэтике М.М. Пришвина с обликом Бога-Сына, милосердного и всепрощающего, дающего надежду, счастье и жизнь. Пришвинская многозначная звукопись позволяет увидеть в Голубом и третью ипостась Господа, изображаемую на иконах в виде голубя. Акцентное же маркирование текста световыми пятнами («голубеют», «голубизна» и т.д.) подчёркивает переживание земного, тварного мира как мира, не лишённого божественной сути. Художник «измеряет человека космосом... Чувство космоса как ощущение причастности человека к общей жизни мира, как сознание того, что твое маленькое бытие растворено в «Большом Голубом», в высшей степени свойственно «Осударевой дороге», – пишет Т.М. Рудашевская [3. С.214]. Добавим, свойственно вообще всему творчеству М.М. Пришвина, в том числе – творчеству жизни.

Светлый «Голубой» М.М. Пришвина оказывается включен в контекст ортодоксальной христианской традиции, изображающей Господа не карающим, но милующим: Он бережет от растворения во тьме, Он спасает, Он незримо присутствует в сердце каждого. Герой «Мирской чаши» Михаил Алпатов даже в мрачном постреволюционном угаре ощущает Его присутствие: «...и тьма – мы не двое, а будто кто-то третий, голубой и тихий, стоит у окна и просится в дом! Голубем вострепелась радость в груди: или уже день прибавляется, и вечером голубеют снега, и открывается тайная

дверь, и в нее за крестную муку народа приходит свет голубой и готовит отцам воскресение? Свете тихий!» [2. Т.2, С.547]. Спаситель приходит к людям как «свет тихий», напоминая о своем присутствии в мире, хотя в поруганной, распятой России, обезображенной атеизмом, все труднее различать этот нежно струящийся свет. В той же повести, глубоко метафоричной, М.М. Пришвин сравнивает родную страну с катящейся по осенней грязи мужицкой телегой, к колесу которой пристал поздний голубой василек – последнее скромное указание ко спасению. «Осенью (когда свет едва оспаривает присутствие тени – М.Н.) все в грязь растекается, – смотришь, поздний голубой василек вертится, приставший на грязи колеса мужицкой телеги. Осенью непременно все в грязь растекается! [2. Т.2, С.494] Осень, чреватая смертной тоской, – «черная точка», способная навсегда скрыть свет, но она же, эта точка, дает зрячим возможность очнуться «в голубом сиянии снегов» и увидеть «весну света». «... Из нее (из «черной точки» – М.Н.) потом вырастет сила броситься, когда раскипит весенний омут, к орущим лягушкам и хоть раз в жизни орать дураком со всей тварью...» [2. Т.2, С.493].

Черная осень, черная земля ассоциируются у писателя с процессом тяжкого крестонесения, давящим проклятием труда. «Земля-крест, земля-проклятие наделяется автором характерной цветовой символикой – черная, темная земля, – замечают Г.В. Звездова, Л.В. Фролова. – По славянским поверьям черный цвет обладает наиболее конкретной и однозначной символикой и ассоциируется с мраком, землей, смертью» [1. С.189]. Однако М.М. Пришвин не переставал утверждать, что тени без света не существуют, а свет может обойтись и без тьмы. Человек здесь – тень, без которой свет будет только прозрачней, но и призрачней. В сложном, насыщенном нравственной проблематикой произведении «Кашеева цепь» писатель через изображение природы дает представление о красоте, «независимой от греха человека». Вместе с Алпатовым наблюдая в Петербурге «весну света», автор подчеркивает свое отличное от других русских писателей восприятие этого города: «Сказал ли кто-нибудь о красоте света на севере, когда после тьмы человек пробуждается в засыпанном снегом и сияющем в новом свете городе? Нет, кажется, о весне света до тех пор еще мало кто говорил, считая болезненную белую ночь истинной весной петербургского человека» [2. Т.2, С.400]. В Петербурге, болезненном и желчном, в том самом Петербурге, который классически представлен Н.В. Гоголем и Ф.М. Достоевским, герой М.М. Пришвина открывает совершенно неожиданную, независимую от человека красоту «весны света»: «Мартовский свет, разгораясь все ближе и ближе к полудню, во всем помогал Алпатову. Сверкает алмазная весна. Многие синицы в Лесном поют брачным голосом, самые красивые маленькие птички, кочуя, рассыпаются по темнеющим дорогам, снегири, свиристели, овсянки. На Невском, возле Пассажа, продают мимозы, тепличные фиалки и ландыши...» [2. Т.2, С.401].

Позже найденный здесь образ переключает в рассказ

«Город света», созданный в годы Великой Отечественной войны. В этом рассказе писатель окончательно распрощается с классической литературной традицией изображать Петербург городом дождей, туманов, «мокрого снега и тревоги белых ночей». В противоположность привычному городу-призраку, М.М. Пришвин нарисует «город света». Петербург Ф.М. Достоевского – это город похороненных надежд, ротшильдовских иллюзий, потерянной невинности, грязного самоубийства, самого нестерпимого бреда. В представлении Ф.М. Достоевского чувствуется влияние его собственной, связанной с творением Петра, несчастной судьбы: здесь он подростком испытывал разного рода страхи и унижения, впадал в тяжкую депрессию, ощущал холодное дыхание смерти. В символе М.М. Пришвина сокрыт противоположный глубочайший нравственный смысл стремления к очищению, абсолютному обновлению. Свет города света, по глубокому убеждению писателя, преодолет и победит «сокровенные источники зла». Эта конкретная фраза имеет вполне конкретный смысл, соотносясь с героическим прошлым города на Неве. Но эта же фраза безотносительно к ситуации свидетельствует об уверенности писателя в победе света над тенью, в преодолении зла в мире. В подтверждение сказанному следует вспомнить о том ключевом символе, с которого мы начинали анализ образа света. Этот символ – солнце. Побеждая тучи, закрывшие «небо души», распятое и воскресающее вновь, оно становится центром креста, изображенного в финале «Мирской чаши»: «Наверху было солнечно, правильным крестом расположились морозные столбы вокруг солнца» [2. Т.2, С.556].

М.М. Пришвин всегда испытывает остро-радостное чувство от соприкосновения с природой. Отсутствие взаимного проникновения всегда свидетельствует о нравственной несостоятельности пришвинского героя. Амбаров, Несговоров («Кашеева цепь»), персюки и крыскины («Мирская чаша») органически бесчувственны и глухи, потому окружающий мир для них пуст. Сомневающегося же Алпатова, потерявшего среди несговоровых и амбаровых ощущение «живой жизни» и впавшего в соблазн мертворожденных теорий, неизменно манит сторона, переполненная радостью и теплым светом.

Бывает, что отсутствие радости от встречи человека с природой свидетельствует о приближающейся или свершившейся катастрофе. Так, сердце человека, уязвленное непомерными людскими страданиями во время войны, оказывается безучастным по отношению к тому, что раньше волновало. В дневнике 1941 года читаем: «Заря желтая, холодная, не покрытая снегом земля зябнет, и даже любимые зубчики леса, расположенные пилкой на фоне зари, не говорят ничего моему сердцу» [2. Т.8, С.403]. Вина за нарушение гармонии в мире безусловно ложится на плечи человека, отпавшего от Бога и погрязшего в грехе. «Сильный холодный ветер, небо в тучах, слегка подморозило. Кажется, будто человеческие бедствия вошли внутрь природы и мутят ее оттуда, как у нас в Москве, голод, холод, болезни» [2. Т.8, С.420].

М.М. Пришвин дает своим героям возможность возвращения к «живой жизни». Тяжелое уединение, сердечную остуду, отпадение от мира удастся преодолеть, например, Алпатову. Не сумевшие восстановить связи с людьми и миром, обречены смерти. По пути к смерти движется герой «Повести нашего времени» Алеша

– «страшный всадник», исповедующий идею не любви, но возмездия. И все же писатель живет и творит в уповании на победу красоты, света и любви. Недаром рефреном пришвинских размышлений становится глубочайшая убежденность, что надвигающаяся темнота означает, что скоро будет светать.

Библиографический список

1. Звездова Г.В., Фролова Л.В. Чернозем: полюсы народного миропонимания (концептуальные наблюдения на материале романа М.Пришвина «Кашеева цепь». / Г.В. Звездова, Л.В. Фролова // Михаил Пришвин и XXI век. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. Елец, 2013. С.185-190.
2. Пришвин М.М. Собр. Соч.: В 8-ми т. Москва, 1982-1986.
3. Рудашевская Т.М. М.М. Пришвин и русская классика. Фацелия. Осударева дорога: монография. Санкт-Петербург, 2005. 257 с.

References

1. Zvezdova G.V., Frolova L.V. Black earth: the poles of national outlook (concept observation based on the novel of M. Prishvin "Kashcheeva tsep". / G.V. Zvezdova, L.V. Frolova // Mikhail Prishvin and XXI century. The materials of the scientific conference devoted to the 140th anniversary of the writer. Elets, 2013. Pp.185-190.
 2. Prishvin M.M. Coll. works: in 8 vol. Moscow, 1982-1986.
 3. Rudashevskaya T.M. M.M. Prishvin and Russian classics. Phacelia. Osudarev's road. St. Petersburg, 2005. 257 p.
-
-

Е.Н. МИТРОФАНОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра
английской филологии, Курский государственный
университет
E-mail: enmitrofanova2009@yandex.ru

E.N. MITROFANOVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department
of English Philology, Kursk State University
E-mail: enmitrofanova2009@yandex.ru

ИНТОНАЦИОННЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ АНГЛИЙСКОГО НЕОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ

INTONATION CONDITIONS FOR THE REALIZATION OF THE FULL PHONETIC FORM OF THE ENGLISH INDEFINITE ARTICLE

На основе слухового анализа английской спонтанной и подготовленной речи выявляются функциональные и сопровождающие интонационные характеристики полной фонетической формы неопределенного артикля, появление которой объясняется фонетическим и семантическим факторами.

Ключевые слова: интонация, фразовое ударение, тон, неопределенный артикль, полная и редуцированная фонетическая форма.

On the basis of auditory analysis of English spontaneous and prepared speech samples the research reveals the functional and concomitant intonational characteristics of the full phonetic form of the indefinite article whose appearance is accounted for by the phonetic and semantic factors.

Keywords: intonation, sentence stress, tone, indefinite article, full and reduced phonetic form.

Артикль, являясь детерминантом существительного, относится к разряду служебных слов и поэтому обычно не получает фразового ударения в речи [2, с. 72-83]. В связи с безударным положением и определенный, и неопределенный артикль, как правило, реализуются в английской речи в редуцированной форме [4, с. 126]. Для неопределенного артикля это форма [ə] перед согласными и [ən] перед гласными. Курсы практической фонетики английского языка ориентируют обучающихся на быстрое произнесение этих детерминантов, необходимое для их естественной редукции и сосредоточения внимания на существительном [6, р. 82]. Тем не менее, в речи носителей языка встречаются редкие случаи употребления полной фонетической формы неопределенного артикля: [eɪ] перед согласными и [æn] перед гласными. Факторы, обуславливающие употребление полной формы, еще не получили систематического описания и объяснения. Данное исследование нацелено на систематизацию относительно редкого речевого явления, условий его уместности.

При выдвижении гипотезы относительно факторов, стимулирующих говорящего к выбору полного, а не редуцированного варианта неопределенного артикля, мы исходили из воздействия глобальной интонационной формы высказывания на реализацию всех его конкретных слов, в том числе артиклей. Именно интонация, являясь качеством осмысленной речи [1], осуществляет распределение фразового ударения (ФУ), которое непосредственно определяет фонетическую реализацию артиклей. Иначе говоря, будучи сверхсегментным сред-

ством, интонация оказывает влияние на произнесение всех сегментов высказывания. В одном из наших исследований мы иллюстрировали роль интонационных характеристик высказывания в дифференциации различных функций артиклей [3]. Настоящая работа ограничивается неопределенным артиклем, выявлением причин его реализации в полной фонетической форме в спонтанной и подготовленной устной речи.

Следует отметить, что произносительный словарь регистрирует только один фактор, определяющий появление полной формы определенного и неопределенного артиклей – наличие контрастных отношений между их значениями, например, между значениями единичности и обобщенности.

This is \an ideal, but it's not \the ideal [7, p.21].

В представленном примере противопоставляются индивидуальное и общепринятое понимание идеала. Так как данные значения сосредотачиваются в артиклях, интонация перемещает ФУ и ядерные тоны с детерминированных существительных на сами артикли, в связи с чем они произносятся в полной форме. Однако, по нашим слуховым наблюдениям, выбор полной формы неопределенного артикля не ограничивается выражением контраста. Так, в следующей фразе, заимствованной из аудиозаписи к практическому курсу New Headway Advanced, полная форма неопределенного артикля заполняет паузу хезитации, не выражая контрастных отношений.

I think that ... if a [eɪ] ... foreigner ... came to Harrow Hill, looked at the boys in the High Street and the masters,

they would think it hadn't changed [8].

Задачи данного исследования сводились к составлению небольшого корпуса высказываний с полной формой неопределенного артикля (объем – 100 предложений), интонированию данных высказываний в соответствии со слуховыми впечатлениями, а также систематизации причин появления неопределенного артикля в полной форме. Материалом слухового анализа послужили подкасты радиопередач BBC 2012-2015 гг., в которых звучали образцы подготовленной и спонтанной речи на современном английском языке [9].

Интонационный и смысловой анализ корпуса высказываний позволили разграничить четыре случая употребления полной формы неопределенного артикля, количественная сторона которых представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Случаи реализации полной формы неопределенного артикля

Функция полной формы неопределенного артикля	Количество предложений в материале исследования
Усиление классифицирующего значения неопределенного артикля	46
Предшествование и способствование реализации «случайного подъема»	31
Заполнение паузы хезитации	21
Контраст значений неопределенного и определенного артиклей	2
Итого	100

Как видно из таблицы, наименьшее количество случаев полного произнесения артикля соответствовало функции выражения контраста, зафиксированной произносительным словарем. Особый интерес представляет одно предложение, где вместе с противопоставлением значений артиклей изменяется значение самого существительного.

But 'rather than 'leave √the mind entirely, | 'words 'help us 'leave √a [eɪ] mind | and 'give us the \building blocks | to 'build a'nother one, | /similar | but \better | 'nearby the \old one | but with 'firmer foun\dations | and 'very /often | a 'better \view (Four Thought 28.06.2015) [9].

Употребленное с определенным артиклем, существительное “mind” имеет значение «ум, разум», тогда как с неопределенным артиклем оно интерпретируется как «точка зрения, установка».

С интонационной точки зрения контраст значений неопределенного и определенного артиклей маркируется не только ударением, но и ядерными тонами на контрастирующих артиклях. Обычно более важный, утверждаемый элемент оформляется нисходящим тоном, а второй элемент сопоставления, уступая первому по значимости, получает нисходяще-восходящий тон. Это относится не только к артиклям, но и ко всем сопоставляемым словам, например, существительным в следующем примере: *I want a \flat | not a √prison.*

В примерах с сопоставлением значений артиклей последние не могут быть реализованы в редуцированной форме, поскольку находятся в интонационно

сильной, ядерной позиции и оформляются ядерными тонами.

Перейдем к описанию другого случая появления редуцированной формы неопределенного артикля. В спонтанной речи нам встретилось 21 предложение, в которых говорящие обращались к полной форме неопределенного артикля с целью заполнения пауз хезитации, необходимых для выбора наилучшего способа выражения мысли. В связи с этим паузы колебания, заполненные полной формой неопределенного артикля, чаще всего возникали перед семантически нагруженными единицами, ключевыми словами и фразами текста, которые говорящий отбирал с особой тщательностью, что отражается, в частности, в следующих примерах, где ключевые слова “circuit” и “competence” вводят в текст новые понятия. Их значимость подчеркивается выбором нисходящего тона, сопровождающего их произнесение, и выдерживанием паузы после их реализации.

There is ... a [eɪ] \circuit | that seems to respond to CO2.

In psychiatry | we often deal with patients | who do 'not have ... a [eɪ] \competence | to down-regulate their vegetative fear reactions (Forum 19.10.2013) [9].

В интонационном аспекте неопределенный артикль, заполняющий паузу колебания, не получает ударения и такой степени выделенности, как при реализации контраста, однако замедление темпа речи приводит к растягиванию гласного и произнесению артикля в полной форме. Иначе говоря, здесь артикль не получает интонационного выделения посредством фразового ударения или ядерного тона, не привносит дополнительных оттенков значения, выполняя техническую задачу заполнения паузы обдумывания и обеспечения непрерывности, плавности речи.

Еще более частотный случай реализации полной фонетической формы неопределенного артикля был выявлен в эмфатических предложениях спонтанной и подготовленной речи, где артикль использовался непосредственно перед эмфатическим словосочетанием, начало которого маркируется так называемым «случайным подъемом», то есть скачком голоса вверх, нарушающим плавное нисходящее движение голоса внутри интонационной группы.

I 'think we 'need a [eɪ] ↑really 'broad 'range of \action (The Life Scientific 21.04.2015) [9].

And 'that for me repre'sented a [eɪ] ↑huge \problem ... (The Life Scientific 20.08.2013) [9].

Использование полной формы неопределенного артикля здесь также решается техническая задача – способствование реализации интонационного явления «случайного подъема». Растягивание артикля увеличивает временные рамки для достижения этого подъема и облегчает работу голосовых связок. Однако следует отметить, что «случайный подъем» далеко не всегда сопровождается полной формой неопределенного артикля. Говорящий может использовать перед подъемом редуцированную форму артикля без какого-либо заметного снижения эмфатического потенциала высказывания.

Наконец, самым частотным и функционально важным мы считаем случай использования полной формы неопределенного артикля для подчеркивания выражаемого им классифицирующего значения. Именно это значение рассматривается в качестве инварианта семантики неопределенного артикля [5, с. 162]. Необходимость такого подчеркивания возникает в определенных контекстах, в которых вводится новое понятие, требующее внимания слушателя. Оно может быть представлено одним словом или словосочетанием, следующим за полной формой неопределенного артикля. Так, в приведенных ниже примерах вводятся понятия “*a dialect*”, “*a good school type*”, “*a short birth certificate*”, в которых неопределенный артикль получает фразовое ударение наравне с существительными и другими знаменательными словами.

Imperceptibly, the language changes. Eventually | it could become so different | that we 'call it 'a [eɪ] 'dialect (Discovery 23.12.2011) [9].

You 'say there is 'a [eɪ] 'good 'school \type. That's what we don't agree with (Analysis 23.01.2012) [9].

It turned out that they didn't like the documentation that I'd sent in with my request for a green card. What I sent in | was 'something called 'a [eɪ] 'short \birth certificate. A short birth certificate is one which names your citizenship and where you were born but does not name your parents (Outlook 30.06.2015) [9].

В последнем примере при повторении понятия “*a short birth certificate*” оно утрачивает новизну, неопределенный артикль произносится при этом в редуцированной форме.

Усиление классифицирующего значения неопределенного артикля привносит оттенок противопоставления данного класса предметов другому. В наших примерах имплицитно присутствуют контрасты *a dilect* – *a language*, *a good school type* – *a bad school type*, *a short birth certificate* – *a full birth certificate*. В отдельных случаях контраст классов предметов выступает эксплицитно, что иллюстрируется в следующем ниже примере, где противопоставляются *a woman* – *a man*.

At the scientific conferences people didn't treat her in the same way as they would a man. She was 'always 'recognized to be 'a [eɪ] \woman (In our Time 26.03.2015) [9].

Подчеркивание классифицирующего значения неопределенного артикля иногда подразумевало неожиданность появления детерминированного им понятия в данном контексте. Так, в приведенных ниже примерах неожиданным является упоминание маленькой часовни на первом этаже дома писателя, а также отсутствие, а не наличие у некоторых пациентов страха. Можно предположить, что в данном случае полная форма неопределенного артикля используется как дополнительное фонетическое средство выражения удивления.

And he had 'a [eɪ] 'little \chapel on the ground floor (Great Lives 21.09.2010) [9].

One of the characteristics of these patients | is that they ex'perience 'a [eɪ] \lack of fear (Forum 19.10.2013) [9].

Таким образом, говорящий привлекает внимание

слушающего к какому-либо понятию через подчеркивание классифицирующей функции неопределенного артикля, если это понятие характеризуется новизной, информационной важностью, неожиданностью появления в данном контексте или включается в контрастные отношения с другими понятиями. В интонационном плане существительные, выражающие такие понятия, неизменно произносятся с нисходящим тоном, утверждающим их ключевую позицию в высказываниях и в тексте, а предшествующие им неопределенные артикли получают полноценное ударение и реализуются в полной форме.

Итак, анализ интонационного аспекта высказываний с полной формой неопределенного артикля позволил выявить дифференциацию интонационного оформления артикля, которая обобщена в таблице 2.

Таблица 2.

Дифференциация интонационного оформления полной формы неопределенного артикля в различных функциях

Функция полной формы неопределенного артикля	Интонационное оформление
Усиление классифицирующего значения неопределенного артикля	Наличие фразового ударения на артикле и нисходящего ядерного тона на детерминированном существительном
Предшествование и способствование реализации «случайного подъема»	Безударность, замедление темпа и растягивание гласного
Заполнение паузы хезитации	Безударность, замедление темпа и растягивание гласного
Контраст значений неопределенного и определенного артиклей	Наличие фразового ударения и нисходяще-восходящего или нисходящего ядерного тона на артикле

Данная таблица отражает зависимость интонационной позиции полной формы артикля от ее функциональной нагрузки. Выполнение технических задач – сопровождение реализации «случайного подъема» и заполнение пауз хезитации – осуществляется полной формой артикля в безударной позиции при замедлении темпа речи, тогда как выполнение более значимых функций усиления классифицирующего значения и противопоставления определенному артиклю сопряжено с появлением ударения и ядерного тона.

Представляется, что при выполнении технических функций полная форма артикля является факультативной и поэтому может заменяться редуцированной. Выбор той или иной формы зависит от говорящего и поэтому подвержен индивидуальному варьированию. Так, если в речевом произведении некоторых носителей языка насчитывалось до 8 случаев употребления полной формы в ее технических функциях, то в речи других говорящих она полностью отсутствовала. Что касается более значимых функций полной формы артикля, то, с нашей точки зрения, уход от редукции здесь делается осознанно и позволяет говорящему передать указанные выше оттенки значения.

В завершение следует добавить, что мы не обнаружили заметного количественного превосходства полной формы артикля в спонтанной или подготовленной речи (чтении), за исключением случаев заполнения пауз колебания, характерных только для спонтанного речепорождения (табл. 3). Практически равное распределение изучаемого явления при разных степенях подготовленности речи (за исключением пауз колебания) может свидетельствовать о важности выполняемой им нагрузки, его функциональности, относительной независимости от условий порождения речи.

Представленные результаты вносят определенный вклад в систематизацию случаев употребления полной фонетической формы неопределенного артикля и могут оказаться полезными при обучении аудированию и имитации английской речи, способствовать проникновению в фонетические тонкости и их функциональные возможности. Исследование показало, что учет интонации помогает не только раскрыть глобальные коммуникативные намерения, стоящие за высказываниями, но и проанализировать более мелкие элементы высказывания, такие как артикли.

Таблица 3.

Распределение полной формы неопределенного артикля в спонтанной и подготовленной речи

Функция полной формы неопределенного артикля	Количество реализаций в спонтанной речи	Количество реализаций в подготовленной речи
Усиление классифицирующего значения неопределенного артикля	21	25
Предшествование и способствование реализации «случайного подъема»	17	14
Заполнение паузы хезитации	21	-
Контраст значений неопределенного и определенного артиклей	1	1
Итого	39 (+ 21)	40

Библиографический список

1. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Л.: Издательство «Музыка», 1971. 375 с.
2. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2000. 381 с.
3. Митрофанова Е.Н. Взаимодействие интонации и артиклей в английской речи // Межкультурная коммуникация: Вопросы теории и практики. Под ред. В.И. Наролиной. Ч.2. Курск: КГМУ, 2009. С. 179-184.
4. Соколова М.А., Гинтовт К.П., Кантер Л.А. и др. Практическая фонетика английского языка: Учеб. М.: ВЛАДОС, 1997. 384 с.
5. Тимошенко И.В. Опыт анализа функционирования артиклей в английском языке (на материале параллельных текстов) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2015. №2 (65). С. 161-165.
6. Hancock M. English pronunciation in use: Intermediate. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 199 p.
7. Jones D. Cambridge English pronouncing dictionary. 17th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 599 p.
8. Soars J. & L. New Headway Advanced CD. Oxford: Oxford University Press, 2005.
9. BBC radio pod-casts 2012-2015 [Electronic Resource]. Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/podcast/>

References

1. Asafiev B.V. Musical form as a process. L.: Publishing House "Music", 1971. 375 p.
2. Bloch M. Y. Theoretical grammar of the English language: Textbook. 3-d ed., corrected. M.: Higher School, 2000. 381 p.
3. Mitrofanova E.N. Interaction of intonation and articles in English speech // V. I. Narolina (ed.) Cross-cultural communication: Questions of theory and practice. P.2. Kursk: KGMU, 2009. Pp. 179-184.
4. Sokolova M.A., Gintovt K.P., Kanter L.A. et al. Practical phonetics of the English language: Textbook. M.: VLADOS, 1997. 384 p.
5. Timoshenko I.V. The functioning of the articles in the English Language (on the material of parallel texts) // Scientific Notes of Orel State University. Series: "Humanities and Social Sciences". 2015. № 2(65). Pp. 161-165.
6. Hancock M. English pronunciation in use: Intermediate. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 199 p.
7. Jones D. Cambridge English pronouncing dictionary. 17th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 599 p.
8. Soars J. & L. New Headway Advanced CD. Oxford: Oxford University Press, 2005.
9. BBC radio pod-casts 2012-2015 [Electronic Resource]: Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/podcast/>

УДК [821.161.1(09)БУНИН И.А.+821.161.1(09)
НАБОКОВ В.В.]:821.161.1.(09)ЧЕХОВ А.П.

UDC [821.161.1(09)BUNIN I.A.+821.161.1(09)
NABOKOV V.V.]:821.161.1.(09)CHEKHOV A.P.

Е.А. МИХЕИЧЕВА

доктор филологических наук, профессор, зав.
кафедрой русской литературы XX-XXI веков и
истории зарубежной литературы, Орловский
государственный университет

E.A. MIKHEICHEVA

Doctor of Philology, Professor, Head of Russian literature
of the XX-XXI centuries and history of foreign literature
department, Orel State University

«ЧЕХОВИАНА» БУНИНА И НАБОКОВА

BUNIN AND NABOKOV'S "CHEKHOVIANA"

Между Буниным и Набоковым на протяжении долгих лет эмиграции происходила своеобразная творческая дуэль, и сближал двух выдающихся представителей «русского зарубежья» интерес к русской классике, к творчеству Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Чехова. В данной статье рассматриваются и сопоставляются их оценки личности и творчества А.П. Чехова.

Ключевые слова: Чехов, Бунин, Набоков, воспоминания, лекция, биография, личность, творчество, проза, драматургия, мастерство.

There was a certain artistic duel between Bunin and Nabokov during the long years of emigration, and the interest towards Russian classics, works by F. Dostoevsky, L. Tolstoy, I. Turgenev, A. Chekhov drew two great writers of Russian abroad community closer. In the article their estimation of A.P. Chekhov's personality and his works is examined and compared.

Keywords: Chekhov, Bunin, Nabokov, memoirs, lecture, biography, personality, works, prose, drama, mastery.

«Многолетние и сложные отношения» связывают Владимира Владимировича Набокова с Иваном Алексеевичем Буниным. Степень влияния на Набокова старшего собрата по перу определяют по-разному. Одни считают, что феномен Набокова мог возникнуть только после Бунина («эпигоном Бунина» называл Набокова А. Твардовский) [3, с.30]. Глеб Струве считал, что Набоков «кое-чему научился у Бунина лишь как стилист», а «по духу и сущности» они совершенно разные [5, с.50]. В «предисловии» к «Лекциям по русской литературе» Набокова Ив. Толстой пишет: «После Бунина в русской литературе не было, пожалуй, писателя, со столь бесстрашной брезгливостью судившего мир за эстетические взгляды и решительной рукой отодвигавшего любые этические доводы» [4, с. 8], тем самым признавая идейно-художественную связь Набокова со своим предшественником.

В эволюции личных взаимоотношений между писателями отмечают несколько этапов: сначала «признание в любви – давнишней любви» Набокова к Бунину и снисходительное внимание мастера к талантливому новичку; далее, в тридцатые годы, – «удручающе-шутливый тон» при встречах и «нотки раздражения» при оценке литературных трудов друг друга; и, наконец, период, когда «слава Набокова мучила Бунина» и «Темные аллеи» он писал, «стремясь вернуть пальму первенства». Суммируя наблюдения, ученый, проследивший эту эволюцию, делает вывод: «Это история любви и ревности, влекущих противоположностей и

отталкивающих сходств, история восхищения, иронии и горького разочарования. Эту историю венчает литературная дуэль» [5, с.42].

При подобном подходе внимание акцентируется на сознательном соперничестве личностей, в то время как, на наш взгляд, речь следует вести о диалоге художников, и в этом случае «полярность» исчезает, «крайности» сглаживаются, остается естественное взаимодействие писателя с близким ему по духу современником. Обращение к личности и творчеству А.П. Чехова у Бунина и Набокова реализовалось в разных жанрах: Бунин, работавший над воспоминаниями о Чехове почти 50 лет (с 1904 до последних лет своей жизни), смысл этой работы видел в воссоздании своих личных встреч, бесед с любимым писателем и другом. Мемуарно-очерковый характер воспоминаний определяет его композицию: отсутствие сюжета, внешнюю разомкнутость отдельных эпизодов, сцен, скрепленных образом самого Чехова и героя-повествователя. Набоков, который 18 лет занимался преподавательской деятельностью (из них 10 лет в Корнельском университете), цель своих «лекций» о Чехове видел в том, чтобы дать представление малообразованным (в отношении русской литературы) американским студентам об одном из выдающихся русских писателей. Его внимание сосредоточено на анализе отдельных произведений Чехова, на своеобразии поэтики его текстов.

Для Бунина, продолжавшего работать над книгой о Чехове и в эмиграции, эти воспоминания стали своео-

бразным возвращением на родину, в молодость. Со второй половины 90-х годов Бунин был «своим человеком в доме Чеховых. «У меня ни с кем из писателей не было таких отношений, как с Чеховым» [1, с.194], – признается Бунин, называет Чехова «одним из величайших и деликатнейших русских поэтов», даёт своё понимание его места в истории русской литературы, хотя сам Чехов очень скромно оценивал свой писательский труд: «Читать же меня будут все-таки только семь лет» [1, с.190].

Бунин пытается осмыслить истоки формирования творческой личности: семья, профессия врача, журналистская деятельность, артистическая среда, любимые писатели – Лесков, Мопассан, Флобер, Толстой, Лермонтов. В очерке сильна документальная основа, начиная с записи в «Метрической книге», которую приводит Бунин. Изумление вызывает «знание жизни» Чеховым, проникновение в человеческую душу в такие ещё молодые годы [1, с.172]. Бунин делится первыми впечатлениями от рассказов Чехова: «Дочь Альбиона» рассказ совсем не юмористический, «Егерь» мне не нравится» [1, с.176]. «В овраге» – одно из самых замечательных произведений не только Чехова, но во всей мировой литературе». Пьесы Чехова Бунин оценивает не слишком высоко: ««...пьесы его далеко не лучшее из написанного им» [1, с. 225-226].

В характере Чехова Бунин отмечает «отсутствие манерности, простоту, естественность»: «любил только искреннее, органическое... положительно не выносил фразёров, книжников и фарисеев» [1,с.180], «не выносил чествований, ненавидел быть центром внимания» [1, с.216], был «благородно-скромным в своем образе жизни» [1, с.184]; приводит примеры сдержанности Чехова как свидетельство «редкой силы его натуры», отмечает «неотразимое очарование его веселости», что не мешало ему давать «суровое в своей неподкупности изображение действительности» [1, с.182], подчеркивает благородство поступков: Чехов и Короленко после неизбрания Горького Почетным академиком отправили заявления об отказе от этого звания.

Зарисовки, иногда мелкие, детальные, дают яркое представление о личности Чехова (ел мало, очень любил порядок, точен и скуп на слова, со всеми был одинаков). Бунин много пишет об окружении Чехова – о матери, сестре, братьях, особо – об Александре Павловиче – «человеке на редкость умном и оригинальном» [1, с. 213], о котором Чехов говорил, что он «слишком одарен». Бунин негативно оценивает женитьбу больного Чехова на О. Л. Книппер, которая «совершенно их другой среды, чем Чеховы»: «Да это самоубийство! Хуже Сахалина!» С Ольгой Леонардовной они действительно оказались очень разными людьми: у нее была своя – театрально-развлекательная – жизнь, в которой гениальному, любящему тишину и домашний уют Чехову не было места. Бунин считает, что у Чехова «была одна большая любовь» – к Лидии Авиловой, оставившей о Чехове очень трогательные воспоминания [1, с.232].

Кроме психологической совместимости, которая у

Бунина наблюдалась очень редко с кем-либо, особенно в писательской среде, они были близки в творчестве, например, приверженностью к жанру рассказа, мастерством пейзажа. Чехов с удовлетворением отмечал творческие достижения Бунина: «Писал ли я Вам насчет «Сосен»? – это очень ново, очень свежо и очень хорошо, только слишком компактно, вроде сгущенного бульона» [1, с. 205].

Для Бунина Чехов был совестью литературы: «Будь он жив, может быть, все-таки не дошла бы русская литература до такой пошлости, до такого падения, до изломавшихся прозаиков, до косноязычных стихотворцев, кричавших на весь кабак о собственной гениальности» [1, с.235]

А.П.Чехов был одним из немногих писателей, которыми искренне восхищался и В.В.Набоков; молодой писатель и драматург называл Чехова «настоящим художником», мастером письма, «чуждым всякой словесной изобретательности» (2,с.328). Как и Бунин, Набоков отмечает личные качества Чехова, которые, на его взгляд, влияют на его писательскую индивидуальность. Главные черты Чехова – ум, «великая доброта» [2, с. 321], чем объясняется его активное участие в благотворительных делах. Особенность писательского «почерка» Чехова Набоков видит в том, что у него, как у Мопассана, – «короткое дыхание» [2, с. 326] и он является «неповторимым выразителем неповторимого русского типа» [2, с. 328].

Набокова, который в 20-30-е годы много внимания уделял жанру рассказа, интересуют принципы модификации этого жанра в творчестве Чехова. В одной из своих «лекций» о Чехове Набоков приводит «некоторые свойства», присущие чеховским рассказам, в частности тем, которые анализирует Набоков, – «Дама с собачкой», «В овраге». Следует назвать эти свойства, поскольку они присущи и «малой прозе» самого Набокова.

1. История излагается «самым естественным из возможных способов»... так, как рассказывают о самом важном в жизни, неторопливо, не отвлекаясь...

2. Точная, глубокая характеристика достигается внимательным отбором и распределением незначительных, но поразительных деталей, с полным презрением к развернутому описанию, повтору и подчеркиванию...

3. Нет никакой особой морали, которую нужно было бы извлечь, и никакой особой идеи, которую нужно было бы уяснить.

4. Рассказ основан на «системе волн», на оттенках того или иного настроения...

5. Чехову одинаково дорого и высокое, и низкое; «ломоть арбуза, и фиолетовое море, и руки губернатора – все это существенные детали, составляющие «красоту и убогость» мира».

6. Рассказ в действительности не кончается, поскольку до тех пор, пока люди живы, нет для них возможного и определенного завершения их несчастий, или надежд, или мечтаний. [2, с. 337-338]

Набоков анализирует чеховские рассказы, учитывая подготовку слушателей, которым, скорее всего, мало

понятен иностранный текст, с подробным пересказом и комментарием содержания.

В рассказе «Дама с собачкой» (1899) манеру письма Чехова Набоков определяет как «непрерывное спотыкание, но спотыкается человек, заглядевшийся на звезды» [2, с. 330]. Чехов «входит в рассказ «без стука», вводя читателя в центр событий, знакомя с главными героями. Как и Бунин, Набоков отмечает «магию деталей», «изящный прямой бросок» при переходе от одной микро-темы к другой. Например, после портрета жены Гурова, которая мнит себя «мыслящей женщиной», а, по сути, потеряла все женственное, естественной кажется привычка Гурова к неверности, его презрительное отношение к женщине вообще – «низшая раса». И здесь, на отдыхе, в Ялте, им, уже который раз, овладевает «соблазн приключения» [2, с. 333].

Сюжет Набоков раскладывает по «шагам», в каждом «шаге» отмечая главный, психологически значимый «реалистический штрих»: после первой любовной связи потрясению Анны Сергеевны противопоставлен прозаизм Гурова, привыкшего к изменам: он отрезал кусок арбуза и стал не спеша есть. Кульминацией Набоков называет момент московской жизни Гурова, когда он, со своими новыми чувствами, с вдруг родившейся в нем любовью, понимает, что он живет среди дикарей, которых интересуют только карты и обжорство. Мотив однообразия и пустоты, зародившийся в сознании Гурова в круговороте московской жизни, продолжает развиваться во время его поездки в Саратов: унылый забор с гвоздями, облезлый ковер, чернильница с высохшими чернилами, убогая афиша... Набоков с восторгом отмечает у Чехова «очаровательный штрих», «замечательно тонкую и точную сцену» [2, с. 335]. Финал – в духе Чехова, открытый: «Они не находят решения, и в типично чеховской манере рассказ обрывается на полуслове вместе с естественным течением жизни» [2, с. 337].

По тому же принципу строится анализ рассказа «В овраге» (1900). Чехов представляет совсем другую социальную среду – мужичью Россию, но нравы этой среды сопоставимы с нравами дворянства: те же «дикари», то же пренебрежение истинными ценностями. В эпизоде с икрой, которым начинается рассказ (с. Уклеев прославилось тем, что дьячок съел на поминках всю икру – целых четыре фунта), Набоков видит «веселую чеховскую улыбку», хотя, скорее всего, для Чехова – это свидетельство нищеты и убожества крестьянской жизни. Далее Набоков говорит об «обманах», в которые погружались уклеевцы. И вся семья Цыбукиных – «оборотни, прикрывающие обман», их жизнь «пропиталась неправдою». Мотив оборотничества – один из лейтмотивов рассказа [2, с. 344]. Через историю семьи Цыбукиных раскрывается жизнь не только «уклеевцев», но и всей мужичьей России.

Один из излюбленных чеховских приемов – прием антитезы: «системе подмен», укоренившейся во взрослой среде, противопоставлена «детская тема» – воплощение нравственной чистоты и страдания, которая представлена не только ставшим жертвой людской злобы ребенком, но и Липой, полуженщиной-полудевочкой.

Безысходность судеб чеховских героев заключается в том, что ужас не является чем-то исключительным, он – в обыденном: Анися из-за наследства ошпаривает кипятком ребенка Липы, и забитая женщина-подросток даже не в силах указать на убийцу своего сына. Обобщающий смысл страданий подтверждает тот факт, что когда-то всевластный хозяин и вдохновитель всех «обманов» Цыбукин оказывается таким же «униженным и оскорбленным», как и самые слабые – Липа и ее ребенок.

Набоков не слишком высоко ценил Чехова-драматурга, выделяя среди его пьес лишь «Чайку» (1896). Пересказ содержания в «Заметках о «Чайке» особенно подробен, по сценам и образам, с комментарием по поводу «типично чеховских поворотов»: «Изумительно-естественный ход в пьесе, сцепление нелепых мелких деталей, совершенно правдивых, – именно здесь и открывается чеховский талант» [2, с. 356]. Заслугу Чехова Набоков видит в том, что он «нашел верный путь из темницы причинно-следственных связей и разорвал пути, сковывающие пленников искусства драмы» (2, с. 359). Отмечая особенности драматургической техники Чехова, Набоков называет его «непревзойденным мастером паузы», его герой может произнести «прелестный монолог почти на три страницы» («он так хорош, так типичен для автора»), но это не всегда понимает и принимает «рядовой зритель». Интерес автора сосредоточен «в самой запутанности сюжетных линий, в художественных полунамеках» [2, с. 363]. «Слабое место автора» Набоков видит в изображении «молодой поэтичной женщины»; на его взгляд, «Нина немного фальшива» [2, с. 362], и этот недостаток он объясняет тем, что Чехов «был недостаточно знаком с искусством драматургии» [2, с. 366].

Таким образом, преследуя разные цели, оценивая Чехова с разных позиций (Бунин сосредоточен на характеристике личности Чехова, на определении его творческой индивидуальности, Набоков – на анализе наиболее близких ему произведений Чехова), Бунин и Набоков во многом сходятся, отмечая своеобразие чеховской личности и неповторимость его писательского таланта. Оба дают высокую оценку мастерству Чехова-рассказчика, в качестве примера приводя рассказ «В овраге». Попытки же Чехова перестроить драму, за исключением отдельных новаций, и Бунин, и Набоков считали неудавшимися.

Библиографический список

1. Бунин И.А. О Чехове // Собр. соч.: В 9 т., Т.9. М.: Художественная литература, 1967.
2. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М. Изд-во Независимая газета, 1998.
3. Твардовский А.Т. О Бунине // И.А. Бунин. Собр. соч.: В 9 т., Т.1. М., художественная литература, 1965.

4. Толстой И. Несколько слов о «главном герое» Набокова // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Изд-во Независимая газета, 1998.
5. Шпраер М.Д. Бунин и Набоков: поэтика соперничества // И.А.Бунин и русская литература XX века. М.: ИМЛИ РАН, 1995.

References

1. Bunin I.A. About Chekhov. // Collected works: In 9 vols. Vol. 9. M., 1967.
 2. Nabokov V.V. Lectures on Russian literature. M., 1998.
 3. Tvardovsky A.T. About Bunin // I.A. Bunin. Collected works: In 9 vols. Vol. 1. M., 1965.
 4. Tolstoy I. Some words on Nabokov's "main hero" // Nabokov V.V. Lectures on Russian literature. M., 1998.
 5. Shraer M.D. Bunin and Nabokov: poetics of the rivalry // I. Bunin and Russian literature of the XX century. M., 1995.
-
-

Д.Р. НАСЫРОВА

аспирант, кафедра теории и практики перевода,
Тольяттинский государственный университет
E-mail: diana.nasyrova1908@mail.ru

D.R. NASYROVA

Graduate student, Department of theory and practice of
translation, Togliatti State University
E-mail: diana.nasyrova1908@mail.ru

ПРИНЦИПЫ КУБИЗМА В ПОЭЗИИ Э. Э. КАММИНГСА

CUBIST PRINCIPLES IN E.E. CUMMINGS' POETRY

В статье рассматриваются основные принципы кубизма, которые были привнесены Э.Э. Каммингсом в литературу из изобразительного искусства. В поэзии американского автора важна деформация графической структуры стихотворения с тем, чтобы передать вербальными средствами многомерное восприятие поэтического образа. В статье приводится анализ ряда стихотворений Каммингса, в которых наглядно проявляются кубистические принципы в его поэзии.

Ключевые слова: Э.Э. Каммингс, кубизм, фрагментаризм, деформация, визуальный образ, графическая структура стихотворения.

The article deals with the main cubist principles which were brought into literature from the fine arts by E.E. Cummings. The deformation of the graphical structure of the poem is important in the poetry by the American author. It helps to reproduce multidimensional perception of the image by means of the verbal elements of the language. The poems which vividly represent cubist principles in Cummings' poetry are analyzed in this article.

Keywords: E.E. Cummings, cubism, fragmentation, deformation, visual image, poem graphical structure.

Тяготение к приему затрудненности восприятия стихотворений, стремление к пространственному отображению текстов были свойственны также для одного из ведущих модернистских направлений, зародившегося в начале XX века – кубизма. Техника кубистов проявилась и в картинах, и в стихотворениях, созданных американским поэтом, писателем и художником Э.Э. Каммингсом. Среди полотен, выполненных в этом стиле, можно отметить «Аккордионисты», «Мать и ребенок», рисунки, посвященные женщинам-танцовщицам, С. Фэру, а также серию автопортретов, в которых прослеживается связь с работами Пикассо, в частности с картиной «Авиньонские девицы», которая считается первой картиной, написанной в кубистском стиле. В основе этого направления в изобразительном искусстве лежат отвержение традиции натурализма в живописи, эстетика антимимезиса и стремление воспроизведения авторских ощущений предметов и пространства путем изменения форм и объемов, рассечения их на грани и плоскости.

Т.Н. Рымарь пишет о кубистическом принципе в литературе, что актуально и для поэзии Каммингса [2, 97]. Поэт смог реализовать элементы кубизма в своих стихах, и можно говорить о том, что он заглядывает внутрь самих предметов, распадающихся на части в его работах. Как художник, он понимал, насколько важным является воздействие визуального образа на человеческое восприятие. Каммингс стремился привнести из живописи возможность многомерного восприятия объекта и передать его вербальными средствами языка. Он разби-

вал свой материал на странице так, чтобы представить его в новом виде, так как от способа визуальной подачи стихотворения во многом зависят не только впечатления читателя, но и более глубокое понимание смысла, заложенного автором.

Каммингсу мастерски удалось перенести в поэзию один из важнейших принципов живописи кубизма – фрагментаризм. Фрагмент, который обозначает «концентрированное художественное присутствие невидимого в явленном», и благодаря которому стало очевидно «превосходство невидимого и недостаточность видимого» [3, 246], является существенным признаком лирики американского поэта. Фрагментация у Каммингса заключалась в разрушении традиционного расположения строф, строк, слов и трансформация их в более крупные или более мелкие образования. Во многих своих работах поэт создавал визуальную картину, экспериментируя с графической структурой стихотворений. Как отмечает Т.Н. Андреюшкина: «поэтическая графика в фигурных стихах или визуальной поэзии, в отличие от графики языковой (алфавита), утрачивает свой прикладной характер и приобретает качества одной из самых текстовых категорий. Отклонения графического выражения от действующей нормы ... применялись в различные эпохи, в особенности в барочных фигурных стихотворениях и в авангардистской поэзии XX века» [1, 55]. При этом его типографские картины не вызвали в сознании читателя образы определенных предметов моментально. Созданные Каммингсом зрительные образы далеко не всегда были легко доступ-

ны для понимания, в отличие от известных каллиграмм Аполлинера, которые были выполнены в виде рисунков из слов и выражали тему стихотворений. Например, в произведении «небо было» («the sky was» [5, 64]) смысл столь необычного расположения стихотворения на странице раскрывается лишь после его прочтения.

the
sky
was
can dy lu
minous
edible
spry
pinks shy
lemons
greens coo 1 choc
olate
s.

un der,
a lo
co
mo
tive s pout
ing
vi
o
lets

Содержание стихотворения сводится к следующему: «The sky was candy luminous edible spry pinks shy lemons greens cool chocolates. Under, a locomotive spouting violets» («небо было леденцом светящимся съедобным живым розоватым застенчивым лимонами зеленым свежим шоколадом. ниже, локомотив извергающий фиалки»). Слова в стихотворении организованы таким образом, что создается очертание облака дыма, выходящего из трубы поезда, который упоминается в конце произведения.

Что касается содержания, то такие необычные сравнения неба с различными цветами и объектами выбраны Каммингсом неслучайно и имеют свое объяснение. Так, можно сделать предположение, что автор дает такое детальное описание небосвода, чтобы показать, как он меняется в течение дня. Слово «luminous» – блестящий может обозначать раннее утро, когда первые, робкие («shy») лучи солнца только показываются из-за горизонта и ярким светом начинают освещать землю. Далее следует период, когда солнце находится в зените и имеет внешнее сходство с лимоном («lemons»). Затем наступает прохладный («cool») вечер, а спустя некоторое время небо становится шоколадного («chocolates») цвета. Каммингс заканчивает описание неба и ставит точку в конце первой части стихотворения.

Во второй части, которая к тому же отделена межстрочным интервалом, автор говорит о движущемся поезде, выпускающем клубы темного дыма. Возможно, тематическим и структурным делением строф поэт хотел подчеркнуть разрыв между миром природы, кото-

рую в этом стихотворении выражает прекрасное в своем многоцветии небо, и технизированной цивилизацией, которая обозначена здесь через образ загрязняющей окружающей среду локомотива. Неслучайным является сравнение, проведенное Каммингсом, между дымовыми облаками, вырывающимися из трубы поезда, и фиалками, которые в Древней Греции считались символом печали и смерти. Тем самым автор еще больше подчеркивает диалектическое состояние, в котором сверху находится безмятежное небо, а снизу одно из порождений индустриальной цивилизации, представляющее серьезную угрозу загрязнения, а значит и разрушения гармоничного мира природы.

Деформация традиционного расположения стихотворений на странице, нарушение синтаксических и орфографических норм и правил происходит согласно внутренней логике построения композиции того или иного произведения. Подобная фрагментация текста, а также создание определенного типографского рисунка позволяет Каммингсу донести свои идеи до читателя, используя всего несколько слов. Благодаря слиянию формы и содержания автору удается добиться многозначности высказывания и многообразия возможных интерпретаций стихотворений. Стремление к многозначному истолкованию смысла поэтических работ было присуще многим модернистским поэтам и писателям. По мнению У.Б. Йетса, «стихотворение имеет столько значений, сколько их найдет читатель» [3, 22], а Т.С. Элиот полагал, что «через читателя стихотворение вовлекается в новую игру значений» [там же], при этом отношение автора к произведению далеко не всегда совпадает с позицией реципиента.

По выражению Пикассо, «в треснувших зеркалах кубизма» в одинаковой степени важны «разломы и сращивания» [4, 71]. Следуя этому принципу, для создания необходимого эффекта Каммингс разбивает слова на сочетания букв или отдельно взятые буквы или объединяет их в более крупные образования. В некоторых работах поэта этот стилистический прием служит для ускорения или замедления темпа стихотворения. Например, в произведении «Билли Бизон» («Buffalo Bill's» [5, 90]) для того чтобы передать скорость, с которой вылетают пули, автор намеренно соединяет несколько слов в одно: «onetwothreefourfive» («один два три четыре пять»). Графическая форма стихотворения может демонстрировать траекторию лошадиного галопа, а также жизненный путь главного персонажа этого стихотворения – Билла Коди по прозвищу Билли Бизон. Начало стихотворения представляет собой подъем – его восхождение к славе, затем следует спад, завершением которого является смерть. Несмотря на то, что Каммингс создает образ Билли достойным восхищения, в произведении ощущается ироническое отношение автора к известному шоумену. Жизнь Билли была посвящена погоне за материальными благами и завоеванию популярности. Для американского поэта значимы были другие ценности, и в своей работе он подчеркивает, что сияние славы не вечно и все люди равны перед лицом

смерти.

Buffalo Bill 's
defunct
who used to
ride a watersmooth-silver
stallion
and break onetwothreefourfive pigeonsjustlikethat

Jesus
he was a handsome man
and what i want to know is
how do you like your blueeyed boy
Mister Death

(«Билли Бизон / нет его больше на свете / вскочит бывало на жеребца / сверкающего живым серебром / всаживал пули в мишень раздвадтричетырепять / Иисус милосердный // был первый красавец / и вот что хотел бы я знать / как вы там приняли этого голубоглазого парня / Мистер Смерть» – перевод В.Л. Британишского).

В стихотворении «стремительное опьянение» («the nimble heat») Каммингс напротив замедляет темп произведения, чтобы воспроизвести особенности речи женщины, находящейся в нетрезвом состоянии.

... she
gasped almost
loudly i'm

so drunG

k,dear

(«... она / тяжело дышала едва ли не / громко я // так пьянК / а, дорогой»)

Разбив фразы и отдельные слова таким образом, поэт очень точно передает и доносит до читателя замедленное, сбивчивое произношение пьяного человека, которое дается ему с трудом. Каммингс разделил слово «drunk» и прибавил к первой части букву «G», выделив ее графически. Подобное сочетание букв «drunG» выражает не что иное, как звук икоты, непроизвольно вырвавшийся у женщины. Поэт уделял большое внимание значимости звучания своих стихотворений: созвучиям, ритмам, интонациям и т.д.

В поэзии Каммингса пунктуационные символы и интервалы между буквами, словами, строками, а также их комбинации представляют собой самостоятельные семантические единицы. Они являются средствами создания определенного графического рисунка стихотворений с тем, чтобы более комплексно выразить их содержание. Н. Фридмэн пишет, что Каммингс использует пунктуационные знаки, чтобы «управлять легкостью и быстротой, затрудненностью и медлительностью процесса чтения или даже ... передать визуальное ощущение движения и развития в качестве эквивалента значения» [8, 114].

Стихотворение «между носом-красные крупные» («between nose-red gross» [5, 80]) содержит следующую строку: «stage whose jouncing curtain, rises» («сцена чей колыхающийся занавес, поднимается»). Внимание

читателя привлекают точка и запятая, а также растянутый пробел между ними. Можно сделать предположение, что точка в данном случае выражает полное прекращение какого-либо процесса, кроме того в английском языке для обозначения этого пунктуационного знака служит фраза «full stop», которая переводится как «полная остановка». Запятая же, напротив, показывает, что действие началось и происходит в промежуток времени, обозначенный предусмотренным для него пространственным интервалом между пунктуационными знаками. Две последние строки этого стихотворения также представляют интерес с точки зрения употребления знаков препинания, имеющих смысловое значение, – «souls struggle slowly and writhe / like caught.brave:flies;» («души сражаются медленно и терзаются / словно пойманные отважные мухи»). Как отмечает Р. Киддер: «пунктуационные символы подобно мухам заключены в ловушки между словами» [9, 285]. Увеличенные пробелы между словами также несут в себе семантическую функцию и передают ритмическое выражение слова «медленно».

Последней строкой стихотворения «окна становятся оранжевыми в медленно» («windows go orange in the slowly» [5, 103]) является круглая скобка, которая символизирует полумесяц в небе и служит графическим отображением содержания предыдущей строки: «in a parenthesis!said the moon // » («в круглой скобке! Сказала луна // »). Следуя принципу «разлома и сращивания» в поэзии, Каммингс придавал большое значение каждому слову, букве и символу, которые освобождались от прямых смысловых зависимостей и приобретали новую образную содержательность. Обособленный фрагмент служил заменой целому смысловому высказыванию, при этом созданная автором фрагментарная метафоричность усиливала затрудненность прямого истолкования многих его текстов.

Еще одним важнейшим принципом, характерным для живописи кубистов, являлась попытка одновременного восприятия объекта с разных ракурсов и позиций. В живописи Каммингс неоднократно практиковал этот прием и объяснял его своим стремлением к тому, чтобы можно было рассмотреть объект «невероятно полноценно», одновременно со всех сторон, а не довольствоваться только одной стороной, видимой с определенной позиции, пытаясь представить его оставшуюся часть в своем воображении [7]. Каммингс старался привести этот принцип также в поэзию и создать ощущение возможности одновременного восприятия предмета, человека или ситуации в своих поэтических работах.

В стихотворении «я сидел в максорли» автору удается добиться этого эффекта благодаря переплетению разных повествовательных линий, чтобы наглядно передать шумную атмосферу, царившую в пабе. «the glush of squirting taps plus slush of foam knocked off and a faint piddle-of-drops she says I ploc spittle what the lands thaz me kid in no sir hopping sawdust you kiddo» («по влажной поверхности шлепающие запахи брызжащих кружек, в придачу стекание сталкивающейся пены и робкие

струйки капель она говорит я громко сглатываю слюну как дела это я парень нет сэр добавляя измельченный хмель ты приятель». В этом отрывке Каммингс одновременно изображает действия рассказчика («...я громко сглатываю слюну... добавляя измельченный хмель...») и воспроизводит речь одного или нескольких посетителей этого заведения («...она говорит ... как дела это я парень нет сэр ... ты приятель»).

Очевидно, что Каммингс стилистически разделяет две сюжетные линии, представленные в этом фрагменте. Стиль повествования рассказчика отличается от языка захмелевшей посетительницы, в котором присутствует большое количество разговорных выражений («what the lands», «kid», «kiddo»), а также искаженное произнесение отдельных фраз («thaz» вместо литературного варианта «that's»). Следует отметить, что принцип симультанного раскрытия образа с разных позиций и точек зрения встречается и в произведениях других авторов. В качестве примера можно привести романы Дж. Дос Пассоса, «Улисс» Дж. Джойса, «Шум и ярость» У. Фолкнера и др.

Эксперименты с возможностями языка и расширение языкового потенциала ведут к тому, что Каммингс добивается создания эффекта одновременности происходящих действий или явлений, которого нельзя было достичь, следуя традиционным нормам и правилам. Стихотворение «я буду» («i will be» [5, 195]) содержит следующие строки: «pigeons fly ingand // whee(are,SpRiN,k,LiNg an in-stant with sunlight / then)!- / ing all go BlacK wh-eel-ing» («голуби летают // кругами (окропляют мгновение солнечным светом / затем / все становятся черными возвращаясь»). Слово «wheeling» разбито на две части, между которыми автор вводит фразу, заключенную в круглые скобки, тем самым подчеркивая, что оба действия происходят в одно и то же время и что первое действие включает в себя второе. Подобное расчленение слова посредством другого слова или фразы позволило выразить задуманный поэтом образ так ярко, как его могло бы передать только изобразительное искусство.

В поэзии Каммингса обращает на себя внимание представление несопоставимых впечатлений или ощущений в контексте одного стихотворения, которое можно считать проявлением принципа кубизма об изображении объекта с разных точек зрения. К примеру,

стихотворение под названием «Человечество я люблю тебя» заканчивается словами «...Человечество / я ненавижу тебя». Название дебютного поэтического сборника поэта «Тюльпаны & дымоходы» также свидетельствует о выражении этого принципа.

Такое значительное влияние на формирование поэтики Каммингса со стороны пластических форм искусства, в частности живописи, обусловлено несколькими факторами. Во-первых, Каммингс уделял живописи такое же внимание, как и литературе, считая себя не только поэтом и писателем, но и художником. Он писал, что «видов живописи практически так же много, как и художников... Одни художники в качестве объекта своего творчества выбирают звуки, другие цвета» [6, 5]. Можно сделать предположение, что те художники, которые выбирают звуки, являются поэтами или писателями, создающими свои произведения с помощью вербальных средств языка. Во-вторых, в начале XX века решительные изменения в живописи, привнесенные такими мастерами, как Сезанн, Матисс, Пикассо и др., не имели аналогов в литературном мире. Это были не просто новые приемы, разрушавшие устоявшиеся каноны, это было новое видение, которое придавало совершенно иную, чем прежде значимость художественному восприятию произведений искусства. Неудивительно, что именно живопись и другие виды пластического искусства служили главным источником вдохновения для Каммингса.

Творческий путь американского поэта и художника лежит у истоков тех процессов, которые были непосредственно связаны с формированием новой культурной парадигмы и определением ее общей направленности. Художественное видение Каммингса нашло свое воплощение в синтезе поэтических и изобразительных средств выражения. Он стремился привнести в поэзию многие черты различных художественных направлений первой четверти прошлого столетия. Однако Каммингс не подстраивал свою поэзию и живопись ни под контекст литературной традиции, ни под постулаты модернистских направлений, если они шли вразрез с его художественным видением и мироощущением. На протяжении всего творческого пути он демонстрировал право оставаться собой и в литературе, и в живописи, сохранить свою индивидуальность и свободу относительно любой регламентации.

Библиографический список

1. Андреевская Т.Н. Немецкоязычный сонет: эволюция жанра: монография. Тольятти: ТГУ, 2010. 379 с.
2. Рымарь Н.Т. Кубистический принцип в литературе XX века. Научные чтения в Самарском филиале Университета РАО. 2001. Вып. I. С. 97-107.
3. Фридрих Х. Структура современной лирики: От Бодлера до середины двадцатого столетия. Пер. с нем. и коммент. Е.В. Головина. М.: Языки славянских культур, 2010. 344 с.
4. Турчин В. С. По лабиринтам авангарда. М.: Изд-во МГУ, 1993. 248 с.
5. Cummings E. E. Complete poems. 1904-1962 / E.E. Cummings: edited by George J. Firmage. Rev., corr., and expanded ed. containing all the published poetry. New York: Liveright, 1992. 1135 p.
6. Cummings E. E. A Miscellany Revised. Edited by George J. Firmage. New York: October House, 1965. 335 p.
7. Cummings E. E. You Aren't Mad, Am I? Vanity Fair. 1925. № 25. Pp. 97-119.
8. Friedman Norman. E.E. Cummings: The Art of His Poetry. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1960. 195 p.
9. Kidder Rushworth M. Cummings and Cubism: The Influence of the Visual Arts on Cummings' Early Poetry. Journal of Modern Literature. 1979. Vol. 7, № 2, E. E. Cummings Special Number. Pp. 255-291.

References

1. *Andreyushkina T. N.* German language sonnet: the genre development: monograph. Togliatti: TItSU, 2010. 379 p.
 2. *Rymar` N. T.* Cubist principle in the literature of the XX century. Scientific readings in Samara branch of the university RAE. 2001. Part I. Pp. 97-107.
 3. The structure of modern poetry: from Baudelaire to the mid-twentieth century. Translated from German and commented by E.V. Golovin. M.: The languages of Slavic cultures, 2010. 344 p.
 4. *Turchin V.S.* Avantgarde labyrinths. M.: MSU, 1993. 248 p.
 5. *Cummings E. E.* Complete poems. 1904-1962 / E.E. Cummings: edited by George J. Firmage. Rev., corr., and expanded ed. containing all the published poetry. New York: Liveright, 1992. 1135 p.
 6. *Cummings E. E.* A Miscellany Revised. Edited by George J. Firmage. New York: October House, 1965. 335 p.
 7. *Cummings E. E.* You Aren't Mad, Am I? Vanity Fair. 1925. № 25. Pp. 97-119.
 8. *Friedman Norman.* E.E. Cummings: The Art of His Poetry. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1960. 195 p.
 9. *Kidder Rushworth M.* Cummings and Cubism: The Influence of the Visual Arts on Cummings' Early Poetry. Journal of Modern Literature. 1979. Vol. 7, № 2, E. E. Cummings Special Number. Pp. 255-291.
-
-

УДК 581.1

UDC 581.1

Н.Е. НИКОНОВА

доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой романо-германской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Ю.С. СЕРЯГИНА

аспирант, кафедра романо-германской филологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: seriagina.yu@yandex.ru

N.E. NIKONOVA

Doctor of Philology, Department of Romance-Germanic philology, National Research Tomsk State University
E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Y.S. SERIAGINA

Graduate student, Department of Romance-Germanic philology, National Research Tomsk State University
E-mail: seriagina.yu@yandex.ru

**ПОЭЗИЯ Н. ЛЕНАУ НА СТРАНИЦАХ СИБИРСКОЙ ПЕРИОДИКИ НАЧАЛА XX В.:
РЕЗОНАНСЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ**

**THE POETRY OF N. LENAU IN SIBERIAN PERIODICALS IN THE EARLY OF THE 20TH CENTURY:
RESONANCES OF TRANSLATIONAL PERCEPTION**

Статья посвящена особенностям сибирской рецепции поэзии австрийского писателя Николауса Ленау на страницах сибирских периодических изданий «Сибирский Вестник» и «Сибирская жизнь». В статье дается литературоведческий и сравнительный анализ переводов поэзии Ленау авторов сибирского и центрального регионов.

Ключевые слова: Ленау, поэзия, метатекст, сибирская периодика, перевод.

The article is devoted to the Siberian reception of the poetry of the Austrian writer Nikolaus Lenau in the pages of the Siberian periodicals «Siberian Bulletin» and «Siberian life». The article provides a literary and comparative analysis of the translations, which belong to authors of the Siberian and central regions of Russia.

Keywords: Lenau, poetry, metatext, Siberian periodicals, translation.

Метатекст Сибири, предполагающий среди прочего активное осмысление непривычных литературных ландшафтов, представляет в настоящее время особый интерес для гуманитаристики, поскольку вопрос о региональном самосознании и его своеобразии неотделим от мирового поля культуры: формирование индивидуальности происходит только при условии фундаментальной относительности [3, с. 190].

В томской периодике последних десятилетий XIX-начала XX веков имеется богатый материал для осмысления сибирского текста в данном аспекте. На страницах «Сибирского вестника», «Сибирской жизни» и «Сибирской газеты» рубежа веков публикуются многочисленные переводы из английской, немецкой, австрийской и французской поэзии, прозы и беллетристики. Стихотворные тексты и рецензии на переводы органично включаются в состав каждого из изданий. Целью данной статьи является попытка научного описания избирательной переводческой рецепции лирики Н. Ленау в парадигме сибирского текста рубежа XIX-XX веков.

Николаус Ленау – псевдоним Николауса Франца Нибша Эдлера фон Штреленау (1802-1850), одного из самых талантливых немецких поэтов-романтиков на-

чала XIX века. Пластическая определенность образов при музыкальности внешней формы стиха и мягкости настроения сделали его наследие образцом меланхолической поэзии. Ленау при жизни попал в разряд «классиков» на родине, однако переводы его лирических стихотворений на русский язык были, главным образом, рассеяны по журналам. В истории русской школы поэтического перевода особое место занимают переводы из Ленау, сделанные в первые два десятилетия XX века русскими поэтами-символистами В. Брюсовым [2] и К. Бальмонтом [2]. Отдельными изданиями некоторые стихотворения Ленау выходили в России четырежды: в 1862 г. в переводе И. Чиждова («Стихотворения»), в 1913 г. («Избранные стихотворения в переводах русских поэтов», СПб), в антологии Н.В. Гербеля в 1877 г. и позднее в переводе В. Левики в 1956 г. (Н. Ленау. Стихотворения. Ян Жижа). Томская рецепция Ленау, с одной стороны, дополняет библиографию русских переводов поэта. С другой стороны, изучение непосредственной рецепции западноевропейской поэзии в томской периодике, характера трансформации оригиналов позволяет выявить особенности регионального осмысления поэзии Ленау в сравнении с общероссийским.

В 1912 году на страницах «Сибирского вестника» и

«Сибирской жизни» появляются четыре стихотворения Н. Ленау: «Sonnenuntergang» («Закат солнца»), из цикла «Schilflieder» («Камышовые песни»), «Liebesfeier» («Торжество любви»), «Vorwurf» («Укор») в переводе И. Иванова и «An meine Gitarre» («К моей гитаре») в переводе П. Черневича с указанием имени Ленау в подзаголовке. Иосиф Иванов выбирает три репрезентативных, характерных по эстетичной форме и образности текста, в которых метафоричность и романтическая символика сочетаются с удивительной тонкостью пейзажа. В ассоциативном поле поэзии Ленау преобладает сумеречный свет, в поисках человечности каждое свое субъективное ощущение лирический герой переносит на явления природы, находя лишь признаки бренности всего земного. Осень, весна и лето представлены соответственно в переводах И. Иванова на страницах «Сибирской жизни»: «Упрек» (№42), «Праздник любви» (№86) и «Песня в камышах» (№149). Переводчику удается отразить две основные поэтические стратегии, образующие своеобразие романтического двоемирия австрийского поэта: пластичность образа и внутреннюю трагедию, безысходность в собственной разочарованности. В этом отношении томские переводы более удачны, чем другие попытки русских поэтов передать сущность поэзии Ленау, и одновременно значительно отличаются от них. Наиболее ярко их своеобразие открывается в сопоставлении с существующими переводами популярного в русскоязычной рецепции текста из «Камышовых песен», к которому обращались В. Брюсов, К. Бальмонт и В. Левик.

Таблица 1.

N. Lenau <i>Sonnenuntergang</i> («Schilflieder»)	И. Иванов <i>Песня в камышах</i> (Из Ленау)
1 Sonnenuntergang; Schwarze Wolken zieh'n, O wie schwül und bang Alle Winde flieh'n!	Вереницею туч Солнце скрыто внизу. Как удушлив и жгуч Всякий ветер в грозу!
2 Durch den Himmel wild Jagen Blitze bleich; Ihr vergänglich Bild Wandelt durch den Teich.	Небо темное миг Жалят молнии, жгут; Тот изменчивый лик Повторяет мой пруд.
3 Wie gewitterklar Mein' ich Dich zu seh'n, Und dein langes Haar Frei im Sturme weh'n!	Если б в дни душных гроз Ты, любовью маня, Ароматом волос Обвевала меня!

И. Иванов (табл. 1) точно передает перекрестную мужскую рифму подлинника в каждом четверостишии (abab) и аллитерацию, выдерживает соединение краткости немецкого слога и пластичности и мягкости образа Ленау, которые связывают со славянскими корнями поэта. Переводы Брюсова и Бальмонта как бы обращены к разным сторонам стихов Ленау: первого интересует точная детализация конкретного пейзажа, второй подчеркивает его эмоциональную окрашенность и при этом значительно сгущает краски и усиливает чувства. В результате ускользает главное – глубина и красота образа, создающая вместе с настроением личной трагедии не-

повторимую мечтательную меланхоличность немецкого лирика (табл. 2).

В переводе Левика [4, с.34] этот отрывок с переводческой точки зрения почти безупречен, однако Ленау в его интерпретации – это реакционный романтик, и его, не имеющая ничего общего с социальными настроениями, любовная натурфилософская лирика предстает в почти штюмерском ключе с реалистической по характеру образной начинкой.

Та же «перегласовка» наблюдается в переводе В. Левика стихотворения Ленау «Liebesfeier», где три четверостишия, переполненные романтической образностью весеннего пейзажа, заключаются принципиально важным образом, отражающим внутреннее представление лирического героя. Сложное слово «Opfersturm» («поток жертв») реконструируется в общем контексте поэзии романтика трагически, и радостный пафос весенней картины оказывается иллюзорным, так как перечеркивается скрытой в последнем стихе трагедией «внутреннего человека». Это своеобразие художественной картины мира Н. Ленау, как и общее романтическое настроение весны (нем. поэт. «der Lenz»), в образах «роз», «смарагдов», «храма-небосвода» передает И. Иванов (табл. 3).

Привнесенное В. Левином благословение радующимся весне («И благо тем, кто <...>») искажает лирический сюжет. Трагедию романтического двоемирия и недостижимость, иллюзорность идеала видимого, присутствующую в сдержанности и поэтической возвышенности образов немецкого текста и разрешающуюся в финальной сентенции, удается выразить томскому переводчику: души, реконструируя мысль Ленау, «немеют // В потоке жертвенной тоски». В концовке Ленау возникает аналогия человеческих душ с почками растений (schwellen – набухать), которые распускаются весной, подхваченные общим потоком настроения («und mündet Hinüber in den Opferstrom»). Религиозная лексика (Jubelchor, Altäre, im Dom), придающая весне сакральный смысл, всееляющий благоговение и восторг, также более полно передана в сибирском переводе.

Опубликованное в «Сибирской жизни» стихотворение Ленау в переводе И. Иванова «Упрек» не становилось предметом внимания известных переводчиков. Оно наиболее ярко раскрывает характерное элегическое настроение поэзии Ленау, содержит постоянные образы леса, ветра, птичьей стаи, картины осенней природы (табл. 4).

Меланхолию элегических мотивов И. Иванову удалось передать с помощью перевода эпитетов («bange Nehmuth» – «грусть злая»; «die müde Leidenschaft» – «усталой страсти») и метафор («Denkst du der Liebesglut?» – «В любви ты помнишь полдень твой?»), сохранив при этом ритм оригинального стихотворения.

Томский переводчик тонко чувствует и стремится передать своеобразие (романтической) мироконцепции Ленау, как и других представителей немецкоязычной литературы романтизма. Только в 1912 году он пере-

Таблица 2.

В. Брюсов Солнечный закат; Душен и пуглив Ветерка порыв; Облака летят. Молнии блеснут Сквозь разрывы туч; Тот мгновенный луч Отражает пруд. В этот беглый миг Мнится: в вихре гроз Вижу прядь волос, Вижу милый лик.	К. Бальмонт Солнечный закат; Чёрны облака, Ветры прочь летят, Душно, и тоска. Молний огневых Борозды бегут; Быстрый образ их Озаряет пруд. Мнится, ты — со мной, В чёткости зарниц, Волосы — волной, Взоры — взмахи птиц.	В. Левик Тучи нанесло, Сумрак на земле. Ветер тяжело Бьется в душевной мгле. Стрелы молний, треск, Гром, да ветра вой, Бродит беглый блеск В бездне прудовой. Вижу в блеске гроз Лишь тебя одну, Взвихренных волос Вольную волну.
---	--	--

Таблица 3.

N. Lenau <i>Liebesfeier</i> An ihren bunten Liedern klettert Die Lerche selig in die Luft; Ein Jubelchor von Sängern schmettert Im Walde, voller Blüt und Duft. Da sind, so weit die Blicke gleiten, Altäre festlich aufgebaut, Und all die tausend Herzen läuten Zur Liebesfeier dringend laut. Der Lenz hat Rosen angezündet An Leuchtern von Smaragd im Dom; Und jede Seele schwillt und mündet Hinüber in den Opferstrom.	В. Левик <i>Празднество любви</i> Как по ступеням звонких песен, Взлетает птица в вышину, И воздух чист, и день чудесен, И славит юный день весну. У алтарей в лесу зеленом Счастливым парам нет конца. И колокольным перезвоном Любовь приветствует сердца. А там, как светочи в соборе, Цветы повсюду май зажег. И благо тем, кто в общем хоре Вольется в жертвенный поток.	И. Иванов <i>Праздник любви (из Ленау)</i> Вверх по своей узорной песне Порхает жаворонок. Хор В лесу, в цветах еще чудесней, Лес дышит весь и нежит взор! Скользкий луч, далекий, ломкий, В лесу возносит алтари. И неотступной жизни громкий Гимн душ поется до зари. В смарагдах неба розы тают, Весна зажгла пламенники — И души, взлет свершив, немеют В потоке жертвенной тоски.
--	---	---

Таблица 4.

N. Lenau <i>Vorwurf</i> Du klagst, daß bange Nehmuth dich beschleicht, Weil sich der Wald entlaubt, lind über deinem Haupt Dahin der Wanderzug der Vögel streicht. O klage nicht, bist selber wandelhaft; Denkst du der Liebesglut? Wie nun so traurig ruht In deiner Brust die müde Leidenschaft!	И. Иванов <i>Упрек</i> Ты сетуешь, что грусть к тебе подкралась злая. Когда прощался лес с листвою. И над твоею головою Птиц южных пролетала стая. Не сетуй, сам ты в той же вечной власти. В любви ты помнишь полдень твой? Какой теперь глухой покой В душе, плененной сном усталой страсти!
---	---

водит также лирику романтика Новалиса (Из Новалиса «Карбункул» [7, 54, с.3]), символиста Штефана Георгэ («Возвращение», из книги Стефана Георгэ «Год души» [7, 69, с.3]). Взгляды Иосифа Иванова на перевод выражены опосредованно в его рецензиях на выходящие в Москве и Петербурге издания переводной поэзии и прозы. Так, в рубрике «Библиография» он строго оценивает вышедший в Москве в 1911 году сборник стихов П. Верлена в переводе В. Брюсова. Автор пишет,

что перевод большинства стихов «точен по содержанию и музыкален по форме», но также справедливо указывает на промахи, замечая, что «свободно обращаться со смыслом стихов Верлена можно не разрешить даже Брюсову» (Курсив наш. – *Н.Н., Ю.С.*) [7, 51, с.4]. В то же время с одобрением говорит о выпущенном в Москве с предисловием Валерия Брюсова переводе Нины Петровской французского романа Л. Деларю-Мардрюс «Исступленная»: «Перевод весьма хорош. Роману мож-

но предсказать успех» [7, 63, с.3]. Иосиф Иванов предстает активным и строгим литературным и театральным критиком. Так, одним из первых он подвергает резкой критике с успехом ставившуюся на томской сцене пьесу К. Гуцкова «Уриель Акоста», полагая, что «борьба угрюмого косного старого с отвлеченным недействительным новым трагедии не создает» [5, с. 173].

Не менее интересен перевод крупного стихотворения Н. Ленау «An meine Gitarre», напечатанный в «Сибирском вестнике» в том же году, что и переводы Иванова [6, 86, с.3], и принадлежащий П. Черневичу. Это стихотворение Ленау более объемно (10 четверостиший) и репрезентирует основные природные образы (леса, стаи птиц, ветра) и элегические мотивы его поэзии (оплакивание утрат и ушедшей молодости, потеря возлюбленной, призрачность мечтаний). П. Черневич адаптирует их так, что читатель перевода без труда узнает в его тексте русскую элегию и одновременно балладу, своеобразие Ленау представляется через посредство русского интертекста. Элегическая «поэтика узнавания» (Л.Я. Гинзбург) позволяет воссоздать атмосферу меланхолии. Переводчик реконструирует своеобразие оригинала с помощью принципиальных черт русской лирики пушкинской поры, главным образом, «кладбищенской» и «унылой» элегии. Устойчивые эмоционально-оценочные эпитеты В.А. Жуковского наполняют русский перевод, не имея точных соответствий в оригинале: «тоскливо» («с тоской»), «скучно», «грустно», «милый», «мой нежный друг», «темнеет тихо» и др. П. Черневич изменяет сюжет стихотворения Ленау таким образом, что на первый план выходит мотив любви «за гробом», воспоминание об ушедшем «верном и славном друге» нивелируется. Сравним с довольно точным в сюжетном отношении переводом Левики (табл. 5).

В. Левик Не ты ли, друг мой? Ближе! Ближе! Не ты ль зовешь из темноты? Моя любовь, о подойди же! Ты здесь! Ответь, со мной ли ты?	П. Черневич Ты здесь, голубка дорогая! Твои я вижу здесь черты! Тебя я долго звал, рыдая... Скажи, родная, это ты?
Увы! Ни друга, ни любимой! Их голоса. То был обман! Лишь ветер свищет нелюдимый, И не подаст руки туман.	Она молчит... Мне нет привета. О где же ты, мой бледный друг? А лес шумит, – и без ответа Темнеет тихо все вокруг.

Таблица 5.

N. Lenau Dann ruft, dann zieht ihr lauter Chor Die Lieben all in meinen Nachen Aus dunkler Todesflut empor. Es klingt! – doch fliehn im scheuen Fluge Die Töne auf von meiner Hand<...> Schon springen die versunknen Geister Herauf, herauf an meinen Bord!	П. Черневич Толпой виденья принесутся Из темных к нам своих гробов. Чу! Первый звук слетел вдруг вяло, С тоской из-под руки моей <...> И призраки толпою милой Со всех сторон ко мне спешат.
--	---

Таблица 6.

Библиографический список

1. *Бальмонт К.Д.* Из Мировой Поэзии. Берлин: Изд. Слово, 1921. 214 с.
2. *Брюсов В.Я.* Полное собрание сочинений и переводов. Стихи 1905-1909 гг. Т. 4. Санкт-Петербург: Сирин, 1914. 390 с.
3. *Доманский В.А.* Структурные уровни сибирского текста // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. 276 с.
4. Европейская поэзия XIX века. Майрхофер И., Цедлиц И., Грильпарцер Ф. и др. М.: Художественная литература, 1977. 928 с.
5. *Кафанова О.Б.* Трагедия К. Гуцкова «Уриэль Акоста» на томской сцене // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. Вып.2. 276 с.
6. Сибирский Вестник. Томск. 1912. № 86.
7. Сибирская жизнь. Томск. 1912. №№ 42, 51, 54, 63, 69, 72, 86, 149.

References

1. *Balmont K.D.* From the World of Poetry. Berlin: Ed. Word, 1921. 214 p.
 2. *Bryusov V.Y.* Complete works and translations. Poems, 1905-1909. V. 4. St. Petersburg : Sirin, 1914. 390 p.
 3. *Domanski W.A.* Structural levels of the Siberian text // Siberian text in Russian culture. Tomsk, 2007. 276 p.
 4. The European poetry of the XIX century. Mayrhofer I. Tsedlits I. Grillparzer F., et al. Moscow: Fiction, 1977. 928 p.
 5. *Kafanowa O.B.* The tragedy "Uriel Acosta" of K. Gutzkow in the Tomsk stage // Siberian text in Russian culture. Tomsk, 2007. 276 p.
 6. Siberian Bulletin. Tomsk. 1912. № 86.
 7. Siberian life. Tomsk. 1912. № 42, 51, 54, 63, 69, 72, 86, 149.
-

УДК 821.161.1(091) ТУРГЕНЕВ И.С.

UDC 821.161.1(091) TURGENEV I.S.

Л.М. ПЕТРОВА

кандидат филологических наук, профессор, кафедра истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет
E-mail: peludmila@yandex.ru

L.M. PETROVA

Candidate of Philology, Professor, Department of history of Russian literature XI-XIX centuries, Orel State University
E-mail: peludmila@yandex.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В ПОВЕСТИ И.С.ТУРГЕНЕВА «ФАУСТ»

AXIOLOGICAL DOMINANTS IN I.S. TURGENEV'S NOVEL «FAUST»

Статья посвящена анализу повести И.С. Тургенева «Фауст» как транслятора ценностей, в ней уточняются понятия «ценность», «аксиологическая доминанта», выступающие индикатором смысла произведения, ценностных координат автора. Выявляя аксиологические доминанты произведения, автор статьи приходит к выводу, что такие смысловые понятия, как «искусство», «природа», «жизнь», «любовь», «истина», «смерть», выступают главными ценностями Тургенева.

Ключевые слова: аксиологическая ценность, искусство, природа, жизнь, любовь, доброта, смерть, тайные силы, душевная драма, нравственный долг.

This article analyzes the text of I.S. Turgenev's novel «Faust» as a transmitter of values, it clarifies the concept of «value», «axiological dominant» speakers indicator of the meaning of the work, values of the coordinates of the author. Identifying axiological dominants of the work, the author comes to the conclusion that such semantic notions as «art», «nature», «life», «love», «truth», «death», are Turgenev's main values.

Keywords: axiological value, art, nature, life, love, death, secret power, emotional drama, moral duty.

«Антропологический кризис» рубежа XX-XXI веков затронул и сферу ценностей, которые оказались перед угрозой тотального уничтожения. Философия прагматизма, утверждающая, что современный мир не нуждается в духовных измерениях, властно овладевает сознанием человека. Отвергается классический канон Истины, Добра и Красоты. В современных произведениях возобладали тематика бездуховности – меркантильности, озлобленности, насилия и нетерпимости. В связи с этим в лингво-литературоведческих, культурологических, педагогических работах всё более актуализируется аксиологический аспект исследования. Значение ценностного подхода определяется той ролью, какую играли и играют ценности в исторических судьбах народов, в истории культуры и в жизни самого человека, потому что мир человека – это всегда мир ценностей. Ценность – положительная или отрицательная – это значимость явлений окружающего мира для человека, определяемая вовлеченностью их в сферу его жизнедеятельности, интересов, выраженная в нравственных принципах, нормах, идеалах, установках. Различают материальные, общественно-политические, духовные ценности, эстетические... Художественная ценность «является во всех случаях интегральным качеством произведения искусства» (М. Каган), в котором сплавлены, нередко противоречиво, его эстетическая ценность, нравственная, общественная и религиозная. При этом именно духовные ценности выступают как основные слагаемые содержания художественного про-

изведения писателя. Более того, чем шире круг осмысливаемых художником жизненных явлений, тем шире аксиологический спектр их образного воссоздания в произведениях писателя.

В.А. Свительский, один из первых в современном литературоведении обратившийся к аксиологическому аспекту исследования художественного текста, утверждает: «Внутренний мир произведения неизбежно ориентирован на ту или иную систему ценностей, строится на определенной шкале авторских оценок» [1, с.8].

М.М. Бахтин, указывая на формально-эстетическое единство произведения, подчёркивал, что образуется это единство благодаря тому, что «ценностный контекст» автора – познавательно-этический и эстетически-актуальный – как бы обнимает, включает в себя «ценностный контекст» героя – этический и жизненно-актуальный» [2, с.71-72]. Подчеркнём: возможности аксиологического подхода позволяют учитывать и еще одно измерение – читательские ценностные ориентиры: ведь в разные эпохи читатели ищут в литературе «актуальные контексты», и порой глубинный смысл произведения в большей степени открывается последующим поколениям. Более того, на аксиологической основе, открываются перспективы для историко-функциональных исследований.

И.А. Есаулов, в сущности, уточняет «третье измерение», связанное с определенным (православным) аксиологическим подходом исследователя, который «эксплицирует собственную точку зрения» [3] при ана-

лизе художественного текста. Таким образом, аксиологический аспект исследования литературных явлений представляется как бы универсальной методологией, рассматривающей как содержание, так и формы произведения, как авторской индивидуальности, так и направленность читательского восприятия.

Аксиология, как наука о природе ценностей, о связи различных ценностей между собой, начала интенсивно развиваться лишь с середины XIX века, когда особенно остро была осознана проблема обесценивания традиций, утраты духовной устойчивости в обществе. Большой вклад в разработку аксиологической науки внесли прежде всего зарубежные ученые-философы (И. Кант, Г. Лотце, М. Шелер, Ф. Фромм, Н. Гартман, Р. Перри, Дж. Дьюи и др.).

В России до середины XX в. аксиология трактовалась как идеалистическое направление западноевропейской философии, аксиологию стали активно разрабатывать в конце XX века. Отечественная наука обратилась к исследованию ценностной проблематики, хотя уже в работах В. Белинского, В. Соловьева, П. Флоренского, Н. Лосского, Н. Бердяева, С. Франка, Б. Вышеславцева, М. Бахтина были высказаны аксиологические идеи, никем не замеченные в своё время. Сегодня художественная аксиология предстаёт в работах В.А. Свительского, И.А. Есаулова, В.Е. Хализева, В.Б. Петрова, Т.С. Власкиной, Т.А. Касаткиной, Е.В. Кузнецовой и др. Аксиология в литературоведении в первую очередь понимается как теория духовных ценностей.

Сегодня, когда «дух растлился...// И человек отчаянно тоскует...» (Тютчев), потребность в положительных ценностях особенно велика, и вдумчивый читатель обращается к классике, которая всегда оказывала огромное влияние на нравственно-духовную жизнь общества и человека, а для исследователя всегда была предметом особого непреходящего интереса.

Наш интерес направлен на выявление аксиологических доминант в повести Тургенева «Фауст», в которой русский писатель поднимает проблемы, подобные тем, о которых говорит Гете в трагедии «Фауст». В контексте нашей статьи доминанты – это главные смысловые части, моменты текста, они выступают индикатором смысла произведения, ценностных координат автора. Следует заметить, что текст художественного произведения не содержит четких, прямо выраженных формулировок ценностей, а содержит «выражение убежденностей или верований говорящего на основе его ценностного мотивационного отношения ... в дискурсивном пространстве...» [4, с.13].

Художественно-смысловая архитектура повести «Фауст» (1856), её «аксиологическая атмосфера» связана с историей внутренней драмы героини, определившей характер конфликта произведения, с образом главного героя-рассказчика. В основе повести любовная драма замужней женщины к Павлу Александровичу Б., рассказчику, раскрывающая трагедию роковой, «незаконной» страсти, пренебрегающей нравственные преграды. Повесть рассказывает о «тайных силах жизни»:

Тургенев разворачивает романтическую концепцию страсти, связанную с «апофеозом личности».

Писатель прежде всего обращает внимание читателя на внешний облик своей героини Веры Николаевны, в котором угадывалась особая «натурность»: она была невысокого роста, хорошо сложена, имела тонкие черты лица, но «не походила на обыкновенных русских барышень: на ней лежал какой-то особый отпечаток» [5, с.97]. В созданном писателем портрете угадывалась скрытая противоречивость Веры Николаевны Ельцовой. Доминантой психологического поведения героини, восприятия окружающего мира было «удивительное спокойствие всех ее движений и речей. Она, казалось, ни о чем не хлопотала, не тревожилась... веселою она бывала редко и не так, как другие», даже «выражение её лица было искреннее и правдивое, как у ребёнка, но несколько холодно и однообразно» [5, с.97], но за видимой безмятежностью таилась возможность взрыва страстей. Эту противоречивость, несовместимость взаимоисключающих свойств во внешний облик Веры Николаевны вносили «полные губы, серые с чернотой глаза, которые глядели слишком прямо». Недаром рассказчик-герой в сдержанной, невозмутимо-спокойной Вере Николаевне подметил «где-то далеко, в самой глубине ее светлых глаз, что-то странное, какую-то негу и нежность» [5, с.99]. Живая от природы натура Веры Николаевны сдерживалась воспитанием и характером жизни. Мать Веры Николаевны, стремясь парализовать наследственную страстность дочери, строго продумала систему ее воспитания, направленного на погашение эмоционально-трепетного восприятия жизни, а «потому дочь ее до семнадцатилетнего возраста не прочла ни одной повести, ни одного стихотворения», и в мужья был выбран человек добрый, но безмятежно-покойный и недалекий. Ельцова-старшая образовала не только ум дочери, она углубила и нравственное чувство, потому-то «постоянное стремление к правде, к высокому» соединялось в Вере с «пониманием всего... порочного, даже смешного». Многозначительно замечание рассказчика о том, что по прошествии двенадцати лет она несколько не изменилась: «то же спокойствие, та же ясность, голос тот же, ни одной морщины на лбу, точно она все эти годы пролежала где-нибудь в снегу...» [5, с.101].

Смысл такой «неизменности» хорошо прокомментировал Д.Писарев в статье «Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова»: «Проспать с лишком десять лет, лучшие годы жизни, и потом проснуться, найти в себе так много свежести и энергии...это, воля ваша, свидетельствует о присутствии таких сил, которые, при сколько-нибудь естественном развитии, могли бы доставить огромное количество наслаждений как самой Вере Николаевне, так и близким к ней людям» [6, с.264].

В облачении «таких сил» натуры героини особую роль играет случай, ведущий к резкому сдвигу в судьбе, – встреча с «Фаустом» Гёте, а это как раз то, чего «как огня, боялась» её мать, ибо встреча с произведением изысканной словесности, «может действовать на воображе-

ние», разбудить «те тайные силы, на которых построена жизнь». Ельцова-старшая была убеждена: «надо заранее выбрать или полезное, или приятное». Соединить то и другое невозможно: «ведёт к гибели или пошлости» [5, с.98]. Боясь жизни, её тайных сил, она старалась отгородить дочь от волнений сердца. Но Тургенев убеждён: построить жизнь только на разумных, рациональных началах, отгородившись от сильных чувств и эмоций – значит идти против самой природы человека. Рассказчик, выражающий ценностные убеждения писателя, не приемлет отрицание Верой Николаевной поэзии, её «непостижимое равнодушие к возвышеннейшим удовольствиям». Не случайно, что именно с чтения «Фауста» происходит «пробуждение» тургеневской героини. Только выдающееся произведение искусства, прикосновение к великой поэзии могло подействовать на духовно богатую личность Веры, дремлющей в своем душевно-безмятежном «жизненном» сне.

Героине открылся запретный, неведомый, но влекущий мир внутренней страстной жизни сердца. Именно под воздействием образа Гретхен героиня Тургенева испытывает сильное эмоциональное воздействие от чтения: она почувствовала общность переживаний с героиней немецкой трагедии, от которой тургеневская героиня отличается способностью анализировать, тонко понимать прекрасное – происходит эмоциональное пробуждение Веры, живые чувства, ранее сдерживаемые строгими требованиями разума, строгим воспитанием, захлестнули героиню. Ельцова-младшая полюбила всей силой своей страстной натуры: не оглядываясь на прошедшее, не жалея того, что остается позади, и не боясь ни мужа, ни умершей матери, ни упреков совести.

С момента чтения «Фауста» Павлом Александровичем наступает кульминация не только в развитии событий повести, наступает главный момент, связанный с пониманием внутренней драмы героини, раскрывающий ценностные координаты автора, его веру в преобразующую мир силу красоты, в творчески созидательную силу искусства. Используя искусство художественной литературы как фактор эмоционально-оценочный, Тургенев раскрывает высокий духовно-эстетический потенциал личности героини, её глубокую цельную натуру, пробудившуюся к эмоционально-взволнованной жизни. Психологически выразительны указания на реакцию восприятия гётовской трагедии: «рука у ней была холодна», «лицо...показалось бледным», Вера «отделилась от спинки кресел, сложила руки и в таком положении осталась неподвижной до конца» чтения, потом «подошла нерешительными шагами к двери, постояла на пороге и тихонько вышла» [5, с.106-107]. Верный эстетически тонкий вкус Веры оказывает влияние на героя-рассказчика, признавшегося, что «только по её милости недавно открыл, какая бездна условного, риторического во многих прекрасных, известных поэтических произведениях». Веру захватывает сама стихия искусства, возбуждающего неосознаваемые ощущения, волнует трагедия любви: «В этой вашей книге есть вещи, от которых я никак отделаться

не могу... они мне так жгут голову»; захватывает неосознаваемая сладость переживаний: «Наташа вбежала в беседку. Вера Николаевна выпрямилась, встала и, к удивлению моему, с какой-то порывистой нежностью обняла свою дочь...Это не в ее привычках» [5, с.110]. Вера Ельцова, не знавшая любви, под влиянием великой книги испытала жажду любви, но мысль Гёте о праве человека на счастье столкнулась с её аскетической моралью, с нравственным долгом. Отдаваясь глубине своих внутренних переживаний, Вера Николаевна испытывает драму высокого трагического накала. Нахлынувшая любовь ощущается как сладостное и одновременно страшное чувство, непреодолимое, стихийное: «Какая-то невидимая сила бросила меня к ней, ее – ко мне. При потухающем свете дня ее лицо...мгновенно озарилось улыбкой самозабвения и неги...» [5, с. 123-124]. Автор, используя такие языковые элементы, как эпитеты, эмоциональные стилистические элементы: «Удивительное создание! Проницательность мгновенная рядом с неопытностью ребёнка, ясный, здравый смысл и врожденное чувство красоты, постоянное стремление к правде, к высокому...надо всем этим, как белые крылья ангела, тихая женская прелесть...» [5, с.111] – наполняет их личностным смыслом рассказчика («великая душа»). Они выражают его эмоциональное состояние, ценностное отношение которого выступает аксиологической доминантой. В тексте несколько раз подчеркнута детскость Веры Николаевны: «голос у ней звенел, как у семилетней девочки», «вышла мне навстречу...семнадцатилетняя девочка», «она надела...детскую шляпу». Многократно в повести в связи с Верой Ельцовой употребляются такие смысловые понятия, которые несут чёткую оценочность: «черты имела нежные», «ясность невинной души...светилась во всём её существе», «та же ясность», «умное, простое, светлое существо», «бледная почти до прозрачности...и всё-таки ясная, как небо!», «она тихо светится вся», «лицо принимает такое благородное и доброе...именно доброе выражение». Вера любит надевать белые одежды.

Героиня, которой явно симпатизирует автор, предстает в повести как натура цельная, прямая, глубокая, одухотворенная. Отдавшись чувству, она, любящая ясность во всём, готова идти до конца, преодолеть любые препятствия. Но именно любовь, эмоциональное пробуждение лишают героиню спокойствия, равновесия и ясности: «подошла нерешительными шагами к двери», «стала задумываться, чего с ней прежде не бывало», «лицо её выражало усталость», «Вера иногда озидалась с таким выражением, как будто спрашивала себя: не во сне ли она?», «Вера вдруг вырвалась из рук моих и, с выражением ужаса в расширенных глазах, отшатнулась назад» [5, с.107, 122, 123, 124].

В момент свидания Ельцова-дочь видит призрак матери, который она воспринимает как знак смерти. В героине жгучая любовь-страсть вызывает страх, этот страх Тургенев объясняет «тайными силами жизни», в которые Вера Николаевна верит («Странно! сама она такая чистая и светлая, а боится всего мрачного, подземно-

го...»), они обостряют ее мистическую настроенность. Так любовь – это чистое, высокое движение её души – сопровождается страхом перед неведомо-мрачной силой, действующей стихийно, вступающей в противоречие с нравственным сознанием героини. За кульминацией в развитии интимно-личного чувства быстро надвигается катастрофа. Трагический финал (смерть Веры) неизбежен: он в неразрешимости внутреннего конфликта, в драме чистой, правдивой души, охваченной непреодолимой страстью и страхом возмездия.

Судьба Веры демонстрировала убежденность Тургенева в необъяснимой связи судьбы человека с «тайными силами жизни», со своими предками, поэтому введена история мистически настроенного деда, склонного к аскетическому самоотвержению, история бабки, отличающейся необузданностью страстей. Писатель убеждён, что жизнь построена на «тайных силах», которые, как стихия, «изредка, но внезапно пробиваются наружу» [5, с.98], и человек беззащитен перед этими силами, как бессилен он и перед властью любви и смерти. Не случайно страсть по характеру развития сравнивается со стихиями природы: «ветер усилился», «дождь налетел мгновенно» [5, с.115], «гроза надвинулась и разразилась...при каждой вспышке молнии церковь...то вдруг являлась черною на белом фоне, то белою на чёрном, то...поглощалась мраком» [5, с.109]. Образ церкви, её описание несёт весьма определенную оценочную парадигму Тургенева, который через чистую, светлую душу своей героини видит какую-то страшную, тёмную правду о душе человека, призванного погасить в себе страстную жажду счастья и преклонить голову перед Неведомым.

Веривший в реальность сверхчувственного мира, «неимущий» Тургенев был глубоко уверен: «имеющий веру имеет всё».

Героиня Тургенева гибнет, так сказать, в силу сложности своей личности, в которой соединилось глубинное осознание правоты нравственного чувства и желание счастья, кипение страстей, унаследованных от предков, и любовь как сила непреодолимая.

Смерть Веры приводит любящего её Павла Александровича к пониманию нравственной ответственности человека за свои поступки: «исполнение долга, вот о чём следует заботиться человеку», и эта мысль расценивается Тургеневым как одна из ценностных истин жизни. При этом Тургенев не лишает человека возможности свободного выбора, «верит в его потенциальную способность противостоять враждебным обстоятельствам» [7, с.116]. Вера не смогла противостоять страсти, не справилась с выбором. Трагедия героини сопряжена с лейтмотивом неизбежности и непостижимости смерти: Вера чувствует себя в плену неведомых ей сил, неотвратимо затягивающих её в пучину страстей.

Жизнь предстаёт в двух оценочных ракурсах: яркое, трепетное горение сердца через искусство и любовь, раскрывающих духовный потенциал человека, связанный с молодостью, когда хочется счастья, любви, и

чистые, светлые чувства переполняют твоё сердце: не случайно рассказчик Павел Александрович вспоминает: «моя молодость пришла и стала передо мною, как призрак; огнем, отравой побежала она по жилам, сердце расширилось и не хотело сжаться, что-то рвануло по его струнам, и закипели желания...» [5, с.94]. Но предстаёт и другой ракурс жизни как действие тайных, тёмных сил, проявляющихся в необоримости страстей, отсюда установка — смирение, убеждение, что «жизнь не шутка и не забава, жизнь далеко не наслаждение...жизнь – тяжёлый труд. Отречение, отречение постоянное – вот её тайный смысл...» [5, с.129]. Именно трагедия Веры, её смерть утверждают главного героя повести на позициях морали отречения, «железных цепей долга».

Павел Александрович тоже изображается на повороте жизни, переживая, с момента встречи с Верой, период молодого воодушевления и жажды любви, полагая, что есть ещё «что-то такое на свете», что «чуть ли не самое важное».

Образ рассказчика весьма близок автору. Он помогает раскрыть аксиологический смысл таких понятий, как «воспоминание», «природа», «дворянское гнездо», «жизнь», «смысл жизни». Примечательно, что в начале повести, изображая душевное состояние П.Б., вернувшегося в родовое имение после долгого отсутствия и полюбившего замужнюю женщину, Тургенев исходил из личного опыта. Он воспроизводит свои, дорогие, милые сердцу воспоминания, воссоздаёт образ старинного «дворянского гнезда», описывает своё любимое Спасское, его окрестности, природу, сад, фамильную библиотеку, говорит о незабываемом впечатлении от прочтения «Фауста», о поре молодых желаний и надежд. Тургеневский герой-рассказчик влюблён в жизнь, любит, тонко чувствует одухотворяемую им природу: «...сад удивительно похорошел: скромные кустики сирени, акации...разрослись...липовые аллеи особенно хороши...люблю серо-зелёный нежный цвет и тонкий запах воздуха под их сводами...Кругом трава так весело цвела; на всём лежал золотой свет, сильный и мягкий...Горлинки немолчно ворковали...дрозды сердились и трещали...как сумасшедший, пронзительно кричал дятел» [5, с.91]. Благодаря этому герою читатель погружается в «целое море поэзии, могучей, благоуханной и обаятельной» (Н.Некрасов).

Но как эстет-созерцатель, оказавшись перед выбором: победить свои естественные влечения, склонность к наслаждению или отдаться «эгоизму любви» – П.Б. выбрал последнее, проявив слабость нравственной воли. Лишь после болезни и смерти Веры Николаевны в нём восторжествовали сознание долга, мысль о нравственной ответственности за свои поступки: «исполнение долга, вот о чём следует заботиться человеку; не наложив на себя цепей, железных цепей долга, не может он дойти, не падая, до конца своего поприща» [5, с.129].

Смысл жизни герой видит в необходимости постоянного «отречения», отказа от любимых мыслей и мечтаний во имя исполнения своего человеческого нравственного долга. В понимании того, что высшая

мудрость человека в том, чтобы суметь пользоваться даром нравственной свободы, чтобы оградить себя от тайных тёмных сил Неведомого, заключена аксиологическая парадигма повести Тургенева, видевшего спасительную силу человека именно в нравственном долге, а любовь, по Тургеневу – одна из тайн жизни – дается как высшее откровение о мире, и она мгновенна. Соотносясь с таинственной и иррациональной стихией в жизни человека, она выступает, вместе с тем, как одно из прекрасных проявлений всецельной природы, прекрасной и неведомо-грозной одновременно: ««Погода была чудесная... Прямо над поляной легко и высоко стояло большое разовое облако... на самом краю его... дрожала звёздочка, а немного подалее виднелся белый

серп месяца на на слегка поалевшей лазури. Я указал Вере Николаевне на это облако.

– Да, – сказала она, – это прекрасно, но посмотрите-ка сюда.

Я оглянулся. Закрывая собою заходящее солнце, вздымалась огромная тёмно-синяя туча; видом своим она представляла подобие огнедышащей горы... яркой каймой окружал её злоеший багрянец и в одном месте... пробивал насквозь её тяжёлую громаду, как бы вырываясь из раскалённого жерла...» [5, с.105].

Такие смысловые понятия в повести, как «искусство», «природа», «смысл жизни», «любовь», «истина», «нравственный долг», «доброта», отражая авторский мир, выступают главными ценностями писателя.

Библиографический список

1. *Свительский В. А.* Личность в мире ценностей: (Аксиология русской психологической прозы 1860-70-х годов). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. 231 с.
2. *Бахтин М.М.* Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.
3. *Есаулов И.А.* Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия. В кн. Евангельский текст в русской литературе XVIII-XIX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. науч. трудов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. С. 378-383.
4. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011. 352 с.
5. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения. Т.5. М: Наука, 1980.
6. *Писарев Д. И.* Сочинения: В 4 т. Т.1. М: Гослитиздат, 1955-1956.
7. *Курляндская Г.Б. И.С. Тургенев.* Мировоззрение, метод, традиции. Тула: Гриф и К, 2001. 229 с.

References

1. *Switalski V. A.* Personality in the world of values (Axiology Russian psychological prose 1860-70-ies). Voronezh: Voronezh state University, 2005. 231 p.
 2. *Bakhtin M. M.* Bakhtin, M. M. Problems of Dostoevsky's poetics. M.: Owls.Russia, 1979. 320 p.
 3. *Esaulov I. A.* Literary axiology: the experience of the underpinnings of the concept. In book Gospel text in Russian literature of the XVIII-XIX centuries. Quote, reminiscence, motive, plot, genre. Collection of scientific works. Petrozavodsk: Publishing house Petrozavodsk University press, 1994. Pp. 378-383.
 4. Linguistics and axiology: atnasheniami value meanings: collective monograph. M.: Thesaurus, 2011. 352 p.
 5. *Turgenev I. S.* Complete works and letters: in 30 vol. Works. Vol. 5. M: Nauka, 1980.
 6. *Pisarev D. I.* Works: in 4 t. Vol. 1. M: Politizdat, 1955-1956.
 7. *Kurlandskay G.B. I. S. Turgenev.* Ideology, method, tradition. Tula: Grif I K, 2001. 229 p.
-
-

УДК 398.9:81'42

UDC 398.9:81'42

Е.В. ПРОСКУРЯКОВА

аспирант, кафедра английской филологии, Орловский
государственный университет
E-mail: alionaorel@gmail.com

E.V. PROSKURIAKOVA

Graduate student, Department of English Philology, Orel
State University
E-mail: alionaorel@gmail.com

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ В ЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ И ИХ АНАЛИЗ
ПО КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ МОДЕЛИ АКТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА ПОСЛОВИЦЫ В ДИСКУРСЕ**

**PROVERBS USAGE IN THE HEADINGS OF NEWSPAPER ARTICLES AND THEIR ANALYSIS BASED
ON THE COGNITIVE-DISCURSIVE MODEL OF PROVERB MAIMING ACTUALIZATION IN DISCOURSE**

Статья посвящена использованию пословиц в заголовках газетных статей и его анализу с помощью когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла пословицы в дискурсе. Уделяется внимание газетному тексту и причинам использования пословиц в нем. Рассматриваются современные подходы к определению пословицы, а также свойства медийного и газетного дискурса.

Ключевые слова: пословица, поговорка, дискурс, медийный дискурс, газетный дискурс, когнитивно-дискурсивная модель, трансформация, антипословица.

The article is devoted to the proverb usage in the headings of newspaper articles, as well as its analysis using the cognitive-discursive model of proverb actualization in discourse. The author pays attention to the newspaper text and the reasons for using proverbs in it. Modern approaches to the problem of proverb definition are considered. In addition to this, qualities of media and newspapers discourses are analyzed.

Keywords: proverb, saying, discourse, media discourse, newspaper discourse, cognitive-discursive model, transformation, antiproverb.

В последнее время возросло внимание к такому социальному феномену, как коммуникация. Коммуникацию исследуют на разных уровнях и в разных аспектах, включая социологический, кибернетический, политологический, психологический, социобиологический, философский, психологический, лингвистический и т.д. Эту тенденцию можно считать закономерной и объяснимой. В настоящее время происходит глобальное изменение индустриального общества, оно постепенно превращается в информационно-коммуникативное. Благодаря этому коммуникация проникает во все сферы жизнедеятельности, что приводит к возникновению качественно новых типов коммуникативных структур и процессов. Общество переосмысляет коммуникативную составляющую социальной реальности, современных изменений в социально-коммуникативной сфере, а также места и роли коммуникации в развитии общества. Важную роль здесь играет социально-философская теория Ю. Хабермаса, которая считается одним из важнейших теоретических проектов XX века и по своему значению и глубине стоит в одном ряду с концепциями признанных классиков социальной философии. Ю. Хабермас выдвинул идею о том, что коммуникативная общность может осуществляться не иначе, как в межсубъектном диалоге [4: 76].

Самым главным и простым способом передачи накопленного опыта из поколения в поколение является язык. Одним из ярких проявлений языка служит на-

родное творчество, которое уходит своими корнями в далекое прошлое и характеризует культуру народа, его историю, обычаи и традиции. Знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует лучшему знанию языка.

Пословицы и поговорки – неотъемлемая часть любого языка. Они являются своеобразным показателем богатства языка, через них мы можем понять культуру и ценности того или иного народа, а также сопоставить разные картины мира народов, которые составляют трудность для переводчика. При переводе пословиц и поговорок следует учитывать особенности контекста, в котором они употребляются, так как они могут переводиться разными способами и передавать разные смыслы.

Несмотря на активное исследование пословиц в последние 30 лет, нет единого подхода к изучению данного явления. Г.Л. Пермяков указывал, что пословицы и поговорки – это сложные образования, так как «с одной стороны, это явления языка, сходные с обычными фразеологизмами; с другой – логические единицы (суждения, умозаключения); с третьей – художественные миниатюры, в яркой чеканной форме отражающие факты живой действительности» [3: 16].

Пословицы следует отличать от поговорок. Г.Л. Пермяков предпринимает попытку разграничения пословиц, поговорок и фразеологизмов в логико-семиотическом аспекте, исходя из того, что «...

пословицы и поговорки являются знаками ситуаций и определенных отношений между вещами», тогда как фразеологизмы – это знаки вещи и в смысловом отношении эквивалентны слову [3: 19, 34]. Согласно Пермякову, поговорка – это «незамкнутое предложение, пополняемое из речевого контекста», а пословица – «замкнутое предложение, состоящее из одних постоянных членов» [3: 18]. Г.Л. Пермяков разделил все существующие пословицы по характеру ситуаций на четыре инвариантные группы, которые он назвал логико-семиотическими инвариантами [3: 240].

Газета, как одно из средств массовой информации, занимает важное место в жизни человека. Именно в прессе освещаются события, которые происходят в мире, отражаются общественные мнения, мировоззрения. Эффективность газетного текста во многом определяется его заглавием. Можно сказать, что оно занимает стилистически сильную позицию. Предваряя текст, заголовок несет определенную информацию о содержании статьи. Целью газетного заголовка является привлечение внимания читателя к наиболее важной и интересной части сообщения: заголовок, как правило, не раскрывает до конца содержание статьи, стимулируя читателя ознакомиться с предложенным материалом. Таким образом, чтобы выполнить своё основное предназначение, то есть заинтересовать и даже заинтриговать читателя, заголовок должен быть максимально броским и запоминающимся.

Человек редко прочитывает газету «от корки до корки», он выбирает только то, что его интересует, руководствуясь названиями публикаций. Следовательно, заголовок представляет собой конструкцию из слов, словосочетаний и предложений, которая образуется из специальных смысловых элементов. Смысловые элементы в свою очередь предназначены для привлечения внимания к материалу, указания на основное содержание публикации, обозначения авторской позиции и формирования у читателя определенного настроения на восприятие публикации.

Желание привлечь как можно больше читателей приводит к тому, что современные журналисты ищут наиболее яркие способы для выражения своих мыслей. Одним из самых распространенных приемов становится использование пословиц и поговорок в заголовках газет.

Вольфганг Мидер замечает, что журналисты давно используют и поняли полезность и эффективность использования пословиц в заголовках. Пословицы, расположенные в начале статьи, напечатанные большим и жирным шрифтом, суммируют содержание газетной или журнальной статьи, создавая при этом сильную эмоциональную картинку. Традиционные пословицы и их варианты служат для привлечения внимания читателя с целью, чтобы он прочел данную статью. Пословица в заголовке часто не выдает деталей, которые обычно можно найти в подзаголовке. Журналистам просто нравится использовать традиционные пословицы из-за их краткости и возможности уместиться в однострочный

подзаголовок. В случае если они превышают разрешенное количество знаков, они просто сокращаются до аллюзий, которые будут понятны большинству читателей. Однако журналистам больше всего нравится «играть» с пословицами, создавая антипословицы, которые привлекут внимание читателей, после чего они захотят прочесть всю статью. Такие заголовки с пословицами могут быть найдены во всех рубриках газет и журналов, начиная с политики и экономики и заканчивая спортом и развлечением [5: 27-28].

Основные причины использования в заголовках трансформированных пословиц и поговорок заключаются, во-первых, в необходимости привлечения внимания читателя, так как именно заголовок увязывается в памяти со знакомой фразой или явлением, и читатель непременно обратит на него внимание, во-вторых, для лучшего объяснения смысла, так как все новое хорошо приживается на базе старого.

В данной статье мы рассмотрим реализацию смысла пословичного высказывания в заголовке газетной статьи и с помощью модели КДМ (когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в дискурсе), предложенной О.Б. Абакумовой [1].

Когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в дискурсе имеет четырехчастную структуру.

Kommunikativa (коммуникативная составляющая) связана с выбором говорящим коммуникативной стратегии. Это может быть собственно коммуникативное действие, которое ориентировано на достижение взаимопонимания и последующую совместную деятельность, или стратегическое действие, ориентированное только на успех говорящего без учета интересов слушающего. Выделяются следующие виды стратегического действия: индивидуально-стратегическое действие, в процессе которого прагматические цели говорящего выходят на первый план; социально-стратегическое действие, ориентированное на социум, но с учетом интересов говорящего, и драматургическое действие, связанное с демонстрацией собственных оценок, отношений, качеств личности (например, интеллекта, остроумия) с целью произвести впечатление на слушающего и вызвать нужную реакцию.

Konstativa (когнитивная составляющая) включает анализ пропозиции пословичного высказывания и ее реализацию в трех типах фреймов (образном, обобщенном и конкретно-ситуативном), что позволяет выявить семантический тип предиката, тематические отношения компонентов пословичного высказывания (актантов и сирконстантов при предикате), выбор перспективы (актор или претерпевающий), что составляет ситуационный компонент высказывания; определить пресуппозицию и ассерцию (логический компонент), соотнести элементы текста с представлениями об элементах действительности, произвести их отождествление или уподобление, актуализовать форму высказывания (референциальный компонент).

Representativa (репрезентативная составляющая)

отражает личные отношения и оценки говорящего, которые он хочет разделить со слушающим или навязать ему в зависимости от выбранной коммуникативной стратегии, и включает модальный, иллокутивный и оценочный компоненты семантического представления высказывания.

Regulativa (регулятивная составляющая) связана с разворачиванием пословичного сценария и его инференцией слушающим, то есть с результатом воздействия пословицы, с перлокутивным эффектом высказывания, отражает взаимодействие коммуникантов, основанное на деонтических нормах социального поведения, принятых в данной культуре. Соответственно данная составляющая модели включает нормативный и инференциальный компоненты, которые могут быть представлены на метаязыке оператором «сделай вывод» и напрямую зависят от культурной и коммуникативной компетенции участников.

В качестве примера была взята статья под названием «Яблоко от яблони упало далеко. Россельхознадзор может закрыть импорт овощей и фруктов из Швейцарии». Статья была написана Ярославом Николаевым и вышла в «Российской газете» 26 ноября 2014 года.

В статье описывается ситуация, произошедшая в результате предполагаемого реэкспорта продуктов Швейцарией в Россию. Автор объясняет, что Швейцария не является членом европейского союза, и на ее продукты не были наложены санкции. Чтобы исключить попытки контрабанды, представитель Россельхознадзора предлагает тщательно разобраться в проблеме и найти источник «серого реэкспорта», который не выгоден ни Швейцарии, ни России.

Пословица *Яблоко от яблони недалеко падает* в трансформированном виде используется в заголовке статьи с целью показать, что продовольственные эмбарго могут быть введены и в отношении Швейцарии, которая до этого не была замечена в «сером экспорте» овощей и фруктов.

Kommunikativa. Используя эту пословицу, журналист хочет подчеркнуть, что, несмотря на хорошие отношения между Россией и Швейцарией, Россия не потерпит скрытый ввоз запрещенных продуктов через Швейцарию, для которой нелегальный ввоз совершенно не выгоден. Это социально ориентированная стратегия. Речь в статье ведется о теме, интересной всем. Автор преследует личные и профессиональные интересы. С одной стороны, важна защита государственной экономики, с другой стороны, упоминание контрабанды продукции обязано привлечь большое количество заинтересо-

ванных читателей. Статья вышла в конце ноября 2014 года, когда тема санкций интересовала всех россиян.

Konstativa. Претензии на понятность. Журналист использует пословицу в трансформированном виде (*Яблоко от яблони упало далеко*), чтобы показать, что исключения бывают всегда. В результате швейцарские фрукты и овощи могут уйти с российских прилавков, поскольку они на самом деле идут не из Швейцарии.

Пословичный сценарий представляет собой наложение фреймов.

Образный фрейм.

Яблоко от яблони падает недалеко, поэтому всегда легко определить сорт яблок и с какого дерева они упали.

Окказиональный фрейм.

Яблоки были привезены издалека, и непонятно, откуда на самом деле их привезли.

Обобщенный фрейм.

В словаре пословиц и поговорок Жукова В.П. дается следующее определение пословицы *Яблоко от яблони недалеко падает*: *В детях повторяются недостатки, пороки их родителей. Говорится с осуждением* [2].

В заголовке пословица используется в трансформированном виде с осуждающим подтекстом.

Representativa. Отношение говорящего/пишущего к ситуации отрицательное. Отрицательная оценка присуща всей пословице в ее первоначальном виде. В заголовке пословица используется в трансформированном виде. Модальность эпистемическая и деонтическая. Иллокутивная сила асертив (утверждается, что фрукты привезены издалека), но имплицитно подразумевается косвенный директив (не следует допускать нарушений. Нужно держать ситуацию под контролем).

Regulativa. Опираясь на этические социальные нормы взаимодействия (следует быть честным. Нельзя причинять вред своим партнерам), читатель статьи должен понять, что Россия не допустит ущемления своих интересов. Автор призывает к честности и уважению интересов обеих стран.

В заголовке данной статьи имела место трансформация синтаксической структуры пословичного предложения-высказывания, которая повлекла за собой изменение смысла. Изменяется структура пословицы, новая информация находится в конце.

На примере данной пословицы мы показали, как работает модель актуализации смысла пословицы в газетном тексте. Пример доказывает, что пословица в заголовке является средством достижения социально-ориентированной стратегии.

Библиографический список

1. Абакумова О.Б. Пословица в медийном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2010. С. 7–11.
2. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд. 2-е. М.: Советская энциклопедия, 1966.
3. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М.: Наука, 1970. 241 с.
4. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1987. Vol.1 Reason and the Rationalisation of Society. 76 p.
5. Wolfgang M. Proverbs. A Handbook. Westport & Connecticut & London: Greenwood Publishing Group, 2005 (reprinted 2011). 304 p.

References

1. *Abakumova O. B.* Proverb in media discourse // Vestnik of the Tomsk State University. Tomsk, 2010. Pp. 7–11.
 2. *Zhukov V.P.* The dictionary of Russian proverbs and sayings. Ed.2-e. M.: Soviet Encyclopedia, 1966.
 3. *Permyakov G.L.* From the proverb to saying (Notes on general cliché theory). M.: Nauka, 1970. 241 p.
 4. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1987. Vol.1 Reason and the Rationalisation of Society. 76 p.
 5. *Wolfgang M.* Proverbs. A Handbook. Westport & Connecticut & London: Greenwood Publishing Group, 2005 (reprinted 2011). 304 p.
-

УДК 811.111`37

UDC 811.111`37

Л.П. СЕМЕНЕНКО

доктор филологических наук, профессор, кафедра английской филологии, Орловский государственный университет

E-mail: leonid-ogu@mail.ru

Л.Н. СЕМЕНЕНКО

старший преподаватель, кафедра иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД РФ им. В.В. Лукьянова

L.P. SEMENENKO

Doctor of Philology, Professor, Department of the English Philology, Orel State University

E-mail: leonid-ogu@mail.ru

L.N. SEMENENKO

Senior Lecturer, Department of Foreign and Russian languages, Orel Law Institute Ministry of Internal Affairs of RF named after V.V. Lukyanov

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОРАХ КОММУНИКАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

REMARKS ON LANGUAGE SYSTEM FACTORS IN THE COMMUNICATIVE CONTENT OF AN UTTERANCE

В работе рассматриваются некоторые проблемы взаимодействия между имманентными репрезентациями высказывания и его коммуникативным смыслом, образуемым и преобразуемым в акте речи. Обсуждается вопрос о роли конструктивных характеристик языкового выражения в процессе системно обусловленного коммуникативного транспонирования высказываний.

Ключевые слова: семантическая и логическая правильность, аналитически истинные утверждения, коммуникативное транспонирование, коммуникативная цель, коммуникативные постулаты, контекстно свободные и контекстно связанные значения, условие искренности.

The paper deals with some problems of the interrelation between the immanent representations of an utterance and its communicative content which is formed and transformed in a speech act. The question under discussion concerns the role that is played by the constructive features of a language expression in the process of systemically conditioned transposition of utterances.

Keywords: semantic and logical well-formedness, analytically true statements, communicative transposition, communicative goal, communicative postulates, context-free and context-dependent meanings, sincerity condition.

1. С описанием ситуативных особенностей высказывания обычно связано некоторое исходное допущение его имманентной правильности, достигаемой соблюдением определенных требований в процессе грамматического конструирования: «Предложение как явление языка должно удовлетворять условиям грамматической, семантической и логической правильности. Предложение как явление речи должно удовлетворять условиям целенаправленности и ситуативной соотнесенности, управляемым мыслью. Но удовлетворение правил речи предполагает (хотя и не всегда строгое) удовлетворение условиям языка» [Звегинцев 1973: 242].

При этом, однако, следует иметь в виду, что процесс конструирования, предшествующий употреблению высказывания, ориентирован не только на соблюдение условий грамматической, семантической и логической правильности, но и на решение тех или иных задач, непосредственно связанных с употреблением высказывания в данной ситуации (здесь, например, учитываются необходимость снятия или возможность сохранения лексической многозначности в микроконтексте, возможности эллипса и т.п.). Эта двойственность приводит к появлению в структуре высказывания ссылок на ха-

рактер текущей ситуации, что позволяет рассматривать отдельные стороны докоммуникативных процессов в непосредственном соотношении с коммуникативной целенаправленностью высказывания.

По утверждению Н.И. Жинкина, «речь содержит неизмеримо больше информации, чем язык. Она содержит информацию: а) о языке, б) о той части действительности, о которой говорится в речи, и в) о говорящем человеке во многих аспектах» [Жинкин 1964: 29]. Если способность высказывания передавать информацию о языке обеспечивается соблюдением условий грамматической, семантической и логической правильности, то информация о действительности и о говорящем человеке обусловлена свойствами целенаправленности и ситуативной соотнесенности высказывания. Но поскольку отдельные стороны докоммуникативных процессов во многом согласуются с коммуникативной целенаправленностью высказывания, нельзя исключать определенной взаимосвязи между различными частями передаваемой высказыванием информации. Так, факторами, снимающими лексическую многозначность, могут быть, с одной стороны, знание действительности (ситуации), а с другой – знание языка (знание условий

сочетаемостной правильности), причем снятие многозначности в микроконтексте не сводится к достижению имманентной правильности высказывания, поскольку правильность в данном случае имплицитно определяет ситуативную соотношенность (например, недостаточность ситуативных указаний на данное значение).

2. Так как высказывание не ограничивается передачей лишь языковой информации, признания системной (грамматической, семантической и логической) правильности недостаточно для того, чтобы считать высказывание коммуникативной единицей. (Как отмечает Р. Карнап, «утверждение является логически правильным, если только оно ничего не говорит о мире. Оно верно просто благодаря значению терминов, встречающихся в утверждении» [Карнап 1971, 266]). При том, что коммуникативное поведение не основывается целиком на знании системы языка, подход к описанию высказываний с точки зрения коммуникативного поведения, в свою очередь, не даст эксплицитной процедуры различения между собственно речевой прагматикой и системно обусловленной прагматикой высказывания. Можно, например, рассматривать правильность высказывания в зависимости от пресуппозиционных условий, а корректное коммуникативное поведение в зависимости от коммуникативных условий искренности. Однако успешное использование высказывания не всегда сопряжено с соблюдением принципа искренности. Искренность высказывания может не влиять на в целом корректное коммуникативное поведение говорящего, использующего данное высказывание. Примером могут служить высказывания типа *We regret to inform you that ...* Такого рода высказывания, как правило, используются с целью информировать о событиях, но не об отношении говорящего к данной информации, в чем, правда, сказывается стереотип поведения, не основанный на знании языка. Отношение говорящего к сообщаемому в данном случае не входит в то, что Р. Карнап характеризует как «познавательное содержание высказывания», однако это является следствием целенаправленности высказывания и не регулируется условиями языка: «Язык имеет грамматику, но он не имеет правил, чтобы охарактеризовать то, что имеет отношение к значению истинности предложения. Если кто-то говорит «к несчастью», когда он фактически не чувствует никакого сожаления, является ли его утверждение ложным? Ни в словаре, ни в грамматике языка не существует ничего такого, что помогло бы ответить на этот вопрос. Лингвисты могут лишь описывать то, как обычно культурные люди понимают некоторые утверждения. Они не могут создать правил для решения вопроса в каждом данном случае» [Карнап 1971: 265-266]. Вторичность буквального понимания языковой модальной рамки высказывания в данном случае обусловлена следующим обстоятельством. Принадлежность глагола *сожалеть* к разряду фактивных предикатов указывает на то, что, когда целью говорящего является сообщение о событиях, вопрос об искренности отношения к сообщаемому становится вторичным. Так, высказывания (1) и (2),

имея общую пресуппозицию истинности утверждаемого, (в этой связи см. [Kiparsky 1976: 303]), одинаково информируют о событии:

(1) *Я сожалею, что грузовик ударил Смиа и сломал ему левое бедро;*

(2) *Я не сожалею, что грузовик ударил Смиа и сломал ему левое бедро.*

3. Для того чтобы установить, что в акте коммуникации имеет непосредственное отношение к знанию языка, необходимо, в частности, отвлечься от всего того, что связано лишь с перформативным употреблением потенциально перформативных глаголов (в несколько ином ракурсе этот вопрос рассматривается в работе [Семененко 2014]). Например, определить, действительно ли условие искренности входит в значение потенциально перформативного предиката, можно, установив, вызовет ли отрицание данного условия искренности семантическую неправильность предложения (см. [Lakoff 1971]). Так, если следующее предложение содержит семантическое противоречие, то условие искренности «Петр хочет, чтобы Иван открыл дверь» лингвистически системно обусловлено: **Хотя Петр не хочет, чтобы Иван открыл дверь, он искренне просит Ивана открыть дверь.* Оно контекстно свободно и принадлежит прежде всего к сфере семантических репрезентаций и лишь после этого к сфере контекстно связанных речевых прагматических характеристик прямой просьбы. Иными словами, предложение «Если говорящий обращается к адресату с искренней просьбой осуществить действие, то говорящий хочет, чтобы адресат осуществил действие» является постулатом значения. По Р. Карнапу, подобного рода предложения логически истинны в широком смысле или (как Карнап их характеризует, следуя за У. Куайном) аналитически истинны (А-истинны) [Карнап 1971: 343]. При этом Р. Карнап предпочитает использовать термин «А-постулат» (постулат аналитичности) вместо введенного им ранее термина «постулат значения». Аналитическим утверждениям противопоставлены синтетические, истинность которых не следует из значения используемых выражений: здесь для определения истинности утверждения необходимо обращение к действительному миру и, в частности, к контексту текущей коммуникативной ситуации.

4. Касаясь вопроса о задачах логики применительно к проблеме языковой синонимии, Г. Фреге указывал на то, что «один и тот же смысл, одно и то же суждение можно выразить разными способами, причем отличие одного способа от другого будет затрагивать не смысл, а само выражение мысли, т.е. только «освещение», «окраску» смысла, и, следовательно, такого рода различия не будут входить в сферу логики. Одно предложение может нести ровно столько же информации, сколько некоторое другое... Если бы мы решили запретить любое преобразование внешней формы под предлогом того, что из-за этого меняется и содержание, то тем самым мы свели бы практически всю логику на нет, поскольку стоящие перед ней задачи не разрешимы, если мы

не будем стремиться «узнать» одно и то же суждение в его разнообразных текстовых обликах» [Фреге 1978: 193-194].

В соответствии с тем, что для лингвистики, в отличие от логики, интерес представляют различия в «освещении» смысла, связанные с использованием синонимических средств языка, логическому подходу к рассмотрению языковой синонимии противостоит лингвистический подход. Подобно тому, как отличие одного способа выражения от другого не затрагивает смысл, различия в употреблении высказывания разными говорящими в разных ситуациях не будут влиять на передаваемую высказыванием информацию о языке. С другой стороны, возможность передать одно и то же содержание различными способами обеспечивается не только знанием языка (его синонимических средств), но и свойствами коммуникативной целенаправленности и ситуативной соотнесенности высказывания. Сосредоточившись лишь на первом положении и не принимая во внимание второе, мы тем самым ограничим сферу лингвистических интересов рамками имманентного, системно-структурного подхода. Признание правильности второго положения, в свою очередь, приведет к необходимости решить следующую проблему: если с точки зрения задач логики важно «стремиться «узнать» одно и то же суждение в его разнообразных текстовых обликах», то лингвист должен обладать средством «узнавания» языковой синонимии, которая противопоставлена произвольному (с точки зрения системных отношений) транспонированию высказываний в речи. Поскольку передача некоторого сообщения предполагает участие говорящего субъекта, наряду с многообразием языковых средств «окраски», «освещения» смысла имеют место различные способы субъективного «освещения» передаваемой информации. В данной работе непосредственный интерес для нас представляет именно языковое «освещение» смысла, которое следует отличать от «освещения» смысла с позиции говорящего субъекта. Для примера попробуем выяснить, являются ли (3) и (4) синонимичными выражениями, то есть можно ли здесь рассматривать преобразование внешней формы в связи с различиями в способах языковой «окраски»:

(3) *Вероятно, Р;*

(4) *Вероятность Р имеет место.*

Модальность (3) обусловлена приписыванием позиции Р вероятностного значения. С другой стороны, в (4) пропозиция лишь **может** рассматриваться в плане «истинность-ложность». В (3) эксплицитно выражена позиция говорящего субъекта, и поэтому различия между (3) и (4) не сводятся к многообразию языковых средств выражения одного и того же содержания. Вследствие этого, например, попытка придать (3) и (4) вид категоричного утверждения будет иметь успех лишь в случае (4): **Конечно, вероятно, Р; Конечно, вероятность Р имеет место.* Заключительная реплика (5) показывает, насколько такого рода попытка удалась Сэму, слуге мистера Пиквика:

(5) *'It wasn't Mr Muzzle, was it?' inquired Mary.*

'Oh no', replied Sam, with a solemn shake of the head, 'it warn't him.'

'It must have been the cook', said Mary.

'O'course it must', said Sam (Ch. Dickens).

5. С учетом сказанного вернемся к вопросу о системно-семантической релевантности некоторых условий искренности речевого акта. Рассмотрим одно из коммуникативных условий искренности критики, являющееся одновременно условием семантической правильности утверждения, содержащего пропозицию с матричным предикатом *критиковать*:

(6) *Джон критиковал Мэри за написание редакционной статьи.*

Предположим, что условием искренности критики является отрицательное отношение говорящего к факту. Это условие влияет на семантическую правильность (6), если (7) семантически противоречиво:

(7) **Хотя Джон не считал, что написание Мэри редакционной статьи плохо, Джон искренне критиковал Мэри за написание редакционной статьи.*

Из того, что данное условие искренности есть, по сути дела, семантический компонент предиката *критиковать*, не следует полная избыточность эксплицитных ссылок на отрицательное отношение говорящего к факту. Многоаспектность критикуемого события придает дополнительному упоминанию о позиции критикующего функцию уточнения или спецификации необходимого аспекта. Написание Мэри редакционной статьи вызывает у Джона отрицательную реакцию либо потому, что писать редакционные статьи вообще плохо, либо потому, что Мэри написала плохую, по мнению Джона, редакционную статью, либо потому, что именно Мэри (а не кто-нибудь другой) написала редакционную статью и т.д. Поэтому нельзя говорить, что (8) содержит полностью избыточный элемент:

(8) *Джон критиковал Мэри за написание плохой редакционной статьи.*

Не вдаваясь в детали, отметим, что для речевого акта критики отсутствует стандартная перформативная формула *Я критикую тебя*. Одной из возможностей косвенного выражения критики может служить вербализация того или иного условия успешности данного речевого акта (что в свое время было продемонстрировано Д. Гордоном и Дж. Лакоффом применительно к речевым актам просьбы [Gordon, Lakoff 1971]). В случае подобного рода косвенных речевых актов функция выражения отрицательного отношения и функция спецификации часто не дифференцируются эксплицитно. Можно привести примеры, характеризующиеся общностью отношения говорящего к событию и различием критикуемого аспекта. В (9) критикуется манера поведения, в (10) – нарушение норм поведения, в (11) – количественный аспект события, в (12) – количественный и качественный аспекты события:

(9) *You are a swine not to have seen her (N. Mailer);*

(10) *And I will say that it is not seemly for you to gompomping about with this long puling face on so bright a June day (A. Burgess);*

(11) *I think you worry too much* (A. Burgess);

(12) *You grow too familiar* (A. Burgess).

6. Очевидно, что косвенный речевой акт, основанный на вербализации одного из условий успешности осуществляемого речевого акта, может рассматриваться как акт аналитического транспонирования (в понимании аналитичности по Карнапу; см. выше), не предполагающего отсылку к неязыковым знаниям для определения потенциальной возможности подобного рода транспонирования. Однако с признанием возможности распределения функций между различными компонентами высказывания связаны трудности нахождения необходимого минимума показателей, позволяющих рассматривать аналитически транспонируемое высказывание как вербализованное условие искренности. Допустим, например, что в (13) вербализовано некоторое условие искренности критики:

(13) *I want you to stop being a bloody fool* (N. Mailer).

Предположим далее, что данное условие искренности имеет вид «Говорящий хочет, чтобы событие не повторялось в будущем», а характеристика *bloody fool* преследует лишь цель спецификации критикуемого аспекта, и ее отсутствие не повлияет на способность (13) к аналитическому переосмыслению. Однако, как показывает тест «на отрицание», отрицание данного гипотетического условия искренности не приводит к семантической противоречивости предложения:

(14) *Хотя Джон хотел, чтобы Мэри и впредь писала редакционные статьи, Джон искренне критиковал Мэри за написание редакционной статьи.*

Заметим, что (13), с одной стороны, имеет пресуппозицию фактивности ('You are a bloody fool'), а с другой – эксплицитно выражает отрицательное отношение говорящего к событию. Как свидетельствует семантически правильное предложение (14), сочетания пресуппозиции фактивности с отношением ('want') к будущему действию (т.е. к отказу адресата от осуществления действия) недостаточно для определения (13) как вербализованного условия искренности критики.

Поскольку, как мы знаем, искренняя критика предполагает отрицательное отношение говорящего к тому, что имело (имеет) место, для говорящего желателен не сам отказ адресата от осуществления действия, а отказ от вызвавших критику «ошибок» (если частным случаем «ошибки» считать фактическое осуществление действия, то отказ адресата от будущего действия как такового желателен для говорящего лишь в данном частном случае). Иными словами, для говорящего важно, чтобы в будущем не повторялось то, что способно вызвать отрицательное отношение говорящего. В соответствии с этим следует изменить формулировку условия искренности, вербализованного (по гипотезе) в (13):

(15) Говорящий хочет, чтобы отрицательные стороны события не повторялись в будущем.

Характеристика *bloody fool* в (13) указывает на отрицательные и, стало быть, для искреннего говорящего нежелательные в будущем стороны события. Таким образом, данная характеристика, необходимость которой

предполагается условием (15), является показателем способности (13) к аналитическому речевому транспонированию, и ее задача не ограничивается спецификацией отрицательных сторон события.

Поскольку желательность для говорящего будущего действия адресата является условием искренности просьбы и, очевидно, директивного побуждения вообще, при вербализации данного условия искренности высказывание приобретает потенциальный коммуникативный смысл побуждения к действию. Если (13) способно передавать просьбу, то, в свою очередь, прямое побуждение к неповторению «ошибок» может быть использовано с целью критики:

(16) *Stop being a bloody fool!*

Разумеется, и здесь одним из условий аналитичности переосмысления выступает пресуппозиция фактивности. Поскольку из (17) логически не следует фактивность действия, (17) нельзя интерпретировать как критику без обращения к конкретной ситуации (это может быть и нравоучение, и простое пожелание на будущее);

(17) *Don't talk like a bloody fool* (K. Amis).

7. Ответная реплика (18) выражает критическое отношение говорящего к предыдущему высказыванию адресата:

(18) *'It is a comfort to have daughters', said John Shakespeare.*

'Can you say that?' grinned WS (A. Burgess).

Если допустить, что потенциальным коммуникативным смыслом высказывания *You can't say that* является запрещение действия или напоминание о запрете, то вопрос в (18) можно связать с намерением говорящего получить информацию о том, может ли (имеет ли право) адресат, он же – первый говорящий, выступать в речи с утверждением, вызвавшим данную ответную реплику. Данный вопрос закономерно передает критическое отношение говорящего в том случае, если одним из условий искренности критики является следующее суждение:

(19) Говорящий считает, что адресат не имеет права на действие.

Правильнее было бы сказать, что вопрос в (18) закономерно передает критическое отношение говорящего при одном из двух условий: а) если утверждение «Все, что критикуется, связано с нарушением запрета адресатом критики» является А-постулатом (в этом случае имеет место вербализация (19) как условия искренности критики); б) если утверждение «Все, что связано с нарушением запрета, плохо» является А-постулатом (при этом (19) – лишь частный случай условия искренности, рассматривавшегося в разделе 5 настоящей статьи).

Ни одно из этих двух утверждений нельзя считать А-постулатом, так как представленные в них отношения противоречат требованиям семантической правильности языковых выражений. Во-первых, не всякая критика вызвана нарушением того или иного запрета: если, например, говорящий, характеризуя поведение адресата, использует слово *примиренческий*, содержащее отрица-

тельные коннотации, то здесь критике подлежит именно нежелание адресата нарушить запрет. Во-вторых, не всякое нарушение запрета плохо: подтверждением может служить оценочная амбивалентность прилагательного *дерзкий* (ср. *дерзкая выходка*, но *дерзкая мечта*).

Из этого следует, что коммуникативное транспонирование в (18) не является аналитическим, и даже если способность вопроса в (18) к переосмыслению связана с определенным стереотипом коммуникативного поведения, то данный стереотип поведения не имеет системных лингвистически закономерных предпосылок.

8. Второй говорящий в (20) выражает отсутствие намерения осуществить действие:

(20) *'You coming to the dinner on Saturday?'*

'I can't, sorry.'

'What do you mean you can't? You said you were free.'

'I can't, I won't, I'm not going to' (К. Amis).

С точки зрения коммуникативной целеустановки последняя реплика (20) содержит сразу несколько избыточных элементов; с точки зрения семантической правильности она противоречива. Первое замечание касается использования говорящим трех различных способов выражения намерения в рамках одного высказывания; в том случае, если справедливо второе замечание, не каждый из трех упомянутых способов является лингвистически закономерным.

Последний из этих трех способов нельзя считать семантически произвольным уже потому, что высказывание (21) передает намерение эксплицитно (т.е. не будучи коммуникативно многозначным), и говорить о транспонировании в данном случае вообще неуместно:

(21) *I'm not going to come to the dinner on Saturday.*

Допустим, что одним из условий искренности выражения намерения является «Говорящий считает, что он не осуществит действие». Тогда субъект, утверждающий *I won't*, заявляет о своем намерении, используя способность вербализованного условия искренности к

аналитическому транспонированию. Проверка «на отрицание» оправдывает данное предположение:

(22) **Хотя Мария считала, что она пойдет в субботу в гости, она не намеревалась пойти в субботу в гости.*

Лингвистически произвольным способом выражения намерения, возможно, является ссылка на запрет (*I can't*). Поскольку с намерением связана пресуппозиция свободы действий субъекта, ссылка на запрет, отрицающая свободу действий, отрицает тем самым пресуппозицию намерения (в (20) на это противоречие указывает вторая реплика первого говорящего). Следовательно, выражение намерения с ссылкой на запрет всегда связано с определенной неискренностью говорящего.

9. Если в заключение использовать пример Р. Карнапа с автодорожным происшествием применительно к описанию системно обусловленных элементов речевой коммуникативной целеустановки (аналогия, правда, не вполне точна, так как автокатастрофа всегда предполагает аномальность ситуации), то эмпирически наблюдаемые процессы можно представить как автомобильную катастрофу, а системные закономерности, которыми обусловлены наблюдаемые процессы, как особенности конструкции автомобиля, вызвавшие данную катастрофу. Подобно инженеру автомобильных конструкций, определяющему, что в данном происшествии имеет непосредственное отношение к устройству системы (а не к нарушению правил дорожного движения, психологическому состоянию водителя и т.п.), лингвист прибегает к средствам «узнавания» системно обусловленных коммуникативных процессов. Однако, если знание конструкции помогает инженеру предупредить катастрофу, то в нашем случае имеет место и обратная ситуация: выводы о языковом «устройстве» делаются на основе эмпирических наблюдений над коммуникативными явлениями и процессами.

Библиографический список

1. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26-38.
2. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М.: Изд-во Московского университета, 1973.
3. Карнап Р. Философские основания физики. М.: Прогресс, 1971.
4. Семенов Л.П. Теория речевых актов между молотом и наковальней // Общество и человек. 2014. № 1 (7). С. 85-94.
5. Фреге Г. Понятие и вещь // Семиотика и информатика. Вып. 10. М.: ВИНТИ, 1978. С. 188-205.
6. Gordon D, Lakoff G. Conversational Postulates // Papers from the Seventh Regional Meeting. Chicago Linguistic Society. Chicago: University of Chicago, 1971. Pp. 63-84.
7. Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // Readings in the Theory of Grammar. Cambridge, Mass.: Winthrop Publishers, 1976. Pp. 299-330.
8. Lakoff G. Presupposition and Relative Well-formedness // Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. Pp. 320-340.

References

1. Zhinkin N.I. On Code Switching in Interior Speech // Problems of Linguistics. 1964. № 6. Pp. 26-38.
2. Zvegintsev V.A. Language and Linguistic Theory. M.: Moscow University Press, 1973.
3. Carnap R. Philosophical Foundations of Physics. M.: Progress, 1971.
4. Semenenko L.P. Speech Act Theory: Between the Devil and the Deep Blue Sea // Man and Society. 2014. № 1 (7). Pp. 85-94.
5. Frege G. Concept and Object // Semiotics and Informatics. Vol. 10. M.: VINITI, 1978. Pp. 188-205.
6. Gordon D, Lakoff G. Conversational Postulates // Papers from the Seventh Regional Meeting. Chicago Linguistic Society. Chicago: University of Chicago, 1971. Pp. 63-84.
7. Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // Readings in the Theory of Grammar. Cambridge, Mass.: Winthrop Publishers, 1976. Pp. 299-330.
8. Lakoff G. Presupposition and Relative Well-formedness // Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. Pp. 320-340.

Е.В. УРЯДНИКОВА

аспирант, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет
E-mail: lena-prima@mail.ru

E.V. URYADNIKOVA

Graduate student, Department of the Russian Language, Moscow State Pedagogical University
E-mail: lena-prima@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ С.Я. ПАРНОК)

FAMILY OF WORDS IN POETIC SPEECH (BASED ON S.Y. PARNOK'S POETRY)

Статья посвящена функционированию фрагментов словообразовательного гнезда в поэтическом тексте, которые рассматриваются на материале произведений С.Я. Парнок. В статье анализируются мотивационные и немотивационные типы отношений между однокоренными словами, образующими тот или иной фрагмент словообразовательного гнезда. Данные отношения выделяются в зависимости от наличия / отсутствия мотивирующей леммы в поэтическом тексте.

Ключевые слова: морфемный повтор, однокоренные слова, фрагменты словообразовательного гнезда, мотивационные и немотивационные отношения, кодериваты.

The article is devoted to functioning of fragments of family of words in the poetic text, which are considered on the poetic material of S.Y. Parnok. In this article are analyzed the motivational and non-motivational types of relationships between the cognate words, which form one or another fragment of family of words are analyzed. These relationships are allocated depending on the presence / absence of motivating lexemes in the poetic text.

Keywords: morphemic repetition, cognate words, fragments of family of words, motivational and non-motivational relationships, coderivates.

В поэтической речи широко используются однокоренные и одноаффиксальные слова, определяющие взаимодействие сразу нескольких уровней художественного текста: фонетического, лексического, морфемного, словообразовательного, грамматического. Использование данных единиц в тексте актуализирует различные типы отношений между словами, в том числе мотивационные отношения.

И.С. Улуканов и В.В. Лопатин понимают под **словообразовательной мотивацией** «отношение между двумя однокоренными словами, значение одного из которых либо а) определяется через значение другого <...>, либо б) тождественно значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи» [7, с. 133]. Таким образом, отношения словообразовательной мотивации, по мнению данных учёных, характеризуют лишь однокоренные слова.

Представители Томской лингвистической школы используют термин «мотивационные отношения», или «отношения мотивации», применительно к более широкому кругу единиц. Так, О.И. Блинова в монографии «Мотивология и её аспекты» отмечает, что «**отношениями мотивации**, или **мотивационными отношениями**, являются отношения лексических единиц, выявляющие мотивированность слова» [2, с. 57]. Вслед за ней В.Г. Наумов в диссертационном исследовании «Явление мотивации слов в системе диалекта (лексикологический аспект)», конкретизируя данное положение, подчёркивает, что «**актуализация мотивационных отношений**

слов (или **мотивация слов**) – это процесс лексической аттракции, при котором слова, находящиеся в мотивационных отношениях (однокорневые или **одноструктурные** единицы), употребляются в пределах одного высказывания» [5, с. 12-13]. (Выделено нами. – Е.У.). Таким образом, по мнению В.Г. Наумова, мотивационными отношениями могут характеризоваться не только слова с повторяющимися корнями, но и слова с повторяющимися аффиксами.

Исследователи Томской лингвистической школы отмечают, что одноаффиксальным словам присуща **разнонаправленная** мотивация (О.И. Блинова), или **взаимонаправленная** (М.Н. Яценецкая), или **взаимная** (В.Г. Наумов) (**нарисовать** ↔ **начертить**, **белизна** ↔ **желтизна**). Такая мотивация, по их мнению, свойственна и некоторым однокоренным словам. Например, однокоренные префиксальные образования **полететь** ↔ **улететь** мотивируют друг друга и в то же время имеют общий для них мотиватор **лететь**, однокоренные лексемы **обуть** ↔ **разуть** представляют собой слова со связанной корневой морфемой **-у-**. И.С. Улуканов в монографии «Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания» однокоренные лексемы первого типа (но не все аффиксальные образования, а в основном префиксальные глаголы со значением противоположного действия) и слова второго типа называет **равнопроизводными**, или **равномотивированными**. В таких случаях мотивированное слово образуется от мотивирующего за счёт заместительной

префиксации или, как отмечает исследователь в статье «О видах усечения основ мотивирующих слов в русском словообразовании», путём предкорневого морфного субститутивного усечения. Например, «глагол **отклеить** означает «отделить (по клею) то, что было **приклеено**» [8, с. 66] (**приклеить** → **отклеить**), «глагол **припоздать** (прост.) – «немного **опоздать**» [8, с. 68] (слова **опоздать** → **припоздать** имеют связанный корень **-позд-**).

С нашей точки зрения, в поэтических текстах далеко не все слова с повторяющимися корнями или аффиксами позволяют говорить о наличии мотивации между лексемами. Мотивационные отношения определяются формальной и семантической выводимостью одного слова из другого.

Отношениями мотивации, безусловно, связаны однокоренные слова, непосредственно или опосредованно образующиеся одно от другого. В то же время мотивационные отношения отсутствуют в лексемах, находящихся на одной ступени деривации и представляющих собой разнопрефиксальные и разносуффиксальные однокоренные слова, а также лексемы, образованные путём сложения. Отношениями мотивации также не связаны разнокоренные слова с повторяющимися аффиксами.

В связи с этим нам представляется целесообразным разделить морфемные повторы наряду с уже имеющимися классификациями [3], [1] на две группы. В основу предлагаемой типологии положен следующий критерий: наличие / отсутствие мотивирующего слова в поэтическом тексте.

К первой группе следует отнести повторы, основанные на мотивированности, производности между лексемами, когда из мотивирующего слова непосредственно или опосредованно выводится мотивированное слово, причём обе лексемы присутствуют в тексте (**тихий** – **тишина**). В основе такого типа повторов, как уже отмечалось, лежат мотивационные отношения между словами. Ко второй группе следует отнести повторы, также основанные на мотивированности, производности лексем, но при этом как непосредственно, так и опосредованно мотивирующие слова отсутствуют в тексте (**моряк** – **морской**, **допеть** – **доиграть**). Лексемы, участвующие в таких повторах, связаны между собой не мотивационными, а скорее другими типами отношений. Слова и первой, и второй групп могут принадлежать в стихотворениях как к одной, так и к разным частям речи.

В поэтических текстах корневые и аффиксальные повторы, не сопряжённые с отношениями мотивации, скорее актуализируют значения тех или иных морфем в лексемах, которые за счёт этого воспринимаются как более значимые. Хотя между такими словами нет мотивационных отношений, в языковом сознании связь между подобными лексемами, несомненно, возникает; на таких словах, безусловно, концентрируется внимание читателя.

Однокоренные лексемы в поэтическом тексте образуют различные фрагменты словообразовательного

гнезда, которое в произведении, как правило, встречается не полностью. **Словообразовательное гнездо** представляет собой «совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченную в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации» [7, с. 134].

Материалом для нашего анализа различных типов отношений, устанавливающихся между однокоренными словами, участвующими в морфемном повторе и располагающимися в одном словообразовательном гнезде, послужили поэтические тексты С.Я. Парнок. Как отмечает С.В. Полякова в статье «Поэзия Софии Парнок», с одной стороны, поэтессе, за каждой строчкой которой «стоит ничем не опосредствованный личный опыт» [6, с. 43], отличала «независимость, столь характерная для её натуры» [6, с. 10], с другой – в стихотворениях поэтессы чувствуется несомненное влияние на неё любимых ею поэтов – К.К. Павловой, Е.А. Баратынского и Ф.И. Тютчева. Творческое наследие С.Я. Парнок позволяет обнаружить яркие примеры морфемного повтора, выявить различные связи между лексемами, образующими те или иные фрагменты словообразовательного гнезда.

Однокоренные слова могут представлять собой словообразовательные пары, наиболее часто встречающиеся в поэтических текстах С.Я. Парнок:

В синеватой толще льда
Люди **прорубили прорубь**:
Рыбам и **рыбешкам** – продох,
Водочерпиям – вода,
Выход – путнице усталой,
Если напоследок стало
С жизнью ей не по пути,
Если некуда идти!
26 октября 1931

(В синеватой толще льда)

В данном стихотворении слова с повторяющимися корнями **прорубить** – **прорубь** рисуют образ проруби, открывающей людям доступ к воде, скованной льдом вместе со всеми обитателями водного мира, что подчёркивают однокоренные лексемы **рыба** – **рыбешка**, **водочерпий** – **вода**. Данные слова с повторяющимися корнями связаны отношениями непосредственной мотивации: от глагола **прорубить** образуется существительное **прорубь**, от лексемы **рыба** – существительное **рыбешка**, а от слова **вода** – существительное **водочерпий**.

Слова с повторяющимися корнями в поэтических текстах С.Я. Парнок могут объединяться в словообразовательные цепочки:

На персях подруги **усни**.
На персях **усни** сладострастных.
Сафо
Ты дремлешь, подруга моя,
– Дитя на груди материнской! –
Как сладко: тебе – **засыпать**,
А мне пробудиться не мочь,

Затем, что не **сон** ли, скажи,

И это блаженное ложе,
И сумрак певучий, и ты,
И ты в моих тихих руках?
<...>

Венки мы свивали с тобой,
А там, где венки, там и песни,
Где песни – там неги... Ты *спишь*,
Последний мой, сладостный *сон*?..
(Ты дремлешь, подруга моя)

В данном стихотворении от глагола *спать* образуется существительное *сон*, от которого в свою очередь непосредственно образуется глагол *уснуть*, представленный в эпиграфе, и опосредованно – глагол *засыпать*. Данные лексемы, связанные мотивационными отношениями, рисуют образ пребывающей во сне подруги лирической героини, которая от внезапно нахлынувших воспоминаний сама погружается в умиленное состояние и «сладостный сон». Слова *спать* – *сон*, фиксирующие конец двух последних строк четвертой строфы, также реализуют эпифору.

В поэтических текстах С.Я. Парнок могут встречаться и однокоренные слова, представляющие собой кодериваты с разными префиксами при наличии общего для них мотивирующего слова:

Закат сквозь облако течет туманно-желтый,
И розы чайные тебе я принесла.
В календаре опять чернеет знак числа
Того печального, когда от нас ушел ты.

С тех пор луна *цвела* всего двенадцать раз,
Двенадцать раз она, *расцветиши*, *отцветала*,
Но сколько милых уст, но сколько милых глаз
С тех пор закрылось здесь, в ночах и днях, устало.
(Закат сквозь облако течет туманно-желтый)

В данном стихотворении от глагола *цвести* непосредственно образуются антонимичные глаголы *расцвети* и *отцвети*, создающие антитезу и устанавливающие с исходным словом мотивационные отношения. Наряду с этим данные префиксальные лексемы, находящиеся на одной ступени деривации и входящие в одну словообразовательную парадигму, связаны между собой немотивационными отношениями. Эти слова характеризуют образ вечной луны на небосклоне, в отличие от которой всё живое на земле уходит из жизни безвозвратно.

Наряду с разнопрефиксальными кодериватами в поэтических текстах С.Я. Парнок могут устанавливаться отношения между кодериватами с разными суффиксами при отсутствии общего для них производящего слова:

Злому верить не хочу календарю.
Кто-то жуткий,
Что торопишь? Я не подарю
Ни минутки.
<...>
С *нотной*, чудится мне, спрыгнул ты строки
Черной *ноткой*,
Вечно складываешь пальчики-крючки
Ты щепоткой...

(Злому верить не хочу календарю)

Данное стихотворение посвящено М.Ф. Гнесину. Прилагательное *нотный* и существительное *нотка*, связанные немотивационными отношениями и образующиеся от лексемы *нота*, отсутствующей в тексте, характеризуют образ дирижёра, внешний облик которого напоминает ноту из нотной тетради.

В поэтических текстах С.Я. Парнок представлены однокоренные слова, находящиеся как на одной, так и на разных ступенях деривации, но не связанные во втором случае мотивационными отношениями в отличие от словообразовательных пар или цепочек:

Не под женский вопль умирать герою,
И не женский хор *отпевал* Ахилла, –
Запевали песню над славным сами
Вещие Девять.

Ни одна из них над тобой не плачет,
Даже та, которой всю жизнь служил ты, –
Я за всех одна над тобой склоняюсь
Плачущей Музой.

(Не под женский вопль умирать герою)

В данном стихотворении глаголы *отпевать* и *запевать* образуются соответственно от глаголов *отпеть* и *запеть*, а существительное *песня* – от глагола *петь*. Данные слова, мотивирующие лексемы которых отсутствуют в тексте, характеризуют образы «Девяти Муз», поющих об умирающем Ахилле, смертельно раненном в Троянской войне.

Таким образом, фрагмент словообразовательного гнезда в поэтическом тексте может быть представлен словообразовательными парами, цепочками, элементами парадигмы, а также лексемами, находящимися на разных ступенях деривации, но не связанными мотивационными отношениями.

Обобщим сказанное выше в следующей схеме:

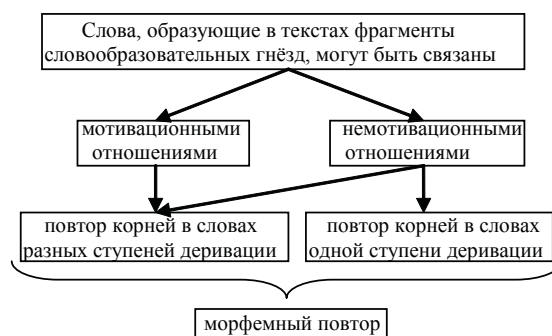

Рис. 1. Типы морфемного повтора, выделяемые в зависимости от наличия / отсутствия производящего слова в поэтическом тексте.

Таким образом, мотивирующие и мотивированные слова, реализующие словообразовательную пару или цепочку, с одной стороны, и производные лексемы, находящиеся на одной, а иногда и на разных ступенях деривации, с другой стороны, связаны разными отношениями в поэтических произведениях. И те, и другие слова создают или характеризуют художественные образы, а также могут участвовать в образовании тропов и стилистических фигур в поэтических текстах.

Библиографический список

1. Авдеева Г.А. Аффиксальная гомеология в поэзии М.И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 289 с.
2. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. 3 изд. Томск; М.: Красанд, 2010. 304 с.
3. Кечик Е.В. Деривационный повтор в художественном прозаическом тексте: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1995. 316 с.
4. Наумов В.Г. Явление взаимной мотивации слов в лексикологическом аспекте // Русские старожильческие говоры Сибири. Томск, 1987. С. 95-103.
5. Наумов В.Г. Явление мотивации слов в системе диалекта (лексикологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985. 297 с.
6. Полякова С.В. Поэзия Софии Парнок // Парнок С. Собрание стихотворений / Вступительная статья, подготовка текста и примечания С.В. Поляковой. СПб.: Инапресс, 1998. С. 5-144.
7. Русская грамматика: в 2-х тт. Т. I. М.: Издательство «Наука», 1980. 784 с.
8. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. 4 изд. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
9. Янценецкая М.Н. К вопросу о словообразовательной и лексической мотивированности слов // Русское слово в языке и речи. Вып. 2. Кемерово, 1977. С. 3-17.

References

1. Avdeeva G.A. Affixal repetition in M.I. Tsvetaeva's poetry. Candidate thesis in Philology. Ekaterinburg, 2000. 289 p.
 2. Blinova O.I. Motivology and its aspects. 3rd ed. Tomsk; M.: Krasnod, 2010. 304 p.
 3. Kechik E.V. The derivative repetition in an artistically prosaic text. Candidate thesis in Philology. Moscow, 1995. 316 p.
 4. Naumov V.G. The phenomenon of relative motivation among the words in the lexicological aspect // Russian old-timer dialects of Siberia. Tomsk, 1987. Pp. 95-103.
 5. Naumov V.G. The phenomenon of motivation among the system of a dialect (lexicological aspect). Candidate thesis in Philology. Tomsk, 1985. 297 p.
 6. Polyakova S.V. Sofiya Parnok's poetry // Parnok S. Collected poems / Introductory article, the preparation of the text and S.V. Polyakova's comments. St. Petersburg: Inapress, 1998. Pp. 5-144.
 7. Russian grammar: in 2 volumes. V. I. M.: Publishing house: "Science", 1980. 784 p.
 8. Ulukhanov I.S. Derivational semantics in Russian and the principles of its description. 4th ed. M.: Publishing house LKI, 2007. 256 p.
 9. Yantsenetskaya M.N. Concerning derivational and lexical motivation of words // Russian word in the language and in the speech. Issue 2. Kemerovo, 1977. Pp. 3-17.
-

УДК 512(072.3)

UDC 512(072.3)

А.А. АКСЁНОВ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра
математического и информационного анализа эконо-
мических процессов, Орловский государственный
университет

E-mail: aksenovaa@inbox.ru

A.A. AKSYONOV

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of the
mathematical and information analysis of economic
processes, Orel State University

E-mail: aksenovaa@inbox.ru

СУЩНОСТЬ ЭВРИСТИЧЕСКИХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ И СПЕЦИФИКА ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОБУЧЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ

THE ESSENCE OF HEURISTIC MATHEMATICAL PROBLEMS AND SPECIFICITY OF THEIR USE IN TEACHING STUDENTS

В статье представлен один из нескольких возможных вариантов теоретического описания эвристических математических задач и показана специфика их применения в обучении учащихся средних школ. В качестве конструктивного основания выбрана трактовка категории «задача», предложенная Ю.М. Колягиным, дополненная В.И. Крупиным и скорректированная с учётом исследований А.В. Брушлинского.

Ключевые слова: математическая задача, решение, эвристика, процесс обучения математике.

The article is one of several possible theoretical description of heuristic mathematical problems and specificity of their use in teaching secondary school students. As the constructive basis the treatment of the category «problem» offered by Yu.M. Kolyagin, supplemented by V.I. Krupich and corrected considering researches of A.V. Brushlinsky was chosen.

Keywords: mathematical problem, decision, heuristics, process of teaching mathematics.

Понятие «эвристическая задача» в современной теории и методике обучения математике не имеет однозначного понимания. Тем не менее, для дальнейшего развития теоретического базиса методики математики важно определиться с предметным содержанием этого термина, поскольку задачи, которые авторы различных публикаций и учителя математики называют эвристическими, нередко используются в научных текстах для разъяснения теоретических замыслов, а также в обучении школьников. Необходимость более чёткого понимания научной терминологии и дидактической роли эвристических задач требует научного обоснования сущности таких задач и специфики их использования в обучении школьников математике.

Представим трактовку категории «задача», на основе которой будет теоретически раскрыто понятие эвристической задачи.

Рассмотрим сложное замкнутое образование «человек – задачная система», в котором задача тоже понимается как объект, являющийся системой. Схематически оно изображается «S–P». В нём задачная система определяется на множестве: $P = \{a_{f_1} \tau_1, a_{f_2} \tau_2, \dots\}$, где: a , b – элементы множества; f_1, f_2 – свойства элементов; τ_1, τ_2 – отношения между элементами или их свойствами. Под человеком понимается абстрактный субъект. Ситуация в образовании «S–P» называется стационарной по отношению к данному субъекту, если ему известны все элементы, их свойства и отношения между

ними. В противном случае имеет место нестационарная или проблемная ситуация. Она становится задачей, если у субъекта возникает потребность найти неизвестные элементы. Решить задачу – значит в образовании «S–P» привести проблемную ситуацию к стационарной ситуации. Для существования задачи необязательно само её решение. Необходимо лишь осознание субъектом нестационарности ситуации [2, 3].

В описанном образовании «человек – задачная система» задача как сложный объект представлена диалектическим единством информационной структуры, которая фактически является формой её представления субъекту, и внутренней структуры, выявляемой в задаче на основе осмысления основного отношения в ней, – отношения условия и искомого, которое находится на верхнем уровне иерархии в системе отношений, реализованных в данной задаче, и управляет процессом поиска её решения [4].

Информационную структуру любой задачи можно рассматривать как систему $S = (A, B, E, C, D, R)$, замкнутую в том смысле, что все её компоненты могут быть определены в системе «человек – задачная система». Смысл этих компонентов следующий.

A – условие (условия) задачи, то есть данные и отношения между ними.

B – требование задачи, то есть то, что нужно сделать в данной задаче (выражается вопросом или побудительным предложением).

Е – искомое в задаче, то есть то, что в ней требуется найти (обнаружить), доказать или выяснить.

С – базис решения задачи (теоретическая и практическая основа, с помощью которой обосновывается решение).

Д – способ, определяющий процесс решения задачи, то есть способ действия по преобразованию условия (условий) задачи для выполнения требования.

Р – основное отношение в системе отношений между данным и искомым в задаче.

В предложенной трактовке на две различные части – требование и искомое теоретически разграничен один компонент, в трудах Ю.М. Колягина и В.И. Крупича трактуемый как требование в задаче. Это разделение предопределило замечание А.В. Брушлинского о неправомерности отождествления требования и искомого, так как в задаче требование известно практически всегда, а искомое в большинстве случаев неизвестно [1].

В.И. Крупичем установлено, что основное отношение не влияет на типологию задач, суть которой состоит в генерировании мыслительной деятельности субъекта, решающего задачу, поэтому в описании типологии задач его следует исключить [4]. Ю.М. Колягин, исходя из стационарной ситуации (когда все компоненты информационной структуры задачи известны), выделил ряд типологических вариантов, основанных на фиксированном количестве неизвестных компонентов в информационной структуре задачи (что соответствует проблемной ситуации). Среди таких вариантов выделим только те, которым свойственна известность и условия, и требования задачи. Это наиболее значимая часть школьных математических задач, поскольку в абсолютном большинстве из них известно и условие, и требование. Такие задачи назовём **чёткими корректными**. Представим ниже типологию чётких корректных задач. Буквами Z, U, V обозначим неизвестные компоненты информационной структуры задачи.

Формальная типология чётких задач

Стационарная ситуация: ABECD.

I тип – неизвестен один компонент информационной структуры:

ABZCD; ABECV.

II тип – неизвестны два компонента информационной структуры:

ABZCV; ABEUV.

III тип – неизвестны три компонента информационной структуры:

ABZUV.

В этой типологии представлено 6 разновидностей задач. На этой основе В.И. Крупичем выделена основная информационная структура школьных математических задач, в которой всегда известно условие и требование. С учётом всех уточнений трактовки категории «задача», эта типология выглядит таким образом:

I тип. ABECD и ABZCD – алгоритмические задачи.

II тип. ABECV и ABZCV – полуэвристические задачи.

III тип. ABEUV и ABZUV – эвристические задачи.

Для объяснения того, какие школьные математические задачи целесообразно относить к эвристическим, выясним, что следует понимать под известностью и неизвестностью компонента С (теоретический базис) информационной структуры задачи.

Если исходить только из отражения содержания задачи в сознании *реального субъекта*, практически сразу же выясняется, что для разных субъектов одна и та же задача может относиться к разному типу. Например, для девятиклассника квадратное уравнение – задача типа ABZCD, а для семиклассника это задача типа ABZUV, так как он ещё не знаком со способом её решения и его теоретическим обоснованием. Однако такое соотношение задачи с субъектом с научной точки зрения является практически бесполезным, поскольку в методике обучения математике не исследуются проблемы методического обоснования системы обучения, например, семиклассников учебному материалу, относящемуся к курсу математики девятого или десятого класса.

Если исходить из рассмотрения *абстрактного субъекта*, он, в силу общепринятого его понимания, обладает всеми математическими знаниями, соответствующими тому этапу школьного обучения, в контексте которого рассматривается деятельность абстрактного субъекта в данной конкретной ситуации. Например, если будет рассмотрено обучение решению квадратных уравнений как текущая изучаемая тема, абстрактный субъект знает весь школьный курс математики (и алгебры, и геометрии), который должен быть изучен к этому моменту времени.

Разумеется, каждый учитель математики, согласно современному законодательству в сфере образования, вправе выбирать любой из возможных вариантов построения преподаваемого им предмета, поэтому, устанавливая типологию школьных математических задач, необходимо иметь в виду и этот факт.

Таким образом, определяя типологию школьных математических задач, известность или неизвестность любого компонента информационной структуры данной задачи (кроме компонента R – основного отношения), необходимо устанавливать с учётом её структурного места в данном варианте построения школьного курса математики (составляемого учителем).

Теперь непосредственно исследуем сущность задач типов ABEUV и ABZUV. В них помимо способа решения (и искомого для задач типа ABZUV) неизвестен и его теоретический базис. Выясним, что следует понимать под неизвестностью компонента С. Для простоты изложения проведём рассуждения с точки зрения *реального субъекта*. Этот способ рассуждений вполне правомерен, поскольку абстрактный субъект, в силу принятого его понимания, – идеализированная модель *реального субъекта*.

В этом случае неизвестность компонента С означает, что учащиеся ещё вообще не изучали по меньшей мере один теоретический факт, используемый в решении данной задачи. Следовательно, они смогут решить

задачу только в том случае, если самостоятельно (то есть без помощи учителя) «откроют» все необходимые новые теоретические сведения. Однако для части школьных математических задач эта процедура может оказаться чрезмерно трудной. Так, если для решения задачи требуется знание основ дифференциального исчисления, то вряд ли найдутся школьники, которые самостоятельно «откроют» даже азы этой области математики. Такие задачи исключительно трудны и могут применяться лишь для постановки учебных проблем, обоснования необходимости изучения некоторой теории (они предлагаются учащимся в ходе её изложения). Рассмотрим более простую задачу.

Пример 1. В параллелограмме все стороны равны, а диагонали – 6 м и 8 м. Найти его периметр. В процессе решения этой задачи используются теоретические сведения, относящиеся к понятию ромба. Если эту задачу предложить школьникам после изучения параллелограмма и до изучения ромба, её информационная структура будет иметь тип ABZUV. С другой стороны, учащимся известна вся теория, на основе которой определяются теоретические факты, относящиеся к понятию ромба, поэтому, используя понятие параллелограмма и его свойства, свойства равнобедренного треугольника, теорему Пифагора и правило вычисления периметра четырехугольника, они смогут решить эту задачу. Следовательно, её информационная структура имеет тип ABZCV. Получено противоречие, которое необходимо прояснить.

Всё это приводит к мысли о том, что в решении задач типов ABEUV и ABZUV нужно использовать теорию, которая изначально (едва ли не аксиоматически) отличается от всех теорий, которые учащиеся уже изучили. Такая теория может относиться к принципиально иной ветви математики, например, «Дифференциальное исчисление», «Векторы» и т. п. Но как показано выше, соответствующие задачи целесообразно использовать лишь для постановки учебных проблем. Всё это, казалось бы, ведёт к тому, что кроме вышеуказанного случая, задачи с информационной структурой типов ABEUV и ABZUV для других целей в обучении не применяются. На самом деле это не так. В связи с этим, проанализируем сущность содержания любой математической теории. Теория включает в себя неопределяемые понятия, неопределяемые отношения между ними, строгие определения, аксиомы и теоремы. При этом любая теорема – это задача на доказательство, сформулированная в общем виде. Однако задача: «Доказать, что в любом равностороннем треугольнике сумма расстояний от любой его внутренней точки до всех сторон равна высоте» также является задачей на доказательство, сформулированной в общем виде, но в современных учебниках математики такой теоремы нет. Дело в том, что любая задача на доказательство, сформулированная в общем виде, может быть принята как теорема и изложена в учебниках, но в математике традиционно в качестве теорем представлены лишь те из них, которые довольно часто применяются в решении большого числа самых

разнообразных задач, и на результат решения которых в значительной мере опирается дальнейшее развитие науки (или построение учебного предмета). Другого критерия на сегодняшний день практически нет.

В силу вышеприведённых рассуждений можно считать, что если для решения данной задачи субъекту (в том числе, абстрактному) *обязательно* необходимо использовать некий факт, устанавливаемый в какой-либо задаче на доказательство, сформулированной в общем виде, то в исходной задаче компонент С неизвестен, если указанный факт встречается в школьном курсе математики *впервые*. Кроме того, он в принципе может занять место в числе *теоретических* фактов школьного курса математики. Заметим, что указанная задача на доказательство (назовём её *вспомогательной*) фактически является подзадачей исходной задачи, то есть выявляется в процессе поиска её решения. Таким образом, в задаче компонент С неизвестен, если в ходе её решения неизбежно обнаружение и доказательство некоего факта, который является (или может явиться) частью теоретического материала, изучаемого в школьном курсе математики. Разумеется, эти рассуждения верны лишь для данного конструктивного варианта школьной математики. Обобщая изложенное выше, сформулируем выводы, заключающие в себе сущность эвристических задач.

I. Компонент С в информационной структуре задачи неизвестен, если:

а) для решения задачи обязательно необходимо использовать некий факт, устанавливаемый в некоторой задаче на доказательство, сформулированной в общем виде, причём ранее этот факт (эта вспомогательная задача на доказательство) нигде в структуре учебного предмета не встречался;

б) для решения указанной вспомогательной задачи (подзадачи исходной задачи) теоретический базис известен или неизвестен в смысле пункта а).

II. Задачи с неизвестным компонентом С в их информационной структуре делятся на две категории:

а) задачи первой категории могут быть решены только с помощью средств принципиально (может быть, аксиоматически) иной теории, изучающей, в том числе и математические понятия «другой природы», они применяются в обучении лишь для постановки учебных проблем при изучении этой теории;

б) задачи второй категории удовлетворяют пункту I и для решения всех их вспомогательных подзадач необходимо пользоваться средствами тех теорий, которые изучены ранее в структуре учебного предмета, то есть эти задачи могут быть использованы непосредственно в обучении школьников.

Исходя из изложенного выше, заключаем, что задача из примера 1 имеет информационную структуру ABZUV, так как в её решении обязательно нужно установить перпендикулярность диагоналей (ромба), а это свойство в современной математике является самостоятельным теоретическим фактом. Заметим, что это одна из относительно нетрудных задач типа ABZUV, по-

сколько многие способные учащиеся могут решить её самостоятельно. Приведём ещё один пример эвристической задачи, из которого станет ясно, как в условиях реального обучения учителю следует составлять такие задачи.

Пример 2. Решить уравнение $3^{\log_5 x} + 2 \cdot x^{\log_5 3} = 27$. Если предложить его школьникам, не изучавшим такое свойство логарифма числа, как $a^{\log_c b} = b^{\log_c a}$, это будет эвристическая задача. С применением этого свойства её решение таково: $3^{\log_5 x} + 2 \cdot 3^{\log_5 x} = 27$, $3 \cdot 3^{\log_5 x} = 27$, $3^{\log_5 x} = 9$, $\log_5 x = 2$, $x = 25$. Таким образом, для того чтобы преобразовать эту задачу из эвристической в полуэвристическую, учителю достаточно сначала познакомить учащихся со свойством $a^{\log_c b} = b^{\log_c a}$. Само это свойство – нетрудная задача на доказательство (хотя изначально данная школьникам задача довольно трудна). Часто учителя математики предлагают школьникам для решения некоторые задачи (называя их *опорными*, которыми они по сути дела и являются), а затем несколько задач, каждую из которых можно решить, лишь используя результат решения опорной задачи. Однако если математические способности учащихся данного класса довольно высоки (эвристические задачи обычно трудны) и есть в наличии временной ресурс, целесообразно сделать наоборот. Нужно предложить школьникам задачу (или несколько задач) в ходе поиска решения которой вычленяется в качестве подзадачи опорная задача (задача на доказательство, в которой доказываемый факт встречается в изучаемом школьниками курсе математики впервые), наличие которой и позволяет отнести исходную задачу к числу эвристических. По сути дела в примере 2 продемонстрирован основной способ включения эвристических задач в школьный курс математики.

Пример 3. При каких натуральных значениях параметра a система уравнений
$$\begin{cases} \sin \sqrt[n]{ax} = 0, \\ \cos x = 1. \end{cases}$$
 имеет единственное решение? Решая каждое из уравнений системы, получим:
$$\begin{cases} \sqrt[n]{ax} = \pi k, \\ x = 2\pi m. \end{cases}$$
 Ясно, что $x = 0$ – решение системы. Значит, других решений быть не должно.

Из системы находим, что
$$\begin{cases} x = \frac{\pi k}{\sqrt[n]{a}}, \\ x = 2\pi m. \end{cases}$$
 Тогда $2\pi m \neq \frac{\pi k}{\sqrt[n]{a}}$,

то есть $\sqrt[n]{a} \neq \frac{k}{2m}$. Таким образом, $\sqrt[n]{a}$ не может быть рациональным числом. Очевидно, если параметр есть n -ая степень некоторого натурального числа, то указанное требование не выполнено. Выясним, будет ли во всех других случаях $\sqrt[n]{a}$ рациональным числом. Здесь формулируется вспомогательная задача (наличие которой и позволяет отнести исходную задачу к эвристическим задачам, если утверждаемый в ней факт ра-

нее школьникам никогда не был представлен): если a – натуральное число, то $\sqrt[n]{a}$ либо натуральное число, либо иррациональное. Решим её. Пусть $x = \sqrt[n]{a}$. Из этого равенства получим целое приведённое уравнение $x^n - a = 0$. Оно имеет либо целые корни, либо иррациональные. Итак, a должно быть натуральным числом, не являющимся n -ной степенью какого-либо натурального числа. Пример 3 демонстрирует утверждение о том, значительная часть эвристических задач является весьма трудной.

Таким образом, эвристические задачи, соответствующие их пониманию, представленному в настоящей статье, во-первых, в большинстве своём довольно трудны, во-вторых, составить большое количество таких задач по данной теме весьма непросто. Следовательно, эти задачи целесообразно использовать только в обучении способных школьников, например, в профильных или специализированных математических школах или классах, а также на внеурочных математических занятиях (факультативах, элективных курсах и т. п.). Целенаправленное обучение решению таких задач, очевидно, следует начинать с учащимися 14-15 летнего возраста, поскольку в этом возрасте у школьников уже сформирована способность к доказательству утверждений и абстрактному мышлению, что было обосновано несколько десятилетий назад известным психологом П.П. Блонским. За истекшее время этот факт не устарел, а напротив, прошёл проверку временем.

Для успешного применения эвристических задач в системе обучения школьников целесообразно придерживаться следующего правила. Во-первых, необходимо неоднократно использовать в обучении так называемые опорные задачи. По сути дела это задачи на доказательство, в решении которых устанавливается некоторый факт, который может быть зафиксирован в виде формулы (например, формула зависимости радиуса окружности, вписанной в четырёхугольник, от его площади и периметра) или сугубо словесного описания (например: «из всех четырёхугольников, вписанных в окружность, наибольшую площадь имеет квадрат»), причём этот факт должен неоднократно использоваться в решении последующих задач. Во-вторых, школьникам следует предлагать задачи, которые могут быть решены с помощью задач, которые были решены ими относительно недавно, но при этом не следует доводить до сведения школьников это обстоятельство. Они должны сами обнаружить возможность применения результата решения одной из предшествующих задач в отыскании решения данной задачи. То есть эти задачи сыграют роль опорных задач. Всё это является пропедевтикой ознакомления учащихся с эвристическими задачами. В-третьих, школьникам следует предложить собственно эвристические задачи, а обучая их решению, необходимо сделать акцент на том, что в процессе поиска решения нужно выявить (то есть обнаружить и чётко сформулировать) подзадачу, которая является задачей на доказательство, без использования результата реше-

ния которой решение исходной задачи не может быть выполнено. В-четвёртых, обучение решению эвристических задач, очевидно, может быть успешным только

тогда, когда они регулярно предлагаются учащимся данного класса.

Библиографический список

1. *Брушлинский А.В.* Психология мышления и кибернетика. М.: Мысль, 1970. 202 с.
2. *Колягин Ю.М.* Задачи в обучении математике. Ч. I. М.: Просвещение, 1977. 110 с.
3. *Колягин Ю.М.* Задачи в обучении математике. Ч. II. М.: Просвещение, 1977. 144 с.
4. *Крупич В.И.* Теоретические основы обучения решению школьных математических задач. М.: Прометей, 1995. 166 с.

References

1. *Brushlinsky A.V.* Psychology of thinking and cybernetics. M.: Mysl', 1970. 202 p.
 2. *Kolyagin Yu.M.* Problems in teaching mathematics. P. I. M.: Prosvjashenie, 1977. 110 p.
 3. *Kolyagin Yu.M.* Problems in teaching mathematics. P. II. M.: Prosvjashenie, 1977. 144 p.
 4. *Krupich V.I.* Theoretical bases of teaching solution of school mathematical problems. M.: Prometheus, 1995. 166 p.
-

УДК 481.33

UDC 481.33

Е.А. АЛДОШИНА

кандидат педагогических наук, старший преподаватель, кафедра физвоспитания, Орловский государственный аграрный университет
E-mail: sport@orelsau.ru

А.В. АЛДОШИН

кандидат педагогических наук, преподаватель, кафедра физической подготовки и спорта, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова
E-mail: sport@orelsau.ru

Л.И. ИВАНИНА

старший преподаватель, кафедра физвоспитания, Орловский государственный аграрный университет
E-mail: sport@orelsau.ru

E.A. ALDOSHINA

Candidate of Pedagogics, Senior Lecturer, Department of the Physical education, Orel State Agrarian University
E-mail: sport@orelsau.ru

A.V. ALDOSHIN

Candidate of Pedagogics, Senior Lecturer, Department of physical preparation and sports, Orel Law Institute of the Ministry of Interior of Russia named after V.V. Lukyanov
E-mail: sport@orelsau.ru

L.I. IVANINA

Senior Lecturer, Department of the Physical education, Orel State Agrarian University
E-mail: sport@orelsau.ru

ТЕХНОЛОГИИ, КРИТЕРИИ, ПОКАЗАТЕЛИ СФОРМИРОВАННОСТИ САМОПОЗНАНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ ПСИХОФИЗИЧЕСКИМ СОСТОЯНИЕМ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

TECHNOLOGY, CRITERIA AND INDICATORS OF FORMATION OF SELF-DISCOVERY AND SELF-PSYCHO-PHYSICAL CONDITION OF STUDENTS IN THE EDUCATIONAL SPACE OF PHYSICAL TRAINING

В статье проанализированы информационные технологии как средство повышения контроля за теоретическими знаниями обучающихся. Кроме этого, обозначены возможности и показатели современных технологий, посредством которых происходит повышение качества образования и увеличение средств самопознания индивида.

Ключевые слова: состояние здоровья, физическая подготовленность, самопознание психофизического состояния, индивидуальные программы, конкурентоспособность вуза.

This article analyzes information technology, as a means of improving the control of theoretical knowledge of students. In addition, opportunities were identified and indicators of modern technology, through which the quality of education are improving and self-knowledge of the individual is increasing.

Keywords: health status, physical fitness, self mental and physical condition, individual programs, the competitiveness of the University.

Создание и внедрение технологий управления познавательной деятельностью в образовательном пространстве физической подготовки характеризуется сложностью и неоднозначностью, вызванными объективными и субъективными причинами. В значительной степени это объясняется сложностью и противоречивостью специфических задач физической подготовки (объект исследования – живой организм), что не всегда позволяет формализовать процесс обработки информации.

На основе теоретических исследований установлено, что к технологиям управления состояниями следует отнести: информационные методы получения знаний и формирование базы знаний учебного назначения; контроль и мониторинг уровня физической подготовленности, развития, состояния здоровья, базы накопления и анализа данных о физическом состоянии; экспертные системы планирования, моделирования и прогнозиро-

вания оздоровительного тренировочного процесса; моделирование предметной среды.

Информационные технологии, используемые в процессе физической подготовки с целью управления полученной информацией о своей деятельности, включают: компьютеризированный контроль за уровнем физического состояния и физического развития, физической подготовленности; расчета различных показателей при проведении тестирования физической подготовленности в учебном процессе, хранения информации об уровне физического состояния, развития и подготовленности для оптимизации учебного процесса; обеспечении индивидуального подхода для отслеживания различных изменений и коррекции состояний, а также средства компьютеризированного контроля за усвоением теоретического материала в сфере физического воспитания как средства стимулирования обучающихся к самостоятельной познавательной деятельности. [1]

В учебном процессе физической подготовки нашли применение различные мониторинги состояния здоровья. Среди них такие, как база данных автоматизированной программы валеологического мониторинга и морфофизиологический мониторинг, позволяющие использовать информацию о динамике психофизического состояния и функциональных возможностей организма в качестве основы информационного образовательного компонента, обладающего функциями контролирующей среды, ее систематизации, анализ с возможностью принятия управленческого решения. Направленный анализ большого массива данных позволял выявить определенную тенденцию в изменении состояния здоровья за последние годы и внести коррективы в построение учебно-тренировочного процесса.

На учебных занятиях весьма актуальна проблема оптимизации дозирования двигательной нагрузки в связи с различным уровнем физического развития, подготовленности и здоровья занимающихся. Одним из перспективных направлений организации планирования двигательной нагрузки для оздоровительной и профессионально-прикладной физической подготовки и тренировки является создание экспертных систем и программ, используемых для разработки управленческого решения на основе анализа исходных данных.

Алгоритмизированные модели изменения состояния здоровья в зависимости от двигательных нагрузок позволяют создавать модельные базы данных по «сопровождению» его деятельности; обеспечивать оценку двигательной активности различного контингента занимающихся с последующим созданием типовых моделей с учетом их будущей профессиональной деятельности. [2]

Таким образом, все вышеизложенное позволяет классифицировать возможности современных технологий, способствующих формированию познавательной деятельности и процессам самоуправления в образовательном пространстве физической подготовки, в следующем виде:

- вычислительными и ресурсными, а также мультимедийными возможностями и интерактивностью информационных технологий;
 - обеспечению доступности обучения и повышения его качества;
 - персонализации учебно-познавательной деятельности, возможности выбора индивидуальной траектории обучения, способствующих накоплению индивидуального опыта;
 - оценки и мониторинга качества обучения, сертификации знаний, обеспечивающих распространение передового педагогического опыта и методики преподавания;
 - создания информационно-образовательной среды, способствующей применению новых форм, средств и методов обучения;
 - моделирования предметной среды, обновления содержания учебно-познавательной деятельности.
- Самопознание и самоуправление психофизическим

состоянием предполагает выявление критериев и показателей для оценки качественных и количественных перемен как меру решения поставленных задач. Критерии самопознания и самоуправления психофизическим состоянием в высшей школе необходимо рассматривать и как обратную связь, характеризующую воздействие результатов деятельности на состояние субъектов и их взаимоотношения. [3]

Показательным конечным результатом в сфере физической подготовки является состояние здоровья обучающихся. Очень важно систематически следить за своим самочувствием и общим состоянием здоровья. Подобная форма работы для студентов является эффективным способом и обучения и самоконтроля, т.к. только понимая суть значений каждого теста можно правильно его выполнить. Каждому человеку не безразличен он сам, потому самонаблюдение не может не быть интересно каждому человеку. Для преподавателя же дневник самоконтроля – это прием проверки знаний, показатель физического состояния, физической подготовки, динамики развития в процессе всего периода занятий.

Однако в научно-методической литературе данный результат не подвергается анализу в силу очевидности его важности, но неоднозначность механизмов его оценивания не позволяет сопоставлять данные, полученные разными авторами. [4] Чаще всего фигурируют показатели, характеризующие эффективность физического воспитания обучающихся высшей школы по:

- уровню теоретической подготовленности;
- состоянию здоровья;
- уровню физического, соматического здоровья;
- уровню функциональной подготовленности, физического состояния;
- уровню физической подготовленности.

Достаточно важны показатели, которые позволяют оценить знания и умения в разработке, реализации, самоконтроле и самокоррекции индивидуальных программ здорового стиля жизни студента.

В.И. Андреев утверждает, что необходимо не только найти способы, которые позволили бы установить уровень их развития, но и установить тип способностей личности к самоуправлению. Тип способностей к самоуправлению может быть установлен по тому, какие самопроцессы (самопознание, самоопределение, самоорганизация, самореализация, самодеятельность, самоконтроль, самооценка, самовнушение, саморазвитие) наиболее развиты.

Для качественной оценки сформированности физической подготовки личности предложены критерии, среди которых интерес представляют следующие:

- удовлетворенность процессом, результатами, перспективой учебных занятий и физкультурно-спортивной деятельностью;
- осознанность, способность целенаправленно управлять своей умственной и физической деятельностью;
- результативность, проявляющаяся в конкретных

итогах деятельности, связанных с педагогическим преобразованием проблемных ситуаций, в степени расхождения между «должным» и «желаемым»;

- сформированность профессионально значимых качеств. Наиболее целесообразный путь – индивидуально своеобразное приспособление к профессии с учетом личных качеств человека, с выработкой индивидуально-го стиля действий;

- регулярность использования знаний, умений, навыков и опыта в организации здорового образа жизни в учебной и профессиональной деятельности;

- самоконтроль психофизического состояния с целью овладения умениями различать отдельные ощущения, выделять главные из них и правильно их оценивать.

Следует отметить, что созданная авторами систе-

ма контроля физкультурного самообразования студентов за счет расширения поля диагностируемых качеств позволяет сместить критерии эффективности образовательного процесса по дисциплине «Физическая культура» с традиционно принятых нормативов физической подготовленности на потребностно-мотивационную и когнитивную сферу личности, а также на состояние соматического здоровья студентов.

Таким образом, опираясь на данные научно-методических источников, следует акцентировать внимание на таких сторонах подготовки, которые в максимальной мере могут отражать степень проявления самоуправления психофизическими состояниями студентов аграрных вузов в образовательном пространстве физической подготовки.

Библиографический список (References)

1. *Galkin V.V.* Economy of sports and sports business. М.:KNORUS, 2012. P.288
2. *Ilyich V.I.* Physical education of students. М.: Soviet Sports, 2000. P. 112
3. *Evanciew S. I.* The main factors of person's healthy lifestyle [Electronic recourse]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/glavnyefactory-zdorovogo-obraza-zhizni-cheloveka> (Date of the address 16.08.2015)
4. *Zakrevskaya A.I.* Sports and sports culture of students in higher education [Electronic recourse]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sport-i-sportivnaya-kultura-studentov-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya> (Date of the address 16.08.2015)

С.Ю. БУБНОВА

кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой теории и технологий дошкольного образования, Орловский государственный университет
E-mail: bubnows@yandex.ru

В.А. АНДРИЕШ

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и технологий дошкольного образования, Орловский государственный университет
E-mail: vaandr2009@yandex.ru

S.U. BUBNOVA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of Department of theory and technology of Pre-School Education, Orel State University
E-mail: bubnows@yandex.ru

V.A. ANDRIESH

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of theory and technology of Pre-School Education, Orel State University
E-mail: vaandr2009@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ К СОВМЕСТНОЙ РАБОТЕ С РОДИТЕЛЯМИ

APPLICATION TECHNOLOGY OF SOCIAL ADVERTISING IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING OF BACHELORS TO COWORK WITH PARENTS

В статье описана технология применения социальной рекламы в процессе профессиональной подготовки бакалавров к осуществлению совместной работы с родителями в условиях дошкольной образовательной организации; раскрыты особенности применения социальной рекламы с учетом специфики решаемых профессиональных задач.

Ключевые слова: социальная реклама, совместная работа с родителями, технология применения социальной рекламы в процессе профессиональной подготовки бакалавров.

The article describes the technology of application of social advertising in the process of professional training of bachelors in the implementation of the joint work with parents in pre-school educational organizations; the features of the use of social advertising specific to solve professional problems are revealed.

Keywords: social advertising, collaboration with parents, the technology of application of social advertising in the process of professional training of bachelors.

Проблема формирования педагогической культуры родителей на сегодняшний день является актуальной, но далеко не новой. Частные аспекты формирования педагогической культуры родителей имеют глубокие корни. Так, о необходимости «воспитания» родителей говорили выдающиеся педагоги разных исторических эпох: Я.А. Коменский, Ж.Ж. Руссо, И.Г. Песталотти, К.Д. Ушинский, П.Ф. Лесгафт, П.Ф. Каптерев, А.С. Макаренко. Среди современных исследователей, изучающих феномен педагогической культуры, можно назвать Т. Гордона, Ю. Хамялайнена, О.В. Овчарову, А.А. Абрамову, Ю.Б. Гиппенрейтер, А.С. Спиваковскую, И.В. Шаповаленко, Е.П. Арнаутову, Т.Н. Доронову и других.

Организация совместной работы с семьей является неотъемлемой составляющей профессиональной деятельности современного педагога дошкольного образования. В связи с этим в основных образовательных программах подготовки бакалавров по профилям «Дошкольное образование» и «Психология и педагогика дошкольного образования» предусмотрено формирование профессиональных компетенций, связанных с повышением уровня психолого-педагогической культуры родителей, а также разработкой и реализацией про-

грамм сотрудничества с семьями воспитанников.

Одним из условий подготовки бакалавров к совместной работе с родителями выступает применение в образовательном процессе социальной рекламы, которая помимо информационной выполняет адаптивную и воспитательную функции. К тому же эмоциональная насыщенность рекламных роликов позволяет быстро и корректно привлечь внимание будущих педагогов к трудностям, имеющимся в семье воспитанников, и грамотно выстроить взаимодействие с родителями [1].

С учетом вышеизложенного на факультете педагогики и психологии второй год апробируется технология применения социальной рекламы в формировании готовности студентов к совместной работе с семьей. Данная технология понимается нами как система взаимосвязанных этапов, форм и методов педагогического взаимодействия преподавателя и студентов, объединенных единой целью и задачами и создающих совокупность педагогических условий для успешной профессиональной подготовки бакалавров к работе с семьей.

Технология применения социальной рекламы в контексте рассматриваемой проблемы направлена

на формирование умений осуществлять психолого-педагогическое просвещение родителей, включаться во взаимодействие с семьями по вопросам воспитания, обучения и развития дошкольников. Данная технология включает ряд этапов: диагностический, методический, процессуально-деятельностный и контрольный.

Диагностический этап заключается в выявлении отношения молодых людей к социальной рекламе.

В 2013-2014, 2014-2015 учебных годах было проведено анкетирование, в котором приняли участие 28 человек (студенты 1-ого и 2-ого курсов, осваивающие основные образовательные программы по профилям «Дошкольное образование» и «Психология и педагогика дошкольного образования»). Результаты анкетирования, описанные ниже, безусловно, не распространяются на всех молодых людей в возрасте 18-20 лет, но представляют определенный интерес с точки зрения восприятия социальной рекламы данной возрастной категорией.

Как свидетельствуют полученные данные, 43% опрошенных выражают безразличие к рекламе в целом; 50% положительно относятся к ней; 7% респондентов реклама явно раздражает. Было также установлено, что только 22% молодых людей доверяют рекламе, поскольку она несет правдивую информацию о товарах или событиях; 43% – напротив, не доверяют рекламе.

Все респонденты понимают разницу между социальной и коммерческой рекламой. Они отмечают большую значимость и пользу для общества социальной рекламы, в отличие от рекламы коммерческой. Их привлекает положительная направленность социальной рекламы, ее ориентированность на благо общества и личности, а не на потребление. Прочитав ответ одной из студенток: «Я одобряю социальную рекламу в СМИ. Если ее сделают по-настоящему интересной, красивой, то эффект будет». Отвечая на вопрос о том, способствует ли социальная реклама повышению культуры родительства, 43% бакалавров ответили отрицательно, аргументируя это тем, что многие взрослые «не обращают на нее внимания», «ориентируются на собственный жизненный опыт». 50% опрошенных, напротив, положительно оценивают потенциал социальной рекламы: «Она многому учит», «Она заставляет о многом задуматься».

Говоря о содержании социальной рекламы, направленной на формирование педагогической культуры родителей, следует отметить, что, по мнению будущих педагогов, она должна быть направлена:

- на профилактику вредных привычек и пропаганду здорового образа жизни,
- на предупреждение жестокого обращения с детьми,
- на формирование осознанного отношения к рождению детей (недопущение абортов, бездумного рождения большого количества детей при отсутствии достаточных финансовых возможностей и материально-бытовых условий их вырастить и воспитать).

Анализ ответов на последний вопрос говорит о том, что современных молодых людей привлекает в социаль-

ной рекламе смысл, сюжет и художественное наполнение. Ролики, выполненные в нетрадиционной манере съемок, изобилующие спецэффектами, обладающие нестандартным сюжетом, привлекают внимание 78,5% опрошенных. В то же время, 15,5% респондентов низко оценивают качество отечественной социальной рекламы из-за примитивного сюжета, отсутствия динамики, глупых диалогов.

По итогам анкетирования можно сделать вывод, что значительное число студентов уверены в полезности социальной рекламы, так как она помогает формировать правильное отношение взрослых к воспитанию детей и поведению в обществе в целом.

Методический этап предполагает отбор содержания и форм социальной рекламы, способствующей формированию готовности студентов к совместной работе с родителями.

С учетом данных, полученных на диагностическом этапе, были определены учебные курсы и темы, в рамках которых социальная реклама применялась как средство подготовки студентов к сотрудничеству с семьями воспитанников. Таковыми стали «Дошкольная педагогика (тема «Взаимодействие ДОО и семьи»», «Семьеведение» (темы «Психоанализ детско-родительских отношений», «Гармонизация детско-родительских отношений»), «Семейная педагогика» (темы «Современные подходы к взаимодействию ДОО и семьи», «Формы сотрудничества педагогов и родителей»). В рамках указанных дисциплин социальная реклама была отобрана по следующим направлениям:

- подготовка молодых людей к осознанному родительству (подведение студентов к осознанию себя как родителя, осознание идеального и реального образа ребенка и себя как родителя, осознание родительских функций);
- пропаганда здорового образа жизни в семье;
- гармонизация детско-родительских отношений;
- предупреждение случаев жестокого обращения с детьми в семье;
- организация семейного досуга.

По каждому направлению были отобраны различные варианты социальной рекламы: плакаты, видеоролики, информационные буклеты.

Процессуально-деятельностный этап предполагает постепенное включение студентов в творческий процесс использования и создания социальной рекламы в совместной работе с семьями воспитанников дошкольных образовательных организаций.

Прежде всего, будущим педагогам дошкольного образования необходимо научиться прогнозировать последствия типичных ошибок в воспитании детей и находить способы их предупреждения. В этом случае социальная реклама применяется как демонстрационный материал. Так, в рамках лекционных занятий «Психоанализ детско-родительских отношений», «Гармонизация детско-родительских отношений» были организованы мини-дискуссии на темы «Ошибки, допускаемые родителями при воспитании детей», «Какими

надо быть родителями?». Студентам было предложено посмотреть и обсудить видеоролики «Отцы и дети», «Родители, не мешайте детям мечтать», плакаты социальной направленности в контексте проблем семейного воспитания, разбор случаев из реальной жизни.

Совершенствование профессиональных компетенций в области взаимодействия с семьями воспитанников предполагает также формирование у студентов навыков применения имеющегося фонда социальной рекламы в процессе совместной работы с родителями. Решению данной задачи способствовало проведение практического занятия в форме мастер-класса по применению социально-педагогических комиксов в совместной работе с родителями. В ходе мастер-класса студентам были продемонстрированы комиксы, созданные нами на основе таблиц Проппа, а также варианты их применения в процессе сотрудничества с родителями. При этом одна группа студентов на основе ролевого поведения имитировала предложенные в комиксах ситуации, а другая осуществляла поиск конструктивных способов ее разрешения.

Технология применения социальной рекламы в образовательном процессе вуза предусматривает стимулирование учебной мотивации и творческих проявлений студентов. В частности, на итоговом занятии одна студенческая группа выступила с инициативой подго-

товки консультации на тему «Технология создания социальной рекламы», сопровождающейся презентацией; другая предложила семейный проект по созданию плакатов на тему «Спасибо вам, родители, за счастливое детство!». Его суть заключалась в привлечении родителей к созданию фотоплакатов, отражающих самые трогательные, смешные и интересные моменты семейной жизни. По мнению авторов проекта, такой вид деятельности позволит взрослым осознать свою роль в жизни ребенка, оценить себя как родителя, а также задуматься над вопросом «Каким меня видит ребенок?».

Контрольный этап предполагает оценку качества формируемых компетенций в соответствии с современными научно-методическими подходами и требованиями ФГОС ВПО [2]. В качестве оценочных средств выступают творческие задания, предполагающие самостоятельное создание студентами различных видов социальной рекламы:

- оформление информационных буклетов социально-педагогической тематики: «Жесткое обращение с детьми в семье», «Организация семейного досуга с детьми», «Как отучить ребенка обманывать» и др.;
- придумывание комиксов социально-педагогического содержания по актуальным вопросам семейного воспитания и определение способов их применения в ходе совместной работы с родителями.

Библиографический список

1. Андриеш В.А., Кузина Е.Ю. Социальная реклама в формировании педагогической культуры родителей // Воспитатель ДОУ. 2014. №5. С. 68-70
2. Бубнова С.Ю. Научно-методические подходы к оценке качества формируемых компетенций в условиях реализации ФГОС ВПО // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2013. № 4 (54). С. 325-328.

References

1. Andriesh V.A., Kuzina E.Yu. Social advertising in the formation of pedagogical culture of parents / Caregiver of preschool educational institution. 2014. No. 5. Pp. 68-70.
2. Bubnova S.U. Scientific and methodological approaches to assessing the quality of formed competences in the conditions of realization of the Federal state educational standard of higher professional education // Scientific notes of Orel State University. Scientific journal. 2013. № 4 (54). Pp. 325-328.

УДК 364.465:364.044

UDC 364.465:364.044

И.Ю. ГНЕЗДИЛОВА

ассистент, кафедра теории и истории социальной педагогики и социальной работы, Орловский государственный университет
E-mail: lady.gnezdilova@yandex.ru

I.YU. GNEZDILOVA

Assistant, Department of theory and history of social pedagogics and social work, Orel State University
E-mail: lady.gnezdilova@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ДЛЯ РАБОТЫ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

SOME ASPECTS OF TRAINING MASTER OF SOCIAL WORK FOR THE WORK IN THE PRISON SYSTEM BASED ON COMPETENCE APPROACH

В статье рассматривается профессиональная подготовка специалистов для осуществления социальной работы в уголовно-исполнительной системе России. Особое внимание уделено анализу двухуровневой системы подготовки специалистов высшего звена для пенитенциарной системы.

Ключевые слова: пенитенциарная система, профессиональная подготовка, уровневая система образования, профессиональные компетенции, магистры социальной работы.

The article deals with professional training for social work in the penitentiary system of Russia. Particular attention is paid to the analysis of a two-tier system of training senior professionals for the prison system.

Keywords: penitentiary system, professional training, tier education system, professional competence, Master of Social Work.

На современном этапе реформирования уголовно-исполнительной системы в России возрастает востребованность специалистов пенитенциарных социальных служб, увеличиваются требования к уровню их подготовки, что диктует необходимость подготовки сотрудников социальных служб пенитенциарных учреждений на уровне магистратуры [3].

В России сеть средних и высших учебных заведений, занимающихся подготовкой и переподготовкой работников социальных служб, сложилась в 90-е годы 20 века и с тех пор постоянно расширяется.

В настоящее время профессиональная подготовка специалистов осуществляется в различных формах: с отрывом от производства (очная), без отрыва от производства (очно-заочная и заочная), экстернат. Всего в вузах по очной, заочной и очно-заочной формам обучается более 30 тыс. будущих специалистов социальной сферы, что позволяет говорить о формировании многоступенчатой, многоуровневой системы подготовки и переподготовки социальных работников.

Профессиональная переподготовка специалистов, получивших высшее образование по социальной работе для работы в социальных учреждениях, осуществляется по индивидуальному плану с зачетом дисциплин (часов), входящих в структуру профессионального образования.

Индивидуальный план обучения составляется таким образом, чтобы освоение дисциплин, входящих в раздел базовой подготовки (общепрофессиональные дисциплины), проводилось на начальных этапах обучения.

Далее повышение квалификации по социальной работе осуществляется на основе деятельности специалистов в социальных учреждениях. Теоретическая подготовка проводится в течение всего времени и включает в себя освоение основных разделов социальной работы. Личностно и профессионально ориентированные тренинги проводятся в течение всего срока обучения. Для реализации плана и обеспечения качества подготовки специалиста назначается руководитель, который принимает непосредственное участие в обучении и несет персональную ответственность за реализацию учебного плана, осуществляет мероприятия по личностной и психологической поддержке обучаемого. Обучение по программе ориентируется на активную самостоятельную работу обучаемого, продолжительность которой может составлять до 50 процентов всего времени обучения. По окончании обучения при положительном заключении руководителя, который обобщает результаты подготовки, обучаемый проходит проверочные испытания и получает свидетельство (диплом) об окончании профессиональной переподготовки по социальной работе для последующей деятельности в социальных учреждениях. [4]

На протяжении всего процесса обучения специалистов по социальной работе решается комплекс задач не только по овладению теоретическими знаниями, но прежде всего – по приобретению практических навыков и умений, развитию ряда личностных качеств обучаемого, существенных для эффективной деятельности (психическая устойчивость, общественная сознательность, высокая социальная мотивация). [2]

Профессиональная подготовка специалистов для социальных служб осуществляется в государственных университетах, педагогических и медицинских вузах, а также других высших учебных заведениях.

Введение в Российской Федерации двухуровневой системы высшего профессионального образования позволяет реализовывать один из основных принципов Болонского процесса, направленный на гармонизацию российской и европейской образовательных систем, способствует развитию экспорта российских образовательных услуг. При этом следует подчеркнуть, что содержание образовательных программ должно отражать национальные традиции российской высшей школы. [1]

Двухуровневая система позволяет восстановить управляемость в системе взаимосвязей высшего профессионального образования и экономики, повышает эффективность использования бюджетных средств, а также вовлекает работодателей в прогнозирование перспективных потребностей в образовании и существенно расширяет их участие в финансировании подготовки кадров, преимущественно на второй ступени. [5]

Узкая профилизация профессиональной деятельности в условиях двухуровневой системы осуществляется, прежде всего, на уровне подготовки магистров. Одним из направлений магистерской подготовки является их готовность к профессиональной работе в пенитенциарной системе, что, главным образом, отражается на блоке профессиональных компетенций. [4]

Социальная работа с осуждёнными является составной частью и элементом многоуровневой системы государственного и негосударственного содействия гражданину в пенитенциарной трудной жизненной ситуации [5]. Профессиональная деятельность специалиста по социальной работе пенитенциарного учреждения имеет выраженную специфику, обусловленную особенностями социокультурной среды и специфическим контингентом учреждения. Профессионализм специалиста проявляется в его эффективной повседневной профессиональной деятельности. [7]

Эффективность работы специалиста зависит от профессионального мастерства и профессиональной культуры. [7] Следовательно, необходимо изучение особенностей формирования профессиональных качеств специалиста по социальной работе в пенитенциарном учреждении и поиск путей совершенствования их профессиональной подготовки.

В ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» подготовка магистров для реализации социальной работы в пенитенциарных учреждениях региона ведется с 2010 года. Диплом магистра социальной работы дает выпускникам возможность осуществлять различные виды профессиональной деятельности (научно-исследовательскую, организационно-управленческую, социально-проектную, научно-педагогическую и социально-технологическую) в соответствии с задачами, которые ставят перед будущим магистром современные тенденции реформирования пенитенциарной системы и постреформенных пенитенциарных учреждений. С этой целью в программе подготовки магистров особое внимание обращено на формирование целого ряда необходимых компетенций (табл.1).

Подготовка магистров социальной работы предусматривает получение как общих знаний и умений, так и узкой специализации с учетом объектов и направлений социальной работы (например, медико-социальная работа с населением, страховое и пенсионное обеспечение, социальная работа в силовых структурах, в государственной службе занятости и, в том числе, социальная работа в пенитенциарной системе). Сочетание универсальной (общей) и специальной (профессиональной) подготовки дает возможность социальным работникам более успешно решать свои проблемы на рынке труда.

После окончания университета магистр социальной работы готов к выполнению следующих видов деятельности: организация, получение, обработка и хранение научной информации по проблемам социальной работы на различном уровне; участие в разработке стратегий и конкретных социальных программ; организация и управление деятельностью социальных служб, учреждений и организаций, работа по анализу основных тенденций развития теории и практики социальной работы; консультации по вопросам нормативно-правовой базы, методам и формам защиты прав различных групп населения.

Однако образовательные перспективы тесно связаны с общими тенденциями развития системы социального обслуживания и диктуются настоятельной необходимостью помощи заключенным в их самоисправлении, подготовке их к выходу на свободу и успешному прохождению ими процесса последующей ресоциализации.

Таблица 1.

№ п/п	Компетенции	Профессиональные характеристики
1	Общекультурные	<ul style="list-style-type: none"> - способен совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень; (ОК-1) - способен к самостоятельному обучению новым методам исследования, изменению научного и научно-производственного профиля в своей профессиональной деятельности; (ОК-2) - использует на практике умения и навыки организации исследовательских и научных работ, в управлении коллективом; (ОК -3) - способен проявлять инициативу, в ситуациях риска брать на себя всю полноту ответственности; (ОК-4)
2	Профессиональные	
	Научно-исследовательская деятельность	<ul style="list-style-type: none"> - способен к целеполаганию, умеет самостоятельно выбирать и обосновывать цель, проводить научные исследования по фундаментальным проблемам теории и методологии пенитенциарной социальной работы; - способен и готов выбирать, обосновывать и осваивать новые методы пенитенциарной социальной работы, адекватные поставленной цели научного исследования, новые теории, модели познания, разрабатывать инновационные подходы к анализу социальной практики; - владеть основами современного понимания характера взаимодействия глобального, национального и регионального социального развития, его влияния на решение проблем в пенитенциарной системе; - готов использовать на практике умения и навыки в организации исследовательских и проектных работ в управлении коллективом;
	Организационно-управленческая	<ul style="list-style-type: none"> - способен комплексно использовать знания в области теории и практики управления в сфере пенитенциарной социальной работы; - готов принимать управленческие решения в организации труда в пенитенциарных учреждениях и в сфере социальной защиты пенитенциарного учреждения; - способен разрабатывать стратегии и технологии их реализации в долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных социальных программах, направленных на решение проблем субъектов пенитенциарной социальной работы; - способен прогнозировать результаты принимаемых организационно-управленческих решений и готов брать на себя ответственность; - способен использовать ресурсы государства, бизнеса и общественных организаций субъектов пенитенциарной социальной работы на основе принципов и технологий реализации современного социального партнерства; - способен представлять планы и результаты деятельности социальных служб в пенитенциарном учреждении;
	Научно-педагогическая	<ul style="list-style-type: none"> - способен преподавать социальные дисциплины в средних и высших учебных заведениях, ведущих подготовку специалистов для современной пенитенциарной системы; - способен применять различные формы воспитательной работы в пенитенциарных учреждениях и в работе со студентами средних и высших учебных заведений;
	Социально-проектная	<ul style="list-style-type: none"> - способен разрабатывать программы реализации различных направлений пенитенциарной социальной работы, специальные социальные технологические проекты для пенитенциарной системы; - способен организовывать и поддерживать общественные инициативы и развивать добровольчество в пенитенциарной системе; - способен разрабатывать и осуществлять проекты по созданию инновационных учреждений в системе пенитенциарной социальной работы;
	Социально-технологическая	<ul style="list-style-type: none"> - обладает знаниями об основных тенденциях развития социально-технологической деятельности и готовностью к их применению в пенитенциарной социальной работе; - способен эффективно применять знания о современных социальных технологиях защиты и помощи субъектам пенитенциарной социальной работы; - способен конструировать и реализовывать технологию оказания адресной социальной помощи субъектам пенитенциарной социальной работы; - готов к организации и проведению консультаций, экспертизы по нормативно-правовым вопросам пенитенциарной социальной работы, методам её проведения и формам социальной защиты.

Библиографический список

1. Козырев В.А., Шубина Н.Л. К 59 Высшее образование России в зеркале Болонского процесса: науч.-метод. пос. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2005. 429с.
2. Слепцов Н. С. Стандарты квалификации практической социальной работы// Социальная защита. 2003. № 7. С. 71.
3. Ветошкин С.А. Пенитенциарная педагогика в теории и практике: монография. (Научное издание), Екатеринбург, 2004.
4. Тюрикова Г.Н., Гнездилова И.Ю. Инновационно-компетентный подход к профессиональной подготовке магистров для работы в пенитенциарной системе Орел.: ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2014. С.161.
5. Тюрикова Г.Н., Филатова О.В., Гнездилова И.Ю. Современное состояние и перспективы развития профессионального образования специалистов в области социальной работы в пенитенциарных учреждениях России //Ученые записки Орловского

государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Научный журнал. 2014. №2(58). С.370-374.

6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки 42-М-Социальная работа. Квалификация (степень) магистр. М., 2011.

7. *Филатова О.В., Гнездилова И.Ю.* Некоторые аспекты профессиональной подготовки кадров для социально-педагогической работы в пенитенциарных учреждениях в контексте компетентностного подхода//Учёные записки Орловского государственного университета. Научный журнал. №6. Орёл. 2011. С.471-476.

References

1. *Kozyrev V.A, Shubin N.L.* K 59 Russian Higher Education in the mirror of the Bologna Process: Scientific methodical manual. SPb.: Publishing house RSPU named after A.I. Herzen, 2005. 429 p.

2. *Sleptsov N.S.* Qualification standards of social work practice // Social security. 2003. № 7. P. 71.

3. *Vetoshkin S.A.* Penitentiary pedagogy in theory and practice. Monograph / (Scientific Edition), Yekaterinburg, 2004.

4. *Tyurikova G.N., Gnezdilova E.Y.* Innovation and competence approach to training of masters to work in the prison system. Orel .: FGBOU VPO "Orel State University", 2014. P.161.

5. *Tyurikova G. N., Filatova O.V., Gnezdilova I. Yu.* Current state and prospects of development of professional education of specialists in the field of social work in penitentiary institutions in Russia //Scientific notes of Orel state University. Scientific journal. 2014. №2(58). Series "Humanitarian and social Sciences". Pp. 370-374.

6. Federal State Educational Standard of Higher Professional Education. Direction of preparation 42 M Social Work. Qualifications (degree of) Master. M., 2011.

7. *Filatova O. V., Gnezdilova I. Yu.* Some aspects of vocational training for socio-pedagogical work in penal institutions in the context of competence approach//Scientific notes of Orel state University. Scientific journal. № 6. Orel. 2011. Pp. 471-476.

УДК 330.341.42

UDC 330.341.42

Н.А. ГОНЧАРОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра
общих математических дисциплин, Орловский
государственный университет

E-mail: n.a.goncharowa@yandex.ru

М.А. ГОНЧАРОВА

кандидат экономических наук, доцент, кафедра
менеджмента и государственного управления,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской
Федерации (Орловский филиал)

N.A. GONCHAROVA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department
of Mathematical Disciplines, Orel State University
E-mail: n.a.goncharowa@yandex.ru

M.A. GONCHAROVA

Candidate of Economics, Associate Professor, Department
of Management and Public Administration, Russian
academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (Orel
Branch)

НЕОБХОДИМОСТЬ ИНТЕГРАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ РФ В ИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

NECESSITY OF INTEGRATION OF THE EDUCATION SYSTEM OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THEIR SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Статья раскрывает необходимость интеграции системы образования субъектов РФ в их социально-экономическое развитие как механизм решения более масштабной задачи национальной экономики – повышения производительности труда и создания высокопроизводительных рабочих мест. Особое внимание авторы уделяют вопросам качества профессионального образования, организации профессиональной ориентации на региональном уровне, проблемам регионального рынка труда и регионального рынка образовательных услуг. Авторы приходят к выводу, что в современных рыночных условиях следует приступить к формированию национальной системы профессиональной ориентации, что позволит реально интегрировать систему образования российских регионов в их социально-экономическое развитие.

Ключевые слова: качество профессионального образования, профессиональная ориентация, региональный рынок труда, региональный рынок образовательных услуг, социально-экономическое развитие региона.

The article opens necessity of integration of an education system of the subjects of the Russian Federation for their social and economic development as the mechanism of the decision of more a major problem of national economy – increase of labour productivity and creation of high-efficiency workplaces. The authors give special attention to questions of quality of professional orientation, the organization of professional orientation at a regional level, to problems of a regional labour market and the regional market of educational services. The authors come to a conclusion, that in modern market conditions it is necessary to start formation of national system of professional orientation that will allow to integrate an education system of the Russian regions into their social and economic development really.

Keywords: Quality of professional education, professional orientation, regional labour market, the regional market of educational services, social and economic development of region.

Вызовы современности актуализировали для нашей страны комплексную проблему – повышение производительности труда и создание новых высокопроизводительных рабочих мест. Решение этой проблемы неразрывно связано с необходимостью интеграции системы образования субъектов РФ в их социально-экономическое развитие. Ведь диверсификация национальной экономики, ее переход на инновационный путь развития, импортозамещение, развитие промышленного потенциала, вопросы технологической модернизации объективно требуют качественно новой подготовки специалистов. Качество полученного профессионального образования дает мультипликативный эффект и отражается не только в результатах индивидуальной трудовой деятельности человека, но и в соответствующих

показателях функционирования и развития организаций, отраслей, муниципальных образований, регионов, национальной экономики в целом. В связи с чем необходимо обеспечить спрос со стороны национальной экономики в целом (идея создания высокопроизводительных рабочих мест), в т.ч. бизнеса на высококлассных специалистов, обеспечивать возможности для расширенного воспроизводства человеческого капитала как основы сбалансированного развития рынка труда и рынка образовательных услуг.

Задача создания к 2018 году 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест была поставлена президентом нашей страны (в мае 2012 г. был принят Указ Президента «О долгосрочной государственной экономической политике») и определена в программе «Деловой России»

– «Новая индустриализация».

В контексте рассматриваемой проблемы вызывает интерес рассмотрение результатов исследования состояния производительности труда в России по отраслям и регионам, проведенное аналитическим центром «Деловой России» совместно с рейтинговым агентством «Эксперт РА» [5]. Согласно проведенным расчетам в 2013 г. в российской экономике насчитывалось 18,1 млн. высокопроизводительных рабочих мест. Оценка предельной производительности труда по некоторым отраслям показала следующее (табл.1).

В отраслевом разрезе лидерами по наличию высокопроизводительных рабочих мест являются:

- обрабатывающие производства (21%);
- оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (16%);
- финансовая деятельность (10%).

Отрасли с наибольшей долей высокопроизводительных рабочих мест в общем числе созданных рабочих мест это:

- производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака (более 70%);
- химическое производство (более 70%);
- производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (более 50%);
- производство транспортных средств и оборудования (менее 40%);
- производство резиновых и пластмассовых изделий (менее 40%);
- обработка древесины и производство изделий из дерева (более 20%).

Исходя из полученных данных, делается вывод, что перерабатывающая промышленность должна способствовать повышению эффективности российской экономики.

В региональном разрезе по доле высокопроизводительных рабочих мест в общем числе рабочих мест в экономике региона (в рейтинг вошли субъекты РФ со среднегодовым числом занятых менее 1 млн.чел.) 1-е место принадлежит Чукотскому автономному округу (доля высокопроизводительных рабочих мест составила 43,2%). На втором месте находится Магаданская область с долей в 34,9%; на третьем – Ленинградская область с долей в 31%. Из регионов ЦФО лучшей была Белгородская область – соответственно 30,9%, 4-е место в рейтинге (для сравнения, Орловская область заняла 37 место, ее доля составила 17%) [5, С.35].

В то же время в субъектах РФ наблюдается ситуация кадрового голода, который испытывают региональные экономики, что выражается в фактическом дефиците квалифицированных аграриев, врачей, инженеров, учителей и др. специалистов при том, что их подготовка, в т.ч. на бюджетной основе, осуществляется в вузах, находящихся на территории тех же субъектов РФ. Для России нехватка кадров требуемой квалификации оценивается бизнес-сообществами как существенный ограничительный фактор функционирования и развития организаций, реализации инновационных проектов. Наибольший дефицит в кадрах компании отмечают по двум профессиональным группам: специалисты высшей квалификации и квалифицированные рабочие. На регулируемом сегменте рынка труда число вакантных рабочих мест по инженерно-техническим профилям

Таблица 1.

Предельная производительность труда по некоторым отраслям (млн. руб. на 1 работника)

№ п/п	Наименование видов экономической деятельности	Для организаций, применяющих общий режим налогообложения	Для организаций, применяющих специальные режимы налогообложения
1	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	0,19	0,38
2	Рыболовство, рыбоводство	0,46	1,09
3	Добыча полезных ископаемых	0,98	0,62
4	Обрабатывающие производства	0,54	0,5
5	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,43	0,34
6	Строительство	0,53	0,64
7	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1,34	0,66
8	Гостиницы и рестораны	0,45	0,41
9	Транспорт и связь	0,51	0,45
10	Финансовая деятельность	2,82	0,82
11	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,41	0,57
12	Государственное управление и обеспечение военной безопасности	0,23	0,21
13	Образование	0,19	0,19
14	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,18	0,39
15	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,28	0,3

ям, заявленных работодателями в службу занятости в 2013 г., по сравнению с 2011 г. выросло более, чем в 1,5 раза (с 30,2 тыс. до 45,4 тыс. единиц), при этом более 70% вакантных рабочих мест, заявляемых работодателями, предназначены для замещения квалифицированных рабочих технических профессий [3, С.6].

Сегодня как никогда важно начать процесс формирования долгосрочного, среднесрочного и краткосрочного прогнозирования на региональном рынке труда. Это позволит региональным вузам осуществлять более целенаправленную подготовку востребованных региональной экономикой специалистов. В немалой степени этому будет способствовать изменение стереотипа и практики единоличного формирования заказа на профессиональное образование только одним субъектом – государством. Мы разделяем точку зрения, согласно которой в заказе на профессиональное образование должно участвовать три стороны – государство, работодатель и сам человек (*потребитель образовательной услуги* – прим. авт.) [4, С.68]. Это, в свою очередь, должно найти отражение, не только декларативно, в стратегических приоритетах социально-экономического развития региона [2].

Подготовка специалистов должна отвечать потребностям регионального рынка труда. Абитуриенты, студенты и выпускники вузов, региональные органы власти и управления, работодатели, вузы должны иметь информацию о текущем состоянии регионального рынка труда, тенденциях его изменения. Это позволит одним осуществлять более целенаправленно подготовку конкурентоспособных специалистов для нужд региональной экономики, другим более ответственно относиться к проблеме своего профессионального выбора и стать конкурентоспособными специалистами на региональном рынке труда (и не только), третьим качественно и эффективно реализовывать проекты социально-экономического развития региона, четвертым получить квалифицированные кадры.

Пока проблемы пытаются решить в рамках т.н. корпоративного образования. Так, в настоящее же время 60% российских работодателей считают квалификацию своих сотрудников критически недостаточной. Практически все крупнейшие компании и самые богатые бизнесмены в России вкладывают в образование – либо своих сотрудников, либо студентов, которые могут пойти к ним работать, либо тех и других. Они поддерживают кафедры в Физтехе, МГУ, Высшей школе экономики, десятках других вузов, проводят тренинги для своих сотрудников, иногда даже строят собственные корпоративные университеты (так, в числе российских компаний, имеющих корпоративные университеты, Сбербанк и «Евросеть», «Мечел» и «Сибур», МТС и «Росатом»). Однако достоверных данных о масштабе и особенностях российского рынка корпоративного образования нет даже у самих его участников [1, С.27-28]. Более того, трудно оценить насколько эффективным и результативным является такое решение проблемы в современных рыночных условиях.

Следует также обратить внимание на тот факт, что у многих студентов (выпускников) уже сложилось достаточно устойчивое мнение, согласно которому единственным виноватым в их невостребованности на региональном рынке труда является вуз, в котором они учились, иногда – ошибочно выбранное направление подготовки. Так, молодой специалист, приступив к работе, ловит себя на мысли о впустую потраченном (и часто оплаченном им самим, его семьей) времени на учебу: многое оказывается ненужным, а что действительно необходимо – тому в вузе не научили (это достаточно распространенный стереотип, но, в защиту, следует честно ответить на вопрос – не научили или не захотел научиться?). «Ошибка выбора» может решаться студентом в пространстве и времени по-разному, в том числе получением параллельно с первым вторым образования, обучением по нескольким магистерским программам. Однако работодатели часто недовольны низким качеством подготовки кадров. Средний срок доучивания специалистов из лучших вузов нашей страны, согласно данным Mail.ru, составляет год [4, С.68]. Выходом из сложившейся ситуации должно стать: формирование системы требований со стороны работодателей, что должно отражаться, прежде всего, в согласованных образовательных и профессиональных стандартах; налаживании их результативного взаимодействия с региональными вузами. Одной из эффективных форм взаимодействия вуза с работодателями является подготовка специалиста на основе трехстороннего договора (вуз – предприятие – студент) по целевым индивидуальным образовательным программам. Кроме того, инициатива по разработке и экспертизе ООП, «придумыванию» и открытию «привлекательных» профилей, решению ряда вопросов учебного процесса (например, прохождение студентом практики), как правило, исходит от вуза, а не от работодателя [2].

В современных социально-экономических условиях, говоря о необходимости интеграции системы образования региона в его социально-экономическое развитие, следует также обратить внимание на формирование национальной системы профессиональной ориентации. Сегодня на разных уровнях приняты и реализуются соответствующие управленческие решения (Так, Минтрудом РФ совместно с Минобрнауки РФ создан межведомственный координационный совет по профессиональной ориентации молодежи, основная задача которого – подготовка предложений по развитию системы профессиональной ориентации и занятости молодежи), доказывают свою эффективность различные формы, методы профориентационной работы (от организации встреч со специалистами центров занятости населения, создания профориентационных центров до создания профильных классов формата «школа – вуз», региональных отраслевых университетских комплексов), в т.ч. с использованием новых информационных технологий. Например, в Мурманской области функционирует Интернет-портал «Профориентация 51 РФ» – это информационный, образовательный и ме-

тодический ресурс по профессиональной ориентации обучающихся и молодежи региона. Цель его создания – совершенствование выбора профессии, создание вектора будущей профессиональной карьеры исходя из имеющихся личных интересов, трудового потенциала и состояния рынка труда в регионе. В Свердловской области Департамент по труду и занятости предлагает информационный ресурс, который должен помочь каждому молодому человеку при выборе сферы будущей деятельности и профессии. Как отмечают исследователи, информация на нем носит ознакомительный характер и позволяет получить сведения о востребованности квалифицированных работников на развивающемся ре-

гиональном рынке труда, познакомиться с содержанием труда по особо актуальным для экономики профессиям, получить ссылки на другие источники информации для самостоятельного ознакомления с вакансиями и получения информации об услугах службы занятости [3, С.19].

Таким образом, следует на основе анализа лучших практик отечественного опыта организации профориентационной работы, а также учета зарубежного опыта приступить к процессу формирования национальной системы профессиональной ориентации, что будет способствовать реальной интеграции системы образования региона в его социально-экономическое развитие.

Библиографический список

1. *Бабицкий А.* Вечные студенты// РБК. 2015. №5. С.26-28.
2. *Гончарова М.А.* Стратегия сбалансированного устойчивого социально-экономического развития региона как фактор модернизации высшего профессионального образования// Материалы Всероссийской научно-практической Internet-конференции «Профессионально-личностное развитие преподавателя и студента: традиции, проблемы, перспективы». Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2013. С.9-13.
3. *Ляпунцова Е.* Профессиональная ориентация как инструмент обеспечения кадрового резерва социально-экономического развития регионов Российской Федерации// Социальная политика и социальное партнерство. 2015. №4. С.5-24.
4. *Скоробогатый Ф.* Педагоги пошли на фронт// Эксперт. 2014. №46. С.64-69.
5. *Титов Б.* Высокопроизводительный резерв экономики// Эксперт. 2015. №5. С.32-35.

References

1. *Babitsky A.* Eternal students // RBC. 2015. №5. Pp. 26-28.
 2. *Goncharova M.A.* The strategy of the balanced steady social and economic development of region as the factor of modernization of the high professional education// Materials of the Russian Scientific - practical Internet-conferences «Professional - personal development of the teacher and the student: traditions, problems, prospects». Tambov: Publishing house TROO “ Business – Science – Society”, 2013. Pp. 9-13.
 3. *Lyapuntsova E.* Professional orientation as a tool of security personnel reserve the socio-economic development of regions of the Russian Federation // Social policy and social partnership. 2015. №4. Pp. 5-24.
 4. *Skorobogatij F.* Teachers have gone on front // The Expert. 2014. №46. Pp. 64-69.
 5. *Titov B.* The High-efficiency reserve of economy // The Expert. 2015. №5. Pp.32-35.
-
-

УДК 330.34

UDC 330.34

Т.В. ДМИТРОВСКАЯ

аспирант, Орловский государственный институт
экономики и торговли
E-mail: vikta@ro.ru

T.V. DMITROVSKAYA

Graduate student, Orel State of Economy and Trade
E-mail: vikta@ro.ru

ШКОЛА ЖУРНАЛИСТОВ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИЕЙ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО МЫШЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

THE SCHOOL OF JOURNALISTS WITH ECONOMIC SPECIALIZATION AS A MECHANISM OF FORMATION OF INNOVATIVE THINKING IN THE SPHERE OF ECONOMY

Сегодня формирование инновационного механизма становится первоочередной задачей страны, поскольку создание такого механизма позволяет быстрее стать на инновационный путь развития. Важную роль в этом процессе должны занять журналисты с экономической специализацией, которые смогут сформировать грамотного потребителя с позитивным отношением к инновациям и решить проблему анти-инновационных барьеров. В статье дается понятие инновационного мышления и его основных характеристик, обозначены анти-инновационные барьеры, препятствующие внедрению инноваций. Речь идет о школе журналистов-экономистов, способных выступать в качестве механизма формирования инновационного мышления. Рассмотрены функции журналистики с точки зрения инновационной деятельности, затронута идея педагогической журналистики

Ключевые слова: школа журналистов с экономической специализацией, инновационное мышление, анти-инновационные барьеры, журналистика, функции журналистики, педагогическая журналистика.

Today, the formation of an innovative mechanism becomes a priority for the country, since the establishment of this mechanism makes it easier to become an innovative way of development. An important role in this process must play journalists with economic specializing, which can form a competent consumer with a positive attitude to innovation and solve the problem of anti-innovation barriers. The article presents the concept of innovative thinking and its key features are indicated by the anti-innovation barriers to innovation. We are discussing the school journalists and economists who can act as a mechanism for the formation of innovative thinking. We denote the functions of journalism in terms of innovation, the idea of pedagogical journalism

Keywords: the school of journalists with economic specialization, innovative thinking, antiinnovation barriers, journalism, the functions of journalism, pedagogical journalism.

В настоящее время Россия находится в сложной экономической ситуации, требующей государственной поддержки и контроля. Мировой экономический кризис повлек за собой сокращение средств, выделяемых малым бизнесом на инновации, тем самым замедлив развитие инновационной системы, в то время как переход экономики на инновационную социально ориентированную модель позволяет решить ряд проблем и достигнуть таких важных целей долгосрочного развития страны, как обеспечение высокого благосостояния граждан и усиление роли геополитического лидера. Для осуществления столь значимых планов необходимо формирование инновационного механизма, в котором немаловажную роль занимает квалифицированная рабочая сила.

Однако стоит отметить, что здесь мы сталкиваемся с рядом проблем, главной из которых является отсутствие комплексного подхода. Наблюдается низкий уровень предпринимательской активности в инновационной сфере: ни частный, ни государственный секторы

не проявляют должного интереса к внедрению инноваций. И хотя в России достаточно высокий уровень людей с высшим и дополнительным профессиональным образованием, сохраняется проблема по достижению надлежащего качества. Кроме того, существует острая проблема неразвитости инновационного мышления у граждан [3].

Инновационное мышление является важным условием перехода экономики на инновационный путь, поскольку предполагает формирование грамотного потребителя с позитивным отношением к инновациям и готового к инновационной деятельности. Способность быстро реагировать на изменения на рынке и адаптироваться к новым условиям дает ключевые преимущества не только конкретному специалисту, но и экономике в целом, поскольку позволяет быстрее включаться в инновационный процесс.

Как отмечают А.П. Усольцев, Т.Н. Шамало, под инновационным мышлением понимается мышление, направленное на обеспечение инновационной деятель-

ности, осуществляемое на когнитивном и инструментальном уровнях, характеризующееся как творческое, научно-теоретическое, социально позитивное, конструктивное, преобразующее, практичное [4].

В.П. Делия выделяет следующие характеристики инновационного мышления:

- неразрывная связь с деятельностью;
- направленность на создание объективно нового;
- способность решать практические проблемы;
- социально позитивное явление.

Также необходимо отметить, что инновационное мышление предполагает отхождение от мышления стандартными категориями. Сегодня для большинства людей существует проблема свободного мышления, отсутствует мотивация для инновационного поведения. И хотя инновационное мышление становится востребованным, оно не получает достаточного отклика у граждан в связи с рядом барьеров.

Можно выделить несколько антиинновационных барьеров:

1. Стереотипное мышление – желание действовать в рамках повторения уже известного процесса, а не создания нового.

2. Отсутствие творческого начала – предполагает доминирование конформизма, нежелание выделяться среди других людей в своих суждениях и поступках.

3. Боязнь неудачи – в основе любых инноваций лежит риск. Инновационный процесс невозможен, если боязнь ошибиться сильнее мотивации. Отсюда вытекает следующая проблема.

4. Отсутствие мотивации – мотивация инновационного процесса является важным рычагом воздействия на человека в целях достижения инновационного развития, поскольку слабо выраженная мотивация препятствует функционированию инновационной деятельности общества, а соответственно и инновационному механизму в целом.

5. Психологические барьеры – подразумевают неуверенность человека в себе, своих силах и боязнь оказаться «белой вороной».

Таким образом, идея инновационного мышления включает в себя три важные составляющие: интеллект и знания человека, созидание нового, нацеленность на высокий конечный результат (рис. 1).

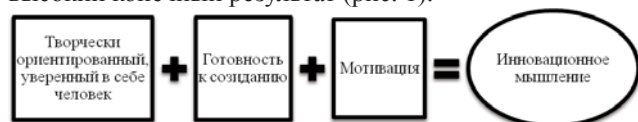

Рис.1. Основные составляющие инновационного мышления.

Само по себе инновационное мышление не возникает, оно проявляется только в благоприятной к инновационной деятельности среде, поэтому формирование соответствующего мышления должно осуществляться на всех уровнях образования. И ведущую роль здесь может занять журналист с экономической специализацией, поскольку такая школа журналистов способна выступать в качестве механизма формирования инновационного мышления в сфере экономики.

Компонентами данного механизма выступают: инновационный интерес, который будет соответствовать внутренней мотивации; экономическая культура, подразумевающая наличие базисных знаний и психоэмоциональные качества человека, определяющие его инновационное мышление и специфику реакций на инновации.

Журналистику можно определить как сложную социальную систему, предназначенную для удовлетворения потребностей социума в ориентации в окружающем мире и формирования единого общественного мнения через оперативный поиск, переработку и дискретную передачу актуальной социальной информации с помощью специализированных (технически оснащённых) коммуникационных средств или каналов (печать, радио, телевидение, Интернет и других – кино, театр, книгопечатание и т.д.).

А.Л. Дмитриевский выделяет следующие функции журналистики [2]:

1. Генеральная: устранение избыточных мнений и формирование единых картины мира и образа жизни граждан.

2. Основная(1): отражение окружающей действительности.

3. Основная(2): обсуждение актуальных социальных проблем и поиск единых, приемлемых для общества, путей их решения.

4. Основная(3): осмысление окружающей действительности в плане поиска сущности и места современника в мире

5. Дополнительная (1): археометрическая.

6. Дополнительная(2): развлечения.

Таким образом, журналистика позволяет решить проблему анти-инновационных барьеров. Ее функция отражения осуществляется посредством мониторинга рынка имеющихся инноваций. Именно журналистика предоставляет возможность широкого освещения инновационной сферы, делая ее публичной, общедоступной и соответственно понятной простому обывателю.

Функция осмысления проявляется в отборе приемлемых инноваций. Журналистика может давать критерии, в соответствии с которыми инновации будут приниматься или отторгаться. Здесь важную роль играет ментальность и понимание ценностных предпочтений. Как правило, позитивные нововведения находят отклик, а негативные отклоняются. На журналистов возложена просветительская миссия, они должны объяснить пользу тех или иных технологий.

Если обратиться к истории нашей страны, то можно встретить немало примеров, когда стереотипное мышление мешало продвижению идей в массы. Журналистика ломает стереотипы, прививает нужные образцы поведения и систему ценностей, развивает традиции отечественного бизнеса (например, НЭП, Столыпинская реформа, реформы Сперанского, Косыгина).

Кроме того, журналистика позволяет обсуждать конкретные проекты и за счет социального диалога формировать публичную среду, дающую в качестве главной

го преимущества – привычность, узнаваемость.

Т.Е. Денисович, обосновывая такое понятие, как педагогическая журналистика, называет ее основной идеей формирование у различных слоев населения знания и веры в то, что образование – это мощный фактор жизнеобеспечения каждого человека, государства и общества. Действительно, авторы различных изданий оказывают серьезное воздействие на мировоззрение и судьбы людей, обсуждая проблемы образования и просвещая массы. Этим обозначается менталеобразующая миссия педагогической журналистики [1].

То же можно сказать и о сфере инноваций. Журналист, обладая властью над умами и чувствами людей, может выявлять общественные потребности и дифференцировать их, обозначать возможные и невозможные пути их удовлетворения. Более того, у него есть все рычаги давления на читателя, за счет чего появляется возможность созидать и разрушать идеалы, формировать мнения, демонстрировать различные линии и стили поведения. Но для успешного воздействия на аудиторию журналисту необходимо ориентироваться в тенденциях развития общества и чувствовать ответственность за результаты своей деятельности. Так, если мы говорим о проблеме освещения и внедрения инноваций в массовое сознание, необходимо подготовить журналистов, обладающих необходимыми знаниями и чувствующих острую необходимость создания инновационного механизма.

И здесь вновь встает вопрос о школе журналистов с экономической специализацией, «заточенных» на конкретную сферу. Речь идет об узкой группе специалистов, получивших необходимый набор знаний и умений, делающих их профессионалами в данной области. Появление журналистов-экономистов позволит создать новую отрасль знаний, основанную на синергетике экономики и журналистики.

На государственном уровне это уже находит воплощение в так называемом «социальном образовании», действующем в рамках «социального заказа». В современном, динамично развивающемся социуме ориентация на человека и учёт неоднородности общества выводит на новый уровень образование с точки зрения его политического, экономического, социального и духовного осмысления. При этом системообразующей предпосылкой цивилизации становится развитие социального образования, в основе содержания и организации которого лежит открытый социальный диалог личности и общества. Во время этого диалога и происходит обмен новых знаний и технологий, а также продвижений инноваций.

Специфика СМИ в системе социального образова-

ния заключается в том, что они обеспечивают не просто взаимодействие между индивидами, а между ними как личностями, тем самым поднимая индивида до уровня личности. СМИ обращаются к индивиду как к действующему социальному субъекту, то есть как к участнику тех или иных видов социальной деятельности, а в нашем случае участнику инновационного процесса. Это не просто взаимодействие одного человека с другим. Это общение в масштабе общества, а также больших социальных групп, рассредоточенных на значительном пространстве, информационное взаимодействие между этими группами. Таким образом, по сути своей речь идет о массовом взаимодействии, массовом общении.

Стоит отметить, что возрастание роли инновационного механизма как движущей силы развития страны через просвещение массы будет достигаться, в том числе, за счет мотивации. Понимая значимость и даже выгодность инноваций, аудитория сможет включиться в инновационный процесс. Это позволит обеспечить социально значимые виды деятельности, обогатить социальную среду новыми знаниями и разрушить стереотипы, мешающие принятию и продвижению инноваций.

Сегодня инновационная сфера отличается масштабом и по количеству людей, вовлеченных в неё, и по горизонтальным и вертикальным уровням ее организации, и по направлениям деятельности. Она обеспечивает современному человеку непрерывность личностного роста, в котором он нуждается практически всю жизнь. В XXI веке именно образование является одним из условий его успеха, самоопределения и самовыражения. За последние годы значительно увеличено финансирование за счет средств государства фундаментальной науки, созданы основные элементы системы институтов развития в сфере инноваций, включающие Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, венчурные фонды. Значительные усилия направлены на стимулирование исследовательской деятельности и инновационного развития в высшем образовании. Реализовывается финансовая поддержка инновационных программ вузов. Реализуются меры по привлечению к исследовательской работе в российских вузах ученых с мировым именем, а также по поддержке кооперации вузов с предприятиями и дальнейшему развитию вузовской инновационной инфраструктуры. Продолжается работа по формированию национальных исследовательских центров.

От того, какую позицию займут средства массовой информации и конкретные журналисты в этом процессе, во многом зависит результат преобразования нашей страны. А это, в свою очередь, зависит от того, каких журналистов подготовят учебные заведения.

Библиографический список

1. Денисович Т.Е. Педагогическая журналистика: Учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2009. 144 с.
2. Дмитриевский А.Л. Экзистенциальная теория журналистики: попытка метатеории // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. №2 (10).
3. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года[эл. документ]. Режим доступа: <http://mgimo.ru>

4. Понятие инновационного мышления //Усольцев А.П., Шамало Т.Н.//Педагогическое образование в России. 2014. №1 [эл. документ]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-innovatsionnogo-myshleniya>

5. Проблемы модернизации и перехода к инновационной экономике// Газизуллин Ф. Г., Газизуллин Н.Ф.,Газизуллин Т.Н.// Проблемы современной экономики. 2012. № 3 (43)[эл.документ]. Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4160>

References

1. *Denisovich T.E.* Pedagogical journalism: Schoolbook. M.: FORUM, 2009. 144 p.

2. *Dmitrovskij A.L.* Existential theory of journalism: attempt of metatheory // The sign: problem field of media education. 2012. №2 (10).

3. Approving the strategy of innovative development of the Russian Federation for the period 2020 [el.document]. Access mode: <http://mgimo.ru>

4. The concept of innovative thinking //Usoltsev A.P., Shamalo T.N.//The teacher education in Russia. 2014. №1 [el.document]. Access mode: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-innovatsionnogo-myshleniya>

5. The problem of modernization and transition to innovative economy// Gazizullin F.G., Gazizullin N.F., Gazizullin T.N.// Problems of modern economy. 2012. № 3 (43) [el.document]. Access mode: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4160>

УДК 744:004.92:378.1-057.875

UDC 744:004.92:378.1-057.875

Е.В. МИРОНОВА

аспирант, кафедра декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет
E-mail: allella77@mail.ru

E.V. MIRONOVA

Graduate student, Department of arts and crafts and technical graphics, Orel State University
E-mail: allella77@mail.ru

ГРАФИКА КАК СРЕДСТВО АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

GRAPHICS AS AUTOMATION AID OF STUDENTS DESIGN ACTIVITY

В статье рассматриваются вопросы автоматизации проектной деятельности студентов в процессе обучения графическими средствами. Исследуется развитие графических средств в динамике появления новых высокотехнологичных и наукоемких информационных технологий и в связи с этим изменения, происходящие в современном образовании. Анализируются системы автоматизированного проектирования (САПР) и их применение для учебно-технической разработки проекта, а также требования нестандартных аналитических решений с последующей автоматизацией графических работ.

Ключевые слова: проектная деятельность, системы автоматизированного проектирования (САПР), информационных технологий, графические средства проектирования.

The article examines the problems of automation of students' design activity in the process of education by means of graphical aids. The graphic aids development is investigated in dynamic uprising of new high technological and science based informational technologies. The changes that happen in modern education are also under consideration. The Computer-Aided Design (SAD) systems and their application for educational and technical development of the design and the requirements of nonstandard analytical solutions with subsequent graphical works automation are analyzed in the article.

Keywords: design activity, Computer-Aided Design (SAD) systems, information technologies, design graphical aids.

Проектирование, как особый вид активной, познавательной деятельности человека, имеет глубокие корни. Оно возникло еще на ранних ступенях развития общества. Проектирование в древности неразрывно связано с жизненной необходимостью человека планировать, предвидеть, моделировать, создавать продукты предполагаемого будущего, воплощая их в реальность.

В педагогической практике проектирование, а в последнее время проектные технологии, применяется давно и имеет ряд научно-теоретических и практических обоснований в трудах отечественных и зарубежных ученых.

На сегодняшний день интерес к проектным технологиям возрастает. Проектная деятельность студентов все чаще включается педагогами в учебный процесс в различных областях знания для решения современных дидактических и педагогических задач, что определяется целями личностно-ориентированного подхода современного обучения.

В процессе работы над проектом студент реализует свои практические навыки наряду с творческими креативными решениями. Получая определенное задание, обучающийся на основе уже полученных знаний и умений самостоятельно осуществляет поисково-творческую деятельность для успешного выполнения проекта, при этом затрагиваются эмоционально-личностные качества, интеллектуальные способности, усиливается мотивация. В процессе проектирования происходит ин-

теграция знаний из различных гуманитарных, научно-естественных, технических областей науки наряду с творческими навыками.

Эра высоких информационных технологий вносит свои ощутимые изменения в формирование процесса обучения, предлагая широкий спектр программных продуктов для визуализации и реализации проектной деятельности.

Во время работы над проектом для выполнения будущей модели и структуры объекта требуется создание наглядного изображения, в связи с этим графический, модельно-макетный, макетно-графический методы наиболее часто используются в проектировании. С применением электронной и автоматизированной техники решение ряда графических задач выходит на новый уровень.

Уже с середины XX века происходит стремительное развитие электронных средств, что приводит к появлению машинной графики и автоматизации выполнения чертежных работ, а также рабочей и конструкторской документации, повышению производительности, вытеснению различных форм ручного труда. На смену использованию чертежных приборов, кульманов, масштабных линеек, транспортира, трафаретов, шаблонов приходят новые средства, позволяющие использовать все преимущества компьютерной графики.

Техническая разработка проекта, требующая не-

стандартных аналитических решений, графического изложения образов, сравнений, детальной разработки модели с последующей автоматизацией графических работ, становится наименее трудоемкой.

Решением этой проблемы служит появление систем автоматизированного выполнения конструкторской документации – САПР (система автоматизированного проектирования), т.е. процесс проектирования с использованием сложных средств компьютерной графики, поддерживаемых пакетом программного обеспечения, связанных с проектной деятельностью.

Качественная профессиональная подготовка высококвалифицированного специалиста без хорошего технического обеспечения вуза практически не возможна. С каждым годом к учебным заведениям эти требования неуклонно возрастают. Так, для проведения занятий по предмету «Инженерная графика» важно использование специализированного лекционного кабинета, оборудованного интерактивной лекционной доской, которая является неотъемлемым инструментом для обучения, активного использования демонстрационного материала, проведения презентаций и собраний.

Наличие модернизированного компьютерного класса для проведения лабораторных работ и семинарских занятий, с установкой соответствующего оборудования, также является необходимостью.

Для профессиональной подготовки инженеров, конструкторов и дизайнеров, архитекторов существует множество графических редакторов и программ. Изучение азов инженерной и компьютерной графики является обязательным условием успешной реализации технических или художественно-графических проектных зданий.

Важнейшей задачей при формировании учебного процесса служит наиболее оптимальный выбор базовых компьютерных программ, которые должны отвечать различным современным требованиям (учебным, техническим, экономическим и т.д.), учитывать направление подготовки.

Выбор программного обеспечения должен соответствовать всем современным и образовательным требованиям и быть согласованным с методическими, техническими возможностями вуза.

С появлением AutoCAD программного обеспечения ряд задач был решен посредством графического алгоритмического языка AutoLISP, САПР стал экономически выгодным, а использование данной программы получило широкое признание во всем мире, с каждой новой версией развиваясь постоянно, улучшая базовую среду проектирования. С помощью мощных и гибких функций AutoCAD позволяет реализовать идеи, документировать и демонстрировать проекты. Тем более что бесплатная учебная версия программы на официальном сайте компании доступна в рабочем режиме для каждого студента, независимо от его материальных возможностей. Версия представлена в своей последней модернизированной разработке, предлагая пользователю разнообразный спектр новейших технических средств

для решения самых сложных проектных задач.

Широкие возможности адаптации и наличие специализированных версий помогут выбрать для каждой специальности соответствующие приложения.

Так для большого количества специальностей хорошо подходит приложение AutoCAD Mechanical – это версия для машиностроения и промышленного производства. Здесь представлен удобный набор инструментов для машиностроительного проектирования, стандарты оформления, библиотеки деталей, модули проектирования деталей и расчетов, средства выпуска документации и т.д.

По направлению «Агроинженерия» полезна в изучении будет версия AutoCAD Architecture, где инструменты архитектурного проектирования объединены с привычной средой AutoCAD, имеются встроенные средства визуализации, составление спецификаций, удобные библиотеки машиностроительных элементов.

Впрочем, есть и аналогичные программные продукты российских разработчиков компании «АСКОН» – программа трехмерного моделирования КОМПАС-3D.

Изучение этих программных продуктов в контексте дисциплины «Инженерная графика» прежде всего связано с автоматизированным выполнением инженерно-графических работ (АИГР) и технической направленностью специальностей, а также широким внедрением их в производственных компаниях.

Графические редакторы, предназначенные для АИГР, совместно с компьютером и монитором представляют собой «электронный кульман», который является хорошим средством для исполнения чертежно-конструкторской деятельности. Для успешного изучения дисциплины «Инженерная графика» необходимо соблюдать ряд требований к входным знаниям, умениям и компетенциям студентов.

Первые сведения об основах инженерной графики и средствах её автоматизации учащиеся получают еще в старших классах общей образовательной школы.

Изучение фундаментальных общепрофессиональных технических наук требует серьезной графо-геометрической подготовки базовых дисциплин, таких как начертательная геометрия и инженерная графика, которые студенты изучают на первых курсах. В ходе дальнейшего обучения вводится лекционный и практический курс компьютерной графики.

В процессе освоения предмета студент должен знать правила оформления чертежно-графической документации (ГОСТы и ЕСКД); принципы и методы построения объектов в редакторах векторной и растровой графики в программе AutoCAD и в системе APM Win Machine; команды создания, редактирования и свойств различных элементов чертежа; форматы хранения и передачи данных на электронных носителях; созданием чертежей в системе автоматизированного проектирования, обладать навыками моделирования фигур в трех измерениях.

В итоге свободно владеть программными средствами и иметь понимание о возможностях своего автоматизи-

зированной рабочего места. Окончание изучения курса является лишь первой ступенью для подготовки студентов к дальнейшей проектной деятельности.

Кроме того, студенты выполняют курсовой проект по деталям машин. Выполняя курсовое проектирование по дисциплине “Детали машин”, студенты учатся не только рассчитывать и проектировать детали и механизмы, но и выполнять их в компьютерной программной среде, получая двухмерное и трехмерное изображение.

Более углубленная инженерно-графическая подготовка осуществляется на дополнительных курсах и факультативах, а также при организации практики с представителями различных компаний, государственных и общественных организаций, проведением мастер-классов экспертами и специалистами, научных внутренних и межвузовских конференций.

Преддипломная инженерно-графическая подготовка, в виде практико-консультативных занятий по автоматизации проектирования, помогает вывести студентам свои дипломные проекты на качественно более высокий профессиональный уровень.

Учитывается преемственность дисциплин, общая логика выстраивания учебно-воспитательной работы, совместная работа над проектами.

Учащиеся и выпускники каждой кафедры должны уверенно применять в своей дальнейшей учебно-проектной деятельности полученные общепрофессиональные навыки компьютерной подготовки.

В заключение важно заметить, что навыки, полученные в связи с изучением дисциплины «Инженерная графика», являются лишь средством автоматизации проектной деятельности для студента. Так как само инженерное проектирование в современных условиях, несмотря на то, что связано с использованием персональных электронных вычислительных машин (ПЭВМ), не исключает всю сложность конструкторской работы и творческого подхода инженера.

Системы автоматизированного проектирования (САПР) ускоряют и облегчают этапы разработки проекта – от выбора концепции до создания опытной модели, однако, основываясь на принципах геометрического моделирования и инженерной графики, не решают в комплексе ряд конструкторских, технологических вопросов, задач программирования и менеджмента. Требуется комплексная компьютеризация и автоматизация инженерной деятельности на всех её этапах.

Для удовлетворения сегодняшних запросов к автоматизации появляются новые высокотехнологичные и наукоемкие разработки, включающие комплексное использование компьютерной техники и современных информационных технологий, открывая новые возможности в проектировании. Возрастают и соответствующие требования к качеству профессиональной подготовки инженерно-технических работников, проектировщиков и инженеров, ставя новые образовательные задачи в высшей школе.

Библиографический список

1. Акиншина Л.В., Шейкер Т.Д. Современные информационные технологии в обучении учеб. пособие. Ч. 1. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2004. 211 с.
2. Андерсен Бен Б. Мультимедиа в образовании: специальный учебный курс. Информационные технологии в образовании 2-е изд., испр. и доп. М.: Дрофа, 2007. 224 с.
3. Андреев А.А. Педагогика в информационном обществе, или электронная педагогика // Высшее образование в России. 2011. №11. С. 113-117.
4. Корнеев В. И. Интерактивные графические системы. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. 232 с.
5. Пестов С. А. «Письма в Эмиссия.Оффлайн» Электронное-научное издание декабрь, 2011г. Эл.почта: emissia@mail.ru Internet: <http://www.emissia.org>
6. Полат Е.С. Педагогические технологии дистанционного обучения. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 392 с.
7. Романычева Э.Т. Инженерная и компьютерная графика. М.: ДМК Пресс, 2001.
8. Селевко Г.К. Компетентности и их классификации. Народное образование № 4, 2004. С.138-143.
9. Хейфец А.Л. Инженерная компьютерная графика. AutoCad: Опыт преподавания и широта взгляда М.: Диалог-МИФИ 2004. 432 с.
10. Щенников С.А. Дидактика современного образования //Высшее образование в России. 2010. №12. С.83-91.

References

1. Akin'shina L.V., Sheyker T.D. Modern information technologies in training. Teaching guide. Part 1. Vladivostok: Publishing house of FESTU (Far Eastern State Technical University), 2004. 211 p.
2. Andersen Ben B. Multimedia in education: special training course. Information technologies in education., the 2nd ed., corrected and add. M.: Drofa, 2007. 224 p.
3. Andreyev A.A. Pedagogy in information society, or electronic pedagogy//Higher education in Russia. 2011. № 11. Pp. 113-117.
4. Korneev V. I. Interactive graphic systems. M.: BINOM. Laboratory of knowledge, 2009. 232 p.
5. Pestov S. A. “Letters in Emission. Offline” Electronic and scientific publication, December, 2011. E-mail: emissia@mail.ru Internet: <http://www.emissia.org>
6. Polat E.S.. Pedagogical technologies of distance learning. M.: Publishing center “Akademiya”, 2008. 392 p.
7. Romanycheva E.T Engineering and computer graphics. M.: DMC Press, 2001.
8. Selevko G. K. Competences and their classifications. Public education № 4. 2004. Pp. 138-143.
9. Heifetz A.L. Engineering computer graphics. AutoCad: Experience of teaching and width of view. M.: Dialogue MEPhI 2004. 432 p.
10. Shhennikov S. A. Didactics of modern education//Highest education in Russia. 2010. № 12. Pp. 83-91.

А.С. ПАРФЕНОВ

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра
физической культуры, Госуниверситет – УНПК
E-mail:parfenova2014@list.ru

A.S. PARFENOV

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department
of physical education, State University-ESPC
E-mail:parfenova2014@list.ru

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПРОФИЛИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

PHYSICAL CULTURE OF PROFILED EDUCATION IN THE TECHNICAL UNIVERSITY

Физическое воспитание в вузах является неотъемлемой частью образования. От качества организации и проведения занятий со студентами зависит уровень их физической подготовленности и здоровья, а также отношение к физической культуре по окончании высших учебных заведений. Анализ реального состояния дел в физическом воспитании студентов даёт основание полагать, что эффективность этого процесса далека от желаемой.

Ключевые слова: модуль, студент, программа, рейтинг, тестирование, спорт, результат.

Physical education in universities is an integral part of education. The quality of organization and conduct of classes with students depends on the level of their physical fitness and health, as well as the attitude to physical culture at the end of higher education. The analysis of the real state of affairs in students' physical education suggests that the efficiency of this process is far from desirable.

Keywords: the module, the student, the program, rating, testing, sports, result.

Признаны в федеральном государственном образовании новые стандарты, обеспечивающие дальнейшее развитие уровня высшего профессионального образования с учетом выбора рынка труда. Рынки труда, работодатели, общественное мнение, академические сообщества побуждают к разработке новых образовательных программ. Будущий специалист должен быть компетентен не только в области своей профессии, но и обладать динамичной совокупностью знаний, умений, навыков, способностей, ценностей и высоким уровнем физической культуры, необходимыми для эффективной профессиональной и социальной деятельности [2,3]. Физическое воспитание в вузах является неотъемлемой частью образования. От качества организации и проведения занятий со студентами зависит уровень их физической подготовленности и здоровья, а также отношение к физической культуре по окончании высших учебных заведений. Анализ реального состояния дел в физическом воспитании студентов даёт основание полагать, что эффективность этого процесса далека от желаемой [7]. Разработка современной образовательной программы для различных профессий должна учитывать системный организованный комплекс учебно-методических документов разного уровня, регламентирующий цели, ожидаемые результаты, содержание и реализацию образовательного процесса по заданному направлению подготовки специалиста [9]. По мнению Бальсевича В.К. и Кряжева В.Д., сегодня психосоматическое здоровье влияет на успешность учебной и трудовой деятельности, на отношение в семье и коллективе, на стабильности настроения и жизнеспособности личности [1,6]. Анализ

многочисленных литературных данных и собственный многолетний опыт педагогической деятельности свидетельствуют о том, что в системе профессионального образования остается ряд неразрешенных вопросов и проблем. Так, наряду со многими позитивными моментами «Примерная учебная программа для высших учебных заведений по физической культуре» имеет, к сожалению, и слабые стороны. Структура и содержание этой программы практически не учитывают возможность использования в полном объеме средств и методов физической культуры и спорта среди студентов старших курсов, выпускников вуза и слушателей факультета повышения квалификации врачей (ФПК и ППС). Сегодня система инженерного обучения предполагает наличие плановых теоретических и практических знаний по физической культуре с будущими инженерами только на этапах довузовской и вузовской подготовки (1-2 курс). На 3-4 курсах – факультатив (свободное посещение, занимаются 18-20% от общего количества студентов). На старших курсах (5-6) и этапе последиplomного образования занимаются самостоятельно физическими упражнениями 4-6 %. У слушателей ФПК и ППС процесс воспитания физической культуры полностью отсутствует. Такое состояние в системе физического воспитания не позволяет в полном объеме использовать педагогические меры для достижения должного уровня физической культуры и объективной психофизической готовности молодого специалиста к профессиональной деятельности. Проектирование государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования нового поколения для каждой специально-

сти требует разработки профилированных модулей обучения. Модуль должен предполагать содержательное, методическое, организационное, оценочное, технологическое и временное единство, имеющее как дисциплинарный, так и междисциплинарный характер [8].

МЕТОДИКА. Исследования включали в себя: анкетирование; обзор литературы; изучение режима труда и отдыха студентов, аспирантов, слушателей ФПК и ППС, хронометраж и педагогический эксперимент. На кафедрах физической культуры были разработаны профилированные учебные модули. Исследования проводились в течение трех лет на базе Госуниверситета – УНПК города Орла.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ. В исследованиях участвовало более 300 человек. Цель исследования заключалась в разработке и внедрении в педагогический процесс подготовки специалиста профилированных учебных модулей по воспитанию профилированной физической культуры личности инженера. В образовательной системе вуза учебный модуль определялся как основная организационно-содержательная единица (комплекс учебных занятий), охватывающая учебный материал, имеющая относительно самостоятельное значение в разделе курса «Физическая культура». Основу модуля составляют параметры, которые образуют схему профессиональной психофизической подготовки. К основным параметрам относятся: мониторинг и коррекция.

Схема подготовки включала в себя следующие виды модулей:

- входной (стартовый), который проводился с целью проверки исходных данных по физической подготовленности студента, его соответствия требованиям базисной программы;
- рубежный (промежуточный), который проводился с целью оценки уровня физической подготовки, умений и навыков студента;
- выходной – результат аттестации на окончательном этапе изучения и совершенствования дисциплины.

Главным методом оценки и контроля было тестирование студентов на всех этапах освоения модулей, по всем разделам программы физической культуры. Контрольные тесты разрабатываются, исходя из требований программы, их значимости и связи с профессиональной деятельностью будущего специалиста. Тесты оцениваются в баллах, соответствующих их приоритетной значимости. Учитывается тест «нулевой цикл» развития физических качеств, с которым студенты поступили в университет. К сдаче теста допускаются лица, прошедшие медицинский осмотр и посетившие не менее 60 % занятий каждого модуля.

Содержание модулей в многоуровневой системе подготовки инженера постоянно обновляются, в выходном модуле они соответствуют базисной программе и отвечают квалификационной характеристике выпускаемого специалиста и требованиям ГОСТа. После сдачи очередного модуля каждому студенту в учебном журнале практических занятий регистрируется результат сда-

чи и оценка в баллах. В начале учебного года кафедра разрабатывает модульные ориентиры в пределах объёма учебных часов, определённых рабочим учебным планом по факультетам вуза. Графики сдачи студентами тестирования согласовываются с деканами факультетов и утверждаются на заседании кафедры. Для каждого в конце учебного года определялся общий и творческий рейтинг. Творческий рейтинг – составная часть общего рейтинга, представляет собой результат выполнения студентом индивидуального, творческого отношения к дисциплине «Физическая культура»: участие в соревнованиях, выполнение норм спортивных разрядов, выполнение индивидуальных самостоятельных заданий. При расчёте часов, отведённых на модуль, общее количество часов на семестр делится на количество модулей (не более 3-х), остаток от деления прибавляется к рубежному модулю. Модуль считается сданным, если студент получил не менее 60 % баллов от их максимально возможного количества. Сведения о ликвидации задолженности по предыдущему модулю представляются в деканат при сдаче очередного модуля. В конце семестра на основе данных поэтапного контроля сдачи модулей суммируются баллы входного, рубежного, творческого рейтинга, принимается решение о сдаче тестов выходного контроля. Если сумма баллов составляет более 60 % от максимального рейтинга дисциплины, то по усмотрению преподавателя студенту может быть поставлен зачёт без сдачи тестов выходного контроля, добавляются поощрительные баллы 30 % от общего рейтинга дисциплины. Если студент набрал в течение семестра от 40 % до 60 % баллов от максимального рейтинга, то он должен сдавать тесты выходного контроля. При занесении в журнал или зачётку результатов сдачи зачёта рядом с результатом зачёта в скобках проставляется итоговый рейтинг в баллах, который приводится в соответствие с количеством учебных часов. На основе результатов сдачи модулей можно сравнить подготовленность как отдельных студентов, так и учебных групп в целом, проводить отбор студентов для занятий тем или иным видом спорта, вносить наиболее обоснованные индивидуальные и групповые корректировки в планы занятий с целью успешного выполнения требований государственной программы и ГОСТа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ.

Педагогический эксперимент подтвердил то, что по мере увеличения стажа занятий по профилированным учебным модулям число лиц в группе педагогического эксперимента с высоким уровнем функционального состояния нарастает: от 80 до 92% (соответственно при стаже занятий до 1 года, 3 года и более). Полученные данные в группе педагогического эксперимента свидетельствуют о том, что рассматриваемые характеристики функционального состояния организма улучшились уже к концу 3-го курса на 17,2% (различия статистически достоверны, $P < 0,001$). В начале 4-го курса, по сравнению с предыдущим этапом исследования, произошло снижение результатов теста, но разница была статистически не значима ($P > 0,05$). К концу 4-го курса показатели

корректирующей пробы, по сравнению с данными начала эксперимента, выросли на 3,8% ($P>0,05$), а по сравнению с исходным уровнем – на 17,9% ($P<0,001$). В контрольной группе сравнения на этапе последилового и дополнительного образования у респондентов выявлено статистически значимое снижение когнитивных психических функций (на 6% по сравнению с концом 6-го курса, $P<0,05$), а в конце – дальнейшее ухудшение данных теста (на 7,5% по сравнению с предыдущим обследованием, $P<0,05$). Кроме того, у лиц, обучающихся по рабочей программе физической культуры, по сравнению с достигнутым уровнем устойчивости внимания и скорости переработки информации на 4-ом курсе, ре-

зультаты пробы снизились на 13,1% (различия статистически достоверны, $P<0,001$).

ВЫВОДЫ

1. Применение экспериментальных учебных модулей профилированной физической культуры в профессиональной подготовке инженера позволяет целенаправленно развивать прикладные психофизические качества, а также совершенствовать их до оптимального уровня, который не всегда достигается в ходе естественной адаптации.

2. Результаты проведенного исследования дали нам возможность подготовить и опубликовать учебно-методическое пособие.

Библиографический список

1. Бальсевич В.К. Онтокинезиология человека //Теория и практика физической культуры. 2000. 275 с.
2. Болонский процесс: поиск общности европейских систем высшего образования (проект TUNING) /Под ред. д-ра пед. наук, проф. В.И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 211 с.
3. Болонский процесс: середина пути /Под ред. д-ра пед. наук, проф. В.И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Российский Новый Университет, 2005. 379 с.
4. Дубровский В.И. Главные факторы здоровья. Валеология. Здоровый образ жизни М.: КЕТОКПСА-А: Флинта, 1999, С.29-41.
5. Кабаргин Б.А. Производственная физическая культура: методика самостоятельного освоения /Б.А. Кабаргин, Е.В. Харламов //Физическая культура, спорт, туризм в профессиональном образовании и здоровом образе жизни студентов: Сб. науч. тр. Ростов-на-Дону: РГЭА, 1999. С. 31-33.

References

1. Balsevich V. K. Ontokineziology of the person / V. K. Balsevich//Theory and practice of physical culture. 2000. 275 p.
 2. Bologna Process: search of a community of the European systems of the highest an obrazovakniya (TUNING project) / Under edition of the Doctor of pedagogical sciences, professor V. I. Baydenko. M.: Research center of problems of quality of training of specialists, 2006. 211 p.
 3. Bologna Process: the middle of the way / Under edition of the Doctor of pedagogical sciences, professor V. I. Baydenko. M.: Research center of problems of quality of preparation of spektzialist, Russian New University, 2005. 379 p.
 4. Dubrovsky V. I. Main factors of health. Valueology. Healthy lifestyle / V. I. Dubrovsky. M.: KETOKPSA-A: Flint, 1999. Pp 29-41.
 5. Kabargin B. A. Productive physical culture: a technique of independent mastering / B. A. Kabargin, E.V. Kharlamov//Physical culture, sport, tourism in professional education and a healthy lifestyle of students: Collection of scientific works. Rostov-on-Don: RGEA, 1999. Pp. 31-33.
-
-

УДК 378

UDC 378

Л.К. ПРОСКУРЯКОВА

кандидат педагогических наук, доцент, Академия
ФСО России

E-mail: natalia_n_morozova@mail.ru

Н.Н. МОРОЗОВА

кандидат физико-математических наук, доцент,
Академия ФСО России

E-mail: natalia_n_morozova@mail.ru

L.K. PROSKOURYAKOVA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Federal
Guard Service Academy

E-mail: natalia_n_morozova@mail.ru

N.N. MOROZOVA

Candidate of physics and mathematical sciences, Associate
Professor, Federal Guard Service Academy

E-mail: natalia_n_morozova@mail.ru

МОНИТОРИНГ МОБИЛЬНОСТИ НЕПРЕРЫВНОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

THE MONITORING OF A PERMANENT MATH INSTRUCTION MOBILITY IN A TECHNICAL HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

В статье анализируются основные аспекты мониторинга качества математической подготовки в соответствии с предложенной структурной моделью его проведения в техническом вузе. Подробно описан блок модели, посвященный мониторингу мобильности математической подготовки как существенной составляющей компетентностной характеристики выпускника. Представлены объекты и формы этого мониторинга. Приведены конкретные примеры реализуемых видов работы.

Ключевые слова: мониторинг, математическая подготовка, мобильность, компетентностный подход, модель мониторинга.

The article analyzes the main aspects of Math instruction quality monitoring in accordance with the proposed structural model of its conducting in a technical higher educational institution. The component of the model devoted to the monitoring of a Math instruction mobility as an essential part of competency graduate characteristics is described in detail. The objects and forms of the monitoring are presented. The specific examples of the used types of work are implemented.

Keywords: monitoring, Math instruction, mobility, competence approach, model of monitoring.

Современные тенденции развития общества порождают новые требования к подготовке специалистов в вузах технического профиля. В Концепции модернизации российского образования сформулирована основная цель профессионального образования – «подготовка квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности; удовлетворение потребностей личности в получении соответствующего образования» [2]. Эта цель прослеживается и в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [3].

Повышение качества подготовки специалистов признается ключевой проблемой в области высшего профессионального образования. При этом качество образования понимается как степень достижения поставленных целей и рассматривается как социальная категория, определяющая состояние и результативность

процесса образования, его соответствие потребностям и ожиданиям общества в формировании и развитии социальных и профессиональных компетенций личности [1, 6, 7]. Необходимость решения данной проблемы актуализирует управление качеством образования, что представляет собой планомерный, целенаправленный процесс воздействия на всех уровнях на условия и факторы, обеспечивающие создание продукта образовательной подготовки – компетентного выпускника вуза. Неотъемлемым компонентом процесса управления качеством образования в любой из предметных областей является его мониторинг, который направлен не только на количественную оценку результатов образовательной деятельности, но и на выявление ее наиболее эффективных форм, методов и условий реализации.

В технических вузах особый вклад в интеллектуально-профессиональное становление компетентного специалиста вносят математические дисциплины в силу того, что они закладывают фундамент для изучения специальных дисциплин; играют исключительную роль в развитии интеллекта, формировании научного мировоззрения и исследовательских умений обучающихся; активно способствуют совершенствованию

нию универсальных навыков учебно-познавательной деятельности, в том числе, навыков самообразования; обладают широкими возможностями для развития культуры межличностного общения и продуктивного взаимодействия.

Проведенный анализ подходов к организации контроля качества образовательной деятельности в вузе позволил сделать вывод о целесообразности систематизации и структурирования такой работы и создания с этой целью модели мониторинга качества математической подготовки. Предшествовавший непосредственному построению модели подготовительный этап состоял в анализе структуры и основных аспектов образовательной деятельности по математическим дисциплинам; изучении существующих форм и методов контроля ее эффективности; определении возможных механизмов осуществления мониторинга. Были построены детализированные матрицы смежности, отражающие взаимосвязь основных дидактических единиц, а также проведено анкетирование ведущих преподавателей профессиональных дисциплин с целью уточнения математического аппарата, необходимого для изучения этих дисциплин и требуемого уровня его освоения обучающимися. На основании полученной информации были обоснованы интенсивность и содержательное доминирование планируемых контрольных мероприятий.

Исходя из специфики математической подготовки и ее основных целей были определены следующие основные объекты мониторинга качества математической подготовки:

1. образовательно-психологическая готовность абитуриентов к обучению в вузе;
2. предметные знания, умения, навыки, приобретаемые обучающимися в ходе изучения математических дисциплин;
3. мобильность математической подготовки:

способность обучающихся к использованию математического аппарата при решении учебных задач практикоориентированного содержания, реальных задач предстоящей профессиональной деятельности; остаточные знания по соответствующим разделам математических дисциплин на момент их востребования для дальнейшего практического использования в междисциплинарной деятельности; исследовательские умения и навыки;

4. культура учебно-познавательной деятельности;
5. интеллектуальное развитие обучающихся: мышление, память, внимание и процесс их развития; способность к креативной творческой деятельности;
6. личностное развитие обучающихся; способность к самообучению, рефлексии; учебно-познавательная активность и мотивация;
7. коммуникативная культура, проявляющаяся в умении обучающихся выстраивать общение, взаимодействие, совместную продуктивную учебно-познавательную деятельность.

Перечисленные объекты мониторинга определяют основные области его реализации: комплексная работа с абитуриентами; собственно математическая подготовка (все виды аудиторных занятий, рубежный и итоговый контроль); внеаудиторная учебно-познавательная деятельность; научно-исследовательская работа обучающихся; процесс изучения профессиональных дисциплин, смежных с математическими; выполнение курсовых и выпускных квалификационных работ; профессиональная и научно-исследовательская деятельность выпускников.

Выделенные объекты и области реализации мониторинга в совокупности с его целевыми установками [4] позволили определить структуру и содержание предлагаемой модели мониторинга качества математической подготовки (рис. 1). Эта модель имеет блочно-

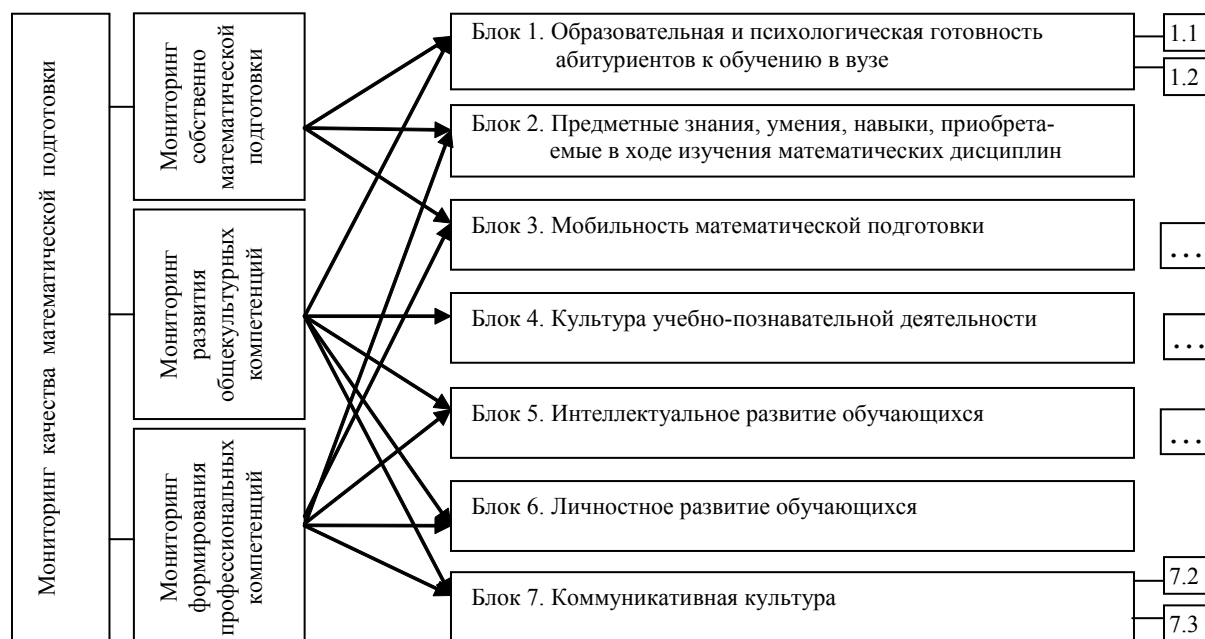

Рис. 1. Структурная модель мониторинга качества математической подготовки.

модульную структуру и отражает возможное сочетание объектов мониторинга и содержательное наполнение его основных направлений, таких как мониторинг собственно математической подготовки (математических знаний, умений, навыков); общекультурных и профессиональных компетенций, представленных в учебных программах. При этом сферу мониторинга составляет не только результат образовательной деятельности, выявляемый в ходе реализации соответствующей системы контроля, но и анализ динамики успешности образовательного процесса, прогноз и соответствующие рекомендации по проведению необходимой коррекционной работы, а также собственно процесс образовательной деятельности с точки зрения его эффективности.

Особую значимость в свете компетентного подхода приобретает блок 3 «Мониторинг мобильности математической подготовки» (рис. 2), поскольку мобильность как характеристика качества образования отражает способность специалиста адаптироваться и успешно работать в условиях постоянно изменяющихся требований профессиональной деятельности, диктуемых высокими темпами научно-технического прогресса.

Содержательные аспекты этого блока определяются спецификой математического образования в техническом вузе, отличительными чертами которого являются рациональное сочетание фундаментальности с практической направленностью, личностная ориентация и непрерывность в течение всего периода обучения.

Объекты и соответствующие им формы мониторинга, определяющие содержание этого блока, подразделены на пять модулей. Так, процесс прикладного использования математического аппарата в ходе изучения математических дисциплин предполагает различные способы знакомства обучающихся с его прикладными возможностями: введение обучающихся в предметную область предстоящей учебно-профессиональной деятельности, указание сфер применимости и рассмотрение конкретных примеров использования изучаемых методов, демонстрация схем междисциплинарных связей; подготовка различного рода тематических сообщений (об исторических, содержательных, научно-практических аспектах изучаемого математического аппарата и современных достижениях в соответствующей области) и их представление на учебных занятиях и во внеаудиторное время. Характерно, что по мере совершенствования у обучающихся способностей к подготовке и представлению подобных сообщений особое место начинают занимать сообщения об особенностях применения изучаемых математических методов в предметной области выбранной профессиональной деятельности. Тематика таких сообщений, как правило, определяется, исходя из потребности предстоящей учебно-профессиональной деятельности, а также по согласованию с ведущими специалистами других кафедр вуза. Примерами сообщений, вызывающих неизменный интерес у обучающихся, служат сообщения о жизни и научной деятельности П. Ферма, И. Ньютона, Г. Лейбница – основоположников математического анализа, об истории развития геометрии от Евклида до

Римана, о приложениях матричного исчисления и комплексных чисел, о возможностях применения дифференциального исчисления функции нескольких переменных для решения оптимизационных задач, о роли теоремы Котельникова в теории передачи сигналов и др.

Особое значение для формирования профессиональных компетенций в ходе изучения математических дисциплин имеет системный подход к организации решения задач практико-ориентированного содержания [5]. Такой подход предполагает учет содержания и сложности изучаемого математического аппарата, а также – уровня математической подготовки обучающихся, их осведомленности о специфике предстоящей профессиональной деятельности, степени владения навыками учебно-познавательной деятельности, продуктивной самостоятельной работы и совместной работы в коллективе.

По мере вхождения обучающихся в вузовскую образовательную среду происходит изменение методики решения прикладных задач. В первые месяцы обучения предлагаются прикладные задачи, содержащие готовую математическую модель, междисциплинарные аспекты которой лишь кратко комментируются преподавателем на этапах анализа содержания предлагаемой задачи и обсуждения результатов ее решения. Примерами простейших прикладных задач, которые предлагаются обучающимся при изучении основы математического анализа – теории пределов, – могут служить следующие задачи.

Задача 1 (из курса физики). Определить интенсивность I , возникающую при интерференции N лучей одинаковой интенсивности I_0 при условии, что фаза следующего луча сдвинута относительно фазы предыдущего на одну и ту же величину δ , если имеет место зависимость
$$I(\delta) = I_0 \sin^2\left(\frac{N\delta}{2}\right) / \sin^2\left(\frac{\delta}{2}\right),$$
 где $\delta \rightarrow 2\pi m$ ($m \in Z$).

Задача 2 (из курса теории электрической связи). Найти пропускную способность C непрерывного канала связи с белым гауссовским шумом, определяемую формулой Шеннона
$$C = F \log_a \left(1 + \frac{P_c}{N_0 F} \right)$$
 при $F \rightarrow \infty$ ($P_c, N_0 - \text{const}$), F – полоса частот сигнала.

В дальнейшем, при изучении дифференциального исчисления может быть предложена задача, находящая свое последующее применение в лабораторном практикуме по курсу физики. В ходе ее решения обучающиеся поставлены перед необходимостью самостоятельного построения исследуемой целевой функции.

Задача 3. Источник электроэнергии с электродвижущей силой E и внутренним сопротивлением R подключен к потребителю с переменным сопротивлением r . Найти наибольшую мощность потребителя P .

Большим потенциалом для профессионального становления обучающихся обладает теория вероятностей, позволяющая даже на начальном этапе изучения рас-

смагивать большое число задач технического содержания. Так, иллюстрацией применения формулы Бернулли может служить следующая задача.

Задача 4. При вращении антенны обзорного радиолокатора за время облучения точечной цели успевает отразиться 8 импульсов. Какова вероятность обнаружения цели за один поворот антенны, если для обнаружения необходимо, чтобы не менее пяти импульсов прошло через приемник на индикатор, и вероятность подавления одного отдельного импульса равна 0,1 при условии, что отдельные импульсы подавляются помехами независимо друг от друга.

При решении подобных задач организуется знакомство обучающихся с перспективами применения изучаемого математического аппарата, его возможностями для моделирования реальных процессов, специальной символикой, принятой в соответствующей предметной области и, вместе с тем, обеспечивается формирование гибких универсальных математических умений.

Предлагаемая организация работы по формированию математической мобильности с первых месяцев обучения в вузе создает возможность для погружения обучающихся в сферу предстоящей познавательно-профессиональной деятельности; осуществляет подготовку к ней; способствует построению целостной по содержанию и структуре системы знаний, умений и навыков; формирует понимание практического значения получаемой математической подготовки и необходимости осознанного глубокого освоения изучаемого математического аппарата.

В последующем происходит постепенный переход от применения готовых математических моделей к их построению, исследованию и использованию. В результате, на завершающем этапе освоения дисциплины работа с прикладными задачами приобретает характер законченного цикла действий, который реально имеет место при решении таких задач в соответствующей профессиональной области: анализ исходных данных задачи; конкретизация стоящей проблемы и ее формализация; выбор математического аппарата и построение математической модели; анализ этой модели и при необходимости ее уточнение; работа с математической моделью (выполнение необходимых преобразований и вычислений); интерпретация полученного математического результата в терминах предметной области и качественная его оценка [5]. Все перечисленные этапы решения прикладной задачи реализуются при рассмотрении, например, задач на моделирование физических процессов с использованием дифференциальных уравнений; оптимизационных задач при наличии условий ограничений, задач комбинаторного анализа и др.

Задача 5. Установить закон изменения заряда q на полюсах конденсатора с емкостью C , включенного в цепь последовательно с катушкой индуктивности L и активным сопротивлением R , при отсутствии источника тока.

Задача 6. Определить, какие виды сырья и в каком количестве следует закупить предприятию, чтобы обе-

спечить максимальный объем производства в следующем месяце при условиях: $a_j > 0$ – количество j -го сырья, необходимое для производства единичного количества продукта; $b_j \geq 0$ – остатки j -го сырья на предприятии на конец текущего месяца; $p_j > 0$ – цена одной единицы j -го сырья ($j = 1, \dots, n$); $d > 0$ – количество денежных средств, которое предприятие может затратить на закупку дополнительных объемов сырья в текущем месяце.

Задача 7. Рекуррентное соотношение $T(n) = 7T(n/2) + n^2$ описывает время работы алгоритма A . Время работы альтернативного алгоритма A' выражается рекуррентным соотношением $T'(n) = aT'(n/4) + n^2$. Определить наибольшее целое значение a , при котором алгоритм A' работает асимптотически быстрее алгоритма A .

Для закрепления, совершенствования и стимулирования развития у обучающихся умений по решению задач междисциплинарного содержания подобные задачи включаются не только в аудиторную, но и во внеаудиторную работу, а модификации задач, рассмотренных в аудитории, – и в материалы контрольных работ, что вместе с тем позволяет осуществлять в динамике процесс мониторинга развития способностей обучающихся к практическому использованию изучаемого математического аппарата.

По мере усложнения содержания практикоориентированных задач для их решения организуется работа обучающихся в парах и малых группах как на занятиях, так и во внеаудиторное время. Рациональная организация такой работы способствует повышению результативности решения предлагаемых задач творческого, поискового характера и, вместе с тем, совершенствованию навыков эффективной совместной деятельности за счет объединения интеллектуально-познавательных усилий и целесообразного распределения обязанностей между ее участниками, что признается актуальным с позиций компетентностного подхода. При этом оправдано применение различных форм проблемного, контекстного, игрового обучения и адекватных им форм мониторинга.

Для обеспечения всесторонней оценки уровня сформированности математической мобильности обучающихся по результатам изучения дисциплины или больших ее разделов целесообразно использование комплексных заданий проектного типа, допускающих как индивидуальное, так и групповое выполнение в зависимости от содержания предлагаемого задания и целевых установок его выполнения. Примером такого задания может служить задача следующего содержания.

Задача 8. Для построения кривой зависимости вероятности ошибки декодирования от соотношения сигнал/шум по имеющейся выборке рассчитать параметры аппроксимирующей функции, обеспечивающей минимум среднеквадратического отклонения, выбрав ее из набора типовых функций.

Выполнение такого задания предполагает реализа-

цию целостной цепочки действий: знакомство с физической характеристикой сигнал/шум; изучение базовых положений теории помехоустойчивого кодирования; построение вариационного ряда выборки и определение характера его поведения; выдвижение предположения о классе аппроксимирующей функции; построение функционала среднеквадратического отклонения для конкретных функций из выбранного класса; получение его частных производных и запись необходимого условия экстремума функционала; решение полученной системы уравнений и определение коэффициентов аппроксимирующих функций; расчет среднеквадратических отклонений для полученных функций и выбор из них оптимальной.

Мониторинг, представленный модулем 3.1 блока 3 структурной модели мониторинга, сопровождающий процесс становления математической мобильности непосредственно в ходе изучения математических дисциплин, позволяет не только получить его всестороннюю объективную оценку, но и стимулирует этот процесс, обеспечивает возможность внесения в него своевременных корректив и определения перспектив его совершенствования.

В условиях возрастающих требований к математической подготовке выпускников технических вузов мониторинг ее результатов не должен ограничиваться лишь периодом изучения математических дисциплин, что находит свое отражение в модулях 3.2–3.5 предлагаемой модели мониторинга.

В частности, модуль 3.2 посвящен мониторингу особенностей применения математического аппарата в ходе изучения дисциплин естественнонаучного и профессионального циклов. Одной из его составляющих выступает входной контроль математической готовности обучающихся к изучению новой дисциплины, проводимый в целях получения объективной информации об уровне владения обучающимися математическим аппаратом, применяемым в данной предметной области. На основе анализа получаемых результатов организуется адресная работа, направленная на устранение выявленных пробелов в востребованных математических знаниях и умениях обучающихся, что обеспечивает создание условий для успешного освоения ими новой дисциплины. Вместе с тем этот анализ позволяет сформулировать предложения по совершенствованию базовой математической подготовки, а также реально оценить ее отсроченные результаты. К примеру, изучение цифровой обработки сигналов полезно предварить контролем остаточных знаний по разделам «Комплексные числа», «Ряд Фурье. Интеграл Фурье» курса математики, тогда как изучение электроники и схемотехники опирается на знание алгебры логики и способов минимизации булевых функций, что предполагает включение соответствующих заданий в материалы входного контроля. Эффективной формой проведения такого контроля является тестирование с применением средств автоматизации.

По усмотрению преподавателей профессиональ-

ных дисциплин входной контроль остаточных знаний по математике может быть реализован и в режиме самоконтроля при условии четких целевых установок обучающимся и наличия соответствующего методического обеспечения для его проведения.

Обучающиеся, показавшие при тестировании низкие результаты, ставятся перед необходимостью продолжить совершенствование своей математической подготовки, используя рекомендованные пособия, помощь товарищей, консультативную помощь преподавателей. По совместному решению преподавателей кафедры математики и кафедры-заказчика перед осуществлением входного контроля возможно проведение обзорной лекции, тренировочных практических занятий, тематических консультаций.

В процессе изучения естественнонаучных и профессиональных дисциплин, а также при выполнении курсового проектирования, мониторинг успешности применения базового математического аппарата осуществляется посредством экспертных оценок, сбора соответствующей информации при проведении интервьюирования, анкетирования ведущих преподавателей этих дисциплин и т.п. Кроме того, особенности и проблемы использования математического аппарата выявляются при консультировании обучающихся преподавателями математики в ходе выполнения ими домашних контрольных заданий и курсовых проектов.

Одной из основных целей математической подготовки является развитие математического мышления и исследовательских навыков обучающихся. Основными формами практикуемой научно-исследовательской работы и, одновременно, формами мониторинга процесса формирования исследовательских навыков обучающихся, отраженными в модуле 3.3, являются: реферативная работа; создание компьютерных программ; выполнение тематических научных работ; рационализаторская и изобретательская работа; участие в олимпиадах различного уровня, конкурсах научных работ, научно-технических выставках и конференциях; деятельность в рамках научных секций и объединений.

Примерами выполняемых обучающимися научно-исследовательских работ могут служить рефераты на темы: «Прикладные аспекты эквивалентных бесконечно малых функций», «Оптические свойства кривых второго порядка», «Применение дифференциального исчисления функции нескольких переменных при решении оптимизационных задач», «Дифференциальные уравнения как средство моделирования реальных физических процессов», «Фракталы и их современные приложения» «Криптографические свойства булевых функций», «Системы принятия решений на основе нечеткой логики»; компьютерные программы: «Эллиптические кривые», «Статистический анализ данных», «Матричный анализ цифрового потока»; тематические научные работы по проблемам: «Сингулярное разложение матриц», «Математические методы представления знаний», «Применение вейвлет-преобразований к обработке сигналов» и др.

Характерно, что многие из этих форм научно-

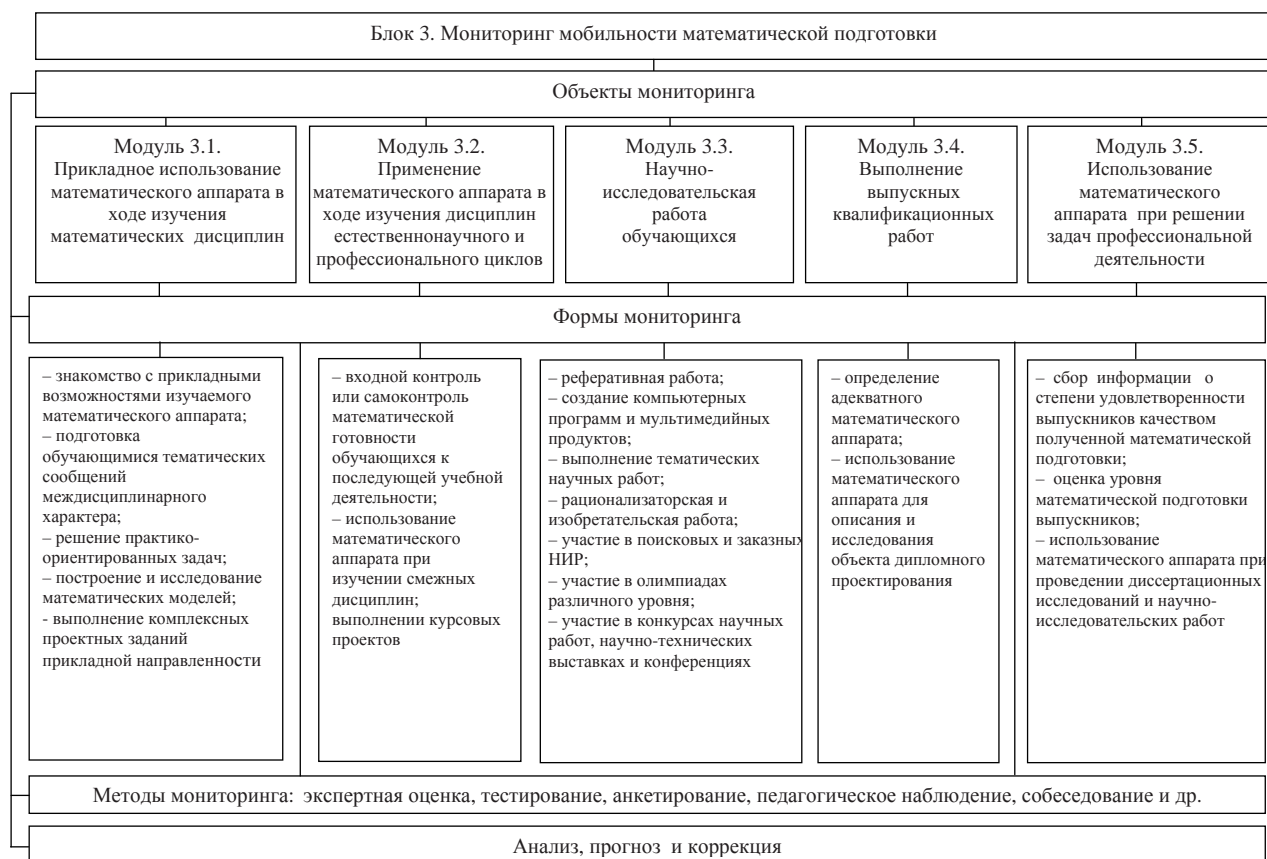

Рис. 2. Структура блока 3.

исследовательской работы предполагают коллективное выполнение, что способствует дальнейшему развитию у обучающихся навыков творческой продуктивной совместной деятельности, значимо востребованных в профессиональной сфере.

Необходимость использования приобретенного багажа математических знаний и его дальнейшее совершенствование в направлении прикладного применения становится особенно актуальным на этапе выполнения выпускной квалификационной работы (модуль 3.4). Содержание консультационной работы, проводимой в связи с возникающими у выпускников трудностями в реализации как ранее приобретенного, так и самостоятельно освоенного необходимого математического аппарата, а также экспертная оценка адекватности его выбора и успешности применения для описания и исследования объектов дипломного проектирования дает достаточно исчерпывающую информацию о сформированном уровне математической мобильности.

Завершающим этапом мониторинга мобильности вузовской математической подготовки, отраженным

в модуле 3.5, является анализ отзывов выпускников о степени удовлетворенности качеством полученной математической подготовки, а также экспертных оценок представителей профессионального сообщества об уровне математического образования подготовленных специалистов, который проявляется в процессе деятельности по предназначению, при проведении диссертационных исследований и научно-исследовательских работ.

Таким образом, в условиях реализации компетентного подхода процесс непрерывной математической подготовки условно подразделяется на два этапа. Первый этап – этап изучения математических дисциплин, второй – этап применения приобретенного математического аппарата и его обогащение в ходе изучения профессиональных дисциплин и последующей профессиональной деятельности. Предлагаемый подход к организации мониторинга мобильности математической подготовки позволяет получить разностороннюю оценку и выработать аргументированные предложения по ее дальнейшему совершенствованию.

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34-42.
2. Концепция модернизации российского образования до 2010 года: [Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2001 №1756-р].
3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: [Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р].

4. Морозова Н.Н., Проскурякова Л.К. Мониторинг качества математической подготовки в техническом вузе // Психология образования в поликультурном пространстве. 2014. Т. 3. № 27. С. 89-95.

5. Морозова Н.Н., Проскурякова Л.К. Формирование профессиональных компетенций в ходе изучения математики в техническом вузе и мониторинг этого процесса // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Естественные, технические и медицинские науки»: научный журнал. Орел: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский Государственный университет». 2014. № 6 (62). С. 31-36.

6. Шишов С.Е. Мониторинг качества образовательного процесса в школе. М.: Издательский дом ИНФРА-М, 2013. 206 с.

7. Яковлев Е.В. Теория и практика внутривузовского управления качеством: дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 2000. 418 с.

References

1. Zymnya I.A. Key competencies – a new paradigm of the education result // Higher education today. 2003. No 5. Pp. 34-42.

2. The concept of Russian education modernization until 2010: [The order of the Russian Federation government dated 29.12.2001, No 1756-p].

3. The concept of the Russian Federation long-term socio-economic development for the period up to 2020: [The order of the Russian Federation government dated 17.11.2008, No 1662-p].

4. Morozova N.N., Proskuryakova L.K. Monitoring of the quality of mathematical preparation in technical high school // Psychology of education in the multicultural environment. 2014. V. 3. No 27. Pp. 89–95.

5. Morozova N.N., Proskuryakova L.K. Formation of professional competences during Mathematics study in a technical higher educational institution and the process monitoring // Orel State University Scientific Notes. The series “Natural, technical and medical science”: Scientific journal. – Orel: publisher “Orel State University”. 2014. № 6 (62). Pp. 31-36.

6. Shishov S.E. Monitoring of the school educational process quality. M.: Publishing house INFRA-M, 2013. 206 p.

7. Yakovlev E.V. Theory and practice of the University internal quality management: The Doctoral dissertation of the pedagogical Sciences doctor. Chelyabinsk, 2000. 418 p.

А.А. РУСАКОВ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра ОП-5,
Московский государственный технический универси-
тет радиотехники, электроники и автоматики
E-mail:vmkafedra@yandex.ru

A.A. RUSAKOV

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of OP-5,
Moscow State Technical University of Radioengineering,
Electronics and Automation
E-mail:vmkafedra@yandex.ru

О ПРЕПОДАВАНИИ МАТЕМАТИКИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ON TEACHING MATHEMATICS IN THE CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF MATHEMATICAL EDUCATION

В результате обсуждения в различных сообществах (в том числе и за рубежом) «Концепции развития математического образования» в РФ предлагаются новые подходы к преподаванию математики. В статье акцентируется внимание на современное видение как самой науки математики, так и на новую дидактику в ее преподавании.

Ключевые слова: математическое образование, дидактика, информационные технологии, математическая деятельность.

As a result of discussions of «Concept of development of mathematical education» in Russia by various communities (including abroad) new approaches to teaching mathematics are offered. The article focuses on a modern vision of both the science of mathematics, and a new didactic in her teaching.

Keywords: mathematics education, didactics, information technology, mathematical operations.

Научно-методический совет (НМС) по математике Минобразования России – это государственно-общественный орган, осуществляющий координацию деятельности научно-педагогической общности образовательных учреждений, направленной на развитие содержания математического образования, его научно-методического обеспечения и на повышение качества математической подготовки школьников, абитуриентов, студентов, аспирантов [1]. Работой НМС руководили такие выдающиеся ученые, как академики Андрей Николаевич Колмогоров и Андрей Николаевич Тихонов.

В 2000 году в Великих Татрах (Словакия) НМС организовал и провел конференцию «Образование, наука и экономика в вузах на рубеже тысячелетий», председателем организационного и программного комитетов был великий русский математик и педагог академик Сергей Михайлович Никольский, 30 апреля 2015 года ему исполнилось бы 110 лет [2]. В материалах Международной научной конференции «Образование, наука и экономика в вузах на рубеже тысячелетий» опубликованы результаты личных исследований в России, СНГ и за рубежом члена НМС профессора Московского университета В.М.Тихомирова, позволившие ранжировать цели математического образования, которые по своей практической значимости группировались вокруг следующих тем:

- интеллектуальное развитие,
- ориентация в окружающем мире,

- формирование мировоззрения,
- физкультура мозга,
- подготовка к будущей профессии,
- подготовка в вуз.

Примерно так представляют себе цели математического образования отечественные учителя, математики, педагоги, деятели просвещения, хотя в развитых странах Запада на первое место ставят подготовку к профессии.

25 сентября 2012г. на заседании Научно-методического совета по математике Министерства образования и науки РФ, в который входят представители ведущих вузов России (зав. кафедрами математики, проректоры, профессора), с докладом «К разработке концепции математического образования РФ. Почему математика нужна каждому?» выступил академик Алексей Львович Семенов. Основной вывод его выступления, текста его Доклада Совету при Президенте Российской Федерации по науке и образованию в том, что мы на пути создания фактически во многом новой отечественной системы получения и воспроизводства знаний, необходимой для решения задач национального развития РФ. Анализ мирового опыта развития математического образования позволяет выделить три его важные тенденции [3]:

- понимание необходимости математического образования для всех людей (и в том числе для всех школьников и студентов) и широкая постановка соответствующих исследований (в том числе педагогических,

что привело к появлению значительного числа новых базовых и альтернативных учебников по математике);

- стремление к включению общеобразовательных математических курсов в учебные планы на всех ступенях общего и профессионального образования;
- глубокая дифференциация математической подготовки студентов вузов и школьников.

Делегация Академии информатизации образования в составе президента Ваграменко Я.А., ректора ПГУ им. Т.Г. Шевченко Берила С.И., главного учёного-академика секретаря президиума АИО профессора Русакова А.А. была приглашена весной 2014 года Институтом математики и информатики Болгарской академии наук на 43-ю Весеннюю международную конференцию Союза болгарских математиков.

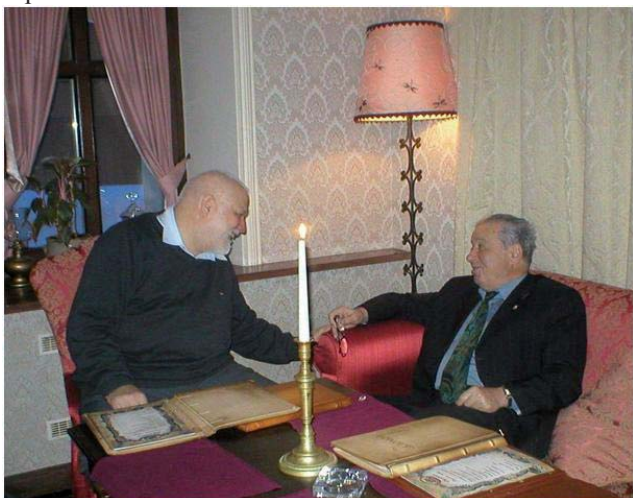

Рис. 1. Академики А.Л. Семенов (Россия) и Б.Х. Сендов (Болгария) обсуждают проблемы развития математического образования (март 2013 г.).

Болгарские ученые осуществляют национальную программу информатизации образования, во многом ориентированную на западные традиции, однако проявляют большой интерес к нашему российскому опыту. И вообще, все то, что касается России, по-прежнему воспринимается там с большой заинтересованностью, сохраняется дух принадлежности к единому славянскому миру.

Мы о многом беседовали с выдающимся ученым, бывшим ректором Софийского университета, президентом Болгарской академии наук, председателем национального парламента, крупным математиком *Благовестом Христовичем Сендовым*, книги которого широко издавались в России, в том числе учебник по математическому анализу, написанный вместе с ректором МГУ им. Ломоносова В.А. Садовничим. Конференция состоялась в г. Боровец, где автор статьи выступил с пленарным докладом. Был организован и хорошо работал круглый стол «Концепции развития математического образования», который проходил под руководством академика РАН, академика и члена президиума РАО А.Л. Семенова, ректора МПГУ. В недрах самой математики (после работ Н. Бурбаки в 1960-70г.) сейчас вновь существенно переоценивается понятие о ее предмете, об исходных и всеобщих его признаках. Это обстоятель-

ство тесно связано с определением природы самой математической абстракции, способов ее выведения, т.е. с логической стороной проблемы, которую нельзя не учитывать при обсуждении уже реализации¹ «Концепции развития математического образования» (и естественно при создании учебного предмета по математике и информатике). Подчеркнем, что в июле 2014 года для ее реализации Минобрнауки России создало Координационную группу, которую возглавил Министр образования и науки Российской Федерации Д.В. Ливанов.

Из активной дискуссии участников круглого стола в г. Боровец, а среди них были представители 7 стран, акцентируем внимание, учитывая утвержденный план мероприятий Министерства образования и науки Российской Федерации, на следующем.

1. Всякий объект информационных технологий проектируется в первую очередь как математический объект. Более того, материальный объект все чаще проектируется сначала в цифровой форме, затем из цифровой формы создается экранный и одновременно материальный образ (трехмерная печать – прототипирование).

2. Математическое образование и математическая деятельность включают сферу прикладной математики и информатики. В частности, создание средств и инструментов ИКТ является прежде всего математической деятельностью.

3. Информационная, цифровая цивилизация, экономика, основанная на знании, требуют новых видов и уровней математической грамотности, культуры и компетентности как от профессионалов в области математики и информатики, так и от простых граждан.

4. Сознательное владение компьютерной техникой также невозможно без математических знаний.

5. Самая важная, сложная и проблемная область цифровых технологий при изучении математики – применение цифровых образовательных ресурсов. Более простая часть – информационные источники, в первую очередь открытый банк заданий, затем учебные тексты (учебники и т.д.).

Нам хорошо известны автоматизированные Пакеты программ электронного тестирования с последующей автоматической проверкой результатов тестирований. Здесь есть еще достаточное количество проблем, наверное, прежде всего связанных с разнообразием видов теста (а значит, и формы ответа), с развитием информационного ресурса эти Пакеты будут совершенствоваться. В современных условиях последовательного увеличения нагрузки преподавателя вуза остро стоит проблема автоматизации всего учебного процесса, и здесь уже есть различные наработки. И неспециалист сознает и понимает, что не всякий ответ математической задачи может быть сегодня проверен с помощью программных средств, а с проверкой и сопровождением самого хода решения трудности могут быть не-

¹ Приказ №765 Минобрнауки России от 3.04.2014 г. Об утверждении плана мероприятий Министерства образования и науки Российской Федерации по реализации Концепции развития математического образования в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2013 г.

преодолимыми. Большая и кропотливая работа требует пересмотра и ревизии лекционных курсов и комплектов задач к ним, позволяя автоматизировать процесс обучения математике.

Педагогическая наука серьезно отстает от практики. Методологической, дидактической проблемой является формирование принципов составления учебных заданий, например по математике, с выполнением требований:

- автоматической проверки решения задачи;
- автоматического сопровождения при решении задачи (говорят об интерактивности Пакета);
- достижением нужного уровня понимания [4];
- сохранением прежнего качества подготовки по математике.

Вспоминая о великом математике, академике АН СССР, академике АПН СССР А.Н. Колмогорове, которого по праву мы называем создателем физико-математической школы-интерната №18, хочется напомнить следующее. В середине 70-х годов прошлого столетия на методическом объединении математиков ФМШ №18(СУНЦ МГУ им. М.В. Ломоносова), как мне, тогда еще студенту, казалось в шутку (есть же самоучитель игры на баяне), а тогда всерьез дискутировался вопрос о создании самоучителя по математике. Эта тема для обсуждения пришла от А.Н. Колмогорова, быть может, как следствие его высказывания: «Мои способности к математике к этому времени уже в значительной мере проявились. Я решал трудные задачи, а в теории ушел много дальше школьных программ. Высшую математику изучал по статьям в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, что не слишком легко, так как статьи эти имели не учебный характер, а, скорее, справочный. Но оформленная мысль стать математиком, исследователем, самому делать в математике серьезные открытия, продвигать математическую науку вперед, пришла не сразу. Скорее всего, в шестнадцать лет» (распространенное высказывание: Колмогоров выучил математику по энциклопедии).

Рис. 2. В «Русском центре» ПГУ им. Т.Г. Шевченко, октябрь 2014. Декан физико-математического факультета Стамов И.Г., профессор Русаков А.А., президент Академии информатизации образования Ваграменко Я.А.

Методические наработки в процессе создания «Самоучителя по математике» известны, существуют и реализуются, особенно в практике дистанционного обучения. Метод проб и ошибок не самое лучшее решение проблемы. Методология систематизации задач в усло-

виях сформулированных требований, с учетом включения в методическую систему обучения закономерностей интеллектуального и духовного развития личности трудная, но решаемая задача.

В октябре 2014 года мы продолжили обсуждение реализации концепции математического образования на конференции Приднестровского государственного университета имени Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь ПМР) в «Русском центре» Коллектив научно-исследовательской лаборатории «Дидактика математики» ПГУ им. Т.Г. Шевченко ознакомил сотрудников лаборатории с результатами исследования, которое проводилось согласно плану по следующим направлениям.

- ✓ Изучение теоретических основ определения качества математического образования.
- ✓ Исследование математической подготовки на уровне начальной школы.
- ✓ Исследование математического образования на уровне основной школы.
- ✓ Исследование управленческих проблем математического образования развивающей направленности.
- ✓ Математическое образование одаренных учащихся и студентов.
- ✓ Математическое моделирование при обучении решению текстовых задач.
- ✓ Формирование универсальных учебных действий и исследовательских компетенций.
- ✓ Проблемы оценки качества математического образования.
- ✓ Разработка концептуальных требований к качеству математического образования.

Об актуальности темы исследования говорит хотя бы тот факт, что наметилась тенденция снижения качества образования, которая выявилась ещё при первых контрольных замерах учебных достижений учащихся начальной и основной школ. Исследования лаборатории «Дидактика математики» социально значимы и открыты, они доступны через наши публикации [5], [6], [7], а рекомендации по использованию моделирования размещены на сайте сотрудника лаборатории с открытым доступом.

Среди принципов математического образования особое место занимает один из кардинальных вопросов: должен ли соблюдаться в вопросах математического образования принцип свободы или оно в значительной мере должно использовать элементы принуждения? Академик РАН В.В. Козлов, считает что азы точных наук нужны каждому: «Учеба в школе – это в принципе не такое уж приятное дело. Скажу жестче; любая школа содержит некий элемент насилия, поскольку ребят заставляют изучать то, к чему у многих из них душа не лежит» (газета Известия 22.01.2010). Старшее поколение помнит, что в Советское время государство контролировало все стороны жизни каждой личности и образование было единым для всех, учились все по единым учебникам, единым предметам, и возможность выбора сводилась к минимуму. Очевидно, однако, и то, что человеку необходимо предоставить возможность выбора. Но без

определённого стимулирования к получению образования массовое образование невозможно. Необходимо именно стимулирование, создание такой атмосферы в обществе, когда образованность, широта взглядов были бы среди основных критериев оценки личности. Видные академики учёные-математики России (А.Н. Тихонов, С.М. Никольский) считали естественным, чтобы в начальной и частично в основной школе свобода выбора была несколько ограничена и чтобы обучение в значи-

тельной мере было единым, но чтобы каждому была понятна его необходимость и разумность, а далее могло бы идти ветвление и «многоуровневость».

Наряду с принципом свободы в вопросах образования рекомендуется руководствоваться принципом разумного консерватизма, включающего в себя преемственность с взвешенным учётом положительного опыта, накопленного отечественным математическим образованием.

Библиографический список (References)

1. <http://www.cso-nms.ru>
 2. *Rusakov A.* The First Student of academician Andrey Nikolaevich Kolmogorov // Springer International Publishing Switzerland 2015, Mathematics, Volume 116, 2015. Pp.125-153.
 3. *Rusakov A.A.* The Academy of Informatization of Education for the development of domestic and international educational space // Informatization of Education and Science №4 (24) / 2014. Pp.119-127.
 4. *Rusakov A. A., Lungu K.N.* Understanding as a pedagogical category. ISBN 978-1-927480-57-1 // Science, Technology and Higher Education: materials of the international research and practice conference, Westwood, Canada, December, 11-12 2012, 2012 / Westwood, Canada, 2012. Pp. 34-39.
 5. *Rusakov A.A. Gaydarzhi G.H.* Theoretical and methodological aspects of the design concept of mathematical education // ISSN 1310-2230 Mathematics and Informatics. Bulgarian Journal of Educational Research and Practice, Volume 57 Number April 2014. Pp.492-502.
 6. *Rusakov A.A.* Methodological aspects of the implementation of the concept of mathematical education in building the information society // Proceedings of the VIII International Scientific Conference "Improving mathematics education - 2014: Problems and Solutions" PMR, Tiraspol, 15-18 October 2014, the publishing house of the Transdniestrian State University 3300 Tiraspol str. Mira 18. Pp. 35- 44.
 7. *Rusakov A.* On the self-learning activities of university students // ISSN 1313-3330 Proceeding of the 43 Spring conference of the Union Bulgarian mathematicians, Borovetz, april 2-6, 2014. Pp.211-217.
-

И.Р. РЫБИНА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра философии, истории и права, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: irina-bolhov@rambler.ru

I.R. RYBINA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of Philosophy, History and Law, Financial University under the Government of the RF
E-mail: irina-bolhov@rambler.ru

**ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ СТУДЕНТОВ – БАЗОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА
ГУМАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**THE STUDENTS' HEALTHKEEPING IS THE BASIC POINT OF THE PROCESS
OF HUMANIZATION OF HIGHER EDUCATION**

Статья посвящена актуальной проблеме здоровьесбережения студентов высшей школы. Автор определяет ряд педагогических условий здоровьесбережения. Наиболее подробно анализируются пути реализации одного из них – организации учебного процесса с учётом физиологических особенностей студентов на примере изучения дисциплины «Иностранный язык».

Ключевые слова: здоровьесбережение студентов, педагогические условия, физиологические особенности студентов, функциональная асимметрия полушарий мозга.

The article is devoted to the urgent problem of the students' healthkeeping of higher education. The author defines the row of pedagogical conditions of healthkeeping. The organization of the educational process taking into consideration the students' physiological peculiarities as an example of the discipline «Foreign language» is analyzed in detail.

Keywords: the students' healthkeeping, pedagogical conditions, the students' physiological peculiarities, functional asymmetry of hemispheres of brain.

В контексте идей гуманизма жизнь человека, его здоровье и благополучие являются непреходящей ценностью. Здоровье – одна из сущностных характеристик человека, определяющая степень жизнеспособности, устойчивости организма в соответствующей среде обитания, возможности реализовать свои биологические и социальные функции.

Идеалом человечества всегда была всесторонне развитая личность, т.е. человек, в котором гармонически сочетается духовное богатство, интеллектуальное и физическое совершенство.

Современный этап развития высшей школы характеризуется интенсификацией учебной деятельности, внедрением новых педагогических технологий, что делает особенно острой проблему организации обучения студентов с целью сохранения их индивидуального здоровья.

Следует, однако, констатировать, что анализ практической деятельности преподавателей высшей школы даёт нам основание отметить, что большинство из них на своих занятиях не осуществляют в системе деятельность по сохранению и укреплению здоровья студентов. Между тем, каждая дисциплина имеет определённые дидактические возможности для организации здоровьесберегающей деятельности в учебном процессе вуза.

Современная педагогика призвана найти такие пути построения образовательного процесса, которые имеют в своей основе главное – сбережение природы человека.

Поэтому создание условий для этого – одно из главных направлений совершенствования учебного процесса.

Если мы говорим о наличии тех или иных «условий», то на первый план выдвигается их философская составляющая, которая выражает отношение предмета к окружающим его явлениям, без которых он существовать не может. Условия составляют ту среду, обстановку, в которой они возникают, существуют, развиваются. Следует заметить, что структура комплекса условий должна быть гибкой, динамичной, отвечающей состоянию системы в данное время.

Системный анализ психолого-педагогической литературы, собственный опыт преподавательской деятельности даёт нам основание утверждать, что педагогическими условиями здоровьесбережения студентов являются:

- организация учебного процесса с учётом физиологических особенностей студентов, имеющих адресный характер;
- последовательная реализация преподавателем здоровьесберегающего потенциала содержания учебных дисциплин;
- обеспечение на занятиях гармонизации здоровьесберегающей среды путём импликации её пространственно-предметного, эмоционального, технологического, социально-ценностного компонентов;
- интенция мотивации на формирование здорового образа жизни;

- формирование психоэмоциональных состояний студентов средствами арт-терапии;
- обеспечение рефлексивной направленности учебной деятельности студентов [2, с. 80].

Акцентируем внимание на путях реализации одного из вышеперечисленных педагогических условий здоровьесбережения студентов высшей школы на примере изучения дисциплины «Иностранный язык».

Реализация педагогического условия – организации учебного процесса с учётом физиологических особенностей студентов, имеющих адресный характер, подразумевает направленность преподавателя на учебные возможности каждого обучающегося с опорой, прежде всего, на успех в достижении положительных учебных результатов, на формирование индивидуального стиля учебной деятельности студентов: предоставление свободы выбора заданий; определение способа учебной работы. Во главу угла ставятся потребности каждого студента, которые становятся решающим фактором выбора содержания и приёмов учебной работы, в частности, введение приёмов рационального выполнения учебных действий (один студент успешно использует словесную форму, другой – графическую, третий применяет индивидуально значимые для него коды, символы, знаки).

В русле гуманистического подхода в контексте реализации данного педагогического условия с целью здоровьесбережения обучающихся преподаватель учитывает личные резервы овладения иностранным языком: развитие инициативы студента (*learner autonomy*), предпочтение работы в малых группах (*learner-central teaching*) или в больших группах (*community language teaching*). Также он создаёт на занятиях особую атмосферу поддержки каждого обучающегося (*supportive environment*), ставит студентов в определённые условия «добывания знаний» (*learning-centred curriculum*) [3, с. 48].

Нейропедагогика рассматривает учебный процесс в виде трёх этапов: мотивационного (установка на предполагаемую деятельность), операционного (обеспечение деятельности), результативного (сравнение предполагаемой оценки с реальной оценкой).

При проведении занятий особое внимание следует уделить индивидуально-личностным проблемам, которые могут мешать успешно осваивать иностранный язык. В частности, это повышенная тревожность некоторых студентов, вызванная различными причинами и препятствующая успешному общению на занятиях (*debilitating anxiety*) [1, с. 38].

Преподавателю желательно знать познавательный стиль и стратегию развития каждого студента (*learner styles and strategies*), чтобы разработать педагогические методы и приёмы в соответствии с их индивидуальными возможностями. «Кинестетикам» надо проговаривать изучаемый материал, «аудиторы» слушают новый материал очень внимательно и используют слуховые ассоциации. «Визуалы» всегда опираются на зрительные образы и наглядную память. Познавательные стили за-

висят от межполушарной асимметрии головного мозга.

Таким образом, оптимальные условия для реализации индивидуальных возможностей студентов могут создаваться с учётом мозговой организации познавательных процессов.

Обозначим пути создания ситуации успеха на вышеописанных этапах учебного процесса с учётом функциональной асимметрии полушарий.

Прежде всего, предпочтительно определить место при проведении занятий в аудитории для каждого студента. Известно, что познавательная активность, первично возникающая в одном из полушарий, вызывает движение глаз. Правополушарные обучающиеся отводят глаза влево, а левополушарные – вправо. Таким образом, для правополушарного студента наиболее значима левая полусфера пространства. Следовательно, ему надо дать рекомендации, чтобы он сел на занятии так, чтобы доска и преподаватель находились слева от него, а для левополушарного студента – наоборот.

Задача мотивационного этапа – сформировать мотив достижения. Для правополушарных студентов надо делать упор на социальную значимость, авторитет, престижность положения в коллективе. Задания для них должны быть творческие, а преподносимая информация иметь связь с практикой. Их левая полусфера – рабочая, поэтому доска в аудитории предпочтительнее более светлого тона, а мел лучше тёмный. Для левополушарных важно делать упор на познавательные мотивы. Работать такие студенты предпочитают самостоятельно. У них рабочая полусфера – правая, цветовая организация – тёмная доска, светлый мел.

На операционном этапе студенты с доминированием правого полушария не всегда логически правильно строят свою речь, допускают смысловые пропуски. Обучающиеся с доминированием левого полушария почти всегда применяют правила, хорошо контролируют свою речь, но им трудно даётся обобщение материала, аннотирование иностранных текстов, они медленно делают письменные задания. Правополушарные студенты усваивают знания от целого к части. Левополушарные – от части к целому.

Студенты с разными познавательными стилями могут компенсировать способности друг друга. Человек с доминированием правого полушария может показать своему товарищу такие операции, как синтез, использование различных схем, поиск необходимой информации, выделение сути. Обучающийся с доминированием левого полушария хорошо выделяет нужные детали, создаёт категории, выявляет различия.

На результативном этапе результат деятельности должен превратиться в эмоциональный стимул, в осознанный мотив. Для правополушарных студентов предпочтительнее вопросы «открытого» типа, ограниченное время выполнения заданий, устный опрос. Для левополушарных – вопросы «закрытого» типа, письменные ответы, не ограниченные временем. Это даст возможность раскрыть свои способности к анализу.

На практических занятиях по иностранному язы-

ку студентам с доминированием правого полушария даются творческие общие и индивидуальные задания, новая информация всегда должна иметь связь с практикой. При составлении диалогов и полилогов им предлагается речевая ситуация, где не помогает применение известного алгоритма действий. Предлагать наглядную информацию для них лучше в виде таблиц (например, при активизации видо-временных форм глагола), разнообразных графиков. Такие студенты сами часто графически оценивают свои достижения, отражающие их успехи в определённом виде деятельности, в частности, в скорости и правильности чтения, изучения иностранных слов и т.д. Правополушарным студентам предоставляется возможность самостоятельного выбора заданий. Таким обучающимся часто адресуется вопрос: в чём суть того или иного текста, научной статьи, рассказа? При грамматическом анализе видо-временных форм глагола, различных текстов преподавателям необходимо так преподносить информацию, чтобы такие студенты усваивали знания от целого к части.

Методы и приёмы обучения правополушарных студентов опираются на дедукцию, синтез, гештальт (образ), оперирование пространственными связями, образные представления.

Обучающимся с доминированием левого полушария при организации их учебной работы даются точные инструкции, им предлагается письменное решение небольших заданий, позволяющее проявить свои способности к анализу. Они успешно работают с текстами, вопросами, к которым надо подобрать ответы из предлагаемых вариантов. Обобщение материала даётся им трудно, поэтому преподавателю, давая задания, например, составить аннотацию к тексту, лучше сначала познакомить их с планом. Левополушарные студенты более успешно справляются с задачами, где надо отделять главное от второстепенного, выявлять различия. При организации работы с темами устной речи такие студенты воспроизводят тексты почти дословно (в отличие от студентов с доминированием правого полушария). Для них приемлемо самооценивание, они с удовольствием

находят ошибки у себя, у партнёра, в словах и текстах. Работая с грамматическим анализом видо-временных форм глагола, текстами, преподавателю лучше преподносить информацию от части к целому.

Методы и приёмы обучения левополушарных студентов опираются на индукцию, анализ, усвоение правил, грамматических моделей, конструирование и т.д.

При возможной реализации данного педагогического условия будет происходить поддержка доминанты преподавателя. Он находится в активном поиске. Вместе с тем, поддерживается доминанта студентов. Но существует следующая проблема: индивидуальные познавательные стили преподавателя и отдельных студентов могут не совпадать. В таких случаях необходимо искать компромисс.

Постоянное отслеживание состояния здоровья студентов (совместно с медицинским работником, психологом, куратором группы), их физиологических особенностей, отслеживание и анализ полученных результатов позволит преподавателям систематически корректировать свои педагогические действия по более эффективной работе по здоровьесбережению студентов. По нашим наблюдениям, при реализации данного педагогического условия изменяются критерии оценки успешности педагогической деятельности, в целом. Происходит переосмысление результативности деятельности, и вместе с таким критерием, как повышение успеваемости, становятся всё более актуальными и следующие: интерес студентов к знаниям, положительная самооценка преподавателей и студентов, личностное удовлетворение, отсутствие неврозов и отрицательных эмоций у всех участников учебного процесса. Такое отношение к оценке результативности своей деятельности свидетельствует о том, что преподаватели высшей школы могут преодолеть традиционные установки, переоценить ценности педагогической деятельности с тенденцией к здоровьесбережению студентов – базовой составляющей процесса гуманизации высшего образования.

Библиографический список

1. Мильруд Р.П. Гуманистические традиции. Иностранные языки в школе. 2004. № 3. С. 38-40.
2. Рыбина И.Р. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей компетентности учащихся на уроке: Дис. ... канд. пед. наук. Орёл, 2011. 199 с. Библиогр.: С. 164-177.
3. Ehman M. Understanding School Language Learning Difficulties. London State Publications, 2010.

References

1. Milrud R.P. Humanic traditions. Foreign languages at school. 2004. № 3. Pp. 38-40.
2. Rybina I.R. The pedagogical conditions of the formation of healthkeeping competence of students at the lesson : Diss. ... of cand. of ped. sciences. Orel, 2011/ 199 p. Bibliogr.: Pp. 164-177.
3. Ehman M. Understanding School Language Learning Difficulties. – London State Publications, 2010.

УДК 378

UDC 378

Д.В. СТЕПАНЕНКОВ

соискатель, Орловский государственный университет
E-mail: dvstepan14@mail.ru

D.V. STEPANENKOV

Applicant, Orel State University
E-mail: dvstepan14@mail.ru

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ
В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**

**THE PEDAGOGICAL CONDITIONS OF IMPLEMENTATION
OF PROBLEM EDUCATION TECHNOLOGY IN THE TEACHING OF PHILOSOPHY IN THE HIGHER EDUCATION**

Современное информационное общество требует от будущего специалиста иметь продуктивное мышление и информационную культуру. Отечественное образование адаптирует существующие дидактические средства к достижению новых целей. Для определения эффективности применения технологии проблемного обучения на основе метода моделирования педагогических процессов выявлены условия ее реализации в преподавании философии в высшей школе.

Ключевые слова: технология проблемного обучения, продуктивное мышление, информационная культура, интегративность знаний, интерактивные методы.

Modern information society requires a future specialist to have productive thinking and information culture. National education adapts existing tools to achieve new goals. To determine the effectiveness of usage of problem education technology, the conditions of its implementation in the teaching of Philosophy in the higher education are identified basing on the method of pedagogical processes modeling.

Keywords: problem education technology, productive thinking, information culture, integrativity of knowledge, interactive methods.

Принято считать, что между двумя крайними точками зрения лежит истина.

Ничего подобного – там лежит проблема.

И.Ф. Гёте

Отечественный опыт инновационной деятельности высших учебных заведений наметил стратегическое направление в решении сложных задач, стоящих перед современным образованием. Эти задачи ориентированы на обновление методического обеспечения образовательного процесса на основе переосмысления уже применяемых в преподавании вузовских дисциплин технологий обучения. Реалии сегодняшнего мира и современные педагогические взгляды отечественных ученых свидетельствуют о необходимости широкого внедрения в образовательный процесс интерактивных методик на основе применения технологии проблемного обучения. Для эффективного внедрения технологии проблемного обучения требуется научный анализ ее дидактического потенциала в инновационных условиях развития высшей школы.

Известно, что между становлением информационного общества и кардинальными изменениями в образовании существует причинно-следственная связь. Она отражает кардинальные изменения в сфере производства и потребления информации и знаний. Суть их сводится к тому, что главной преобразующей силой общества в настоящее время становятся знания и информация. Быстротечность, новизна, ускорение развития и

протекания разнообразных процессов в науке, экономике, политике являются наиболее характерными чертами современной жизни общества. Цикл обновления как производственных, так и социальных технологий заметно опережает темпы смены поколений человечества и составляет всего несколько лет. В силу этого, непрерывное образование и способность к переквалификации является важным условием сохранения социального статуса личности: сейчас судьба каждого человека зависит от способности своевременно находить, получать, адекватно воспринимать и интегрировать в профессиональную деятельность новую информацию.

Важным следствием особенностей развития информационного общества для системы образования является потребность в создании такого инструмента, с помощью которого можно следить за качеством информационной подготовки личности, ее готовностью жить в информационном обществе. Таким инструментом может стать технология проблемного обучения, обеспечивающая формирование у личности продуктивного мышления и информационной культуры.

Технология проблемного обучения не нова и применяется в отечественном образовании достаточно давно. Однако, современные дидактические подходы (компетентностный, акмеологический, культурологический, полисубъектный и др.) существенно расширяют возможности использования проблемного обучения в преподавании разных дисциплин. С другой стороны, они

же задают и новые императивы к результату обучения на основе требований государства, различных ведомств, общества в целом к подготовке будущего специалиста.

Эффективность любого процесса или объекта всегда зависит от целого ряда факторов, которые можно обозначить как условия. Философский словарь дает следующее определение термина: «условие» – это то, от чего зависит что-то другое, называемое «обусловленное»; как важный компонент комплекса объектов, существование которого и порождает само явление, процесс, состояние и т.п. [7, С. 707.] Иными словами, условия рассматриваемого явления составляют целостную с ним среду, в которой оно возникает, существует, развивается.

В педагогике под «условиями» понимаются обстоятельства, факторы, такая сторона закономерности образовательного процесса, без которой он не может существовать, а наличие комплекса таких условий способствует его успешной реализации, эффективному формированию целостной педагогической системы [4]. Ипполитова Н. рассматривает педагогические условия в качестве составного элемента педагогической системы, эффективность функционирования которой напрямую зависит от их выбора и реализации [1].

Таким образом, для того чтобы определить эффективность применения технологии проблемного обучения в современных условиях целесообразно рассмотреть условия, в рамках которых она будет реализовываться.

Рассмотрим, как связаны условия реализации технологии проблемного обучения с другими ее компонентами. (рис.1.)

Основополагающим для формирования информационной культуры и продуктивного мышления обучающегося в высшем образовательном заведении являются требования государства и общества к качественной подготовке конкурентоспособного специалиста. В наиболее общем виде они воплощаются в социальном заказе общества. Социальный заказ представляет собой определенные запросы и требования, предъявляемые учебному заведению по вопросу подготовки такого специалиста. Эти требования могут быть различными в силу того, что субъектом социального заказа выступают разные структурные элементы общества: от государства и профессиональных коллективов до семьи и приоритетных социальных групп. Все они привносят свои аспекты социального заказа в образование, выражающиеся такими понятиями, как «востребованность», «престиж», «приоритет», «рейтинг» и т.п. В условиях развития информационного общества актуальны требования к обладанию специалистом критическим и творческим мышлением, наличию у него умений формулировать проблему и находить способы ее решения, способностей к обработке больших объемов информации или к действиям в условиях ее нехватки. Конкретных субъектов социального заказа, выступающих с определенными прописанными требованиями и следящих за их выполнением, обозначают как заказчики образования. Основным заказчиком образования выступает государство, представленное

различными ведомствами. Кроме того, важнейшим заказчиком является сам обучающийся, что выражается в свободном выборе будущей профессии в соответствии с собственными способностями, желаниями, представлениями.

Нормативность требований социального заказа по изучению дисциплины «Философия» реализуется в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), программах обучения, а также квалификационных требованиях к выпускнику вуза, определяющих необходимость выработки у обучающихся в образовательном учреждении общекультурных и специальных компетенций, профессионального мировоззрения.

В целом на основе социального заказа общества, требований заказчика и Федеральных государственных образовательных стандартов формируются цели обучения по развитию творческой и самостоятельной личности, выражению человеком активной гражданской позиции, обретению им готовности к профессиональной деятельности. Такими целями, конкретизированными в задачах подготовки будущего специалиста в условиях информационного общества, становятся: развитие мировоззрения человека, формирование у него информационной культуры и развитого продуктивного мышления.

Педагогические подходы и принципы составляют теоретическую основу педагогической технологии и помогают реализовать на практике функции образовательного процесса. Они носят характер норм, правил, указаний, представленных в наиболее общем виде и регламентирующих организацию образовательного процесса. Таковыми в нашей работе являются компетентностный, гносеологический, полисубъектный подходы и принципы: интегративности знаний, продуктивности, рефлексии.

Модель применения технологии проблемного обучения дисциплине «Философия», рассматриваемая в данной статье, отражает инвариантный характер совокупности различных видов деятельности преподавателя, в том числе технической и педагогической, и, следовательно, их содержательных компонентов. Среди основных составляющих педагогической деятельности современные ученые выделяют проектировочный, конструктивно-организаторский и проверочно-коррекционный блоки. Проектировочный блок включает в себя формулирование на основе входной информации основных целей и задач, активизацию определенных мотивов у субъекта деятельности. Конструктивно-организаторский блок отвечает за планирование действий субъекта по достижению целей и их реализацию в конкретных видах деятельности. Наконец, проверочно-коррекционный блок представляет собой процесс соотнесения результатов деятельности с исходными целями. Кроме того, важным фактором является гностический компонент, обеспечивающий получение и передачу информации обо всех других составляющих и происходящих процессах [3, 5, 6].

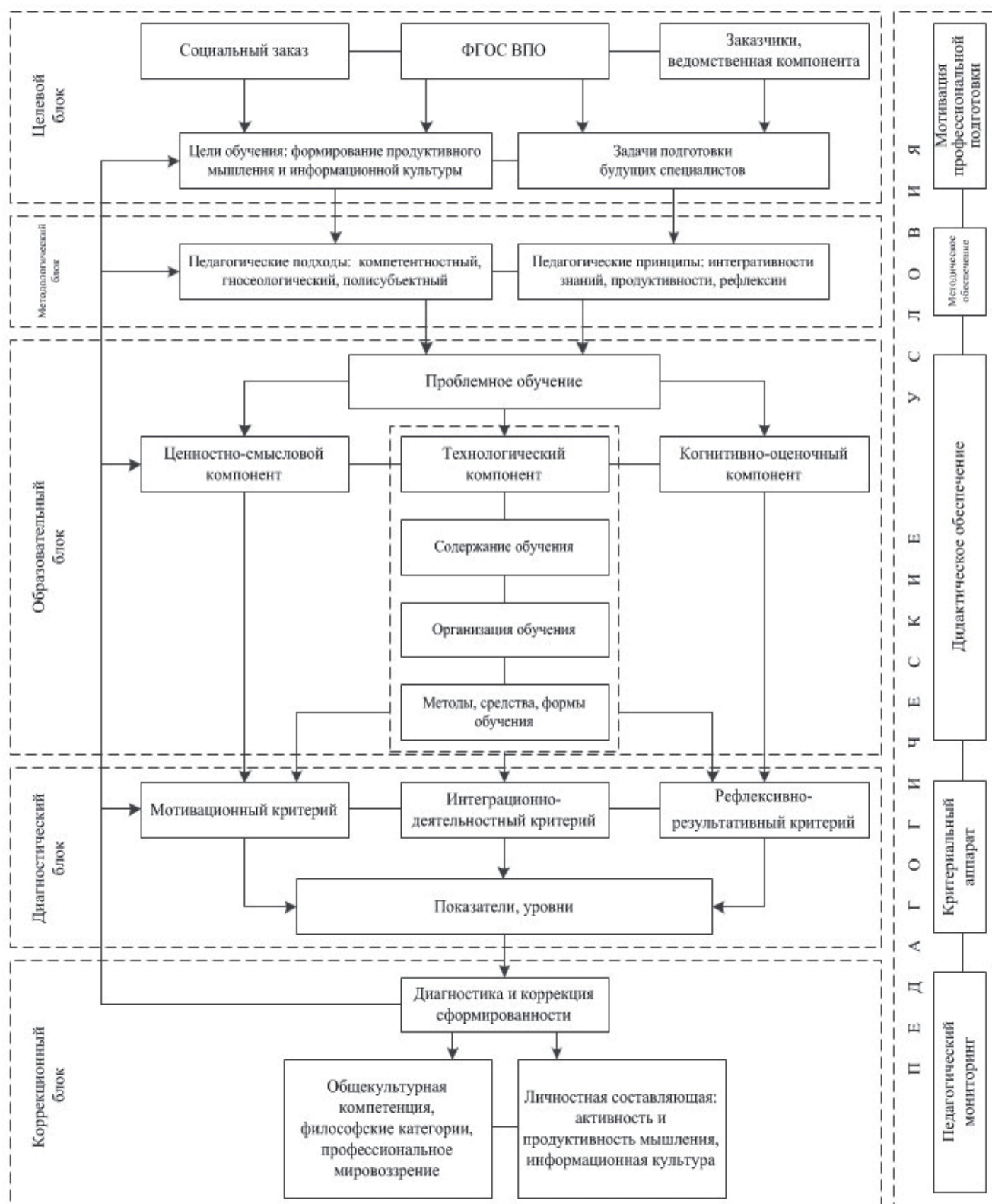

Рис.1. Модель эффективного применения технологии проблемного обучения в преподавании дисциплины «Философия» в высшей школе.

Перечисленные универсальные элементы деятельности позволяют определить следующие необходимые структурные компоненты представленной в статье модели: *ценностно-смысловой компонент* (постановка и осмысление обучающимися индивидуальных целей обучения, формирование у них мотивов и потребностей в достижении этих целей и задач), *технологический компонент* (определяющий собственно образовательную деятельность и включающий, с одной стороны, как деятельность педагога, так и обучающегося, а с другой стороны, отражающий как содержательные, так и процессуальные аспекты взаимодействия субъектов образовательного процесса), *когнитивно-оценочный компонент* (получение итоговых результатов деятельности и определение степени достижения желаемых показателей).

Ценностно-смысловой компонент разработанной модели реализации технологии проблемного обучения можно определить как сложную многомерную структуру, включающую потребности, мотивы, установки, смыслы, цели субъектов образовательного процесса и т.п. В ней происходит переход внешних по отношению к обучаемому общественных потребностей и целей обучения во внутренние индивидуальные смыслы и мотивы проявления активности. Полного совпадения внешних и внутренних целей обучения можно достичь только в идеальном случае, когда индивидуальная система мотивации будет полностью повторять структуру общественных потребностей и ценностей. Поскольку на практике идеал редко бывает реализуемым, то задачей образования в таком случае и будет являться формирование на основе общественных ориентиров индивидуально значимых смыслов в виде конечных целей образования.

Технологический компонент модели представляет собой взаимосвязанные содержание и организацию образовательного процесса, а также методы, средства и формы обучения. Содержательная сторона обучения включает в себя продукт учебной деятельности, подлежащий усвоению обучающимся. Это система знаний в изучаемой предметной области, а также овладение обобщенными и частными приемами и способами оперирования знаниями. На основе таких приемов происходит формирование умений и навыков. С точки зрения проблемного обучения содержание находит свое выражение в проблемных вопросах, ситуациях, задачах. Организационный аспект технологического компонента отражает вопросы подготовки и исполнения образовательных действий. Их можно рассматривать также как дидактически обоснованную, непрерывную и последовательную смену шагов в обучении, в результате которой обучающийся усваивает содержание обучения. В образовательном процессе содержание и организация обучения представляются в конкретных методах, средствах и формах, разрабатываемых для отдельных тем и занятий, и самостоятельно применяемых педагогами. Технологизация компонента в целом заключается в разработке таких методов обучения, реализация кото-

рых гарантирует достижение необходимого результата. Интерактивный характер методов, используемых в преподавании философии в вузе, позволяет вовлечь самих обучающихся в процесс формирования у них профессиональных и общекультурных компетенций, сделать этот процесс более интенсивным и эффективным. Например, применение исследовательского метода, метода проблемных ситуаций, портфолио и других [2].

Наконец, когнитивно-оценочный компонент модели позволяет педагогу и обучающемуся оценить достигнутые в учебной деятельности результаты, проанализировать и отразить их, сопоставляя их с установленными ранее основными и частными целями. Такой анализ результатов подразумевает оценивание по определенным параметрам, отражающим содержание и структуру образовательной деятельности, а также распределение оценок по нескольким уровням, соответствующим разной степени сформированности этих параметров.

Важными элементами образовательной технологии проблемного обучения являются диагностическая и коррекционная составляющие. Для оценки степени достижения поставленных целей необходима разработанная система критериев, показателей и уровней, позволяющая всесторонне изучать все элементы педагогического процесса и отслеживать происходящие в нем изменения.

С диагностикой непосредственно связана коррекция: коррекционная деятельность проводится педагогом на основе результатов, полученных на диагностическом этапе реализации технологии проблемного обучения. В зависимости от полученных результатов коррекционными изменениям могут быть подвержены все остальные элементы технологии: целевые, теоретические, деятельностные.

Рассмотрев основные элементы технологии проблемного обучения, целесообразно определить связанные с ними педагогические условия, то есть те факторы и обстоятельства, от которых эти элементы непосредственно зависят.

Педагогические условия применения технологии проблемного обучения, позволяющей более эффективно оказывать воздействие на формирование продуктивного мышления обучающихся, их информационной культуры и профессионального мировоззрения, определяют функционирование всех этапов реализации технологии. Соответственно, комплекс условий, также взаимосвязанных друг с другом, представлен мотивационными, методическими, дидактическими, диагностическими и коррекционными условиями. Формирование мотивации обучающихся к профессиональной подготовке выступает важным педагогическим условием, без которого невозможно реализовать все другие. Методическое обеспечение образовательного процесса обуславливает выбор адекватных теоретических подходов, принципов, соответствующих теорий и педагогических концепций. Дидактическое обеспечение представляет собой наиболее обширную совокупность условий эффектив-

ного функционирования образовательного процесса. Применительно к реализации технологии проблемного обучения они включают создание и использование в образовательном процессе интерактивных методов, специально адаптированных к дисциплине «Философия», а также дополнительных факультативных курсов или лекториев. Разработанный критериальный аппарат оценки эффективности применения технологии проблемного обучения выступает в качестве важного диагностического условия, поскольку позволяет правильно воспринимать и отражать происходящие в педагогической системе процессы. Воздействия, оказываемые образовательной средой, педагогом, взаимоотношениями с другими обучающимися, и даже содержанием дисциплины, необходимо правильно распознать и адекватно квалифицировать, что и позволяет сделать разработанная система критериев и показателей. Наконец, педагогический мониторинг необходим для наблюдения за происходящими в системе изменениями и своевременного коррекционного вмешательства, с целью усиления благоприятного эффекта и нейтрализации нежелательных последствий.

Используя технологию проблемного обучения, пре-

подаватель философии ставит перед собой цели по развитию умений личности в плане организации совместной деятельности, основанной на принципах сотрудничества, понимания и уважения чужой точки зрения, ведения делового обсуждения сложных вопросов современности. В отличие от традиционного обучения данная технология способна вызвать у обучающихся эмоциональные переживания, связанные со стремлением к общему успеху и коллективным достижениям в процессе рассмотрения практико-ориентированных ситуаций.

Таким образом, можно заключить, что при условии реализации предложенной автором статьи модели в образовательной среде вуза будут обеспечиваться высокий уровень гуманитарной подготовки, активизация творческой деятельности обучающихся, повышение их мотивации и интереса к дополнительной подготовке по наиболее важным и сложным вопросам дисциплины «Философия», участие обучающихся во внеаудиторной научно-исследовательской деятельности кафедр, умение работать как индивидуально, так и в коллективе, способность логически мыслить, давать анализ и разрабатывать сценарии профессиональных ситуаций, принимать на этой основе компетентные решения.

Библиографический список

1. *Ипполитова Н., Стерхова Н.* Анализ понятия «Педагогические условия»: сущность, классификация // Общее и профессиональное образование. 2012. № 1. С. 8-14.
2. *Кошелева А.О.* Развитие способностей магистрантов к научно-исследовательской деятельности. Под общей ред. А.О. Кошелевой. Елец: ЕГУ им. И.Н. Бунина. 2014. 87 с.
3. *Кузьмина Н. В.* Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высшая школа, 1990. 117 с.
4. *Куприянов Б.В., Дынина С.А.* Современные подходы к определению сущности категории «педагогические условия» // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2001. № 2. С. 101-104.
5. *Ломов Б.Ф.* Системность в психологии. М.: НОУ ВПО МПСИ, МОДЭК. 2011. 424 с.
6. *Марков М.* Теория социального управления. М.: Прогресс. 1978. 448 с.
7. *Философский энциклопедический словарь.* Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия. 1983. 840 с.

References

1. *Ippolitova N., Sterhova N.* The analysis of the concept "Pedagogical conditions": the nature, classification // General and professional education. 2012. № 1. Pp. 8-14.
2. *Kosheleva A. O.* the Development of abilities of undergraduates in research activities. Under the general editorship of A.O. Kosheleva. Bunin Yelets State University. 2014. 87 p.
3. *Kuzmina N. V.* Professionalism of teachers and masters of industrial training personality. M.: Vysshaya Shkola. 1990. 117p.
4. *Kupriyanov B. V., Dynina S. A.* Modern approaches to define the essence of the category "pedagogical conditions" // Bulletin of the Nekrasov Kostroma State University. 2001. № 2. Pp. 101-104.
5. *Lomov B. F.* Consistency in psychology. M.: NOU VPO MPSI, MODAK. 2011. 424 p.
6. *Markov M.* The theory of social management. M.: Progress. 1978. 448 p.
7. *The philosophy encyclopedic dictionary.* General editor: L. F. Iliichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. M.: Soviet encyclopedia. 1983. 840 p.

А.А. СУХОРИКОВА

соискатель, кафедра непрерывного обучения и новых образовательных технологий, Орловский государственный университет
E-mail: annrosel@mail.ru

A.A. SUHORUKOVA

Applicant, Department of continuing education and modern educational technologies, Orel State University
E-mail: annrosel@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-ЦЕННОСТНОГО ПОДХОДА В ВЕДОМСТВЕННОМ ВУЗЕ

ACTION-VALUE APPROACH REALIZATION P OF ECULIARITIES IN DEPARTMENTAL INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION

В статье рассматриваются современные тенденции, характерные для подготовки специалистов ведомственных вузов. Уделено внимание требованиям, предъявляемым к военным специалистам, окончившим военный вуз.

Ключевые слова: *деятельностно-ценностный подход, компетентностный подход, компетенция, задания репродуктивного характера, современные информационные технологии.*

The article considers modern tendencies peculiar for specialists training in departmental institutes of higher education. Some attention is given to the military institutes' graduates demands.

Keywords: *activity-value approach, competence approach, competence, reproductive type tasks, up-to-date information technologies.*

Современные тенденции развития общества свидетельствуют о том, что к выпускникам ведомственных вузов технического профиля предъявляются требования, предполагающие подготовку высококвалифицированных, мобильных в профессиональной сфере специалистов, готовых к решению сложных задач с применением современной техники. Это связано с тем, что постоянно совершенствуются технологии производства, наука стремительно наращивает свой потенциал, совершенствуется военная техника. Никого уже не удивит современными возможностями уровнем информационного обеспечения технологий производства и скоростью изменения требований к его продукции. Следовательно, начинающие специалисты (выпускники технических вузов) должны быть готовы к решению задач по конструированию и разработке современных технологий, к новым требованиям со стороны заказчиков [4]. Отметим, что при введении современных требований к подготовке специалистов в соответствии с ФГОС ВПО и реализации компетентностного подхода в образовании ведомственные вузы выступают как разработчики и зачастую конструкторы моделей специалистов технического профиля.

Построение подобных моделей невозможно без применения современных подходов в подготовке специалистов в вузах, среди которых деятельностный подход занимает особое место. Следует отметить, что некоторые особенности формирования профессиональных качеств специалиста возможно рассматривать как результат применения современных педагогических подходов, их взаимодействия и взаимопроникновения.

Обширный анализ теоретических источников позволяет сделать вывод о том, что педагогические подходы возникли как результат глубокого переосмысления теории и практики педагогической науки и образования. Они диалектически связаны между собой. Взаимосвязи различных подходов (личностно-ориентированного, профессионально-ориентированного, компетентностного и др.) определяются их взаимопроникновением, взаимообусловленностью и взаимодополняемостью, однако сохраняют характерологические черты и смысловые доминанты каждого [1].

Учитывая, что педагогический подход – это совокупность методологических приемов, обеспечивающих анализ различных образовательных сред через призму системообразующих понятий, можно констатировать, что каждый из подходов может быть представлен как некий самостоятельный исследовательский инструмент, позволяющий анализировать преобразование личностных качеств будущих специалистов, а также сферы деятельности отношений индивида.

Необходимо, в рамках статьи, пояснить, что подходы, в том числе и деятельностно-ценностный, имеют междисциплинарное содержание, однако разнообразны по формам реализации. Каждый из них имеет специфические черты, характеризующие их как самостоятельные научные подходы, использующие свои собственные цели, методы, формы, результаты.

Вместе с тем, применение рассматриваемых подходов в практике преподавания технических дисциплин «снимет» узкую научную ориентированность, расширит основы и содержание деятельностно-ценностных

задач, решаемых будущими выпускниками технического вуза.

Каждый из педагогических подходов способствует научному обоснованию, выдвигаемых на современном этапе развития высшей школы идей и технологий на основе сочетания коллективных, групповых и индивидуальных форм их реализации, тем самым обогащая теорию и практику высшего образования новыми процессуальными умениями субъектов, развитием их способностей, творческим решением проблем с выходом на индивидуализацию образовательных программ.

Обращаясь к проблемам внедрения компетентностного подхода, отметим, что он имеет особое значение в развитии общекультурных, общепрофессиональных и специальнопрофессиональных компетенций выпускников ведомственных вузов, связанных с овладением различными способами добывания, обработки и использования информации, развитием коммуникативных, творческих и рефлексивных способностей, сопряженными с самоопределением и формированием самооценки личности.

Исследователь А.О. Кошелева характеризует ценностно-смысловые компетенции, понимая их как способности, связанные с ценностными ориентациями обучающихся, их умением видеть и понимать окружающий мир, ориентироваться в нем, осознавать свою роль и предназначение, уметь выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, принимать решение.[2]. Компетентностный подход психолог-педагог И.А. Зимняя представляет как подход, обеспечивающий достижение личностного понимания ценности бытия, жизни, ценностей культуры, науки, производства.

Необходимо отметить, что понятие «компетенция», на текущий момент развития педагогической науки, применяют как расширение ранее существующей парадигмы (знания, умения, навыки), позволяющей описывать образовательный процесс с позиции интегративного результата формирования и развития ключевых компетенций в процессе обучения будущего специалиста в вузе. Компетенции закладываются в образовательный процесс путем применения различных педагогических технологий, среди которых особое место занимает технология деятельностно- ценностного обучения. [1].

К основным профессиональным компетенциям, формируемым у специалистов технического профиля, в процессе обучения в высшей школе, относятся: математическая, информационная, техническая и др. Вместе с тем, для будущего профессионала технического профиля важны: владение иностранными языками, цифровой техникой и телекоммуникациями, коммуникацией в профессиональном коллективе. [2]. Креативность, инициатива, способность решать проблемы, принимать решения, связанные с определенным риском, и управлять собственными эмоциями – все это является необходимым «набором», характеризующим компетентного специалиста, выпускника вуза.

Вместе с тем, основной компетенцией при подготовке инженеров, работающих в разных направлениях,

является способность к применению фундаментальных знаний по профилирующим дисциплинам на практике. Формирование такой компетенции позволит специалистам находить решение проблемы в различных областях инженерного дела, что подразумевает способность специалиста использовать научные понятия и данные для корректного их применения при решении специфических профессиональных задач. А это требует сформированных способностей к рассуждению и аргументации, к применению научных принципов на практике, к интерпретации информации и т.д.

Компетентностный подход применяется преподавателями вузов в единстве с деятельностным.

Деятельностный подход предполагает формирование профессионально важных качеств личности. В основе деятельностного подхода лежит теория деятельности, которая подразумевает формирование и развитие личности обучающегося через деятельность.[3]. Психологи-педагоги утверждают, что через деятельность рождается личность, определяются и совершенствуются отношения. Деятельность как основная целевая развивающая установка определяет четкий порядок. Через деятельность военный специалист получает и совершенствует полученные знания, выступая субъектом. Для формирования деятельностно-ценностной модели подготовки специалиста необходимо целостное представление о технологии обучения: цель – мотивы – методы, формы, средства – способы, операции – результат – коррекция.

Педагоги считают, что деятельность есть «мера активности личности» (Г.И. Щукина) или же активная форма проявления отношений (деловых, профессиональных и т.д.) (Н.Е. Щуркова). При этом важно, чтобы на этапе понимания цели обучения раскрывалась ее значимость и важность для обучающегося. Таким образом, путем осознания поставленных целей происходит последующая их трансформация в побуждения самой личности, в ее внутренние стремления, т. е. формируются мотивы поведения. Назначением любой деятельности является ее включение в систему знания субъекта и, как итог, преобразует восприятие действительности. Способы, операции, умения являются операционной стороной деятельности. Такие операторы предметных действий в различных отраслях носят различные названия: с точки зрения психологии – способы, операции, с точки зрения педагогики – умения. Для того чтобы деятельность состоялась, необходимо наличие умений. Отсюда следует, что обучение умениям будущих специалистов является необходимой частью образования, а их формирование и развитие невозможно без их участия в учебной и научной деятельности.

Любая деятельность предполагает результат. С точки зрения психологии и педагогики личности результат – это показатель развития личности. С результатом сопряжена оценка и самооценка личности, ее социальный статус. Вопрос оценки результата носит двойственный смысл: материальный и интеллектуальный. С точки зрения материального осмысления результат представляет собой некоторые достигнутые цели в фор-

ме решенной задачи, построенного алгоритма решения деятельностно-ценностных задач. С позиции интеллектуального анализа результата приобретение новых качеств личности либо их развитие определяется умениями, приобретенными посредством выполняемой деятельности.

Таким образом, умелое использование деятельностно-ценностного подхода позволяет преподавателю ведомственного вуза разработать дидактический комплекс преподаваемых дисциплин с учетом современных информационных технологий.

Для преподавателей при реализации деятельностно-ценностного подхода в преподавании технических дисциплин важно учитывать определение объема и структуры учебного материала, знаний, умений, навыков и задачи по формированию профессиональных компетенций, определяемых ФГОС ВПО.[4].

Очень важно нацелить обучающихся на самостоятельную работу в процессе реализации деятельностно-ценностного подхода в преподавании технических дисциплин: для тех, у кого низкий уровень самостоятельности, необходимо предлагать задания на усвоение фактологического материала; для обучающихся со средним уровнем самостоятельности – на расширение и углубление понятий, применение на практике усвоенных правил, законов и теорий; для курсантов с высоким уровнем самостоятельности – на творческое осмысление фактов, теорий и законов науки, нахождение различных способов решения проблем, использование знаний в новых ситуациях.

При реализации деятельностно-ценностного под-

хода преподавателю желательно начинать учебный процесс с выявления субъективного опыта обучающихся, уровня базовой подготовки и интересов курсантов, проведения психолого-педагогической диагностики ценностей личности обучающегося в ведомственном вузе. Для обучающихся с низким уровнем познавательной самостоятельности должны быть запланированы сильные задания репродуктивного характера: изучить самостоятельно тот или иной вопрос, тему; сделать расчеты по заданному алгоритму; выполнить указанные задания по данному образцу.

Вместе с тем, задачи по подготовке специалистов в ведомственном вузе требуют качественной подготовки специалистов, а значит, необходимо проводить специально организованные занятия для повышения интеллектуального уровня будущих специалистов в рамках элективных курсов.

В заключение следует сделать вывод, что деятельностно-ценностный и компетентностный подходы желательно реализовывать во взаимосвязи, взаимопроникновении и преемственности в преподавании технических дисциплин в вузе.

Для формирования профессиональных качеств и компетенций современного военного специалиста технического профиля преподавателю следует руководствоваться требованиями государственных образовательных стандартов с учетом возможности варьирования содержанием и технологиями обучения с целью достижения качества образования. Достичь этого возможно, применяя деятельностно-ценностный подход как один из перспективных в инновационных условиях высшей школы.

Библиографический список

1. Журавковский В.В. Компетентность. Инициатива. Ответственность. // Высшее образование в России. 1997. № 3. С. 5–12.
2. Кошелева А.О. Концептуальные подходы к подготовке личности – зрелого специалиста в условиях вуза. // Высшее образование сегодня. 2009. № 3. С. 71–73.
3. Симонов В.П. Образовательный процесс как социальная и деятельностная система. // Педагогический менеджмент: наука в образовании: учеб. пособие. М.: Высшее образование. 2006. С. 5–51.
4. Факторович А.А. Принципы управления качеством образования в вузе в условиях реализации ФГОС// Высшее образование в России. 2010. № 12. С. 40–48.

References

1. Zhurakovsky V.V. Competence. Initiative. Responsibility. // Higher education in Russia. 1997. № 3. Pp. 5–12.
2. Kosheleva A.O. Conceptual approaches to preparation of mature personality-specialist at the university. // Higher education today. 2009. № 3. Pp. 71–73.
3. Simonov V.P. Education process as a social and activity system. // Pedagogical management: know-how in education: tutorial. M.: Higher education. 2006. Pp. 5–51.
4. Faktorovich A.A. Principles of educational quality control in high school when realizing FSES // Higher education in Russia. 2010. № 12. Pp. 40–48.

УДК 378.14.015.62

UDC 378.14.015.62

Т.В. ТИМОХИНА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра
общей педагогики, Орловский государственный
университет
E-mail: timihina.tv@mail.ru

T.V. TIMOKHINA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department
of General Pedagogy, Orel State University
E – mail: timohina.tv@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ К РАБОТЕ В ИНКЛЮЗИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

THE ORGANIZATIONAL TECHNOLOGICAL AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF THE TRAINING FOR THE SPECIALISTS THAT WORK IN INCLUSIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

В статье представлены результаты экспериментальной работы по организационно-технологическому и методическому обеспечению профессиональной подготовки специалистов педагогических профессий к работе в инклюзивной образовательной среде. Проведенный нами анализ научных работ и собственное исследование вуза позволили выделить комплекс условий, необходимых в профессиональной подготовке специалистов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья на основе компетентностного подхода. Результаты исследования расширяют знания об организационно-технологическом и методическом обеспечении профессиональной подготовки специалистов к работе в инклюзивной образовательной среде.

Ключевые слова: специалист; профессиональная подготовка; инклюзия; инклюзивная образовательная среда; педагог; ребенок с ограниченными возможностями здоровья; организационно-технологическое обеспечение; методическое обеспечение; образовательный процесс; экспериментальная работа; высшее учебное заведение.

This report deals with the results of the experimental work on organizational, technological and methodological support of the training for the specialists that work in inclusive educational environment. The analysis of the scientific works and our own research of the university allowed stating a set of conditions that are necessary in the professional training of the specialists that work with children with disabilities on the basis of competence approach. The results of the study extend the knowledge about organizational, technological and methodological support the training of the specialists that work in inclusive educational environment.

Keywords: specialist, vocational training, inclusion, inclusive educational environment, teacher, child with disabilities, organizational and technological support, methodological support, the educational process; experimental work; higher education establishment.

Инновационные нововведения в отечественной системе высшего профессионального образования обусловлены рядом теоретических, практических, прикладных и социальных, диктуемых обществом, факторов. Организационно–технологическое и методическое обеспечение модели профессиональной подготовки специалистов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивной образовательной среды в условиях образовательной системы вуза определяется новыми требованиями, продиктованными ФГОС нового поколения, предполагающими компетентностный подход к образовательному процессу.

Современная профессиональная деятельность специалистов, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья, отличается значительным расширением спектра специализаций, отражающих многообразие диагнозов и степень заболеваемости детей.

Организационно–технологическое и методическое обеспечение профессиональной подготовки специалистов российской системы образования, дидактические

условия его организации рассмотрены в работах О.А. Абдуллиной, Н.Ю. Андрусак, И.С. Болотина, Е.В. Бондаревской, С.М. Вишняковой, М.Т. Громковой, Е.Е. Деева, С.М. Дудникова, Н.Д. Есевой, Г.Ф. Кумариной, О.А. Латухи, О.Ю. Лебедевой, Н.Н. Малофеева, Л.В. Мардахаева, Т.А. Михайловой, В.Г. Пищулина, Е.А. Пушкаревой и др.

Учреждениям высшего профессионального образования, готовящим кадры для работы с детьми, необходимы специалисты педагогического профиля, обладающие высокой профессиональной культурой и компетентностью для подготовки специалистов к работе с детьми в инклюзивной сфере. В настоящее время недостаточной является теоретико-методологическая и база исследования проблемы теоретико-педагогического обобщения получаемых результатов, оптимизации работы системы подготовки специалистов для работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья, управления данным направлением образовательной системы. Недостаточно рассмотрены вопросы регионализации инклюзивного образования.

В настоящее время в педагогической науке активно разрабатываются проблемы, связанные с повышением качества профессиональной подготовки будущих специалистов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья в соответствии с требованиями современной науки и практики [1, 5].

Авторы, в зависимости от цели исследования, организовывали экспериментальное исследование по различным направлениям, включая в понятие «профессиональная подготовка специалистов инклюзивной образовательной среды» различные компоненты. В рамках данного исследования профессиональная подготовка специалистов для работы в инклюзивной образовательной среде представляется в контексте прикладного аспекта и в числе приоритетных рассматривает организационно-технологическое и методическое ее обеспечение.

Организационно-технологическое обеспечение вуза предполагает наличие структурированной организационной системы и наличие технических средств, готовых и успешно применяющихся в образовательном процессе. Под техническими средствами предполагаются те средства обучения, которые оптимизируют образовательный процесс, делая его более эффективным. Зачастую в вузе это экранно-звуковые носители и соответствующая им аппаратура. Важным вопросом является грамотное и правильное применение технологических средств на лекционных, семинарских и практических занятиях, в самостоятельной работе студентов, в целях сокращения временных рамок при усилении эффективности занятий.

Научно-методическое обеспечение С.М. Вишняковым определено как обеспечение системы образования методическими, дидактическими и методическими разработками, отвечающими современным требованиям педагогической науки и практики [3].

Организационно-технологическое и методическое обеспечение в рамках образовательного процесса в вузе определяет его структуру и включает совокупность материалов, устанавливающих нормы, правила, требования, методы и формы, характеристики профессиональной подготовки специалистов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Современная концепция образования в вузе включает модульное обучение, предполагая изложение организационно-технологического и методического обеспечения в модульном плане на основе компетентного подхода.

Организационно-технологическое и методическое обеспечение модели профессиональной подготовки специалистов к работе в инклюзивной образовательной среде является важнейшим фактором подготовки грамотного специалиста в условиях вуза. Данное обеспечение в настоящее время рассматривается с позиций комплексного подхода. Развивающиеся информационные технологии вносят в комплекс организационно-технологического и методического обеспечения будущих специалистов такие новые формы обеспечения, как обучающие и контролирующие системы, информационные

базы данных различных дисциплин, моделирующие и тренажерные программы и др.

К компонентам модели профессиональной подготовки специалистов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья в инклюзивной среде в организационно-технологическом и методическом обеспечении вуза на основе компетентного подхода можно причислить: диагностико-проектировочный, организационно-методический, организационно-управленческий, организационно-педагогический, научно-методический компоненты.

Проведенный нами анализ научных исследований и собственное исследование на основе работы с педагогами, работающими в инклюзивных группах детей, позволили выделить комплекс условий, необходимых в профессиональной подготовке специалистов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья на основе компетентного подхода.

Организационно-технологическое и методическое обеспечение модели профессиональной подготовки специалистов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья получило экспериментальную проверку в 2010-2015 годах в Орловском государственном университете.

Проверка эффективности организационно-технологического и методического обеспечения модели профессиональной подготовки специалистов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья на основе компетентного подхода дала удовлетворительные результаты. Содержательный, методический и процессуальный блоки соответствовали модели обеспечения профессиональной подготовки специалистов на среднем уровне.

Образовательный потенциал на различных факультетах вуза, необходимый для организационно-технологического и методического обеспечения профессиональной подготовки специалистов для работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивной образовательной среды соответствовал норме. Совершенствование организационно-технологического и методического обеспечения профессиональной подготовки специалистов по работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья в условиях подготовки педагогов-предметников Орловского государственного университета осуществлялось на должном уровне.

Экспериментальная работа проходила в три этапа: констатирующий, формирующий и контрольный.

На констатирующем этапе была определена кафедра, являющаяся субъектом организационно-технологического и методического обеспечения профессиональной подготовки специалистов для работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивной среды.

В качестве экспериментальной была определена кафедра общей педагогики Орловского государственного университета. Кафедра является межфакультетским (общеуниверситетским) подразделением. Ее

преподаватели обеспечивают подготовку специалистов на факультетах, реализующих направления подготовки (специальности) укрупненной группы 050000 (44.03.00) согласно Общероссийскому классификатору специальностей по образованию «Образование и педагогика». На кафедре по настоящее время работают два доктора педагогических наук, профессора; три кандидата педагогических наук, доцента; один старший преподаватель с большим стажем работы в вузе [2].

Круг научных интересов членов кафедры достаточно широк: теория и практика личностно развивающего образования, инклюзивного образования, учебной самостоятельной деятельности, подготовки воспитателей детских оздоровительных лагерей, формирования творческой деятельности обучающихся, теория современной дидактики. Кафедра осуществляет руководство педагогической практикой Орловского государственного университета. На кафедре общей педагогики успешно функционирует методический кабинет. Кафедра общей педагогики работает на различных факультетах университета: историческом факультете, социальном факультете, факультете документоведения и педагогического образования, факультете естественных наук, факультете иностранных языков, факультете педагогики и психологии, факультете технологии, предпринимательства и сервиса, факультете физической культуры и спорта, физико-математическом, филологическом, философском, художественно-графическом, юридическом факультете. Кафедра общей педагогики осуществляет подготовку будущих педагогов-учителей по различным направлениям подготовки бакалавриата, магистратуры и специальности очной, заочной и очно-заочной форм обучения [2].

К компонентам модели профессиональной подготовки специалистов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья в организационно-технологическом и методическом обеспечении вуза на основе компетентного подхода можно причислить: диагностико-проектировочный, организационно-методический, организационно-управленческий, организационно-педагогический, научно-методический компоненты (см. рисунок 1).

Рис. 1. Компоненты обеспечения модели профессиональной подготовки.

На начальном этапе была осуществлена оценка образовательного потенциала, необходимого для профессиональной подготовки специалистов, и внесены коррективы в основную рабочую программу по дисциплине: «Педагогика», доработаны и переработаны рабочие программы дисциплины по различным направлениям подготовки, учебно-методические комплексы,

программы производственных и летних педагогических практик.

На констатирующем этапе эксперимента определены контрольная и экспериментальная группы студентов.

Экспериментальная группа студентов состояла из будущих специалистов «учительских» специальностей, квалификации «бакалавр», получающих педагогическое образование на различных факультетах очной формы обучения по следующим направлениям подготовки, профилям и квалификации.

- Факультет иностранных языков. 44.03.05. Педагогическое образование. Иностранный язык (первый язык) и Иностранный язык (второй язык).

- Юридический факультет. 44.03.05. Педагогическое образование. Право и Экономика.

- Исторический факультет. 44.03.05. Педагогическое образование. История и обществознание.

- Факультет естественных наук. 44.03.05. Педагогическое образование. Биология и Химия; 44.03.05. Педагогическое образование. Биология и География.

- Физико-математический факультет. 44.03.05. Педагогическое образование. Математика и Физика; 44.03.01 Педагогическое образование. Информатика.

Контрольная группа студентов состояла из будущих специалистов педагогических специальностей, очной формы обучения по следующим направлениям подготовки, профилям и квалификации различных факультетов.

- Филологический факультет. 44.03.05. Педагогическое образование. Русский язык и литература.

- Факультет документоведения и педагогического образования. 44.03.05. (050100.62) Педагогическое образование. Начальное образование и Математика; 44.03.05. Педагогическое образование. Начальное образование и Русский язык. 44.03.05. Педагогическое образование. Начальное образование и Иностранный язык.

- Факультет технологии, предпринимательства и сервиса. 44.03.05. (050100.62) Педагогическое образование. Технология и экономика.

- Факультет физической культуры и спорта. 44.03.05. (050100.62) Педагогическое образование. Физическая культура и Безопасность жизнедеятельности; 44.03.01. Педагогическое образование. Физическая культура.

Для реализации организационно-технологического и методического обеспечения профессиональной подготовки специалистов по работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья в условиях подготовки педагогов Орловского государственного университета была проведена диагностика предрасположенности студентов к овладению основными компетенциями. Методическое обеспечение реализовывалось путем исследования, совершенствования и внедрения в образовательный процесс. Выявленные в ходе диагностических исследований материалы (методические документы, нормативные документы образовательной системы разных уровней, инструктивные распоряжения, нормы,

правила) были обобщены, систематизированы и стали основой для дальнейшей работы над формированием профессиональной готовности специалиста к работе в инклюзивной среде образовательного учреждения на основе компетентного подхода. С учетом последовательного функционирования по разработанному плану с использованием различных видов документации были уточнены и корректированы учебно-методические комплексы по отдельным направлениям подготовки и факультетам, программы практик по факультетам, методические рекомендации по тьюторскому сопровождению студентов и детей с ограниченными возможностями здоровья.

Реализовывалось организационно-технологическое обеспечение путем дополнительного оснащения оборудованием кафедры общей педагогики, факультетов вуза. Совершенствовались и структурировались инструктивные распоряжения и технология преподавания предметов, отражающих подготовку специалистов к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья в инклюзивной образовательной среде.

Широта охвата разнообразных тем в экспериментальной группе определялась курсом «Педагогика» (профессиональная подготовка педагогов инклюзивного образования), встроенным в него циклом лекционных, семинарских и практических занятий по подготовке специалистов инклюзивной образовательной сферы.

Содержание тематического плана по курсу: «Педагогика» (профессиональная подготовка педагогов инклюзивного образования) практически не изменилось, но в ход большинства занятий были включены темы, знакомящие будущих специалистов с инклюзивным образованием, его теорией, историей, прикладными аспектами и пр. В модуль 5: «История педагогики и образования», была включена разработанная тема «Становление и развитие инклюзивного образования в России и за рубежом». В чтении других тем делался уклон на инклюзивное образование. В контрольной

группе занятия по дисциплине: «Педагогика» проходили по кафедральной программе без внедрения технологических новшеств. Профессорско-преподавательский состав кафедры общей педагогики проводила лекционные, семинарские и практические занятия, ориентируясь на модульное построение тем учебной дисциплины.

На контрольном этапе эксперимента была проведена оценка уровня овладения студентами теми основными компетенциями, с которыми работали на констатирующем этапе эксперимента. Экспериментальная группа показала более высокие результаты.

В ходе анализа полученных результатов экспериментальной работы нам удалось сделать следующие выводы.

1. Обогащение организационно-технологического и методического обеспечения профессиональной подготовки специалистов к работе в инклюзивной образовательной среде способствует оптимизации занятий, повышению общей заинтересованности студентов, развитию института профессиональной подготовки.

2. Организационно-технологическое обеспечение факультетов и кафедр предполагает наличие структурированной организационной системы и наличие технических средств. Эффективное применение технических средств не предполагает их использование на каждом занятии.

3. Методическое обеспечение подготовки специалистов инклюзивной образовательной сферы должно включать учебно-методические комплексы по отдельным направлениям подготовки и факультетам, программы практик по факультетам, методические рекомендации по тьюторскому сопровождению студентов и детей с ограниченными возможностями здоровья.

4. Ориентирами для подготовки педагогов к работе в инклюзивной среде с учетом компетентного подхода должно стать современное, на достаточном уровне, технологическое и методическое оснащение.

Библиографический список

1. Кужмина О.С. Подготовка педагогов к работе в условиях инклюзивного образования. Дисс. ... канд. пед. наук. Омск, 2015. 183 с.
2. Орловский государственный университет. Кафедра общей педагогики [Сайт] Режим доступа: <http://www.univ-orel.ru/newversion/ogu> (дата обращения: 12.07.2014)
3. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. Под общ. ред. С.М. Вишняковой. М.: НМЦ СПО, 1999. 538 с.
4. Тимохина Т.В. Инклюзивно ориентированное образование // Интернет-журнал Науковедение. 2014. № 3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/111PVN315.pdf> (дата обращения: 12.07.2014)
5. Шумиловская Ю.В. Подготовка будущего учителя к работе с учащимися в условиях инклюзивного образования. Дисс. ... канд. пед. наук. Шуя, 2011. 175 с.

References

1. Kuzmina O.S. Training teachers to work in the conditions of inclusive education. Diss. ... Cand. ped. Sciences. Omsk, 2015. 183 p.
2. Orel State University. Department of General pedagogy [Website] Access: <http://www.univ-orel.ru/newversion/ogu> (the date of circulation: 07/12/2014)
3. Professional education. Dictionary. Key concepts, terminology, vocabulary // Under the current total. Ed. S.M. Vishnyakova. M.: NMC ACT, 1999. 538 p.
4. Timokhina T.V. Inclusive oriented education // Internet-journal Naukovedenie. 2014. № 3. [electronic resource] Access: <http://naukovedenie.ru/PDF/111PVN315.pdf> (date of treatment: 07/12/2014)
5. Shumilovskaja Y.V. Preparation of the future teacher to work with students in the conditions of inclusive education. Diss. ... Cand. ped. sciences. Shuya, 2011. 175 pp.

УДК 378

UDC 378

И.М. ТУРЕВСКИЙ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра теории и методики физической культуры и спортивных дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

E-mail: turima@gmail.com

А.Ю. ФРОЛОВ

кандидат педагогических наук, декан, факультет физической культуры, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

E-mail: frolovaalexander@bk.ru

Г.А. ПЕТРУШИНА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики физической культуры и спортивных дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

E-mail: petrushina-galina@mail.ru

О.Б. СЕРЕГИНА

кандидат педагогических наук, зав. кафедрой теории и методики физической культуры и спортивных дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

Л.В. ТАРАСЕНКО

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики физической культуры и спортивных дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

В.Н. БОРОДАЕНКО

кандидат педагогических наук, зав. кафедрой специальных и правовых дисциплин, Российская правовая академия Минюста РФ (Тульский филиал)

E-mail: Borodaenko61@mail.ru

I.M. TUREVSKY

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of theory and methods of physical culture and sports disciplines, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

E-mail: turima@gmail.com

A.YU. FROLOV

Candidate of Pedagogics, dean of the Faculty of Physical Education, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

E-mail: frolovaalexander@bk.ru

G.A. PETRUSHINA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of theory and methods of physical culture and sports disciplines, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

E-mail: petrushina-galina@mail.ru

O.B. SEREGINA

Candidate of Pedagogics, Head of department of theory and methods of physical culture and sports disciplines, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

E-mail: serolgbor@yandex.ru

L.V. TARASENKO

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of theory and methods of physical culture and sports disciplines, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

E-mail: lvtaraskenko@mail.ru

V.N. BORODAENKO

Candidate of Pedagogics, Head of Department of Special and Legal Disciplines, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the RF (Tula branch)

E-mail: Borodaenko61@mail.ru

ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ К СДАЧЕ НОРМ КОМПЛЕКСА ГТО

PREPARING STUDENTS FOR THE STANDARDS SET «READY FOR LABOR AND DEFENSE (RLD)»

В статье рассмотрены основные средства физического воспитания в подготовке студентов вузов к сдаче норм комплекса ГТО, структура физической подготовленности студентов, адаптация программы к конкретным условиям вузов гуманитарного профиля.

Ключевые слова: *физическая подготовленность, комплекс ГТО.*

The article considers ratio of fixed assets of physical education in high students' schools preparation to RLD standards, structure of students' physical levels, program's adaptation to the humanities universities.

Keywords: *physical readiness, RLD standards.*

Для студентов вузов гуманитарного профиля особое значение имеет физическое воспитание, отвечающее за гармоническое развитие подрастающего поколения, что в свою очередь требует совершенствования физической подготовки студентов, разработки и использования новых средств и методов занятий и внедрения в учебный процесс соответствующих методических рекомендаций.

Коллективом кафедр физического воспитания ряда

вузов России (ТГПУ им. Л.Н. Толстого, Тульский филиал Российской правовой академии, Орловский и Рязанский университеты, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, и др.) в 2005-2007 гг. выполнены исследования по оптимизации двигательного режима студентов в период обучения их на I и II курсах.

Структура контингента студентов, обучающихся в этих университетах, имеет достаточно стабильные призна-

ки. По данным 2000-2012 гг. 35% абитуриентов – сельские жители. Возраст студентов I курса варьирует в пределах 16-20 лет, 93,8% обучающихся составляют девушки.

Проведенные в 2005-2007 гг. исследования позволили определить исходный уровень физической подготовленности студентов гуманитарных специальностей университетов. Полученные данные свидетельствуют об удовлетворительном уровне физического состояния поступающих абитуриентов. В то же время сравнение нормативных требований комплекса ГТО VI ступени с результатами контрольных упражнений выявило низкий уровень физической подготовленности студентов. Результаты в беге на 100 м ниже нормы на 10,1%, в беге на 500 м – на 10,0%, в сгибании-разгибании рук в упоре лежа – на 64,2%. Относительно низкими следует считать и результаты в прыжках в длину с места.

Полученные данные свидетельствуют о недостаточном развитии у студентов основных физических качеств: быстроты, силы и выносливости при удовлетворительном развитии гибкости и ловкости (Н.Е. Мананков).

Дальнейшие исследования выявили существенные различия в динамике совершенствования физических качеств студентов в условиях обучения по гуманитарным специальностям (табл.2). Установлено, что при разностороннем педагогическом воздействии на первом курсе обучения прирост показателей, характеризующих быстроту и скоростно-силовые качества, составляет в среднем 2,1 – 6,6%; силу – 87,5%; выносливость – 9,5-13%; ловкость и гибкость – соответственно 9,3 и 11,5%. Это требует соответствующей коррекции учебно-тренировочного процесса в плане обеспечения гармоничности физического развития студентов. С нашей точки зрения, оптимизация его структуры является одним из путей повышения эффективности учебно-тренировочного процесса.

Управление учебно-тренировочным процессом предполагает наличие вполне определенной системы целей обучения. В вузах в качестве одной из таких целей выступает формирование у студентов оптимальной с точки зрения требований комплекса ГТО структуры физической подготовленности. Знание основных признаков данной структуры, а именно состава и соотношение факторов, обуславливающих уровень физической подготовленности студентов, позволяет на объективной основе определять ведущие средства подготовки, их взаимосвязь и соотношение в тренировочном процессе.

К сожалению, эти важнейшие элементы методики физической подготовки в высшей школе пока не определены. Анализ научно-методической литературы выявил ряд диаметрально противоположных мнений по факторной структуре физической подготовки студентов вуза. В качестве ведущих факторов в самых различных соотношениях выдвигаются: скоростно-силовые качества (В.Ф. Протасов, Д.Н.Селиверстова, Е.Н. Федорищева, В.А. Переверзев), общая выносливость (В.В. Попенченко, В.Д. Кряжев, Ф.Я. Верховский, общая психомоторная подготовленность (И.М. Туревский) и ряд других) [1].

Неоднозначность результатов исследований, на наш взгляд, определяется как различиями изучаемого контингента студентов, так и эмпирическим характером самих исследований. Часто недостаточно обоснованно выглядит предлагаемое соотношение физических нагрузок различной направленности. В то же время уже сложилась вполне определенная методология решения задач подобного типа:

- определяется специфическая факторная структура физической подготовленности;
- устанавливается соотношение ведущих факторов подготовленности;
- выявляются основные средства совершенствования данных факторов;
- планируется соотношение величин нагрузок в основных средствах в соответствии с соотношением ведущих факторов подготовленности (В.М. Зациорский, 2007).

Данный алгоритм положен в основу исследований ряда вузов [2].

На первом их этапе выполнено педагогическое исследование, целью которого являлось установление структуры физической подготовленности студенток гуманитарного университета и ее взаимосвязи с нормативными требованиями комплекса ГТО.

В исследовании применялись методы: теоретический анализ научно-методической литературы и практики работы ведущих специалистов, метод педагогических контрольных тестов, методы математической статистики (В.М. Зациорский, Г. Харман, В.Ю. Урбах, Дж. Гласс, Дж. Стенли).

В качестве объекта исследований была привлечена группа студенток II курса Тульских университетов в количестве 102 человек, сформированная с помощью методов рандомизированного отбора из 630 человек.

Было выполнено тестирование опытных групп по 27 тестам, включавшим упражнения комплекса ГТО VI ступени, и тестам, наиболее информативно оценивающим подготовленность в отдельных видах многоборья (Ю.В. Верхошанский и др.). Батарея тестов примерно в равной мере отражала уровень проявления быстроты, скоростно-силовых качеств, силы и выносливости. Информативность и надежность большинства тестов подтверждается данными научно-методической литературы (Ю.В.Верхошанский, В.А.Креер, В.Б.Попов, Х. Бубэ, Г. Фек, Х. Штюблер, Д. Харре). В процессе тестирования выполнено около 4800 измерений. Полученный массив информации обработан на ЭВМ по программе (Statistic) с использованием стандартной программы факторного анализа по методу главных компонент с ротацией по методу Варимакс.

Анализ результатов исследования показал, что уровень физической подготовленности студенток опытной группы близок к нормативным требованиям комплекса ГТО VI ступени.

На основании результатов проведенных исследований нами разработана модель физической подготовки к сдаче норм комплекса ГТО студентов гуманитарных ву-

зов, прошедшая апробацию в ряде университетов ЦФО.

Данную модель отличают следующие структурные признаки.

1. Ведущие факторы физической подготовленности совершенствуются на отдельных занятиях (6 типов занятий). Последнее согласуется с общей тенденцией современной методики физической подготовки к сокращению количества задач (Л.П. Матвеев, 2010), решаемых на одном занятии, и относительной независимостью установленных факторов, что обусловлено самой процедурой их выделения методами факторного анализа,

2. Соотношение количества занятий в учебном году, направленных преимущественно на воспитание быстроты, общей выносливости, скоростного и силового компонентов скоростно-силовых качеств, абсолютной силы и скоростно-силовой выносливости, составляет соответственно: 25, 17, 16, 16, 10%.

3. Структура учебного процесса в подготовительных и основных отделениях на I и II курсах одинакова, установленное соотношение занятий различной направленности сохраняется.

Различия заключены в содержании учебного процесса. На II курсе значительно выше специализация подготовки в отдельных видах многоборья ГТО: более 40% времени отводится выполнению специальных и соревновательных упражнений. Общий объем физической нагрузки на II курсе больше на 10-15%.

В основу организации занятия положена комплексно-круговая форма (В.В.Чунин, М. Шолих). Структура основной части занятий включает:

- совершенствование техники одного вида ГТО;
- основное средство воздействия на фактор физической подготовленности, наиболее связанный с данным видом ГТО (основной метод – повторный);
- комплекс круговой тренировки, составленный из вспомогательных упражнений, способствующих совершенствованию указанного фактора.

4. Педагогический контроль ведется с применением установленной батареи тестов и контрольных упражнений комплекса ГТО.

Построение учебного процесса в соответствии с предложенной моделью создает условия для формирования у большинства студентов оптимальной с точки зрения требований комплекса ГТО структуры физической подготовленности. Вместе с тем соотношение основных средств физического воспитания во многом обусловлено предшествующим двигательным опытом обучающихся, особенностями развития и адаптации к физическим нагрузкам различной направленности каждого индивидуума.

В этом плане организация учебного процесса на единой основе целесообразна не для всех студентов. Очевидно, общей тенденцией изменения структуры двигательных способностей нивелируются решающие важные индивидуальные сдвиги, которые в конечном итоге и определяют эффективность методики физической подготовки. Согласно проведенным

исследованиям, для студентов I курса гуманитарных вузов характерна определенная диспропорция в развитии основных физических качеств. В то же время установлено, что при высоком уровне развития одного из них остальные качества развиты не ниже, чем удовлетворительно. И, наоборот, при значительном отставании одного качества другие развиты не выше, чем удовлетворительно. Это свидетельствует о прочной взаимосвязи основных физических качеств у данного контингента испытуемых, что является теоретической предпосылкой построения учебного процесса для части студентов на базе преимущественного совершенствования одного из данных качеств. Ряд авторов предлагает организацию физической подготовки на данной основе для всех студентов (С.С. Семашко, А.Н. Шлецингер; А.А. Виру; И.И. Баринев), в том числе путем их перевода на занятия с определенной спортивной специализацией (В.И. Протасов; В.И. Нестеров; А.П. Внуков с соавт.). Однако анализ результатов данных исследований показал, что подобная постановка вопроса требует индивидуального подхода к определению преимущественной направленности физической подготовки для студентов с различной структурой двигательных способностей.

Изучение динамики физической подготовленности студентов с различной структурой двигательных способностей позволило установить тенденцию к опережающему развитию отстающих физических качеств при описанной выше программе разносторонней физической подготовки.

При целенаправленном воздействии на данные качества уже после I курса обучения индивидуальные различия в структуре двигательных способностей в значительной мере нивелируются и весь контингент студентов дифференцируется уже по уровню общей физической подготовленности.

В соответствии с результатами проведенных исследований экспериментально апробирована следующая схема физической подготовки:

- I курс – целенаправленное совершенствование отстающих физических качеств;
- II курс – совершенствование физических качеств в установленном ранее соотношении на основе разнообразных средств подготовки и специализации по видам спорта.

Установлено, что для студентов I курса гуманитарных вузов наиболее характерны следующие варианты соотношения уровней развития физических качеств:

- относительно равномерное развитие основных физических качеств;
- отставание в развитии качества быстроты;
- отставание в развитии качества силы;
- отставание в развитии качества выносливости.

В соответствии с данным положением выделяются группы студентов, цель которых – дифференцированно совершенствовать отстающие физические качества. Формирование групп производится по результатам тестирования.

За удовлетворительный уровень результатов в каж-

дом тесте априорно приняты значения, гарантирующие при обычной тренировке выполнение студентами зачетных нормативов, адаптированных к требованиям VI ступени комплекса ГТО. Как правило, данные значения располагаются в доверительном интервале. В большинстве случаев определение у студентов наиболее отстающих физических качеств не представляет затруднений.

Тестирование осуществляется на трех занятиях:

1-е занятие – бег на 30 м, бег на 500 м (1000 м);

2-е занятие – бег на 100 м, бег 12 мин.;

3-е занятие – сгибание-разгибание рук, в упоре лежа (подтягивание на перекладине), наклоны туловища из положения, сидя руки за голову (подъем переворотом на перекладине).

Тестированию предшествует стандартная разминка, инструктаж по каждому упражнению и необходимое обучение испытуемых.

По результатам тестирования формируются 4 группы студентов с различным соотношением основных физических качеств.

Предложенная структура физической подготовки предусматривает разнообразное физическое воздействие на организм студентов, что позволяет совершенствовать весь спектр физических качеств. В этих условиях дифференцированный подход к физической подготовке осуществляется посредством использования единого комплекса средств подготовки при разном их соотношении для студентов с различной структурой двигательных способностей. При этом воспитанию отстающих качеств уделяется до 40% времени, отведенного на физическую подготовку. Перераспределение бюджета тренировочного времени проводится за счет снижения объема нагрузок, способствующих развитию доминирующих в данной группе студентов физических качеств.

С точки зрения дифференцированного подхода к

физической подготовке эффективно периодическое включение в учебный процесс мезоциклов общей физической подготовки. В этих мезоциклах создаются наиболее благоприятные условия для выполнения существенно различных программ физической подготовки.

В периоды сессии, а также целенаправленной гимнастической и лыжной подготовки акцентированное совершенствование отстающих физических качеств осуществляется за счет выполнения специальных комплексов упражнений. Кроме того, эти комплексы должны выполняться студентами на протяжении всего учебного года в качестве домашних заданий при периодическом контроле их освоения. В качестве средств физической подготовки используются относительно простые физические упражнения, позволяющие легко варьировать интенсивность и величину физической нагрузки, что имеет особое значение в условиях массового обучения. Все средства физической подготовки должны быть адаптированы к упражнениям комплекса ГТО VI ступени. Интенсивность выполнения упражнений, объем нагрузки, плотность учебных занятий и методы подготовки определяются в соответствии с направленностью педагогического воздействия на воспитание тех или иных физических качеств и уровнем подготовленности студентов.

Апробация экспериментальной программы физической подготовки в ряде вузов ЦФО подтвердила перспективность предложенного подхода к оптимизации соотношения основных средств физического воспитания студентов. Адаптация структурных признаков данной программы к конкретным условиям вузов гуманитарного профиля является одним из путей повышения эффективности подготовки студентов к сдаче норм комплекса ГТО.

Библиографический список

1. Туревский И.М., Петрушина Г.А., Серёгина О.Б., Тарасенко Л.В., Фролов А.Ю. Структура психомоторики подростков с позиций корреляционного и факторного анализов // Теория и практика физической культуры. 2013. № 8. С. 7-12.
2. Туревский И.М., Фролов А.Ю., Петрушина Г.А., Серёгина О.Б., Тарасенко Л.В. Соотношение основных средств физического воспитания при подготовке студентов к сдаче норм комплекса ГТО // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 1(32). Часть 3. С.106-110

References

1. Turevsky I.M., Petrushina G.A., Seregina O.B., Tarasenko L.V., Frolov A.Yu. Correlation and factor analysis by psychomotor structure // Theory and Practice of Physical Culture. 2013. № 8. Pp.7-12.
2. Turevsky I.M., Frolov A., Petrushina G.A., Seregina O.B., Tarasenko L.V. Ratio of the main means of physical education in preparing students for the standards set «ready for labor and defense (RLD)» // International Research Journal. 2015. № 1(32). Part 3. Pp.106-110.

УДК 378

UDC 378

Н.И. ФЕДОРОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра спортивной медицины и АФК, Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма
E-mail: doc_fni777@mail.ru

N.I. FEDOROVA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of Sports Medicine and Adaptive Physical Culture, Smolensk State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism
E-mail: doc_fni777@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

THE IMPROVING OF THE SYSTEM OF TRAINING OF SPECIALISTS IN THE FIELD OF THE ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE

Статья посвящена актуальной проблеме системы высшего профессионального образования – самообразованию студентов. Современное общество ставит перед высшими учебными заведениями, в частности, перед вузами физической культуры и спорта, задачи по подготовке конкурентоспособных и профессионально мобильных специалистов в сфере адаптивной физической культуры.

Ключевые слова: самообразование студентов, готовность к самообразованию, профессиональная подготовка.

The article is devoted to the urgent problem of the system of higher education and self-education of students. The modern society puts in front of the higher educational establishments, in particular in front of the physical culture and sport higher educational establishments, the aims of training of competitive and professionally mobile specialists in the adaptive physical culture.

Keywords: self-education of students, readiness for self-education, professional training.

Рост инвалидизации населения остается одной из самых острых и социально-значимых проблем современного общества.

Воздействие на человека многочисленных негативных факторов обуславливают его социальную и личностную потребность обращения к проблемам реабилитации здоровья. Несмотря на то, что в настоящее время прилагаются значительные усилия для привлечения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья к систематическим занятиям физическими упражнениями как универсальному средству физической, психической и социальной адаптации, лишь незначительная их часть вовлечена в физкультурно-оздоровительную и спортивную работу. Основную причину такого положения Л.В. Шапкина связывает с отсутствием квалифицированных педагогов, обладающих необходимыми фундаментальными и прикладными знаниями и практическими умениями, позволяющими поддерживать и развивать функциональные возможности инвалида и формировать его личность[2].

В последние годы активно ведутся исследования и разрабатываются новые подходы к совершенствованию высшего профессионального образования в области физической культуры и спорта (В.К. Бальсевич, С.П. Евсеев, Ю.Д. Железняк, Н.Н. Неверкович, Ю.М. Николаев, Г.Н. Попов, В.С. Родиченко, С.Г. Сериков, Ж.К. Холодов, Н.Н. Чесноков, и др.). Однако разработка и внедрение инновационных программ обучения в сферу адаптивной

физической культуры и в практику высшего профессионального образования проводятся недостаточно[1,2].

Самообразование студентов – это основа получения знаний в системе высшего профессионального образования. Основопологающим условием самообразования студентов, обучающихся по направлению «Физическая культура лиц с отклонениями в состоянии здоровья (АФК)», служит то, что оно является неотъемлемой частью основного учебного процесса подготовки специалистов физической культуры, предусматривающего формирование у обучаемых знаний, умений, навыков, общекультурных и профессиональных компетенций, направленных на самостоятельное и творческое решение задач будущей практической деятельности. Очевидно, что грандиозные задачи по развитию адаптивной физической культуре будут успешно решаться специалистами, имеющими вышеперечисленные характеристики. В связи с этим современное общество ставит перед высшими учебными заведениями и, прежде всего, вузами физической культуры и спорта, задачи подготовки конкурентоспособных и профессионально мобильных специалистов, личностные качества которых соответствуют требованиям работодателей и Федеральным государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования 3 поколения (ФГОС ВПО-3+). Поэтому традиционная система подготовки специалистов в сфере адаптивной физической культуры нуждается в усовершенствовании и изменении органи-

зационных форм, методов и технологий обучения[3].

Термин «готовность к самообразованию» является неотъемлемой составляющей понятия «профессиональная компетентность», с одной стороны, с другой – его следует рассматривать как одно из звеньев комплексной системы педагогических отношений, служащих средством совершенствования взаимодействия участников образования, осуществляемого ради роста качества образования студента.

Рядом ученых (И.О. Котляровой, В.А. Худяковым, В.Н. Ларионовым и др.) были выделены следующие характеристики готовности студентов к самообразованию [4]:

- эмоционально-личностный аппарат, позволяющий учитывать значимость единства различных сторон личности человека для реализации самообразования на практике и включающий следующие компоненты: личностные ценности обучаемых, определяющие их мировоззрение, отношение к учению и самообразованию; взгляды личности на роль коллектива, более опытных наставников в его деятельности, коммуникативность во взаимодействии с другими людьми; уровень развития эмоционально-волевого аппарата до возможности осуществления добровольного систематического самообразования;

- уровень усвоенных личностью знаний, умений и навыков по определенным направлениям социального опыта. Эта характеристика отражает уровень интеллектуального развития личности и включает компоненты: в конкретном виде проявление общего; из общего выделить конкретное; видеть внутри- и межпредметные связи относительно различных научных понятий, методов и т.п.; осознание единства и целостности научной картины мира; умение соотносить научные категории с объективной реальностью; уровень понимания относительного характера знаний и необходимости уточнять их путем систематического познания; умение анализировать и обобщать; гибкость мыслительной деятельности; осознанность, устойчивость и самостоятельность мышления; прочность имеющихся знаний, умений и навыков, их восстанавливаемость;

- умения личности работать с основными источниками информации, в которых собран, обобщен и хранится накопленный человечеством социальный опыт; основными составляющими являются следующие: характер ориентирования в разнообразных объемах информации, выраженной с помощью основных источников; психологическая готовность верно оценить функциональные возможности как отдельного источника, так и их совокупности, выбрать на этой основе целесообразные средства для поиска и усвоения информации; культура восприятия информации источника (умение слушать лектора или собеседника, наблюдаемость информации зрительно и т.п.); рациональная запись информации с различных источников; культура освоения информации в процессе взаимодействия с источником, а также при работе с записями; качество диалога с консультантом, ПК и другими источниками информации, дискуссии в коллективе при обсуждении

предмета самообразования и пр.; умение использовать источник информации при самоконтроле и самооценке качества результатов самообразования;

- организационно-управленческие умения, выраженные осмысленной системой действий, приемов, методов и т.п., направленных на достижение поставленных целей самообразования: умения намечать и принимать к исполнению задачи самообразования, основные пути поиска и усвоения социального опыта; навыки планирования учебного труда, распределение усилий и времени для выполнения различных обязанностей; умения создавать благоприятные условия для самостоятельной работы (культура быта, гигиену труда и т.п.); умения и навыки самоконтроля, самоанализа и самооценки результатов самообразовательной деятельности и на ее основе – разрабатывать новые задачи самообразования.

Перечисленные характеристики готовности студентов к самообразованию отражают наиболее важные способности, обуславливающие возможность осуществления самообразования. Систематически ориентируя обучаемых на самообразование с использованием всех доступных средств, создавая в педагогической практике условия (социальные, психологические, педагогические), благоприятные для самообразования личности, преподаватели побуждают студентов включаться не только в решение задач воспитания и образования, но и в сознательно осуществляемую субъектную деятельность по самообразованию непосредственно в педагогическом процессе. Поэтому самообразование, как метод саморазвития и активный познавательный процесс, должно стать неотъемлемой частью образовательного пространства в вузе.

Таким образом, одна из основных задач, стоящих перед высшей школой, – подготовить студентов к постоянной самообразовательной деятельности, вооружить необходимыми умениями и навыками. Однако в учебных программах высших учебных заведений физической культуры и спорта России не отводится специального времени для овладения студентами эффективными способами самообразовательной деятельности, методами самообучения и самообразования. Для решения данной задачи нами была разработана программа дисциплины по выбору «Самообразование студентов в сфере адаптивной физической культуры». Основная цель дисциплины – вооружить студентов теоретико-прикладными знаниями, умениями, концепциями в сфере самообразовательной деятельности, составляющей основу для их успешной учебы, жизни и профессиональной работы. Задачи – ознакомить студентов, обучающихся по направлению «Физическая культура лиц с отклонениями в состоянии здоровья (АФК)», с теоретическими и методологическими основами самообразования, показать научно-прикладную значимость самообразования в профессиональной подготовке будущих специалистов.

Пилотный вариант данной дисциплины по выбору студентов апробируется нами в Смоленской государственной академии физической культуры спорта и туризма.

Библиографический список

1. Аксенова О. Э. Использование активных методов обучения при подготовке специалиста по адаптивной физической культуре // О. Э. Аксенова, Е. В. Малинина // Адаптивная физическая культура. 2006. №3. С. 13.
2. Балашова В.Ф. Компетентность специалиста по адаптивной физической культуре. М.: Физическая культура, 2008. 245 с.
3. Овчинникова Л.П. Модель самоуправляемой самостоятельной работы студентов. //Фундаментальные исследования. И.Д.Академия естествознания. 2013. №6, часть 5. С.1253-1256.
4. Сериков Г. Н. Самообразование. Совершенствование подготовки студентов. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1991. 232 с.

References

1. Aksenova O.E. The use of active teaching methods in the training of an expert in the adaptive physical culture // O.E. Aksenov, E.V. Malinin // Adaptive physical culture. 2006. №3. P. 13.
 2. Balashova V.F. Competence of adaptive physical culture specialists. M. : Physical Culture, 2008. 245 p.
 3. Ovchinnikova L.P. The model of self-governing independent work of students. / L.P.Ovchinnikova // Basic research. I.D. Academy of Natural Science 2013. №6, Part 5. Pp. 1253-1256.
 4. Serikov G.N. Self-education of students. The improving of students` training. Irkutsk: Publishing House of the Irkutsk University, 1991. 232 p.
-

О.В. ФИЛАТОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и истории социальной педагогики и социальной работы, Орловский государственный университет
E-mail: ov_filatova@mail.ru

O.V. FILATOVA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of the theory and history of social pedagogics and social work, Orel State University
E-mail: ov_filatova@mail.ru

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В ПЕНИТЕНЦИАРНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

THE ESSENCE AND CONTENT OF PROFESSIONAL CULTURE OF A SPECIALIST IN SOCIAL WORK AT THE PRISON

Профессиональная культура специалиста по социальной работе в пенитенциарном учреждении – это качественная характеристика личности специалиста. Уровень профессиональной культуры позволяет определять отношение специалиста к эффективности профессиональной деятельности и своему профессиональному росту. Эффективность работы специалиста зависит от профессионального мастерства и профессиональной культуры.

Ключевые слова: профессиональная культура, пенитенциарная система, социальная работа.

Professional culture of a specialist in social work in prison is a quality feature of professional identity. The level of professional culture allows to determine the relation of the expert to the effectiveness of professional activity and their professional growth. The efficiency of the specialist depends on the professional skills and professional culture.

Keywords: professional culture, prison system, social work.

Термин «культура» в различных дисциплинах имеет самые разнообразные трактовки, её изучают многие науки, каждая из которых выделяет в качестве предмета изучения одну из её сторон, формулируя при этом свое понимание и определение культуры. Культура (лат. cultura – возделывание, воспитание, развитие, почитание) – исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [6]. Понимание феномена культуры включает в себя предметные результаты деятельности людей (сооружения, машины, произведения науки, искусства, техники, нормы морали и права), а также реализуемые в деятельности человека знания, умения и навыки, уровень интеллектуального, нравственного и эстетического развития, мировоззрения, способы и формы общения [7]. Носителем культуры является как общность людей, так и каждый отдельный человек. При этом культура рассматривается как признак деятельности, высокий уровень её развития. На первый план выступает результативный аспект, т.е. совокупность достижений, а на второй – процессуальный, т.е. высокое развитие умений, способ организации деятельности [5].

Таким образом, культура рассматривается как универсальная форма реализации сущностных сил личности, как творческая созидательная деятельность. Вместе с тем, культура представляет собой нормативные требования к любому виду деятельности человека. А потому

существует столько видов культуры, сколько видов самой человеческой деятельности [5]. Из множества видов культуры особое место занимает культура личности.

По мнению Л.В. Мардахаева, любого человека характеризует *общая культура*, под которой понимается усвоенный и повседневно проявляемый человеком, сложившийся и признаваемый в конкретной среде жизнедеятельности опыт его поведения, отношений, общения [3].

Составной частью общей культуры личности является профессиональная культура. Профессия как социально-культурное явление обладает сложной структурой. В структуру профессии включены предмет, средства и результат профессиональной деятельности, цели, ценности, нормы, технологии, образцы и идеалы. Профессиональная культура может проявляться на различных уровнях. Высокий уровень проявления профессиональной культуры специалиста характеризуется хорошо развитой способностью к решению профессиональных задач, что подразумевает развитые профессиональные мышление и сознание. *Профессиональная культура* как системное образование представляет собой единство профессиональных ценностей, технологий, сущностных сил личности, направленных на творческую реализацию в разнообразных видах профессиональной деятельности [1].

Л.В. Мардахаев определяет профессиональную культуру как часть общей культуры человека. Профессиональная культура представляет собой усвоенный и повседневно проявляемый специалистом уровень искусства профессиональной деятельности, от-

ражающий достижения научной мысли и практического опыта в интересах нравственного здоровья общества, среды, социального прогресса [3].

Систематизация различных подходов, а также анализ сущности рассматриваемого понятия позволили сделать вывод о том, что профессиональная культура специалиста по социальной работе в пенитенциарном учреждении является частью его общей культуры и представляет собой личностную характеристику, которая включает в себя ценностное отношение к профессиональной деятельности и её целесообразное проявление в профессиональной сфере, обеспечивая самоопределение, самореализацию в разрешении проблем профессиональной деятельности.

Таким образом, профессиональная культура специалиста по социальной работе в пенитенциарном учреждении включает в себя совокупность взаимосвязанных личностных качеств, профессионально-исследовательских знаний и навыков и профессиональных характеристик деятельности специалиста по социальной работе, которые складываются в процессе профессиональной подготовки в вузе, развиваются в системе послевузовского образования, самообразования специалиста и проявляются повседневно. Проявление профессиональной культуры во многом зависит от профессиональной подготовки специалиста, что находит отражение в сформированности базовых (общекультурных и профессиональных) компетенций как основы будущей профессиональной компетентности. Эти компетенции как основа профессиональной культуры закладываются в вузе в процессе профессиональной подготовки. В дальнейшем профессиональная культура специалиста развивается и совершенствуется в процессе приобретения профессионального опыта, повышения квалификации, самообразования.

Профессиональная культура специалиста по социальной работе в пенитенциарном учреждении – это качественная характеристика личности специалиста, осознающего свою роль в системе пенитенциарной социальной работы, владеющего основами профессиональной деятельности и обладающего способностью и готовностью реализовать себя в работе со специфическим контингентом учреждения в соответствии с профессионально-этическими нормами [10]. Уровень профессиональной культуры позволяет определять отношение специалиста к эффективности профессиональной деятельности и своему профессиональному росту [9].

Профессионализм специалиста проявляется в его эффективной повседневной профессиональной деятельности. Эффективность работы специалиста зависит от профессионального мастерства и профессиональной культуры.

Профессиональная культура специалиста по социальной работе пенитенциарного учреждения имеет внутреннюю и внешнюю составляющие (рис.1).

Внутренняя культура определяет поведение личности в различных жизненных и профессиональных ситуациях. Основу внутренней культуры составляют

знания и умения, а также сформированные личностные установки, идеалы, потребности и мотивы, определяющие сферу и условия их повседневного проявления. Внутренняя культура специалиста по социальной работе в пенитенциарном учреждении имеет следующие составляющие:

- *индивидуально-личностный уровень* определяет внутреннее своеобразие личности специалиста с его индивидуально-психологическими и социально-педагогическими достоинствами и недостатками;
- *чувственный (эмоциональный) уровень* определяет эмоциональное отношение специалиста к контингенту пенитенциарного учреждения, социальной работе, ее результатам. Он во многом характеризует внутреннюю нравственную культуру специалиста;
- *теоретический (мировоззренческий) уровень* определяет и показывает, какие знания и как усвоены специалистом по социальной работе, в какой степени они могут быть им использованы в профессиональной деятельности.

Внешняя составляющая профессиональной культуры специалиста по социальной работе пенитенциарного учреждения находит повседневное проявление в его отношении к осужденным, к социальной работе, к результатам собственной профессиональной деятельности. Она включает:

- *личностный уровень* – *внешние достоинства и недостатки* специалиста как человека (внешний вид, привычки, манеры и прочие личностные характеристики);
- *коммуникативно-поведенческий уровень* характеризует повседневное проявление специалиста в общении с коллегами, осужденными и другими субъектами профессиональной деятельности;
- *профессионально-прикладной уровень* показывает степень владения специалистом реальным опытом в понимании и разрешении актуальных социальных проблем, искусством профессиональной деятельности, возможности специалиста в работе с контингентом учреждения и определяет таким образом результативность профессиональной деятельности;
- *уровень внешнего отношения* характеризует отношение специалиста к объектам социальной работы в пенитенциарном учреждении, особенности взаимодействия с другими людьми, заинтересованность или безразличие к результатам своей деятельности. Внешнее отношение выступает важной характеристикой проявления профессиональной культуры специалиста и является проявлением его чувственного (эмоционального) уровня внутренней профессиональной культуры [4].

По своей сути внутренняя профессиональная культура специалиста по социальной работе в пенитенциарном учреждении есть накопленный им социальный и профессиональный опыт и сформированное отношение (эмоционально-чувственное) к собственному опыту. Внешняя профессиональная культура – индивидуальный стиль профессиональной деятельности специалиста.

Рассмотрим содержание основных структурных

Рис. 1. Структура профессиональной культуры специалиста по социальной работе в пенитенциарном учреждении.

компонентов, составляющих профессиональную культуру специалиста по социальной работе пенитенциарного учреждения [4].

Специалист как человек и как личность является носителем и воплощением реальной профессиональной культуры. При оценке уровня профессиональной культуры оценивают конкретного человека – специалиста по социальной работе.

Личный профессиональный опыт специалиста, как основа, стержень его профессиональной культуры, включает такие его составляющие, как: личность самого социального работника пенитенциарного учреждения, его теоретический и практический профессиональный опыт, личностные качества.

Личность специалиста с её индивидуально-психологическими и социальными особенностями – внутренний мир, на фоне которого происходят усвоение и накопление личностного профессионального опыта специалиста.

Теоретический профессиональный опыт – правовые, психолого-педагогические, социальные, профессионально-прикладные знания (знание технологий социальной работы в пенитенциарных учреждениях), которые необходимы специалисту для квалифицированной деятельности [4].

Правовые знания профессионала отличаются глубоким объёмом, глубиной и формализацией. Специалист с высоким уровнем проявления профессиональной культуры солидарен с теми правовыми нормами, которые он

применяет и которые регламентируют его деятельность. Такой специалист убеждён в необходимости строжайшего соблюдения и исполнения правовых норм и демонстрирует готовность действовать в соответствии с этой убеждённостью [8].

Психолого-педагогические знания составляют основу профессиональной деятельности специалиста в соответствии с требованиями, предъявляемыми к специалисту по социальной работе в пенитенциарном учреждении, и его должностными обязанностями.

Социальные знания – необходимый компонент, который позволяет специалисту учитывать и использовать в работе особенности и возможности социокультурной среды пенитенциарного учреждения и гражданского общества.

Профессионально-прикладные знания – знания технологий социальной работы в пенитенциарных учреждениях.

Совокупность знаний составляют теоретический профессиональный опыт специалиста и служат основанием действенности всей профессиональной деятельности специалиста по социальной работе пенитенциарного учреждения.

Практический профессиональный опыт – усвоенные умения и навыки, закреплённые на практике, применяемые при решении профессиональных задач. Это своеобразный «интеллектуальный капитал», который накоплен самим специалистом, находится в постоянной динамике, «инвестируется» в личностное и про-

фессиональное развитие специалиста, используется им в типичных ситуациях [4]. Содержание практического профессионального опыта включает:

- уровень владения специалистом искусством профессиональной деятельности (профессиональное мастерство);
- развитие профессионально важных личностных качеств, позволяющих специалисту наиболее полно реализовать профессиональное мастерство в интересах эффективности профессиональной деятельности.

Профессиональное мастерство складывается из уровня:

- владения социально-педагогическими технологиями, методами и методиками, средствами, приёмами;
- развития у специалиста социально-педагогической техники – самоуправления; вербального и невербального, непосредственного и опосредованного воздействия на человека; культуры общения; культуры речи.

Профессионально-важные качества составляют основу индивидуального своеобразия специалиста, которое повседневно проявляется в процессе профессиональной деятельности специалиста, оценивается как внешняя профессиональная культура специалиста и определяют индивидуальный стиль профессиональной деятельности специалиста. К профессионально важным качествам относят [4].

1. Социально-педагогическая направленность – predisposition к социально-педагогической деятельности, проявляемая в интересах, потребностях человека, его мотивах, целях, идеалах.

2. Нравственные качества – нравственное своеобразие специалиста, характеризуемое: усвоенными нормами морали – общечеловеческими ценностями в отношении к человеку, общению, социально-педагогической деятельности; нравственным идеалом в профессиональной деятельности – отношением и характером проявления в социально-педагогической деятельности; нравственными чувствами – удовлетворением от повседневного проявления нравственности (уважения к человеку, его достоинству), стремлением помочь, поддержать в решении социальных проблем; неудовлетворением при виде нерешённых социальных проблем человека, при несоблюдении моральных норм как самим специалистом, так и другими людьми. Они проявляются в таких чувствах специалиста, как долг, совесть и честь.

3. Коммуникативные (лат. communico – делаю общим, связываю, общаюсь) качества – способность быстро и правильно строить общение. Социальный работник постоянно находится во взаимодействии, общении с тем человеком, кому нужна его помощь. Действенность его деятельности зависит от искусства общения с осуждёнными. К коммуникативным качествам относятся:

– контактность в общении – способность входить в общение с людьми и обеспечивать наиболее целесообразное взаимодействие с ними. Данная способность профессионально важна для социального работника;

– суггестопедийность – внушающее влияние субъекта социально-педагогической деятельности на объект профессиональной деятельности. Каждый человек способен в той или иной степени влиять на другого. Георги Кирилов Лозанов – болгарский психотерапевт (1926) ввел термин «суггестопедия», который означает использование внушения в процессе обучения. По отношению к социальному работнику в пенитенциарном учреждении суггестопедийность означает способность специалиста к вербальному или невербальному доминированию в процессе социально-педагогической деятельности с осуждённым (внушение словом, интонацией или мимикой, жестами, действиями). Она проявляется в виде действенности авторитета специалиста, владении им искусством общения с людьми, убеждении, увлечении их, заражении идеями самореализации, поиска вариантов, побуждении к самореализации.

4. Социально-перцептивные качества (лат. perceptio – восприятие и socialis – общественный) – восприятие, понимание и оценка людьми социальных объектов (других людей, самих себя, групп). Термин «социальная перцепция» ввел американский психолог Джером Сеймур Брунер (1915) для обозначения факта социальной обусловленности восприятия, его зависимости не только от характеристик стимула – объекта, но и прошлого опыта субъекта, его целей, намерений, значимых ситуаций. Социально-перцептивные качества социального работника отражают его способность видеть и понимать как свое внутреннее состояние, так и человека, с которым он работает. К ним относятся:

– профессиональная наблюдательность – видение особенностей человека, динамики их проявления. Для социального работника исключительно важным фактором выступает то, что и как он способен наблюдать в себе и в другой личности;

– профессиональная интуиция – способность видеть взаимосвязь проявления особенностей личности и внутреннего состояния человека, его индивидуальных черт, перспектив их изменения, возможности решения стоящих перед ним социальных проблем. Она формируется на основе практического опыта социально-педагогической работы с различными типами осуждённых. Характерный пример проявления перцептивных способностей воспитателя привел А.С. Макаренко в «Педагогической поэме»: «Мой глаз в то время был уже достаточно набит, и я умел с первого взгляда, по внешним признакам, по неуловимым гримасам физиономии, по голосу, по походке, еще по каким-то мельчайшим завиткам личности, может быть, даже по запаху, сравнительно точно предсказать, какая продукция может получиться в каждом отдельном случае из этого сырья» [2]. Для социального работника в пенитенциарном учреждении исключительно важно уметь видеть своеобразие и индивидуальность личности осуждённого, его социальные проблемы и возможности их решения активизацией целенаправленной самореализации;

– рефлексия – умение видеть себя глазами другого;

го человека. Специалист социальной сферы работает с людьми, и умение видеть себя со стороны позволяет ему критически относиться к своему поведению и к тому, что и как он делает, более ответственно относиться к своей профессиональной деятельности. Рефлексия дает возможность оценить свои недостатки и состояние и целенаправленно работать над собой по самосовершенствованию, волевым усилием добиваться целесообразного самоуправления в процессе профессиональной деятельности, общения, взаимодействия;

- педагогическое мышление – способность социального работника осознанно использовать психолого-педагогические знания в процессе профессиональной деятельности, осмысливать педагогические ситуации и способы их решения;

- профессиональное воображение – способность специалиста в процессе социально-педагогической работы представлять поведение свое, осужденного, динамику их изменения. Оно позволяет специалисту определять наиболее целесообразное с профессиональной точки зрения поведение.

Педагогическое мышление и профессиональное воображение развиваются в процессе накопления знаний, их осмысления, решения профессиональных задач в процессе социально-педагогической деятельности, накопления опыта наиболее целесообразного разрешения педагогических ситуаций по отношению к различным категориям контингента пенитенциарного учреждения.

5. Эмоциональные качества – характеризующие переживания специалиста, которые он испытывает при встрече с социальными проблемами осужденного в процессе социально-педагогической деятельности и оказывающие существенное влияние на его профессиональную деятельность. Среди них:

- эмоциональная устойчивость – самообладание, способность к саморегуляции, позволяющая социальному работнику владеть собой в различных ситуациях профессиональной деятельности. Она выступает важным условием действенности деятельности социального работника, так как позволяет ему управлять своим состоянием в различных условиях профессиональной деятельности, принимать взвешенные, осмысленные решения, добиваться достижения цели;

- эмпатия – способность эмоционально отзываться на переживания объекта социальной работы, сопереживать ему в процессе взаимодействия, общения. Социальный работник общается с конкретным человеком. В этих условиях способность к сопереживанию позволяет ему с большим пониманием и участием относиться к его внутреннему состоянию, тем реальным социальным проблемам, которые он имеет, лучше понимать его внутренний мир, переживания. Эмпатия в данном случае позволяет специалисту подбирать и использовать необходимые средства и приемы взаимодействия, которые в большей степени помогут ему в работе.

Следует иметь в виду, что социальный работник пенитенциарного учреждения имеет дело с людьми, нару-

шившими закон, переживающими сложные социальные проблемы. Особенности взаимодействия со сложным контингентом пенитенциарного учреждения нередко приводит к деформации личности (профессиональной деформации) специалиста. Практика работы специалистов в области пенитенциарной социальной работы показывает необходимость учета особенностей эмоциональной устойчивости и эмпатии социального работника [10]. С этой целью рекомендуется:

- проводить профессиональный отбор специалистов для работы в пенитенциарных учреждениях. Людям глубоко эмпатичным не рекомендуется работать с теми, кто находится в особенно тяжелом состоянии и вызывает соответствующее сострадание;

- сопереживания специалиста в работе с осужденными должны носить внешне эмоциональное проявление и не переноситься вовнутрь;

- активно учиться управлять своими чувствами, уметь, переключаться, снимать эмоциональное напряжение;

- руководствоваться «правилом жизни»: состояние в работе с осужденными переключается на иное в общении с сотрудниками, коллегами и особенно на поведение в семье [9].

Внешняя сторона социально-педагогической культуры специалиста – *индивидуальный стиль педагогической деятельности* – своеобразие индивидуального проявления профессионального мастерства и техники в процессе социально-педагогической деятельности. Он обуславливает особенности профессиональной деятельности социального работника пенитенциарного учреждения, его результативность и включает следующие элементы.

1. Проявление себя как личности специалиста-профессионала. В профессиональной деятельности проявляется конкретный человек.

2. Отношение специалиста к самому себе, субъектам профессиональной деятельности, к своей работе с ними.

3. Своеобразие реализации (проявления) профессионального мастерства в процессе профессиональной деятельности социального работника через:

- реализацию социально-педагогических технологий, методов и методик, средств и приемов педагогической деятельности;

- проявление в социально-педагогической деятельности педагогической техники специалиста (самоуправления, вербального и невербального, непосредственного и опосредованного воздействия на человека, культуры общения, культуры речи). Через нее специалист реализует себя в социально-педагогической деятельности.

4. Педагогический такт и этика в процессе социально-педагогической деятельности – выполнение специалистом этических норм и правил в процессе профессиональной деятельности.

5. Наиболее проявляемый уровень достигаемых результатов в работе специалиста.

6. Можно выделить наиболее типичные формы проявлений внешней профессиональной культуры специалиста:

– естественная, повседневная имеет место у людей, для которых естественность проявления в деятельности является нормой в общении с сотрудниками, в работе с осуждёнными;

– показная, или демонстрационная, характерна для людей, которые в определенных ситуациях стараются показать себя иными, чем являются на самом деле. Чаще всего «демонстрационная» деятельность проявляется тогда, когда они работают с людьми, когда результат может сказаться на их карьере, когда они хотят из каких-либо побуждений продемонстрировать своё умение, мастерство;

– ситуативная касается людей, поведение которых зависит от среды их проявления, социального статуса, который он занимает в ней: в общении с сослуживцами, на отдыхе, в работе с различными категориями осуждённых [4].

Таким образом, профессиональная культура специалиста по социальной работе в пенитенциарном учреждении включает в себя профессиональные знания, опыт и стремление к их постоянному совершенствованию, взаимосвязь процессуальности и стремления к профессиональному творчеству; умение выделять совокупность методологических идей, направленных на решение проблем человека и общества, и осуществлять поиск оптимальных путей решения этих проблем.

Библиографический список

1. *Исаев В. Ф.* Профессионально-педагогическая культура преподавателя: Учеб. пос. для студ. высш. учеб. завед. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 208 с.
2. *Макаренко А. С.* Педагогические сочинения. В 8 т. Т.3. М.: Педагогика, 1984.
3. *Мардахаев Л. В.* Социальная педагогика: учебник. М.: Гардарики, 2005. 269 с.
4. *Мардахаев Л. В.* Социальная педагогика: учеб. для студ. высш. учеб. завед. М.: Издательство РГСУ: Издательство «Омега-Л», 2013. 416 с. (Социальное образование XXI века)
5. *Морева Н. А.* Основы педагогического мастерства: учеб. пос. для вузов. М.: Просвещение, 2006. 320 с.
6. *Равен Дж.* Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М.: Когито-Центр, 2006. 396 с.
7. *Словарь-справочник по педагогике.* Авт.-сост. В. А. Мижериков. Под общ. ред. П. И. Пидкасистого. М.: ТЦ Сфера, 2004. 448 с.
8. *Софронова С. А.* Правовая культура и критерии оценки её уровня у сотрудников УИС [Электронный ресурс] // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2012. №2. Режим доступа: <http://ucpr.arbicon.ru/vuin95.html>
9. *Тюрикова Г. Н., Филатова О. В., Гнездилова И. Ю.* Современное состояние и перспективы развития профессионального образования специалистов в области социальной работы в пенитенциарных учреждениях России // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки» 2014. №2(58). С. 370-374.
10. *Филатова О. В., Гнездилова И. Ю.* Некоторые аспекты профессиональной подготовки кадров для социально-педагогической работы в пенитенциарных учреждениях в контексте компетентностного подхода // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. №6. Орёл. 2011. С. 471-476.

References

1. *Isaev V. F.* Professional and pedagogical culture of the teacher: Textbook. a manual for students. M.: Publishing center "Academy", 2002. 208 p.
2. *Makarenko A. S.* Pedagogical works. 8 Vol. V. 3. M.: Pedagogy, 1984.
3. *Mardahaev L. V.* Social pedagogy: Textbook. M.: Gardariki, 2005. 269 p.
4. *Mardahaev L. V.* Social pedagogy: textbook for students. M.: Publishing RSSU: Publishing house "omega-L", 2013. 416 p. (Social education XXI century)
5. *Moreva N. A.* The basis of pedagogical skill: Teaching. manual for schools. M.: Education, 2006. 320 p.
6. *Raven J.* Competence in modern society. Identification, development and implementation. M.: Kogito-CENTR, 2006. 396 p.
7. *Dictionary-reference book on pedagogy.* Auth.-comp. V. A. Mizherikov. Under total. ed. P. I. Pitkasilta. M.: TC Field, 2004. 448 p.
8. *Sofronova S. A.* Legal culture and criteria of estimation of its level at the prison staff [Electronic resource] // Vedomosti of the penal system. 2012. № 2. Available at: <http://ucpr.arbicon.ru/vuin95.html>
9. *Tyurikova G. N., Filatova O. V., Gnezdilova I. Yu.* Current state and prospects of development of professional education of specialists in the field of social work in penitentiary institutions in Russia // Scientific notes of Orel State University. Series "Humanitarian and social Sciences". Scientific journal. 2014. №2 (58). Pp. 370-374.
10. *Filatova O. V., Gnezdilova I. Yu.* Some aspects of vocational training for socio-pedagogical work in penal institutions in the context of competence approach // Scientific notes of Orel State University. Scientific journal. № 6. Orel. 2011. Pp. 471-476.

И.В. ХРИПУНОВ

сотрудник ЮСНИШ «Основы нанотехнологий», магистрант, Орловский государственный университет
E-mail: ivanzypher@yandex.ru

О.И. МАРКОВ

доктор физико-математических наук, доцент, зав. кафедрой физики, Орловский государственный университет
E-mail: O.I.Markov@mail.ru

Ю.В. ХРИПУНОВ

кандидат физико-математических наук, доцент, кафедра общей, биологической, фармацевтической химии и фармакогнозии, Орловский государственный университет
E-mail: Phyrexia@yandex.ru

I.V. HRIPUNOV

Employee of junior specialized research school "Basis of nanotechnologies", master, Orel State University
E-mail: ivanzypher@yandex.ru

O.I. MARKOV

Doctor of physical and mathematical sciences, Associate Professor, Head of the physics, Orel State University
E-mail: O.I.Markov@mail.ru

Y.V. HRIPUNOV

Candidate of physical and mathematical sciences, Associate Professor, Department of the general, biological, pharmaceutical chemistry and pharmacognosy, Orel State University
E-mail: Phyrexia@yandex.ru

**О ПРОБЛЕМЕ ИНТЕГРАЦИИ ШКОЛЬНОГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ И ВУЗА**

**ABOUT THE PROBLEMS OF INTEGRATION OF SCHOOL AND HIGHER EDUCATION ON THE EXAMPLE
OF THE INTERACTION SYSTEM OF ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN AND THE UNIVERSITY**

В статье рассказывается о концепции непрерывного образования от школы до вуза, ее структуре на примере взаимодействия системы дополнительного образования детей нового поколения – Юношеской специализированной научно-исследовательской школы ЮСНИШ «Основы нанотехнологий», школы и вуза.

Ключевые слова: концепция системы дополнительного образования детей нового поколения, ЮСНИШ «Основы нанотехнологий», непрерывное образование, научно-исследовательская деятельность школьников.

The article describes the concept of lifelong education from school to university, its structure as an example of the interaction of additional education of children of the new generation - the Youth specialized research school JSRS "Basics of nanotechnology", the school and the university.

Keywords: the concept of additional education of children of the new generation, JSRS "Basics of nanotechnology", continuing education, research activities of students.

В настоящее время развитие нанотехнологической отрасли определяет основные направления подготовки современных специалистов в виде непрерывного образования, начиная со школы. Основными требованиями, предъявляемыми к будущему профессионалу, являются междисциплинарность и мобильность, то есть максимальный охват различных областей науки, производства и управления и способность вводить их во взаимодействие с целью получения высокотехнологичного продукта. В связи с этим возникла идея подготовки будущих специалистов на всех образовательных уровнях: от школы до вуза. «Стратегия развития nanoиндустрии» [1] предъявляет новые требования к системе образования в сфере нанотехнологий: «Образование в XXI веке должно стать по-настоящему доступным и непрерывным. Междисциплинарный подход будет постепенно приходить на смену отраслевому, что сформирует условия для подготовки специалистов с системным мышлением – лидеров, способных воспринимать нанотехнику как сплав индустрии, науки, экономики и духовной ор-

ганизации общества». Данные обстоятельства требуют введения соответствующих образовательных программ на всех уровнях обучения (от школы до вуза).

О возможном пути решения данной проблемы будет сказано ниже на примере реализации специального образовательного проекта на базе системы дополнительного образования детей Юношеской специализированной научно-исследовательской школы (ЮСНИШ) «Основы нанотехнологий».

В целях реализации указа Президента от 7 мая 2012 года №599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [2], распоряжением Правительства от 4 сентября 2014 года №1726-р утверждена Концепция развития дополнительного образования детей [3], предусматривающая государственную поддержку. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2015 года №729-р утвержден план мероприятий на 2015-2020 годы по реализации Концепции дополнительного образования детей [4].

Анализ опыта педагогов-методистов России [5-8] и опыт работы нашего вуза с детьми в области научно-исследовательской деятельности [9-15] позволил сделать определенные выводы. Для построения системы непрерывного образования, на наш взгляд, необходимо создать следующую схему взаимодействия системы дополнительного образования детей (ДОД) со школой и вузом (рисунок 1).

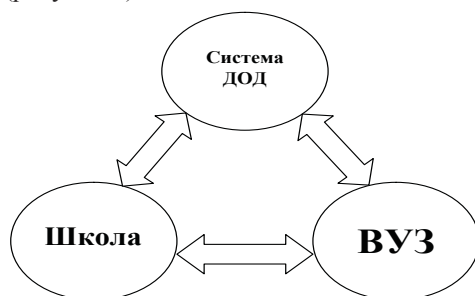

Рис. 1. Схема взаимодействия системы дополнительного образования детей со школой и вузом.

Для реализации предложенной схемы – создания системы непрерывного образования – необходимо решить следующие задачи:

- создать на базе ДОД систему (исследовательскую школу – ИШ), использующую междисциплинарный комплексный подход (МКП) в обучении;
- адаптировать и интегрировать ИШ со школьным и высшим образованием.

С этой целью в 2009 году на базе научно-исследовательской лаборатории «Физика полупроводников и наноструктур» кафедры физики физико-математического факультета Орловского государственного университета в сотрудничестве с учреждением дополнительного образования «Заводским домом детского и юношеского творчества» была открыта ЮСНИШ «Основы нанотехнологий» для учащихся 9-11-х классов. Для этой школы был специально разработан план работы и адаптированный учебный курс по основам нанотехнологий, базирующийся на знаниях учеников в рамках школьных программ по физике и химии за 9-11 классы в созданном специальном нанотехнологическом классе. Курс подготовки состоит из двух частей: теоретической и практической, что является несомненным его достоинством, так как это позволяет ученикам, предварительно получив необходимые сведения, непосредственно работать с нанообъектами. Основной целью данного курса является подготовка учеников для проведения самостоятельных научных исследований с последующим оформлением результатов их работы в виде статей и тезисов конференций с дальнейшим выступлением и защитой полученных результатов.

Базируясь на школьном образовании и используя научно-техническую и кадровую базу университета, через систему ДОД становится возможным вести научно-исследовательскую работу со школьниками. Одним из эффективных направлений в данной деятельности является экспериментальная работа с обучающимися на основе композиционных материалов и элементов коллоидной химии, с привлечением адаптированного ис-

следовательского оборудования и инструментария. Результатами этой работы явились многочисленные публикации в научной печати, победы и призовые места в научных конкурсах и профориентированность детей на поступление в ведущие вузы на направления подготовки, тесно связанные с нанотехнологической отраслью.

Рис. 2. Занятия с воспитанниками ЮСНИШ «Основы нанотехнологий».

Главной особенностью проекта ЮСНИШ, в отличие от школ для одаренных детей, является его доступность и массовость, то есть вовлечение большого числа детей в творческую научную деятельность. Система ЮСНИШ выстроена таким образом, что обучение в ней доступно любому желающему и проводится на бесплатной основе. Программа школы опирается на «средние» знания по предметам школьного цикла. Проект рассчитан на два года с возможностью продолжения ведения научно-исследовательской деятельности.

Цель проекта: популяризация нанотехнологий среди юношества и начальная подготовка мобильных специалистов с междисциплинарным мышлением.

Задачи проекта:

- создать и отработать систему междисциплинарного комплексного подхода в обучении;
- создать и отработать модель непрерывного образования от старшей школы до магистратуры;
- создать образовательное пространство для выбора образовательного маршрута;
- ознакомить с основными закономерностями нанотехнологической картины мира;
- осуществить подготовку мобильных междисциплинарных специалистов-управленцев.

Основным в работе системы ЮСНИШ является взаимодействие студенческой молодежи и школьников старшего звена. Проект предусматривает три ступени подготовки:

1 ступень (10-11 класс) – учащиеся ЮСНИШ «Основы нанотехнологий», работающие в научных группах (до 8 групп на год обучения) для решения исследовательских междисциплинарных (нанотехнологических) задач. Основные направления деятельности:

- воспитание личности ученого-исследователя, способного творчески решать задачи с использованием

междисциплинарного подхода;

- обучение основам анализа фактов и развитие способности делать обоснованные и достоверные выводы;
- способность работать в коллективе;
- формирование умения представить материалы для общего восприятия и обсуждения и развитие умения защищать свои выводы (это может быть построено на принципе: рассказывая свой материал, сам себе задавай вопросы и ищи на них обоснованные ответы;

2 ступень (бакалавр) – работа наставником проекта ЮСНИШ «Основы нанотехнологий». Основные направления деятельности:

- руководство исследовательской группой школьников – учащихся ЮСНИШ;
- обучение мобильности при переходе студента от руководства одним коллективом школьников к другому, то есть задачи в школьных группах делятся на части, каждую из которых группа решает с отдельным руководителем. Это позволяет студенту-наставнику приобрести навыки мобильности (не заикливаться на решении одной задачи);
- оптимизация решения задач (при решении задачи определяются и создаются необходимые и достаточные условия для реализации ее решения);
- выполнение выпускной квалификационной работы по результатам выполнения группами исследовательских заданий;

3 ступень (магистрант) – решение более крупной самостоятельной научно-исследовательской задачи. Основные направления деятельности:

- формулировка основной задачи и разделение ее на части для выполнения научными группами;
- руководство студентами-наставниками и координация их деятельности в группах по решению частей общей основной задачи;
- написание магистерской диссертации по результатам управленческой деятельности;
- обучение, при решении задачи, определению и созданию необходимых и достаточных условий для реализации ее решения.

Каждая ступень имеет свои особенности реализации. Проект имеет шестилетний опыт работы. Опыт проекта многократно представлен на международных и всероссийских конференциях и научной печати.

Данная схема позволяет:

- создать образовательное пространство для построения наиболее эффективного образовательного

маршрута;

- будущему специалисту пройти все этапы от исполнителя до руководителя в междисциплинарной научно-исследовательской деятельности, что позволяет подготовить современного специалиста-управленца, способного осуществлять научную, административную и производственную деятельность;
- сократить время для подготовки мобильно междисциплинарного специалиста.

Таким образом, в созданной модели образования обучающиеся проходят все ступени от непосредственного исполнителя эксперимента до среднего и старшего руководителя. Преимуществом данной модели образовательного маршрута является работа с экспериментом, а не только с теорией, что позволяет воспитывать ответственность за предлагаемые задачи и более тщательный учет всех возможных факторов при прогнозировании пути решения задачи.

Главным достоинством схемы является сокращение времени по внедрению в учебный процесс современных научных разработок за счет введения в эту схему студентов. То есть накопленный опыт передается от магистранта студенту, от студента школьнику, и одновременно происходит обучение студентов у школьников, магистрантов у студентов и школьников. Таким образом, полученные и обработанные знания магистров «тут же» переходят от магистранта к студенту и к школьникам. К тому же происходит адаптация будущих абитуриентов к студенческой и научной среде. Следует отметить, что при объяснении материала студент или магистрант задается уточняющими вопросами в рамках объясняемого материала, затем, отвечая на них, пополняет базу своих знаний и снова объясняет, таким образом происходит эффективное самообучение.

Работа всей трехступенчатой системы ЮСНИШ направлена, прежде всего, на достижение научного результата, а не на поиск решения учебной задачи, что дает непосредственное преимущество при подготовке специалиста. При поддержке и дальнейшей реализации проекта ЮСНИШ «Основы нанотехнологий» открывается возможность создания высококвалифицированного кадрового потенциала для всех уровней функционирования административных, производственных и научно-исследовательских систем на базе российских регионов. Проект ЮСНИШ также может лечь в основу концепции реализации подготовки кадров в отдельных регионах страны с учетом специфики субъектов РФ.

Библиографический список

1. Президентская инициатива «Стратегия развития nanoиндустрии» (Поручение Президента Российской Федерации от 24.04.2007. № Пр-688).
2. Указ Президента от 7 мая 2012 года №599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»
3. Распоряжение Правительства от 4 сентября 2014 года №1726-р об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2015 года №729-р об утверждении плана мероприятий на 2015-2020 годы по реализации Концепции дополнительного образования детей
5. Разумовский В.Г. Проблема научной компетентности современного школьника / В.Г. Разумовский, А.В. Полуяхтов // Теория и практика современного образования. 2009. №5. С. 7-13.

6. Наумов А.Л. Формирование проблемной компетенции учащихся в проектной деятельности // Физика в школе. 2010. №3. С.57-61.
7. Лобова Л.П. Нанотехнологии и школьное образование // Физика в школе. 2009. №3 С.23-26.
8. Полухатов А.В. Учебно-исследовательский практикум – эффективный способ формирования естественнонаучной грамотности школьников. // Физика в школе. №7. 2012. С.37-45.
9. Марков О.И. Опыт работы юношеской школы «Основы нанотехнологий» / О.И. Марков, В.В. Митяев, Ю.В. Хрипунов // Вестник науки: сб. статей / ОГУ. Орёл, 2012. Вып. 11. С. 207-212.
10. Марков О.И. О формировании личности исследователя в рамках работы юношеской школы «Основы нанотехнологий» / О.И. Марков, И.В. Хрипунов, Ю.В. Хрипунов // Материалы Международной научно-методической конференции «Проблемы современного образования в условиях глобализации» / Чита, Россия, 2013. Чита, 2013. Ч.2. С.109-114.
11. Хрипунов И.В. О проблеме достоверности и обоснованности результатов экспериментальных исследований у учащихся образовательных школ / И.В. Хрипунов, О.И. Марков, Ю.В. Хрипунов // Учёные записки Орловского государственного университета. 2013. №5 (53). С. 105-111.
12. Марков О.И. Об организации коллективной формы работы при формировании личности молодых исследователей «Основы нанотехнологий» / О.И. Марков, И.В. Хрипунов, Ю.В. Хрипунов // Сборник статей Международной заочной научно-практической конференции «Инновационные процессы в современной школе: Методология, теория и практика», посвященной 75-ю ТГПУ им. Л.Н. Толстого/ Тула, Россия, 2013. Тула, 2013. С.172-175.
13. Хрипунов И.В. О междисциплинарном комплексном подходе в обучении в рамках работы Юношеской специализированной научно-исследовательской школы (ЮСНИШ) «Основы нанотехнологий» / И.В. Хрипунов, О.И. Марков, Ю.В. Хрипунов // Учёные записки Орловского государственного университета. 2013. №6 (56). С. 76-82.
14. Марков О.И. Научно-исследовательская деятельность школьников в области нанотехнологий как эффективная система профориентационной работы – коллективная монография / Ю.В. Хрипунов, И.В. Хрипунов//Инновационные технологии довузовского образования – коллективная монография. Орел: ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2014. С. 43-46.
15. Хрипунов И.В. Использование междисциплинарного комплексного подхода при осуществлении научно-исследовательской деятельности школьников в области нанотехнологий / И.В. Хрипунов, О.И. Марков, Ю.В. Хрипунов // Сборник статей IV Международной научно-практической конференции Современные технологии в Российской и зарубежных системах образования. Пенза, 2015. Пенза, 2014. С.75-79.

References

1. Presidential initiative “Strategy of development of nanotech industry” (Order of the President of the Russian Federation of 24.04.2007. № 688).
2. The decree of the President of May 7, 2012 No. 599 “About measures for realization of a state policy in the fields of education and sciences”
3. The order of the Government of September 4, 2014 №. 1726 about the approval of the Concept of development of additional education of children
4. The order of the Government of the Russian Federation of April 24, 2015 №. 729 about the approval of the plan of measures for 2015-2020 on implementation of the Concept of additional education of children.
5. Razumovsky V.G. Problem of scientific competence of the modern school student / V.G. Razumovsky, A.V.Poluyakhtov//Theory and practice of modern education. 2009. No. 5. Pp. 7 - 13.
6. Naumov A.L. Formation of problem competence of pupils in design activity //Physics at school. 2010. No. 3. Pp. 57-61.
7. Lobova L.P. Nanotechnologies and school education //Physics at school. 2009. No. 3. Pp. 23-26.
8. Poluyakhtov A.V. Educational and research practical work – an effective way of formation of natural-science literacy of school students. // Physics at school. No. 7. 2012. Pp. 37-45.
9. Markov O.I. Experience of junior school “Bases of Nanotechnologies” / O.I.Markov, V.V. Mityaev, Yu.V.Hripunov//Messenger of science: collection of articles / OSU. Orel. Is. 11. Pp. 207-212.
10. Markov O.I. About formation of the identity of the researcher within work of junior school “Bases of Nanotechnologies” / O.I.Markov, I.V.Hripunov, Yu.V.Hripunov//Materials. International scientific and methodical “Problems of Modern Education in the conditions of Globalization” / Chita conferences, Russia, 2013. Chita, 2013. P.2. Pp. 109-114.
11. Hripunov I.V. About a problem of reliability and validity of results of pilot studies at pupils of educational schools / I.V. Hripunov, O.I.Markov, Yu.V.Hripunov//Scientific notes of Orel State University. 2013. № 5 (53). Pp. 105-111.
12. Markov O.I. About the organization of a collective form of work when forming the identity of young researchers “A basis of nanotechnologies” / O.I.Markov, I.V.Hripunov, Yu.V.Hripunov//the Collection of articles of the International correspondence scientific and practical conference “Innovative processes at modern school: Methodology, the theory and practice”, devoted 75 TSPU of L.N. Tolstoy / Tula, Russia, 2013. Tula, 2013. Pp. 172-175.
13. Hripunov I.V. About an interdisciplinary integrated approach in training within work of the Junior Specialized Research School (JSRS) “Basis of nanotechnologies” / I.V. Hripunov, O. I. Markov, Yu.V. Hripunov // Scientific notes of Orel State University. 2013. №6 (56). Pp. 76-82.
14. Markov O. I. scientific-research activity of school students in the field of nanotechnologies as effective system of professional orientation work – the collective monograph / Yu.V. Hripunov, I.V. Hripunov//Innovative technologies of pre-university education – the collective monograph. Orel: Federal public budgetary educational institution of higher education «OSU», 2014. Pp. 43-46.
15. Hripunov I.V. Use of an interdisciplinary integrated approach at implementation of research activity of school students in the field of nanotechnologies / .V. Hripunov, O. I. Markov, Yu. V. Hripunov // the Collection of articles IV of the International scientific and practical conference Modern technologies in Russian and foreign education systems. Penza, 2015. Penza, 2014. Pp.75-79.

УДК 577.121:616-006.4

UDC 577.121:616-006.4

М.А. ЯРОВАТАЯ

кандидат биологических наук, доцент, кафедра общей, биологической, фармацевтической химии и фармакогнозии, Орловский государственный университет

А.А. ТАКАНАЕВ

доктор биологических наук, профессор, кафедра общей, биологической, фармацевтической химии и фармакогнозии, Орловский государственный университет

Е.И. ЮШКОВА

доктор биологических наук, профессор, кафедра общей, биологической, фармацевтической химии и фармакогнозии, Орловский государственный университет

E-mail: kin1@orel.ru

M.A. YAROVATAYA

Candidate of biological sciences, Associate Professor, Department of General, Biological, Pharmaceutical Chemistry and Pharmacognosy, Orel State University
E-mail: maya0330@mail.ru

A.A. TAKANAIEV

Doctor of biological sciences, Professor, Department of General, Biological, Pharmaceutical Chemistry and Pharmacognosy, Orel State University

E.I. YUSHKOVA

Doctor of biological sciences, Professor, Department of General, Biological, Pharmaceutical Chemistry and Pharmacognosy, Orel State University

E-mail: kin1@orel.ru

ИЗУЧЕНИЕ N-ГАЛОИДАЛКИЛАМИНОВ КАК ОСНОВА ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА ПО БИОХИМИИ «МЕХАНИЗМЫ ПАТОГЕНЕЗА БОЛЕЗНЕЙ»

THE STUDY OF N-ALKYLHALIDESAMINES AS THE BASIS OF THE ELECTIVE COURSE IN BIOCHEMISTRY "MECHANISMS OF DISEASE PATHOGENESIS"

В статье представлены данные о метаболизме N-галоидалкиламинов в нормальных и в опухолевых клетках. Данная работа предназначена для студентов лечебного и фармацевтического отделения МИ ОГУ как один из разделов методического пособия, так как будущему лечащему врачу и провизору важно ознакомиться с принципами управления судьбой лекарственного вещества в организме и его биотрансформацией в норме и патологии.

Ключевые слова: нитрозамины, N-галоидалкиламины, алкилирующие агенты, противоопухолевая активность, канцерогенная активность, биотрансформация.

The article describes the metabolism of N-alkyl halides amines in normal and tumor cells. This article is written for the students of the General medicine and Pharmaceutical departments of the MI OSU (Medical Institute of the Orel State University); it is a part of the learning guide and it will help future physicians and pharmacutists to get the idea of the methods to control the effects of pharmaceutical drugs in the human body and their biotransformation both normal and pathological.

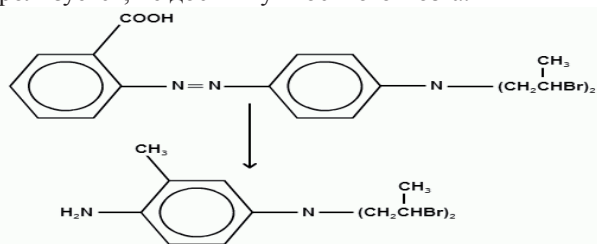
Keywords: nitrosamines, N-alkyl halides amines, alkylating agents, antineoplastic activity, carcinogenic activity, biotransformation.

Для понимания роли алкилирования в реализации биологической активности производственных аминов большое значение имеет исследование еще одного класса алкилирующих соединений галоидалкиламинов. В отличие от нитрозаминов, которые становятся алкилирующими агентами только после ряда метаболических превращений, галоидалкиламины относятся к классическим алкиляторам прямого действия [2]. Высокая биологическая активность галоидалкиламинов связана с их способностью к диссоциации в водных растворах с образованием карбониевых ионов, которые активно реагируют с ионизированными кислотными, тиольными группами и незаряженными аминогруппами нуклеиновых кислот и белков. Обычно алкилирующие агенты действуют по SN_2 -механизму, включающему

образование промежуточного комплекса, но в ряду галоидалкиламинов, содержащих ароматический азот, могут действовать по SN_1 -механизму, в котором стадией, лимитирующей скорость, является ионизация с образованием карбониевого иона [3].

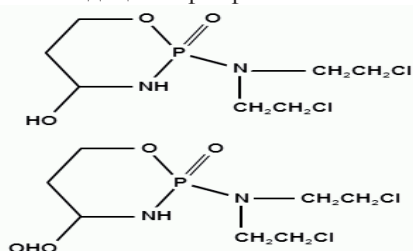
Бифункциональные алкилирующие агенты образуют ковалентные сшивки между основаниями одной и той же цепи или комплементарными основаниями нуклеотидных цепей нативной ДНК, а также между ДНК и ядерными белками. В связи с тем, что алкилирующие агенты реагируют со многими биологическими молекулами, изучение механизма цитотоксичности затруднено. Наиболее чувствительным участком в клетке является ДНК, алкилирование которой ведет к нарушению матричных функций в про-

цессе репликации и транскрипции. По другой гипотезе, основными мишенями являются гликолитические пути метаболизма, клеточные мембраны, нуклеопотеины и цАМФ-фосфодиэстеразы. Попадая в организм, галоидалкиламины взаимодействуют с нуклеофильными центрами не только опухолевых клеток, но и нормальных, повреждая те и другие. Поэтому терапевтический эффект зависит от степени повреждения нормальных и опухолевых клеток. Биохимические и клеточно-кинетические свойства опухоли, снабжение её кровью, место новообразования в организме – это те факторы, которые определяют её чувствительность к химиотерапии. Степень противоопухолевого эффекта алкилирующих агентов определяется также распределением по тканям, кинетикой выведения и деструкции, дифференцированным метаболизмом в нормальной и опухолевой клетке и возможностью репарации поврежденных макромолекул. Немаловажную роль в селективности галоидалкиламинов имеет качественный спектр энзимов в органе, пораженном опухолью. Например, в первичной опухоли наблюдается высокая активность азо-редуктазы, которая может повреждать нецитотоксический азоиприт в химически реакционноспособный и высокоцитотоксический амин, который нестойкий и гидролизуется, не достигнув костного мозга.

Аналогичные результаты получены при исследовании ароматического галоидалкиламина – производного анилина, который превращается в пароглюкуронид в печени и затем гидролизует до высокотоксичного пара-гидроксианилингалогалоидалкиламина в опухолевых клетках с аномально высоким уровнем глюкуронидазы. Отсутствие каких-либо ферментов в раковых клетках также может сделать их чувствительными к химиотерапии.

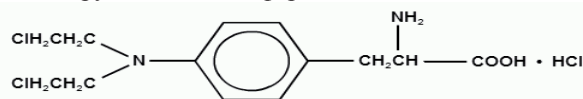
После длительных исследований выяснилось, что высокая селективность циклофосфана связана с его гидроксилированием в печени до 4-гидроксициклофосфана, который находится в равновесии с таутомерным альдегидом – альдоциклофосфаном.

Из-за низкого уровня дегидрогеназ в опухолевых клетках альдегидная форма подвергается химической β -элиминации с образованием цитотоксического фтора-

мидного производного.

Особое положение в ряду «алкилирующих метаболитов» занимает сарколизин, который вызывает расстройство системы энергообмена опухолевых клеток. Кроме того, под действием сарколизина нарушаются процессы транспорта аминокислот в опухолевые клетки и ингибируется система ферментов катаболизма.

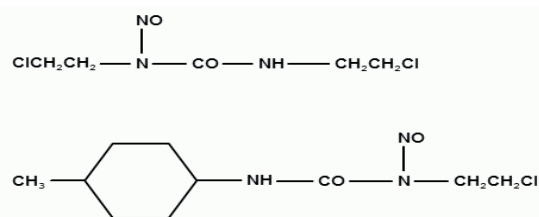
Видимо, структура фенилаланина – носителя алкилирующего препарата – имеет значение в процессах распределения вещества в организме, активного переноса через мембраны, катаболического распада и, возможно, при взаимодействии алкилятора с рецептором.

Синтез и изучение таких веществ, где алкилирующий фрагмент присоединен к различным органическим молекулам, привел к созданию целого ряда алкилирующих препаратов, предложенных для лечения больных злокачественными новообразованиями. Они обладают исключительно высокой и разносторонней биологической активностью, в частности, выраженным противоопухолевым и мутагенным действием.

Ранее отмечалось [5], что гидролиз N-нитрозомочевин инициируется отрывом протона от ненитрозированного атома азота. Подтверждением этого механизма служит стабильность незамещенных N-нитрозомочевин, которые не токсичны по отношению к культуре опухолевых клеток и проявляют биологическую активность только после метаболического деалкилирования ферментами печени. Например, в случае N-метил-N-нитрозомочевин образуется ион диазония и изоциановая кислота – соединения, способные метилировать и карбомилировать биологические макромолекулы.

Именно алкилирующая, а не карбомилирующая активность существенна для проявления противоопухолевого эффекта. Карбомилирование также косвенно вносит свой вклад в цитотоксическую и противоопухолевую активность нитрозомочевин путем ингибирования процессов репарации ДНК, поврежденной и ионизирующей радиации или алкилирующими агентами.

Поэтому клинические алкилнитрозомочевин, как правило, характеризуются наличием в молекуле 2-хлорэтильной группы при нитрозированном азоте и монозамещением у другого азота группами, определяющими различные химические свойства.

а) 1,3-бис-(2-хлорэтил-1-нитрозомочевина);

б) 1-(2-хлорэтил)-3-(4-метил)-циклогексил-1-нитрозомочевина.

Их биологический эффект обусловлен отрывом протона, инициирующего разложения молекулы на алкилирующие и карбомилирующие части.

Можно предположить, что (2-галлоидэтил) диазотат первоначально алкилирует О⁶ гуанидинового остатка ДНК с последующей циклизацией при N¹ с потерей галогена.

Алкилирование этим промежуточным циклом N³-сопряженного цитозинового остатка приводит к ДНК, сшитой 1-(N³-деоксицитидил)-2-(N'-деоксигуанозил)-этаном.

Необходимо добавить, что для многих галоидалкиламинов установлена положительная корреляция между накоплением лекарств в опухоли и их терапевтической эффективностью. Кроме того, противоопухолевые и токсические эффекты галоидалкиламинов наряду с их химической специфичностью по отношению к молекулам-мишеням опухолевых и нормальных клеток во многом также зависят и от их концентрации, и от времени их действия.

Поэтому фармакокинетические и фармакодинамические параметры являются следующим необходимым звеном в поэтапном исследовании и создании противоопухолевых препаратов этого типа.

Следует отметить, что часть теоретического и экспериментального материала этих и предыдущих работ успешно используется при чтении курса лекций по биохимии и проведении практических семинаров для студентов лечебного и фармацевтического отделений медицинского института ОГУ.

Библиографический список

1. Таканаев А.А., Юшкова Е.И., Яроватая М.А. Исследование биологической активности гетероциклических нитрозаминов // Научный журнал «Ученые записки Орловского государственного университета», №3 (59), 2014. С.129-130.
2. Таканаев А.А., Юшкова Е.И., Яроватая М.А. Исследование биотрансформации N-нитрозаминов и их производных // Научный журнал «Ученые записки Орловского государственного университета», №7 (63), 2014. С. 305.
3. Таканаев А.А., Павловская Н.Е., Юшкова Е.И., Яроватая М.А., Лушников А.В. Исследование биологической активности N-галлоидалкиламинов // Научный журнал «Ученые записки Орловского государственного университета», №7 (63), 2014. С.223-225.
4. Таканаев А.А., Юшкова Е.И., Яроватая М.А. Некоторые аспекты биотрансформации N-нитрозосоединений // Научный журнал «Ученые записки Орловского государственного университета», № 4 (67), 2015. С.405-406.
5. Яроватая М.А., Таканаев А.А., Юшкова Е.И. Метаболизм гетероциклических N-нитрозаминов // Научный журнал «Ученые записки Орловского государственного университета», № 4 (67), 2015. С.424-425.
6. <http://www.medfrance.ru/onco/nitrate/nitrozamines/>

References

1. Takanaev A.A., Yushkova E.I., Yarovataya M.A. Biological activity heterocyclic nitrosamines studies // Scientific notes of Orel State University. Vol. 3 – no. 59. 2014, Pp. 129-130.
2. Takanaev A.A., Yushkova E.I., Yarovataya M.A. Biotransformation studies of N-nitrosamines and their derivatives // Scientific notes of Orel State University. Vol. 7 – no. 63. 2014, P. 305.
3. Takanaev A.A., Pavlovskaya N.E., Yushkova E.I., Yarovataya M.A., Lushnikov A.V. N- alkyl halides amines biological activity studies // Scientific notes of Orel State University. Vol. 7 – no. 63. 2014, Pp. 223-265.
4. Takanaev A.A., Yushkova E.I., Yarovataya M.A. Some aspects of N-nitrosocompounds biotransformation // Scientific notes of Orel State University, № 4 (67), 2015. Pp. 405-406.
5. Yarovataya M.A., Takanaev A.A., Yushkova E.I. Metabolism of heterocyclic N-nitrosamines // Scientific notes of Orel State University, № 4 (67), 2015. Pp. 424-425.
6. <http://www.medfrance.ru/onco/nitrate/nitrozamines/>

М.В. АНТОНОВА

доктор филологических наук, профессор, зав.
кафедрой истории русской литературы XI-XIX вв.,
Орловский государственный университет
E-mail: gavrila05@yandex.ru

M.V. ANTONOVA

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of
Russian literature XI-XIX centuries, Orel State University
E-mail: gavrila05@yandex.ru

ЖИТИЕ ТИХОНА КАРАЧЕВСКОГО: ИСТОЧНИКИ И СПЕЦИФИКА СОДЕРЖАНИЯ***HAGIOGRAPHY OF ST. TIKHON KARACHEVSKY: SOURCES AND CONTENT SPECIFICITY**

В статье рассмотрены основные источники современного жития Тихона Карачевского, проанализировано его содержание. Автор приходит к выводу, что текст жития в целом соответствует современным тенденциям агиографии, но его автор излишне вольно использует и трактует краеведческие сведения.

Ключевые слова: житие, краеведение, синодик, иконография, Тихон Карачевский.

The article describes the main sources of contemporary life of Tikhon Karachevsky, its content is analyzed. The author comes to the conclusion that the text of life in general is in line with modern trends hagiography, but the hagiographer too loosely uses and interprets local history information.

Keywords: life, history, Synodik, iconography, Tikhon Karachevsky.

Преподобный Тихон Карачевский входит в Собор Брянских святых, память его празднуется 16/29 июня. Житие Тихона Карачевского сложилось только в начале XXI века, хотя местное почитание подвижника и легенды о нем существовали, вероятно, не позднее начала XVIII века.

Задачей настоящей статьи является анализ источников и специфики содержания Жития Тихона Карачевского, созданного в Новейшее время.

Тихон Карачевский – реальное историческое лицо, основатель Карачевского Воскресенского монастыря, который также по документам и в обиходе именовался Тихоновой Пустынью. В позднее средневековье агио-биография Тихона Карачевского составлена не была. Более того, документы, в которых упоминался преподобный и имелось его иконографическое изображение, к настоящему времени оказались утрачены. В связи с этим характер достоверного источника приобретают труды орловского краеведа XIX века Г.М. Пясецкого. В частности, в книге «История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей» (1899), обращаясь к монастырям и приходским церквям Карачевского уезда, исследователь привлекает к анализу материалы ныне утраченного Синодика Карачевского Воскресенского монастыря «написанномъ житіемъ тоя обители іеромонаха Антонія, трудами тояжь обители іеромонаха Гавріила лѣта от созданія мира 7208, а отъ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа 1700 года», в начале которого вслед за царскими именами был вписан «родъ строителя монаха Тихона, начальника

обители сея» [Цит. по: 5, с. 68], соответственно можно полагать, что именно этот исторический персонаж был основателем и первым игуменом Воскресенского монастыря, который также назывался Тихоновой пустынью. Дата смерти преподобного устанавливается также на основании киноварной записи на полях: «Въ 1609 году Августа въ день преставися рабъ Божій монахъ Тихонъ, начальникъ строителя обители сея» [Цит. по: 5, с. 68].

Никакими точными документальными сведениями, касающимися биографии Тихона Карачевского и времени основания им монастыря, Г.М. Пясецкий не располагал. Вероятно, он пользовался изустными легендами и преданиями, бытовавшими в церковной и околоцерковной среде, что позволило краеведу поместить сообщение о столпничестве святого: «По преданию, преподобный Тихон подвизался на каменном столбе, возвышающемся над вторым этажом монастырской церкви, где устроена небольшая круглая келейка и где, как передают старожилы, висел вестовой колокол, извещавший мирных иноков о приближении Крымских татар, которые некогда производили частые набеги на Карачевский уезд...» [5, 69]. Указывает краевед и на наличие реликвии, связанной с именем Тихона Карачевского: «...здесь же сохраняются и ременные четки преподобного, от которых, впрочем, уцелела только незначительная часть» [5, 69].

По свидетельству Г.М. Пясецкого, «на обороте же первого листа синодика была наклеена картинка, изображающая монастырскую церковь, по сторонам которой имеются изображения (во весь рост) преподобных Арсения и Тихона Карачевского, а вверху их лик Господа

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 15-04-00437).

Иисуса Христа, простирающего к ним Свои божественные длани» [5, с. 69]. Исследователи иконографии И.В. Злотникова и М.А. Комова полагают, что наличие миниатюры на листе Синодика может свидетельствовать о подготовке канонизации Тихона Карачевского в конце XVII в. [3, с. 320-322]. Дополнительным доказательством наличия местного почитания святого обнаруживаем в описании Г.М. Пясецким места захоронения преподобного Тихона. Он «погребен в основанной им обители и над гробницею его в склепе устроен был придел во имя Св. Тихона, Амафусийского чудотворца; в гробнице, под деревянную доскою, сокрыт образ преподобного Тихона Карачевского, писанный на дереве во весь рост» [5, с. 69]. Эти сведения вполне корреспондируют с точкой зрения В.М. Сорокатого, определившего, что возникновению житийной иконы предшествует расположение над местом погребения подвижника иконы патронального святого (в нашем случае – Тихона Амафусийского), а затем появления ростового надгробного изображения [6, с. 36]. Все это говорит о наличии местного почитания Тихона Карачевского в конце XVII в.; сохранялась память о нем и в XIX-XX вв. Однако среди святых, чтимых повсеместно, этот святой был упомянут только после прославления Собора Брянских святых в 2003 г., в это же время было составлено и Житие Тихона Карачевского.

Отметим, что информация о Тихоне Карачевском Г.М. Пясецким вводилась в связи с описанием Воскресенского монастыря, поэтому имя преподобного начинает перечень игуменов обители, составленный на основании данных синодика, приводится также подробная информация о владениях людьми и угодьями, об изменениях в подчинении монастыря и, наконец, о его упразднении, после чего излагается уже история приходского Воскресенского храма. Повествование о монастыре, разнесенное в книге Г.М. Пясецкого по нескольким разделам, было собрано в одну небольшую главку и изложена кратко вплоть до 1902 г. в книге «Историческое описание церквей, монастырей и приходов Орловской епархии (1905 г.), с добавлением сведений о реликвиях, хранящихся в Воскресенской церкви, захоронениях при ней, составе причта, количестве земли и пр. [См.: 4].

Современное житие Тихона Карачевского основано на рассмотренных выше краеведческих источниках. В связи с тем, что достоверной информации о самом преподобном практически не сохранилось, значительная часть агиографического повествования (примерно половина текста) посвящена истории Воскресенского монастыря (Тихоновой пустыни) и Воскресенского приходского храма и связана с личностью преподобного весьма опосредованно. Соответственно композиционно Житие может быть разделено на две части. Первая повествует о самом святом, причем информация о нем дается предельно краткая. Во второй части также сжато излагаются сведения об основных этапах жизни монастыря, начиная со смутного времени по 2004 год.

В тексте жития, касающемся непосредственно Тихона Карачевского, следует отметить некоторые осо-

бенности в использовании и осмыслении исторического и краеведческого материала.

Во-первых, составитель жития, указывая на основании синодика Воскресенского монастыря, цитируемого Г.М. Пясецким, что преподобный жил во второй половине XVI–начале XVII вв., затем сообщает, что «в 1585 году ею [Тихоновой пустыню. – М.А.] управлял уже игумен Захарий» [2] Нам не удалось обнаружить документальное подтверждение данного факта. Единственным достоверным источником, ввиду утраты подлинника Синодика Воскресенского монастыря, является информация об игуменах обители, приведенная Г.М. Пясецким, которая противоречит сведениям современного агиографа. «Род строителя монаха Тихона, начальника обители сей» упоминается в Синодике сразу же вслед за царскими именами, что говорит о том, что он действительно был не только основателем монастыря, но и его первым игуменом. Затем краеведом приводятся данные о настоятелях, руководивших обителью после Тихона Карачевского: «Ближайшими преемниками преподобного Тихона по управлению основанной им пустыни, как видно из синодика, были: игумен Макарий “карачевец”, игумен Закхей “убиенный” и игумен Павел, о котором известно, что он, поразорении обители литовцами в смутное время, скончался в Брянском Свенском монастыре, где и значится в синодике под 1626-м годом» [5, с. 69]. Более поздние исторические документы не знают игумена Воскресенского монастыря (Тихоновой пустыни) с именем Захарий. Остается непонятным, каким образом некто Захарий мог стать настоятелем монастыря, если имеются сведения о кончине преподобного в 1609 г., правда, об этих данных современный агиограф умалчивает. Умалчивает составитель и о «преемниках» Тихона, продолжая повествование о монастыре со смутного времени.

Во-вторых, современный агиограф, не сообщая года смерти святого, умалчивает и о месяце, но указывает, что его память «чтится местно 16/29 июня, вместе с памятью Святителя Тихона Амафунтского» [2] и именно с этой датой связана традиция Крестного хода и проведения ярмарки в XIX в. В сочинении Г.М. Пясецкого в цитируемом тексте Воскресенского синодика, указан год, но не указан день кончины Тихона Карачевского. Возможно, дата в ее буквенном выражении была не понята или не расшифрована краеведом или издателем. Как бы то ни было, киноварная запись с указанием времени кончины преподобного во всех краеведческих источниках приводится именно так: «Въ 1609 году Августа въ день преставися раба Божий монахъ Тихонъ, начальникъ строитель обители сея» [Цит. по: 5. с. 68]. С одной стороны, составитель жития вроде бы устраняет противоречия в пользу своей версии об игуменстве некоего Захарии в 1585 г. Но, с другой стороны, агиограф, несомненно, немotивированно искажает исторические факты.

В-третьих, в тексте жития произведена некоторая переакцентировка сведений о подвижнической деятельности Тихона Карачевского. В сочинении Г.М. Пясецкого «вестовой колокол», в который ударили

при приближении крымских татар к монастырю, не связан с подвижничеством преподобного. В современном житии, частично повторяющем текст краеведа, именно Тихон Карачевский, пребывая на столпе, наблюдал за безопасностью окрестностей: «Преподобный жил на столпе, в небольшой круглой келлии, возвышавшейся над вторым этажом деревянного монастырского храма. С этого столпа ему хорошо были видны окрестности, и он ударами в вестовой колокол предупреждал горожан о набегах крымских татар» [2]. Это оправданное художественное допущение, тем более, что, к сожалению, никаких иных сведений о подвижничестве, в том числе и о фактах прижизненного и посмертного чудотворения и о реликвиях (четках), в житии не содержится.

В-четвертых, с точки зрения агиографического канона явно недостаточными выглядят сведения об иконе святого. Отсутствуют сведения об изображении Тихона Карачевского в Воскресенском синодике.

Упомянутая икона «в полный рост», которая хранилась в Воскресенском храме г.Карачева в приделе святителя Тихона Амафунтского, построенном над местом захоронения святого, по всей видимости, являлась крышкой раки с изображением преподобного, которое в свое время видел Г.М. Пясецкий, и была утрачена в советский период [3, с. 322]. К сожалению, в житии нет сведений о чудотворении и об обретении мощей святого Тихона Карачевского в 2004 г.

Подводя итоги, следует сказать, что Житие преподобного Тихона Карачевского, в соответствии с современными тенденциями составления повествования подобного типа, ориентировано на данные краеведческой литературы [См. об этом: 1, с. 137-141]. В то же время, оно лишено характерной для новейшей агиографии точности ссылок на исторические источники, в ряде случаев искажает и переосмысливает имеющиеся данные.

Библиографический список

1. Антонова М.В., Комова М.А. Повествование о благоверных князьях Черниговских и Брянских Олеге и Романе в контексте агиографического канона // Актуальные вопросы текстологии : традиции и инновации (Кусковские чтения – 2015). Материалы международной научной конференции. М., 2015. С. 120-146.
2. Житие Тихона Карачевского // Православные Клинтсы. Информационный сайт Клинцовского благочиния http://www.hram.klintsy.ru/jitiya/jitiya.php?id_seria=25
3. Злотникова И.В., Комова М.А. Синодик Карачевского Воскресенского монастыря как источник по иконографии местночтимых святых Тихона и Арсения, Карачевских чудотворцев // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №2 (65). С.320-322.
4. Историческое описание церквей, монастырей и приходов Орловской епархии. Орел, 1905.
5. Пясецкий Г.М. История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей. Орел, 1899.
6. Сорокатый В. М. Надгробная икона Прокопия Устюжского 1602 года // Русские исторические деятели в иконе: Тезисы докладов научной конференции: декабрь 1989 года. М., 1995. С.33-37.

References

1. Antonova M.V., Komova M.A. Narrative of Princes of Chernigov and Bryansk Oleg and Roman in the context of a hagiographic Canon // Urgent problems of textual criticism: tradition and innovation (Kuskovsky reading – 2015). Proceedings of the international scientific conference. M., 2015. Pp.120-146.
2. Hagiography of St. Tikhon Karachevsky // Orthodox Klintsy. Information site klintsovskiy deanery http://www.hram.klintsy.ru/jitiya/jitiya.php?id_seria=25
3. Zlotnikova I.V., Komova M.A. The Synodic Karachevsky Resurrection monastery as a source for the iconography of locally venerated saints Tikhon and Arseny, Karachevsky miracle // Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and social Sciences. 2015. № 2 (65). Pp. 320-322.
4. Historical description of churches, monasteries and parishes of the diocese of Orel. Orel, 1905.
5. Pyasetsky G.M. The history of the Orel diocese, and description of churches, parishes and monasteries. Orel, 1899.
6. Sorokaty V.M. The tombstone icon of Procopius of Ustyug 1602 // Russian historical figures in the icon: Abstracts. Moscow, 1995. Pp. 33-37.

Е.Ю. БУТЫРИНА

магистрант, кафедра русского языка, Орловский
государственный университет

E.Y. BUTYRINA

Master, Department of the Russian language, Orel state
University

УПОТРЕБЛЕНИЕ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РОМАНЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА «ДАЛЬНИЙ КРАЙ»

THE USE OF COMPOUND SENTENCES IN B.K. ZAITSEV'S NOVEL «DISTANT LAND»

В статье представлено описание односоставных предложений, рассматривается их классификация и выявляется количественное употребление в романе Б.К. Зайцева «Дальний край».

Ключевые слова: Б.К. Зайцев, роман «Дальний край», односоставное предложение, определённо-личное предложение, неопределённо-личное предложение, обобщённо-личное предложение, безличное предложение, инфинитивное предложение, номинативное предложение.

The article describes the compound sentences, considers their classification and reveals the quantitative use in B.K. Zaitsev's novel "Distant Land".

Keywords: B.K. Zaitsev, the novel «Distant Land», compound sentence, definitely-personal sentence, indefinitely-personal sentence, generalized-personal sentence, impersonal sentence, infinitive sentence, nominative sentence.

В научной литературе неоднократно отмечалась необходимость лингвистического анализа структуры художественного текста. Одним из самых ярких художественно-изобразительных средств являются односоставные предложения.

Первоначально односоставные предложения не выделялись в особый тип простого предложения и рассматривались в разделах, посвященных глаголу, а именно там, где отмечается знание и употребление форм глагола, причастий и т.п. Впервые в истории научной лингвистики А.А. Шахматов выделил односоставные предложения в особый тип наряду с двусоставными и дал их научно-теоретическое обоснование. По его мнению, в односоставных предложениях не выражено ясно ни подлежащее, ни сказуемое, нет расчлененности на два состава. Учёный считает, что можно говорить только о главном члене предложения, который формально может быть отождествлен или с подлежащим, или сказуемым. В учении А.А. Шахматова стираются различия между словом как лексической единицей и словом как предложением [1].

В.В. Бабайцева пишет, что одним из первых специальных исследований, посвященных анализу односоставных предложений, является работа Д.Н. Овсянко–Куликовского «Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений», в которой автор пытается установить синтаксический принцип классификации бессубъектных оборотов [2].

Большую роль в изучении типов односоставных предложений в нашей русистике, а также в их описании в вузовских и школьных учебниках русского языка сыграла книга В.В. Бабайцевой «Односоставные предложения в современном русском языке», изданная в 1968

году, в которой автор пытается, прежде всего, определить место односоставных предложений в системе типов простого предложения. «Односоставные предложения, пишет она, – не являются изолированной группой синтаксических конструкций, поэтому выяснение их специфических свойств возможно лишь на основе установления системных связей односоставных предложений как с двусоставными, так и с нечленимыми предложениями [2].

Вслед за Н.С. Валгиной мы будем считать односоставные предложения особым семантико-структурным типом простого предложения. В отличие от двусоставных они имеют один главный член, который одновременно и называет предмет, явление, состояние, и указывает на наличие его в действительности, передает отношение к действительности, т.е. оформляет значение синтаксического времени и объективной модальности. Этот главный член является единственным организующим центром предложения. Отсутствие второго главного члена отнюдь не свидетельствует о неполноте предложения (ср. двусоставные неполные), это его семантико-структурная специфика. Ср.: *Студенты склонились над тетрадями: пишут зачетную работу. – В газетах пишут о новых научных открытиях* [3].

В нашу задачу входит рассмотрение употребления односоставных предложений в романе Б.К. Зайцева «Дальний край». Б.К. Зайцев относится к числу прозаиков Серебряного века. Его художественное творчество является столь ярким, а писательская манера настолько уникальной и неповторимой, что произведения писателя вызвали неизменный интерес у современников, продолжают активно изучаться литературоведами, как отечественными, так и зарубежными. Произведениям Б.К. Зайцева не свойственна сложная сюжетная развет-

влённость, на первом плане у писателя – душевное состояние его героев, чувства, которые они переживают. Нами было выявлено 375 односоставных предложений. Наиболее часто встречаются безличные предложения, 54%, затем следуют неопределенно-личные, 20% и определено-личные, они составляют 22,7%. Номинативные предложения употребляются реже, и практически одинаковую частотность составляют инфинитивные и обобщенно-личные предложения.

Примерно одинаковое количество определено-личных и неопределенно-личных предложений говорит о том, что автора интересует сам факт, событие, действие, а не действующие лица. Иногда автор сознательно по каким-то причинам не желает называть действующих лиц поименно. Нами установлено, что наиболее частотны определено-личные предложения с главным членом, выраженным глаголом в форме 1-го лица единственного числа изъявительного наклонения – 17 предложений, например, *Поручаю вам Оленьку, оставляю свое место* и определено-личные предложения с главным членом, выраженным глаголом в форме 2-го лица множественного числа повелительного наклонения – 26 предложений, например, *Не подавайте мне руки*. В романе «Дальний край» нами было выявлено 70 неопределенно-личных предложений. Достаточно часто Б.К. Зайцев использует предложения с главным членом, выраженным глаголом в форме мн.ч. прошедшего времени, (56 предложений), например, *Лизавете написали, изложили причины задержки*.. Употребление таких предложений позволяет Б.К. Зайцеву акцентировать внимание на глаголе-сказуемом, то есть на действии, в то время как субъект действия отодвигается на задний план независимо от того, известен он читателю или нет. Частота употребления обобщенно-личных предложений в романе Б.К. Зайцева «Дальний край» всего 2 % от общего количества односоставных предложений с главным членом сказуемым говорит о том, что всё-таки автор тяготеет к конкретизации, нежели к обобщению.

На первом месте по частоте употребления стоят безличные предложения. К ним Б.К. Зайцев обращается тогда, когда речь идет о состоянии природы, окружающей среды, психическом и физическом состоянии человека. Это объясняется тем, что в романе много описаний природы и многие действия совершаются как вне дома, так и внутри какого-либо помещения. Самая распространенная группа безличных предложений в романе «Дальний край» – со сказуемым, выраженным категорией состояния. Например, *Стыдно было за свою любовь, за молодость. Потом его стало клонить ко сну*.

К инфинитивным предложениям Б.К. Зайцев обращается довольно редко. Они используются тогда, когда необходимо подчеркнуть неизбежность действия или выражение колебания, нерешительности, сомнения по какому-либо поводу. Например, *Жильцов не будить. Погреться бы*.

Использованием номинативных предложений автор утверждает бытие, существование предметов или явлений, указывая на место, время, ситуацию, вводит собеседника (читателя) в обстановку действия. Наши данные подтверждают, что номинативные предложения в романе Б.К. Зайцева – это своеобразные средства выразительности. Они либо рисуют неподвижную картину, например, *Эта серая обстановка*, либо передают движение чего-либо или кого-либо. Номинативные предложения позволяют запечатлеть, как на фотографии, одно мгновение, один кадр; фиксируют только настоящее время, например, *Туманно – блестящее солнце, туман, весна...* В романе «Дальний край» 7 предложений оценочно-бытийных. Например, *Дубина какая-то, мямля. Негодяй!* Анализ функционирования односоставных предложений в романе показал, что разновидности односоставных предложений являются одним из важнейших средств создания цельности текста, позволяют создать лаконичное, но емкое по своему значению произведение. Они передают тональность разговорной речи, не утяжеляя синтаксис.

Библиографический список

1. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.97.
2. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004.
3. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М.: Высшая школа, 2001. С.75.

References

1. Shakhmatov A.A. Syntaxes of Russian. M.: Editorial of URSS, 2001. P. 97.
2. Babaytseva V. V. System of mononuclear sentences in modern Russian. M.: Drofa, 2004.
3. Valgina N. S. Syntaxes of modern Russian. M.: Vyshaya shkola, 2001. P. 75.

А.В. ВАСЮТИНА

аспирант, кафедра правового обеспечения рыночной экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: a.v.vasyutina@mail.ru

A.V. VASYUTINA

Graduate student, Department of the legal support of market economy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: a.v.vasyutina@mail.ru

**ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРАДИЦИИ И НОВЕЛЛЫ**

INDEMNIFICATION BY THE CIVIL LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: TRADITION AND NOVEL

В статье анализируется российское законодательство, научно-практическая литература и судебная практика по вопросу возмещения убытков как основной формы гражданско-правовой ответственности, выделяются особенности этого правового института.

Ключевые слова: возмещение убытков, гражданско-правовая ответственность, справедливость, исполнение договора, нарушение обязательства.

In the article the Russian legislation, the scientific and practical literature and jurisprudence on the issue of damages as the main form of civil liability, distinguished features of this legal institution is analyzed.

Keywords: damages, civil responsibility, justice, performance of the contract, breach of the obligation.

Для удовлетворения потребностей современного общества и развития имущественного оборота, независимо от его организационно-правовых форм, необходимо, чтобы его участники надлежащим образом исполняли взятые на себя обязательства. Одним из важнейших средств достижения этого является гражданско-правовая ответственность. В целом, ответственность за нарушение основанной на законе или договоре обязанности – необходимое звено всякой правовой системы, всякого правопорядка. Со дня своего возникновения право установило необходимость возложения на нарушителя наказания или иного негативного бремени в защиту интересов лица, пострадавшего от нарушения. Невозможность привлечения нарушителя к ответственности лишает обязанность ее основного правового признака.

Основное начало гражданско-правовой ответственности можно охарактеризовать понятием «справедливость», а именно исторически сложившееся в обществе представление о соответствии социальным идеалам (параметрам) распределения между участниками правоотношения убытков, потерь, иных неблагоприятных последствий в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением договора, причинением вреда, недобросовестным поведением и др., а также необходимого применения к ответственным лицам неблагоприятных последствий с целью корректировки их поведения[2].

Поскольку наиболее существенным и распространенным последствием нарушения гражданских прав являются убытки, то общепризнанно, что основной

формой гражданско-правовой ответственности является возмещение убытков. Это понятие устойчиво обосновалось в дореволюционной России, действовало почти весь советский период, вполне вписывается и в континентальную, и в англо-американскую системы права, сохранилось у нас и в настоящее время.

В соответствии со ст. 15 ГК РФ под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) [4].

Представляет интерес вопрос о соотношении категории упущенной выгоды и, соответственно, принципа полного возмещения убытков (ст.15 ГК РФ) с целями ответственности при нарушении потребительских и иных договоров, не направленных на извлечение прибыли, в то время как упущенная выгода направлена на защиту финансового интереса в получении ожидаемой в будущем выгоды. Целью потребительских договоров является удовлетворение личных, домашних, семейных потребностей, не связанных с извлечением прибыли. Таким образом, категория упущенной выгоды изначально не соответствует целям потребительских договоров, поэтому принцип полного возмещения убытков, предусмотренный ст.15 ГК РФ не совсем вписывается в данную сферу. В этом случае помимо возмещения реального ущерба потребители имеют возможность взыскать

еще штрафную неустойку, а также штраф за несоблюдение предпринимателем в добровольном порядке их требований. Но следует отметить, что указанные санкции преследуют самостоятельные цели: стимулирование предпринимателей к надлежащему исполнению своих обязанностей и, одновременно, сдерживание их антисоциального поведения [3].

В юридической науке часто встречается определение убытков как денежной оценки того ущерба, который причинен неправомерными действиями одного лица имуществу другого и, таким образом, возмещение убытков, как и взыскание неустойки, считается денежной санкцией, которая не может заменить реального исполнения нарушенного обязательства и не устраняет иных отрицательных последствий его невыполнения.

Возмещение убытков в российском гражданском праве, в результате обобщения и значительной генерализации, в настоящее время по своему местонахождению в структуре гражданско-правового регулирования значительно отличается от аналогичных институтов в англо-американском, немецком и французском праве. В англо-американском праве возмещение убытков в качестве договорной ответственности регулируется, условно говоря, на уровне договорного права, в немецком и французском праве возмещение убытков как вид договорной ответственности в целом регулируется на уровне общих норм обязательственного права в рамках гражданского права. В то же время применительно к договорной ответственности п. 1 ст. 15 ГК РФ дублируется и конкретизируется в ст. 393 ГК РФ, предусматривающей обязанность должника возместить кредитору убытки, причиненные в результате нарушения обязательства [5].

И хотя законодатель на современном этапе не ограничивает сферу возможного использования указанной меры, подчеркивая ее универсальность, наибольшее распространение получил взгляд на возмещение убытков, как на способ защиты субъективных гражданских прав в рамках обязательственных правоотношений.

Универсальность возмещения убытков позволяет утверждать, что данное право принадлежит потерпевшей стороне в силу прямого указания закона. Это право может быть реализовано кредитором и тогда, когда возмещение убытков не предусмотрено в конкретном договоре.

Одна из основных функций гражданско-правовой ответственности – компенсационная (восстановительная) реализуется путем возмещения убытков. Следует обратить внимание, что не стоит употреблять термины «убытки» и «возмещение убытков» как синонимы, так как первое – это имущественные потери, которые понес потерпевший и должен возместить правонарушитель, а второе – форма гражданско-правовой ответственности, в результате применения которой указанные потери и возмещаются [6].

Возмещение убытков – это самостоятельный институт гражданского права, который существует, реализуется и развивается в рамках гражданско-правовой ответственности. В частности, с 1 июня 2015 года

вступили в силу существенные изменения и дополнения, внесенные законодателем в Гражданский кодекс РФ в части регулирования ответственности сторон (Федеральный закон от 8 марта 2015 г. №42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ»). Были дополнены правила об обязанности должника возместить убытки, появилась отдельная статья о возмещении убытков при прекращении договора, появилась норма о возмещении потерь (Indemnity) и т.д.

В новой редакции статьи 393 Гражданского кодекса РФ следует обратить внимание на четыре новых положения.

1. Использование иных способов защиты не лишает права на возмещение убытков. В данном случае не имеет значения, какие именно способы защиты нарушенных прав использовал кредитор – предусмотренные законом или договором.

2. Появилось понятие возмещения убытков в полном размере. Речь идет о возмещении «позитивного» («положительного») договорного интереса, защите законных ожиданий кредитора в надлежащем исполнении договора (данная норма не распространяется на ответственность за недобросовестное ведение переговоров).

Если введение этой нормы в Гражданский кодекс РФ носит доктринальный характер, то введение следующей нормы обусловлено судебной практикой.

3. Недоказанность точного размера убытков больше не является основанием для отказа в удовлетворении иска. С введением этого правила значительно упрощено взыскание убытков за счет снижения стандарта доказывания их размера. Также благодаря этой норме пресечена практика судов в отказе во взыскании убытков на основании только того, что истец не смог доказать точную цифру убытков.

Данный подход прослеживается и в постановлении Президиума ВАС РФ от 6 сентября 2011 №2929/11, где указано: «Суд не может полностью отказать в удовлетворении требования участника хозяйственного общества о возмещении убытков... только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципа справедливости и соразмерности ответственности». Позже, Верховный суд РФ повторил этот подход в абзаце 2 пункта 12 постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ»: «Размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу пункта 1 статьи 15 ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению».

3. Кредитор вправе требовать пресечения нарушения негативного обязательства. Под негативным обязательством законодатель понимает обязательство по воздержанию от совершения определенного действия. Требовать пресечения можно как в случае, когда должник нарушил негативное обязательство, так и в случае, когда возникла реальная угроза нарушения такого обя-

зательства, это право не зависит от возмещения убытков [7].

Таким образом, термин «убытки» получил в гражданском праве РФ широкое применение и используется для обозначения разнородных имущественных потерь, внешне схожих, однако различных по причинам возникновения и правовым последствиям.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. №42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ» // «Российская газета» №52, 13.03.2015.
2. Богданов Д.Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект: Монография. // Москва: Проспект, 2015. 304 с.
3. Добровинская А.В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации // Москва: Инфо-тропик Медиа, 2012. 160 с.
4. Либанова С.Э. Проблемы возмещения убытков и пути их решения. Монография. // Курган: Издательство Курганского университета, 2006. С.100.
5. Кулик Ю.В. Возмещение убытков, мера субсидиарной ответственности хозяйствующих субъектов // Юридические науки. 2007. № 4. С. 105-106.
6. Добрачев Д.В. Основания возмещения и особенности доказывания убытков//Юрист. 2008. №7. С.51-56.
7. Бевзенко Р.С., Аристов С.Н., Полозов Н.А. «Об изменении регулирования ответственности и возмещения убытков» (Электронный ресурс) // ЮСС «Юрист».

References

1. Federal Law of March 8, 2015 №42-FL “On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation” // “Russian newspaper» №52, 13.03.2015.
 2. Bogdanov D.E. The evolution of civil liability from the perspective of justice: a comparative legal aspect: Monograph. // Moscow: Prospect, 2015. 304 p.
 3. Dobrovinsky A.V. Limitation of damages in civil law of the Russian Federation // Moscow: Info-Media Tropic, 2012. 160 p.
 4. Libanova S.E. Problems damages and ways to solve them. Monograph. // Kurgan: Publishing house Kurgan University, 2006. P.100.
 5. Kulik Y.V. Indemnification measure of vicarious liability business entities // Jurisprudence. 2007. № 4. Pp. 105-106.
 6. Dobrachev D.V. Grounds for compensation and features of proving damages // Lawyer. 2008. №7. Pp.51-56.
 7. Bevzenko R.S., Aristov S.N., Polozov N.A. “To change the regulation of liability and indemnification” (Electronic resource) // ESS “Lawyer”.
-
-

УДК 316.25

UDC 316.25

О.А. ВЕРЕЩАГИН

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и социально-экономической теории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал)
E-mail: helgardt@mail.ru

Н.Е. БЕЛОВА

кандидат политических наук, доцент, кафедра философии и социально-экономической теории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал)
E-mail: belovane@yandex.ru

O.A. VERESHCHAGIN

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of philosophy and social and economic theory, Nizhny Novgorod State University (Arzamas branch)
E-mail: helgardt@mail.ru

N.E. BELOVA

Candidate of political sciences, Associate Professor, Department of philosophy and social and economic theory, Nizhny Novgorod State University (Arzamas branch)
E-mail: belovane@yandex.ru

ФРЕЙМ-АНАЛИТИКА: ОПЫТ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

FRAME-ANALYTICS: THE EXPERIENCE OF EPISTEMOLOGICAL RESEARCH

В статье представлена аналитика эпистемологических оснований теории фреймов в качестве актуальной парадигмы социальных исследований. Как полагают авторы, фрейм-анализ релевантен современным стандартам и принципам постнеклассической науки и является одним из перспективных направлений социальной эпистемологии. В статье эксплицирована связь технологии «Окно Овертона» с практиками фреймирования. Фрейм-аналитика рассматривается в общем контексте исследований, посвященных структурам воспроизводства социального знания.

Ключевые слова: фрейм-анализ, эпистемологический релятивизм, онтологический релятивизм, «окно Овертона», общественное мнение, социальная память.

The article explores the epistemological foundations of the theory of frames. The theory of frames is recognized as a relevant paradigm for social research. According to the authors, the frame analysis relevant to the principles and standards of post non-classical science and is a promising area of social epistemology. The article explicated the link between technology «Overton window» to the practices of frame-making. Frame-analytics is considered in the context of the study of the structures of reproduction of social knowledge.

Keywords: frame analysis, epistemological relativism, ontological relativism, public perception, the Overton Window, social memory.

Префиксная форма «пост» наиболее частотная в современной социогуманитаристике, поскольку позволяет исследователям явно или имплицитно обозначать границу нескольких семантических сред в анализе социальных явлений и процессов. В силу крайней неопределенности и полисемичности самого метаязыка описания подобный теоретический прием всегда срабатывает в пользу исследователя, ибо оставляет место для возможной реинтерпретации и десемантизации его взглядов, а также оставляет в стороне вопрос персональной ответственности отправителя, то есть автора высказываний.

Постистория, посткультура, постнаука – подобные концепты в большей степени нереференциальны, не имеют действительной онтологической глубины, поэтому их предназначение определяется всецело эпистемологически, «знанием». В определенном смысле это эпистемологические маркеры, которые используются в целях анализа наличного социального знания, находящегося в ситуации перманентного изменения.

Онтологическая укрепленность и аксиологическая окрашенность этих категорий появляются уже потом и, как правило, в далеких от нейтральной научности целях.

Так, по нашему мнению, поступил и известный социальный теоретик П. Штомпка [15], который пытался вывести сегодняшние социальные девиации и деформации общественного сознания, помещая их в более широкий контекст некоего маргинального состояния «пост», которое характеризуется им как состояние «культурной травмы», поврежденности, кризисности. Анормальность и аномичность – таковы базовые атрибуты общества и культуры «пост», которые призваны диагностировать нынешние философы, социологи и политологи. Мы видим, что от эпистемологической нейтральности научной аналитики мы попадаем в эмоциональный аксиологически окрашенный социальный дискурс, в плоскость социальной онтологии. То есть в ту область, где говорят не о знании вообще, об идеях, а о «вещах» в их пространственно-временной определенности и означенности.

Отечественный исследователь В. Вахштайн [1], исследуя вопрос о реифицированной природе «социального» в классической социальной теории, специально подчеркивает, что трактовки онтологического и эпистемологического статуса Социального имеют существенные отличия: «Если вопрос об онтологическом статусе – это вопрос о существовании, то вопрос об эпистемологическом статусе – это вопрос об объяснении и сомнении» [1, с.15]. Как показывает научная практика, эпистемические интервенции призваны разрушить незыблемость «овеществленных» понятий и категорий, релятивизировать их онтологические основания.

Сегодняшний неподдельный интерес к социальной когнитологии и социальной эпистемологии обусловлен большей востребованностью практик скрупулезного социального анализа, работающих на метатеоретическом уровне, на уровне социологии тонких структур, специализирующейся на изучении нюансов, аспектов и сторон социальных объектов. Безусловно, в разряд последних можно отнести феноменологические практики социального анализа, в том числе фрейм-анализ, привлекающий особое внимание современных исследователей.

Феноменологическое движение в социогуманитаристике развивается в общем русле современных эпистемологических и когнитивных исследований, артикулирующих значение и роль «бессубъектных форм» познавательного процесса. На подобную интерпретацию эпистемологии как «основополагающей дисциплины, умозрительной доктрины, способной к открытию «формальных» или «структурных», «грамматических», «логических» или «концептуальных» характеристик любой человеческой жизни, обращает внимание Р. Рорти [12]. В реинтерпретации Т. Лешкевича, эпистемологическая мысль постнеклассического типа от К. Поппера до Р. Рорти занята поисками неизменных структур, ответственных за истинное знание, при этом происходит «развенчание» и ниспровержение субъекта познавательного процесса [8, с.6].

Представляется, что социальные практики фреймирования имеют схожие мировоззренческие и методологические основания и в целом релевантны нынешней эпистемической ситуации. Фрейм-анализ применяется для раскрытия механизмов взаимодействия личности в социальном пространстве на уровне восприятия знаний стереотипных поведенческих моделей и сценариев. В указанном контексте фрейм предстает «когнитивной структурой в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов» [9].

Схожую теоретическую интерпретацию фрейма в качестве структуры данных для представления стереотипной ситуации предлагают отечественные авторы, изучающие практики «делания себя» в пределах общего коридора возможностей и заданных правил игры [6]. Как показывает анализ, вне контекста обсуждения оказывается ситуация мировоззренческого выбора, пе-

ред которой встает исследователь. Речь в данном случае идет о двух противоположных методологических программах – «субъектоториентированной» социальной теории и «объектцентрированной» социологии. Либо безмолвные структуры, дискурсивные правила, элиминирующие всякие личностные смыслы, либо действующие личности, которые способны осуществлять сознательные и внутренне мотивированные акты.

Отечественная социально-философская традиция в большей степени остается в рамках «философии субъекта», выявляя «механизмы деятельного освоения заданных социальных условий», тех институциональных рамок, которые задают коридор возможностей, но, тем не менее, оставляют относительно много свободного пространства для самостоятельного пространства и множественности идентичностей» [6, с.17]. Подобную позицию можно назвать консервативной, поскольку она предполагает неявное присутствие в плюральной зоне культурных и социальных смыслов устойчивой идентичности, которая не всегда навязывается внешними структурными ограничениями и способна формироваться в рамках повседневных жизненных практик. Принимая тезис о множественности векторов самоидентификации личности в современном обществе, консерваторы по-прежнему исповедуют истину о самотождественности субъекта социального взаимодействия. Личность, по их мнению, способна сопротивляться прессингу безличных властных (политических, экономических или медийных) структур и сохранять целостность и самотождественность собственного «социального Я».

Иные оценки мы встречаем у ряда западных социальных теоретиков, которые полагают, что последний рубеж обороны личности – «*my-self*» уже преодолен, и мы имеем дело с процессом распада Самости, тотального отчуждения человека от самого себя. «Коррозия характера» – так обозначает Р. Сеннет [10] необратимый процесс распада целостной личности и превращения ее в несамотождественного актора, дивида, растворенного в сети имперсональных связей и отношений. Рассуждая о «падении публичного человека» [11], Сеннет воспроизводит банальную максиму постмодернизма об «ироничном человеке», кочевнике и номадизме как особом способе существования индивида в нынешнем социальном контексте. Размытая грань между публичным и приватным, превратные представления о сфере интимного и общественного характеризуют современную форму социальности, которая отвечает симптомам серьезной социальной патологии.

Существующие теоретические модели актуальных форм социальности, такие как «общество спектакля» Г. Дебора, «драматургическая социология» И. Гофмана, теория симулякров Ж. Бодрийяра и др. недвусмысленно говорят нам о существенных изменениях, произошедших в рефлексии и самопрезентации западного общества. Указанный тренд в саморефлексии можно назвать постантропологическим, постгуманистическим, в зависимости от выбранного ментального или социокультурного контекста. Неизменным остается тезис о

растворенности индивидуального сознания во всеобщем интертексте культуры, превращении субъекта в интерсубъекта.

В подобном ракурсе можно интерпретировать взгляды И. Гофмана на природу личности и социального, высказанные им в работе «Анализ фреймов» [4]. Личность у Гофмана рассматривается не как мотивированная собственными установками и представлениями, а как эффект взаимодействия имперсональных культурных факторов. Замена практик фреймами у Гофмана, по мнению В. Вахштайна, означает особый «структуралистский» подход в исследовании социальных феноменов: «От исследования практик интеракции «лицом к лицу» он переходит к изучению фреймов социального взаимодействия» [2, с.69].

Датированная 1974 годом работа И. Гофмана, вышедшая одновременно с классическим текстом по фрейм-анализу М. Минского [7], хорошо вписана в общий ментальный контекст «структуралистской революции». Фреймы у Гофмана – нередуцируемые и неконструируемые формы социального взаимодействия, которые существенно определяют само содержание (реальность) социального взаимодействия. Получается, что фреймы взаимодействия определяют взаимодействующих, точно также как в гипотетической ситуации («Wag the Dog»), «хвост виляет собакой». Становится очевидным, что теория фреймов перестает быть лишь частной микросоциологической теорией и обнаруживает здесь несомненный философский потенциал. По существу, фреймы в текстах Гофмана становятся реальностью первого порядка, то есть они субстантивируются. Реляционизм (антисубстанционализм) подобной позиции столь же очевиден. Суверенным бытием обладает структура или матрица отношений, а не их субстанция (или содержание): «Не «субстанция» (содержание действий), а «отношения» (закрепленные в структуре фреймов) обладают суверенным бытием. Отношения же эти проявляются в первую очередь в структурной организации фреймов, в системе «слоев» и пространственно-временных «скобок» деятельности» [2, с.74].

Представленные теоретические штудии классиков фрейм-анализа имеют, кроме явного методологического значения (выявления наиболее типичных структур повседневного опыта взаимодействия), и глубокий мировоззренческий смысл. Практика фреймирования в своих пре(вра)щенных технологических моментах становится удобной формой социального контроля и манипулирования, технологией генерирования асоциальности и аномативности.

Наиболее упрощенной и одиозной технологией, использующей определенные методологические принципы фрейм-анализа, по нашему мнению, является так называемая технология «окно Овертона», разработанная американским социологом Джозефом Овертоном (1960-2003). Указанная теоретическая модель объясняет особенности изменений в публичной политике их зависимостью от общественного мнения.

Согласно этой модели, политики формулируют и

выдвигают только те идеи, принимают только те решения, которые адекватны текущей политической ситуации и, прежде всего, состоянию общественного мнения. В противном случае они рискуют быть обвиненными в излишнем радикализме или экстремизме и проиграть очередные выборы. Иными словами, успех или поражение в политической деятельности определяется не столько инициативами самого политика, сколько тем, насколько хорошо он понимает и отстаивает идеи своих избирателей, ориентируется на актуальные проблемы и принимает решения, соответствующие ожиданиям большинства [17].

В соответствии с данной теорией, всякая существующая в обществе идея или проблема имеет «окно возможностей», в рамках которого данная идея может (или не может) широко обсуждаться, открыто поддерживаться, пропагандироваться и, наконец, приобретать форму императива. Это «окно» подвижно, спектр возможностей может расширяться, начиная со стадии «немыслимое», то есть однозначно неприемлемое, запретное, противоречащее нормам общественной морали, и заканчивая стадией «актуальная политика», то есть уже широко обсужденное, принятое обществом и легализованное им [16].

По мнению ряда авторов, описанная Овертоном теоретическая модель с успехом может использоваться в качестве технологии манипулирования общественным мнением, позволяя кардинально изменять отношение общества к изначально неприемлемым для него, однозначно отвергаемым явлениям и идеям. «Окна» делают возможными легализацию наркомании, проституции, гомосексуализма и однополых браков, а в перспективе – педофилии, инцеста и детской эвтаназии [13].

На первом этапе движения «окна возможностей» манипуляторы стремятся привлечь на свою сторону ученых; ранее неприемлемая для общества тема вводится в оборот, становится предметом научного дискурса. Обеспечивается десакрализация табу и переход от непримиримо отрицательного отношения общества к отношению более нейтральному. При этом немыслимое ранее явление оказывается в области радикального, и, чтобы сместить его в область возможного, используется приём создания эвфемизма – вводится новое, более нейтральное или благозвучное название данного явления («геи» – вместо «гомосексуалисты», «спайсы» – вместо «наркотики» и т.д.).

Далее «окно Овертона» сдвигают в область рационального. При этом, в истории, мифологии или актуальной действительности обнаруживается опорный прецедент (реальный или вымышленный), который трактуется как свидетельство естественности и обоснованности ранее неприемлемого для общества явления. На этом этапе журналисты и ангажированные представители академического сообщества доказывают, что данное явление имело место на протяжении всей истории человечества, а его причины – вполне объективны.

Находятся крайне радикальные сторонники и крайне радикальные противники обсуждаемой идеи, задача

которых – играть роль своеобразных пугал, между которыми находится территория «умеренности, свободы и здравомыслия». Десакрализация традиционных смыслов осуществляется с использованием эффекта «карнализации» (осмеяния, карикатуры, анекдота) [3, с.86].

В дальнейшем тема максимально популяризируется и начинает активно муссироваться на телевидении, в прессе и социальных сетях, где создаются соответствующие группы и сообщества. Публике предоставляется возможность открыто обсудить запретные прежде темы, эмоционально разрядиться, освободиться от табу, получить ощущение катарсиса [3, с.86]. Остаётся только опубликовать результаты «независимых» социологических опросов, подтверждающие значительную долю сторонников легализации ранее неприемлемого явления и закрепить его в форме закона.

Целью применения рассматриваемой технологии является изменение общественного сознания путём переформатирования традиционных для общества ценностей, идей и представлений. Эта технология делает возможной трансформацию массовых представлений в отношении любых исторических или политических фактов, событий, явлений и процессов. При этом, «окна» не исключают использования таких дополнительных инструментов перемоделирования массового сознания как компьютерные игры и молодёжные субкультуры. Так, например, компьютерные игры могут создавать реалистичный образ вероятного противника или формировать (трансформировать) отношение к определённым историческим событиям и фактам.

Если исходить из того, что «окна Овертона» – это технология, то есть специально разработанная последовательность действий и приёмов, возникают вполне обоснованные сомнения в том, что европейское общество «абсолютно естественным образом» приняло и законодательно закрепило многое из того, что прежде считало недопустимым и однозначно отвергало. По мнению ряда исследователей, поэтапная трансформация общественного сознания в большинстве развитых стран сегодня является трендом в процессах глобального политического управления, позволяющим в формате «мягкой» силы вести жёсткое информационное противоборство [3, с.92].

Описанная технология лучше всего работает в обществе, где отсутствует чёткое разграничение между добром и злом, где вводится запрет на табу, запрет на противодействие разрушительным социальным девиациям. Общество, в котором нет пределов толерантности, ставит под угрозу свои традиционные ценности и социокультурную идентичность. В таком обществе толерантность обращается в унижение человеческого достоинства и инструмент манипуляции, а политкор-

ректность – в угрозу подавления большинства радикальным меньшинством [5, с.24].

Толерантность не означает терпимого отношения к социальной несправедливости или бездумного отказа от собственных убеждений и ценностей в пользу других, чужих, навязываемых извне. Толерантное поведение не есть рабская терпимость, которую требует от нас преступник или его адвокат. Как справедливо считает украинский политолог Д. Губин, они должны знать, что никогда её не получают. И только тогда возможно подлинно человеческое сосуществование в одном городе, одной стране, одном мире [5, с.28].

Связь технологии «окно Овертона» с практикой фреймирования обнаруживается в границах анализа концепта «общественное мнение». Можно предположить, что так называемое «общественное мнение» функционирует в качестве некоей смысловой рамки (фрейма) или системы фреймов (frameworks), то что в классической фрейм-аналитике получило название – «собирательное обозначение контекста». Являясь, по сути, инстанцией различного рода политических спекуляций и манипуляций, «общественное мнение» превращается в универсальную объяснительную категорию, одновременно выступая и формой, и содержанием социального, и средством интерпретации воспринятого, и самим воспринятым явлением.

Каким же образом охарактеризовать сам процесс фреймирования, учитывая его объяснительный потенциал в исследовании структур воспроизводства социальных значений? Как указывают Д. Яноу и М. ванн Хульст, фреймирование как специфический способ артикуляции фреймов представляет собой последовательность действий, в котором «акторы одновременно создают значения событий/ситуаций и регулируют свое поведение в данных событиях/ситуациях сообразно присвоенным им значениям» [14, с. 93].

Сами фреймы имеют конвенциональную природу и поэтому они способны определять и описывать то, что является самым характерным или типичным в данном социуме или обществе с его этно- и социокультурными особенностями. В данном случае фреймы апеллируют к тому, что называется «социальной памятью», на фундаменте которой, кстати, и функционирует пресловутое «общественное мнение».

Итак, «окно Овертона», будучи фреймом политического взаимодействия, с одной стороны, очерчивает приемлемые границы пространства социальности («общественного мнения»), а с другой стороны, демонстрирует изначальную возможность изменчивости и подвижности указанных границ в тех социумах, где произошел качественный разрыв в ткани социальной памяти.

Библиографический список

1. Вахитайн В. Фрейм-анализ как политическая теория // Социология власти. 2013. № 4. С. 13-44.
2. Вахитайн В. Социология повседневности: от «практики» к «фрейму». И. Гофман. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003 // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 69-75.

3. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. №4 (303). С.83-93.
4. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004. 751 с.
5. Губин Д.М. Занимательная политология. Харьков: Фолио, 2008. 317 с.
6. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев. Под. общ. ред. В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой, К. Клеман. М.: Логос, 2010. 388 с.
7. Минский М. Фреймы для представления знаний; пер. с англ. М.: Энергия, 1978. 151 с.
8. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации: Учебное пособие для вузов. М.: «Издательство ПРИОР», 2001. 428 с.
9. «Лингвистика». Фреймы, сценарии и ситуационные модели [Электронный ресурс] – Режим доступа: lingold.ru/frejmyi,-sczenarii-i-situaczionnyie-modeli?page=1
10. Сеннет Р. Коррозия характера. Пер. В.И. Супруна. М., Новосибирск: «Тренды», 2004. 296 с.
11. Сеннет Р. Падение публичного человека. Перевод с английского О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. М.: Логос, 2002. 424 с.
12. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Пер. с англ.; науч. ред. В. В. Целищев. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.
13. Технология уничтожения. Окно Овертона // URL: <http://nstarikov.ru/blog/36349>
14. Яноу Д., Ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 87-110.
15. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 418 с.
16. Dreher R. Jumping Through The Overton Window // The American Conservative. 2014. February 19 // URL: <http://www.theamericanconservative.com/dreher/jumping-through-the-overton-window/>
17. Russel N.J. An Introduction to the Overton Window of Political Possibilities // Students for a Free Economy Clarkson Colloquium «Marketing Freedom in the Age of the iPod» // URL: <http://www.theihs.org/academic/PDFs/SFE%20Clarkson%20Colloquium%20Readings.pdf>

References

1. Vakhshayn V. Frame Analysis as Political Theory// Sociology of Power. 2013. № 4. Pp. 13-44.
2. Vakhshayn V. Sociology of the everydayness: from “practice” to “frame”. E. Goffman. «Frame Analysis: an Essay on the Organization of Experience». М.: Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences, 2003 // Sociological review. 2006. Vol. 5. № 1. Pp. 69-75.
3. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Overton window as manipulative matrix of Political Management // Scientific-analytical journal «Обозреватель–Observer». 2015. №4 (303). Pp.83-93.
4. Goffman E. Frame Analysis: an Essay on the Organization of Experience. М.: Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences, 2004. 751 p.
5. Gubin D.M. Entertaining political science. Kharkov: Folio, 2008. 317 p.
6. How people make themselves. Ordinary Russians in unusual circumstances: a conceptual comprehension of the eight observed cases. М.: Logos, 2010. 388 p.
7. Minsky M. Frames for knowledge representation. М.: Energy, 1978. 151 p.
8. Leshkevich T.G. Philosophy of Science: Traditions and Innovations: Textbook for high schools. М.: “Publisher PRIOR”, 2001. 428 p.
9. “Linguistics”. Frames, scripts and situational models [Electronic resource] – Mode of access: lingold.ru/frejmyi,-sczenarii-i-situaczionnyie-modeli?page=1
10. Sennett R. The Corrosion of Character. Translated by V.I. Suprun. М., Novosibirsk: “Trends”, 2004. 296 p.
11. Sennett R. The Fall of Public Man. Translated by O. Isayeva, E. Rudnitskaya, V.I. Sofronova, K. Chukhruidze. М.: Logos, 2002. 424 p.
12. Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature / Translation from English; scientific. edited by V. V. Tselishchev. – Novosibirsk: Publishing house of Novosibirsk University, 1997. 320 p.
13. Destruction technology. The Overton Window// URL: <http://nstarikov.ru/blog/36349>
14. Yanow Dvora, Van Hulst Merlijn. The Political/Process Promise of Policy Framing // Sociological review. 2011. Vol. 10. № 1-2. Pp. 87-110.
15. Sztompka P. The Sociology of Social Change / P. Sztompka. М.: Aspect Press, 1996. 418 p.
16. Dreher R. Jumping Through The Overton Window // The American Conservative. 2014. February 19 // URL: <http://www.theamericanconservative.com/dreher/jumping-through-the-overton-window/>
17. Russel N.J. An Introduction to the Overton Window of Political Possibilities // Students for a Free Economy Clarkson Colloquium «Marketing Freedom in the Age of the iPod» // URL: <http://www.theihs.org/academic/PDFs/SFE%20Clarkson%20Colloquium%20Readings.pdf>

УДК 378 (082)

UDC 378 (082)

Л.И. ГУБАРЕВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра профессионального обучения и бизнеса, Орловский государственный университет
E-mail: tps@univ-orel.ru

С.В. БАРАНОВА

кандидат экономических наук, кафедра «Экономика и финансы», Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: svet-svetlanabar@yandex.ru

L.I. GUBAREVA

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of professional learning and business, Orel State University
E-mail: tps@univ-orel.ru

S.V. BARANOVA

Candidate of Economics, Department of «Economics and Finance», Financial University under the Government of the Russian Federation
E-mail: svet-svetlanabar@yandex.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРЕДСТАВЛЕНИИ И ОБРАБОТКЕ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

INNOVATIVE FORMS OF TRAINING: THE METHODOLOGY OF APPLICATION OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE PRESENTATION AND PROCESSING OF ACCOUNTING AND ANALYTICAL INFORMATION

В работе представлены теоретические подходы, методики преподавания профилирующих дисциплин и способы организации проектной деятельности учащихся как отдельного вида самостоятельной работы. Значительный интерес представляют вопросы применения современных программных продуктов, используемых в анализе и оценке результативности бизнеса. Раскрыты особенности применения ППП «Ваш финансовый аналитик», оценена возможность его использования в реальном секторе экономики при представлении и обработке учетно-аналитической информации.

Ключевые слова: инновационные формы обучения, активизация креативного мышления учащихся, IT-технологии, результативность функционирования бизнес-структур.

In work, theoretical approaches, methods of teaching majors and ways of organizing project activities of students as individual types of independent work are considered. Of considerable interest are the application of modern software products used in the analysis and evaluation of business performance. The features of application of PPP «Your financial analyst» are defined, the possibility of its use in the real sector of the economy in the presentation and processing of accounting and analytical information is estimated.

Keywords: innovative forms of education, activization of creative thinking of students, IT technologies, the performance of the businesses.

Потребность в формировании творческого и профессионально мобильного специалиста с практико-ориентированным пониманием реальных потребностей рынка труда требует от преподавателей профилирующих дисциплин формирования новых подходов и поиска современных способов и методов преподавания.

При преподавании дисциплин профессионального цикла в настоящее время возникает необходимость использования определенного методического материала, способствующего изучению не только теоретических вопросов, но и освоению отдельных практических навыков и умений, необходимых для решения профессиональных задач.

При этом целью обучения и одновременно условием, обеспечивающим успешность ее достижения, является развитие способности обучаемых использовать теоретические знания, обобщать информационный материал, самостоятельно изучать отдельные вопросы

профессиональной направленности.

На первый план выходит необходимость выявления качественных характеристик каждого учащегося, создание личностного потенциала человека, воспитание его способностей к адекватной деятельности в предстоящих предметных и социальных ситуациях, активизация креативного мышления.

Для этого используются основные методы личностно-ориентированной педагогики, одной из форм организации которой является самостоятельная работа студентов, приобретающая наибольшую ценность при обучении по заочной и дистанционной форме.

В связи с этим меняется само содержание образования, которое на современном этапе должно составлять систему знаний, умений, навыков, черт творческой деятельности, мировоззренческих и поведенческих качеств личности, обусловленных требованиями общества, на достижение которых должны быть направлены усилия

обучающих и обучающихся.

Однако установлено, что именно использование нетрадиционных методов обучения способствует решению конкретных задач как на производстве, так и в сфере управления и педагогическом процессе.

Наукой и практикой доказано, что лишь самостоятельная работа позволит студенту усвоить систему знаний, глубоко проникнуть в сущность изучаемых наук, овладеть необходимыми навыками, развить свои способности и дарования. Без хорошо организованной и планомерно осуществляемой самостоятельной работы нет и не может быть настоящего высшего образования и научного познания.

При изучении основных вопросов заявленной темы с использованием как основных традиционных, так и нетрадиционных методов обучения преподаватель может провести по соответствующей теме конференцию, то есть организовать дискуссию студентов.

Объем самостоятельной работы студентов в вузе определяется государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования.

При этом самостоятельную работу студентов по отдельным дисциплинам необходимо представлять в рамках изучаемых тем. Возможно использование метода кейсов (кейс-технологий, кейс-стадии).

Кейсы базируются на реальном фактическом материале или же приближены к реальной ситуации и могут включать необходимый теоретический материал, практические задания для подготовки и ситуационные задачи, решение которых может осуществляться как на практических занятиях, так и использоваться при проведении деловых игр.

По целям и задачам обучения кейсы можно классифицировать следующим образом.

1. Обучающие:

- направленные на решение типовых заданий;
- направленные на решение не типовых заданий;
- принципы анализа и оценки ситуации.

2. Иллюстративные:

- демонстрация применения конкретной методики, подхода на определенном примере.

В настоящее время выделяют следующую структуру кейсов, рекомендованных к использованию в учебном процессе:

– Структурированные кейсы (highlystructuredcase) – короткое и точное изложение ситуации с конкретными цифрами и данными. Для такого типа кейсов существует определенное количество правильных ответов. Они предназначены для оценки знания и/или умения использовать одну формулу, навык, методику в определенной области знаний.

– Большие неструктурированные кейсы (unstructuredcases). Они представляют собой материал с большим количеством данных и предназначены для оценки стиля и скорости мышления, умения отделить главное от второстепенного и навыков работы в определенной области. Для них существует несколько правильных вариантов ответов, и обычно не исключается

возможность нахождения нестандартного решения.

– Первооткрывательские кейсы (groundbreaking cases) могут быть как очень короткие, так и длинные. Наблюдение за решением такого кейса дает возможность увидеть, способен ли человек мыслить нестандартно, сколько креативных идей он может выдать за отведенное время. Если проходит групповое решение, то может ли он подхватить чужую мысль, развить её и использовать на практике.

– Маленькие наброски знакомят с основными понятиями, требуют применения знаний в узкой области / разделе изучаемой дисциплины.

Несмотря на достаточно обширную классификацию кейс-стадии, необходимо чётко определять задачи и цели их использования в учебном процессе.

В связи с этим в рамках преподаваемых дисциплин все кейс-технологии более целесообразно подразделять по размеру и уровню сложности выполнения практических заданий:

– Полные кейсы (в среднем 20-25 страниц) предназначены для командной работы в течение нескольких дней и обычно подразумевают командное выступление для презентации своего решения.

– Сжатые кейсы (3-5 страниц) предназначены для разбора непосредственно на занятии и подразумевают общую дискуссию.

– Мини-кейсы (1-2 страницы), как и сжатые кейсы, предназначены для разбора на занятии и зачастую используются в качестве иллюстрации к основным теоретическим вопросам, рассматриваемым на занятиях.

Таким образом, при организации работы студентов на практических занятиях или для самостоятельной работы, мгновенного оценивания результатов знаний студентов более целесообразно применять сжатые и мини-кейсы.

Необходимость использования инновационных форм обучения в вузе требует определенного развития методик преподавания профилирующих дисциплин.

В связи с чем именно полные кейсы дают возможность раскрыть в студентах индивидуальные особенности, нестандартное мышление и оценить креативность их идей. В этом случае необходимо применять иную систему представления заданий и оценки деятельности обучающихся.

Учитывая, что полный кейс содержит теоретическую, нормативную информацию, необходимую для решения ситуационных задач и разработки бизнес-ситуаций, его использование при организации деловой игры позволит достичь желаемых результатов.

Использование нетрадиционных методов обучения, активных педагогических методик способствует решению конкретных задач, совершенствованию педагогического процесса, вовлечению учащихся в проектную деятельность.

Проектная деятельность как отдельный вид самостоятельной работы позволяет учащемуся овладеть не только системой знаний, но и глубоко проникнуть в сущность изучаемых предметов, овладеть необходимыми

навыками, развить свои способности и дарования.

В этом случае реализуются следующие задачи.

1. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ

– сформировать определенные знания учащихся в области проектной деятельности и основных подходов к ее реализации.

2. ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ

– организовать условия для коллективной работы с целью реализации общей задачи посредством формирования учебно-личностных качеств и определенных умений, знаний и навыков.

3. РАЗВИВАЮЩАЯ

– реализация приобретенных знаний, их первичное применение в новых условиях с целью формирования умений.

При организации проектной деятельности реализацию поставленных задач следует разделить на несколько этапов.

Первый этап.

Для реализации поставленных целей и организации научной работы обучающихся необходимо ознакомить с основными понятиями в данном направлении.

- Гипотеза – предположение или догадка; утверждение, предполагающее доказательство.
- Объект исследования – главное поле приложения сил учёных, работающих в некоторой сфере науки.
- Предмет исследования – это составляющая часть объекта исследования.
- Цель исследования – это конечный результат, которого хотел бы достичь исследователь при завершении своей работы.
- Результат исследования – совокупность теоретических положений и практических рекомендации, полученных в работе.

Второй этап.

Разработка гипотезы, проблемных вопросов и определения объекта исследования, предмета и цели. При этом наиболее важно четко определить результат проведенных исследований.

Третий этап.

Создание проекта. Сбор и обработка информации.

Четвертый этап.

Предоставление результатов проектной деятельности – научной статьи, научного эссе.

Представленные методические разработки будут актуальны и значимы при преподавании профилирующих дисциплин различных направлений подготовки, однако они не являются единственными в данной области.

Известно, что одним из современных направлений профессиональной подготовки кадров высшей школы является наличие определенных навыков и умений учащихся по сбору, обработке и анализу информационного потока. В свою очередь, изучение учетно-аналитической информации невозможно без применения современных информационных и коммуникационных технологий.

В настоящее время IT-технологии активно применяются при оценке результативности функционирования бизнеса. Различные аналитические программы

представляют собой комплексный пакет обобщения информации, проведения аналитических процедур, заключение о результативности и значимости проведенных расчетов.

Данные положения основаны на современных информационных технологиях, которые представляют собой компьютерную обработку информации по заранее отработанным алгоритмам, хранение больших объёмов информации на разных носителях и передачу информации на любые расстояния в предельно минимальное время.

На данный момент информационные технологии в экономике, их изучение и разработка являются актуальнейшей задачей не только для обучающихся, но и для специалистов реального сектора экономики.

Информационная экономика в настоящее время изменила многие аспекты экономической реальности.

Сущность системного подхода в экономическом анализе заключается в необходимости использования различных методов исследования.

Достаточно большой перечень программных продуктов и баз данных, рекомендованных к использованию, требует детального изучения и апробации современных IT-технологий профессиональными бизнес-аналитиками.

Однако теоретическим и практическим вопросам использования информационных технологий при анализе результативности бизнеса уделяется недостаточно внимания в современной экономической науке.

Отсюда последовательное развитие экономического анализа, интеграция со смежными дисциплинами вызывают необходимость проведения исследований в области автоматизации аналитических процессов.

На рынке IT-технологий активно продвигаются отдельные программные продукты:

– Экспресс-анализ финансовой отчетности – приложение для проведения экспресс-анализа бухгалтерских показателей организации.

– AuditExpert – это профессиональная программа для анализа финансового состояния и результатов деятельности предприятия, обрабатывающая стандартные финансовые отчеты компаний.

– Финансовый анализ – ФинЭкАнализ – пакет для автоматизации управленческого и финансово-экономического анализа организаций и предприятий.

– Мастер Финансов: анализ – программа для экономического анализа рентабельности и ликвидности предприятий.

– Финансовый анализ + оценка бизнеса.

– Финансовый анализ банка – это программа, с помощью которой можно проанализировать финансовое состояние любого коммерческого банка. Она работает с такими программами, как MS Word и MS Excel.

Таким образом, бизнес-аналитику необходим пакет прикладных программ, предназначенных для решения задач из определенной проблемной области, состоящий из:

– отдельных прикладных программ и пакетов прикладных программ, предназначенных для решения раз-

личных задач пользователей;

- автоматизированных систем, созданных на основе этих (пакетов) прикладных программ.

Одной из таких аналитических программ является ППП «Ваш финансовый аналитик».

Данный программный продукт дает возможность пользователю выполнять финансовый анализ, используя как старые, так и новые формы бухгалтерской отчетности.

Наличие возможности прогнозирования деятельности компании позволяет на основе анализа доходов, расходов и финансового результата формировать прогнозную финансовую отчетность и анализировать финансовое состояние компании в будущем.

Основные области применения программы «Ваш финансовый аналитик»:

- анализ финансового состояния организации для представления в банк или другим заинтересованным пользователям;
- подготовка пояснительной записки к бухгалтерской отчетности;
- финансовый анализ организации в ходе аудиторской проверки;
- финансовый анализ в ходе подготовки отчета об оценке стоимости организации;
- анализ финансовой устойчивости организаций-клиентов;
- финансовый анализ организаций-заемщиков при кредитовании;
- текущий контроль финансового положения организации для принятия управленческих решений и др.

Важно отметить, что финансовые показатели, использованные в «Вашем финансовом аналитике», формулы их расчета и нормативные оценки перенесены в программу не «механически», а предварительно отобраны, проранжированы по важности, сгруппированы, проанализированы (в том числе на наличие взаимных противоречий в их качественной оценке), а также по возможности согласованы с аналогичными показателями, используемыми в мировой практике.

Более детально рассмотрим возможность применения данной программы в исследуемой организации.

В программу «Ваш финансовый аналитик» заложена уникальная методика рейтинга финансового состояния анализируемых организаций.

Главная особенность системы – полное исключение участия пользователя в аналитическом процессе.

Необходимо ввести данные бухгалтерской отчетности и получить по результатам анализа отчет, ничем не отличающийся от составленного аналитиком-профессионалом.

На рисунке 1 изображено заполнение ряда данных для формирования отчета, поскольку программа заполнения данных для анализа включает в себя заполнение всех официальных реквизитов организации.

Представленное диалоговое окно демонстрирует порядок заполнения основных реквизитов организации, включающих наименование организации, правовую

форму функционирования, периодичность представленной отчетности и единицы измерения финансовых результатов. Исходя из целей и направлений проведения аналитических процедур, в отчет можно включить отдельные разделы, таблицы и графики.

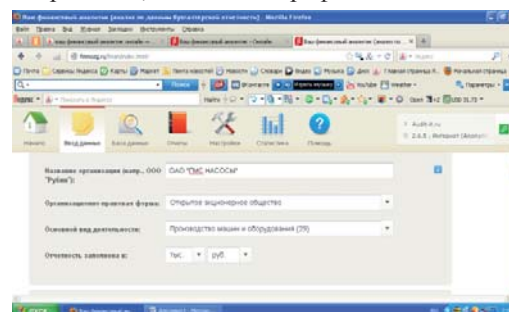

Рис. 1. Информационное окно «Ввод реквизитов организации».

При заполнении отдельных форм бухгалтерской (финансовой) отчетности пользователь имеет возможность изменять период исследования.

Заключающим этапом является заполнение формы «Настройка параметров отчета».

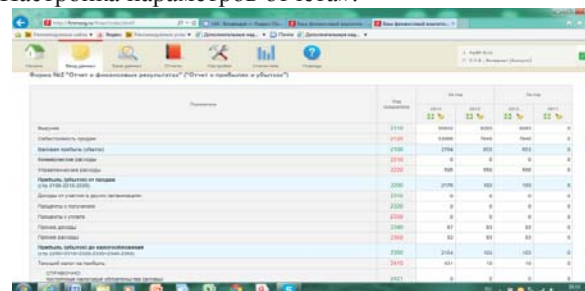

Рис. 2. Информационное окно «Ввод данных «Отчет о финансовых результатах»».

Программой «Ваш финансовый аналитик» детально проверяются данные, представленные в отчетности, и оценивается соответствие данных, представленных в различных формах.

После проверки согласования высвечивается информационное окно «Сформировать отчет».

Открытость и адаптивность программного продукта «Ваш финансовый аналитик» предоставляет возможность руководству организации самостоятельно вносить изменения в программу, учитывая индивидуальные требования, конкретные условия, цели проведения аналитических процедур.

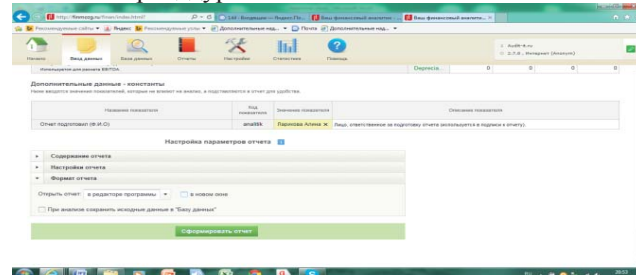

Рис. 3. Информационное окно «Настройка параметров отчета».

Далее программа формирует отчет и предоставляет возможность пользователю открыть его в нескольких форматах.

Результатом работы ППП «Ваш финансовый анали-

тик» является полный финансовый отчет о результативности деятельности организации, включающий анализ и оценку активов, пассивов, финансовых результатов и содержательные аналитические выводы с указанием положительно и отрицательно повлиявших факторов. Отдельный момент – оценка вероятности банкротства и рейтинговая оценка деятельности в рамках анализа кредитоспособности.

Таким образом, использование ППП «Ваш финансовый аналитик» будет способствовать своевременному получению объективной оценки о результативности деятельности организации.

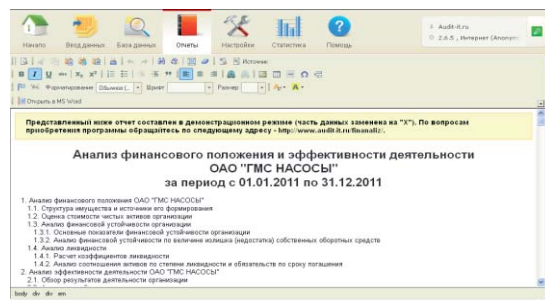

Рис. 4. Информационное окно «Анализ финансового положения и эффективности деятельности организации».

Библиографический список

1. Баранов Ю.Н. Профессиональная подготовка кадров для автотранспортной системы России. //Иновационные технологии в профессиональном образовании. Орел, 2015. С. 174-194.
2. Баранов Ю.Н. Оценка эффективности функционирования системы подготовки кадров, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения//Вестник Брянского государственного технического университета. 2014. № 4 (44). С. 188-195.
3. Баранов Ю.Н., Тюриков Б.М. Совершенствование системы обучения охране труда работников АПК//Научные труды SWorld. Т. 3, № 1, 2008. С. 68-72.
4. Губарева Л.И., Петрухина Е.В., Тенетилова В.С. Иновационные подходы к разработке учебно-методического комплекса образовательного модуля // Фундаментальные исследования, №11. М., 2014. С.1795-1798.
5. Губарева Л.И. Иновационные методы обучения в образовании//Иновационные технологии в профессиональном образовании: коллективная монография/ Губарева Л.И., Правдюк В.Н., Хмызова Н.Г. и др. под общей редакцией В.С. Никульникова. Орел:Изд-во «Картуш», 2015. С.5-28.
6. Пакет Прикладных Программ «Ваш финансовый аналитик» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.audit-it.ru>.

References

1. Baranov Yu. N. Professional training for the road transport system of Russia. Collection: Innovative technologies in professional education/ Orel, 2015. Pp. 174-194.
2. Baranov Yu. N. Assessment of efficiency of functioning of system of personnel training related to the provision of road safety // Bulletin of Bryansk state technical University. 2014. № 4 (44). Pp. 188-195.
3. Baranov Y. N., Tyurikov M. B. improving the system of training labour safety of workers of agriculture// proceedings of the SWorld. Vol. 3, № 1, 2008. Pp. 68-72.
4. Gubareva L. I., Petrukhina V. Y., Tenetilova V. S. Innovative approaches to the development of educational and methodical complex of an educational module // Fundamental research, №11. M., 2014. Pp. 1795-1798.
5. Gubareva L. I. Innovative teaching methods in education// Innovative technologies in professional education: collective monograph/ L. I. Gubareva, V. Pravdyuk N., Khmyzov N. G. etc. under the General editorship of V. S. Nikulnikov. Orel: Publishing house of Cartouche, 2015. Pp. 5-28.
6. The package of Applied Programs «Your financial analyst» [Electronic resource]. Available at: <http://www.audit-it.ru>.

УДК 118; 130.3; 141.154; 141.155

UDC 118; 130.3; 141.154; 141.155

М.В. ЖУЛЬКОВ

кандидат философских наук, докторант, кафедра философии, Ивановский государственный университет
E-mail: mzh1@mail.ru

M.V. ZHULKOV

Candidate of Philosophy, Doctoral student, Department of philosophy, Ivanovo State University
E-mail: mzh1@mail.ru

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ: ОНТОЭНЕРГИЙНЫЙ АСПЕКТ*

THE GLOBAL EVOLUTION OF CONSCIOUSNESS: ONTOENERGETIC ASPECT

Используя системный подход, автор делит все концепции сознания на концептуально-информационные, структурно-энергетические и субстратно-вещественные. Статья посвящена исследованию энергетической концепции сознания, которая пока не получила должного развития. Автор приходит к выводу, что сознание – это особый непространственный вид энергии, отражающий состояние пространственных видов энергии, из которых построены объективные формы. Эволюция Вселенной предстает как сопряженная эволюция энергии и сознания на разных уровнях, которые образуют круговорот.

Ключевые слова: биогеохимическая энергия, культурная биогеохимическая энергия, системный подход, сознание, глобальное сознание, сознание как энергия, энергия, энергия сознания.

Using a systematic approach, the author divides all concepts of consciousness into the information-conceptual, structural-energetic and substrate-material. The article investigates the energy concept of consciousness, which has not received proper development. The author comes to the conclusion that consciousness is a special non-spatial form of energy, reflecting the state of the spatial forms of energy, of which the constructed objective forms. The evolution of the universe appears as a conjugate evolution of energy and consciousness at different levels, which forms the cycle.

Keywords: biogeochemical energy, cultural biogeochemical energy, a systematic approach, consciousness, global consciousness, consciousness as energy, energy, the energy of consciousness.

Сознание является одной из главных проблем философии на протяжении всего ее существования, одним из её вечных вопросов. Каждая культура и каждый исторический период давали свои ответы на вопросы о сущности и природе сознания, его происхождении, структуре и функциях. Эти вопросы неотрывно связаны с происхождением Вселенной и потому составляют основу онтологического подхода. Тем самым глобальная эволюцией сознания тесно связана с эволюцией мира в целом. В данной статье рассматривается энергийный аспект природы сознания и его бытия.

Проблема определения и классификации проблем сознания. Известно, что в настоящее время нет единой философии сознания, которая бы с единых позиций рассматривала сущность, происхождение, структуру, этапы развития сознания, его природные и сверхприродные, объективные и субъективные характеристики. Существует несколько десятков определений, которые исследователи пытаются свести к нескольким группам.

Трудность в изучении сознания состоит в том, что сознание мы изучаем с помощью самого сознания, и оно ускользает от точного определения, «его нельзя ухватить, представить как вещь», – пишет М.К. Мамардашвили. [26, с. 263]. И далее: «По мере

приближения к нему сознание, как тень, ускользает от исследователя» [там же, с. 263].

Понятие сознания является одним из основных понятий в диалектике первооснов бытия. Как отмечает М. К. Мамардашвили, понятия «сознание» и «бытие» являются парными и имеют жизненные истоки. Они настолько слиты, что исследователь применяет к ним единое понятие «сознание-бытие» [там же, с. 87].

В Новой философской энциклопедии дается следующее определение сознания: «Сознание – состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях» [22, с. 589]. Это одно из наиболее общих определений, в нем сознание рассматривается как психическая жизнь, которая субъективно переживает внешнюю и внутреннюю составляющие этой психической жизни (самой себя).

В энциклопедии «Британика» сознание определяется как психологическое состояние, определенное английским философом Д. Локком как восприятие того, что происходит в собственном уме человека [34, с. 552]. Эта концепция связана со способностями человека знать и познавать.

В.А. Лекторский выделяет четыре основных группы концепций сознания. В первую очередь, это «концепция

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00833.

отождествления сознания со знанием». Сознание фиксирует наличие знания и может им пользоваться. Другое определение в качестве главного признака выделяет интенциональность, направленность сознания на определенный предмет. Третья точка зрения отождествляет сознание с вниманием, она в основном используется в психологии и когнитивной науке. Наконец, четвертое понимание сознания «связано с истолкованием его как самосознания, как самоотчета Я в собственных действиях» [22, с. 589-591]. При этом выделяется эмпирическое Я, являющееся носителем эмпирического, личностного сознания, связанного с текущим восприятием внешнего мира, и Трансцендентальное Я, «чистое сознание» (И. Кант, Э. Гуссерль).

Двадцатый век выявил новые методы исследования и новые разделы в науке вообще и науках о сознании в частности. Речь идет о когнитивных науках, нейрофизиологических исследованиях, квантово-механическом подходе, системных исследованиях, развитии информационных наук.

Сознание и системный подход. Развитие системного метода позволило рассматривать сознание как систему и применять системную методологию в его исследовании. И.В. Дмитриевская применяет к анализу сознания параметрическую общую теорию систем, разработанную А.И. Уемовым. Система определяется как «...вещь (или множество вещей), на которой реализуется отношение с заранее заданными свойствами. Это определение имеет двойственный вариант: система есть вещь, на которой реализуется свойство с заранее заданными отношениями» [8, с. 22]. Система состоит из субстрата (множество элементов), структуры (совокупность отношений) и концепта (системообразующего свойства). Соответственно такому составу системы сознание можно рассматривать как вещь, свойство и как отношение [там же, с. 23].

Далее И.В. Дмитриевская рассматривает ноосферу как «системно организованное сознание». Чтобы выявить закономерности ноосферы, необходимо «сопоставить системные характеристики «косного вещества», биосферы и ноосферы» [там же, с. 25]. Основными характеристиками естественного тела являются вещество, энергия и информация. В косном веществе концепт и структура определяются типом энергии и энергетическими взаимодействиями, субстрат представлен веществом. В биосфере концептуальный уровень представлен биогеохимической энергией, структура представлена информационными процессами, субстрат – биохимическим веществом. В ноосфере концептом является информация, энергия определяет структуру, элементная база представлена «социобиогеохимическим субстратом» [там же, с. 26].

В нашем исследовании сознания применим методологию рассмотрения ноосферы как системы и ее трех составляющих: вещества, энергии, информации. Существующие определения сознания классифицируем по этим трем основаниям: «вещественные» определения, «структурно-энергетические» и «информационные».

Материалистические модели сознания должны быть отнесены к вещественным моделям, в них сознание рассматривается как сложно организованная материя, хотя при этом оно рассматривается и как атрибут (свойство) материи: «Материя, взятая в соотношении со всеми своими атрибутами (в том числе и с мышлением, поскольку последнее рассматривается как форма одного из ее атрибутов), предстает как субстанция, т. е. как единственно сущее» [1, с. 217]. У сознания есть и гносеологический аспект, который становится содержанием сознания. В связи с этим А.В. Ерахтин предлагает «...различать «субстанциальное» существование (существование материальных вещей в движении, пространстве и времени) и атрибутивное» существование – существование идеальных образов, обладающих объективным содержанием и своей специфической природой» [12, с. 31]. К вещественным моделям сознания следует отнести также нейрофизиологическую модель, физикалистские модели, постпозитивистские, правда, в последних принимается, что сознание имеет свою собственную ни к чему не сводимую природу. В большинстве этих концепций носителем сознания является мозг, сознание реализуется в мозговых структурах и взаимодействиях.

Основные современные концепции сознания связаны с его информационным представлением: это «знаниевые» модели, а также собственно информационные – представление сознания как аппарата по переработке информации (когнитология), сюда же следует отнести герменевтику, феноменологию, семиотические концепции сознания.

Структурные модели, представление сознания как воли и действия (А. Шопенгауэр), как потока (У. Джемс и др.), бихевиористская, психодинамическая модель относятся к структурно-энергетическим моделям сознания. Концепции, основанные на квантовой механике, также можно отнести к энергетическим концепциям, так как в основе квантовой механики лежат энергетические представления.

В данном кратком исследовании подробнее остановимся на энергетической концепции сознания, поскольку она наименее развита, в то же время энергетические характеристики сознания имеют большое значение для его функционирования.

Функционирование сознания в современных исследованиях предстает в основном как процессы преобразования информации, но ясно, что эти процессы связаны с затратами энергии. Кроме того, целый ряд феноменов сознания носят ярко выраженный энергетический характер, такие как чувственное познание, эмоции, желания, волевые проявления. Через сознание проходит не просто некий информационный поток, а энергоинформационный или даже энергетический, аспектом которого является информация.

Энергия по отношению к сознанию может рассматриваться, как представляется, трех типов: энергия, необходимая для функционирования материальных (мозг) и тонкоматериальных структур сознания; энергии, с ко-

торами работает сознание, проводит, преобразовывает, поглощает и излучает; и, наконец, сознание может рассматриваться как особый тип непространственной энергии, отражающей состояние пространственных типов энергии и даже влияющей на них. То, что сознание способно создавать и влиять на события, отчетливо показывается развивающейся энергоинформационной парадигмой науки (К. Прибрам, Л.В. Лесков, В.В. Налимов и др. [см. 17]).

Так энергия представлена на всех трех уровнях системного рассмотрения: субстратном, структурно-функциональном и концептуальном. С этой точки зрения все существующие концепции сознания явно или скрыто включают в себя энергию, энергетические аспекты. Кроме того, каждый уровень системы также можно проанализировать как систему, то есть как содержащий три компонента, в том числе и энергетический. Например, материалистическая модель является субстратной, но материя в настоящее время понимается и как поле, и как потоки энергии, то есть эта модель должна рассматривать энергетические закономерности функционирования сознания, что и делают, например, физикалистские модели.

Учение В. И. Вернадского о двух энергиях. В.И. Вернадский в статье «Несколько слов о ноосфере» ставит вопрос, который имеет прямое отношение к теме нашей статьи: «Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы?» [6, с. 240]. После краткого обзора истории вопроса, он констатирует: «Эмпирические результаты такого «непонятного» процесса мы видим кругом на каждом шагу» [там же], а именно – человек становится «крупнейшей геологической силой», меняет лик планеты, производит массу новых химических соединений, создает новые виды животных и растений [там же].

Как же сам ученый решал этот вопрос, в условиях, когда еще не были созданы такие общенаучные теории, как общая теория систем, общая теория информации, кибернетика, когнитивные науки? В.И. Вернадский разработал учение о биогеохимической энергии и энергии культуры. Он считал, что космическая энергия, поступающая на поверхность планеты, становится биогеохимической энергией и она является движущей силой эволюции. При этом эволюция имеет вектор своего развития, связанный с усложнением центральной нервной системы и увеличением напряженности сознания [там же, с. 21]. (Отметим, что напряженность – энергетическая характеристика.) В человеке эта энергия становится культурной биогеохимической энергией, составляющими которой являются научная мысль, социальная организация и труд [там же, с. 124–128]. Именно эта энергия становится причиной постепенного превращения биосферы в ноосферу. Главной составляющей этой энергии В.И. Вернадский называет научную мысль. Здесь мы видим направление поисков В.И. Вернадского. С одной стороны, данное положение является эмпирическим обобщением, а с другой – гениальной догадкой, опередившей время и предвосхитившей постнеклассическую

стадию развития науки с ее исследованием сознания, когнитивных процессов, процессов самоорганизации.

Ноосферная парадигма и исследования вносят свой вклад в изучение и понимание сознания. Они базируются на идеях В.И. Вернадского о единстве биосферы. Принимая во внимание информационные взаимодействия в живом веществе, необходимо констатировать информационное единство биосферы и живого вещества, наличие единой информационной системы, в которой организмы и клетки являются элементами [10, с. 130]. Примерами таких взаимодействий может служить взаимодействие человек – растение [33], взаимодействие клеток (В.П. Казначеев [21]), предвидение животными стихийных бедствий и др.

Важным феноменом единства человечества является формирование в ближайшее время коллективного разума человечества, его создание, как отмечает Н.Н. Моисеев, необходимо для решения глобальных проблем человечества [28, с. 34]. В ноосферной системе циркуляция информации и энергии определяется основным ноосферным законом: информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество [9, с. 27–28]. Информационные взаимодействия определяют потоки энергии, ее накопление, использование, применение, обратную связь, соответствие результатов замыслу. Очевидно, только глобальное сознание сможет генерировать необходимую энергию для направленного воздействия на развитие биосферы в целом, превращения ее в ноосферу.

Процесс формирования глобального разума включает объединение индивидуальных разумов (Н.Н. Моисеев) и их сонастройку с Космосом (Д. Радьяр). Сам процесс подобен образованию (самоорганизации) лазерного (когерентного) луча, для запуска процесса необходимо определенное (критическое) количество когерентных частиц или, по аналогии, объединенных высокоразвитых сознаний. Ясно, что этот процесс самоорганизации носит не столько информационный, сколько энергетический характер.

Энергия сознания. Аристотель под энергией понимал соединение трех факторов: возможности (потенции), действительности (энергейи) и цели (энтелехии), сила которой переводит возможность в действительность [2, с. 51]. Это метафизическое понятие, объединяющее не только физическую энергию, но и другие ее виды, то есть энергию как таковую.

Сознание легко представляется по этой схеме: цель становится интенцией, внутренней направленностью сознания; непосредственная работа сознания – это «действительность»; самосознание и Я есть потенциал, возможность. Поскольку совместное действие трех компонентов находим и в энергии, и в сознании, то их можно рассматривать структурно аналогичными. А так как сознание можно «сконструировать» по типу энергии, это проявляет, пусть косвенно, его (сознания) энергетические аспекты.

Психоанализ и психодинамика используют, по сути, энергетические представления о сознании. З. Фрейд

рассматривал либидо (притяжение к другому полу) как основную энергию психики и, следовательно, сознания. Он проводил идею сублимации этой энергии и превращения ее в различные формы культуры – формы социальной организации, искусства, науки, мышления и т. п. – и все они предстают как различные формы проявления нашего сознания.

Эти рассуждения согласуются со взглядами В.И. Вернадского на биогеохимическую энергию (основную энергию биосферы), проявляющуюся в человеке через размножение. Эта энергия (повторимся) трансформируется в человеке в культурную биогеохимическую энергию, состоящую из трех составляющих: научной мысли, социальной организации и труда [6, с. 53, 126]. Культурная биогеохимическая энергия получает максимальное развитие в человеке при максимальном его размножении [там же, с. 129], что демонстрировалось и демонстрируется индустриальными революциями, с одновременным демографическим взрывом и культурным подъемом.

Но этих двух энергий недостаточно для объяснения того этапа, в который в настоящее время вступает человечество – информационную революцию, глобальный демографический переход, связанный с изменением закона рождаемости, резким сокращением количества детей в семье. Однако развитие общества в странах, которые уже прошли этот переход, не останавливается, наоборот, именно в этих странах началась и продолжается информационная революция. Поэтому необходимо ввести третий вид энергии, являющийся, по сути, следующей ступенью сублимации первоначальной энергии размножения – энергию сознания [13; 14, с. 41–44; 15, с. 146–149]. В наступающем этапе развития цивилизации основывается все больше не на количестве работающих людей, а на качестве индивидуального сознания, их согласованной объединенной работе.

П. Тейяр де Шарден считал, что «...по существу всякая энергия имеет психическую природу» [31, с. 61]. Эту фундаментальную энергию исследователь разделил на две составляющих: внешнюю, физическую, и внутреннюю, психическую и духовную, назвав их, соответственно, тангенциальной и радиальной [там же]. Здесь мы встречаем те же представления о единстве психических и физических энергий, а также представление об энергии как о движении «снизу вверх» и «сверху вниз», от духовного к психическому и физическому, и, наоборот, от физического к психическому и духовному.

Известный исследователь античной философии А.Ф. Лосев, прорабатывая систему категорий диалектики, дал определение категории энергии. В его системе две тетрактиды категорий, первая описывает смысловой эйдос, а вторая – меональный (фактический). Энергия осуществляет связь между этими двумя тетрактидами, миром смысла и миром фактов. При этом энергия определяется как совокупность всех возможных проявлений сущности (чего-либо) в меоне, то есть в объективном мире. Такую энергию А.Ф. Лосев назвал энергией сущности: «Энергия сущности есть становление интелли-

генции, или чистого ума, стремящегося утвердить себя на фоне иного, в ином, во тьме» [23, с. 156]. «Энергия сущности, таким образом, и есть вся целокупность выразительных моментов сущности» [25, с. 35]. Сущность человека – это его сознание, то есть сознание содержит (генерирует) энергию, которая творит мир, видоизменяет его и затем снова возвращается к сознанию.

Таким образом, понятие энергии сознания носит характер эмпирического обобщения и логической необходимости и должно сыграть в философии сознания определенную роль.

Сознание как энергия. По нашему мнению, энергетическая точка зрения на природу сознания еще не получила должного развития. Большой ресурс в философском дискурсе об энергетической природе сознания содержит восточная философия.

Наиболее последовательно точка зрения тождественности сознания и энергии проводится в индийской философии [см. 16, 18]. Согласно представлениям большинства школ индийской философии, Высший Брахма является Абсолютом, Первичной реальностью, универсальным Я. Далее Он становится двойственностью Шива – Шакти, здесь Шива – чистое сознание, Шакти – силовое сознание. Шакти является основой и источником всех видов энергии материи, Шива – источником сознания на всех уровнях. Так высшее сознание содержит в себе энергию, необходимую для дальнейшего творения, поддержания и разрушения мира [7, с. 14; 30, с. 663]. В первой книге Махабхараты говорится, что материя и сознание – энергии Источника всего сущего [27, с. 11].

У.И. Эванс-Вентц пишет о «тождественности Энергии и Сознания»: «Тантризм рассматривает Вселенную как состоящую из противоположностей: нирваны и сансары, ноумена и феномена, потенциального и проявленного, озарения и не различающей перцепции, пустоты и полноты жизни, сознания и праны. Кроме того, тантризм провозглашает, что с точки зрения высшей реальности, каждая из этих пар противоположностей, хотя и кажущихся таковыми, является неделимым целым» [32, с. 28]. Так в основании философии йоги и философии буддизма лежит принцип единства сознания и энергии.

В соответствии с этим принципом системы йоги имеют два основных пути: путь понимания и путь увеличения энергии с помощью упражнений. Эти пути дополняют друг друга: расширение сознания приводит к увеличению энергии и овладению психическими силами, а рост энергии приводит к пониманию, по сути, это один путь, как об этом говорит «Бхагавадгита» [4, с. 41, 57].

Эти взгляды на новом уровне развиваются в книгах Живой Этики. В них мы находим понятие психической энергии: «Психическая энергия есть ВСЕ. Психическая энергия есть всеначальная энергия», «так как она будет сочетаться со всеми проявлениями жизни» [3, § 478]. Как всеначальная энергия, она включает в себя все остальные ее виды, в том числе психическую, мыслительную, жизненную, и наконец, физические виды энергии. Психическая энергия создает миры и наполняет их энергией сознания. Эта энергия на самом верху

является сверхтонкой космической энергией, а «внизу» становится физическими энергиями. Сознательное использование психической энергии изменяет жизнь самого человека и его окружения: «Мысль творит образы в Тонком Мире» [29, § 31]. Само сознание названо божественной энергией [19, §407]. В Агни Йоге человечество рассматривается как приемник и распределитель на планете космических энергий.

Таким образом, мы делаем шаг к тому, чтобы от рассмотрения энергии сознания перейти к рассмотрению самого сознания как особого вида энергии. Используем представления Р. Декарта о двух субстанциях – протяженной, из которой созданы объективные вещи, и непротяженной субстанции мысли. Протяженность – это отличительное свойство пространства, а также объективных вещей, предметов, которые его наполняют. Речь идет о физическом трехмерном пространстве, в котором существуют предметы, связанные гравитационным полем. Сами предметы построены из элементарных частиц и силовых полей четырех видов. Так можно понимать протяженную энергию Р. Декарта с точки зрения современной науки.

Непротяженная субстанция мысли с точки зрения современных представлений – это субстанция информации. Это субстанция, которая, конечно, присутствует в четырехмерном пространстве-времени современной науки, но это не элементарные частицы, из которых построены атомы. Хотя информация присутствует везде, но информационные взаимодействия не носят силового характера, и в силу этого обладают качеством проникаемости. Информационные взаимодействия пронизывают весь Космос, планету, биосферу и особенно ноосферу, оказывая сильное, но опосредованное влияние на физические процессы и предметы.

Эта взаимосвязь может быть проиллюстрирована отношениями между существующими частицами и виртуальными частицами, колебания которых заполняют вакуум, то есть весь Космос. При определенных условиях виртуальная частица (и ее энергия) становится реальной. С этой точки зрения энергия сознания может быть названа виртуальной энергией. Аналогично энергия сознания становится действующей энергией в мире.

Определим сознание как особый вид непространственной (виртуальной) энергии, отражающий как собственное состояние, так и состояние пространственных видов энергии [16, с. 82]. Примерно так понимает сознание физик А.В. Зубко: «Можно сказать, что сознание представляет собой особую дополнительную «идеальную» размерность деятельностного бытия общества в дополнение к пространственно-временным размерностям его существования» [20]. Такое отношение в физике рассматривается как голографическое отношение, то есть пространственно-временная материя является голографической пластинкой, которая при определенных условиях производит «изображение», новое измерение, в нашем случае «идеальную размерность», в том числе и образы в нашем сознании. По мнению А.П. Дуброва, сознание является «надструктурным

ментальным образованием» [11, с. 5], способным порождать ментальные пространственно-временные комплексы, воздействующие на материальные предметы. Существует четырехмерная пространственно-временная физическая реальность и более тонкая реальность Глобального сознания [там же], существующего в ином пространственно-временном континууме. Если исключить целевую направленность сознания, то поле Глобального сознания похоже на физический вакуум: «Соединение разных физических свойств Глобального, Космического Сознания и полевая многоликость, являются его фундаментальными физическими характеристиками, сближающими с природой физического вакуума» [там же, с. 69]. Тем самым сознание можно считать виртуальной формой энергии (по аналогии с виртуальными частицами вакуума), которая при определенных условиях превращается в различные известные виды энергии.

Таким образом, сознание имеет невещественную и, в этом смысле, непространственную природу и, хотя оно присутствует в пространстве, из этой более тонкой реальности невозможно построить физические формы.

Основные уровни энергии. Круговорот энергии и сознания. Возвращаясь к древнегреческой философии (неоплатонизму Плотина, Прокла), отметим, что энергия непосредственно входит в диалектику основ бытия, то есть лежит в основании онтологии. А.Ф. Лосев в «Диалектике числа у Плотина» показывает, что энергия входит в структуру Единого: Единое предстает как чистое «сверх» (выше смысла и бытия), как потенция (абсолютная единичность всего) и как энергия (осмысление и оформление единого, причем оформление понимается как материя) [24, с. 805]. Создавая мир, «Единое энергично полагает себя как сущее, то есть как раздельное» [там же, с. 806].

Так энергия входит в основу бытия на всех его уровнях, причем различные энергии соответствуют друг другу по количеству и качеству, образуют круговорот, который является динамической основой бытия.

Энергия появляется и играет самую существенную роль на всех этапах творения, существования и эволюции мира. Обобщая вышесказанное, выделим четыре основных уровня энергии: 1) единое обладает энергией, 2) эта энергия создает сущее, сущность, существование, 3) энергия сущности, которая выходит в меон (иное сущности и первоединого), это энергия непрерывного становления, которая преобразовывается в 4) энергию ставшего мира, предмета, космоса в целом. Последние – это те виды энергии, которые наиболее хорошо изучены наукой – физические, химические и др.

Но энергия не может просто непрерывно излучаться, она должна также непрерывно возвращаться к своему источнику. Физические энергии в процессе эволюции трансцендируются и становятся энергиями сущности, возвращающимися к ней, а сущность возвращает энергию первоединому. Так возникает круговорот энергии в космосе, который его непрерывно поддерживает и развивает. Напомним, что «энергетическая» точка зрения

на эволюцию космоса поддерживалась и развивалась Р. Майером, позднее энергетизм В. Оствальда становится научно-философским направлением, М. Веллер развивает энергоэволюционизм, который рассматривает эволюцию космоса как эволюцию энергии [5].

Одновременно с круговоротом энергии необходимо выделить «круговорот» сознания в космосе, причем они взаимосвязаны и определяют эволюцию, стадии развития космоса, сама эволюция в существенной степени и является эволюцией сознания. Космическое сознание становится природно-планетарным и человеческим, проходя затем ступени от индивидуального сознания к общечеловеческому и планетарному, а затем и космическому, обогащая космическое сознание опытом планетарной жизни.

В более кратком изложении эволюция сознания в космосе идет от космического (духовного) сознания к сознанию в материи и затем снова к космическому. Опыт материальной жизни прибавляет исходному космическому сознанию новые возможности, способности, умения. Круговороты энергии и сознания гомологичны и взаимосвязаны, один отражает и поддерживает другой.

Человек, будучи микрокосмическим отражением Макрокосма, соединяет в себе различные виды энергии. Жизненная энергия последовательно становится в человеке энергией размножения (творения), энергией желания, энергией мысли, энергией сознания и воли. В более сокращенном виде, либидо, энергия размножения, сублимируется и становится энергией культуры и затем энергией духа.

Представим иерархию уровней сознания, двигаясь от материального к нематериальному, более абстрактному и духовному. Эти уровни можно представить в следующем виде: чувственное сознание, сфера желаний и эмоций (психика в узком смысле), сознание-ум, интуитивное сознание, волевое сознание. Согласно нашей

концепции, каждый уровень сознания обладает своей особой энергией: энергия чувств, энергия желаний и эмоций, энергия ума (мысли), энергия интуиции, энергия воли. У этих индивидуальных видов энергии обязательно должны быть источники – сферы планетарные и космические. Так сознание и мысль непосредственно вписываются в эволюцию космоса и планеты.

Необходимо рассматривать эволюцию сознания и биосферы как единый процесс. Сознание появляется внутри биосферы, постепенно вырабатывается, становится зрелым и более независимым от материнского тела – биосферы. Сознание ставит вопрос об управлении дальнейшей эволюцией биосферы, превращении ее в ноосферу, а также о начале планетарно-космической стадии эволюции человечества.

Таким образом, использование системного подхода и последовательное проведение энергетического взгляда на мир приводит к энергетическому пониманию сознания. Сознание – это особый непространственный (виртуальный) вид энергии, отражающий состояние пространственных видов энергии, из которых построены объективные формы.

Энергетические характеристики присутствуют на всех уровнях бытия, выделяется четыре основных: энергия первоединого, энергия сущности, энергия становления и материальные энергии. Круговорот энергии включает нисходящую и восходящую дугу эволюции, и энергия возвращается к своему источнику – сущности, а та возвращает ее первоединому, аспекту единичности, неделимой целостности мира. При этом энергия обогащается опытом в «меоне», в материи, и сущность таким образом получает новые качества и возможности.

Энергетический подход к исследованию сознания дополняет уже существующие, является конструктивным и эвристичным, открывает новые возможности дальнейшего исследования тайн сознания.

Библиографический список

1. Акулов В.Л. Диалектический материализм как система: (опыт теоретического анализа). Минск: Издательство «Университетское», 1986. 318 с.
2. Аристотель. Физика. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 230 с.
3. АУМ // Агни Йога: в 4 т., Т. 3. Д.: Сталкер, 1999. 480 с., С. 246-363.
4. Бхагавад-Гита, или Песнь Господня. К.: «София», 2000. 160 с.
5. Веллер М. Энергоэволюционизм. М.: АСТ, изд-во Астрель, 2011. 544 с.
6. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
7. Вишну-Пурана, кн. 1. СПб.: Издательство ОВК, 1995. 256 с.
8. Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Проблема системности сознания и ноосферы / Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века. Материалы межрегиональной научной конференции. Иваново, 19-20 мая 1994 г. Иваново, Ивановский государственный университет, 1994. 204 с.
9. Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: Философские и культурологические проблемы: Ч. 1 // Ноосферные исследования. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2002. Вып. 1. 158 с.
10. Дубров А. П., Пушкин В. П. Парапсихология и современное естествознание. М.: Соваминко, 1990. 280 с.
11. Дубров А. П. Когнитивная психофизика : Основы / А. П. Дубров. 2-е изд., исп. и доп. Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. 301 с. : ил.
12. Ерахтин А. В. Проблема онтологии сознания в марксистской и в современной западной философии // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения. Межвузовский сборник научных трудов. Иваново: Ивановский государственный университет, 1994. 236 с., сс. 18–32.
13. Жульков М. В. Энергии преобразования биосферы в ноосферу // Образование и наука: современное состояние и перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 июля 2014 г.: в 6 частях. Часть 4. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2014. 164 с., С. 68-69.

14. Жульков М. В. Демографический аспект ноосферной автотрофности // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки», 2014. Вып. 2 (14) Философия, С. 35-45.
15. Жульков М. В. Энергии созидания ноосферы // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2014, №8, С. 144-151.
16. Жульков М. В. Восточный путь самосовершенствования: тождество энергии и сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. Тамбов: Грамота, 2014 № 12 (50): в 2-х ч. Ч. I., С. 78-83.
17. Жульков М. В. Становление биоэнергoinформационной картины мира // Наука в центральной России, Спецвыпуск. По материалам II-й Международной научной конференции «Наука в Центральной России», апрель, 2013, С. 179-183.
18. Жульков М. В. Практика Озарения и просветления: встреча двух сознаний // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. Scientific journal № 9-10 2014 (September–October), С. 246-251.
19. Знаки Агни Йоги // Агни Йога: в 4 т. Д.: Сталкер, 1999. 512 с. Т. 1., С. 183-273.
20. Зубко А. В. Сознание как голографическая размерность психической энергии // XIII международная междисциплинарная научная конференция «Этика и наука будущего» на тему «Мир аналогий – подобие миров» (29 – 30.03.14) <http://www.delphis.ru/journal/article/soznanie-kak-golograficheskaya-razmernost-psikhicheskoi-energii>.
21. Казначеев В. П., Михайлова Л. П. Сверхслабые излучения в межклеточных взаимодействиях. Новосибирск: Наука, 1981. 144 с.
22. Лекторский В. А. Сознание // Новая философская энциклопедия в 4 томах / Институт философии РАН, национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, т. 3. 2001. 692 с., с. 589–591.
23. Лосев А. Ф. Бытие – Имя – Космос / Сост. И ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 958 с.
24. Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность / Сост. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 919 с.
25. Лосев А. Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1995. 944 с.
26. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М.: «Лабиринт», 1996. 432 с.
27. Махабхарата. Книга певая. Ади-Парва. Пер. с англ. The Bhaktivedanta Book Trust International, 2002. 528 с.
28. Муссеев Н. Н. Человек и Ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990. 351 с.
29. Надземное // Агни Йога: в 4 т. Д.: Сталкер, 1999. 512 с. Т. 4, сс.
30. Радхакришнан С. Индийская философия. Пер. с англ. М.: «МИФ», 1993, Т. II. 732 с.
31. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 221 с.
32. Эванс-Вентц У. Й. Тибетская йога и тайные учения: Пер. с англ. Самара: Агни, 1998. 624 с.
33. Backster C. Evidence of a Primary Perception in Plant Life // Intern. Jour. of Parapsychology. N. Y., 1968. Vol. 10, N 4. Pp. 329-348.
34. The New Encyclopedia Britannica. Volume 3. Encyclopedia Britannica, Inc. Chicago, 1987.

References

1. Akulov V. L. Dialectical Materialism as a system: a theoretical analysis of the experience. Minsk: Publishing house “University”, 1986. 318 p.
2. Aristotle. Physics. M.: State Socio-Economic Publishing House, 1937. 230 p.
3. AUM / Agni Yoga: 4 v., v. 3. D.: Stalker Publ, 1999. 480 p. Pp. 246-363.
4. The Bhagavad Gita or the Song of the Lord. K.: Sofia Publ, 2000. 160 p.
5. Veller M. Energoevolutsionizm. M.: AST, Astrel Publ. House, 2011. 544 p.
6. Vernadskij V. I. Scientific thought as a planetary phenomenon. M.: Nauka Publ, 1991. 271 p.
7. The Vishnu Purana, Vol. 1. St. Petersburg: HVAC Publ., 1995. 256 p.
8. Dmitrevskaja I. V., Portnov A. N., Smirnov G. S. Systemic problems of consciousness and the noosphere / The problem of consciousness in domestic and foreign philosophy of the XX century. Materials of interregional conference. Ivanovo, 19–20 May 1994. Ivanovo, Ivanovo State University, 1994. 204 p.
9. Dmitrevskaja I. V., Portnov A. N., Smirnov G. S. Noospheric dynamics of Russia: The philosophical and cultural issues: Ch. 1 // Part 1, Noosphere Studies. Ivanovo. Ivanovo State University Press, 2002. Vol. 1. 158 p.
10. Dubrov A. P., Pushkin V. P. Parapsychology and modern natural science. M.: Sovaminko, 1990. 280 p.
11. Dubrov A. P. Cognitive psychophysics: Basics. 2-nd ed., App. and add. Rostov-on-Don: Phoenix, 2006. 301 p.
12. Erahtin A. V. The problem of the ontology of consciousness in the Marxist and modern Western philosophy // Philosophy of consciousness in the XX century: problems and solutions. Interuniversity collection of scientific papers. Ivanovo. Ivanovo State University, 1994. 236 p. Pp. 18–32.
13. Zhul'kov M. V. Energies of transformation of the biosphere into the noosphere // Education and science: the current state and development prospects: collection of scientific papers on the materials of the International scientific and practical conference July 31, 2014: in 6 parts. Part 4: Tambov LLC “Consulting company Ucom”, 2014. 164 p. Pp. 68–69.
14. Zhul'kov M. V. Demographic aspects of noosphere autotrophy // Herald of Ivanovo State University. Series “Humanities”, 2014. Vol. 2 (14) Philosophy. Pp. 35-45.
15. Zhul'kov M. V. Energies of noosphere creation // Scientific Review: humanities research]. 2014, №8. Pp. 144–151.
16. Zhul'kov M. V. Oriental way of self-improvement: the identity of energy and consciousness // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Scientific-theoretical and applied journal. Tambov: Gramota Publ., 2014 № 12 (50): in two parts. Part I. Pp. 78–83.
17. Zhul'kov M. V. Formation bio-energy-informational worldview // Science in Central Russia, Special Issue. Based on materials from the II-nd International scientific conference “Science in Central Russia”, April 2013. Pp. 179-183.
18. Zhul'kov M. V. Practice illumination and enlightenment: a meeting of two minds // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. Scientific journal № 9-10 2014 (September–October). Pp. 246–251.
19. Signs of Agni Yoga // Agni Yoga, in 4 v., v. 1. Dnepropetrovsk: Stalker Publ, 1999. 512 p. Pp. 183–273.

20. *Zubko A. V.* Consciousness as holographic dimension of psychic energy // XIII International Interdisciplinary Scientific Conference “Ethics and science of the future” on the theme “Peace of analogies - the similarity of the Worlds” (29-30.03.14) Available at: <http://www.delphis.ru/journal/article/soznanie-kak-golograficheskaya-razmernost-psikhicheskoi-energii>.
 21. *Kaznacheev V. P., Mikhailova L. P.* Superweak radiation in intercellular interactions. Novosibirsk: Nauka, 1981. 144 p.
 22. *Lektorskyj V. A.* Consciousness // New Encyclopedia of Philosophy in 4 volumes / Institute of Philosophy of RAS, the national social science fund. M.: Mysl Publ, v. 3, 2001. 692 p. Pp. 589–591.
 23. *Losev A. P.* Being – Name – Space / Comp. and ed. by A. A. Tahoe Godi. M.: Mysl' Publ, 1993. 958 p.
 24. *Losev A. P.* Myth – Number – Essence / Comp. and ed. by A. A. Tahoe Godi. M.: Mysl' Publ, 1994. 919 p.
 25. *Losev A. P.* Form – Style – Expression / Comp. and ed. by A. A. Tahoe Godi. M.: Mysl' Publ, 1995. 944 p.
 26. *Mamardashvili M. K.* Necessity itself. M.: “Labyrinth”, 1996. 432 p.
 27. Mahabharata. Book one. Adi Parva. Trans. from English. The Bhaktivedanta Book Trust International, 2002. 528 p.
 28. *Moiseev N. N.* Man and the noosphere. M.: Mol. Guard Publ, 1990. 351 p.
 29. Aboveground // Agni Yoga in 4 v., v 4. Dnepropetrovsk: Stalker Publ, 1999. 512 p.
 30. *Radhakrishnan S.* Indian Philosophy. Trans. from English. M.: Myth Publ., 1993, v. II. 732 p.
 31. *Teilhard de Chardin P.* The Phenomenon of Man]. M.: Nauka Publ., 1987. 221 p.
 32. *Evans-Wentz William J.* Tibetan yoga and secret doctrines. Trans. from English. Samara: Agni Publ., 1998. 624 p.
 33. *Backster C.* Evidence of a Primary Perception in Plant Life // Intern. Jour, of Parapsychology. N. Y., 1968. Vol. 10, N 4. Pp. 329–348.
 34. The New Encyclopedia Britannica. Volume 3. Encyclopedia Britannica, Inc. Chicago, 1987.
-

УДК 141.145

UDC 141.145

И.И. КОМИССАРОВ

аспирант, кафедра философии, Московский государственный технический университет им. Н.Э.Баумана
E-mail: ivanlotrov@list.ru

I.I. KOMISSAROV

Graduate student, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University
E-mail: ivanlotrov@list.ru

ОРГАНИЦИСТСКАЯ МОДЕЛЬ Г.СПЕНСЕРА: АКТУАЛЬНОСТЬ ПОДХОДА

THE H.SPENCER ORGANICISTIC MODEL: URGENCY OF APPROACH

В данной статье представлен анализ органицистской модели Г. Спенсера. В ходе структурирующего описания были выявлены как ее преимущества, так и недостатки. На основании анализа была показана актуальность данной модели и осуществлена ее корректировка в соответствии с современными реалиями.

Ключевые слова: органицизм, Спенсер, модель, социальная эволюция, глобализация.

The H.Spencer organicistic model was analyzed in the article. Both the advantages and disadvantages of the model were identified during its structuring description. Based on the analysis the relevance of the model was shown and its adjustment in line with modern realities was carried out.

Keywords: organicism, Spencer, model, social evolution, globalization.

Главным представителем органицистского подхода к рассмотрению общественного устройства был Герберт Спенсер. Несмотря на то, что с момента публикации Спенсером своих взглядов прошло уже больше сотни лет, его идеи получают новое развитие в современных условиях. Почему это так? Во-первых, мы вынуждены признать, что социальная философия Спенсера находит поддержку у новых современных исследователей [8; 9]. Более того, имеются исследования, которые посвящены переориентации воззрений Спенсера на современные явления и процессы [2; 4]. Во-вторых, мы замечаем, что тот временной отрезок, который отделяет современность от времени, в котором жил Спенсер, является даже не свидетельством того, что идеи Спенсера, возможно, устарели и их следует оставить на рассмотрение лишь историкам философии. Наоборот, этот временной промежуток позволяет нам задать к построениям мыслителя актуальные на сегодняшний день вопросы и проверить, насколько его представления могут вписаться в настоящие общественные процессы.

В рамках данной статьи мы предприняли попытку систематизировать воззрения Герберта Спенсера в отношении представленной им органицистской модели человеческого общества. Недостатки и достоинства, которые должны быть выявлены в ходе анализа модели Спенсера, помогут нам определить, насколько данная модель обладает эвристической ценностью, то есть насколько она способна успешно интерпретировать современные общественные процессы, например, глобализацию, а также насколько она способна быть подвержена корректирующему исправлению, сообразуясь с данной критикой.

Итак, Спенсер представил научной общественности модель социального организма, которая основывается

на аналогии с достижениями биологических наук его времени. Нетрудно понять, что эта модель уподобляет общество живому организму, где его составные части находятся между собой в неразрывном единстве, поддерживая жизнь всего целого. Если какой-нибудь важный орган будет оторван от целого организма, то при таких обстоятельствах нам следует ждать гибели как этого отделенного органа, так и самого организма в целом.

Согласно этой модели общество проходит через четыре основные стадии в своем развитии, соответствующие эволюционному движению живых существ [6]. Данные стадии были выделены нами для того чтобы систематизировать аналогии между реальными живыми организмами и организмами социальными; для эволюции биологических видов они вряд ли представляют особую ценность, главным образом, они служат для систематизации эволюционного развития человеческих обществ.

Первая стадия – самая простая. Она предполагает аналогии между клеточными колониями простейших и самыми примитивными обществами первобытных племен, представленными кочующими племенами нескольких семейств. И в том и в другом случае имеется слабая связь между составляющими элементами этого аморфного объединения [6, с. 278-279].

На следующей стадии проводятся аналогии между гидрой и более развитыми первобытными обществами, стоящими на стадии дикости. Гидра – это животное, способное размножаться не только почкованием, но и половым путем. Последнее предполагает, что гидра может претерпевать зародышевое развитие. Зародыш на определенной стадии своего развития формирует два зародышевых листка: внутренний – энтодерму, из ко-

торой «развивается питательный аппарат», и внешний – эктодерму, из которой развивается «аппарат внешней деятельности». Соответственно, из этих листов развиваются два типа клеток, которые выполняют разные функции. Это животное, таким образом, показывает пример «физиологического разделения труда» между различными своими частями. Внутренний клеточный слой выполняет функцию желудка, тогда как внешний – функцию кожи. Примечательно, что эта дифференциация еще настолько слабая, что, вывернув тело гидры наизнанку, животное не пострадает, кожа станет выполнять функцию желудка, а желудок – функцию кожи.

Соответствующие аналогии Спенсер находит в более развитом, чем на предыдущей стадии, первобытно-общинном строе. В обществах такого типа разделение труда формирует два социальных слоя: слой управляемых, которые занимаются производительной деятельностью (земледелием, скотоводством и ремеслом) и которые соответствуют энтодерме реального организма, и слой управляющих, которые занимаются управлением общественной жизнью и внешними сношениями и которым Спенсер находит соответствие в эктодерме. Но разделение труда настолько несущественно, что представители нарождающегося государственного аппарата могут наравне с земледельцами обрабатывать землю, тогда как люди из социального слоя управляемых имеют реальную возможность захватить власть насильственным путем и стать во главе общества [6, с. 279-280, 283-285].

Третья стадия проводит аналогии между колониями гидр и союзами первобытных племен, или же государствами, находившимися в период феодальной раздробленности. Эта переходная стадия отображает союз нескольких самостоятельных организмов, способных вести независимое существование друг от друга, сохраняя за собой свою первоначальную дифференциацию, но при этом находясь в одном целом [6, с. 279-283].

На четвертой стадии в рамках биологических жизненных форм идет стирание дифференциации на уровне отдельного организма, входящего в более крупный единый организм, тогда как в самом едином организме происходит новая дифференциация, которая также основывается на зародышевом развитии, но уже более прогрессивном. Помимо эктодермы и энтодермы, в зародыше формируется средний зародышевый листок – мезодерма.

Аналогичным образом идет формирование более развитого единого социального организма, образованного путем сращения союзов первобытных племен между собой или же объединением феодально раздробленных государств. В ходе этого образования стираются бывшая социальная дифференциация на местном уровне и формируется новая дифференциация на новом, общегосударственном уровне. Мезодерме, слою, из которого происходит формирование сосудистой системы, в социальном организме соответствует торговая сфера. Обе эти системы заняты перераспределением питательной продукции по всему организму [6, с. 285-288].

Дальнейшее развитие как биологического, так и социального организма идет по пути усложнения и дифференциации внутри каждой из трех выделенных систем, развившихся в период четвертой стадии. И здесь Спенсер проводит многочисленные детальные аналогии между двумя организмами.

Так, усложнение какого-либо органа животного организма находит соответствие в развитии социального органа. Это развитие, вызванное требованиями окружающей среды, требует усиленной, сверх меры подпитки данного органа питательными веществами, приносимыми кровью, и в то же время оно требует подавления деятельности других органов, которые не смогут получить питательные вещества в нужном количестве. В социальном организме повышенный спрос на продукцию какого-либо предприятия заставляет это предприятие работать сверх меры, что может быть обеспечено при условии усиленной подпитки денежными средствами, а именно повышенной прибылью. В то же время это означает, что другие предприятия недополучают те денежные средства, которые ушли в это развивающееся предприятие [6, с. 288-290].

Сама кровеносная система, соответственно, в социальном организме – это торговля, товарообмен, проходит заметные изменения в развитии. От проселочных дорог она прогрессирует в сторону развитой дорожной системы с качественным дорожным покрытием; в дальнейшем идет строительство железных дорог, которые специализируются на два направления, что Спенсер уподобил дифференциации сосудов в живом организме на артерии и вены. Чем более развит и более дифференцирован социальный организм, тем быстрее проходит товарообмен, тем разнообразнее состав питательных веществ – продуктов труда, тем сложнее сам товарообмен, в котором появляются деньги, которым Спенсер находит соответствие с красными кровяными тельцами – такими же, как и деньги, посредниками в обменном процессе [6, с. 290-297].

Постепенно эволюционирует и «внешняя система». Спенсер уподобляет развитие государственного аппарата эволюции нервной системы. В обоих случаях идет более глубокая дифференциация: управленческие функции и исполнительские функции перестает исполнять одно и то же лицо, или же одни и те же типы клеток. Развитая система нервов находит соответствие с телеграфными линиями, по которым передается информация. Представительному органу развитого социального организма – парламенту – соответствует представительный орган центральной нервной системы – головной мозг. Оба органа способны представлять интересы и желания различных частей тела обоих организмов и выносить решения, руководствуясь «исчислением средних величин» интересов всей жизни того или другого организма [6, с. 297-305].

Какие соображения можно привести в связи с представленной моделью социального организма? Попытаемся выделить как достоинства, так и недостатки представленной модели.

Сразу отметим, что возникают естественные сомнения в отношении того, что общество, представляемое с помощью такой модели, может иметь полный параллелизм с эволюцией реальных организмов. Мы также не можем располагать гарантией того, что перенесение достижений в рамках одной области знаний, в нашем случае – биологии, в другую – в проблематику социальных наук, вообще имеет достаточное основание. Однако стоит сказать, что не использовать имеющуюся на руках возможность было бы эвристическим упущением, а в отношении данной органистической модели, как мы выясним далее, оно было бы весьма существенным.

Тем не менее, опираясь на биологические аналогии, органистическая модель Спенсера предсказуемо порождает несоответствия между собой и исторической действительностью. Так, можно принять во внимание обстоятельство, при котором общество образуется насильственным путем благодаря завоеванию одним народом другого. Конечно, мы должны учитывать тот факт, что мы можем найти соответствие этому обстоятельству в жизнедеятельности гидры, животного, на примере которого Спенсер проводил многочисленные параллели с примитивными обществами. Это животное способно восстанавливаться, срастаясь из нескольких частей, принадлежавших до этого другим разным гидрам. Однако перед нами примитивное животное, функционирование которого соответствует функционированию примитивных обществ, тогда как и более сложные человеческие общества способны к насильственному срастанию из двух или более обществ. Мы можем привести в пример объединение ФРГ и ГДР, достаточно развитых на тот момент обществ, однако им вряд ли можно подобрать соответствующую аналогию в мире высших животных.

Другое примечательное несоответствие между моделью и реальной историей состоит в том, что Спенсер ставит на одну плоскость союзы племен и государства, находящиеся в период феодальной раздробленности. На примерах истории России и истории Западной Европы можно утверждать, что развитие этих обществ предполагало объединение союзов племен в единое раннефеодальное государство, которое, после того как оно просуществовало определенное количество времени, распалось на более мелкие государственные образования, тем самым войдя в период феодальной раздробленности. Итак, мы вправе утверждать, что Спенсер насильственно объединил в рамках одной стадии периоды, принадлежащие разным, качественно между собой отличающимся эпохам развития указанных обществ и в то же время пропустил промежуточный между этими эпохами период, которому можно найти соответствие во Франкской империи Карла Великого или в Киевской Руси Ярослава Мудрого.

Если попытаться изобразить указанное историческое развитие этих обществ с помощью органистической модели Спенсера, мы получаем объединение нескольких примитивных социальных организмов, находящихся на стадии первобытнообщинного строя, в один

единый социальный организм, обладающий общим государственным устройством и более развитыми торговыми отношениями. Однако, затем этот единый социальный организм, вследствие того, что его отдельные части стали развиваться каждая по отдельности и в итоге достигли собственной экономической и государственной полноценности, распался на отдельные, меньшие по размеру независимые социальные организмы – феодальные княжества. Этим последним социальным организмам впоследствии суждено было вновь объединиться в единый организм, который уже больше не переживал подобных периодов распада. В связи с этим возникает вопрос, можно ли найти подобную аналогию в органическом мире? Можно ли найти такой организм или такое эволюционное развитие между организмами, которое бы предполагало объединение частей в целое, а затем распад этого целого на части и вновь последующее за этим объединение? Сама модель Спенсера предполагает, только поступательную цепь объединений и усложнений, идущую от более мелких организмов к более крупным, и получается, что только что указанное общественное развитие в эту модель не укладывается.

Среди несоответствий между биологическим организмом и его социальным аналогом отметим и тот факт, что социальный организм более жизнестойчив, чем реальный животный организм. Со смертью высоко развитого животного организма его органы и отдельные клеточки прекращают свое существование. Однако в случае человеческого общества со смертью всего целого части не умирают, но продолжают жить, сначала по отдельности, но потом вновь срастаются и образуют новое регенерированное общество. В качестве примера можно привести немецкое общество, которое после двух мировых войн превращалось из целого объединения в рыхлое образование, лишенное самостоятельного управления, но которому затем каждый раз удавалось срастись в новый самостоятельный социальный организм. Если этому факту и находить аналогию, то только с помощью более примитивного организма.

Наконец, мы обращаем внимание на тот факт, что Спенсер проводит аналогию не столько между организмом и обществом, а сколько между эволюционирующими организмами и обществом, находящимися на разных стадиях своего развития. Это означает, что одному и тому же обществу на разных стадиях находят соответствие совершенно разные между собой организмы, отстоящие друг от друга миллионами лет эволюции. Иными словами, мы имеем дело с обществом, как с организмом особого рода, способным одновременно проходить такое развитие, которое соответствует развитию не отдельного организма, а всей видовой эволюции животных.

Если мы уподобляем общество совокупной эволюции живых организмов, то это наводит на следующие мысли. Эволюция совершается медленнее, чем идет общественное развитие. В ближайшие сотни лет мы скорее не найдем более развитых организмов, чем те, которые существуют на данный момент, а значит, мы не

сможем провести новые аналогии с обществом, которое за это же время может измениться до неузнаваемости.

Более того, после изложения Спенсером своей органистической модели прошло уже более сотни лет, а это обстоятельство подводит к вопросу, может ли модель Спенсера оказаться применимой в новых изменившихся условиях? Имеет ли она в таком случае эвристическую ценность? И в этой связи мы переходим к рассмотрению достоинств органистической модели.

Так, в новейшей истории мы сталкиваемся с процессом глобализации. Что бы это могло означать, если для интерпретации этого процесса использовать органистическую модель? Глобализация в таком случае предполагает, что общества всего мира начинают входить между собой в тесную связь, вызванную рядом факторов, в числе которых нельзя не отметить дифференциацию, происходящую на мировом уровне. Например, США, как высокоразвитое государство, переносит свое производство в Китай. Таким образом, общество США перестает заниматься производительным трудом, становясь все в большей степени постиндустриальным обществом, где основная масса населения занимается трудом непроизводительным, тогда как производство материальных благ становится специализацией тихоокеанского региона, в том числе и Китая. И здесь мы имеем два варианта для интерпретации.

С одной стороны, можно утверждать, что всемирная специализация означает, что отдельные общества, представляемые в качестве отдельных социальных организмов, постепенно трансформируются в органы, которые становятся частями нового нарождающегося глобального социального организма. Получается, что вся общественная эволюция, которую до этого описывал Спенсер, в наше время сводится на нет, и все высокоразвитые общества начинают переставать существовать в качестве отдельных организмов и регрессируют до положения отдельных органов, или частей. Так, США в таком случае выполняют функцию нервной системы, которая работает преимущественно с нематериальной информацией, тогда как Китай берет на себя производительную функцию материальных благ. Это означает, что высокоорганизованные общества в действительности одновременно совмещают в себе черты как высокоразвитых животных, так и более примитивных организмов, а это в свою очередь входит в противоречие с первоначальными взглядами Спенсера на высокоразвитые общества как на венец общественного развития, которым не могут быть свойственны настолько существенно черты примитивных существ. Получается, что социальные организмы эволюционно не развиваются, потому как сохраняют примитивные черты в своей основе.

С другой стороны, если пытаться сохранить представления о современных обществах как об отдельных социальных организмах, то глобализацию в таком случае можно интерпретировать в качестве совместного существования паразитических организмов и организмов-хозяев. При такой интерпретации США можно представить в качестве организма, регрессирую-

щего в своем общественном развитии до паразитического состояния, при котором питание совершается за счет трудовых ресурсов Китая. Паразитарный организм, становясь неполноценным, превращается в уязвимый организм за счет того, что важную питательную функцию он переносит на другой организм. Китай же, сохраняющий способность к самостоятельному управлению своей внутренней и внешней политикой, сохраняет и статус самостоятельного полноценного развивающегося организма. Такой вариант трактовки глобализации больше подходит к изначальным воззрениям Спенсера.

Использование модели социального организма в отношении описания процессов, происходящих с современными обществами, можно продолжать. Так, европейскую интеграцию в рамках Европейского Союза можно представить как объединение нескольких отдельных социальных организмов в один общий. В таком региональном объединительном процессе находит подтверждение аналогия Спенсера, которую он применял в отношении интеграции английского общества. Точно так же, как в живом организме следы разграничений между частями, ведущими свое развитие от энтодермы, стираются быстрее, чем разграничения, имеющиеся в отношении частей «внешней системы» организма, так и в социальном организме экономическая интеграция проходит ранее и более завершенной, чем интеграция политическая [6, с. 288]. На примере интеграции европейских стран, это выглядит достаточно очевидно: они имеют общее экономическое пространство, но сохраняют за собой политическую самостоятельность. Возможно, в дальнейшем эта политическая самостоятельность отдельных частей уступит место единому общему политическому центру.

Мы даже не исключаем, что при более тщательном исследовании органистической модели человеческого общества можно найти новые позитивные аналогии. Например, можно провести аналогию между организованной преступностью и опухолевыми образованиями. Оба новообразования обладают способностью к росту, к относительной независимости от всего целого организма, возможностью причинять этому организму настолько существенный вред, что он может перестать нормально функционировать и впоследствии погибнуть.

Принимая во внимание все эти эвристические достоинства органистической модели, мы считаем, что перед нами довольно жизнеспособная и актуальная на сегодняшний день модель человеческого общества. Данное обстоятельство находит подтверждение и в том, что она претерпевала дальнейшее развитие, историю которого можно проследить до сегодняшнего дня. Так, среди исследователей, продолжавших после Спенсера проводить аналогии между человеческим обществом и биологическим организмом, можно назвать П.Ф. Лилиенфельд-Тоалю [3], Р. Вормса [1], В.М. Хвостова [7] и других.

Среди современных исследователей, которые находят применение органистической модели в своих

трудах, можно выделить Ю.И. Семенова [5]. Семенов использует термин «социально-исторический организм», то есть «отдельное конкретное общество, которое представляет собой относительно самостоятельную единицу исторического развития» [5, с. 21]. Это общество имеет более или менее определенные временные и территориальные границы, оно обязательно в определенный момент зарождается и в какой-то момент может умереть [5, с. 21].

В данный момент, принимая во внимание недостатки органистической модели Спенсера и учитывая ее эвристическую жизнеспособность, мы попробуем скорректировать эту модель в отношении прошедшей истории и современности.

Изначальная модель Спенсера предполагает неуклонное эволюционное движение в сторону большей организованности и дифференциации. Современное ему английское общество он не сравнивает с колонией полипов, он находит ему аналогию в высшем творении биологической эволюции – человеке, где сознательности соответствует парламентское представительство. Такое сравнение предполагает, что этот социальный организм, находящийся по логике Спенсера на высшей ступени социального развития, вряд ли может быть редуцирован до какой-нибудь части другого более крупного организма.

Однако, в связи с рассмотрением некоторых недостатков этой модели, заключавшихся в том, что эта модель неправомерно совмещает вместе два различных этапа человеческой истории – образование союзов племен и эпоху феодальной раздробленности, а также игнорирует промежуточный между этими эпохами исторический период единого раннефеодального государства. В связи с нашими попытками рассмотреть модель Спенсера в свете новых современных мировых процессов – в свете глобализации или региональной интеграции на примере общемирового разделения труда и объединения европейских стран в единое экономическое пространство. В связи утверждениями самого Спенсера, с помощью которых он пытается сгладить некоторые недостатки собственной модели, а именно тот факт, что между высшими обществами и высшими животными существует разница в том, что первые состоят из рассеянной массы людей, тогда как вторые из сплошной массы клеток. (Спенсер в данном случае обращается к низшим формам жизни для того чтобы показать, что социальный организм находит в этих организмах структурное соответствие. Это – «типы, в которых живые единицы, составляющие сущность массы, рассеяны в инертном веществе, которое едва ли можно назвать живым» [6, с. 274]).

Итак, принимая во внимание все вышеуказанное, мы приходим к выводу, что социальные организмы, о которых говорит Спенсер, не обладают тем эволюционным движением, которому можно найти соответствие в животном мире, а напротив, это такие организмы, которые способны одновременно сохранять в рамках себя черты, свойственные как высшим организмам,

так и низшим формам жизни. Несмотря на прогрессирующую дифференциацию, о которой можно говорить бесспорно и которой можно находить соответствие в высших организмах, все равно все социальные организмы, как менее, так и более организованные, обладают способностью, свойственной более примитивным органическим формам, а именно способностью соединяться в более крупное одно целое с себе подобными социальными организмами и в то же время распадаться в рамках одного целого на отдельные части.

Теперь мы хотим подвести итог всему нашему рассуждению касательно модели социального организма.

Итак, мы решили проанализировать главного представителя органистических моделей – модель социального организма Спенсера. Разбирая основное произведение Спенсера, мы выделили четыре стадии социального развития, которым можно найти соответствие в мире биологических организмов. Мы попытались выделить как достоинства, так и недостатки представленной модели. Среди недостатков этой модели можно отметить следующие: отсутствие достаточного основания для построения объекта социальных наук по аналогии с достижениями в области биологических наук; имеющиеся несоответствия между моделью и ее объектом исследования, среди которых можно выделить пренебрежение реальным историческим процессом и игнорирование факта большей жизнеустойчивости социального организма по сравнению с реальным живым существом.

Мы также обратили внимание и на тот факт, что прогрессирующий социальный организм Спенсера сравнивается не столько с каким-либо отдельным организмом, а с условной эволюцией целого ряда живых существ. Это обстоятельство, как мы увидели, наносит определенные ограничения на эвристическую ценность модели Спенсера, что заключается в том, что мы не сможем в обозримом будущем проследить качественное эволюционное развитие живых существ и таким образом использовать новые аналогии для конструирования органистической модели, тогда как само общество, вероятно, обладает способностью к более быстрому развитию по сравнению с животным миром.

Тем не менее, несмотря все на эти недостатки модель социального организма имеет неоспоримые достоинства. В числе реальных достижений мы отмечаем ее эвристическую перспективность, что делает эту модель более жизнеспособной для дальнейших социальных исследований. Как мы увидели, с ее помощью можно продемонстрировать и интерпретировать современные мировые общественные процессы и явления. В этой связи мы показали с помощью такой модели процессы глобализации, региональной интеграции и явление организованной преступности.

Принимая во внимания отмеченные недостатки и достоинства и указанные интерпретации современных процессов и явлений, мы смогли предложить скорректированный вариант органистической модели, который должен учитывать следующие обстоятельства: прогрес-

сирующее развитие социальных организмов, проявляющееся в углублении социальной дифференциации, не может соответствовать эволюционному движению живых существ, поскольку в социальном организме находят совмещение черты как высокоразвитых живых

существ, так и более примитивных; любой, насколько бы он не был развит, социальный организм имеет в себе возможность стать частью нового более крупного объединенного социального организма.

Библиографический список

1. Вормс Р. Общественный организм. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 272с.
2. Канарш Г.Ю. Идея органицизма в современных исследованиях человека и общества // Знание. Понимание. Умение. 2015. №2. С.50-60.
3. Лилиенфельд-Тоаль П.Ф. Мысли о социальной науке будущего: человеческое общество как реальный организм. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 408с.
4. Осипова-Дебрас Л.В. Теория Г.Спенсера в свете современных системных представлений // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. 2009. №114. С.320-327.
5. Семенов Ю.И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М.: Современные тетради, 2003. 776с.
6. Спенсер Г. Социальный организм. В кн.: Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск: Современный литератор, 1999. С.265-306.
7. Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории: Курс лекций. М.: КомКнига, 2006. 392с.
8. Черезова К.В., Сериков А.Е. Социальный эволюционизм Герберта Спенсера и дарвинизм // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2014. №2(16). С.99-115.
9. Шувалов В.И. Теория исторического процесса в контексте взглядов Герберта Спенсера // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г.Белинского. 2012. №2. С.1140-1143.

References

1. Worms R. Social organism. M.: LIBROKOM, 2012. 272p.
 2. Kanarsh G. Yu. The idea of organicism in contemporary studies of man and society // Knowledge. Understanding. Ability. 2015. №2. Pp.50-60.
 3. Lilienfeld P. von. Thoughts on the social science of the future: human society as the real organism. M.: LIBROKOM, 2012. 408 p.
 4. Osipova-Debras L.V. The H.Spencer theory in the light of modern system views // Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University. 2009. №114. Pp. 320-327.
 5. Semenov Yu.I. Philosophy of history. The general theory, main problems, ideas and concepts from antiquity to the present day. M.: Modern notebooks, 2003. 776 p.
 6. Spencer H. The social organism. In: Spencer H. Scientific, political and philosophical essays. Minsk: Modern writer, 1999. Pp.265-306.
 7. Khvostov V.M. The theory of the historical process: Essays on the philosophy and methodology of history: Luctures. M.: KomKniga, 2006. 392 p.
 8. Cherezova K.V., Serikov A.Ye. Social evolutionism and Darwinism of Herbert Spencer // Bulletin of Samara Humanitarian Academy. "Philosophy. Philology" series. 2014. №2(16). Pp. 99-115.
 9. Shuvalov V.I. The theory of the historical process in the context of views of Herbert Spencer // Proceedings of Belinsky Penza State Pedagogical University. 2012. №2. Pp. 1140-1143.
-
-

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

М.А. КОМОВА

кандидат искусствоведения, доцент, кафедра истории России, докторант филологического факультета, Орловский государственный университет,
E-mail: mariamna.orel@mail.ru

M.A. KOMOVA

Candidate in Arts, Associate Professor, Department of History of Russia, Doctoral student of Philology Faculty, Orel State University
E-mail: mariamna.orel@mail.ru

О СПИСКАХ ТЕКСТА «СКАЗАНИЯ О НИКОЛЕ МЦЕНСКОМ» *

ABOUT THE TEXT «LEGENDS ABOUT NIKOLA MTSENSK»

В статье исследуется «Сказание о Николе Мценском». Автор впервые сравнивает несколько редакций данного Сказания и впервые предлагает новую датировку Сказания. По мнению автора, Сказание следует датировать XVIII-XIX веками.

Ключевые слова: сказание, повесть, средневековый текст, икона, иконография.

The article investigates the « Legend of the Nicolet Mtsensk .» The author compares the first few editions of Legends for the first time and offers a new dating stories. According to the author , the Legend should be dated to XVIII-XIX centuries.

Keywords: legend, story, medieval text, icon, iconography.

Из всех городов Верхнего Поочья в наибольшей мере Мценск снискал славу города, которому якобы уже с XV в. покровительствовал св. Николай. Во мценском Петропавловском храме сохранился фрагмент почитаемой скульптуры из Николаевского собора (вставная глава), относящейся к XVII в., и живописная икона «Никола Можайский» сложной иконографии с изображением Никейского чуда и предстоящими в молении амчанами (первая половина XIX в.) и копия скульптуры (первая половина XVIII в., Орловский краеведческий музей). В этом отношении интересно исследование шести текстов «Сказания о крещении мценян» (1825 г., 1834 г., 1858 г., 1881 г., 1895 г., 1915 г.) и сохранившихся в них описаний местнотимого резного образа Николы Чудотворца на предмет выяснения вероятности возникновения его почитания в XV-XVII вв. и исследований стилистики русской иконописи и пластики.

Пожар, произошедший во Мценске в 1757 г., уничтожил уникальную старинную рукопись, хранившуюся в алтаре деревянной Пятницкой церкви, впервые упомянутой в документах 1625 г. В рукописи излагалась история обретения образа Николы Мценского из мценского Никольского собора и зафиксированы чудотворения от него. Прошло почти семь десятилетий после утраты письменного оригинала Сказания. Информация сохранялась устно, но была собрана и опубликована в 1825 г. Преосвященным Гавриилом Орловским и Севским [7]. К публикации забытого Сказания епископа подвигло случайное обнаружение в 1824 г. при строительстве пологой дороги к новому Николаевскому собору (построен в 1810 г.) древнего дубового колодца с обрушенным каменным сводом над ним, находившимся в толще на-

сыпи горы Самородово Мценске. Датирующими факторами преосвященный Гавриил считал случайную находку близ колодца каменного ядра и двух серебряных монет русской и татарской (крымской чеканки), которые он отнес к XV в., но которые, учитывая сложную военную историю Центральной России, могли относиться и к XV-XVII вв. Открытие колодца воодушевило местных жителей собрать устные предания. Как пишет преосвященный Гавриил: «... появились записки по разным местам и рукам, отрывками рассеянные...», которые он и употребил для написания статьи в «Отечественных записках». Следует привести этот изначальный текст 1825 г., послуживший основой для последующих публикаций истории «крещения мценян в 1415 г.»: «... место, где возвышается Соборная церковь, освящено благодатным присутствием Божиим уже за четыре столетия назад, именно около 1415 г. по Р.Х.; ибо тогда для обращения в веру Христианскую, и для просвещения Святым Евангелием идолослужителей, послан был во Мценск от Великих князей и Преосвященного Фотия Пресвитер, которого Апостольство и увенчано было желаемым успехом. Мецняне, Ходан, Юшинка, Зикия с прочими сперва ратовали, как говорится в древних рукописях, на пришедших спасти души; но поражены будучи, за непокорствие Духу Святому слепотою, тотчас почувствовали свой грех, и в Пяток десятая недели по Св. Пасхе, прияли Святое Крещение, и прозрели, будучи орошены струями нового чудесного Иордана. К сему случаю был обретен якобы и животворящий Крест Господень, из камня изсеченный и образ Святителя Николы Чудотворца. Во славу имени Троицкостасного Божества, крестившиеся мецняне,

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 15-04-00437)

соорудили на том месте, где теперь Собор, церковь, а в память новосоздания своего о Христе, нарекли ее Пятницкою». В письме преосвященного Гавриила не указана иконография образа Николы. Говорится об обретенном каменном кресте без рассказа о его изготовлении из камня. Дата дана в позднем летоисчислении (от Р.Х.). Итак, текст воспроизводился по коллективной памяти и устной традиции, как отметил преосвященный Гавриил. Древнего оригинала текста во Мценске не сохранилось, иначе он бы был воспроизведен в 1825 г., а не в 1834 г.

После 1825 г. Сказание было оформлено в свиток, затем хранилось в алтаре Николаевского собора. Первой публикацией «еще одного» текста Сказания в 1834 г. была работа уроженца Тулы, начинающего палеографа Н.П. Сахарова [6]. Автором делается ссылка, что публикуется текст «древнего» свитка, «хранящийся в городе Мценске, в соборной Николаевской церкви». Сахаров не отмечает, был ли он во Мценске, видел ли свиток, или текст ему доставил корреспондент. Вероятно, текст Сказания был в открытом доступе в Никольской церкви города Мценска. Он был нанесен на специальной доске [4], подобно Сказанию о Николе Столбовском в Севском уезде, записанном на медную доску в XVIII в., или тексту Сказания о Елецкой иконе (восходящего к Сказанию о Владимирской иконе). В храмах Верхнеокского региона нанесение текста Сказаний на средник иконы или специальную доску, располагающуюся рядом с иконой, был распространен в XVIII в.

Сахаровский текст значительно отличался от предыдущего. Заметна обработка в стиле фрагмента древней летописи, изменена дата (1415 г. от Р.Х. на 6953-1445 гг. от С.М.) и летоисчисление на употребляемое в XV в., добавлено описание образа, по которому можно определить иконографию, несколько изменены и дополнены имена действующих лиц. Во втором издании текст «О крещении Мценян в 1415 году» впервые назван Сахаровым «легендой»: «В лето от сотворения мира 6953, а от Рождества Христова 1445, правящу скипетры Великаго Княжества Василия Димитриевича, и брата его Андрея Димитриевича, в пределах и градах и во всех весех, неверующих просвещахуво Христову веру. Во град Мценск мнозиневерующи во Христа Бога нашего; тогда послании бывшие от Князей Великих вои, со многим воинством, и от Преосвященного Фотия пресвитер. Живущие Мецняне устрашишася, и ратоваша на них, и одержимы быша слепотою. Они же прихождаху и увещеваху их к Св. Крещению. Десятой недели по Пасце, в пятак, прием Святое Крещение Мецняне Ходона, Юшинка и Закий, и прозреша, и обретоша Крест Господень, яко камень изсечен, и образ Святителя Николаи, яко воин в руце имуще литый ковчег, в коем имат залог тела и крови Господня. Во граде вероваху и всяких недуг свободждавшеся; окрест страны живущие прихождаху, всякие болезни свободждахуся, и создавшие церковь десятые недели пятака». Получается, что кроме материалов, собранных преосвященным Гавриилом в 1825 г., существовал еще список легенды

XVIII в., выполненный до пожара 1757 г. (неизвестный правящему архиерею). В этом тексте появляется ряд деталей: иконография Николы Ратного (изображен как воин и ковчег в руке). Историческая деталь, не имеющая под собой основания – соправление двух сыновей Дмитрия Донского – Василия Дмитриевича московского и Андрея Дмитриевича Можайского, названных «великими князьями». Оставлен сюжет о слепоте мценян и о их прозрении после крещения.

Текст 1858 г. [9], подготовленный Ильей Соколовым, священником мценского Николаевского собора и вышедший в Синодальной типографии, впервые называет рассказ о крещении мценян «Сказанием о явлении чудотворной иконы святителя и чудотворца Николая во граде Мценске», ставя акцент на обретенном почитаемом образе, а затем на историческом событии, ему сопутствующем. В тексте подробно описываются новые детали скульптуры, которая находилась на тот момент в соборе: «Икона сия представляет собой полный и совершенный вид архиерея, облаченного во все Святительские одежды, стоящего в правой руке меч, а в левой ковчег. Она помещена на правой стороне главного иконостаса соборной церкви, под великолепною сенью; обложена вся богатою серебренною позлащенною ризою, с венцем, украшенным камнями; над нею, по сторонам приосеняют ее бархатные завесы, убранные серебром и золотом, а пред ликом Святителя горят неугасимыя лампы». Сень, выполненная в виде бархатных завес, украшенных шитьем, судя по приведенным данным, выполнена в традициях классицизма. Она, вероятно, была выполнена после 1819 г., когда скульптуру было запрещено использовать в крестных ходах, и она была помещена на специальное место в местном ряду храмового иконостаса справа от царских врат, украшена окладом. Текст Сказания («древней рукописи») был помещен под статуей. В предисловии к тексту появляется имя священника Иоанна, крестившего мценян (число которых увеличивается, прежние прозвища трех действующих лиц ставятся во множественном числе). Протоиерей Илия впервые издает также дополнительный текст устного народного предания о явлении иконы: «Предание же народное так разъясняет событие: явление во Мценске иконы святителя Николая последовало на большом камне, имевшем очертание креста, у подошвы горы, недалеко от того места нагорного, где была построена и по временам возобновляема деревянная церковь во имя святых Мученицы Параскевы. Древняя она церковь в 1757 г. сгорела со всей утварью и документами о чудотворениях при иконе (Геогр. словарь 1788 г.). Ныне близ того места существует большой каменный Николаевский собор. Из сказанного камня образован, как говорит предание, крест в меру явленной иконы. Кресту сему, в том же соборе, на левой стороне главного иконостаса, под красивой сенью утвержденному, со времен древних, поклоняется усердно каждый... Ковчег деревянный, в котором покоились части животворящих Христовых тайн и деревянный меч доселе невредимы. Они хранятся в соборной ризнице особо» [9]. Здесь впервые дается инфор-

мация о камне с высеченным на нем кресте, введенном в местный ряд иконостаса слева. Ковчег в руках святителя уже не ассоциируется с первоначальным значением этой детали – барийской базиликой внутри крепостных стен града Бар, а приобретает характерную для Нового времени символику дарохранительницы. Меч и ковчег как отдельные детали древней статуи хранились в XIX в. отдельно, что предполагает, что эти детали – единственное, что осталось от древней статуи, а в иконостасе хранилась поздняя прецессионная копия скульптуры (именно из Никольского собора во Мценске происходит деревянная статуя Николы Ратного, XVIII в., ОКМ). Протоиерей Илья также пытался связать событие явления иконы в 1415 г. с обнаружением в 1824 г. древнего подземного хода к тайному дубовому колодцу Мценского кремля. По его сведениям, Колодец Тайник возник задолго до 1669 г. (дается ссылка на документ XVII в.). В XIX в. отмечено его почитание как источника Соборного, посвященного Николу Чудотворцу. Из текста 1858 г. следует, что если первоначальный вариант легенды и существовал, то сохранялся устно несколько десятилетий, а с середины XIX в. начал обрастать новыми подробностями. В 1895 г. во втором (орловском) издании текста протоиерея Ильи Соколова все детали Сказания и комментарии автора были сохранены.

В повторной публикации труда протоиерея Ильи Соколова в 1881 г. текст Сказания служит поводом для пространных рассуждений автора о культурно-историческом контексте крещения мценян и его предпосылок в древнерусский период. Изложение делается в духе краеведческих исследований иеромонаха Леонида (Кавелина)[5]. К Сказанию было добавлено много «новых» сведений, не имеющих отношения к первоначальному тексту 1834 г. Повествование о Николу начинается с эпизода крещения вятичей. Мценские события XII в. излагаются на фоне истории Черниговского, Брянского, Рязанского княжеств. Автор ссылается на «Послание Симона Поликарпу» Киево-Печерского патерика, дополняя его своими домыслами о существовании в начале XII в. во Мценске Введенского (Петропавловского) храма, современного миссионерскому походу Кукши. Раскрывая исторические предпосылки крещения мценян, автор рассказывает о литовском княжестве, правлении Ягайло, принятии христианства литовцами, касается вопроса учреждения новой митрополии (ссылаясь на сочинения С.М. Соловьева и митрополита Макария Московского), не ставя под сомнение мценский эпизод 1415 г. Автор обращает внимание на разделение мценян на язычников и крещеных, делая этот вывод из текста Сказания, воспринимаемого буквально. Причем последние были потомками тех людей, крещеных Кукшей, которые якобы скрыли до времени образ Николу в тайнике так, что потомки «Сыны Божи... сохраняют лишь неясное предание» об иконе. Далее дается сахаровский текст Сказания 1834 г., который, как отмечает автор, в эпизоде крещения оружия «кажется для некоторых сомнительным и несогласным с обыкновенным свойством Российской проповеди Евангелия». Но автор ссылается

на сюжет «Повести временных лет», когда «Путята мечом», а «Добрыня огнем» крестили жителей Новгорода. Далее Сказание дополняется сведениями о политике митрополитов Московских в отношении западных окраин, почерпнутыми у Н. Карамзина. Эпизод с явлением иконы Николу автор снабжает комментарием: «Святыня была «обретена». Значит, она находилась и прежде в городе Мценске, только была неизвестна всем (только избранным, как считает автор текста 1881 г.), таилась под спудом, пока Мценяне были слепы, пребывали в язычестве, поэтому недостойны были иметь ее. А прозрели они, уверовали во Христа, – вот среди них явился чудотворный образ Угодника Божия Николу». Далее автор убежденно указывает место тайника, открытого вторично в 1824 г. (первично якобы в 1415 г.) под кремлевской башней у подножия горы Самород. В этом утверждении «новая редакция» мценской легенды напоминает историю с Нерукотворным образом Христа из Эдессы, замурованным в стене над городскими воротами на 150 лет. Автор также раскрывает на основе устных преданий конца XIX в., не опубликованных ранее, обстоятельство появления скульптуры Николу во Мценске: **«святыня эта пребывала во Мценск от низовья Зуши, вверх по течению. Такое предание находит себе поддержку в особом роде камня, на котором была обретена икона и подобного которому нельзя найти теперь в окрестностях Мценска»**. Путешествие на камне вертикально стоящей скульптуры напоминает ряд житийных эпизодов Четий Миней (известных по изданиям Димитрия Ростовского), в частности, путешествие на камне новгородского святого Антония Римлянина и Василия Рязанского. Далее автор задает резонный вопрос: если бы икона прибыла во Мценск во время проповеди пресвитера Иоанна, то она стала бы известна всем и не было бы «явления». Ответ он находит в утверждении, что эта икона хранилась во Введенской церкви, куда прибыла по реке как единственному пути в земли вятичей (предположительно при Кукше), затем отправлена в тайник и в 1415 г. обретена в «недрах земли». В тексте 1881 г. появляется новая деталь: рядом со скульптурой найден ковчег со Святыми дарами, которые автор связал с разрушением Введенского храма. Именно эту обработанную редакцию легенды использовал Н.С. Лесков в повести «Левша» (1881 г.): *«... те три мастера, которые взялись поддержать Платова и с ним всю Россию, не делали ошибки, направляясь не к Москве, а на юг. Они шли вовсе не в Киев, а к Мценску, к уездному городу Орловской губернии, в котором стоит древняя «каменесеченная» икона св. Николу; приплывшая сюда в самые древние времена на большом каменном же кресте по реке Зуше. Икона эта вида «грозного и страшного» – святитель Мир-Ликийских изображен на ней «в рост», весь одетый сребропозлащенной одеждой, а лицом темен и на одной руке держит храм, а в другой меч – «военное одоление». Вот в этом «одолении» и заключался смысл вещи: св. Николу вообще покровитель торгового и военного дела, а «мценский Николу» в особенностях, и ему-то туляки и пошли поклониться»*.

Последние две публикации Сказания [1; 10], сделанные местными краеведами Фирсовым и Адамовым в 1915 г., полностью повторили сахаровский текст 1834 г. с добавлением ряда местных легенд о Николе Мценском, появившихся в середине - второй половине XIX в. Достоинством этих работ являются точные описания современной им скульптуры Николы Мценского в иконостасе Николаевского собора (Фирсов) и то, что в начале XX в. не все местные сказания о Николе Мценском воспринимались дословно (Адамов).

Не хочется допускать, что текст 1834 г. – это талантливая подделка. Тем не менее, ряд ученых еще в XIX в. сомневались в подлинности Сказания. Церковный историк Л.А. Кавелин в 1845 г. указал, что христианизацию вятичей следует связывать с деятельностью преподобного Кукши в первой половине XII в. [5]. Он был первым историком, усомнившимся в справедливости Сказания. Не все современники воспринимали текст, изданный Сахаровым в 1834 г., подлинным. В частности, белёвский краевед И.Ф. Афремов отмечал: «К крайнему удивлению моему... в городе Мценске в соборе св. Николая Чудотворца читал я древнюю легенду, что город этот... принял святое крещение не ранее 1415 г.» [4]. Не найдя подтверждений событию «крещения мценян» 1415 г. в известных в XIX в. текстах русских летописей, известный историк С.М. Соловьев отнес его к сохранившемуся во Мценске «преданию», не датировав его. Дополнившие Сказание части следует относить к легендам краеведческого характера, созданным не в народной среде. Версию о привозе статуи Николы во Мценск св. Кукшей высказал историк-краевед Г.М. Пясецкий в «Истории Орловской епархии» (1899 г.), вероятно, основываясь на поздней легенде о том, что каменный крест приплыл по реке против ее течения, записанной еще Л.А. Кавелиным [5]. Вероятно, появление подобной версии связано не с древним преданием, которое могло попасть в краеведческие статьи значительно раньше, а с деятельностью Братства во имя священномученика Кукши, учрежденного во Мценске в 1876 г. при Богоявленской церкви. Отметим, что Кукше с XIX в. приписывалось крестильное имя Иоанн, которое и появляется в тексте 1858 г. как имя священника, крестившего мценян.

Сказание в Сахаровской версии, вобравшее в себя воспоминания об эпохе до объединения русских земель вокруг Москвы, позднесредневековую мифологию, следы московских походов в Литву, душевный подъем, сопутствовавший почитанию Николы Ратного, одновременно и пропитано историей, и лишено всякого современного ему измерения согласно ценностям начала XV в.

Время действия мценского сказания – август 1415 г. – зафиксировано в русских летописях как период русско-литовских переговоров о возможном разделении земель Московской и Киевской митрополии и соответственно назначения нового митрополита, которого требовал Витовт [3]. Тогда московский митрополит Фотий отправляется в Литву вслед за двумя посольствами (великокняжеским и своим). Путь лежал через земли Верховских княжеств, вассальных Литве, одним из населенных пунктов которых был Мценск. Согласно тексту легенды часть посольства, в котором были и священники, участвовала в «крещении мценян».

Сложность приятия подлинности текста начинается в несоответствии информации о совместном княжении Василия и Андрея Дмитриевичей. Можайский удел, принадлежащий Андрею Дмитриевичу, не был «великим», как московский, Суздальский, Тверской, а в XV в. Пронский и Ярославский. Хотя есть тексты, где кн. Андрей Можайский именуется «великим князем». Это духовная грамота Кирилла Белозерского (до 9 июля 1427 г.). В актах 1427-1432 гг. Можайская вотчина называлась «великим княжением». В дальнейшем титул «великий», следуя образцу начала XV в., использовался в грамотах Михаила Андреевича, сына князя Андрея Дмитриевича [2]. На это указывает в своей публикации Р. Беспалов. В XVI в. этот титул оставался только за правителями государств, затем закрепился за детьми императора вплоть до начала XX в. Использование в Сказании вотчинных названий XV в. говорит лишь о вероятном заимствовании термина из позднесредневековых грамот в качестве образца. В истории XVII в. был период действительного соправления великих князей и царей Петра Алексеевича и Иоанна V Алексеевича в 1682–1696 гг., которое также может выступать косвенным датирующим признаком соответствующей части Сказания.

Библиографический список

1. Адамов В. Чудотворный образ Святителѣ Николаѣ в г. Мценскѣ. Историческій очеркъ къ предстоящему пятисотлѣтїю со дня обрѣтенїя его 1415-1915 // Орловскіе епархіальныя ведомости. Отдѣл неофіціальны. 3 мая 1915 г. № 18. С. 1179-1183.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 2. М., 1958. Т. 2. № 314. С. 277-278; АИ. Т. 1. № 32. С. 61-62; №48, 50. С. 33-34.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссіею. Т. 1-5. СПб., 1846-1853. Т. 1. № 35. С. 230; Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 10. М., 2000. С. 219.
4. Афремов И. Ф. Историческое обозрѣніе Тульской губерніи. Ч. 1. М., 1850. С. 42.
5. Кавелин Л.А. Нечто о Мценскѣ // Маякъ, журнал современнаго просвѣщенїя, искусства и образованности, в духѣ народности русской. СПб., 1845. Т. 23. С. 26-28.
6. Легенда на крещеніе Мценян // Русская Библіофіка. Т.1. 1834. С. 361-362.
7. Преосвященный Гавриилъ, епископ Орловскій и Севскій. О тайникѣ, найденномъ в городѣ Мценскѣ // Отечественныя записки. Ч. 22. СПб., 1825. С. 429-440.
8. Сказаніе о явленіи чудотворной иконы святителя Христова Николаѣ в связи с успѣхами христіанства в городѣ Мценскѣ. Издатель И. Шерапов. Москва: Синодальная типографія, 1895/ В кн.: Люди света. Размышленія о русской исторіи / Приложенія. Орел, 2006. С. 192- 194, 201-203, 215-216, 218-221.

9. *Соколов Илья, протоиерей*. Сказание о явлении чудотворной иконы святителя и чудотворца Николая во граде Мценске, собранное из достоверных источников и составленное Мценский соборным Протоиереем Ильей Соколовым. СПб: Синодальная типография, 1858. С. 9-12.

10. *Фирсов А.И.* Мценск. Орел, 1915 г. 20 с.

References

1. *Adamov B.* The miraculous image of St. Nicholas in the city of Mtsensk. Historical sketch of the upcoming quinqucentenary since gaining its 1415-1915 // Orel diocesan sheets. Informal department. May 3, 1915. № 18. Pp. 1179-1183.
 2. The acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia of the XIV-XVI century. Vol. 2. M., 1958. Vol. 2. № 314. Pp. 277-278; AI. Vol. 1. № 32. Pp. 61-62; № 48, 50. Pp. 33-34.
 3. The acts relating to the history of Western Russia, collected and published by the Archeological Comission. Vol. 1-5. Petersburg, 1846-1853. Vol. 1. № 35. P. 230; Patriarchal or Nikon Chronicle // Complete Collection of Russian Chronicles. 10. Vol. Moscow, 2000. Pp. 219.
 4. *Afremov J.F.* Historical review of the province of Tula. Part 1. Moscow, 1850. P. 42.
 5. *Cavelin L.A.* Something about the Mtsensk // Lighthouse, Journal of modern education, the arts and education in the spirit of Russian nationality. Petersburg, 1845. 23 Vol. P. 26-28.
 6. The Legend Metsnyan baptism // Russian Vivliophiks. V.1. 1834. Pp/ 361-362.
 7. Gavriil, archbishop Orlovsky and Sevsky. About the cache, found in Mtsensk // Notes of the Fatherland. № 22. Petersburg, 1825. P. 429-440.
 8. The Legend of the miraculous icon of St. Nicholas of Christ in connection with the success of Christianity in Mtsensk. Published I. Sherapov. Moscow: Synod printing 1895 /Book: People of light. Reflections on Russian history / Applications. Orel, 2006. Pp 192-194, 201-203, 215-216, 218-221.
 9. *Ilya Sokolov, archpriest*. Legend of the miraculous icon of St. Nicholas in the city of Mtsensk, collected from reliable sources and compiled by Mtsensk cathedral Archpriest Ilya Sokolov. Petersburg: Synodal Press, 1858. Pp. 9-12.
 10. *Firsov A.I.* Mtsensk. Orel, 1915. 20 p.
-

УДК 616.899-053.2:575.224.232.2

UDC 616.899-053.2:575.224.232.2

Д.В. КУКУШКИН

кандидат медицинских наук, доцент, кафедра педиатрии, Орловский государственный университет
E-mail: asj_a@mail.ru

Т.Н. ВАСИНА

кандидат медицинских наук, доцент, зав. кафедрой педиатрии, Орловский государственный университет

E-mail: vasina.melnikova@mail.ru

Е.Н. ТОЛМАЧЁВА

зам. директора по учебной работе, Средняя образовательная школа № 6, г. Орел

E-mail: vasina.melnikova@mail.ru

С.Н. СТАВЦЕВА

старший преподаватель, кафедра педиатрии, Орловский государственный университет

E-mail: 4ox.89@mail.ru

D.V. KUKUSHKIN

Candidate of Medicine, Associate Professor, Department of Pediatrics, Orel State University
E-mail: asj_a@mail.ru

T.N. VASINA

Candidate of Medicine, Associate Professor, Head of the Department of Pediatrics, Orel State University

E-mail: vasina.melnikova@mail.ru

E.N. TOLMACHEVA

Deputy director for Academic Affairs, Secondary school №6, Orel

E-mail: vasina.melnikova@mail.ru

S.N. STAVTSEVA

Senior Lecturer, Department of Pediatrics, Orel State University

E-mail: 4ox.89@mail.ru

ДИНАМИКА ЧАСТОТЫ СИНДРОМА ДАУНА У ДЕТЕЙ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ, КЛИНИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ПАТОЛОГИИ, МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

DYNAMICS OF FREQUENCY OF DOWN'S SYNDROME IN CHILDREN OF OREL REGION, CLINICAL VARIANTS OF PATHOLOGY, MEDICAL AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT

В статье изучены динамика показателей распространённости синдрома Дауна у детей Орловской области, структура клинических вариантов синдрома. Авторами дана оценка основных групп риска по формированию хромосомной патологии, обозначены медико-социальные проблемы детей с синдромом Дауна.

Ключевые слова: хромосомная патология, пренатальная диагностика, медицинская генетика, факторы риска, заболеваемость, медико-социальные проблемы.

In article we studied dynamics of indicators of prevalence of a Down syndrome at children of the Orel region, structure of clinical options of a syndrome. The authors gave an assessment of the main groups of risk on formation of chromosomal pathology, medico-social problems of children with a Down syndrome were designated.

Keywords: chromosomal abnormality, prenatal diagnostics, medical genetics, risk factors, morbidity, medical and social problems.

Синдром Дауна – самая распространенная хромосомная аномалия, вызванная трисомией по 21 паре хромосом. В структуре всей хромосомной патологии синдром Дауна занимает от 16 до 26%. По статистике примерно 1 ребенок из 700 появляется на свет с синдромом Дауна. [1]. Это соотношение одинаково в разных странах, климатических зонах, социальных слоях. Оно не зависит от образа жизни родителей, их здоровья, вредных привычек, питания, достатка, образования, цвета кожи или национальности. Вероятность рождения такого ребенка увеличивается с возрастом матери, но так как молодые матери рожают чаще, то среди родителей детей с синдромом Дауна в равной степени представлены все возрастные категории.

Актуальность изучения хромосомных болезней обусловлена их высокой частотой встречаемости и существенным вкладом в причины детской смертности и

инвалидности. Ежегодно с синдромом Дауна в России рождается около 2500. В Орловской области за период с 1998 по 2013 год с синдромом Дауна родился 121 ребёнок. Данная хромосомная патология приводит к ранней инвалидизации, требует огромных материальных затрат для лечения, реабилитации, содержания таких детей. Рождение ребёнка с хромосомными нарушениями является риском не только детской смертности и инвалидности, но и часто причиной отказа родителей от воспитания такого ребёнка. Несмотря на то, что в России законодательно закреплено право детей с синдромом Дауна на равные с другими детьми условия получения образования, воспитания, социальную поддержку, проблемы интеграции их в общество остаются чрезвычайно актуальными и на сегодняшний день. Родители в большинстве случаев не информированы о своих правах, возможностях лечения, реабилитации, со-

циальной помощи детям с синдромом Дауна и остаются один на один с собственной бедой. А ведь занятия с такими детьми по специальным методикам, учитывающим особенности их развития и восприятия, обычно приводят к некоторым положительным результатам. Большинство детей с синдромом Дауна могут научиться ходить, говорить, читать, писать и выполнять простые задания, частично себя обслуживать, делать то, что умеют делать другие дети. Есть огромная необходимость осмысления этой проблемы, изменения мировоззрения общества на неё.

Цель исследования. Изучить динамику показателей хромосомной патологии в Орловской области на примере синдрома Дауна за последние 15 лет, разработать рекомендации по раннему сопровождению и комплексной медико-социальной реабилитации детей с синдромом Дауна.

Задачи исследования:

- Изучить частоту синдрома Дауна в структуре хромосомной патологии у детей Орловской области.
- Определить факторы риска по рождению детей с синдромом Дауна.
- Изучить особенности клинических вариантов синдрома Дауна на современном этапе.
- Оценить уровень организации и эффективности пренатальной диагностики в Орловской области.
- Привлечь внимание к проблемам социальной адаптации, раннему сопровождению, психолого-педагогической поддержке детей с синдромом Дауна.

Статистическая оценка показателей заболеваемости детей синдромом Дауна в Орловской области на протяжении анализируемых лет показала практически постоянную частоту встречаемости синдрома от 0,5 до 1,25 на 1000 родившихся, что соответствует данным Международного регистра. Исключение составляют 2009-2010 год, когда отмечался рост показателей заболеваемости данной патологией до 1,75%-1,6%, соответственно. В среднем ежегодно в Орловской области рождается 7-8 детей с синдромом Дауна. Популяционная частота в последние годы колебалась в пределах от 1 на 995 новорожденных в 2007г. до 1 на 580 в 2010г. 1-3 беременности прерываются после проведения инвазивной пренатальной диагностики. По данным БУЗ ОО «Специализированный дом ребёнка», в среднем ежегодно на воспитании находятся от 2 до 6 детей с синдромом Дауна, от которых отказались родители. По достижению 3-4 летнего возраста эти дети переводятся в интернат для детей-инвалидов системы социального обеспечения.

По результатам изучаемой группы, отказ от ребенка в периоде новорожденности составил 36%, 64% детей с синдромом Дауна воспитываются в биологических семьях. По материалам исследования предположительный диагноз синдрома Дауна практически в 100% случаев выставлялся сразу после рождения ребенка по ряду фенотипических признаков, ведущими из которых являлись: диффузная мышечная гипотония, брахицефалия, избыточная кожная складка на шее, «плоское лицо», монголоидный разрез глаз, эпикант и т. д., признаки

морфофункциональной незрелости, реже – недоношенности. Так с первой степенью недоношенности родилось 7 детей (7%), 41% – с массой тела 2500-3000 г, 30% детей – с массой тела от 3000 до 3500 г, 17% с массой тела более 3500 г. Признаки незрелости наиболее выражены были у детей с массой тела 2500-3000г. При этом в дальнейшем отмечалось врожденное нарушение развития, проявляющееся умственной отсталостью разной степени выраженности, нарушением роста костей и другими физическими аномалиями, пороками развития, среди которых доминируют пороки сердечно-сосудистой системы, часто встречаются аномалии желудочно-кишечного тракта. Окончательный диагноз ставился после получения результатов анализа на кариотип (изучение хромосомного набора). Результаты кариотипирования свидетельствуют о том, что в Орловской области регистрируются только две формы синдрома Дауна – в 94% – это простая трисомная и в 6% случаев – наиболее тяжёлая транслокационная форма. Мозаичных вариантов синдрома Дауна за 15-тилетний период зарегистрировано не было.

При оценке половой принадлежности пациентов с синдромом Дауна разница оказалась статистически недостоверна: 53% составили мальчики, 47% – девочки. Полученные результаты согласуются и с литературными данными.[2]. На момент рождения возраст женщин составлял: до 35 лет – 65% женщин, старше 35 лет – 35% женщин.

Достоверная диагностика возможна только на основании анализа крови на кариотип, но учитывая результаты современных исследований, показывающих, что синдром Дауна обусловлен также случайными событиями и другими факторами в процессе формирования половых клеток и/или беременности, мы сочли возможным учесть особенности условий проживания (городская – сельская местность с учётом возможного присутствия агрессивных экологических факторов). Разница оказалось статистически недостоверна.

У 89 детей (89%) отмечалась сопутствующая патология, где 39% случаев составили врождённые аномалии сердечно-сосудистой системы (чаще встречался открытый атриовентрикулярный канал, дефект межжелудочковой перегородки, тетрада Фалло), 20% – аномалии органов мочеполовой системы, 9% – врожденный дакриоцистит, 9% – грыжи различной локализации, 6% – патология органов зрения, 6% – вентрикуломегалия, 4% – патология ЖКТ.

Учитывая высокую частоту аномалий сердечно-сосудистой системы у детей с синдромом Дауна, что согласуется и с литературными данными, мы полагаем возможным оценивать их как один из вероятностных маркёров синдрома Дауна при проведении пренатальной диагностики.[3]

Постановка диагноза ещё не решает проблему рождения детей с синдромом Дауна. Встаёт этическая проблема принятия решения по прерыванию или сохранению беременности. И эта сторона проблемы имеет большую историю, оставаясь актуальной на сегодняш-

ний день. В литературе приводятся такие данные, что в 2002 году 91-93 % беременностей в Великобритании и Европе с диагнозом у ребёнка «синдром Дауна» были прерваны. Результаты анализа за период с 1998 по 2013 год показывают, что доля женщин, решивших прервать беременность после пренатальной диагностики, остаётся постоянной на уровне тех же 92 %, и это обстоятельство вызывает обеспокоенность врачей и специалистов по этике.

По РФ таких сведений нам в литературе не встретилось. Существуют разные мнения, но неоспорим факт того, что врач должен донести до родителей и суть болезни, и те проблемы, с которыми им придется столкнуться при рождении такого ребёнка, но принимать решение о прерывании беременности должна сама женщина, а семьи, воспитывающие таких детей должны иметь максимальные меры государственной поддержки.

Очень важен комплексный подход к раннему как медицинскому, так и психолого-педагогическому сопровождению таких детей. Необходимо, чтобы дети с синдромом Дауна наблюдались не только специалистами с учётом имеющейся соматической патологии, а

получали комплексную реабилитацию с применением программ раннего психолого-педагогического сопровождения. Актуальными являются вопросы получения такими детьми специального образования (инклюзивные формы обучения), и очень важно ощущение позитивного отношения общества – это те проблемы, которые необходимо решать уже сегодня на государственном межведомственном уровнях.

Выводы

- Из трёх известных форм синдрома Дауна в Орловской области регистрируются две – в 94% – трисомная и в 6% – транслакационная.
- Рост показателей заболеваемости синдромом Дауна в 2009-2010 связан:
 - с увеличением числа беременных старше 35 лет;
 - с появлением в последние 2 года тенденции к изменению типичных клинических проявлений синдрома Дауна, в т.ч. и отсутствие, в большинстве случаев, грубых пороков развития внутренних органов;
 - отсутствием биохимического скрининга I-II триместров с программой расчета риска хромосомной патологии плода.

Библиографический список

1. *Блинникова О.Е.* Семантика наследственных болезней // Альманах «Исцеление». Вып. 4. 2000. С. 106-113.
2. *Бочков Н.П., Лазюк Г.И.* Вклад генетических факторов в перинатальную патологию и детскую смертность // Вестник АМН СССР. 1991. № 5. С. 11-13.
3. *Селиванова Е.А.* Пренатальная диагностика – важнейший вид профилактики наследственных болезней // Альманах «Исцеление». Выпуск 4. 2000. С. 126-127.
4. *Селиванова Е.А.* Наследственные болезни. 500 наследственных и врождённых заболеваний. Москва. 2007.

References

1. *Blinnikova O.E.* Semiotics of hereditary diseases // Almanac "Healing." Vol. 4. 2000. Pp. 106-113.
2. *Bochkov N.P. Lasyuk G.I.* The contribution of genetic factors in perinatal pathology and child mortality // Bulletin of Medical Sciences of the USSR. 1991. № 5. Pp. 11-13.
3. *Selivanova E.A.* Prenatal diagnosis - the most important form of prevention of hereditary diseases // Almanac "Healing." 4. Issue 2000. Pp. 126-127.
4. *Selivanova E.A.* Hereditary diseases. 500 hereditary and congenital diseases. Moscow. 2007.

УДК 1:172.3

UDC 1:172.3

Л.А. МУРЗАНОВА

аспирант, кафедра социальной философии и истории философии, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: murzanovala@mail.ru

L.A. MURZANOVA

Graduate student, Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Saint Petersburg State University
E-mail: murzanovala@mail.ru

САМОБИТНОСТЬ КАК КОНЦЕПТ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ*

ORIGINALITY AS A CONCEPT OF RUSSIAN PHILOSOPHY

В данной статье рассматривается понятие самобытности в его последовательном развитии и утверждается, что самобытность является основополагающим концептом русской философии. Впервые теоретическое обоснование самобытности было предложено П.Я. Чаадаевым, который также заложил основы русской историософии. Истоком культурного и государственного своеобразия любого народа определяется религия. Выполнен анализ «Слова о Законе и Благодати» Илариона как первого летописного источника самобытности Руси. Особое внимание уделяется формуле Филофея «Москва – третий Рим», в котором отмечается преемственность традиций, с одной стороны, и независимость русской Церкви – с другой. Исследование источников показало, что самоопределение русского народа развивалось в постепенном отделении себя от других народов.

Ключевые слова: самобытность, традиции, русское православие, русская историософия, П.Я. Чаадаев, Иларион, Филофей.

This article explores the concept of originality in its gradual development and proclaims originality as a fundamental concept of Russian philosophy. The first theoretical substantiation of originality was proposed by P.Ia. Chaadaev, who also laid the foundations of Russian philosophy of history. The source of cultural and state identity of any nation is religion. The analysis of "Word on Law and Grace" by Hilarion as the first written source of the identity of Russia was made. Particular attention is paid to the formula Philotheus "Moscow – the Third Rome", which noted the continuity of traditions on the one hand, and independence of the Russian Church – on the other. Research of sources revealed that self-determination of the Russian people has evolved in a gradual separation of ourselves from other nations.

Keywords: originality, traditions, Russian orthodox, Russian historisophy, P.Ia. Chaadaev, Hilarion, Philopheys.

Сегодня в России много говорится об особом пути развития, о самобытности русского народа. Однако что значит самобытность? Пожалуй, ни в одной другой стране не уделяется так много внимания данному феномену. Самобытность России связывают с ее традициями и национальными особенностями. Страна не может играть значительную роль в мире без вдохновляющей и консолидирующей идеи. Невозможно понять тенденции развития современной России без обращения к ее историческому прошлому.

К проблеме самобытности России в теоретическом осмыслении впервые обратился П.Я. Чаадаев. В «Философических письмах» он сформулировал проблему национальной идентичности и отставания России, которая началась с принятия православия, в то время как Запад пошел по католическому пути. Вероятно, под влиянием учения Г. Гегеля он провозглашает, что существуют народы исторические и неисторические. При этом под народом философ подразумевает общность людей, объединенных одной религией, а история – это последовательное развитие народа, соответствующее Божественному Провидению.

П.Я. Чаадаев заложил основы русской философии истории, основанной на религиозном детерминизме. По мнению мыслителя, религия предопределяет образ жизни народа, является ключевой точкой отсчета цивилизационного развития. Он отдавал предпочтение католическому христианству, в котором заключаются высочайшие моральные ценности и перспективы для духовного возвышения народов. Европа олицетворяет подлинную историю, характеризующуюся преемственностью, понятиями справедливости, права и долга. Смысл истории определяется Божественным Провидением, необходимо следовать ему, чтобы включиться в мировой исторический процесс.

Россия же не относится ни к Востоку, ни к Западу, она ничего не дала миру в прошлом и потеряна в настоящем. Главной ошибкой нашей страны, как считает П.Я. Чаадаев, было принятие православия и обособление в своей особости от остального мира. Мыслитель оценивает русскую самобытность и независимость негативно, как причину ее отставания от передовой западной цивилизации. Оторванность от подлинной мировой истории приводит к тому, что в России нарушается пре-

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ №15-03-00553 «Биополитика и альтернативы цивилизационного развития».

емственность, традиции уничтожаются и вытесняются чужими идеями. П.Я. Чаадаев подчеркивает важность традиций в жизни народа, на основе которых формируется нравственный облик общества. Люди воспринимают их непосредственно в детстве, впитывая с воздухом, которым дышат. Без основополагающих идей, предустановленных в самом обществе, люди лишаются твердости и уверенности. Заимствование готовых результатов и достижений западной цивилизации не способствует развитию наших собственных умов.

Историософия П.Я. Чаадаева основана на провиденциалистской методологии. Зная прошлое, можно проследить последовательную закономерность в развитии цивилизации. История народа в его доктрине является основой для оценки настоящего и прогнозов на будущее. «Обратимся еще раз к истории: она – ключ к пониманию народов» [8, с. 30], – призывает нас философ. Последуем этому совету и обратимся к истокам формирования русской религиозной мысли и становления государственности.

Становление государственности на Руси тесно связано с распространением христианства, на основе чего происходило формирование национального самосознания. Важной частью русской культуры является православие.

С принятием православного христианства появляется общенациональная объединяющая идея российского народа, обосновывающая его единство, духовность, предписывающая России, как хранительнице истинного христианства, собственный путь развития, независимый от Запада. В «Слове о Законе и Благодати» первый русский, а не греческий, как это было принято ранее, киевский митрополит Иларион обосновывает религиозную самобытность и независимость русского народа. Он был избран митрополитом в 1051 году советом епископов, что уже нарушало византийскую традицию и бросало вызов Константинополю. Иларион разделяет иудаизм и христианство, выраженные в Ветхом и Новом Завете. В Ветхом Завете отражается преклонение перед Законом Моисея, в то время как Новый Завет освящен Благодатью Иисуса Христа. Благодать предоставляет личности духовную свободу, способность постижения истины. Крещение Руси привело ее к спасению, предопределило самодостаточность и божественное предназначение. При этом Иларион критиковал религиозный национализм, считая, что Благодать имеет вселенское, универсальное значение, достижение которой доступно каждому.

«О Законе, Моисеем данном,

И о Благодати и истине в Иисусе Христе явившихся;

О том, как Закон отошел,

А Благодать и истина всю землю исполнили,

И вера на все языки простерлась,

И на наш народ русский». [4]

В первой части Иларион проводит различия между иудаизмом и христианством. В Ветхом Завете выражается рабское поклонение Закону и узконациональный характер религии, распространяющейся только на еврейский народ. В Ветхом Завете еще многое остается от

язычества – обрядность, возмездие, следование закону. Такое понимание веры не способно к развитию, потому иудаизм утратил свое духовно-историческое значение. Закон может дать знание, но спасение возможно только с помощью божественной благодати и искренней веры в Христа. Православное понимание благодати предполагает непосредственное соприкосновение души человека со Святым Духом, что приводит к преодолению греховности и делает возможным спасение личности. Христианство же освобождается от национального трактования религии и приобретает всемирное значение, распространяясь на разные народы. Новый Завет открывает новую страницу в истории человечества, показывает путь спасения и истины. Впрочем христианство также не может до конца искоренить языческие представления, потому в каждом народе одна и та же религия приобретает свое особое звучание и своеобразие.

Вторая часть «Слова» посвящается принятию православия русским народом. Приобщение к христианской культуре имело большое значение для Руси, поскольку способствовало ее развитию и открывало путь к спасению. При этом русский народ сохраняет свое историческое значение и самобытность, поскольку «новой религии необходимо пополняться новыми народами, как для нового вина необходимы новые меха». В третьей части Иларион прославляет князя Владимира, крестившего Русь. В этом, по мнению митрополита, не было влияния Византии, а исключительно дальновидность самого русского князя.

«Слово о законе и благодати» было первым русским произведением, отражающим православное самосознание, самоидентификацию русского народа именно как христианского.

На Востоке и на Западе отличалось отношение к Ветхому Завету. Западная церковь почитала Ветхий Завет как свод законов и правил, обосновывающих иерархичность и прагматичность общественного устройства и личностное начало. Восточное же христианство идентифицировало себя в полемике с Ветхим Заветом. В то время как Иларион проводил дифференциацию между христианством и иудаизмом, его современник Феодосий Печерский подчеркивал разницу между православием и католичеством. Он очень нетерпимо относился к иноверцам: «Не подобает [...] хвалить чужую веру. Если хвалит кто чужую веру, то оказывается своей веры хулителем. Если же начнет непрестанно хвалить и свою веру, и чужую, то оказывается такой двоеверцем, и близок он к ереси» [Златоструй, 1990, с. 162].

Конфронтация Византии и Руси была во многом связана с непомерным вмешательством греческой церкви во внутренние дела русского народа. Раскол христианства на католичество и православие был закономерным и неизбежным явлением не только по политическим причинам, но и вследствие большого влияния на характеры народов, принявших новую религию, их прежних мировоззренческих установок, традиций и менталитета. Таким образом, русский народ не только христианский, но в первую очередь православный.

Идея религиозной самобытности России была подхвачена спустя столетия и обозначена в формуле Филофея «Москва – третий Рим», которая звучит следующим образом: «Вся христианская царства снисхождася в твое едино... Два убо Рима падоша, а третии стоит, а четвертому не быти» [3, с. 345]. В этой идее нет мысли об особом превосходстве и мессианском призвании русского народа [6, с. 196]. В данной формуле провозглашается, с одной стороны, преемственность наследия Римской империи и Византии, а с другой – самостоятельность и независимость от них как государственного и духовного образования. Рим и Константинополь утратили свое значение. Идеологический смысл приписывался этой идее позднее, для обоснования жесткой централизованной власти.

Филофей был духовным наставником Ивана Грозного и во многом повлиял на мировоззрение царя. Ивану IV приписываются следующие слова: «Греки нам не евангелие. У нас не греческая, а русская вера» [2], произнесенные в ответ иезуиту Антонию Поссевино, когда тот склонял русского царя принять папскую унию. На Руси существовало предание о принятии русским народом христианской веры от апостола Андрея, который проповедовал на нашей земле, чем обосновывалась самобытность церковных традиций. Эта идея находила отклик в трудах многих мыслителей того времени.

Развивая формулу Филофея «Москва – третий Рим», иеромонах Арсений Суханов поддерживал самостоятельность и независимость русской церкви: «Мы приняли веру от Бога, а не от вас [...] греков» [5]. По его мнению, византийская церковь утратила свое «благочестие», а с ним и значение духовного лидера. Отныне эта роль переходит к Москве, воспринявшей от Рима и Византии са-

мое лучшее и сохранившей подлинную веру.

Таким образом, формирование русской духовности происходило в стремлении обособить и противопоставить себя другим народам, обозначить собственную особенность. Проблема самобытности и самоидентификации корнями уходит в далекое прошлое, истоки которой восходят еще к моменту принятия православного христианства. Религия является важнейшим элементом культуры, унифицирующим и консолидирующим его приверженцев. Потому принятие единой веры является важнейшим шагом в укреплении государственности.

Религия – один из мощнейших факторов объединения народа. Принятие христианства во многом изменило мировоззрение и способ существования на Руси, народу необходимо укорениться в бытии, отстоять самобытность и независимость. Выбор православия в качестве государственной религии не случаен, это решение было обоснованным не только с политической точки зрения, но также способствовало сохранению самобытности русской культуры и было ближе к народу, соответствовало национальному характеру. Богослужение велось на русском языке, государственная власть не противопоставлялась на светскую и религиозную.

Новаторство П.Я. Чаадаева заключалось не в критике русского общества, а в самой постановке вопроса. Негативно оценивая прошлое и настоящее страны, он верил в ее великое будущее. В «Апологии сумасшедшего» он подчеркивает, что России предстоит «ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество» [7, 150]. П.Я. Чаадаев сформулировал вопросы, ответы на которые стимулировали развитие русской историософии, определил проблемное поле социальной философии.

Библиографический список

1. Карпова А.Ю., Кузьмина А.Г. (ред.) Златоуструй. Древняя Русь. X–XII вв. М: Молодая Гвардия, 1990. 302 с.
2. Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т1. 1997. Электронная книга. URL: <http://www.golubinski.ru/ecclesia/kartashev/1.html#3> (Дата обращения: 15. 10.2015)
3. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М: Индрик, 1998. 416 с.
4. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона. Электронная книга. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (6.09.2015)
5. Суханов А. Прения с греками о вере. 1891. Электронная книга. URL: <http://starajavera.narod.ru/arseniyPrenia.html> (Дата обращения: 15.10.2015)
6. Тимошина Е.В. Теория «Третьего Рима» в сочинениях «Филофеева цикла» // Правоведение: Журнал. 2005. № 4. С. 181–208.
7. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. В кн.: Замалеев А.Ф. Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб: Наука, 1991. 368 с.
8. Чаадаев П.Я. Философические письма. В кн.: Замалеев А.Ф. Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб: Наука, 1991. 368 с.

References

1. Karpova A.Iu., Kuz'mina A.G. (ed.) Golden jets. Ancient Russia. X–XII centuries. Moscow: Mol. Gvardiia Publ, 1990. 302 p. (In Russian)
2. Kartashev A.V. Essays on the History of the Russian Church. Vol. 1. 1997. Available at: <http://www.golubinski.ru/ecclesia/kartashev/1.html#3> (accessed 15.10.2015) (In Russian)
3. Sinitsyna N.V. Third Rome. Origins and evolution of Russian medieval concept (XV–XVI centuries). Moscow: Indrik Publ, 1998. 416 p. (In Russian)
4. Word on Law and Grace Metropolitan Hilarion. Available at: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (accessed 15.10.2015) (In Russian)
5. Sukhanov A. The debate with the Greeks of faith. 1891. Available at: <http://starajavera.narod.ru/arseniyPrenia.html> (accessed 15.10.2015) (In Russian)

6. *Timoshina E.V.* The theory of the «Third Rome» in the works «Filofei cycle» // Law: Magazine. 2005. № 4. P. 181-208. (In Russian)
 7. *Chaadaev P.Ia.* Apology of a Madman. In: Zamaleev A.F. Russia through the eyes of Russian: Chaadaev, Leontiev, Soloviev. St. Petersburg: Nauka Publ, 1991. 368 p. (In Russian)
 8. *Chaadaev P.Ia.* Philosophical letters. In: Zamaleev A.F. Russia through the eyes of Russian: Chaadaev, Leontiev, Soloviev. St. Petersburg: Nauka Publ, 1991. 368 p. (In Russian)
-
-

УДК 130.2+930.85

UDC 130.2+930.85

Г.Ф. НАЗАРОВА

кандидат философских наук, доцент, кафедра логики, философии и методологии науки, Орловский государственный университет

E-mail: mail@filos-osu.ru

А.В. ФОКИНА

аспирант, кафедра логики, философии и методологии науки, Орловский государственный университет

E-mail: a-lessa@yandex.ru

G.F. NAZAROVA

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of logics, philosophy and methodology of science, Orel State University

E-mail: mail@filos-osu.ru

A.V. FOKINA

Graduate student, Department of logics, philosophy and methodology of science, Orel State University

E-mail: a-lessa@yandex.ru

РУССКИЙ МИР: ОБНОВЛЕНИЕ ПОДХОДОВ К КОНЦЕПЦИИ

RUSSIAN WORLD: THE RENEWAL OF APPROACHES TO THE CONCEPTION

В статье рассматривается генезис концепции «Русский мир», а также история употребления соответствующего термина. Предпринимается попытка систематизировать существующие теоретико-методологические подходы к проблематике Русского мира, проследить их развитие, определить сходства и различия. Высказывается мнение возможности дополнения существующих классификаций.

Ключевые слова: Русский мир, Русская цивилизация, Российская цивилизация, концепция, подходы, идентичность.

The article considers the genesis of the conception “Russian World” as well as the history of the use of the respective term. An attempt to systematize the existing theoretical and methodological approaches to the problems of the Russian world, to trace their development and to determine the similarities and differences is made. The possibility of supplementing existing classifications has been suggested.

Keywords: Russian World, Russian civilization, concept, approaches, identity.

Одним из наиболее активно используемых в государственной, публицистической, общественной риторике последних лет является термин «Русский мир». Его нельзя считать достаточно устоявшимся в науке, он не имеет единой трактовки, потому рассматривать его следует во всем множестве коннотаций. Несмотря на то, что концепция Русского мира возникла менее двух десятилетий назад, сам термин появился гораздо раньше.

В XIX-начале XX века существовало несколько печатных изданий, называющихся «Русский мир». Анализ публикуемого в них материала позволяет сделать вывод о том, что издатели вкладывали в данное название разное содержание. Газеты «Русский мир» издавались в 1859 г., 1871 г. (редакторы Стоюнин, Комаров) и позиционировались в качестве литературных и политических. В них с патристических позиций описывались события в различных уголках Российской империи и мира, представлялись литературные новинки, освещались новости культурной жизни. Судя по всему, в данном случае под Русским подразумевается Российский мир (Российское государство и сферы его интересов). В Одессе в 1911-1912 гг. издавалась газета с таким же названием (ред. Ф. Стефанович), но резко отличающаяся по тональности публикаций. Она объявляется печатным органом Одесского Союза Русских людей и имеет явный радикально националистический окрас:

здесь представлено множество антисемитских заметок, фельетонов, содержится призыв к поддержке «национальных организаций».

Термин «Русский мир» встречается в сочинениях Н.И. Костомарова в значении, близком к понятию «славянский мир». П.Н. Савицкий пишет о «евразийско-русском культурном мире» [11, с.37].

В настоящее время существует множество подходов к пониманию того, что обозначает данный термин. В первую очередь следует различать Русский мир как явление и как концепцию, выстраиваемую в течение последних десятилетий. Безусловно, одно невозможно без другого, потому грань между ними весьма зыбкая.

В 2010 году Е.А. Пенкова предприняла попытку систематизировать имеющиеся на тот момент теоретико-методологические подходы к проблематике Русского мира. Она выделила три основных направления его социологического анализа: этноконфессиональное, глобалистское и социокультурное. Необходимо отметить, что деление это достаточно условное, поскольку взгляды и методологический аппарат отдельных исследователей зачастую позволяет рассматривать их работы в рамках нескольких направлений. Кроме того, необходимо учесть, что не все, кто изучает Русский мир и пишет о нём, являются сторонниками данной концепции.

В рамках этноконфессионального направле-

ния (представители – В.А. Тишков, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, В.А. Ядов и др.) Русский мир рассматривается с точки зрения межэтнических отношений, взаимодействия русских с другими этническими группами, роли православия в формировании и функционировании Русского мира. Так, этнолог В.А. Тишков, говоря о Русском мире, акцентирует внимание на слове «русский», ставит во главу угла этнический фактор, подчеркивая, что «русский язык, Православная церковь и русская культура – вот три кита русского мира» [15]. Ядром Русского мира, по его мнению, является Россия, важным элементом – русскоязычные диаспоры за её пределами. Важнейшим показателем принадлежности к Русскому миру является проявляемая и демонстрируемая лояльность по отношению к России.

Наиболее дискуссионными в рамках данного направления являются вопросы об этническом составе Русского мира и о роли православия как его опорного элемента.

Глобалистское направление выражено в рамках геополитики, геоэкономики, геокультуры. Его представителями являются П.Г. Щедровицкий, А.И. Неклесса, В. Ксенофонов, С.Н. Градировский, Б.В. Межуев и др. Петр Щедровицкий называет себя создателем концепции Русского мира. В период между 1993-1997 годами им была высказана гипотеза о существовании Русского Мира – некоей социально-культурной реальности, ключом к пониманию которой стала мысль о том, что «в границах России и за ее границами проживает одинаковое число русских людей» [2]. Щедровицкий – сторонник геоэкономического подхода, согласно которому «призвание Русского Мира – кооперация с приемниками миграционных потоков из России, т.е. с государствами Запада, и включение России с помощью диаспоральных сетей в этих государствах в транснациональную экономику» [2]. Сергей Градировский и Борис Межуев, рассматривая Русский Мир в геокультурном аспекте, полагают, что он «нацелен на интеграцию нашего государства со странами-источниками миграционных потоков, иначе говоря, с потенциально или актуально третьим миром» [1]. По их мнению, границы Русского геокультурного мира не могут определяться лишь сферой распространения русского языка, более того, он полиграничен.

Представители социокультурного направления (В.Н. Иванов, В.К. Сергеев, Н.А. Нарочницкая и др.) рассматривают Русский мир как социокультурный феномен, выделяя его институциональные основы, место и роль в «идентификационном дискурсе современного российского человека» [7, с.35].

Член-корреспондент РАН В.Н. Иванов обращает внимание на необходимость разработки целостной концепции Русского мира. По его мнению, концепция применительно к пониманию такого сложного, многопланового, исторически изменчивого понятия, как Русский мир, предполагает последовательное изложение взглядов на ряд основополагающих вопросов, раскрывающих его содержание и эволюцию. К ним относится характеристика основных идейно-нравственных уни-

версалий, составляющих основу русской ментальности; совокупность взглядов на хозяйственную жизнь общества, его экономическое устройство, отношение к богатству; взгляды на закон и нормы поведения, отношение русских к закону и государству; представления о сущности и роли власти в жизни общества, её предназначении и структуре. По мнению В.Н. Иванова, разработка концепции должна вестись с учётом существующих межнациональных проблем в РФ. Кроме того, «концепция должна отвечать на вопрос об угрозах русскому миру в историческом и актуальном плане, угрозах, как исходящих извне, так и инспирируемых определенными внутренними силами, определять способы противостоять попыткам цивилизационного слома России» [3]. В рамках концепции Русского мира, по мнению В.Н. Иванова, необходимо уделить внимание проблеме общероссийской и этнической идентификации в условиях современного мира.

Таким образом, ясно видно, что взгляды ряда исследователей выходят за рамки одного подхода. Так, доктор философских наук В.Н. Иванов уделяет огромное внимание выделению институциональных основ Русского мира, но также рассуждает и об этнической составляющей данной концепции, и о её потенциале в условиях глобализации.

Во многом совпадает с классификацией, предложенной Пеньковой, систематизация подходов, предложенная в 2010 году главой фонда «Русский мир» Вячеславом Никоновым. Различные подходы он называет «теоретическими школами» [6].

Первая из них – геополитическая (А.Г. Дугин, В.Л. Цымбурский), условно называемая «Остров Россия». Она предполагала «изоляция от мира, создание альянса постсоветских государств, которые обеспечат России безопасность и суверенное положение в Евразии». В центре данной концепции стоит идея о цивилизационной самобытности России и чуждости ей западных традиций.

Вторая школа – геоэкономическая (П.Г. Щедровицкий, А.И. Неклесса), в центре внимания которой – состоящий из множества диаспор «русский геоэкономический мир», целью которого должно быть укрепление позиций России в мире в условиях экономической и политической глобализации.

Третья школа рассматривает Русский мир в контексте геокультурной парадигмы (С.Н. Градировский, Б.В. Межуев). По их мнению, Россия должна направить свои усилия на создание сообщества, подобного Британскому Содружеству Наций или Сообществу Франкофонных Наций.

Четвертый подход предлагает сам Никонов. В его рамках Русский мир рассматривается как самостоятельная, открытая миру цивилизация, полиэтническая и поликонфессиональная. Включенными в Русский мир Никонов считает Россию, русское зарубежье, а также всех, кто ощущает себя его частью либо проявляет интерес к России. В рамках данного подхода большое внимание уделяется роли русского языка и его распространения в мире.

С учетом возросшего в последние годы интереса к концепции Русского мира, произошедшей за это время её модернизации, появившихся исследований названной проблемы представляется возможным создание иных классификаций подходов к пониманию Русского мира.

В ходе заседания Зиновьевского клуба 27 апреля 2015 года выступавший с основным докладом «Русский мир: культура, цивилизация, империя?» директор Института русского зарубежья С.Ю. Пантелеев выделил два подхода к понятию Русский мир. Первый он условно называет «традиционалистским», второй – «либеральным».

Первый подход трактует Русский мир как Русскую цивилизацию. Он консервативен, имеет глубинные корни, включая наследие русской философии и литературы. В его рамках основами Русского мира считаются русский язык, русская культура, православие, а также вытекающие из этого традиционные русские ценности. В риторике многих экспертов, историков используется именно эта трактовка Русского мира. Наиболее последовательным его проводником, по мнению Пантелеева, является Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, который в ходе выступления на III Ассамблее Русского мира в 2008 году объявил, что в основе Русского мира лежит православная вера, русская культура и язык, а также общая историческая память и взгляды на общее развитие. Ядром его являются Россия, Украина и Белоруссия. Продолжением развития данной концепции является заявление Патриарха о том, что «Россия принадлежит к цивилизации более широкой, чем Российская Федерация, эту цивилизацию мы называем Русским миром» [14].

С.Ю. Пантелеев обращает внимание на то, что при этом подходе языковой или этнический факторы не являются определяющими. К Русскому миру в его рамках могут принадлежать люди, которые не относятся к славянскому этносу, но воспринимают духовную составляющую этого мира как свою собственную. Если во главу угла ставить только русский язык, то, по мнению Сергея Пантелеева, концепция распадается, поскольку в таком случае у человека не возникает необходимости следовать определенной ценностной парадигме.

Вероятно, в качестве дополнения к названным выше критериям Русского мира с точки зрения традиционалистского подхода можно назвать самоидентификацию, понимая под ней не только отнесение индивидом себя к Русскому миру, «демонстрируемый интерес к Родине» (В.А. Тишков) [15], чувство сопричастности к ней, её культуре, истории (В.Н. Иванов, В.К. Сергеев), но и восприятие им определенной системы ценностей. Аксиологическую основу Русского мира составляют базовые ценности, присущие русской культуре. Особое место в их ряду отводится ценностям христианским, православным.

Существуют различные точки зрения на определение места Православия и Русской Православной Церкви в Русском мире. С одной стороны, РПЦ стоит на позиции, что Мир Православный и Мир Русский су-

ществуют в одних границах, они по сути есть одно и то же. Сотрудник Центра по изучению Восточной Европы при Бременском университете Николай Митрохин полагает, что концепция Русского мира (следует добавить – в традиционалистской её трактовке) появилась во второй половине 2000-х годов вследствие трансформации (сжатия) концепции Большого Православного мира [5]. Политолог Михаил Ремизов также указывает на неравнозначие понятий Православный и Русский мир и несопадение их границ [9].

Вместе с тем, распространён взгляд на Русский мир как на поликонфессиональное сообщество. Русский мир находит в себе место, принимает представителей разных религий, однако православие занимает в нём особое место. Речь в данном случае идет не о воцерковлённости, а о тех идеалах, ценностях, что были заложены православным христианством в основы русской ментальности, именно через их призму русские смотрят на мир, даже те из них, что отрицают веру в Бога и институт церкви. По мнению В.Е. Журавлёва, православие является духовным ядром Русского мира [7, с. 52].

Второй подход, по мнению Сергея Пантелеева, трактует Русский мир как культурный (культурно-лингвистический) феномен, в основе которого лежит русский язык. Этот подход начал формироваться в конце 1990-х годов, среди его разработчиков особое место занимает Петр Щедровицкий, трактующий Русский мир как «сетевую структуру больших и малых сообществ, мыслящих и говорящих на русском языке» [16]. В рамках данного направления большое внимание уделяется диаспоральной проблематике. Между Россией и диаспорами, по мнению Щедровицкого, устанавливаются партнерские отношения, на развитие которых и должны быть направлены усилия России как ядра Русского мира. С.Ю. Пантелеев отмечает, что подобная трактовка Русского мира появилась как попытка вписаться в стремительно глобализирующийся мир.

Данный подход широко критикуется за его «безыдейность». Философ и методолог Тимофей Сергейцев считает его вредным и даже опасным, поскольку русскоязычие не гарантирует лояльности по отношению к России, приверженности её интересам. В рамках данной концепции в перспективе могут быть противопоставлены Россия и Русский мир [10]. Историк, профессор Университета штата Мэриленд (США) Михаил Добилов отмечает, что уже сейчас существует масса людей, говорящих по-русски, но не ассоциирующих себя с Россией, более того, являющихся русофобами [5]. С.Ю. Пантелеев обращает внимание также на то, что ряд русскоязычных «не связывают себя ни с русской традицией, ни с русской культурой, ни с духовностью, а живут иными взглядами и убеждениями и теряют связь со своей собственной цивилизацией» [10]. Стоит ли говорить об их включенности в Русский мир? Едва ли. Однако, если брать в учет лишь культурно-лингвистический критерий, они могут быть к нему причислены.

Альтернативную классификацию подходов к классификации понятия и концепции Русского мира предла-

гает директор Института ЕврАзЭс В.А. Лепёхин По его мнению, подходов к данной проблеме можно выделить не менее трех.

Первый – этнический, он близок «традиционалистскому» подходу, предлагаемому Пантелеевым, однако больше внимания уделяется этническому фактору. Во главу угла здесь ставится русскость, значительную роль играет православие. Данная концепция обращена в прошлое, ведущим в ней является историко-культурный аспект. По мнению Лепёхина, она не позволяет в настоящее время решать конкретных проблем за пределами Российской Федерации.

Второй подход – надэтнический, в рамках которого Русский мир рассматривается в значении, близком к понятию «Российская цивилизация». В данной трактовке Русский мир выходит за границы русскости и православной традиции. Его агентами (в соответствии с концепцией Российской цивилизации) могут быть жители РФ вне зависимости от национальности и конфессии, граждане России, проживающие за ее пределами, иные приверженцы русской культуры, говорящие и думающие на русском языке, те иностранцы, кто изучает русский язык, интересуется им. По мнению Лепёхина, употребление термина «Российская цивилизация» политически более оправданно, поскольку столь раздражающий многих этнический компонент здесь не выпячивается на первый план.

Между представителями этих двух подходов развивается основная дискуссия в наши дни. Впрочем, Владимир Лепёхин отмечает наличие третьего подхода, суть которого он передаёт достаточно размыто, но, судя по всему, он близок к так называемому «либеральному» (в трактовке Пантелеева). Суть его в выхолащивании из Русского мира всего глубинного, в том числе этнического компонента. В его основе лежит культурно-лингвистический подход. Лепёхин также указывает на разрушительность подобного толкования Русского мира.

Предложенные Пантелеевым и Лепёхиным подходы во многом сходны и в наибольшей степени отвечают сегодняшним реалиям, потому представляется возможным оперирование их терминологией. Концепция Русского мира в первую очередь является социокультурной, а не политической, потому необходимо указать, что термины «консервативный», «либеральный» при анализе подходов к нему используются условно, а не применительно к принципам соответствующих идеологий.

В риторике государственных деятелей прослеживается употребление термина «Русский мир» в рамках различных подходов.

В выступлении на первом Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом, в 2001 году В.В. Путин заявил, что «понятие Русский мир испокон века выходило далеко за географические границы России и даже далеко за границы русского этноса» [8]. С тех пор он неоднократно использовал данный термин в своих выступлениях наряду с понятиями «Российская цивилизация», «Россия». Президент не раскрывает, что

именно понимает под Русским миром, но зачастую использует это словосочетание в значении, близком к тому, что понимается под Российской цивилизацией. В своих выступлениях он акцентирует внимание на многонациональном и многоконфессиональном характере Российского государства и Русского мира.

Патриарха Московского и всея Руси Кирилла называют главным выразителем традиционалистского подхода. Он оперирует термином «Русский мир» как в этнической, так и в надэтнической его коннотациях, чаще всего склоняясь к первой. Он видит Русский мир полиэтническим, поликонфессиональным, объединённым русской культурой и духовной традицией, в основе которых лежат сформированные православием ценности. Патриарх подчеркивает, что уникальность Русского мира в том, что он формировался на основе православия, но с учетом иных традиционных для России религий. Он отмечает, что для русских всегда было характерно уважение к вере других, что привлекало в Россию представителей различных конфессий и наций, которые, не будучи русскими по крови, «считали Россию, Русь, своим Отечеством и верно и бескорыстно ей служили» [12]. Важнейшим интегрирующим фактором Русского мира является русская культура, под которой Патриарх Кирилл понимает в первую очередь «самобытные способы и форму выражения ценностей, исторического опыта народа Руси, которые определяют личное и общественное бытие миллионов людей» [12]. Эта культура изначально формировалась как синтетическая, «имеющая стыковочные узлы для соединения с другими национальными традициями» [12]. Для неё нехарактерно подавление и принижение иных культур.

Патриарх неоднократно подчеркивает, что идея построения Русского мира не предполагает разрушения существующих государственных границ. Он даже предлагает использование термина «страна Русского мира». «Если в стране используется русский язык как язык межнационального общения, развивается русская культура, а также хранится общеисторическая память и единые ценности общественного строительства, это означало бы, что страна относит себя к Русскому миру» [12].

Таким образом, позиция Патриарха и РПЦ в отношении Русского мира предполагает уважительное отношение в его рамках к представителям различных этносов и конфессий, учёт различных культурных традиций, но утверждает примат сформировавшейся на основе православия русской культуры в её аксиологическом в первую очередь значении. «Говоря о духовных скрепах нашего единства, мы не имеем права забывать, что главным творцом отечественной культуры является русский народ. При всей открытости нашей культуры, при всей разумной готовности принять в наши ряды человека любого происхождения, нам следует всегда помнить, что без существования русского народа и без Православия наша отечественная культура не могла появиться на свет и не имеет перспектив в будущем» [13].

В статье анализировались теоретические, теоретико-

методологические подходы к проблематике Русского мира, существующие в российской науке и социально-политической практике. Вместе с тем, в свете событий, происходящих в последние годы во внешней политике, интерес к данной теме усилился, появились новые пласты её обсуждения. Они требуют дальнейшего изучения, но уже сейчас представляется возможным выделить как минимум два таких направления.

Первое условно можно назвать «бытовым». Для него характерно отсутствие или крайняя ограниченность теоретической базы, эмоциональность, задача разработки или изучения концепции Русского мира не ставится. Зачастую от этой идеи берется лишь название, которое совершенно произвольно трактуется. Площадкой для обсуждения служат в первую очередь ресурсы сети Интернет (живые журналы, социальные сети, тематические форумы, видеопорталы и др.), анализ которых позволяет выделить в рамках данного направления несколько подходов. Сторонники первого (с определенной степенью допущения назовем его «урапатриотическим») активно призывают к строительству Русского мира, понимаемого как империя (в границах СССР или Российской империи). Они оперируют такими понятиями, как «русская весна», «русский дух», «братские народы» и др. В среде «урапатриотов» есть

как крайние националисты, превозносящие русское (или славянское) начало, так и интернационалисты, стремящиеся к возрождению Державы на полиэтнической основе. Главное – восстановление позиций России в мире. Второй подход условно назовем «ураправославным». Его проводники призывают к строительству Русского православного мира, Святой Руси. Людям иных конфессий и атеистам места в нем не находится. Третий объединяет противников идеи Русского мира, который они трактуют исключительно с политических позиций, видят в нем основу для грядущей экспансии России, оправдание её мнимой агрессии. Для всех названных выше подходов характерно выпячивание отдельных положений концепции, придание им карикатурных форм, при полном нивелировании других. Четвертым подходом в рамках данного направления является «умеренный», для него характерна большая сдержанность суждений, понимание Русского мира как культурно-цивилизационной общности, призывы к осторожности.

Второе направление предполагает «взгляд извне» (со стороны иностранных ученых, государственных и религиозных деятелей, журналистов, обывателей) на явление и концепцию Русского мира. Данный вопрос требует специального изучения.

Библиографический список

1. Градиловский С.Н., Межуев Б.В. Геокультурный выбор России. Сайт Русский Архипелаг. [Электронный ресурс] URL: http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/geoculttruss/choice/ (дата обращения 20.08.2015)
2. Заринова А. Всем миром // Российская газета (Федеральный выпуск). 2010. 19 марта 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2010/03/19/filosofia.html> (дата обращения 07.10.2014)
3. Иванов В.Н. Русский мир: концепция и реальность. Доклад на совместном заседании ученых советов ИСПИ РАН, РГСУ, МИСКП 23 мая 2007 г. М., 2007.
4. Иванов В. Н., Левашов В. К., Сергеев В. К. Москва. Россия. Русский мир. М.: Академика, 2012.
5. Кобрин К., Шимов Я. Фантом и реальность Русского мира // Радио Свобода. 13.09.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.svoboda.org/content/article/26581755.html> (дата обращения 24.08.2015)
6. Никонов В.А. Не воспоминание о прошлом, а мечта о будущем // Стратегия России. 2010. № 3. [Электронный ресурс] URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1269860718&archive=1269860794&start_from=&ucat=14& (дата обращения 23.08.2015)
7. Пенькова Е.А. Русский мир как фактор социальной идентификации российской молодежи: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. М., 2012.
8. Президент России В.В. Путин. Национальный успех России должен стать нашим общим успехом... (Выступление на конгрессе соотечественников в Москве, 2001) // Русский мир. 2001. № 4 URL: <http://www.russkymir.ru/out.php?cat=15&did=384> (дата обращения 07.10.2014).
9. Русский мир или русская нация? // Радио Финам. URL: http://www.youtube.com/watch?v=_BNcQO43MFE (дата обращения 21.08.2015)
10. Русский мир: культура, цивилизация, империя. Круглый стол. 27 апреля 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://pressmia.ru/pressclub/20150427/950071377.html> (дата обращения 24.08.2015)
11. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
12. Святейший Патриарх Кирилл. В основе русского мира – православная вера // Стратегия России. 2009. №12. [Электронный ресурс] URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1261741393&archive=1261741578&start_from=&ucat=14& (дата обращения 24.08.2015)
13. Святейший Патриарх Кирилл. Вступительное слово на открытии XVIII Всемирного русского народного собора 11 ноября 2014 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html> (дата обращения 24.08.2015)
14. Слово пастыря. Выпуск от 6 сентября 2014 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3728242.html> (дата обращения 24.08.2015)
15. Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегии // Стратегии России. 2007. № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://www.etnograf.ru/node/61> (дата обращения 07.10.2014)
16. Щедровицкий П.Г. Русский мир. Возможные цели самоопределения. [Электронный ресурс] URL: http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?library=2015 (дата обращения 07.10.2014).

References

1. *Gradirovsky S.N., Mezhuiev B.V.* Geo-cultural choice of Russia. Site Russian archipelago. [Electronic resource] URL: http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/geocultruss/choice/ (Date of access 20.08.2015)
 2. *Zaripova A.* All Together // Rossiyskaya Gazeta (Russian newspaper) (federal issue). March 19, 2010. [Electronic resource] URL: <http://www.rg.ru/2010/03/19/filosofia.html> (Date of access 07.10.2014)
 3. *Ivanov V.N.* Russian world: the conception and reality. The report of the joint meeting of the scientific councils of the ISPR, RSSU, MSICP May 23, 2007, 2007.
 4. *Ivanov V.N., Levashov V.K., Sergeyev V.K.* Moscow. Russia. Russian world. M.: Akademika, 2012.
 5. *Kobrin K., ShimovYa.* Phantom and reality of the Russian World// Radio Liberty. 13.09.2014. [Electronic resource] URL: <http://www.svoboda.org/content/article/26581755.html> (Date of access 24.08.2015)
 6. *Nikonov V.A.* No recollection of the past, but the dream about the future // Strategy of Russia. 2010. № 3. [Electronic resource] URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1269860718&archive=1269860794&start_from=&ucat=14& (Date of access 23.08.2015)
 7. *Pen'kova E.A.* Russian world as a factor of social identification of Russian youth: dis. ... Candidate of socialsciences: 22.00.04. M., 2012
 8. The President of Russia V.V. Putin. National success of Russia should become our common success ... (Speech at the Congress of Patriots in Moscow, 2001) // Russian World.2001. № 4 URL: <http://www.russkymir.ru/out.php?cat=15&did=384> Date of access 07.10.2014).
 9. Russian world or the Russian nation? // Radio Finam. URL: http://www.youtube.com/watch?v=_BNcQO43MFE (Date of access 21.08.2015)
 10. The Russian world: culture, civilization, empire. Round table. April 27, 2015.[Electronic resource] URL: <http://pressmia.ru/pressclub/20150427/950071377.html> (Date of access 24.08.2015)
 11. Savitsky P.N. Eurasian continent. M.: Agraf,1997.
 12. His Holiness Patriarch Kirill. At the heart of the Russian world – the Orthodox faith. Strategy of Russia. 2009. №12. [Electronic resource] URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1261741393&archive=1261741578&start_from=&ucat=14& (Date of access 24.08.2015)
 13. His Holiness Patriarch Kirill. Opening address at the opening of the XVIII World Russian People's Council, 11 November 2014 [Electronic resource] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html> (Date of access 24.08.2015)
 14. The word of pastor. Release of the 6th of September 2014 [Electronic resource] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3728242.html> (Date of access 24.08.2015)
 15. *Tishkov V.A.* Russian world: the meaning and strategies // Strategies of Russian. 2007. № 3. [Electronic resource] URL: <http://www.etnograf.ru/node/61> (Date of access 07.10.2014)
 16. *Schedrovitsky P.G.* Russian world. Possible goals of self-determination. [Electronic resource] URL: http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?library=2015 (Date of access 07.10.2014).
-
-

УДК 316.46

UDC 316.46

С.В. НИКИФОРОВ

студент 3 курса, факультет международных отношений, МГИМО (У) МИД РФ

S.V. NIKIFOROV

Third year student, International relations faculty, MGIMO University

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ МЕТОДА Л. Н. ГУМИЛЕВА

THE ROLE OF PERSONALITY IN HISTORY. L.N.GUMILEV'S INTERDISCIPLINARY METHOD

В статье рассматривается психологический аспект решения вопроса о роли личности в истории на основе применения к анализу типологии лидерства метода Гумилева, приводятся примеры различных типов лидеров.

Ключевые слова: роль личности в истории, междисциплинарность метода Гумилева, психологический аспект, типология лидерства.

The article deals with the psychological aspect of the problem of the role of personality in history through the application to the analysis of the typology of leadership of Gumilev's method, examples of different types of leaders are given.

Keywords: the role of personality in history, Gumilev's interdisciplinary method, psychological aspect, the typology of leadership.

Традиционно теорию Л.Н. Гумилева принято соотносить с исторической наукой или философией¹. Причем не редко объектом внимания исследователей становились непосредственно политические взгляды Гумилева, что смещало акценты с самой научной теории на смежные с ней вопросы идеологии и геополитики². На наш взгляд, конкретизация научной концепции Л.Н. Гумилева, хоть и является необходимой и, несомненно, важной, но не способствует ее масштабному развитию. Думается, теория пассионарности и этногенеза Л.Н. Гумилева по сути своей, кроме самобытной исторической и философской концепции, представляет оригинальный и в то же время удобный метод научного исследования, который может быть применим как при исследовании междисциплинарных научных проблем, так и отдельно в рамках той или иной обществоведческой (в широком смысле) научной отрасли. В защиту нашей позиции мы хотели бы рассмотреть в данной статье применение метода Л.Н. Гумилева при использовании междисциплинарного подхода, который, на наш взгляд, ярко проявляется в исследовании вопроса о роли личности в истории, где соприкасаются множество научных дисциплин, однако наибольшую роль играют три из них – историческая, философская и психологическая. Разумеется, возможность применения метода Гумилева

к историческим и философским категориям вряд ли может вызвать сомнения, поэтому в данной работе мы акцентируем внимание на психологическом аспекте.

Рассматривая вопрос о роли личности в истории с точки зрения психологии, мы обратимся к теориям лидеров и лидерства, являющихся одной из ключевых проблем психологии. При этом стоит отметить, что во многом психологи в своих научных изысканиях продолжают дело философов, пытающихся ответить на вопрос о роли личности в истории. Под великой личностью, оставившей свой след в истории человечества, можно понимать лидера, оказавшего влияние на свое окружение в той степени, что стала необходимой для осуществления деятельности, прославившей его. Разумеется, знание основных теоретических подходов к изучению вопроса лидеров и лидерства необходимо и для исследования вопросов, имеющих международный характер. Так, на наш взгляд, понимание теории международных отношений, а, следовательно, успешное применение ее на практике, например, при анализе международных кризисов, или, наоборот, успешных примеров международной кооперации, а также при рассмотрении различных сценариев развития международных отношений, невозможно без использования научной базы, посвященной вопросам лидеров и лидерства.

Вначале мы должны определиться в терминах. Лидером можно обозначить «лицо, за которым определенное сообщество признает право на принятие решений, наиболее значимых с точки зрения группового интереса»³, а также «личность, способную объединить

1 Напр. Дьяконов И.М. «Огненный дьявол» // Нева. 1992. № 4. С. 225-228

2 См. критику евразийского направления работ Л.Н. Гумилева в работе Янова А.Л. Янов А.Л. Учение Льва Гумилева // Свободная мысль. 1992. № 17. и поиски антисемитизма Шнирельмана В. А.

Шнирельман В.А. Евразийцы и евреи // Вестник Еврейского университета. 1996. № 11. С. 4-45., Шнирельман В.А. «Отмстить неразумным хазарам...» Хазарский миф и его создатели // Образ врага. М., 2005. С. 248-275.

3 Головин С.Ю. Словарь практического психолога, Минск: Харвест, 1998.

людей для достижения определенной цели»⁴. Под лидерством же можно понимать «отношения доминирования и подчинения, влияния и следования в системе межличностных отношений в группе»⁵ в сфере социальной и «специфический феномен, возникающий при взаимодействии лидера и ведомых, на стыке двух проблем: политической психологии отдельной личности (лидера) и политической психологии групп, малых и больших»⁶ в сфере политической.

Традиционно психологическая наука фокусирует внимание на нескольких ключевых проблемах лидеров и лидерства: мотивах лидерского поведения, мировоззрении лидеров, стилях лидерства и типологии лидеров.

Согласно Фрейду, стремление к лидерству закладывается в человеке в детстве, когда личность решает одну из основных проблем по Фрейду – Эдипов комплекс. Стремление к лидерству основывается на либидо. Лидерство же понимается Фрейдом как отношения, схожие с отношениями между отцом и сыновьями, таким образом, масса, подвластная лидерству, подобна сыновьям, ибо убеждена в том, что лидер – отец любит каждого из членов массы одинаково, но при этом почти каждый ведомый стремится получить еще больше отцовской любви (чем его «братья»).

Адлер же выстраивает иную модель. Либидо, на его взгляд, равно как и Эдипов комплекс, не являются исходными понятиями для лидерства. Для Адлера ключевой проблемой детства является комплекс неполноценности, развивающийся в результате тех неудач и потрясений, которые переживает каждая личность в данном периоде жизни. Чем сильнее комплекс неполноценности, тем сильнее стремление к агрессивности, к самосовершенствованию, к обладанию властью, к становлению личности как лидера. Разумеется, все это может привести к преодолению комплекса неполноценности, а порой даже и к формированию комплекса превосходства у данной личности, однако именно комплекс неполноценности в детском возрасте, по мнению Адлера, вынудил многих людей начать работать над собой, превратив свои недостатки в достоинства, либо компенсировать их и создать все необходимые условия для развития себя как лидера.

По мнению Фромма, лидерство связано с патологиями, поскольку лидерство может удовлетворить потребности человека с психическими отклонениями, и порой, чем сильнее у человека патология, тем сильнее его привлекает власть и тем больше он имеет шансов проявить себя как лидер. В качестве примеров Фромм приводил Сталина, имея в виду такую патологию, как садомазохизм, и Гитлера, имея в виду некрофилию.

Немецкий психолог Хеххаузен развивает идеи дифференцированной модели. На его взгляд, стремление к власти далеко не всегда является самоцелью для лидеров. Мотивы их поведения могут быть крайне раз-

нообразны, а стремление к управлению другими есть только средство получения новых возможностей для удовлетворения личностных потребностей в соответствии с основным мотивом. Таким образом, дифференцированная модель позволяет в каждом отдельном случае рассматривать мотив отдельного лидера, не сводя само явление лидера к исключительно негативным или позитивным человеческим стремлениям.

Для исследования мировоззрения лидера в современной психологической науке принято использовать операционный код – особую модель, выявляемую через отношение лидера (прежде всего политического) к основным вопросам политики, например, относительно взаимодействия с политическими оппонентами или роли личности в истории. Отношение лидера («его ответы на данные вопросы»), как правило, выявляются с помощью анализа его политической деятельности, публичных заявлений, ключевых поступков, фактического изучения его биографии.

Затем, используя полученные данные, становится возможным составить общий портрет лидера и классифицировать его. Однако, на сегодняшний день типология лидеров крайне разнообразна, в зависимости от аспекта, который берется за меру при отнесении лидера к тому или иному типу. Так, для Вебера ключевым являлся принцип легитимности (например, легальная, традиционная и харизматическая легитимность).

Для Л.И. Улманского типология лидерства выражается в ролевом распределении лидеров. Он выдвигает следующие типы лидеров: лидер-организатор (выполняет функцию групповой интеграции); лидер-инициатор (главенствует при решении новых проблем, выдвигает идеи); лидер-генератор эмоционального настроения (доминирует в формировании настроения группы); лидер-эрудит (отличается обширностью знаний); лидер-эталон (является центром эмоционального притяжения, соответствует роли «звезды», служит образцом, идеалом); лидер-мастер, умелец (специалист в каком-то виде деятельности).

Оригинальный подход к проблеме типологии лидерства предлагает американский политолог М. Херман, выделяя четыре собирательных типа лидера: лидер-знаменосец (одержимый мечтой, имеющий собственное видение реальности, привлекательный идеал, способный увлечь массы, склонный брать на себя ответственность за все, что происходит в обществе); лидер-служитель (выражающий интересы своих приверженцев и действующий от их имени); лидер-торговец (для которого важно убедить народ в необходимости предлагаемого «товара», который умеет понять, чего хотят люди, стремится соответствовать их запросам, характеризуется умением убеждать и идти на компромиссы); лидер-пожарный (ориентирующийся на самые актуальные, острые проблемы, улавливающий потребности насущного момента и за счёт этого занимающий ведущее положение).

Американский ученый Р. Такер классифицирует лидерство с точки зрения механизма власти или роли

4 Социология. Словарь по обществознанию. Под ред. Петрунина Ю.Ю., Панова М.И. 2006.

5 Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.

6 Глоссарий по политической психологии. М РУДН, 2003.

лидера в преобразовании общества. На этом основании он выделяет три типа лидеров: лидер-консерватор (выступающий против изменений, тормозящий развитие, ссылаясь на традиции и установленные нормы); лидер-реформатор (выступающий за перемены); лидер-революционер (отвергает не только стереотипы, но и сами идеалы, утверждаемые в обществе, и направляет свою энергию на их опровержение).

Тем не менее, на наш взгляд, одним из наиболее универсальных способов классификации лидеров является типология лидеров по стилю управления. Так, Ю.Н. Емельянов выделяет авторитарный и демократический *лидерские стили*. При авторитарном власть сосредотачивается целиком в руках лидера, действующего по принципу «разделяй и властвуй». Выстраивается строгая иерархическая система, формируется вертикаль власти, при этом личная ответственность и обязанности лидера также невероятно высоки для авторитарного лидера, ибо от его решений зависит максимум в деятельности всей социальной или политической группы. При демократическом стиле лидер является «доверенным лицом своей команды», права и обязанности также будут гармонично разделены с ней. Избегается построение жесткой вертикали власти и иерархии, акцент делается на коммуникации внутри группы и совместной выработке ключевых решений.

Таким образом, концепции и теории, посвященные изучению лидеров и лидерства, в психологии весьма разнообразны, однако, как было сказано выше, четко прослеживаются основные направления, которые затрагивает в своей сфере та или иная теория, та или иная концепция.

Но возможно ли рассмотреть основные проблемы лидеров и лидерства в рамках единой теории или, основываясь на единой концепции, включая и мотивы лидерского поведения, и мировоззрение лидеров, и лидерские стили, и типологии лидеров? Нам представляется такое возможным в рамках теории пассионарности и этногенеза Л.Н. Гумилева.

В таком случае в качестве мотивов лидерства можно принять стремление пассионариев (лидеров) израсходовать пассионарность, ту энергию, которую Вернадский именовал «биохимической энергией живого вещества», сопоставимую, например, с солнечной энергией в работах русских космистов (например, Чижевского), с тем, что в предшествующие современному периоды истории именовалось харизмой, даром божьим или некой избранностью. Однако с позиций современной естественной науки пассионарность можно рассматривать как космическую энергию, проникающую в биосферу земли и оказывающую влияние на психику личностей. Стимулирующая человека осуществлять творческую деятельность, а также принуждающая к созданию и воплощению некой идеи, некоего императива, пассионарность, этимологически происходящая от фран. *passionner* – «увлекаться, разжигать страсть», может быть описана с помощью явления

либидо (по Юнгу)⁷. Причем расходование пассионарности, как правило, должно быть направлено на удовлетворение духовных потребностей пассионария, претворения в жизнь его высших идеалов, которые могут быть направлены в любую сферу общества, в том числе, например политическую (тогда пассионарий будет стремиться воплотить свой идеал политическими средствами, стремиться к власти для их воплощения, станет лидером политическим). Но также, вероятно, это зависит как от уровня пассионарности, так и от особенностей личностного развития человека: он может выбрать духовную сферу деятельности и стать лидером, например, в писательстве. А поскольку пассионарность представляется жизненно необходимым элементом формирования культуры и цивилизации, то нет ничего удивительного в том, что люди, наделенные пассионарностью более прочих (что вызвано неравномерностью распространения энергии при пассионарном толчке – непосредственном контакте с биосферой), привлекают к себе тех, кто нуждается в пассионарности либо готов потратить свою энергию на претворение в жизнь проекта лидера-суперпассионария, его сверхидеи, поскольку они комплиментарны к нему. Они считают, что осуществление данного проекта приведет к удовлетворению их потребностей (либо просто в пассионарности, восполнении нехватки пассионарности или продуктов ее деятельности, что более характерно для субпассионариев, либо в использовании своей пассионарности в соответствии с их императивом – в реализации избытка пассионарности).

Мировоззрение лидера (пассионария) во многом будет определяться в соответствии с его этнической системой (она может как уже существовать долгое время, так и только возникать, как появился пассионарий в результате последнего пассионарного толчка). Его комплиментарность будет опираться на этнические системы и консорции, к которым он принадлежит, и наконец, на сверхидею, формирующуюся при взаимном влиянии факторов коллективных (этнического, субэтнического, консорционного) и личностного (особенности личности и характера конкретного человека).

В представлении Гумилева возможность лидера совершать выдающиеся поступки определялась в зависимости от того, превышает ли условное значение инстинкта самосохранения т. н. аттрактивность личности, аналог пассионарности в сфере сознания, влечение к достижению абстрактных идеалов и подчас иллюзорных идей. В связи с чем ученый предлагал психологическую схему, иллюстрирующую пассионарное напряжение

7 Юнг понимал под либидо в целом психическую энергию человека, одним из проявлений которого является, например, сексуальность. Причем, в отличие от Фрейда, Юнг рассматривает сходство этой силы с восточной концепцией энергии Ци или Прана, а также проследивает корни этого современного понятия в анимистических представлениях примитивных народов, которые он считал несомненным свидетельством того, что человек всегда испытывал потребность найти конкретную форму для создаваемого им динамизма психических событий (К. Г. Юнг, «О психической энергии» — К. Г. Юнг. Структура и динамика психического. Пер. с англ. М. «Когито-Центр», 2008, с. 78).

применительно к человеческой личности. Таким образом, Гумилев отделял пассионариев (лидеров) от людей с меньшим уровнем аттрактивности (гармоничных личностей и субпассионариев, являющихся крайностью, противоположной пассионариям соответственно).

Egoismus
(*Ratio + Voluntas*)

Passio

Instinctus

Attraction

*Психологическая классификация на организ-
менном уровне по Л. Н. Гумилеву.⁸*

Типология самих лидеров (пассионариев), «по методу Гумилева», может рассматриваться в соответствии с лидерскими стилями. Так, можно условно выделить диалектические противоположности, выраженные в двух ярких образах: лидера, жертвующего собой (своими потребностями) ради других (великой идеи), и лидера, жертвующего другими (потребностями других людей) ради себя (великой идеи). То есть: пассионарий-альтруист и пассионарий-эгоист. Классическим примером является пара: Жанна Д'Арк – Александр Македонский.

А. Македонский (356-323 гг. до н. э.):

Отцом Александра являлся Филипп II, царь Македонии, объединивший разрозненные народы, населявшие юг Балканского полуострова в единое греческое государство (Македонскую империю). Несомненно, в своих устремлениях Филипп, будучи пассионарием, руководствовался идеалом единой страны, великой империи. Однако, в отличие от Александра, он грезил единением только «Греческого мира», причем, по возможности, предпочитал действовать хитростью, а не силой оружия. Для Филиппа осел, груженный золотом, являлся куда более совершенным оружием против осаждаемого города, чем катапульты и лучники.

С молоком матери в Александре воспитывалось тщеславие и идея превзойти достижения своего отца любым путем, которая впоследствии, вероятно, и трансформировалась в концепцию превзойти любого из людей и стать вначале сверхчеловеком, а затем уже и живым божеством⁹. Несомненно, свою роль в формировании подобной идеи у юного мальчика сыграла Олимпиада – мать Александра, крайне амбициозная и коварная женщина. Вполне вероятно, что именно она возглавляла «партию», организовавшую убийство Филиппа в 336 г. Неясно, насколько сильно в заговор был вовлечен сам Александр Македонский, однако, так же как впоследствии Александр I («Русский»), именно

убийство отца позволило сыну взойти на престол¹⁰.

Одним из известнейших учителей Александра являлся мыслитель Аристотель, всецело разделявший пассионарную концепцию отца Александра о сотворении великого греческого государства. Соответственно нет ничего удивительного в том, что разрыв дружеских отношений между учителем и учеником произошел после критики концепции идеального государства греков со стороны македонца-воина. В голове у Александра уже возникла модель империи, что должна была прославить его имя в веках, империи, что должна была объединить цивилизованный и варварский миры, империи, что должна была сплавить в одно целое Запад и Восток, империи, способной охватить весь известный грекам мир. Сторонник старой пассионарной концепции вполне мог расценить подобный мыслительный акт как предательство со стороны ученика, а потому нет ничего удивительного в том, что он покинул свиту Александра.

Окончательное оформление идей мировой империи, несомненно, связано с «паломничеством Александра по святым для греческого суперэтноса местам» в 336 г., когда параллельно с политикой удержания страны и предотвращения смуты¹¹ он также начал понемногу осуществлять процесс сакрализации своей власти, что, несомненно, должно было стать завершающим элементом в мозаике мировой империи, цементирующим раствором, способным удержать конгломерат этносов от распада¹².

Однако реализация масштабного проекта империи на первых порах столкнулась с большими затруднениями – ряд эллинских царей после смерти «оккупанта» Филиппа не решились отстаивать свою независимость. Что, несомненно, потребовало решительных действий со стороны Александра. Так, лишь только после усмирения иллирийцев, фракийцев и подавления огнем и мечом бунта в Фивах в 335 г. до н.э. молодому македонскому царю удалось сплотить греческое государства для начала активной экспансии на Восток. Завоевание Малой Азии, Сирии и Египта (334-332 гг. до н. э.) и последующий разгром Персидской империи (331-330 гг. до н. э.) для Александра стали периодом великих военных побед и прославления своего имени. Однако особо стоит отметить, что уже тогда он планомерно проводил политику, направленную на построение мозаичной империи (когда у власти «в регионах» находились как греки, так и персы, и представители иных этнических групп, ведь главным критерием было личное доверие Александра), объединенной сакральной властью божественного царя. Об этом свидетельствует и покровительство культу бога-Александра из города

⁸ Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. Электронная версия книги. (<http://gumilevica.kulichki.net/EAB/index.html>)

⁹ Достаточно вспомнить легендарное укрощение Буцефала в 10 лет, победоносную битву при Херонее в 338 до н. э. и авантюру с женитьбой на дочери правителя Карики Пиксодаара, что шло вразрез с политическими планами Филиппа II послужило началом серьезного конфликта между отцом и сыном.

¹⁰ Стоит особо отметить тот, факт, что, действуя в нормативно-правовом поле своего времени и своей этнической системы, Александр казнил всех, кто был обвинен в заговоре против Филиппа II, тем самым, сделал свое правление легитимным для македонцев.

¹¹ Чему, например, способствовал конгресс в Коринфе.

¹² Для этой цели Александр «выбивает» подтверждение своей непобедимости со стороны высших сил у пифии в Дельфах и демонстрирует свою готовность вести на равных диалог с философствующими юродивыми (встреча с Днионом в Коринфе).

Приапа, «усыновление» македонского царя сатрапом-¹³Карии Адой, развитие легенды о божественном происхождении Александра, ставшим сыном Зевса после захвата Египта в 332 г. до н. э.¹⁴ В 330 г. до н. э. после разгрома последних сил персидских царей Александр провозгласил себя царем Азии и начал процесс культурного объединения персидской и греческой цивилизаций. Наиболее ярко это отразилось на дворцовом этикете, ставшем для многих македонцев уже более персидским, чем эллинистическим. Важнейшей вехой, несомненно, также стал династический брак Александра с Роксаной, дочерью бактрийского сатрапа Оксиарта в 327 г. до н. э., что завершило завоевание Средней Азии. Поход в Индию на начальном этапе также явился для царя Азии победоносным, однако успешно дойдя до реки Бриас в 326 г. до н. э., его войско остановило натиск на Восток. Александр, создавая полиэтническую империю, думается, совершил ужасную ошибку, по сути, оставив свою армию македонской. Далеко не все воины обладали таким же уровнем пассионарности, как царь и были готовы идти на смерть ради иллюзорных целей и идеалов, оказавшись в эпицентре чужеродного ландшафта, они растеряли последние силы духа, и даже все лидерские способности суперпассионария Александра не могли заставить их продолжить поход ради прославления имени божества-эгоиста. В итоге, дойдя до Индийского океана, Александр, в конце концов, был вынужден вернуться в Персию. В центре империи он занялся фактически работой над ошибками, помешавшими ему расширить свои границы еще восточнее. Главным для него стала этническая интеграция, оформившаяся, с одной стороны, в свадебном проекте – организации браков между примерно 10 тысячами македонцев и множеством знатных персиянок, венцом этого процесса стала свадьба Александра и Статир, старшей дочери царя Дария, а также свадьба Александра и Парисат, дочери царя Артаксеркса III. С другой стороны, царь Азии провел реформу армии, обучив и снабдив в элитные войска представителей различных этнических групп. Поскольку до этого привилегированное положение среди служилых людей было исключительно среди македонян, в августе 324 до н. э. вспыхнул и был сурово подавлен бунт солдат-македонцев.

Пребравшись в 323 до н. э. в Вавилон, Александр стал подготавливать новые военные кампании – против арабов и карфагян. Однако совершенно неожиданно, когда до начала похода по завоеванию Аравийского полуострова оставалось всего 5 дней, царь Азии тяжело заболел и через полторы недели скоропостижно скончался. До сих пор в научном сообществе ведутся споры о том, насколько естественной была причина смерти Александра... Тем не менее, после ухода божества в иной мир, его земные наследники получили огромную, великую империю, что погибла буквально в одно мгно-

вание¹⁵. Сподвижники Александра инициировали кровавую междоусобицу, в которой погибли все близкие царю при жизни люди, в итоге государство раздробилось на несколько эллинистических государств, постепенно поглощенных культурными и политическими традициями аборигенов.

И, тем не менее, лидер суперпассионарий-эгоист Александр Македонский добился того, чего он хотел на самом деле – славы, способной не утихать в веках, ведь для царя Азии она была, возможно, даже более значимой, чем проект построения мировой полиэтнической империи. Александр затмил своего отца, стал «мифическим и практически культурным героем», обрел божественный статус и покорила львиную долю известного грекам мира. Разве что только его философская концепция на практике потерпела поражение, и идеальное государство по Аристотелю для греков после краха империи Александра еще долгое время оставалось куда более реалистичным ориентиром. Но слава Александра гремела, гремит и, вероятно, будет еще греметь в веках. Конечно, быть может, Герострат, который согласно легенде, поджег храм Артемиды в день рождения Александра Великого, добился, по сути, той же цели, что и царь Македонии, но не множеством кровопролитных войн, а одним локальным пожаром...¹⁶ что, вероятно, все же куда более гуманистично. Однако в том и состоит разница между эгоистом-субпассионарием и эгоистом-суперпассионарием, который уж точно не будет искать легких путей.

Жанна Д'Арк (1412-1431):

Личность Жанны Д'Арк окутана, пожалуй, даже большим числом мифов и легенд, чем жизнь Александра Македонского, хотя и жила она всего 6 столетий назад. Происхождение Жанны также вызывает ряд споров среди исследователей. Считается, что Орлеанская дева являлась выходцем из семьи зажиточных крестьян, это может объяснить, с одной стороны, ее искреннюю религиозность, веру в Короля Франции и мессианство, а с другой – ее неграмотность¹⁷. В противоречие с данной гипотезой вступает тот факт, что при дворе дофина Карла она показала себя искусной в традиционных придворных играх, скачках, а также весьма эрудированной девушкой, что скорее, склоняет нас поверить в происхождение из семьи обедневших дворян, к тому же это могло бы объяснить, почему так просто с ней шли на сотрудничество влиятельнейшие французские аристократы. Как бы то ни было, достоверно известно только то, что молодая девушка из семьи, стоявшей не очень высоко в сословной иерархии Франции, видя бедственное положение, в котором оказалась ее Родина в ходе столетней войны, ведь по сути, только город Орлеан

¹⁵ По историческим меркам.

¹⁶ Хотя на совести Александра также есть один пожар, уничтоживший, несомненно, чудо Древнего мира – Дворец Царей в Персеполе в 330 г. до н. э.

¹⁷ Ярчайшим подтверждением является подмена бумаги «О послушании Церкви» на бумагу «Об отречении от заблуждений», совершенная епископом Кошоном в ходе Инквизиционного процесса 1431 г.

¹³ Хотя и в результате интриг и заговоров бывшим.

¹⁴ И беседы со жрецом Зевса-Амона в Оазисе Сива, что в Ливийской пустыне.

отделял в 1429 англичан от полной победы (престол уже был завещан английскому королю, оставалось лишь установить формальный контроль над всей территорией Франции), смогла сделать то, чего не смогли сотни выдающихся французских военачальников до нее – добиться за кратчайший срок побед столь внушительных, что положили начало концу Столетней войны.

Соответственно, можно со всей уверенностью заявлять, что Жанна Д'Арк являлась лидером-пассионарием, чья прижизненная сакрализация явилась средством достижения альтруистической цели – спасения Франции, а не эгоистической, какой, например, могла быть цель реставрации империи Карла Великого. Более того, сакрализация, проводимая со стороны самой девушки, была намного скромнее, чем, например, у того же Александра Македонского. Она лишь сказала о том, что святые Екатерина Александрийская и Маргарита Антиохийская, вместе с архангелом Михаилом поручили ей миссию по снятию осады Орлеана, возведению Дофина на трон Франции и изгнанию захватчиков с родной земли да раздобыла меч Карла Великого, а не стала приписывать сама себе статус святой, а тем более надевать себя божественным или хотя бы полубожественным статусом. Что, несомненно, означает направленность ее действий на достижение идеала «Свободная Франция», а не «Великая Жанна», из чего можно сделать вывод о ее принадлежности к типу пассионария-альтруиста. И вся история ее жизни фактически подтверждает данное утверждение.

Не единожды обращаясь к капитану города Орлеана Вокулёр Роберу де Бодрикуру, Жанна в итоге добилась того, чтобы ей, семнадцатилетней девушке, выделили в командование отряд (в условиях осады!), а затем убедила присоединиться к себе рыцарей Жана де Мец и Бертрана де Пуланжи. И, что самое удивительное, благодаря невероятно талантливому дару убеждения в марте 1429 года она, разумеется, пройдя все возможные проверки дофина Карла и его свиты, смогла получить должность главнокомандующего французской армии! Вскоре за 4 майских дня Жанна Д'Арк сняла осаду с Орлеана, что означало выполнение первой цели ее миссии. Затем за 9 июньских дней Жанна разгромила английские войска на луарской земле. Победы воодушевили французский народ, и все большее число людей начали верить в то, что Орлеанская дева – посланница Бога. Жанна решила, что пришло время восстановить легитимность власти Карла, и 17 июля в Реймском соборе дофин был миропомазан в короля Франции. Стоит также отметить и то, что в ходе своей миссии Жанна также проводила активную политику по примирению и интеграции самого французского народа: так она способствовала тому, что на сторону Карла стал коннетабль Ришмон и создала благоприятную обстановку для примирения французам с бургундцами (письмо герцогу Филиппу III Доброму). Таким образом Жанне Д'Арк удалось выполнить вторую цель своей миссии – вернуть Франции короля. Завершением своего похода Жанна видела взятие Парижа, активно убеждая коро-

ля Карла в необходимости немедленного удара. Однако нерешительности вчерашнего дофина привела вначале к тому, что операция была отложена на месяц, а затем и уже начатая, была и вовсе отменена. Вероятно, это способствовало глубочайшему разочарованию Жанны в личности короля Карла и, следовательно, осознанию того, что миссия ее уже завершилась. Но как лаконично указывал Л.Н. Гумилев в книге «Конец и вновь начало»: «ее не отпустили, и дальнейшая судьба ее была печальна»¹⁸.

Вероятно, пассионарий-эгоист, будучи на месте Жанны, прибегнул к жестким действиям, возможно, воспользовавшись своим авторитетом, даже начал бы править от имени короля, или, поскольку мы представляем пассионария-девушку, то она могла бы заставить Карла жениться на себе и стать королевой Франции, оградив предварительно нерадивого мужа-завистника от активного участия в политике. Однако будучи пассионарием-альтруистом, целью своей жизни Жанна видела свободную Францию, и ее собственное благополучие значения для Орлеанской девы не имело. Веруя в богоизбранность короля, Жанна подчинилась его приказам, и в мае 1430 г. Жанна, придя на помощь осажденному бургундцами Компьеню, в результате предательства (поднятому перед ее отрядом мосту в город) попадает в плен. Оттуда ее продают англичанам (французская сторона не показала своей заинтересованности в выплате выкупа), которые, в свою очередь начинают знаменитый судебный инквизиционный процесс над Жанной Д'Арк. Стоит признать, что нет ничего удивительного в том, что посланница Бога для французов, для англичан и их союзников представлялась посланницей дьявола. А потому нет ничего удивительного и в том, что судебный процесс вовсе не стремился к соответствию ни букве, ни духу закона¹⁹, поскольку имел только одну реальную цель – уничтожить национального героя Франции, символ надежды врага на победу в Столетней войне. Причем прежде всего от Жанны хотели добиться признания того, что слова ее были неискренни и еретичны, что служила она не праведной миссии и что вера ей и вера в нее – это глубочайшее заблуждение и ужасная ошибка. Однако, Орлеанская дева и в застенках инквизиции не отступилась от своей идеи, ибо для пассионария, независимо от типа²⁰, святым и жизненно важным является лишь тот образ, та идеальная картина мира, что сложилась в его голове, и неважно, находится ли в центре мироздания в этом образе сам пассионарий (как в случае с Александром) или «Свободная Родина» (как в случае с Жанной), или что-то еще... За свой идеал, за идею достижения этого идеала пассионарий готов пойти на смерть, что и сделала Жанна Д'Арк. В конце концов, суд добился лишь крестика на бумаге с отречением Орлеанской девы от своих «заблуждений». Причем, даже стоя посреди своего, обьятого

18 Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. Электронная версия книги. (<http://gumilevica.kulichki.net/EAB/index.html>). С.80

19 Что доказал оправдательный процесс 1455-1456 гг.

20 Альтруистического или эгоистического.

пламенем, «погребального» костра, Жанна показала, что верует в праведность своей миссии, попросив у палача крест и крикнув согласно легенде несколько раз: «Иисус!». Воистину героическая христианская мученическая смерть, закрепившая, фактически сакрализацию жертвы Жанны Д'Арк во имя свободной Франции. Но что принес ее подвиг Франции? Свободу, скорое завершение Столетней войны, своего короля, возможность выйти к историческим границам, существование суверенной французской государственности, как минимум, на протяжении 6 столетий.

Вероятно, здесь было бы уместным вспомнить империю Александра Великого, распавшуюся сразу после его смерти. Причем если для царя Азии мировая империя, объединяющая Запад и Восток, была средством прославления и обожествления своего имени, то для главнокомандующего французскими войсками своя жизнь стала средством к достижению Францией свободы и государственности на тяжелейшем этапе национальной истории. Разумеется, оба героя являлись лидерами, суперпассионариями. Однако использовали разные стили руководства, что было вызвано их мировоззрением, соответственно относились к разным

типам лидеров, а потому и их исторические судьбы настолько сильно отличаются друг от друга. Александр Македонский еще при жизни провозгласил себя богом, однако вряд ли можно было найти хотя бы с десяток его почитателей спустя декаду лет. Жанна Д'Арк была канонизирована спустя пять столетий после своей смерти. Да и по сей день в католических храмах можно увидеть образ; в витраже или в мраморе стоит Орлеанская дева, облаченная в мужские одежды, держа в руке меч Карла Великого – вот та, что стала французской Никой, богиней победы.

Таким образом, нам удалось рассмотреть проблему роли личности в истории, а также лидеров и лидерства в психологии в свете теории пассионарности и этногенеза Л.Н. Гумилева. Остается только отметить, что в современных исторической и психологической науках данные проблемы по-прежнему остаются открытыми и, вероятно, будут нуждаться в дальнейшей проработке и новых концепциях, способных предоставить свежий взгляд в методологии их изучения. На наш взгляд, теория пассионарности и этногенеза в качестве «метода Гумилева» может стать базой для формирования подобных концепций, примером тому является данная статья.

Библиографический список

1. Практическая психология для дипломатов : учеб. пос. Под общ. ред. Р.Ф. Додельцева; предисл. А.В. Торкунова; МГИМО(У) МИД России, каф. философии и психологии. М.: МГИМО-Университет, 2007.
2. Юнг К. Г. О психической энергии./К. Г. Юнг. Структура и динамика психического. Пер. с англ. М. «Когито-Центр», 2008.
3. Головин С.Ю. Словарь практического психолога, Минск: Харвест, 1998.
4. Социология. Словарь по обществознанию. Под ред. Петрунина Ю.Ю., Панова М.И., 2006.
5. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007.
6. Глоссарий по политической психологии. М., РУДН, 2003.
7. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: Айрис-Пресс, 2007.
8. Гумилев Л. Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2014.
9. Дьяконов И.М. Огненный дьявол // Нева. 1992. № 4.
10. Янов А.Л. Учение Льва Гумилева // Свободная мысль. 1992. № 17.
11. Шнирельман В.А. Евразийцы и евреи // Вестн. Еврейского университета. 1996. № 11.
12. Шнирельман В.А. «Отмстить неразумным хазарам...» Хазарский миф и его создатели // Образ врага. М., 2005.
13. Новиков С. В. «Александр Македонский» // Большая историческая энциклопедия. М.: Олма-Пресс, 2003.
14. Шифман И. Ш. Александр Македонский. Л.: Наука, 1988.
15. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: Александр Македонский.
16. Hamilton J. R. Alexander's Early Life // Greece & Rome, 2nd Series.
17. Процесс Жанны д'Арк: Материалы инквизиционного процесса. М.: СПб., 2007.
18. Шоу Б. Святая Иоанна (Saint Joan, 1923).
19. Левандовский А. П. Жанна д'Арк. М.: Молодая гвардия, 2007 (3-е издание).

References

1. Practical psychology for diplomats: manual/ Ed.by R.F.Dodeltsev; foreword by A.V.Torkunov; Moscow State Institute of International Relations(University),MFA of Russia,Department of Philosophy and Psychology. M.:MGIMO-University, 2007.
2. Jung K.G. On the mental energy/K.G. Jung.Structure and dynamics of the mental.Trans. from English.M.“Cogito Center”, 2008.
3. Golovin S.Yu. Dictionary of practical psychologist, Minsk: Harvest, 1998.
4. Sociology/Dictionary of the social studies.Ed. by Petrulin Yu.Yu, Panov M.I.2006.
5. Kondratyev M. Yu., Ilyin V.A. Alphabet of the social psychologist practice. M.:PER SE2007.
6. Glossary of Political Psychology. MRUDN,2003.
7. Gumilev L.N. From Rus' to Russia, M.AST Moscow, 2006.
8. Gumilev L.N. The end and start again. M.: Airis-Press, 2007.
9. D'yakov I.M. “Flaming Devil”//Neva. 1992. №4.
10. Yanov A.L.The teaching of Lev Gumilev//Free Thought. 1992. №17.
11. Shnirelman V.A. Eurasians and Jews//Messenger of Hebrew University. 1996. №11.
12. Shnirelman V.A. “To take revenge on Uureasonable Khazars...” Khazar myth and its creators//Image of the enemy. M., 2005.

13. *Novikov S.V.* "Alexander the Great"//LargeHistorical Encyclopedia. М.:Olma-Press, 2003.
 14. *SchiffmanAlexanderI. Sh. L.* :Nauka, 1988.
 15. *Plutarch.* Comparative biographies: Alexander the Great.
 16. *Hamilton J. R.* Alexander's Early Life // Greece & Rome, 2nd Series.
 17. The process of Joan of Arc: Materials of inquisitorialprocess.M.;SPb., 2007.
 18. *Shaw B.* Saint Joan,1923.
 19. *Lewandowskii A.P.* Joan of Arc.M.:Molodaya Gvardia, 2007(3rd edition).
-
-

УДК 811.111'37

UDC 811.111'37

Л.П. СЕМЕНЕНКО

доктор филологических наук, профессор, кафедра
английской филологии, Орловский государственный
университет
E-mail: leonid-ogu@mail.ru

L.P. SEMENENKO

Doctor of Philology, Professor, Department of the English
Philology, Orel State University
E-mail: leonid-ogu@mail.ru

КОСВЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ: В ПОИСКАХ ЭКСПЛИЦИТНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

INDIRECT SPEECH ACT: IN SEARCH OF EXPLICIT DEFINITION

В работе обсуждаются параметры, по которым возможно эксплицитное определение косвенного речевого акта. В центре внимания – такие важные характеристики данного коммуникативного феномена, как ситуативная обусловленность, стратегическая и тактическая мотивированность выбора средств для косвенного выражения коммуникативных намерений говорящего.

Ключевые слова: косвенный речевой акт, буквальное значение, значение высказывания говорящего, ситуативная связанность значения, стратегическая мотивированность, перформативность, иллокуция.

The paper deals with a set of parameters that make it possible to define the indirect speech act explicitly. The attention is focused on such important characteristics of this communicative phenomenon as situation dependence, strategic and tactical motivation that governs the choice of language means in case of indirect expression of communicative intentions.

Keywords: indirect speech act, literal meaning, speaker's utterance meaning, situation dependence of meaning, strategic motivation, performativeness, illocution.

1. Предлагаемые заметки служат продолжением серии работ автора, посвященных уточнению, конкретизации и, там, где это возможно, унификации существующих многообразных и часто противоречащих друг другу определений косвенного речевого акта как явления диалога (см. [Семененко 2012; 2013]). Очевидно, что любое описание этого коммуникативного феномена так или иначе соотносится, полемизирует, корреспондирует с первоначальной трактовкой косвенного речевого акта Дж. Серлем, который, собственно, и ввел данный термин в научный обиход. Итак, по Дж. Серлю, в косвенном речевом акте говорящий действительно хочет сказать то, что он говорит буквально (means what he says). Однако при этом он хочет сказать нечто большее (не имея лучшего термина, ниже мы воспользуемся выражением «более-чем-буквальность», не настаивая на его терминологическом статусе). Значение предложения (sentence meaning) является частью (is part of) значения высказывания говорящего (speaker's utterance meaning), но не исчерпывает (doesn't exhaust) значение высказывания [Searle 1981: 282]. Здесь нам хотелось бы подчеркнуть актуальность, обязательность реализации буквального значения одновременно с небуквальным значением высказывания в КРА, отражающим основную коммуникативную цель говорящего. Именно поэтому мы говорим не просто о небуквальности значения высказывания в КРА, а о его «более-чем-буквальности».

2. Ниже приводится определение косвенного речевого акта, которое не является исчерпывающим, но, как мы надеемся, по крайней мере отражает некото-

рые существенные свойства определяемого объекта. Начнем с исходной рабочей дефиниции, которая далее будет подвергнута уточнениям и конкретизации. Итак, в первом приближении КРА – это стратегически мотивированный и ситуативно-связанный способ передачи «более-чем-буквальных» иллокутивных значений. Между тем ни один из трех критериев определения КРА, представленных данной формулировкой (стратегическая мотивированность, ситуативная связанность, «более-чем-буквальность»), не имеет абсолютной силы. Рассмотрим примеры.

3. Высказывания, подобные квазивопросу *Why paint your house purple?* и его русскому аналогу *Зачем красить дом в лиловый цвет?* часто относят к числу КРА, хотя в данном случае передаваемое значение 'тебе не следует красить дом в лиловый цвет, если у тебя нет на то достаточных оснований' (замечим, что Д. Гордон и Дж. Лакофф рассматривают данный пример в контексте так называемых «условий резонности» – *reasonableness conditions* [Gordon & Lakoff 1971]) нельзя считать «более-чем-буквальным»: его эксплицитным указателем (т.е. индикатором абсолютной буквальности значения) служит инфинитив при отсутствии личной формы глагола. Для сравнения можно привести примеры, в которых высказывание, в отличие от рассматриваемых нами случаев, может рассматриваться как обычный вопрос на уровне его буквального понимания: *Why do you paint your house purple?*; *Зачем ты красишь дом в лиловый цвет?*

4. Высказывания *В комнате холодно* и *Ты можешь*

закреть окно? обычно приводят в качестве хрестоматийных примеров косвенной просьбы. Однако в первом случае КРА тесно связан с особенностями референтной ситуации, что вообще характерно для «высказываний отсутствия» (в понимании Г.Г. Почепцова, мл. [Почепцов 1983]): значение предложения и значение высказывания говорящего не кардинально различаются, а лишь соотношены с различными частями референтной ситуации, включая ее аутореферентный компонент, представленный иллюкутивной рамкой утверждения *В комнате холодно*. Во втором случае нет прямой зависимости КРА от референтной ситуации, что позволяет применить формулу *Ты можешь Р?* к бесконечному множеству пропозиций. Кроме того, поскольку выражение *Ты можешь Р?* является (по концепции Гордона и Лакоффа) вербализованным условием искренности просьбы, его способность передавать косвенную просьбу поддается исчислению, что делает осуществляемый при этом КРА просьбы в еще большей степени контекстно-независимым. Таким образом, если представить себе шкалу, по которой определяется степень ситуативной связанности КРА, то высказывания *В комнате холодно* и *Ты можешь закрыть окно?*, передающие во многом похожим способом косвенную просьбу закрыть окно, максимально приближаются к разным полюсам данной шкалы.

5. Считается, что если говорящий использует не прямой речевой акт, а КРА, то он тем самым решает определенные стратегические или тактические задачи. Вместе с тем, например, используя высказывание *Ты написал неудачную редакционную статью*, говорящий осуществляет КРА критики, не столько руководствуясь стратегической или тактической линией своего коммуникативного поведения, сколько элементарным отсутствием стандартной перформативной формулы критики: формула *Я критикую тебя за Р* неперформативна. Невозможность прямого речевого акта критики нельзя объяснить, например, в терминах «контрфактической презумпции» (как ее понимает Е.В. Падучева [Падучева и Зализняк 1982]). Искренняя критика включает в себя фактивную пресуппозицию, т.е. критике всегда подвергается свершившийся (свершающийся) факт и не предполагает какого-либо отчуждения авторства, что могло бы иметь место в случае утверждений **I allege that Р*; **Я утверждаю, что якобы Р*. Отсутствие стандартной перформативной формулы критики невозможно обосновать, используя, по аналогии с термином Е.В. Падучевой, понятие «контрэтической презумпции». Последняя представляет собой содержательный компонент таких речевых действий, как оскорбление или подстрекательство. Критика не предполагает предписаний о социальной неприемлемости речевого акта, в том числе неприемлемости для адресата критики:

ср. *Иван благодарил коллег за критику*, **Иван благодарил коллег за оскорбления*. Все это наводит на мысль о том, что КРА критики имеет не стратегическую или тактическую, а скорее каузальную мотивировку, обусловленную отсутствием стандартной перформативной формулы, вынуждающим отправителя пользоваться тем или иным функциональным аналогом последней.

6. Случаи, противоречащие нашему исходному определению КРА, заставляют нас сделать выбор: либо сузить понятие КРА и считать косвенными только те речевые акты, которые не противоречат определению; либо расширить определение КРА и таким образом сузить круг противоречащих случаев. Рассмотрим вторую возможность.

Оставим в стороне заслуживающий специально обсуждения вопрос о том, возможны ли КРА, в которых иллюкутивное значение передается буквально. Критерии ситуативной связанности и стратегической мотивированности могут быть представлены в виде пары <СИТ, СТРАТЕГ>. Допустим, что символы СИТ и СТРАТЕГ могут принимать значения 0 и 1. Тогда различные комбинаторные возможности значений символов будут представлены в кортежах <0,1>; <0,0>; <1,1>; <1,0>. Таким образом, с точки зрения СИТ и СТРАТЕГ мы получим предсказания о четырех типах КРА: (1) ситуативно-свободные и стратегически мотивированные КРА; (2) ситуативно-свободные и стратегически немотивированные КРА; (3) ситуативно-связанные и стратегически мотивированные КРА; (4) ситуативно-связанные и стратегически немотивированные КРА. Эти предсказания (они могут быть эмпирически подтверждены или опровергнуты) получены в рамках расширенного эксплицитного определения КРА.

7. Естественно, здесь рассмотрен лишь фрагмент эксплицитного определения КРА. В целом это определение представляет собой упорядоченное множество типов информации с последующей спецификацией подтипов. К числу эксплицитно представляемых типов информации принадлежат: (1) иллюкутивный аспект КРА; (2) когнитивный аспект КРА: типы знаний, активизируемых в КРА; (3) ситуативная связанность КРА; (4) стратегическая мотивированность КРА; (5) интерактивный аспект КРА: функции в диалоге, тип ассоциированной реплики, отношение к конвенциям диалога и т.п. Для тех типов информации, которые имеют дело не с дискретными величинами, а с явлениями континуума, вводится скалярный способ представления, предполагающий установление значения того или иного параметра по избранной шкале. Полученный перечень типов информации в полном или редуцированном виде может быть использован при решении конкретных исследовательских задач.

Библиографический список

1. Падучева Е.В., Зализняк А.А. Семантические явления в высказываниях от первого лица // *Finitis duodecim lustris*. Таллин: Ээсти раамат, 1982. С. 142-149.
2. Почепцов Г.Г. мл. Коммуникативные преформации // *Механизмы вывода и обработки знаний в системах понимания текста*. Ученые записки Тартуского университета. Вып. 621. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1983. С. 110-117.

3. Семененко Л.П. Прагматика, речевая многозначность и косвенный речевой акт // *Urbi et academiae*. 2012. № 1 (3). С. 181-187.
4. Семененко Л.П. Косвенные речевые акты: возвращение к проблеме // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2013. № 1 (51). С. 295-300.
5. Gordon D, Lakoff G. Conversational Postulates // *Papers from the Seventh Regional Meeting*. Chicago Linguistic Society. Chicago: University of Chicago, 1971. Pp. 63-84.
6. Searle J.R. Metaphor // *Philosophical Perspectives on Metaphor*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981. Pp. 248-285.

References

1. Paducheva E.V., Zaliznyak A.A. Semantic Phenomena in First Person Utterances // *Finitis duodecim lustris*. - Tallin: Eesti Raamat, 1982. Pp. 142-149.
 2. Pocheptsov G.G., jr. Communicative Preformations // *Mechanisms of Inference and Knowledge Processing in Systems of Text Analysis*. Scientific Notes of the University of Tartu. Vol. 621. Tartu: University of Tartu Press, 1983. Pp. 110-117.
 3. Semenenko L.P. Pragmatics, Speech Ambiguity and the Indirect Speech Act // *Urbi et academiae*. 2012. № 1 (3). Pp. 181-187.
 4. Semenenko L.P. Indirect Speech Acts: Revising the Issue // *Scientific Notes of the Orel State University*. 2013. № 1 (51). Pp. 295-300.
 5. Gordon D, Lakoff G. Conversational Postulates // *Papers from the Seventh Regional Meeting*. Chicago Linguistic Society. Chicago: University of Chicago, 1971. Pp. 63-84.
 6. Searle J.R. Metaphor // *Philosophical Perspectives on Metaphor*. - Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981. Pp. 248-285.
-

УДК 577.121:616-006.4

UDC 577.121:616-006.4

А.А. ТАКАНАЕВ

доктор биологических наук, профессор, кафедра общей, биологической, фармацевтической химии и фармакогнозии, Орловский государственный университет

Е.И. ЮШКОВА

доктор биологических наук, профессор, кафедра общей, биологической, фармацевтической химии и фармакогнозии, Орловский государственный университет

E-mail: kin1@orel.ru

М.А. ЯРОВАТАЯ

кандидат биологических наук, доцент, кафедра общей, биологической, фармацевтической химии и фармакогнозии, Орловский государственный университет

E-mail: maya0330@mail.ru

A.A. TAKANAIEV

Doctor of biological sciences, Professor, Department of General, Biological, Pharmaceutical Chemistry and Pharmacognosy, Orel State University

E.I. YUSHKOVA

Doctor of biological sciences, Professor, Department of General, Biological, Pharmaceutical Chemistry and Pharmacognosy, Orel State University

E-mail: kin1@orel.ru

M.A. YAROVATAYA

Doctor of biological sciences, Associate Professor, Department of General, Biological, Pharmaceutical Chemistry and Pharmacognosy, Orel State University

E-mail: maya0330@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ БИОТРАНСФОРМАЦИИ N-НИТРОЗАМИНОВ КАК ИНТЕРАКТИВНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ЛЕКЦИОННОМУ КУРСУ ПО БИОХИМИИ

THE STUDY OF N-NITROSAMINES BIOTRANSFORMATION AS AN INTERACTIVE PART OF THE LECTURE COURSE IN BIOCHEMISTRY

Лечащему врачу и провизору важно ознакомиться с принципами выявления связи между концентрацией лекарственного препарата в крови и его действием, влиянием различных физиологических и патологических факторов на распределение лекарственных средств в организме, их биологической доступности, а также прямого и побочного действия.

Ключевые слова: нитрозоамины, фармакокинетика, фармакодинамика, противоопухолевая активность, биотрансформация, органотропность, канцерогенная активность.

A consulting physician and a pharmacist should be aware of the methods to understand the correlation between the concentration of the pharmaceutical drug in blood and its effect, the influence of different physiological and pathological factors on the drugs distribution in the human body, their bioavailability as well as their direct and side effects.

Keywords: nitrosamines, pharmacokinetics, pharmacodynamics, antineoplastic activity, biotransformation, organotropy, carcinogenic activity.

После открытия канцерогенных свойств N-нитрозаминов было установлено, что соединения этого класса проявляют канцерогенный эффект только после предварительной метаболической активации. В последующих исследованиях было выявлено, что наряду с токсичностью и канцерогенностью эти соединения проявляют также тератогенные и мутагенные свойства, а некоторые оказались активными канцеролитиками [1]. Попытки дать объяснения этим биологическим и биохимическим эффектам, в основном, концентрировались на механизмах биотрансформации N-нитрозаминов и продуктах их расщепления и последующей их реакции с клеточными компонентами, особенно с макромолекулами. Однако все последующие события, связанные с воплощением химических реакций в биологические эффекты биотрансформаций остаются нераскрытыми. Не ясно пока, какие ступени, обусловленные мутация-

ми, вовлечены в трансформацию. Не были, бесспорно, идентифицированы какие-либо клеточные молекулы в качестве факторов, непосредственно участвующих в индукции клеточной трансформации [2].

С этой точки зрения более информативным представляется сравнительное изучение путей метаболизма N-нитрозаминов в интактных животных и животных-опухоленосителях, позволяющее по спектру метаболитов судить об изменении функциональной активности ключевых ферментов [4].

Для исследования этого вопроса нами был синтезирован радиоактивно меченый маркер-2,6-¹⁴C-нитрозопиперидин и последующее изучение его фармакокинетики и метаболизма в норме и патологии.

2,6-¹⁴C-пиперидин

а) 1,5-¹⁴C₂-динитрил глутаровой кислоты. 1,3г (0,02М) меченого K¹⁴CN с общей активностью 1200 МБк

и 0,05г (0,0003М) растворяли в 10 мл 75%-ного этанола. Затем к раствору добавляли 2,02г (0,01М) свежеперегнанного 1,3-дибромпропана и смесь нагревали при перемешивании в течение 3-х часов. Выпавший осадок КВг отфильтровывали, этанол отгоняли, к остатку прибавляли 25 мл воды и промывали 3 раза порциями эфира по 25 мл для удаления остатка дибромэтана. Водный раствор подкисляли серной кислотой до pH 2-3 и экстрагировали хлороформом. Экстракт промывали водой, высушивали прокаленным сульфатом натрия, хлороформ отгоняли. Выход 1,5-¹⁴C₂-динитрила глутаровой кислоты 0,8г (85%), т.кип. 131,4°/10мм рт.ст., молярная активность 115,15 МБк/мМ, общая радиоактивность - 980 МБк, РХЧ ≥ 95%.

б) Дигидрохлорид 1,5-¹⁴C₂-пентаметилendiамина. 0,75г (0,008М) 1,5-¹⁴C₂-динитрила глутаровой кислоты растворяли в смеси 23 мл метанола и 2 мл концентрированной соляной кислоты и гидрировали в присутствии катализатора Адамса (200 мг Р О₂). Окончание гидрирования отмечали по прекращению поглощения водорода и коагуляции катализатора. После отделения катализатора растворитель отгоняли, остаток перекристаллизовывали из смеси абсолютного этанола и эфира (1:1). Выход: 1,5-¹⁴C₂-пентаметилendiамина 0,65г (82%), дегидрохлорида - 1,12г (82%), т.пл. 225°, удельная активность 125 МБк/мМ, общая радиоактивность - 803 МБк, РХЧ ≥ 95%.

в) Гидрохлорид 2,6-¹⁴C₂-пиперидина. 1,05 г (0,006М) 1,5-¹⁴C₂-пентаметилendiамина дигидрохлорида возгоняли в колбе объемом 50 мл. После охлаждения продукты возгонки растворяли в воде, подщелачивали до pH=9-10 и перегоняли с паром, дистиллят подщелачивали pH 10 и экстрагировали эфиром. Высушенный экстракт насыщали газообразным хлористым водородом. Выпавшие при охлаждении кристаллы отфильтровывали, сушили, перекристаллизовывали из абсолютного этанола. Выход: 2,6-¹⁴C₂-пиперидина гидрохлорида 0,20г (28%), т.пл. 244-245°С, молярная активность 126 МБк/мМ, общая радиоактивность - 208 МБк, РХЧ ≥ 95%.

Далее изучалось распределение препарата по органам и системам: в сыворотке крови, печени, головном мозге, почках, слизистой кишечника, селезенке, легких, асцитной жидкости, асцитных клетках. Исследовались также кумулятивное выведение метки с мочой.

На рисунке 1 и 2 приведены графические кривые распределения 2,6-¹⁴C-нитрозопиперидина у интактных и опухолевых животных.

Анализ графиков показывает, что у нормальных животных и у мышей с асцитной саркомой S-180 препарат почти синхронно выводится из сыворотки крови, мозга и асцитной жидкости. Концентрация метки в мозге составляет в среднем 0,6-0,7 от концентрации в сыворотке крови как у опухолевых так и у интактных животных.

Можно допустить, что в мозг проникает преимущественно неизмененный препарат, так как его метаболиты, будучи более популярными, должны испытывать затруднения при переходе через ГЭБ. Концентрация метки в асцитной жидкости мало отличается от концентрации в плазме крови. Опухолевые клетки мало накапливают и длительно удерживают метку, коэффициент распределения (клетка: асцитная жидкость) возрастает от 0,6 впервые моменты до 1,8-2,0 к концу опыта (рисунк 2). Наличие максимумов и минимумов на кривых изменения концентрации метки в органах связано, скорее всего, с образованием и перераспределением метаболитов препарата.

Характерно, что максимумы в печени соответствуют минимумам в остальных органах и наоборот. Это связано, по-видимому, с ведущей ролью печени в метаболизме, поскольку за образованием метаболита в печени должно следовать его накопление в остальных органах. Судя по количеству пиков, препарат должен иметь не менее 2-3 основных метаболитов.

Ранее отмечалось [3], что биологическая активность N-нитрозаминов в первую очередь определяется присутствием в их структуре N-нитрозогруппы, которая стабилизирует связь между нитрозированным азотом и смежным атомом углерода, связанным двойной связью с гетероатомом таким образом, что в водной среде происходит спонтанное разложение, скорость которого зависит от структуры и pH среды. Разрыв этой связи приводит к образованию диазония, способного при физиологических значениях pH, ионной силы и температуры алкилировать молекулы ДНК.

Кроме того, за счет электронного и пространственного влияния N-N=O-группы происходит существенное изменение электронного состояния атома углерода в циклах, особенно α-положении, что делает их более реакционно способными в реакциях гидроксирования и последующих превращениях.

Обнаруженные в моче интактных и опухолевых животных наряду с исходным препаратом меченые метаболиты: γ-гидроксинитропиперидин, лактамы, оксальдегиды, глутаровая кислота указывают на то, что первым этапом трансформации гетероциклических нитрозаминов является образование гидроксиформ. При этом α-гидроксиформы из-за высокой реакционной способности α-углеродного атома трансформируются далее в альдоспирты, лактоны, дикарбоновые кислоты.

Полученные нами результаты позволяют предположить, что опухоль не местный процесс, а заболевание всего организма. Дальнейшие исследования взаимоотношения организма и опухоли открывают широкие перспективы для изучения механизмов канцерогенеза и химиотерапии рака.

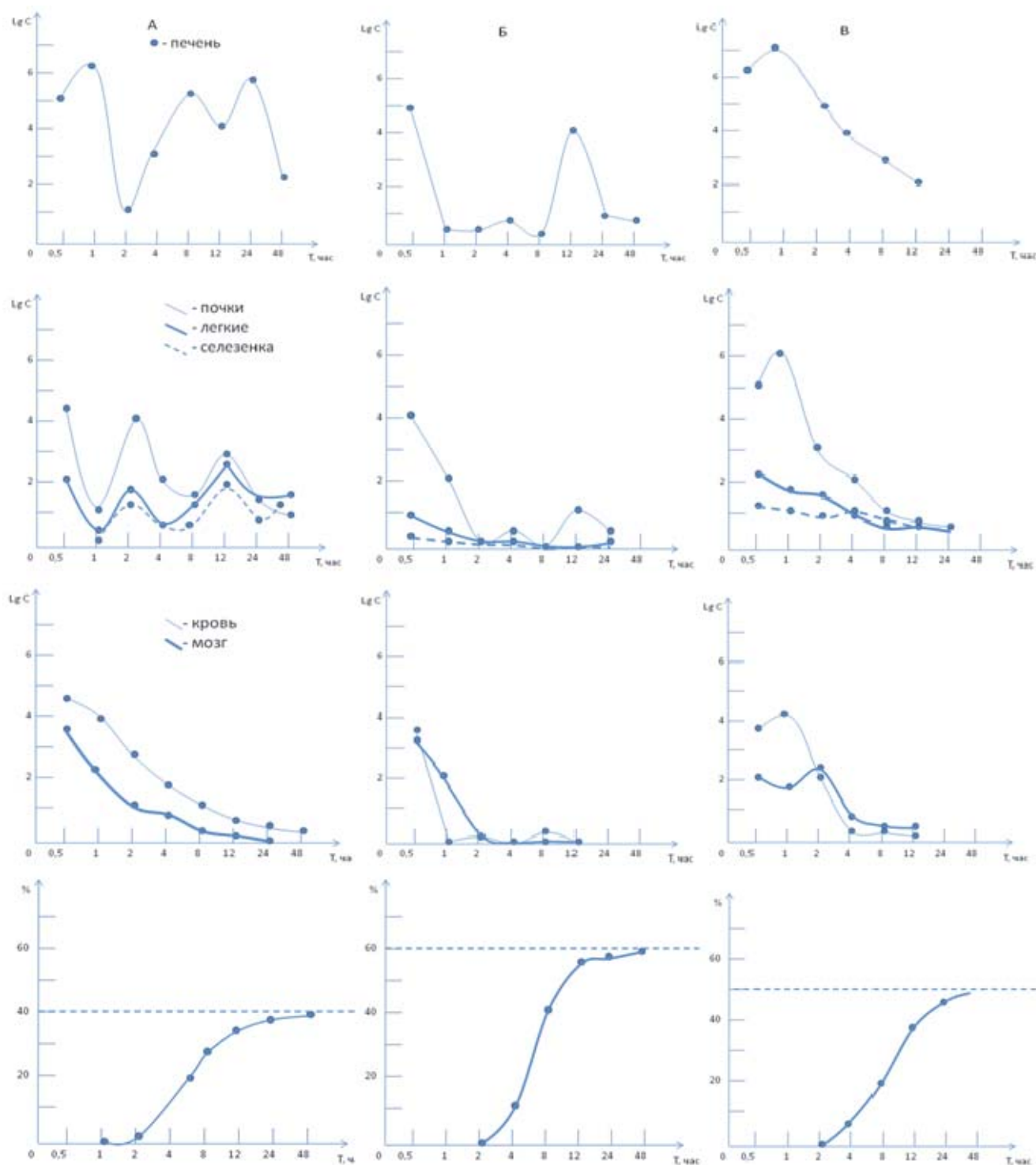

Рис. 1. Распределение и выведение радиоактивности у intactных мышей (Б) и животных с асцитной (А) и внутримозговой (В) саркомой S-180 после однократного п/к введения 2,6- $^{14}\text{C}_2$ -НП: 1 – печень, 2 – почки, 3 – легкие, 4 – селезенка, 5 – сыворотка крови, 6 – мозг, 7 – кумулятивное выведение метки с мочой (% от дозы); С – концентрация метки в имп/мин./г ткани, Т – время в часах.

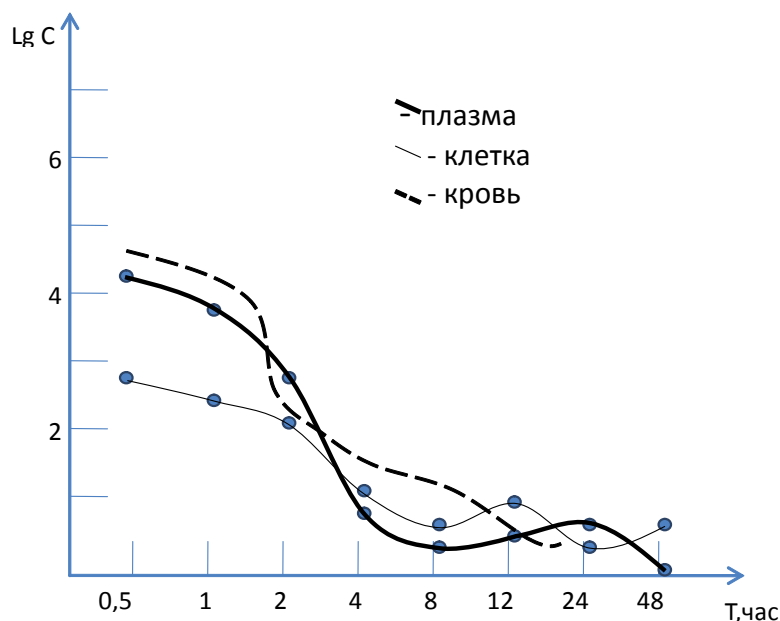

Рис. 2. Выведение радиоактивности из плазмы асцита опухолевых клеток и сыворотки крови мышей с асцитной саркомой S-180 после однократного п/к введения 2,6-¹⁴C-НП.

Библиографический список

1. Таканаев А.А., Юшкова Е.И., Яроватая М.А. Исследование биологической активности гетероциклических нитрозаминов // Научный журнал «Ученые записки Орловского государственного университета». №3 (59) 2014. С.129-130.
2. Таканаев А.А., Юшкова Е.И., Яроватая М.А. Исследование биотрансформации N-нитрозаминов и их производных// Научный журнал «Ученые записки Орловского государственного университета». №7 (63)2014. С.305.
3. Таканаев А.А., Халилов М.А., Юшкова Е.И., Яроватая М.А. Некоторые аспекты биотрансформации N-нитрозосоединений// Научный журнал «Ученые записки Орловского государственного университета». № 4 (67) 2015. С.405-406.
4. Яроватая М.А., Таканаев А.А., Юшкова Е.И. Метаболизм гетероциклических N-нитрозаминов// Научный журнал «Ученые записки Орловского государственного университета». № 4 (67) 2015. С.424-425.
5. <http://www.oncolog.su/carcinogen/nitrate/>
6. <http://www.medfrance.ru/onco/nitrate/nitrozamines/>

References

1. Takanaev A.A., Yushkova E.I., Yarovataya M.A. Biological activity geterocyclic nitrosamines studies//Scientific notes of Orel State University. № 3(59) 2014. Pp.129-130.
2. Takanaev A.A., Yushkova E.I., Yarovataya M.A. Biotransformation studies of nitrosamines-N and their derivatives// Scientific notes of Orel State University. № 7 (63) 2014. P.305.
3. Takanaev A.A., Khalilov M.A., Yushkova E.I., Yarovataya M.A. Some aspects of N-nitrosocompounds biotransformation //Scientific notes of Orel State University № 4 (67) 2015. Pp.405-406.
4. Yarovataya M.A., Takanaev A.A., Yushkova E.I. Metabolism of geterocyclic N-nitrosamines //Scientific notes of Orel State University. № 4 (67) 2015. Pp. 424-425
5. <http://www.oncolog.su/carcinogen/nitrate/>
6. <http://www.medfrance.ru/onco/nitrate/nitrozamines/>

А.А. ТИТОВ

аспирант, кафедра конституционного и муниципального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: etotitov@ya.ru

A.A. TITOV

Graduate student, Department of Constitutional and Municipal Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: etotitov@ya.ru

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВА ОТДЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ В ОРГАНЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ПРАВА ВЫБОРА ОСНОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЖИЛОГО
ПОМЕЩЕНИЯ ПО ДОГОВОРУ СОЦИАЛЬНОГО НАЙМА**

**THE RELATIONSHIP OF INDIVIDUAL CATEGORIES OF CITIZENS' RIGHT TO APPEAL TO PUBLIC AUTHORITIES
AND THE RIGHT TO CHOOSE A BASE OF LIVING SPACE ON THE SOCIAL RENT AGREEMENT**

В статье рассматривается конкретный случай конкуренции норм права, который имеет прикладное решение на примере реализации конституционного права гражданина на обращение в органы государственной власти Орловской области.

Ключевые слова: органы внутренних дел, право на обращение, петиционное право, жилищное право, договор социального найма.

The article deals with the specific case of competition of law, which has the applied solution as an example of the constitutional right of the citizen to appeal to the state authorities of Orel region.

Keywords: law-enforcement bodies, the right to appeal, petition right, right to housing, social rent agreement.

Конституцией и гражданским законодательством Российской Федерации жилищное законодательство признано самостоятельной отраслью в системе российского законодательства. В соответствии с п. "к" ч. 1 ст. 72 Конституции РФ [1] жилищное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Согласно п. 2 ст. 5 Жилищного кодекса РФ [2] (далее – ЖК РФ) оно включает в себя ЖК РФ, принятые в соответствии с ним другие федеральные законы, а также изданные в соответствии с ними указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты органов местного самоуправления.

В настоящее время на основании положений ЖК РФ жилые помещения муниципального жилищного фонда по договорам социального найма предоставляются гражданам, признанным органом местного самоуправления малоимущими. Иным категориям граждан жилые помещения из жилищных фондов РФ или её субъектов могут быть предоставлены федеральным законом или законом субъекта РФ (п. 2 и 3 ст. 49 ЖК РФ).

Пунктом 2 статьи 52 ЖК РФ допускается выбор гражданином одного или нескольких оснований для постановки на учёт в качестве нуждающихся в жилых

помещениях (как малоимущий или как относящийся к определённой федеральным законом или законом субъекта РФ категории) и сохранения права состоять на указанном учёте по одному или нескольким основаниям.

Вместе с тем, п. 2 ст. 6 Федерального закона РФ от 29 декабря 2004 года № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» [3] установлено, что очередники, ставшие на учёт до 1 марта 2005 года, сохраняют за собой право на получение жилых помещений по договорам социального найма в порядке, предусмотренном Жилищным кодексом РФ.

Необходимо отметить, что до указанной даты основания для постановки на учёт в качестве нуждающихся были значительно шире. Достаточно было иметь обеспеченность жилой площадью на одного члена семьи ниже уровня, установленного законодательством. Также существовал перечень других оснований для оговорённых в ЖК РСФСР [4] категорий граждан (статья 29 ЖК РСФСР 1983 года).

П. 8 ст. 5 ЖК РФ определено, что в случае несоответствия норм жилищного законодательства положениям Жилищного кодекса применяются положения последнего. Эту позицию поддерживает Верховный Суд РФ. Так, пунктом 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного Кодекса РФ» [5] определено, что наибольшую юридическую силу среди актов жилищного зако-

нодательства в регулировании жилищных отношений имеет ЖК РФ.

Следует обратить внимание, что в силу п. 2 ст. 50 ЖК РФ норма предоставления площади жилого помещения устанавливается органом местного самоуправления в зависимости от достигнутого в соответствующем муниципальном образовании уровня обеспеченности жилыми помещениями, предоставляемыми по договорам социального найма, и других факторов.

Статьей 7 Федерального Закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [6] (далее ФЗ РФ № 247) установлена норма предоставления общей площади жилого помещения по договору социального найма. Пунктами 1-3 ч. 1 указанной статьи она определена в следующих размерах:

- 1) 33 кв. м. – на одного человека;
- 2) 42 кв. м. – на семью из двух человек;
- 3) 18 кв. м. на каждого члена семьи – на семью из трех и более человек.

П. 3 ст. 7 ФЗ РФ № 247 установлено, что сотрудники и пенсионеры ОВД, имеющие специальные звания полковника и выше, а также сотрудники, имеющие ученые степени или ученые звания, имеют право на дополнительную площадь размером 20 кв. м.

Пункт 5 рассматриваемой статьи предусмотрено, что с учетом конструктивных и технических параметров многоквартирного или жилого дома размер общей площади жилых помещений, предоставляемых по договорам социального найма, может превышать указанные размеры, но не более чем на 9 кв. м.

П. 1 ст. 58 ЖК РФ учитывает законные интересы граждан при предоставлении жилых помещений по договорам социального найма, допускает заселение одной комнаты лицами разного пола, за исключением супругов, допускает только с их согласия. Пунктом 2 данной статьи предусмотрено, что жилое помещение по договору социального найма может быть предоставлено общей площадью, превышающей норму предоставления на одного человека, но не более чем в два раза, если такое жилое помещение представляет собой одну комнату или однокомнатную квартиру либо предназначено для вселения гражданина, страдающего одной из тяжелых форм хронических заболеваний, указанных в предусмотренном п.п. 4 п. 1 ст. 51 ЖК РФ перечне.

П. 7 ст. 57 ЖК РФ установлено, что при определении общей площади жилого помещения, предоставляемого по договору социального найма, учитывается площадь жилого помещения, находящегося в собственности у очередника.

Согласно Положению о деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по учёту лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и распределению жилой площади, утверждённому Приказом МВД РФ от 24 мая 2003 г. № 345 (в ред. Приказа МВД РФ от 27.07.2004 № 464) [7], данные виды деятельности возлагаются на жилищно-бытовые комиссии, соз-

данные при соответствующих управлениях и главных управлениях МВД России по субъектам федерации и федеральным округам, а также на Центральную ЖБК МВД РФ.

При применении жилищного законодательства для улучшения жилищных условий сотрудникам и пенсионерам ОВД по договору социального найма может возникнуть трудноразрешимая конкуренция правовых норм. Так, если сравнивать положения об урегулировании одного и того же объекта правоотношения (например, нормы предоставления площади жилого помещения) нормами ЖК РФ и ФЗ РФ № 247, то зачастую непросто определить, какой нормой следует руководствоваться.

Для более корректного восприятия рассматриваемых ситуаций необходимо сначала обратиться к Заключительным положениям указанного ФЗ РФ № 247, п. 5 ст. 20 которого установлены существенные гарантии сотрудникам и пенсионерам ОВД. Согласно указанной норме сотрудники и граждане Российской Федерации, уволенные со службы в органах внутренних дел, а также члены их семей имеют право на предоставление одной и той же социальной гарантии в соответствии со статьями 1 - 12 ФЗ РФ № 247, с Федеральным законом от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [8], другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации по нескольким основаниям, им предоставляется социальная гарантия по одному из оснований по их выбору.

1) Рассмотрим пример для города «N».

Сотрудник ОВД, не имеющий семьи, просит о предоставлении жилого помещения в виде однокомнатной квартиры площадью до 51 кв.м. Очередник приводит расчёт, из которого складывается указанный 51 кв. м.

33 квадратных метра общей площади жилого помещения на одного человека предусмотрены п.п. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ РФ № 247. При определении возможной надбавки к общей площади очередник отвергает применение положений ФЗ РФ № 247 следующим обоснованием. Так как в п. 5 ст. 7 ФЗ РФ № 247 речь идёт о квартире с любым количеством комнат, а в п. 2 ст. 58 ЖК РФ специально оговаривается ситуация с однокомнатной квартирой, то рассматриваемая норма Федерального закона является общей, а норма ЖК РФ – специальной. Поэтому в данной конкуренции правовых норм п. 2 ст. 58 ЖК РФ является приоритетной для правоприменения как специальная по отношению к общей.

В городе «N» согласно Решению городского Совета народных депутатов от 29 июня 2006 года установлены норма предоставления и учётная норма общей площади жилого помещения. Они соответственно составляют 18 и 11,5 кв. м. Таким образом, с учётом предоставления однокомнатной квартиры на основании применения п. 2 ст. 58 ЖК РФ и решения N-го горсовета предоставляемая ему общая площадь жилого помещения может быть превышена не до 9, а до 18 кв. м.

Его расчёт неверен. Поскольку очередник при установлении размера общей площади жилого помещения

в 33 кв.м. руководствовался положениями ФЗ № 247, то для определения возможного превышения этой площади подлежит применению именно указанный Федеральный закон, согласно п. 5 ст. 7 которого размер общей площади жилых помещений может превышать не более чем на 9 кв. м. Таким образом, если данный очередник не имеет права на дополнительную площадь (не является полковником, не имеет учёных степени или звания), то предоставляемая ему площадь жилого помещения может варьироваться в пределах от 33 до 42 кв. м. вне зависимости от количества комнат.

Рассмотрим второй вариант расчёта предоставляемой площади жилого помещения тому же очереднику при выборе в качестве основания социальной гарантии норм ЖК РФ. В данном случае при предоставлении однокомнатной квартиры правомерны ссылка на пункт 2 статьи 58 ЖК РФ и требование об увеличении площади на размер до 18 кв. м. Расчёт позволяет предоставить очереднику от 18 до 36 кв. м. Первые 18 кв. м. – норма предоставления общей площади жилого помещения, установленная N-м городским Советом народных депутатов, добавленные 18 кв.м. – получаются из уместного в данном случае применения п. 2 ст. 58 ЖК РФ во взаимосвязи с указанным Решением горсовета.

Сравнение вариантов расчёта показывает, что для очередника более выгоден первый. То есть ему может быть представлено жилое помещение площадью от 33 до 42 кв. м.

Следует отметить, что очередник не должен иметь в собственности жилое помещение. Кстати, в нормах ФЗ РФ № 247, регулирующих социальный найм, не говорится об учёте площади жилого помещения, находящегося в собственности очередника.

Видимо, этот пробел надо считать тем случаем, когда необходимо применять нормы имеющего большую юридическую силу ЖК РФ, требующего учитывать при предоставлении жилья по социальному найму наличие в собственности площади жилого помещения (п. 7 ст. 57 ЖК РФ), или применять аналогию закона, которая следует из ст. 4 ФЗ РФ № 247, регламентирующей единовременную социальную выплату для приобретения или строительства жилого помещения. Указанная норма отсылает к Правилам предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам ОВД РФ, утверждённым постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2011 г. № 1223, в которых п. 8 предусматривает учёт находящегося в собственности жилья.

2) Рассмотрим другой пример для того же города «N».

Подошла очередь улучшить жилищные условия семье очередника пенсионера ОВД. Семья состоит из 4 человек, имеет в собственности жилое помещение общей площадью 44 кв.м., в очередь поставлена до 1 марта 2005 года. В распоряжении УМВД имеется однокомнатная квартира площадью 40 кв.м., предоставляе-

мая по договору социального найма.

Члены жилищно-бытовой комиссии считают, что семья не имеет права на указанную квартиру. Приводят следующий расчёт. Семье положено 72 кв. м. (18 кв.м. умножить на 4 члена семьи) общей площади жилого помещения, для достижения уровня федерального стандарта социальной нормы площади жилья не хватает 28 кв.м. ($72 - 44 = 28$). Имеющаяся в оперативном управлении УМВД квартира имеет большую чем 28 кв.м. площадь, даже если учесть предельные 9 кв.м. предусмотренные п. 5 ст. 7 указанного ФЗ РФ, то получим в сумме 37 кв. м. ($28 + 9 = 37$), которые максимально можно предоставить семье. ЖБК приходит к выводу, что семье нельзя предоставить указанную однокомнатную квартиру.

Члены семьи считают, что, имея право выбора основания для предоставления рассматриваемой социальной гарантии, они выбирают положения ЖК РФ. Ссылаются на свой расчёт. В связи с равенством норм предоставления площадей жилых помещений на одного члена семьи по законодательству города «N» и п.п. 3 п. 1 ст. 7 ФЗ № 247, в обоих случаях – 18 кв.м., расчёт семьи очередника практически совпадает с расчётом ЖБК, за исключением лишь ссылки на п. 2 ст. 58 ЖК РФ, согласно которой семья имеет право помимо 28 кв. м. ещё на 18 кв. м. Их вывод следующий: предоставляемая однокомнатная квартира должна иметь размеры от 28 до 46 кв.м. ($28 + 18 = 46$). В данном примере следует признать требования членов семьи обоснованными.

В первом примере очереднику выгоднее использовать положения ФЗ РФ № 247. Из второго примера следует, что использование норм ФЗ РФ № 247 уменьшает размер площади предоставляемого жилого помещения по сравнению с нормами ЖК РФ, поэтому для семьи пенсионера целесообразнее оказалось применение ЖК РФ. Это не совсем логично. Уменьшение произошло в отношении тех лиц, социальные гарантии которых, в том числе и жилищные, ФЗ РФ № 247 должен был расширить или как минимум не уменьшить (ст. 55 Конституции РФ). Именно в связи с возможностью возникновения подобных коллизий законодатель дальновидно наделил ЖК РФ наибольшей юридической силой, сохранил за очередниками, ставшими на учёт до 01.03.2005 г., право на получение жилых помещений по договорам социального найма в порядке, предусмотренном ЖК РФ, предусмотрел для субъекта правоотношений возможность выбора основания социальной гарантии.

В любом случае, право выбора основания предоставления жилого помещения по договору социального найма значительно расширяет возможности сотрудников и пенсионеров ОВД по улучшению жилищных условий и на практике может быть реализовано лишь посредством активного использования сотрудниками и пенсионерами ОВД права на обращения в органы государственной власти.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398;
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. N 1 (часть 1). Ст. 14;
3. Федеральный закон от 29.12.2004 № 189-ФЗ (ред. от 28.02.2015, с изм. от 24.03.2015) О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 15;
4. Жилищный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 24.06.1983) // Ведомости ВС РСФСР. 1983. № 26. Ст. 883;
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения 09.07.2015);
6. Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 04.11.2014, с изм. от 06.04.2015) “О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” // Собрание законодательства РФ. 25.07.2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4595;
7. Приказ МВД РФ от 24 мая 2003 г. № 345 (в ред. Приказа МВД РФ от 27.07.2004 № 464) // Российская газета. N 156. 07.08.2003;
8. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 13.07.2015) “О полиции” // Собрание законодательства РФ, 14.02.2011. № 7. Ст. 900.

References

1. The Constitution of Russian Federation (accepted by the national voting 12.12.1993) (with the amendments brought in by Laws of Russian Federation on amendments to Constitution of Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FCL, of 30.12.2008 No. 7-FCL, of 05.02.2014 No. 2-FCL, of 21.07.2014 No. 11-FCL) // Collection of legislation of Russian Federation of 04.08.2014. No. 31. Art. 4398
 2. Housing code of the Russian Federation of 29.12.2004 No. 188-FL (edition of 13.07.2015) // Collection of the legislation of the Russian Federation of 03.01.2005. No. 1 (part 1). Art. 14
 3. The federal law of 29.12.2004 No. 189-FL (an edition of 28.02.2015, with amendment of 24.03.2015) About introduction of the Housing code of the Russian Federation // Collection of the legislation of the Russian Federation of 03.01.2005. No. 1 (part 1). Art. 15
 4. Housing code of RSFSR (app. SS of RSFSR 24.06.1983) // of List of SS of RSFSR». 1983. № 26. Art. 883
 5. Decision of Plenum of Supreme Court of Russian Federation of July, 2 2009 № 14 About some questions arising up in judicial practice at application of the Housing code of Russian Federation [Electronic resource] // Web-site of Supreme Court of Russian Federation. URL: <http://www.supcourt.ru> (date of appeal 09.07.2015)
 6. The federal law of 19.07.2011 No. 247-FZ (an edition of 04.11.2014, with amendment of 06.04.2015) About social guarantees to the employees of organs of internal affairs of Russian Federation and modification of separate legislative acts of the Russian Federation // Collection of the legislation of the Russian Federation of 25.07.2011. No. 30 (p.1). Art. 4595
 7. The Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of May 24, 2003 No. 345 (in an edition of the Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of 27.07.2004 No. 464) // The Russian newspaper. N 156. 07.08.2003
 8. The federal law of 07.02.2011 No. 3-FL (an edition of 13.07.2015) About a Police // Collection of the legislation of the Russian Federation, 14.02.2011. No. 7. Art. 900
-

В.И. ТИХИЙкандидат географических наук, доцент, Орловский
государственный университет
E-mail: tikhiivi@yandex.ru**V.I. TIKHII**Candidate of Geography, Associate Professor, Orel State
University
E-mail: tikhiivi@yandex.ru**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ В РЕГИОНЕ****SOCIAL DEMOGRAPHIC POLARIZATION IN THE REGION**

В последние десятилетия в развитии сельских пространств регионов России происходит их сжатие. Эти территориальные сдвиги приводят к концентрации сельского населения и социально-демографической поляризации сельских территорий. Формируется их очагово-ареальный опорный каркас. Существует несколько основных параметров сжатия сельских территорий, но прямым индикатором физического сжатия освоенных территорий является динамика землепользования. Фрагментация и расслоение внегородского пространства происходит по оси «пригород – периферия». Орловская область, являясь типичным регионом Нечерноземной России, имеет все атрибуты сжатия.

Ключевые слова: социально-демографическая поляризация, сельские территории, депопуляция сельских территорий, сжатие агроэкономического пространства, параметры сжатия.

In recent decades a constriction of out-of-the-city space can be observed in the rural areas development within regions of Russia. These territorial shifts lead to the concentration of the rural population and social demographic polarization of the rural territories. A patchy-areal exoskeleton is formed therefore. A few main rural areas constriction parameters can be stated but the land tenure dynamics appears to be the direct indicator of the physical constriction on the developed territories. The out-of-city areas fragmentation and stratification happen “suburb – periphery” endwise. The Oryol region being a typical region of the Nonchernozem Russia possesses all the constriction attributes.

Keywords: social demographic polarization, rural areas, rural areas depopulation, agro economic space constriction, constriction parameters.

Форсированная индустриализация в прошлом столетии привела к уменьшению численности сельского населения и усилению его концентрации. Отрицательный социальный отбор в сельской местности, продолжавшийся несколько поколений, привел к сильной депопуляции, вызвал изменения в ее половой и, особенно, возрастной структуре, способствовал ее люмпенизации. Эти негативные процессы и явления, несмотря на изменившиеся драйверы, продолжились и в нынешнем столетии.

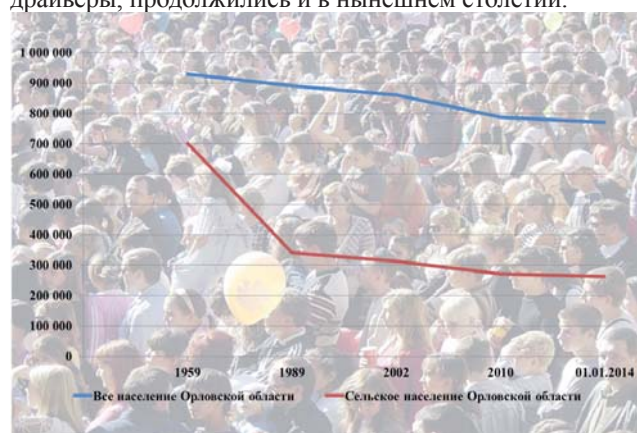

Рис. 1. Изменение численности всего и сельского населения Орловской области с 1959 по 1 января 2014 гг., чел.

Орловская область в этом смысле является ти-

пичным регионом Нечерноземной России. Сельская местность занимает львиную долю ее площади. На ее территории проживает 259,4 тысяч человек (33,7 %). В регионе 2922 сельских населенных пунктов.

В Орловской области происходит обезлюднение сельских территорий. Так, за минувшие двадцать лет численность сельского населения сократилась примерно на четверть, что связано с естественной и миграционной убылью населения. Только за период между двумя последними переписями численность населения в сельской местности сократилась на 42,2 тысяч человек. За минувшие десять лет в области исчезло 132 сельских населенных пункта. Перепись 2010 года зафиксировала 344 сельских населенных пункта без проживающего населения (по сравнению с переписью 2002 года число таких населенных пунктов увеличилось на 73%). Также по сравнению с предыдущей переписью произошло увеличение на 17,6% количества сел и деревень, численность жителей которых составляет от одного до десяти человек, причем такие населенные пункты теперь составляют 28% от общего числа сельских населенных пунктов. В среднесрочной перспективе более 800 сельских населенных пунктов прекратят свое существование (в них проживает от одного до десяти человек). И хотя тенденция к сокращению численности

мелких населенных пунктов обозначилась еще в семидесятые годы прошлого столетия, в настоящее время она обрела устойчивый и прогрессирующий характер. Причиной этому являются не только неблагоприятные демографические процессы, но и ситуация на рынке труда сельских территорий, для которого характерно резкое сокращение рабочих мест (в силу кризисных явлений в сельской экономике и развития современных технологий сельскохозяйственного производства, которые отличаются значительно меньшей трудоемкостью). Сельское население Орловской области находится на высоком уровне демографической старости. Так, коэффициент старения в сельской местности составляет более 27%. Кроме того, налицо диспропорции в половой структуре сельского населения, что объясняется высокой смертностью среди трудоспособного мужского населения, а также повышенной миграционной активностью молодых женщин в связи с ограничением выбора сферы приложения труда на селе.

В регионе происходит пространственное сжатие, экономическая и социо-демографическая поляризация внегородского пространства региона, его фрагментация и расслоение.

Основными параметрами сжатия сельских территорий являются: миграции в системе «село – город», динамика численности населения, социальная среда сельского пространства и ее качество, тенденции в развитии сельской экономики, динамика землепользования.

Анализ расселения населения в пределах Орловской области демонстрирует его увеличивающуюся разреженность в направлении от пригородов к периферии (типичная ситуация для Нечерноземья).

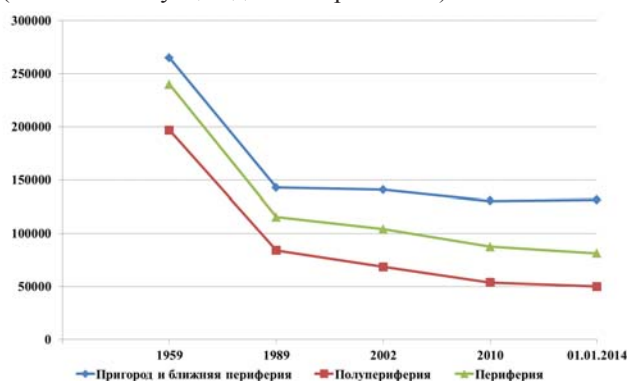

Рис. 2. Изменение численности сельского населения районов Орловской области по мере удаления от г. Орла за период с 1959 по 2014 гг., (чел.)

Так, численность населения Орловского района (район расположен в центральной части области и окружает город Орел со всех сторон) стабильно растет (в то время как со второй половины – конца 1990-х годов численность населения области и ее областного центра постоянно уменьшается). Небольшую положительную динамику демонстрирует с 2012 года еще один приближенный к центру район области – Урицкий (его районный центр – Нарышкино расположен в 20 километрах от Орла). Хотя между последними советскими переписями 1979 и 1989 гг. спад численности населения в рай-

оне был более чем значительным – с 32 тысяч человек до 19 тысяч соответственно. На периферии региона население теряют не только сельские населенные пункты, но и малые города. И это уже тенденция.

В последние десятилетия происходящая в районах области так называемая оптимизация сети общеобразовательных школ, вкупе с такой же ликвидацией больниц, ФАПов, магазинов, учреждений культуры, образованием межрайонных военкоматов, налоговых и прочих структур такого уровня, отягощенная разрушением дорог и отменой многих автобусных и железнодорожных внутриобластных маршрутов, форсирует сжатие сельского социально-экономического пространства. В результате этого сжатия пространство деформируется, и образуются его сгустки в виде отдельных ареалов, разобщенных обширными социально-демографическими провалами. Возросшая в последние годы информационная проницаемость пространства внегородских территорий (мобильная связь, интернет) не меняет ситуацию, а лишь обостряет несоответствие социальной среды запросам сельской молодежи и создает дополнительную мотивацию для ее отъезда в города.

В Орловской области анализ уровня развития социальной инфраструктуры в разрезе административных районов позволяет условно выделить две инфраструктурные зоны. Западная зона (Сосковский, Хотынецкий и Шаблыкинский районы) с самым низким уровнем состояния социальной сферы и обустроенности сельской местности и Центральная зона (Орловский, Урицкий, Мценский, Залогощенский и Кромской районы) с относительно высокими параметрами развития социальной инфраструктуры села. К последней зоне относится и находящийся на юго-восточной периферии Ливенский район.

В Орловской области с определенной долей условности можно выделить аграрно-продвинутые и аграрно-депрессивные административные районы. К первым относятся Ливенский, Орловский и Мценский районы, имеющие наряду с прочими положительными факторами, емкий рынок сбыта (за счет городов и перерабатывающих предприятий, расположенных в них), а также районы центра, восточной и юго-восточной частей области (Залогощенский, Верховский, Должанский, Новодеревеньковский, Покровский, Свердловский, Кромской, Колпнянский), отличающихся более благоприятными почвенными условиями. Хотя принципиально неверно называть некоторые из перечисленных районов благополучными, они – просто лучшие среди худших. К группе аграрно-депрессивных районов относятся некоторые периферийные районы: Шаблыкинский, Сосковский, Хотынецкий, Корсаковский, Новосильский. Это районы, как правило, с менее плодородными почвами, со слабой перерабатывающей промышленностью и мало-емким рынком сбыта сельскохозяйственной продукции.

Развитие сельской провинции сильно увязано с сельским хозяйством, динамика которого в свою очередь определяется естественными параметрами (прежде всего, плодородием почв) и экономико-географическим (включающим транспортно-географическое) положени-

ем. Главным в экономико-географическом положении является территориальная близость к городу с его инфраструктурным обустройством, населением (рабочая сила и потребитель), перерабатывающими мощностями, инвестиционным потенциалом. В итоге происходит притяжение сельскохозяйственного производства к городам (и чем крупнее город, тем мощнее его «магнетическое» свойство), несмотря на дорожающую пригородную землю. Такая концентрация сельского хозяйства приводит к сокращению посевных площадей в полупериферийных и периферийных районах и усилению общей деградации этих территорий. В то же время пригородное агропроизводство интенсифицируется, его продуктивность в несколько раз выше, чем на периферии.

Важным индикатором сжатия внегородских территорий являются показатели землепользования. Запутанная земельная статистика не может скрыть общую тенденцию землепользования – увеличение площадей необра-

батываемых сельскохозяйственных угодий. В результате происходит сжатие сельскохозяйственного землепользования. Оно наиболее заметно на периферии, где практически синхронно сокращаются численность сельского населения и площадь обрабатываемых земель.

За последнее двадцатилетие в Орловской области сократилась общая площадь земель сельскохозяйственного назначения примерно на 195 тысяч гектаров. Из аграрного производства выведено 143,4 тысячи гектаров, из которых 88 тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий, в том числе 119 тысяч гектаров пашни. Основная часть выведенных из оборота сельскохозяйственных земель находится в периферийных районах области.

Таким образом, сжатие внегородского пространства в регионе во многом объясняется поляризацией социальной среды и усилением ее влияния на развитие сельских территорий, разреженностью сети городских поселений и возрастанием экономической роли пригородов.

Библиографический список

1. Калугина З.И., Фадеева О.П., Братющенко С.В. Социально-экономическая поляризация сельского пространства России // Регион: экономика и социология. 2015. № 3. С. 123–145.
2. Окрепилов В.В., Иванова Г.Н. Устойчивое развитие административно-территориальных сообществ // Проблемы развития территории. 2014. № 1. С. 22–32.
3. Косолапов В. М. и др. Приоритет сельского хозяйства – сбалансированное, устойчивое производство и рациональное природопользование // Образование, наука и производство. 2014. № 2. С. 33–39.
4. Медолазов А.С. Приоритеты социально-экономического развития сельских муниципальных образований Орловской области // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. 2012. № 6. С. 16–21.
5. Прищепов А.В., Мюллер Даниель, Дубинин М.Ю., Бауманн Маттиас, Раделофф Волькер К. Детерминанты пространственного распределения заброшенных сельскохозяйственных земель в европейской части России // Пространственная экономика. 2013. № 3. С.30–62.
6. Ускова Т.В. Пространственное развитие территорий: состояние, тенденции, пути снижения рисков // Проблемы развития территории. 2015. № 1. С. 7–15.
7. Калашников К.Н., Белехова Г.В., Антонова М.А. Социальная инфраструктура сельских территорий: возможности интегральной оценки // Регион: экономика и социология. 2013. № 2. С. 309–323.
8. Шумков А.С. Оценка последствий реформирования местного самоуправления // Регион: экономика и социология. 2015. № 2. С. 241–265.
9. Староверова Г.С., Медведев А.Ю. Сельская территория как среда обитания и сфера жизнедеятельности человека // Проблемы развития территории. 2014. № 5. С. 112–122.
10. Куликов Г. Территориальная дифференциация финансово-бюджетного положения муниципалитетов России // Муниципальная экономика. 2013. № 1. С.44–54.

References

1. Kalugina Z.I., Fadeeva O.P., Bratyushchenko S.V. Socio-Economic Polarization of Rural Areas in Russia]. Region: Economics and Sociology, 2015. № 3. Pp. 123–145.
2. Okrepilov V.V., Ivanova G.N. Sustainable development of administrative-territorial communities. Problems of territory's development, 2014. № 1. Pp. 22–32.
3. Kosolapov V. M. i dr. Priority of agriculture – balanced, sustainable production and rational nature management. Education, science and production. 2014. № 2. Pp. 33–39.
4. Medolazov A.S. Priorities of socio-economic development of rural municipalities of Orel region, Russia. Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. 2012. № 6. Pp. 16–21.
5. Prishchepov A.V., Myuller Daniel', Dubinin M.Y., Baumann Mattias, Radeloff Vol'ker K. Determinants of the spatial distribution of abandoned agricultural lands in the european part of Russia. Spatial Economics. 2013. № 3. Pp. 30–62.
6. Uskova T.V. Spatial development of territories: state, trends, ways of reducing risks. Problems of territory's development. 2015. № 1. Pp. 7–15.
7. Kalashnikov K.N., Belekova G.V., Antonova M.A. Social Infrastructure in Rural Areas: Applicability of Integrated Assessments. Region: Economics and Sociology. 2013. № 2. Pp. 309–323.
8. Shumkov A.S. Consequence Evaluation of the Local Government Reform . Region: Economics and Sociology. 2015. № 2. Pp. 241–265.
9. Staroverova G.S., Medvedev A.Yu. Rural area as a habitat and living environment of a human. Problems of territory's development. 2014. № 5. Pp. 112–122.
10. Kulikov G. Territorial differentiation of the financial and budgetary situation of municipalities Russia. Municipal economy. 2013. № 1. Pp. 44–54.

УДК 908.332.102.1

UDC 908.332.102.1

Т.П. УРОЖАЕВА

кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра политологии и истории, Иркутский государственный университет
E-mail: olgoy@ya.ru

T.P. UROZHAIEVA

Candidate of History, Senior Lecturer, Department of political science and history, Irkutsk State University
E-mail: olgoy@ya.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-е гг.

ECOLOGICAL AND MEDICAL-DEMOGRAPHIC PROBLEMS CITIES OF THE IRKUTSK REGION IN THE 1990S

Эколого-гигиеническая ситуация в городах Иркутской области в 1990-е гг. характеризовалась высоким уровнем антропогенной нагрузки. Одним из наиболее мощных факторов воздействия на среду и здоровье городского населения Приангарья, несмотря на спад промышленного производства, оставались значительные объемы выбросов вредных веществ в атмосферу, сброса сточных вод и накопления токсичных отходов. Недофинансирование эколого-гигиенических мероприятий – главная причина ухудшения состояния здоровья населения, изменения демографической ситуации, увеличения уровня заболеваемости, высокого уровня смертности.

Ключевые слова: экологические проблемы, антропогенная нагрузка, заболеваемость, смертность.

Ecological-hygienic situation in the Irkutsk region in the 1990s was characterized by a high level of anthropogenic load. One of the most powerful factors of influence on the environment and health of the urban population in the Angara region, despite the decline in industrial production, continued to be significant volumes of emissions of harmful substances into the atmosphere, wastewater discharges and the accumulation of toxic waste. The underfunding of ecological and hygienic measures is the main cause of the deterioration of the health of the population, demographic changes, increased morbidity, high mortality.

Keywords: environmental problems, human impact, morbidity, mortality.

Большая часть экологических проблем, стоявших перед обществом в 1990-е гг., была сформирована еще в советский период. Дело в том, что промышленность СССР во второй половине XX столетия создавалась централизованно, что обусловило ряд специфических черт взаимодействия государственного механизма и природы. Советская индустрия характеризовалась сверхвысокой концентрацией и специализацией. Специализация на тяжелой, военной и топливно-энергетической промышленности в течение десятилетий в жестких рамках СССР и СЭВ привела к возникновению утяжеленного и экологически опасного варианта производства.

Создавая в регионе Приангарья энергоемкие производства, государство форсировало строительство ГЭС, в результате чего под водой осталось более 40 млн. м³ деловой древесины. Развитие топливно-энергетического комплекса ориентировалось на низкокачественные зольные сорта угля, что привело к массивному загрязнению атмосферы. Дополнялось это воздействием экологически вредного алюминиевого, химического и целлюлозно-бумажного производства.

Состояние экологии влияло на качество жизни горожан Иркутской области в диапазоне 15-30%, а при нарушении ее влияние резко возрастало и перечеркивало действие многих социальных факторов. Еще в 1960-1970-е гг. в окрестностях городов-новостроек

Иркутской области были созданы крупнейшие предприятия теплоэнергетики, цветной и черной металлургии, химии и нефтехимии, лесной и целлюлозно-бумажной промышленности. Все они существенно загрязняли окружающую среду. Дополнительный вклад в загрязнение воздушного бассейна вносило большое количество мелких котельных, автотранспорт, лесные и торфяные пожары. Единственным критерием безопасности предприятий для окружающей среды долгое время являлся уровень предельно допустимой концентрации (ПДК) вредных веществ в атмосфере.

Невыполнение требования Министерства здравоохранения о создании санитарно-защитных зон (СЗЗ) вокруг предприятий в 1970-1980-е гг. привело к высокой концентрации промышленного производства вблизи жилых массивов. В Иркутской области практиковалось строительство городов в промышленных зонах предприятий (Шелехов), в одной с промпредприятием горной котловине (Железногорск-Илимский), в нижнем бьефе крупных гидроэлектростанций (левобережная часть Усть-Илимска).

В 1990-е гг. одними из наиболее мощных факторов воздействия на среду и здоровье городского населения, несмотря на спад промышленного производства, оставались значительные объемы выбросов вредных веществ в атмосферу, сброса сточных вод и накопления токсич-

ных отходов. Российское общество приобрело новый стратификационный признак: оно разделилось на производителей и потребителей рисков. Особенно четко это проявилось в период перехода к рынку в 1992-1996 гг., когда и наметилась варварская, почти бесконтрольная эксплуатация природных ресурсов. Некоторый всплеск активности государства в управлении охраной природы в конце 1980-х гг. сменился с середины 1990-х гг. состоянием, которое оценивалось многими как «деэкологизация» государственной власти.

Эколого-гигиеническая ситуация в промышленных городах Иркутской области в 1990-е гг. характеризовалась высоким уровнем антропогенной нагрузки. По результатам наблюдений территориального управления по гидрометеорологии, уровень загрязнения природной среды в городах области в 1990 г. по вредным веществам превышал средний уровень по стране. Так, по пыли (в 1,5-2 раза) в гг. Свирске, Усть-Илимске и Черемхове; по двуокиси серы (в 1,5 раза) в Черемхове; по твердым фторидам (в 1,2-1,7 раза) в Братске, Шелехове; по хлору (в 2 раза) в Байкальске и Зиме; по бенз(а)пирену (в 1-5 раз) в Ангарске, Братске, Зиме, Усолье-Сибирском, Черемхове, Шелехове. За девять месяцев 1990 г. на территории области было зарегистрировано 17 случаев экстремально высокого загрязнения воздуха (ЭВЗ). В Байкальске наблюдалось 12 случаев ЭВЗ метилмеркаптаном, в Братске два случая, в Усть-Илимске один случай [8]. Приведенные факты свидетельствуют о неблагоприятной экологической обстановке по причине недостаточной природоохранной деятельности предприятий целлюлозно-бумажной промышленности, энергетики, нефтехимии и автотранспорта.

В 1992 г. в шести городах – Ангарске, Братске, Зиме, Усолье-Сибирском, Усть-Илимске, Шелехове – уровень загрязнения атмосферного воздуха, почв, воды во много раз превышал предельно допустимые концентрации. Особое беспокойство вызывали данные по выбросам бензапирена, формальдегида в Саянске, Шелехове, Усолье-Сибирском, Братске, Зиме, Ангарске; метилмеркаптана в Байкальске, Усть-Илимске, Братске; сероуглерода в Байкальске и Братске; фтористого водорода в Шелехове и Братске. Воздух в этих городах представлял смесь химически опасных, токсичных веществ.

В 1994 г. были проведены исследования по определению суммарных годовых выбросов по городам

Иркутской области. Согласно данным, Ангарск был лидером – 28,8 тыс. т от 25 предприятий; Братск – 12,4 тыс. т от 36; Усолье-Сибирское – 57,8 тыс. т от 23; Шелехов – 37,2 тыс. т от 13, Усть-Илимск – 22,3 тыс. т от 14; Байкальск – 12,1 тыс. т от двух предприятий. С учетом специфических ингредиентов, а также годового количества выброшенных вредных веществ в расчете на одного жителя, города Приангарья по степени их опасности для природы и здоровья человека выстраивались в следующей ранжированности: Ангарск (1074 кг); Шелехов (750); Байкальск (710); Усолье-Сибирское (542); Братск (482); Усть-Илимск (226 кг) [10].

В 1996 г. в атмосферу Иркутской области было выброшено 795 тыс. т загрязняющих веществ 150 наименований. По этому показателю впереди области всей был Ангарск. На его долю приходилось около 30% от общих объемов атмосферной грязи. На втором непочетном месте – Братск: около 14% валовых выбросов. На четвертом месте (после Иркутска) с 6% оказалось Усолье-Сибирское. Пропорции разные потому, что стационарных источников загрязнения атмосферы в городе нефтехимиков было гораздо больше, чем в Иркутске. Один только АНХК, к примеру, в 1996 г. выдал более 12% от суммарных атмосферных выбросов всей области [6].

Все виды загрязнения окружающей среды в сумме давали 20% влияния на здоровье. В таблице приведены некоторые из загрязняющих веществ, наиболее часто встречающихся в воздухе промышленных городов Иркутской области, уровни их концентрации и предполагаемое влияние на здоровье людей.

Таблица дает лишь самое общее представление о потенциально опасных примесях в атмосфере. Неблагополучие экологической ситуации проявлялось в повышенной заболеваемости населения региона хроническими тонзиллитами, нефритами, лёгочной и другими патологиями. Экологическое загрязнение среды обитания, недостаточно качественное питание усугубляли неблагоприятные социальные ситуации в регионе и вели к повышенной заболеваемости населения, снижению общей продолжительности жизни. Для территории Иркутской области неблагоприятные химические факторы техногенного происхождения сочетались с природными геохимическими особенностями (дефицитом йода). Химические загрязнители окружающей среды вызывали, в первую очередь, недостаточное по-

Некоторые вещества, встречающиеся в атмосфере промышленных городов Иркутской области, и предположительный ущерб, наносимый ими здоровью *

Вещество	концентрация	Вызываемые заболевания
Двуокись серы	10-30 мкг/м ³	Расстройства дыхания
Оксид углерода	5-25 мг/ м ³	Сердечно-сосудистые заболевания
Озон и окислители	5-150 мкг/ м ³	Раздражение глаз и дыхательной системы
Двуокись азота	100-200 мкг/ м ³	Раздражение дыхательной системы
Свинец	0,5-2,5 мкг/ м ³	Расстройства нервной системы у детей
Кадмий	30-80 мг/ м ³	Болезни сердца и почек
Полициклические углеводы	1-5 мг/ м ³	Рак легких
Асбест	1-5 мг/ м ³	Рак легких

* Составлено по: Лещенко Я.А. Научные основы мониторинга здоровья населения промышленного города как средства эколого-гигиенической оценки качества окружающей среды и условий жизнедеятельности. Иркутск, 1997. С.28.

ступление йода в щитовидную железу, а не в организм вообще, могли нарушать секрецию гормонов, формируя гипотиреоз.

Экологическое состояние городов региона в первое постсоветское десятилетие было охарактеризовано исследователями как кризисное. На рубеже 1998-1999 гг., по оценке специалистов, создалась реальная угроза здоровью людей, возросло число генетических отклонений, значительно сократилась продолжительность жизни. Анализ состояния окружающей среды, проведенный учеными, показал, что две трети населения Восточной Сибири проживало на территории с опасной концентрацией загрязнения воздуха. Среднегодовые уровни загрязнения в несколько раз превышали предельно допустимую концентрацию, а в некоторых городах наблюдалось превышение предельно допустимой концентрации в 10 и более раз.

Главная беда в экологии Ангарска – газообразные выбросы. Один только нефтехимический комбинат давал почти 80% этих выбросов, а три ТЭЦ, автотранспорт и другие источники добавляли еще 27%. Ангарский филиал Института биофизики занимался исследованиями, начиная с 1975г. Специалисты установили, что в Ангарске в четыре раза чаще, чем в других местах, дети болели бронхитами, пневмонией и астмой. Вырос процент онкозаболеваний, что напрямую связано с загрязнением окружающей среды. С 1988 по 1992 г. общая заболеваемость детей уменьшилась на 31%, и это связано с сокращением выбросов вредных примесей [1].

Опасность техногенной аварии в 1980-е гг. нарастала в Саянске, где более 30 тонн ртути находилось в грунте под корпусом электролизного цеха предприятия «Саянскхимпром». Вдоль автомобильных дорог, ведущих к химкомбинату, почва оказалась сильно загрязненной ртутью (до 130 мг/кг при ПДК для почвы 2,1 мг/кг). Чем ближе к комбинату, тем больше было ее содержание (вдоль улицы Богграда, являющейся продолжением автодороги до комбината).

В атмосферном воздухе города были зафиксированы такие специфические примеси, как сероводород и хлористый водород. На химическом производстве происходило также образование диоксинов в процессах хлорирования этилена при получении дихлорэтана, при окислении этилена и при промывании винилхлорида. В 1994 г. в Саянске было проведено эпидемиологическое изучение состояния здоровья населения, в частности, репродуктивной функции женщин. По результатам исследования было выявлено, что почти в три раза чаще здесь встречалась вегето-сосудистая дистония у беременных женщин, в два раза чаще регистрировалась гипоксия у новорожденных, в 4,6 раза чаще рождались дети с массой более 4500 г, чем в группе сравнения [5].

Как очень напряженную можно было охарактеризовать экологическую ситуацию в Шелехове. В ходе разработки проекта города высказывалось предложение об уменьшении СЗЗ до 1,2 км. С точки зрения заместителя главного государственного санитарного инспектора

РСФСР М.М. Шухмана, такое решение было допустимо только при высокой эффективности очистки промышленных выбросов [3]. Основным загрязнителем атмосферы являлся ИркАЗ, сверхнормативные выбросы которого за 1989 г. составили 8,1 тыс. тонн. Вокруг города и ИркАЗа были построены заводы: кабельный, «Стройдеталь», ЖБИ и др.

Всего: 28 промышленных и строительных предприятий в узкой долине, три крупных автобазы и тысячи машин, пронесшихся сквозь город по Московскому тракту. Конкретизировал общие положения экологического неблагополучия в Шелехове директор Института биофизики Восточной Сибири В.Н. Прусаков. По мнению ученого, по количеству и тяжести заболеваемости детей Шелехов находился на втором или третьем месте по области.

ИркАЗ продолжал выступать в роли главного загрязнителя окружающей среды в городе. В 1991 г. «вклад» завода в валовые выбросы промпредприятий города составил 84%. Сотрудники Иркутского медицинского института В. Вязников и А. Короткина участвовали в работе по определению влияния изменения экологии на состояние здоровья детей Шелехова. Используя статистику обращаемости детей за медицинской помощью, им удалось установить, что если в целом по городу показатель обращаемости составил 1709 на 1 тыс. детей, то в максимально загрязненной зоне он был равен 1805. Осмотр дал следующие результаты: свыше 90% детей страдали кариесом, более 60% имели аномалии зубочелюстной системы, свыше 50% – заболевания органов дыхания, 40% – заболевания опорно-двигательного аппарата [9].

Крайне неблагоприятная ситуация сложилась в Свирске. В небольшом городке находились три крупных завода: «Востсибэлемент», автооборудования и ремонтно-механический. Поэтому неудивительно, что в воздухе регулярно фиксировалось высокое содержание свинца, цинка, марганца, серебра. По содержанию свинца превышение регионального фона в 1990 г. составило 3300 раз. В прежние десятилетия в городе действовал завод по переработке мышьякового концентрата. К концу 1980-х гг. он прекратил работать, но его отходы продолжали выделять в атмосферу мышьяк. В 1 кг породы было зафиксировано до 100 гр. этого яда. За время работы завода в почве накопилось до 130 тыс. тонн пиритных огарков, содержащих мышьяк, этот токсичный элемент мог поступать и в водоносный горизонт р. Ангара. Рядом же с местом хранилища опасного соединения находились дачи, садовые товарищества, игровые площадки, места отдыха горожан. По данным Иркутского областного комитета по охране окружающей среды, в отходах предприятия содержался и свинец. С 1991 по 2000 гг. в почвах вокруг завода среднее содержание подвижных форм свинца, марганца, никеля, меди и кобальта увеличилось примерно в 2 раза, ртути – в 4 раза, что превысило ПДК в несколько раз. Максимальные концентрации свинца в почве достигали 1500 мг/кг [2].

В этом небольшом городе существовала реальная опасность загрязнения продуктов питания, выращиваемых жителями на загрязненных почвах. Одним из техногенных месторождений является отвал бывшего Ангарского мышьяковистого завода (АМЗ) по переработке арсенопиритных руд Черемховского района Иркутской области, содержащий около 500 кг золота, 1600 т мышьяка и широкий спектр тяжелых металлов. Ситуация обострилась еще и тем, что промплощадка была расположена в непосредственной близости к жилой зоной и в 500 м от реки Ангары, что представляло угрозу возникновения социально-экологической катастрофы всего природно-техногенного комплекса верхней части Братского водохранилища. Это являлось одной из причин сложившейся неблагоприятной экологической ситуации в данном районе, итогом которой уже на протяжении многих лет стали самые высокие удельные показатели смертности по Иркутской области – 20%.

Высокой оставалась концентрация вредных веществ в атмосфере Байкальска. В воздухе систематически обнаруживалось высокое загрязнение метилмеркаптаном (до 84 ПДК). Жилые районы города были построены без учета влияния метеоусловий. Повторяемость высоких концентраций вредных веществ в конце 1970-х гг. достигала от 35 до 67%. В 1980-е гг. примерно половина всего персонала комбината работала во вредных цехах. Из 165 источников выбросов загрязняющих веществ в атмосферу на предприятии только 46 были оснащены газоочистным оборудованием [4].

В период с 1992 по 2000 г. было предложено, в общей сложности, восемь вариантов перепрофилирования комбината, но все они не получили поддержки государственной экологической экспертизы. Каждое из уже принятых «байкальских постановлений» конкретизировало постановку задач с учетом накопленного опыта и реальных возможностей, давало природоохранной работе новый, но быстро затухающий импульс.

В исполнение поручения Президента РФ и распоряжения председателя Правительства РФ от 18 апреля 2000 г., по решению Администрации Иркутской области силами ИНЦ СО РАН, проектного института СИБГИПРОБУМ и с участием специалистов комбината была подготовлена «Комплексная программа перепрофилирования БЦБК и развития г. Байкальска [7]. Программа получила одобрение общественности, природоохранных и контролирующих организаций. Основной причиной неудач попыток решить проблему Байкальского ЦБК было то, что все попытки инициировались группами, имеющими разнонаправленные интересы (условно их можно назвать «целлюлозники» и «экологи») и не было предпринято шагов в направлении согласования этих интересов.

В 1998 г. примерная сумма в 16 млрд. рублей потребовалась для создания и реализации комплексной экологической программы реабилитации населения Иркутской области. Об этом сообщил профессор-эколог В. Прусаков, рассказывая об итогах работы третьей международной конференции «Экология и развитие России: медико-экологические аспекты (на примере Байкальского региона)», которая прошла в Иркутске в декабре 1998 г.

Подводя итоги, необходимо отметить, что экономический спад не во всех случаях способствовал улучшению экологии. Начатое в середине 1990-х гг. массовое закрытие нерентабельных и убыточных производств отчасти способствовало снижению негативного воздействия на окружающую среду. Практически во всех городах Восточной Сибири вредные выбросы в атмосферу и водные источники к 1995 г. заметно снизились по сравнению с 1990 г., причем большинство из них не достигли докризисного уровня даже к 2000 г. Однако экономический кризис обострил старые и породил массу новых проблем. Прежде всего, были свернуты практически все работы по строительству промышленных и муниципальных очистных сооружений.

В условиях более чем 50%-ого падения производства в Восточной Сибири ожидать серьезных вложений из средств регионального бюджета в природоохранные мероприятия не приходилось. Имеющиеся экологические программы финансировались далеко не в полном объеме или финансирование по ним было приостановлено. Недофинансирование эколого-гигиенических мероприятий, особенно необходимых в индустриальных городах с большим количеством источников неблагоприятного воздействия, можно оценить как ключевую причину ухудшения состояния здоровья населения, что проявилось в изменении демографической ситуации, увеличении уровня общей заболеваемости, высоким уровнем смертности.

Результаты, полученные в процессе исследования, позволяют сформулировать практические рекомендации: необходима была целостная государственная научно обоснованная экологическая политика, реализуемая через экологические программы, разработанные с учетом исторических особенностей и социально-экономического каждого из моногородов. С целью обеспечения эффективной «управляемости» природоохранной деятельности, необходимо было внедрение новых методов, учитывающих сохранение баланса между экономическим развитием и окружающей средой (т.е. создание экологической экономики); необходимо было продолжить совершенствование правовой базы, формирующей социально-экологическую ответственность, применение материальных, административных и других санкций к предприятиям - нарушителям.

Библиографический список

1. *Васин Б.* Угрожающий диагноз // *Время*. 1995. 29 ноября. С.3.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.1933., Оп.6., Д.95., Л.61.
3. ГАИО. Ф.1933., Оп.6., Д.50., Л.41.
4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 127., Оп. 106., Д.52., Л.33-34.
5. Государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды РФ в 1994 году». М., 1995. С.159.
6. Государственный доклад: Экологическая обстановка в Иркутской области в 1996 году /Иркут. обл. ком. по охране окружающей среды и природных ресурсов М-ва природы РФ; администрация Иркут. обл. Иркутск, 1997. С.19.
7. Комплексная Программа перепрофилирования БЦБК и развития г.Байкальска. Иркутск-Москва, 2000. 153с.
8. *Райспер А.* Экологическая обстановка в области // *Восточно-Сибирская правда*. 1991. 6 августа. С.2.
9. *Смирнов В.* Пять болезней на двоих // *Советская молодежь*. 1991. 26 декабря. С.2.
10. *Филиппова В.* Ангидрид на наши головы // *Восточно-Сибирская правда*. 1994. 26 апреля. С.1-2.

References

1. *Vasin B.* Threatening diagnosis // *Time*. 1995. November 29. P.3.
 2. The State Archives of the Irkutsk region (SAIR). F.1933., Inv.6., C.95. P.61.
 3. SAIR. F.1933., Inv.6., C.50. P.41.
 4. The State Archive of Contemporary History of the Irkutsk region (SACHIR). F. 127., Inv. 106., C.52. Pp.33-34.
 5. State report "On the state of the environment of the Russian Federation in 1994". M., 1995. P.159.
 6. State report: The environmental situation in the Irkutsk region in 1996 /Irkutsk. region. com. Environmental Protection and Natural Resources M-vn nature of the Russian Federation; Irkut administration. region. Irkutsk, 1997. P.19.
 7. Comprehensive program of development and redevelopment BPPM the town of Baikalsk. Irkutsk-Moscow, 2000 153 p.
 8. *Raysper A.* The environmental situation in the region // *East-Siberian true*. 1991. August 6. P.2.
 9. *Smirnov V.* Five for two diseases // *Soviet youth*. 1991. December 26. P.2.
 10. *Filippova V.* Anhydride on our heads // *East-Siberian true*. 1994. April 26. Pp.1-2.
-

С.А. БУБНОВ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, Орловский государственный университет

П.А. КОВАЛЕВ

доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

НОВАЯ КНИГА О ЕСЕНИНЕ

Хило Е.С., Никонова Н.Е. Восприятие поэзии С.А. Есенина в Германии (1920–2010-е годы): переводы, издания, критика, литературоведение. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. 230 с.

Литературное наследие С.А. Есенина, вобрав в себя многовековой опыт национальной культуры, прочно вошло в сокровищницу русской поэзии. Сегодня непреложной становится истина, что Есенин – один из гениальнейших русских поэтов XX века, а его творчество – средоточие духовной, нравственной и патриотической жизни русского народа.

Уже для современников Есенин был «громадный, глубокий национальный поэт» (Г.Ф. Устинов), «наследник Пушкина» (Г.И. Иванов). 1995-й год – год 100-летия поэта – решением ЮНЕСКО был объявлен годом Есенина. По мнению известного есениноведа Ю.Л. Прокушева, Есенин – самый читаемый и переводимый русский поэт. Не случайно поэтому современное отечественное есениноведение активно исследует не только национальное, но и общечеловеческое в творчестве С.А. Есенина.

В своей книге «Восприятие поэзии С.А. Есенина в Германии» (1920–2010-е годы): переводы, издания, критика, литературоведение» (Томск, 2015), вышедшей в год 120-летия со дня рождения великого русского поэта, томские исследователи Е.С. Хило и Н.Е. Никонова следуют высоким традициям отечественного есениноведения, определяя в качестве своей основной задачи – «введение в научный оборот трудов, воплощающих немецкую рецептивную среду поэта в переводческой, критической, литературоведческой, интермедийной составляющих 1920-2010-х гг.»¹

Факты немецкоязычной рецепции поэзии С.А. Есенина, обнаруженные исследовательницами, существенно повышают уровень верификации современного есениноведения, а их систематизация и анализ заслуживают внимания широкой научной общественности, особенно ввиду малой известности большинства из них. Предпринятая в книге попытка системного анали-

за самой активной из всех зарубежных традиций восприятия поэзии Есенина не только «восполняет пробел в истории зарубежных связей русской литературы»², но и может быть признана единственным в своем роде исследованием творчества Есенина в «чужом» культурном пространстве, имеющим непреходящее значение для прояснения культурной ситуации в России и Германии в XX столетии.

Объектом этого исследования являются переводы поэзии Есенина на немецкий язык почти за столетие, представленные в немецких литературных журналах и монографиях, сборниках и антологиях, дающие богатейший материал для анализа путей развития мирового литературного процесса XX столетия.

В первых двух главах книги Е.С. Хило и Н.Е. Никоновой последовательно выявляется переводческая рецепция лирики Есенина в Германии с 1920-го по 2010-е годы. Условное выделение трех этапов переводческой стратегии в этом процессе видится нам, безусловно, удачным и оправданным. В параграфе 1.1. «Первые переводы стихотворений Есенина в немецкой периодике 1920-х гг.» выявляются первые факты переводческого восприятия поэзии Есенина в Германии. Всемирно известные деятели немецкой литературы Й. Кальмер, И. Голль, С.Г. Тартаков, В.Э. Грёгер и др., выступившие переводчиками на начальном этапе рецепции, заложили в немецком обществе основу для непредвзятого взгляда на образ и наследие русского поэта, в результате чего «уже в прижизненной рецепции вырисовывается передача основных концептов русского мира Есенина (образов Родины, природного мира), воплощение которого станет ключевым элементом для последующих переводчиков»³. В параграфе 1.2. «Переводчики Есенина в ФРГ и ГДР: Э.Й. Бах, К. Дедечиус, Р. Кирш, А. Кристоф, П. Целан» проводится сравнительно-сопоставительный анализ деятельности лучших немецких переводчиков поэзии Есенина.

¹ Хило Е.С., Никонова Н.Е. Восприятие поэзии С.А. Есенина в Германии» (1920–2010-е годы): переводы, издания, критика, литературоведение. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета. 2015. С.16.

² Там же.

³ Там же. С.42.

Описание эдиционной истории переводов есенинской поэзии в Германии, составляющее вторую главу книги, содержит систематизацию богатого и одновременно с тем разнородного материала из издательской истории переводов поэзии С.А. Есенина в Германии. Особенное место в этом ряду занимает обращение к феномену интермедальности как одному из типов современной издательской деятельности, который связан с новым витком аудиально-визуального восприятия произведений Есенина. Такое расширение культурного пространства свидетельствует об актуальности феномена есенинского творчества и напрямую выводит к обоснованию значимости прецедентов интермедальной рецепции поэзии Есенина в Германии в широком контексте литературного процесса первой трети XXI века (аудиосборник «Sprechende Stimmen: russische Dichter lesen» А. Нитцберга), а также сквозь призму видения образа Есенина классиком немецкой литературы П. Целаном в непосредственном сопряжении с его индивидуально-авторским стилем (аудиоиздание «Paul Celan liest Gedichte von Sergej Jessenin und Ossip Mandelstam»).

В третьей главе книги Е.С. Хило и Н.Е. Никоновой определяются особенности развития немецкого есениноведения в его соотнесенности с «русским взглядом» на поэта и его наследие. Анализируемое здесь содержание штудий Д.И. Чижевского, Ф. Мирау, К. Аукас, К. Штерн и З. Глич позволяет составить детальное представление о корпусе биографической литературы, ставшей популярной в Германии в 1990-2010-е гг., что напрямую соотносится с одной из центральных задач со-

временного есениноведения по созданию «Есенинской энциклопедии», содержащей, кроме всего прочего, научную библиографию, посвященную жизни и творчеству великого русского поэта.

Четвертая глава – «Специфика немецкого резонансного восприятия концептосферы русского мира С.А. Есенина» – отличается особым концептуальным уровнем осмысления материала. Выделение русского мира поэта, основу которого составляют тема родины и образы природы, в качестве фактора оценки уровня переводческой рецепции видится вполне оправданным, хотя, конечно, есенинская концептосфера выходит далеко за эти рамки.

Подробный лингвопоэтический и переводоведческий анализ оригинальных стихотворений Есенина и их немецких переводов («Гой ты, Русь, моя родная», «В хате», «Устал я жить в родном краю», «Я покинул родимый дом», «Осень», «Я последний поэт деревни», «Отговорила роща золотая» и др.) имеют особую методологическую и практическую ценность для современного есениноведения, а последний раздел главы – «Образ С.А. Есенина в немецкой поэзии XX в.: усвоение как этап рецепции наследия автора», в котором выявляются особенности современного этапа восприятия есенинской лирики немецкой литературой, свидетельствует о создании целостного образа Есенина в немецкой культуре.

Книга снабжена уникальным библиографическим описанием немецких переводов произведений С.А. Есенина, книг и статей о его жизни и творчестве на немецком языке за почти столетний период.

В.П. ИЗOTOB

доктор филологических наук, профессор, кафедра журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет

ОРЛОВСКОЕ ВЫСОЦКОВЕДЕНИЕ

Высоцковедение было стихийной и разрозненной наукой, и началось оно ещё при жизни В.С.Высоцкого. Научно организовалось оно в 1988 году, когда в Воронеже состоялась первая (теперь уже легендарная) конференция, посвящённая творчеству В.С.Высоцкого. Потом были 3 конференции в ГКЦМ В.С.Высоцкого в Москве, затем ещё 6 воронежских конференций, и вот уже в четвёртый раз высоцковедов принимал Орёл¹ – 17-20 сентября 2015 года на филологическом факультете проходила IV Международная конференция «Высоцковедение и высоцковидение»².

В докладе доктора филологических наук, профессора **В.П. Изотова** (Орёл) были очерчены горизонты высоцковедения вообще и орловского в частности.

А.А. Борисов (Орёл), который в своё время работал на съёмках «Опасных гастролей» в качестве ассистента звукооператора, а на съёмках фильма «Особое мнение» (где должна была звучать песня «Спасите наши души») – ассистентом кинооператора, поделился своими воспоминаниями о том, как проходили съёмки, сделав особый упор на развенчивание некоторых мифов и легенд, связанных с именем В.С.Высоцкого.

Оригинальный подход был продемонстрирован доктором филологических наук профессором **Ю.В. Доманским** (Москва), выступившим с докладом «Высоцкий: правильно услышанный, но неправильно понятый». Известно, что в дописменную высоцкую эпоху (когда песни поэта были доступны в основном на «стократно вытертых лентах») многие слова неправильно интерпретировались слушателями, что порождало совсем иные смыслы³. Ю.В.Доманский развил эту идею, поделившись своим детско-юношеским восприятием некоторых слов, которые были правильно услышаны, но были неправильно истолкованы – в силу того, что данного слова просто не было в активном словарном запасе.

В докладе известного библиографа **В.А. Дузь-Крятченко** (Москва) «О прижизненных цитатах из поэзии В.С.Высоцкого в заголовках газет, журналов, книг» обозначены 119 таких случаев, зафиксированных в самых различных изданиях.

Драматургии концерта Высоцкого был посвящён доклад доктора филологических наук **В.А. Гаврикова**

1 Были ещё конференции в Самаре, Уфе, Новосибирске, но системой они не стали. Сведения об иных конференциях по творчеству В.С.Высоцкого, проводимых в России, не располагаю.

2 Её организаторами стали В.П. Изотов (ОГУ) и В.П. Жуликов (президент Клуба любителей творчества В.С. Высоцкого «Вертикаль»).

3 См., например: Изотов В.П. Гипотетическое высоцковедение // Проблемы ономастологии и теории номинации. Сб. матер. межд. науч. конф. 11-13 октября 2007. В 2 ч. Ч.1. Орёл: ОГУ, 2007. С.70-73.

(Брянск)⁴.

Новому – синергетическому – подходу был посвящён доклад кандидата филологических наук, доцента **Н.В. Закурдаевой** (Орёл) «Самоорганизация смысла в песне В.С.Высоцкого «Письмо в редакцию телевизионной передачи «Очевидное – невероятное» из сумасшедшего дома – с Канатчиковой дачи».

Аспирант **Ю.В. Мысин** (Орёл) предложил вниманию собравшихся сообщение «Семь смертных грехов в творчестве Высоцкого».

Заведующая архивом Театра на Таганке **С.Л. Сидорина** (Москва) поделилась некоторыми наблюдениями о закулисе театрально-таганской жизни.

К началу работы конференции был издан сборник «Высоцковедение и высоцковидение. 2015»⁵, в котором были представлены как прозвучавшие доклады, так и другие материалы⁶.

На заключительном пленарном заседании была высказана идея о создании в Орле Центра по изучению творчества В.С.Высоцкого⁷.

Орловские высоцковедческие конференции становятся доброй научной традицией, и в сентябре 2016 года планируется юбилейная V конференция.

Очевидно, с известной долей уверенности можно говорить о том, что Орёл становится одним из российских центров высоцковедения⁸.

4 Любопытный факт: не было ни одного концерта В.С.Высоцкого с полностью повторяющейся программой (!)

5 Все сборники этой серии: Высоцковедение и высоцковидение/ Ред. колл.: М.В.Антонова, В.П.Изотов, П.А.Ковалёв. Орёл: ОГПУ, 1994. 74 с.; Высоцковедение и высоцковидение. 2012/ Отв. ред. В.П.Изотов. Орёл, 2014. 102 с.; Высоцковедение и высоцковидение. 2014/ Отв. ред. В.П.Изотов. Орёл, 2014. 118 с.; Высоцковедение и высоцковидение. 2015/ Отв. ред. В.П.Изотов. Орёл, 2015. 105 с.

6 В программе конференции были заявлены также следующие доклады: А.В.Скобелев (Воронеж), «Гофмановские мотивы в творчестве В.С.Высоцкого»; Г.А.Шпилева (Воронеж), ««Ангажированные» и «неангажированные» образы в творчестве В.С.Высоцкого»; С.М.Шаулов (Уфа), «Размышления о несделанном песне»; Уварова С.В. (Стокгольм, Швеция), «Высоцкий в Швеции»; Э.Кузлин (США), «О циклизации в концертной программе Высоцкого»; В.П.Жуликов (Орёл), «Я очнулся от белой-пребелой горячки...»; Е.В.Хвостова (Москва), К вопросу о лексикографировании плоративов; И.В.Изотова (Орёл), «Хотели как лучше...» (к анализу диалогии В.С.Высоцкого «День без единой смерти»); В.В.Изотов (Орёл), ««Шалости» среднего рода у Высоцкого и Саши Соколова»; М.В.Зайцева (Орёл), «Все друг другу кумовья» (термины непрямого родства в творчестве В.С.Высоцкого); Е.С.Изотова (Орёл), «Образ журналиста в творчестве В.С.Высоцкого»; В.П.Изотов (Орёл), «Холода Высоцкого».

Очень жаль, что эти доклады не прозвучали на конференции

7 Это предположение может быть трансформировано в создание Центра по изучению языка В.С.Высоцкого

8 Наряду с Воронежем, Москвой... В меньшей степени таким центром является Новосибирск. Что ж, Орёл – третья литературная столица и почему бы Орлу не стать третьей высоцковедческой столицей?..

Е.А. МИХЕИЧЕВА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

3 октября исполнилось 120 лет со дня рождения великого русского поэта Сергея Есенина. Памятные мероприятия, посвященные этой дате, прошли не только на родине Есенина – в селе Константиново на Рязанщине, не только в Москве – Международная научная конференция в Институте Мировой литературы им. М.Горького, но и в других уголках России, так или иначе связанных с жизнью и творчеством Есенина.

Частичкой своей короткой, но необыкновенно яркой жизни Есенин связан с Орлом. В августе 1917 года с молодой женой Зинаидой Райх Есенин приезжал в Орел, где жили ее родители. Об этом визите в Орел вспоминают, ссылаясь на рассказы деда, дети Есенина и Райх – Татьяна и Константин Есенины. В память об этом событии в Орле открыты музей С.А. Есенина, бюст поэта и памятный камень на месте дома, где жили родители З.Н. Райх.

120-летию со дня рождения поэта была посвящена научная конференция «Творчество С.Есенина в контексте русской поэзии XX века», которая прошла 5-6 октября на филологическом факультете Орловского государственного университета. В ней приняли участие студенты и преподаватели университета, научные сотрудники орловских музеев. Доктор филологических наук Екатерина Александровна Михеичева в своем выступлении рассказала о новинках в «есениноведении», в частности о монументальном труде «Летопись жизни и творчества С.А. Есенина», над которым работает коллектив авторов Института Мировой Литературы РАН. В «Летописи» подробнейшим образом (по дням) рассмотрена биография Есенина, история создания его произведений, приводятся факты общественной жизни, высказывания современников о Есенине и его окружении. Предполагалось, что «Летопись» выйдет в 5 томах (каждый том более 700 страниц), но «формат» увеличен до 7 томов.

Самоубийство Есенина стало потрясением для современников, в печати появилось множество откликов на это событие. С докладом «Оценка творчества С.Есенина в некрологических публикациях» выступил на конференции кандидат филологических наук Сергей Александрович Бубнов. Он привел высказывания писателей, критиков тех лет – А. Воронского, Г. Ушакова, Г. Вяткина, В. Кириллова и других. Об отношении Есенина к Октябрьской революции говорила в своем докладе магистрант Юлия Владимировна Кривоножкина. На примере «маленьких поэм» Есенина – «Отчарь», «Товарищ», «Инония» она раскрыла особенности жанра «маленькой поэмы» и восприятия Есениным революции («с крестьянским уклоном!»). Доктор филологических наук Петр Александрович Ковалев представил стиховедческий доклад: «Имманентный анализ стихотворения С.Есенина «Топи да болота...» Суть имманентного анализа – исследование произведения искусства через язык, выявление его особенностей на всех уровнях: через совокупность выразительных средств – его содержательной «нагруженности».

Убедительный сопоставительный анализ творчества Есенина и других поэтов, как классиков, так и современных, провели кандидат филологических наук Сергей Леонидович Барбашов – «Мотив «прощания» в стихотворении А.С. Пушкина «К морю» и С. Есенина «Отговорила роща золотая...», доктор филологических наук Владимир Петрович Изотов – «Значение слова «алый» у Есенина и Высоцкого», научный сотрудник музея И.С. Тургенева Антон Юрьевич Бушунов – «Есенинские традиции в лирике А.Василевского».

Никакое строго научное мероприятие, посвященное С. Есенину, невозможно без его стихов. В заключительной части конференции стихи великого поэта читали преподаватели и студенты ОГУ.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, Орловский государственный университет;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе, Орловский государственный университет;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, начальник управления научных исследований и инноваций, Орловский государственный университет;

ХОВАНСКАЯ Е.А. (технический секретарь редакционной коллегии) – кандидат педагогических наук, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, старший научный сотрудник, Орловский государственный университет;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, Орловский государственный университет;

АЙЗЕНШТАТ М.П. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, сектор «История исторических знаний», Институт всеобщей истории РАН;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет;

АРЗАКАНЯН М.Ц. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр истории международных отношений, Институт всеобщей истории РАН;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор, Гранадский университет (Испания);

БЕДНАРСКАЯ Л.Д. – доктор филологических наук, профессор, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, Орловский государственный университет;

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Загребский университет (Хорватия);

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории, Орловский государственный университет;

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка как иностранного, Орловский государственный университет, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии, Орловский государственный университет;

КОВАЛЕВ П.А. – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет;

ЛАРИОНОВА Л.Г. – доктор педагогических наук, профессор, кафедра теории языка и русского языка, Южный федеральный университет;

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор, кафедра английской филологии, Орловский государственный университет;

ЛЬВОВА С.И. – доктор педагогических наук, профессор, лаборатория дидактики русского языка, Институт содержания и методов обучения Российской академии образования;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор, университет Казимира Великого, Институт нефилологии и прикладной лингвистики (Польша);

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Орловский государственный университет;

МИХАЛЬЧЕНКО С.И. – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ фундаментальных и прикладных исследований, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет;

НИКОНОВА Т.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора, Воронежский государственный университет;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет;

ОБРАЗЦОВ П.И. – доктор педагогических наук, профессор, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, академик Международной академии информатизации и академии педагогических и социальных наук;

ПАСТЕРНАК Е.Л. – доктор филологических наук, доцент, кафедра французского языкознания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии, Институт арменоведческих исследований, Ереванский государственный университет (Армения);

ПОНШОН Т. – доктор филологических наук, профессор, Реймский университет, Шампань-Арденн (Франция);

РЕТИНСКАЯ Т.И. – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой романской филологии, Орловский государственный университет;

ТАМИН М. – доктор филологических наук, почетный профессор, Реймский университет, Шампань-Арденн (Франция);

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики, Орловский государственный университет;

ЧЕКОВА-ДИМИТРОВА И. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Софийский университет «Святого Климента Охридского» (Болгария);

ЧЕЛЫШЕВА И.И. – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков и сектором романских языков, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, член Итальянского лингвистического общества;

ЧЕРЕПАНОВА Л.В. – доктор педагогических наук, профессор, кафедра русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет;

ЧИКАЛОВА И.Р. – доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и методики преподавания истории, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник, Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (Белоруссия);

ШИ ХУНШЭН – кандидат филологических наук, профессор, Аньхойский университет, директор центра по изучению России (Китай);

ЯМАГУЧИ Р. – доктор филологических наук, Институт иностранных языков г. Кобэ (Япония).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц набирается в текстовом редакторе MS-Word 97–2003 *.doc (**версия MS-Word 2007*.docx, *.docm не принимается!!!**) либо RTF и называется по фамилии автора, предоставляется в редакцию в электронном виде, идентичном печатной версии, одним файлом и на бумаге формата А4. Размер шрифта 14 pt, через один интервал без переносов. **Пробелы и табуляция в начале абзаца недопустимы!** Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм.

К статье обязательно прилагаются: универсальная десятичная классификация (УДК), инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6 слов), библиографический список (References), не более 10 источников. В статье-обзоре – не более 30 источников.

Вся информация предоставляется **на русском и английском языках**. Сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон (без сокращений) помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). **Важно! Авторское право оформляется перечислением фамилий всех авторов через запятую.**

Формулы и специальные символы (например, греческие буквы) в статье набираются текстом (пункт меню «Вставка – Символ – Symbol»), кеглем 10 pt. Для сложных формул используется редактор формул Math-type 5.0 и ниже. Длина формулы вместе с номером не должна превышать 8 см. **Таблицы** в тексте набираются стандартными средствами MS-Word (пункт меню «Таблица – Добавить таблицу»). Таблица должна иметь заголовок и ссылку в тексте статьи. Ширина таблицы – 82 или 170 мм, шрифт в таблице – 9 pt.

Иллюстрации. Каждый рисунок должен быть представлен отдельным файлом (форматы: *.tif, *.jpg, *.pdf, *.eps, *.ai). **В MS-Word не вставлять! Рисунки и графики** должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме. Графики, содержащие серые заливки, должны быть заменены на штриховку или на черную/белую заливку. Графики, схемы и диаграммы следует выполнять в формате MS-Excel (*.doc) и MS-Word (*.xls). Также для изготовления графиков, схем и диаграмм подходит векторный графический редактор: Adobe Illustrator (*.ai). Надписи на рисунках выполняются шрифтом Times New Roman 8 pt. Толщина линий на рисунках должна быть не менее 0,5 pt. Ширина графика, схем или диаграмм – 82 или 170 мм.

Рисунки-фотографии, полученные с цифровой камеры, и другие растровые изображения, на которых отсутствует какой-либо текст, представляются в виде файлов формата *.tif или *.jpg без сжатия (разрешение не менее 300 dpi). Подписи к рисункам размещаются в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь названия.

Иллюстрации, выполненные в графическом редакторе Paint, не принимаются, т. к. данный редактор не обеспечивает необходимого качества после сохранения файла.

Запрещается вставлять в статью сканированные рисунки (графики, диаграммы)!

При несоблюдении указанных требований к иллюстрациям редакция оставляет за собой право рисунок удалить или отклонить статью.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках. Библиографические списки должны быть переведены на английский язык.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после её названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка дается на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.» («In») и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и её выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после её названия) приводятся название журнала, через точку – год издания, затем после точки – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после заглавной буквы «С» с точкой помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц и ставится точка.

В конце статьи обязательно должна быть надпись «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несёт автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статья, содержащая некачественный перевод, и/или перевод, сделанный через электронный переводчик, будет отклонена.

Редакция не осуществляет перевод.

Статьи лиц, не имеющих учёной степени, заверяются их научными руководителями и печатью организации.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, отклоняются без рассмотрения.

Ученые записки Орловского государственного университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО
«Орловский государственный университет». – 2015. – №6(69). – 377 с.

На 20.10.2015 г. решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:
01.00.00 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.
Ответственный составитель: Кирсанов М.А.
Перевод: Александрова А.П.
Компьютерная верстка: Корявкина О.С.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.
Корректурa: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 20.10.2015 г. Формат 60x80 1/8
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объем 47,125 усл. п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 50
Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе редакционно-издательского отдела
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95
Тел./факс (4862) 74-09-30